

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1960

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

ТОМ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ
СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1866-1867 ГОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1960

А. И. Г Е Р Ц Е Н

Портрет маслом работы Н. А. Герцен (дочери). 1867 г.

*По негативу Центрального Государственного архива
литературы и искусства. Москва.*

**СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1866-1867 ГОДОВ**

КРЕПОСТНИКИ

Tu te réveilles, belle endormie!*

Правой ли, левой ли ногой вступит Россия в Новый год; мы не знаем, и скорее, думаем, *левой*, но во всяком случае каждый шаг ее в нем будет чрезвычайно интересен.

Мертвые, полусогнившие выходят из могил, не хотят лежать в земле, если она отходит крестьянам.

Правительство бессмысленно хлещет по социальным теориям, крепостники прогуливаются с распущенными знаменами.

Мы слышали, что перед смертью выходят рубцы кнута у наказанного, но никогда не слышали, чтоб они выступали и у палачей.

Год тому назад сам Катков, замаранный всеми грязями, нагло улыбающийся, когда его называли «доносчиком», отталкивал от себя обвинение крепостничества.

Теперь, совсем напротив, целая банда бывших рабовладельцев открыто плачет об утраченном крепостном праве. Она вспоминает о 19 февраля 1861 как о дне великого несчастья, в том роде, как французские республиканцы вспоминают о 2 декабря*. Чувства эти были у них всегда, мы в этом не сомневались, но они их скрывали. Что же развязало их язык?

Два года террора, царской демагогии, плаванья в крови и насилиях, два года подкупной клеветы и казенной журналистики.

Это первый плод того растления общественного мнения, которое так мастерски вело правительство, того дикого,

кровожадного настроения, в котором его защитники поддерживали и разжигали умы с 1862 года. Это первые лавры с польских побед, позорных столбов в Петербурге, с ссылок, казней, пыток...

Бесцеремонность, с которой является у нас крепостническая реакция, не часто встречается в истории. Оплакивающие прошедшее стараются обыкновенно придать ему вид почтенных мощей, нравственный смысл, на его бесчестные раны и грязные наготы набрасывают покрывало. Ничего подобного у наших неокрепостников: они жалеют своего права на чужую работу и сердятся на помеху, так, как воры сердятся на руку закона, мешающую им красть. В наш век только одна страна доходила до этих геркулесовых столбов разврата мысли и слова, это североамериканские южане, когда они перед войной являлись в церквах и журналах защищать рабство. Свой своему поневоле брат.

Через какие же бедствия пройдет Россия, если она может производить такой яд и не умеет отделяться от него? Гнилое худосочие, унаследованное нами от целых поколений, родившихся в разврате рабовладельца, бродит в наших жилах, приглушая сердце, помрачая ум и доводя горечь за утрату неправой корысти до дерзкого протеста,—как будто одна страсть к даровому стяжанью в состоянии вывести нас из апатической дремоты и страдательного повиновения.

Юбилей в *Вольном* экономическом обществе дал случай обличиться нашим неокрепостникам. Что такое это *вольное* общество, знает всякий, а кто не знает, пусть прочтет отчет В. Безобразова *. Это одна из тех неискусных декораций, которыми Екатерина II обманывала Европу, вроде картонных деревень, которыми Потемкин обманывал ее. Пустое, бессмысленное и безжизненное, оно дожило до ста лет с той же пользой, с которой доживают до них попугаи и вёроны. Зная, с кем имеет дело, правительство разрешило столетнему *вольному* обществу собрать со всех концов России сельских хозяев *, посоветоваться с ними и в случае нужды сделать свои представления, т. е. правительство давало ему право собрать конгресс по важнейшему вопросу народной жизни и предоставило право петиции, в котором отказало московскому дворянству *.

Этот конклав, этот конвент сельского хозяйства захотел показать, что и он живой, и решился... на что вы думаете?.. Отгадайте!..

Наши милые трутни под вывескою пчел решились беспокоить правительство. *О принятии законодательных мер, способствующих распадению сельской общины.* Самому председателю отделения стало совестно, и он этим непроходимым рабам заметил, что о таких вещах судят и рассуждают, но не просят распоряжений начальства *.

По счастью, нашелся в зале человек, который не вытерпел и стал за общину. Речь свою (которую петербургские газеты имели небрежность передать в нескольких словах) г. Панаев заключил тем, что решать вопрос о мерах к уничтожению общины в собрании представителей капитала и без представителей труда было бы несправедливо. «Сам же г. Панаев видит в общине лучшее решение вопроса об отношении капитала к труду — великое начало, существующее только у нас. Это начало — *право человека на землю*». «*Право на землю*, — заметил г. Бушен, — то же самое, что известное *право на труд!*»¹

Этим намеком дело не кончилось, а только началось, букет приготовил издатель «Вести» г. Скарятин: «Бойко, внятно и самодовольно сказал он длинную речь... в защиту крепостного права. Говоря, что защитники общины поставляют ее заслугою невозможность пролетариата, батрачества, г. Скарятин нашел, что *в этом-то и состоит вред общины*, ибо, по его мнению, *батрачество (пролетариат) полезно для государства*, так как оно отдает рабочие руки во власть искусных домохозяев и собственников. До сего времени, по мнению г. Скарятина, благотворительную роль в этом отношении играло крепостное право. Крепостное право была великая производительная сила, говорил г. Скарятин, пересчитывая благодеяния крепостного права, состоящие в том, что помещик следил за хозяйством крестьянина, помогал ему, поощрял трудолюбивых, исправлял нерадивых, и заключил так: *„От этого порядка вещей выигрывали все; весь этот порядок рухнул 19 февраля 1861 г.*

¹ Выписки сделаны нами из «СПб. вед.», № 293 и др.

Община не может заменить его, и поэтому (ввиду распространения батрачества) и следует ее уничтожить».

И человек, публично сказавший это, цел и невредим?

Да дело-то в том, что вовсе не один человек, а легион. Вот что проповедует г. П. Бланк:

«Г-н Петр Бланк положительно отрицает у всего, что не изображает из себя российского патриция, право вмешиваться в управление общественными делами; обязанность и право заботиться «об общественном благосостоянии, спокойствии и порядке», по его мнению, принадлежит исключительно одним патрициям. «Эту лепту обязано дворянство нести на алтарь своего отечества, *в возмездие за труд рабочий, его питающий, и за дела торговые, обеспечивающие его домашнюю жизнь и удовлетворяющие его потребностям*». Он говорит: «Рабочие люди, куда естественно отнесем весь более беднейший класс народонаселения, по самому названию своему, имеют обязанность, вызываемую *и нуждою* к содержанию себя (и нуждою, стало быть, чем-то другим еще? может быть, необходимостью питать российских патрициев?) и своего семейства, работать на других жителей государства и тем извлекать средства жизни, а иногда и выгоды для самих себя» (но только *иногда*, заметьте; постоянно же не более, как на содержание себя, и притом так, как привык содержать себя рабочий русский человек).

«Вы напечатали вашу сказку,—говорит «Голос»,— в газете, именующей себя, говорят, *представительницею и защитницею интересов российского дворянства*; если никто из этого дворянства *не уличит вас в том, что вы зашли дальше, нежели требует, по меньшей мере, приличие*, то нам остается думать, что ваш взгляд разделяется всеми российскими патрициями, т. е., что все они, *вопреки закону*, отрицают у народа, у рабочих людей, право на участие в делах земства,— право, предоставленное ему недавним законом, чуть ли не отрицают даже право на образование, под тем предлогом, что рабочий человек будто бы и «не гонится за большим образованием». Между тем в том же нумере газеты, где помещена статейка г. Петра Бланка, говорится, что какие-то «тайные враги дворянства стараются внушить (кому?), будто оно недовольно, раздражено

уничтожением крепостного права», и говорятся громкие фразы по поводу того, что «законодатель имел в виду уничтожить великую неправду; он хотел восстановить *право людей*, которых прежний порядок приравнивал к вещи». Да разве проповедовать, что *рабочие люди* обязаны только век свой работать «на других жителей государства» и только «иногда, ради выгоды, для самих себя», не значит, в сущности, стремиться к этому прежнему порядку?

Что, господа адресные и неадресные дворяне, как вы вывернетесь, как уклонитесь от нескромно поставленного вопроса «Голосом»?

Или вы тоже верите по Аристотелю и Бланку, что есть натура рабская и натура человеческая * и что если где нет пролетариата, так *его надобно разводить*?¹

И вы, г. Голохвастов, «живущий верою хоть в день смерти поклониться России как самой великой, самой могучей и самой *свободной* державе в мире» *?

И вы, г. Орлов-Давыдов, граф-богослов, любомудр² и ученик Единбургского университета?

Не может быть.

Конечно не может быть,— но дайте нам мед ваших речей, а то как бы и вас не постигла участь, которой один из вас «между жарким и бланманже» * пугал клеветников дворянства, говоря, что они «преступники перед *человечеством*» (*ennemis du*

¹ Как жаль, что помещики поздно догадались о грядущем запросе на пролетариат: они могли бы, при тех поощрительных и христианских средствах, которые им давал закон до несчастного 19 февраля, поставить большое количество материала.

² Известному противнику Бунцена и Бэкли* титул богослова принадлежит давно, но истинным любомудром явился граф в последние «дебаты»*, где он с такою новой ясностью истолковал московскому дворянству различие между олигархией и аристократией. «Аристократия и олигархия,— сказал сиятельный оратор,— это два понятия совершенно не согласные между собой. Олигархия есть стремление сосредоточить власть в руке *немногих* людей, тогда как аристократия стремится привлечь к управлению *лучших* людей»*. Из этого ясно, что демократия старается набрать в управление что ни есть хуже негодяев. Какая же будущность у нее? Мы рекомендуем составителям прописей и хрестоматий не упускать из виду эту детскую, но глубокую сентенцию графа.

genre humain!) и что «их ждет проклятие потомства и разные исторические неприятности» *.

...И куда делись все рьяные, матерые друзья и защитники меньших братий, общины, общинного землевладения?..

Где И. Аксаков?

Где Ю. Самарин?

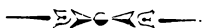
Не лучше ли было бы вместо *духовного* «Дня»* издавать «День» *светский* и ломать копья за наше *право на землю*, чем отвечать целыми печатными листами убийственной скуки какому-то отцу Мартынову *, которого письма никто не читал и читать не будет?

Проснитесь, Бруты! Пока вы ликовали победу над Польшей и занимались уничтожением иезуитов *, — посмотрите, какую безобразную голову подняло православное помещичество.

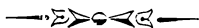
СУДЕБНОЕ УБИЙСТВО В МОСКВЕ

27 ноября (9 дек.). Крестьянин Архип Пудин приговорен полевым судом к расстрелянию. Нам нет ни малейшего дела ни до преступлений Пудина, ни до действий судей со шпорами. Безобразия полевого суда не на поле, а в мирном городе очевидно. Стены Москвы обогатятся русской кровью, пусть московские неистовые патриоты поближе увидят, как расстреливают людей.

ИМЕЮТ ЛИ ПРАВО КОРОННЫЕ ЧИНОВНИКИ ИЗМЕНЯТЬ ЗАКОНЫ?

Пересматривая русские официальные реляции, мы нашли следующий факт беспримерного самоуправства. Генерал фон Кауфман пришел к мысли *назначать* в западно-русских городах в городские головы *не по выбору общества* (как велит закон), а *по определению от правительства*. Мало ли какой вздор может прийти фон Кауфману в голову — но он осмелился эту противузаконную меру привести в исполнение и назначил ковенским градским главой какого-то Петровского.

ШКОЛА В ЛУГАНО

Мы прочли в «Норде» 15 декабря интересную рекламу какой-то русской школы, заведенной каким-то доктором Гейслером в Лугано: «Гейслер обращает особенное внимание на то, что он не принимает в учителя ни одного русского или польского выходца».

Родители могут по этому судить о гражданской нравственности луганской школы. Бывали школы (особенно иезуитские), в которых не принимались протестанты, но такой наивной политической рекламы нам читать не случалось.

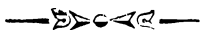

СИМБИРСКИЕ ПОДЖИГАТЕЛИ

Девять месяцев тому назад («Кол.», 1 апреля 1865) мы спрашивали: «Не скажет ли нам г. Жданов, производивший следствие по симбирскому пожару, много ли открыто нигилистов, много ли поляков, а главное — не скажет ли чего-нибудь насчет несчастья, постигнувшего канцелярию подполковника Бендерского, сделавшуюся жертвою хищной стихии, точно так же, как и канцелярия его предшественника, поглощенная той же ненасытной стихией?»

С тех пор г. Жданов умер или отравлен (по намекам «Моск. ведом.»), а бывший симбирский губернатор г. М. Анисимов, защищаясь от «Моск. вед.», печатает следующее: «Притом из самой статьи г. К. В. И. Б. видно, что характер поджогов был таков, что никакие меры предупредить их не могли. По словам той же статьи, местным руководителем действий заговорщиков было лицо, которого начальные буквы фамилии выставлены в статье. Господин этот, как известно, *призывает* был для *охранения города от пожаров*, но если он вместо того, чтобы город охранять, сам распоряжался его жечь, то спрашиваю всех и каждого: возможно ли было предупредить эти поджоги?»

Не наша вина, что на статью «Колокола» не обратили внимания. И после этого бессовестность «Моск. вед.» идет до того, что они ставят вопрос: «Польские ли заговорщики, или домо-рощенные нигилисты, или агенты всесветной революции — общество должно знать своих врагов»... Так это губернское начальство призывало для охранения города — нигилиста, мацциниевского агента, польского повстанца... Скажите пожалуйста?

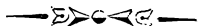
ПОДАРКИ К НОВОМУ ГОДУ

«Современник» получил второе предостережение. Не надобно было иметь много пророческого таланта, чтоб предсказать судьбу его, как мы сделали в прошлом листе. Ай да Валуев... работает исправно. Как приятно должно быть «Дню», что его православие так усердно ограждается от нечестивого духа!

⟨ИЗ СИБИРИ⟩

Мы получили страшную весть, но не знаем, достоверна ли она; нам пишут о смерти *Яковлева* в Сибири и помешательстве *Обручева*. Умоляем известить нас, правда ли это?

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ВОЛКОНСКИЙ

Сходят в могилу великие страдальцы николаевского времени, наши отцы в духе и свободе, герои первого пробуждения России, участники великой войны 1812 и великого протеста 1825...

Пусто... мелко становится без них...

Князь Сергей Григорьевич Волконский скончался 28 ноября (10 декабря).

С гордостью, с умилением вспоминаем мы нашу встречу с старцем в 1861 году. Говоря об ней в «Колоколе» (л. 186, 1864), мы боялись назвать старца.

«...Старик, величавый старик, лет восьмидесяти, с длинной серебряной бородой и белыми волосами, падавшими до плеч, рассказывал мне о тех временах, о *своих*, о Пестеле, о казематах, о каторге, куда он пошел молодым, блестящим и откуда только что воротился седой, старый, еще более блестящий, но уж иным светом.

Я слушал, слушал его — и когда он кончил, хотел у него просить напутственного благословения в жизнь — забывая, что она уже прошла... и не одна она... Между виселицами на Кронверкской куртине и виселицами в Польше и Литве, этими верстовыми столбами императорского тракта, прошли, сменяя друг друга в холодных, темных сумерках, *три шеренги...*, скоро ступают их очерки и пропадут в дальней синеве. Пограничные споры двух поколений, поддерживающие их память, надоедят — и из-за них всплывут тени старцев-хранителей и, через кладбище сыновей своих, призовут внуков на дело и укажут им путь».

Удивительный краж людей... Откуда XVIII век брал творческую силу на создание гигантов везде, во всем, от Ниагары и Амазонской реки до Волги и Дона?.. Что за бойцы, что за характеры, что за *люди!*

Спешим передать нашим читателям некролог князя С. Г. Волконского, присланный нам князем П. В. Долгоруковым:

Н е к р о л о г

Князь Сергей Григорьевич Волконский был человек замечательный по твердости своих убеждений и по самоотверженности своего характера. Он родился в 1787 г., и все улыбалось ему при рождении его: богатство, знатность, связи — все было дано ему судьбою; он был сыном андреевского кавалера и статс-дамы; внуком фельдмаршала Репнина, в доме которого воспитывался до 14-летнего возраста, т. е. до кончины деда; 24 лет от роду он был полковником и флигель-адъютантом; 26 лет произведен в генерал-майоры и несколько недель спустя получил, за Лейпцигскую битву, аннинскую ленту... Все это принес он в жертву своим убеждениям, своему пламенному желанию видеть отечество свое свободным, и тридцати девяти лет от роду пошел на каторгу в Нерчинские рудники... Волконский хотел уже совсем оставить службу и ехать путешествовать, когда принят был в тайное общество, Мих. Ал. фон Визиним, в доме у графа Киселева, где Пестель читал отрывки из своей «Русской правды». Пестель и другие члены общества требовали, чтобы Волконский непременно служил, потому что, имея возможность, по своему чину, получить бригаду и даже дивизию, он мог быть полезным обществу в случае восстания.

Император Александр знал, что Волконский принимает участие в замыслах лучшей части тогдашней молодежи; он командовал 1-ою бригадою 19-й пехотной дивизии и, когда главнокомандующий, князь Витгенштейн, просил государя, в 1823 году, о назначении его дивизионным командиром, говори, что Волконский отлично знает службу, Александр отвечал: «Если бы он занимался только одною службою, он бы давно командовал дивизиею!» Однажды, на маневрах, Александр, подозревая Волконского, поздравил его с отличным состоянием, в котором находятся вверенные ему полки Азовский и Днепровский, и сказал: «Советую вам, князь, заниматься только вашею бригадою, а не государственными делами; это будет полезнее и для службы и для вас»¹.

¹ Все помещенные здесь факты сообщены мне Волконским вместе со многими подробностями о декабристах, которые будут напечатаны в моих записках. Он просил меня не обнародовать их при его жизни и только согласился напечатать продиктованную им мне статью «Три предателя — Бошняк, Майборода, Шервуд», но поставил условием, чтобы означено было, будто статья извлечена из записок *умершего* декабриста. Эта статья помещена в 9-м № моего журнала «Листок».

Когда умер Александр и в бумагах его найден был донос Майбороды, Чернышев послан был из Таганрога в Тульчин, где находилась главная квартира Витгенштейна, для арестования Пестеля и других. Проездом через Умань, где находился Волконский, Чернышев виделся с ним, и Волконский из его слов и некоторых вопросов догадался, что дело неловко... Он сам поехал в Тульчин и нашел Пестеля уже арестованным и привезенным из полковой квартиры своей в Тульчин. Добрый Витгенштейн, знавший Волконского с детства, предупредил его об ожидавшей участи. «Смотри,— сказал Витгенштейн,— не попадись: Пестель уже сидит под арестом, и завтра мы его отправляем в Петербург; смотри, чтоб и с тобой беды не случилось!» Графиня Киселева, рожденная Потоцкая, советовала Волконскому бежать за границу; предлагала ему в проводники еврея, весьма преданного семейству Потоцких и который брался проехать князя в Турцию, откуда ему легко было искать убежища в Англии. Волконский отказался бежать, говоря, что не хочет покинуть своих товарищей в минуту опасности. Отобедав у Витгенштейна, он поехал к дежурному генералу 2-й армии, Ив. Байкову, у которого содержался Пестель, и застал Байкова и Пестеля за чаем. Пользуясь минутою, когда Байков должен был отойти к окну, чтобы переговорить с прибывшим из Таганрога курьером, Пестель поспешил сказать Волконскому: «Хоть будут с меня жилки тянуть — ничего не узнают; одно может нас погубить — это моя „Русская правда“. Юшневский знает, где она: спасите ее, ради бога!»¹

Возвратясь в Умань, Волконский отвез жену свою, на сносе беременную, в деревню к отцу, знаменитому Ник. Ник. Раевскому, где она родила, 2 января 1826 года, сына Николая. 7 января он оставил жену у Раевских, сказав ей, что имеет поручение объехать разные полки; не послушался совета старика Раевского, который уговаривал его бежать за границу, и поехал в Умань. На дороге встретил он спешившего к нему верного слугу с уведомлением, что прибыл фельдъегерь из Петербурга, что кабинет князя опечатан и у дома приставлен караул. Волконский продолжал путь, поздно вечером прибыл в Умань на свою квартиру и на следующее утро был арестован своим дивизионным начальником Корниловым², тем самым, который, за три недели перед тем, возвратясь из Петербурга, говорил ему: «Ах! Сергей Григорьевич, видел я там министров и прочих людей, управляющих Россией: что за народ! осел на осле сидит и ослом погоняет!»

¹ Юшневский дал прочесть «Русскую правду» Александру Александровичу Крюкову и Заикину, жившим в Тульчине на одной квартире. Узнав об аресте Пестеля, они зарыли рукопись в землю, в семи верстах от Тульчина, у деревни Хлебани. Во время следствия в Петербурге у Заикина пыткой вынудили признание, и он отправлен был, под караулом чернышевского адъютанта Слепцова, из Петербурга в Тульчин и Хлебани за рукописью, которая ныне должна находиться в бумагах следственного дела по 14 декаб.

² Отцом нынешнего статс-секретаря Корнилова.

Привезенный фельдъегерем в Петербург, прямо в Зимний дворец, введенный в кабинет Николая Павловича со связанными руками, Волконский, из августейших уст, был осыпан бранью и ругательствами *самыми площадными!* Его потом отвезли в Петропавловскую крепость и посадили в Алексеевский рavelин. При входе в этот ravelин налево были комнаты эконома Лилиендекера, страшного взяточника, прескверно кормившего заключенных; направо от входа начинались казематы, числом семнадцать, и огибали весь ravelин, посреди которого маленький двор с чахлою зеленью, и на этом дворе похоронена мнимая Тараканова (она умерла после родов в декабре 1775 года, и об ней выдумали, будто она утонула в наводнении, бывшем 2 года после ее смерти). В первом, направо от входа, каземате сидел Рылеев; рядом с ним князь Евгений Оболенский; в третьем, угловом каземате, заключен был какой-то грек Севенис, украсивший богатую жемчужину у грека Зоя Павловича; в четвертом каземате помещен был Волконский; рядом с ним Иван Пущин; далее помещены были — но Волконский не мог запомнить в каком порядке — князь Трубецкий, Пестель, Сергей и Матвей Ивановичи Муравьевы, князь Одоевский, Вильгельм Кюхельбекер, Лунин, князь Щепин, Николай и Михаил Александровичи Пестушевы, Панов и Арбузов.

На допросах Волконский вел себя с большим достоинством. Дибич, по своему пылкому характеру прозванный «самовар-пашой», на одном допросе имел неприличие назвать его изменником; князь ему отвечал: «Я никогда не был изменником моему отечеству, которому желал добра, которому служил не из-за денег, не из-за чинов, а по долгу гражданина!» Волконский, как мы сказали, командовал бригадою, состоявшею из полков Азовского и Днепровского; из девяти офицеров Азовского полка и восьми офицеров Днепровского, введенных князем в заговор, арестован и сослан был, и то по своей собственной неосторожности, лишь один штабс-капитан Азовского полка Иван Федорович Фохт; прочие же шестнадцать совершенно ускользнули от преследований правительства благодаря твердой сдержанности Волконского на допросах.

Однажды, на очной ставке Волконского с Пестелем, Павел Васильевич Голенищев-Кутузов, в молодости своей бывший в числе убийц Павла, сказал им: «Удивляюсь, господа, как вы могли решиться на такое ужасное дело, как цареубийство?» Пестель ответил: «Удивляюсь удивлению именно в<ашего> п<ревосходительст>ва; вы должны знать лучше нас, что это был бы не первый случай!» Кутузов не только побледнел, но и позеленел, а Пестель, обращаясь к прочим членам комиссии, сказал с улыбкою: «Случалось, что у нас в России за это жаловали андреевские ленты!»

Из многочисленных членов верховного уголовного суда только четверо говорили против смертной казни: адмирал Мордвинов, ген.-от-инфантерии граф Толстой, ген.-лейт. Эммануэль и сенатор Кушников. Что же касается до Сперанского, принимавшего участие в заговоре, он соглашался на все и не противуречил смертной казни.

Волконский сослан был в Нерчинские рудники, и о пребывании в этом ужасном месте можно прочесть в «Записках» кн. Евгения Оболен-

ского. Можно вообразить себе, что он там вынес, на этой каторге, где начальник, Тимофей Степанович Бурнашов, однажды угрожал ему и Трубецкому высечь их плетями. Туда приехала к нему жена его, княгиня Мария Николаевна, на которой он женился в начале 1825 года. 17-летней красавице весьма не хотелось выходить за 38-летнего человека; она уступила лишь советам и просьбе родителей, но, выйдя замуж, во всю жизнь свою вела себя как истинная героиня, заслужила благоговение современников и потомства. Родители ее не хотели отпускать ее в Сибирь; она уехала, обманув их бдительность и оставив им своего младенца сына (вскоре умершего). Прибыв в Иркутск, она была настигнута курьером, привезшим ей письмо Бенкендорфа, который, именем государя, убеждал ее возвратиться: она отказалась это сделать. Иркутское начальство предъявило ей положение о женах ссыльнокаторжных, где сказано, что заводское начальство может их употреблять на свои частные работы, может, например, заставлять мыть полы. Она объявила, что готова на все, поехала к мужу и больше с ним не разлучалась. В августе 1827 года Волконский и его товарищи переведены были из Черчинских рудников в острог, нарочно для них выстроенный при впадении речки Читы в речку Ингоду (где ныне город Чита) и где они нашли уже привезенных туда из петербургской крепости многих декабристов. Всего в Чите было 75 человек. Они вели между собою общее хозяйство; положено, чтобы каждый давал на стол по пяти-сот рублей асс. в год; но для избавления бедных товарищей от обязанности уплаты Волконский, Трубецкий, фон Визин и Никита Муравьев давали каждый по три тысячи руб. асс. в год; Вадковский, Ивашев, Лунин, Сви-стунув и некоторые другие давали также больше назначенной суммы; зажиточные складывались для получения книг и журналов в общее пользование. В августе 1830 года они были переведены все на Петровский завод, в 400 верстах от Читы, и потом, мало-помалу, расселены по Сибири. В декабре 1834 года умерла мать Волконского и на смертном одре просила государя облегчить участь сына; ему позволено состоять на Петровском заводе в звании поселенца, а не каторжника, т. е. жить не в остроге, а в доме у жены его. В 1836 году он переведен в селение Уриковское, в 19 верстах от Иркутска. Уже несколько лет спустя позволено было ему жить в Иркутске, считаясь поселенцем уриковским, и он оставался в этом положении до 1856 года. Русское правительство, которое умеет казнить, ссылать, наказывать свирепо и бестолково, не умеет прощать: оно не позволило Волконскому жить в Петербурге, да и самое пребывание в Москве разрешено ему лишь вследствие тяжкого недуга, постигшего зятя его Молчанова. Лета брали свое: состарелся князь Сергей Григорьевич, страдал подагрой, но, все еще бодрый духом, припимал живое участие во всем, что происходило вокруг него: все благородное находило отголосок в его душе, и многолетние страдания несколько не уменьшили беспредельной доброты сердечной, отличительного свойства этого симпатического человека, в старости маститой сохранившего всю теплоту возвышенных чувств юношеских. В августе 1863 года он лишился жены своей, и этот удар поразил его несказанно. С тех пор здоровье его стало слабеть; он

лишился ног, и 28 ноября 1865 г., 78 лет от роду, тихо угас на руках дочери своей в селе Воронках, в Козелецком уезде Черниговской губернии.

Каждый истинный русский, чуждый холопства зимнедворцового, с умилением помянет имя этого человека, который своим убеждениям, своему желанию видеть родину свою свободною принес в жертву все блага земные: богатство, общественное положение, даже свою личную свободу! Мир праху твоему, благородная, почтенная жертва гнусного самодержавия, из любви к отечеству променявший генеральские эполеты на кандалы каторжника...

Князь П е т р Д о л г о р у к о в

ВРАНЬЕ «ДНЕВНИКА ВАРШАВСКОГО»

В 289 № «Дневника варшавского» между разным пошлым враньем напечатано о каком-то *военном обществе* польских изгнанников, пересхавшем из Невшателя под мое «покровительство в Женеву». «Совет общества имеет правильные заседания каждую неделю, на которых почти всегда бывает сам Герцен или его сотрудник К. Заседания бывают или в местах публичных или в доме Герцена. Одно только общество военное и представители Мирославского живут между собой и с Герценом в какой-то гармонии, другие же находящиеся здесь общества держатся вдали». «Герцен и Д. дают у себя поочередно два раза в неделю так называемые литературные вечера. На одном из таких вечеров Чарнецкий и Ржонсницкий *выиграли у Герцена в шtos переплетное заведение*, которое в настоящее время оплачивает издержки совета военного общества». В заключение сказано, что из других польских обществ никто не приглашается на вечера Герцена, *Бакунина* и К-и (Бакуининто в Женеве!*)).

Мы не прячемся в тени, а потому все знающие и нас и меня могут по этому нелепому образчику оценить, каких дрянных и негодных лазутчиков имеет русское правительство за границей. Это стыдно Бергу: деньги на шпионство отпускаются большие — тут немецкая экономия неуместна. Дежурного корреспондента, написавшего этот бред, следует отставить, с тем чтоб впредь к шпионским должностям не определять.

Нужно ли говорить, что во всем этом вранье нет *слова* правды, что я никакого польского *военного общества* не знаю, что я вовсе не играю в карты, что в моем доме никогда не собирався

никакой комитет, никакое общество, бюро, клуб, департамент и пр., и пр. и что я не был ни в каком заседании в «местах публичных».

К чему вся эта ложь? Для кого это пишется?— Черт их знает! Видно, недостаточно срезались на катковских поджигательствах! *

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ — МИХАЙЛОВСКАЯ ТЕОРИЯ СОБСТВЕННОСТИ

К римскому понятию о неприкосновенной собственности, к аллодиальному и феодальному праву *, к прудоновскому колебанию между собственностью и владением *, к учению коммунистов и фаланги является новое социальное учение — *михайловское* и несколько магометанское. «Голос» (№ 343) изложил довольно хорошо великокняжеский «бабувизм», в корню уничтожающий право собственности *. «Смысл всех речей его высочества, — говорит „Голос“, — заключался в том, что, объявляя представителям народа, именем государя как высшею санкцию нашего закона *о неприкосновенности* прав каждого на полученную ими землю, уверить их также и в том, что они, вступая таким образом юридически в общие права гражданина, принадлежащие каждому верноподданному, кроме того, что с 1 января 1866 г. должны будут платить за это подать на содержание своей же администрации, но *что это право всякого гражданина на землю будет им обеспечено ненарушимо правительством лишь до тех пор, пока они не будут слушать злонамеренных людей, стремящихся поколебать их доверие к правительству*».

〈ИЗ ПЕТЕРБУРГА〉

Из Петербурга есть письмо — нового мало. Рассказывают о драке протопопа с диаконом в Исаакиевском соборе * по окончании архиерейского богослужения, — дело чисто *личное*, так его и принял митрополит по просьбе одесского архиерея, родственника протопопу, давшему *заушение* и *ланитобитие* отцу диакону. Рассказывают о том, что новгородский полицмейстер наказал палками двух арестантов в остроге — *одного дворянина, другого французского подданного*; о том, что Френкель за *что-то* осерчал на Гернгросса, а Гернгросс на Френкеля *; о том, что палач Муравьев скоро будет палачом финансов и казнить кредит *. Между больше или меньше любопытными подробностями корреспондент наш пишет, что в 1-м департ. Сената, где большею частью подрядные дела с казною, *гласность не допущена*.

Лучшее, что есть в письме, — это то, что в Петербурге служили панихиду по получении достоверного известия из Сибири о кончине Михайлова *.

〈ИЗ СИБИРИ〉

¿ До нас дошел ужасный слух, мы умоляем написать нам, справедлив ли он? Говорят, будто бы Михайлов был телесно наказан и будто бы он умер с цепями на ногах. Мы боимся верить в такую роскошь злодейства...

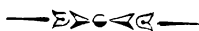

〈УКАЗ 10 ДЕКАБРЯ〉

Указ 10 декабря предписывает в западных губерниях владельцам секвестрованных имений (где-то они проживают и скоро ли узнают об указе!) и владельцам имений, сосланным

административным порядком (т. е. без всякого суда), продать эти именья в течение *двух лет* русским владельцам или променять на именья в России. Казна даже отказывается от крепостных пошлин со сделок по этому предмету. «Le Nord» уверяет, что уже теперь казенные пособия русским помещикам на покупку польских имений подняли цены на эти именья. Как ни великодушно самопожертвование и без того беднеющей казны, чтобы достигнуть разорения без суда изгнанных и сосланных поляков, все же мы не можем не усомниться в мнении официозной газеты, не подкрепленном никакими фактами, и не можем не видеть, что именья, которые вследствие юридической нелпости и преднамеренного неправосудья должны быть проданы или променяны в определенный срок, пойдут за ничто, тем более что для русских помещиков, исключая приобретения *за ничто*, нет никакой достаточной причины ни на покупку, ни на промен. Поэтому юридически новое постановление равняется *огрблению без суда сосланных*. Но положимте, что вследствие министерства «Моск. вед.» так уже следовало всеми неправдами обрусить Западный край; все же зло, которое начальники края обличили, состоит, по их словам, в том, что «сила сословия заключается в *корпоративной* замкнутости владения недвижимою собственностью». Зачем же пополнять русскими покупателями «*корпоративную* замкнутость владения недвижимою собственностью»? *Разве нельзя было продать те же земли крестьянам и крестьянским громадам?* Дело могло бы обойтись легче и менее разорительно для продавцов при пособии крестьянству со стороны казенных кредитных учреждений.

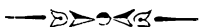
Или это средство не по вкусу демократической империи?

НОВЫЙ ВИД КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Нам пишут, что Рязанской губернии, Пронского уезда помещик Ценин дал своим освободившимся крестьянам взаимы тысячи две рублей сер. с тем, чтобы проценты и уплату капи-

тала получать в годы работою. Проценты оказались так велики, что совершенно поглощают работу и погашение долга для крестьян невозможно. К сожалению, этот новый вид крепостного права, сводящий дело совсем на старые порядки, не составляет исключительного одиночного явления не только в целой России, но и в одной Рязанской губернии. Россия должна благодарить за упрочение крестьянской свободы общее дворянское безденежье, иначе прежнее крепостное право боярское легко перешло бы в крепостное право ростовщиков.

ЕЩЕ ГЛУПЕЕ

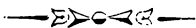
Берг — граф Берг, вы обмануты, вы ограблены, вы даром платите шпионишкам *in partibus* *, они вас делают смешным, а нас ставят на какой-то таинственный пьедестал революционного миродержавия. Вот что мы прочли в 16 № «Кёльнской газеты»: «В числе неправдоподобных изобретений указываем мы на новость, перешедшую из „Дневника варшавского“ в разные газеты, что бежавший из Дублина глава фениан Стефенс * поехал в Женеву *совещаться с Герценом*. Сколько мы знаем Герцена, он никогда не мечтал об отторжении Ирландии от Англии и пр.». Как же можно было печатать такой вздор? Спросите хоть князя Черкасского, который нас лично знает *, играем ли мы в штос и бунтуем ли ирландцев?.. Этого шуток-корреспондента мало отставить, как я вам советовал в прошлом листе, — велите ему приехать в Варшаву и... и высеките его.

ОТКУДА ХОЛЕРА И КАК РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ

Мы с гордостью прочли в «Моск. вед.», что медицинскому факультету Московского университета принадлежит пальма двух замечательных открытий по части злой эпидемии. Факультет особой энцикликой, или прокламацией, объявляет, что «эпидемическая холера называется *азиатской*, потому что она из *Азии* распространяется в прочие части света», и что «распространение холеры из Азии совершается посредством людей: люди переносят холеру из одной местности в другую»...
Nostra docta corpora!¹

¹ Наша ученая братия! (лат.).— *Ред.*

УЖАС В ВРАЖЬЕМ СТАНУ

«Социализм!— Будто социализм существует?— Прудон, переживший его, сам умер; никто во всей Европе не занимается им, не боится его, *spectre rouge* был электоральной уловкой бонапартизма *. Утописты и мечтатели образумились, кто в Кайене, кто в конторе у Перейры *, кто в Сенате...»

Так кричат консерваторы и тонкие политики, а с ними и вся золотая посредственность в Европе.

То же, но с ругательствами и грубостями, повторяет наша медная посредственность, наши свежепросольные тори, неокрепостники и славяно-идиотствующие братья.

А на сердце у них все что-то неладно. Нет-нет, а что-то страшно и все страшнее, будто и *spectre rouge* не бред, будто и не весь социализм в конторе Перейры, будто они ходят по кратеру...

Кому не случалось быть свидетелем уверенности чахоточных в том, что болезнь прошла и они выздоравливают, и вдруг глухой, странный кашель из пустой груди пугает больного, беспомощно смотрит он на вас большими глазами, как бы спрашивая: «Как вы думаете, кажется, это не простой кашель?»

Чахоточные больные очень жалки, этого нельзя сказать о наших Собакевичах консерватизма.

Газета крепостников, шпынявшая над социалистами, шпынявшая над нами, после того как «Моск. ведомости» нас убили *, вдруг закашлялась, поперхнулась чем-то зловещим, и перед испуганными глазами пронеслось все ненавистное — Положение 19 февраля и «Колокол» (который так ничтожен, так ничтожен...), и право на землю, и *батраки*, домогающиеся его... Что же это, говорит газета *: «Прежде социализмом

занимались гимназисты, юные канцеляристы и умственные недоросли, а теперь занимаются им люди серьезные, и где же? — в самом правительстве, и еще под чьей эгидой? — под эгидой Положений 19 февраля, послуживших *решительным* шагом к усилению у нас социализма... При таком ходе дела социализм делается серьезной опасностью, под право собственности (как его понимает газета) подкапываются люди практические, имеющие *определенную цель*... Собственности угрожают люди *способные, энергические, дельцы*... Что значат перед этими дельцами такие младенцы, как Прудон, Луи Блан? Эти последние говорили праздные речи и умели бунтовать чернь, с которой легко справляться картечью, как это сделал Каваньяк. Первые же делают свое дело втихомолку, но *прочно и основательно*».

Не зная, как быть, газета бросается очистить правительство от пагубного признания *права на землю* в принципе: «Этот принцип действительно провозглашен и поддерживался настойчиво, но где? — в лондонском журнале „Колокол“. Отсюда до введения права на землю как принципа в русское законодательство еще далеко».

Далью нас не испугаешь... мы и почтовых лошадей ждать умеем, и на своих привыкли ездить из степных деревень в Москву. А что на *факте* право на землю признано — этого топором не вырубить. Если *факт* стоит за себя, так взойдет и в закон, обобщится и в принцип и в право.

«Крестьяне освобождены с землею не потому, чтобы закон признал *какое-то право* работника на обрабатываемую им землю, а потому, что законодатель опасался предоставить неизвестности 20 миллионов людей».

Эта-то *опасность* и делается законом (*nécessité fait loi*¹), эта-то необходимость, не имея перед собой более энергического препятствия, как возгласы нескольких крепостников, и станет правом. Или, может, праву придается мистический, теологический смысл? Тогда это не по части шляхетной «Вести», а принадлежит в бозе преставившемуся «Дню» *, но «День»-то именно и проповедовал «право на землю», точно так, как и мы, грешные социалисты.

¹ необходимость создает закон (франц.).— *Ред.*

В заключение «Весть» обращает серьезное внимание всех русских собственников на этот новый факт социализма:

«Пусть они всмотрятся серьезно в положение дела и зорко следят за людьми, которые стали заниматься социализмом не из любви к искусству, а потому, что это сделалось выгодным (?). Пусть они не послужат жалким орудием в руках людей корыстных. Или право собственности, или социализм, как в Тамбовской, так и в Лифляндской губернии. Если батраков, людей свободных, не крепостных, следует поделить помещичью землю в Курляндской губернии, то следует же и московских мещан наделить чьею-нибудь землей. Повторяем: или право собственности, или социализм. Или Европа, или киргизская степь. Середины тут нет».

Ну, а как есть?

ИЗ ПЕТЕРБУРГА

(Земские учреждения.— Валуев-цензура.— «Народная летопись». — Помещики-целовальники. — «День». — Сосланный купец)

В комитете министров шла речь о закрытии земских учреждений ввиду того, что земские собрания стремятся все более и более к независимости от администрации, занимаются предметами, не касающимися прямо их ведения, что в них произносятся речи, волнующие умы, и что развитие этих учреждений клонится к ограничению самодержавной власти. Предложение о принятии репрессивных мер против земства исходило от Милютина-варшавского, как говорят, и большинство министров было на его стороне. Защищал земские учреждения один Валуев *, и дело остановилось на каком-то компромиссе.

Чиновники испугались первых проявлений живого духа в земских собраниях и конспирируют в своих канцеляриях против земства. Они дрожат за казенное содержание, за экстраординарные суммы, за казенные квартиры. Их страшит мысль, что, может быть, когда-нибудь придется отдать отчеты в своих действиях не начальству, а представителям народа. При всей их ограниченности они понимают, что настоящий порядок не останется во веки веков в России, что не будет же она вечно в безграничной власти промотавшегося правительства и грабящих ее чиновников.

Вероятно, бюрократы вовлекут правительство в репрессивные меры, и в таком случае оно само вызовет и приготовит почву для насильственного переворота.

Издатель «Современника», после двух предостережений, просил у Валуева поставить «Современник» снова под цензуру *. Валуев отказал, ссылаясь на то, что переход «Современ-

ника», «этого свободолобивого журнала», под цензурное положение будет равносильно прямому, фактическому заявлению, что новое, бесцензурное положение русской журналистики хуже старого, цензурного. Впрочем, не исполняя просьбы Некрасова, Валуев утешил «Современник» следующего рода советом: «Продолжайте ваше издание на том же положении, а я *даю слово* не давать третьего предостережения и не закрывать журнала... если только редакция „Современника“ согласится представлять статьи *на мое предварительное рассмотрение...*»

«Народная летопись» издаваться не будет *. Сначала, при дозволении вновь открыть эту газету, запрещено было публиковать ее программу, а потом Валуев попросил, нельзя ли доставить ему примерно список сотрудников этой газеты. Ему указали на гг. Антоновича, Елисеева, Жуковского и пр., на что Валуев милостиво ответил, что все это прекрасно, но что по выходе 1-го № газета получит первое предостережение, по выходе 2-го — второе и т. д. «Пока я министр, — добавил он, — я не дам ходу *нигилистической закваске*» (гг. Антонович, Елисеев, Жуковский — нигилисты!!!).

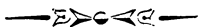
В «Русских ведомостях» пишут из Курсна: «Вследствие затруднительности производить обработку хлеба вольнонаемным трудом, при ничтожном барыше, а иногда и при отсутствии его вовсе, землевладельцы год от году уменьшали размеры хлебопашества и, получая чрез это, разумеется, еще меньше доходу, продавали за бесценок выкупные свидетельства, проживали вырученные отсюда деньги и вследствие этого дошли до такого положения, что остались как рыба на мели. Находясь в таком безвыходном положении, многие из помещиков вздумали пуститься с последней копейкой на аферы, преимущественно на виноторговлю. По прошествии непродолжительного времени из этих предприятий вышло мало утешительного; люди трудолюбивые, смотрящие за всем сами, а главное оставившие свое барство, выиграли; те же, которые привыкли на дело смотреть свысока и загребать жар руками управляющих, разорились вконец. То же самое случилось и с мелкими вла-

дельцами. Прожили выкупные деньги, доходов больше не стало, пришлось продавать последние крохи земли за бесценок и на последнюю копейку завести кабачок. Этих заведений появилось множество в нашей губернии, до нескольких тысяч, чуть ли не больше 5-ти. Расчетливые люди, не сбивавшие цены, не занимавшиеся сами водкою, повели свои дела порядочно, т. е. выручили средства к существованию. Но большинство мелких торговцев пошло по другой дороге», и проч.

Аксаковский «День» не будет выходить. Что это значит? Не частные же обстоятельства могли издателя заставить прекратить журнал, о котором он объявлял месяц тому назад *. Разыгрался что-то наш Валуев — видно, скоро свернется.

Не проще ли бы было поручить Каткову издавать в обеих столицах пять-шесть журналов с разными названиями и одним направлением?

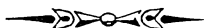
¿ Правда ли, что из Петербурга сослан в Сибирь без суда и следствия какой-то купец, ходивший по делам торговцев Мариинского рынка?

ВЫГОВОР ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ ГРАФУ СТРОГОНОВУ 2-му

В «Сенатских ведом.» (№ 7) напечатано, что государь, обратив внимание на речь, произнесенную Строгоновым 8 декабря 1865 года в заседании одесской городской думы, признал речь его *крайне оскорбительной* для министра финансов и *в высшей степени неприличной и неуместной*. А потому велел Строгонову сделать «выговор», а князю Воронцову (градскому главе в Одессе) объявить его *неудовольствие* за допущение такой речи и ее распространения в печати.

Вот и Строгонов и Воронцов попали в одну категорию с Благодетелевым, Некрасовым, Краевским *... демагоги, нигилисты!..

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКИЙ СОВЕТНИК И КАВАЛЕР М. С. ХОТИНСКИЙ

(ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ НАШЕГО ЗАМОРСКОГО ШПИОНСТВА)

М. С. Хотинский, прочли мы с месяц тому назад в русских газетах, умер *; они отметили его ученые труды, его 65 лет, ловкий перевод популярной астрономии Араго и забыли его *поход в Лондон*. Желая пополнить этот пробел, мы расскажем его.

В начале 1863 года какой-то старик явился в нашу типографию в Лондоне и, после разных приготовлений и околичностей, сказал Чернецкому, что у него есть тетрадь каких-то отрывков, не пропущенных цензурой, что он хотел бы дать их мне, но боится, что я окружен шпионами. Он спрашивал, не возьмется ли Чернецкий их передать. Чернецкий обещал ему сказать мне и советовал просто заехать в Orsett-house. Он отказался... Несколько раз приходил в типографию, брал книги и «Колокол» и наконец все-таки решился, несмотря на опасность, ехать ко мне. Два раза он не застал меня, я поехал к нему. Наружность Хотинского (он же по-русски был в грязном, засаленном халате нараспашку и в грязном белье) очень не понравилась мне. Он был учтив до униженья, шамшил беззубые комплименты, не мог прийти в себя от радости, от волнения, что видит меня. И вдруг начал мне рассказывать, что и он на старости лет гоним, что его призывали в III отд. за какие-то стихи в пользу студентов; потом, чтоб похвастать поэтическим дарованием своим, стал мне декламировать отвратительно циничское стихотворение à la Barkoff. Когда он кончил, я промолчал и не улыбнулся. Он несколько сконфузился

и заметил, что он эти стихи читал Потапову в свое оправдание в III отд. «И, верно, с успехом»,— прибавил я.

Что это — просто ли развратный плюгавый старичишка, вырвавшийся из общества, в котором «оправдываются» похабными стихами, или хуже? Во всяком случае я решился быть с ним очень осторожным.

Вечером, в одно воскресенье, он явился ко мне; я предупредил всех, что *я за него не отвечаю*. Он расспрашивал о русских и поляках и показался мне до того подозрительным, что я его шутя спросил во второе посещение: «А что, как вы думаете, следует или не следует колотить шпионов, если подвернутся?»— «Что за доказательство — колотить,— отвечал Хотинский,— исколотить можно всякого, если есть сила в руках».— «Вы мирный гражданин»,— сказал я ему и подумал: «Он боится; это очень подозрительно, надобно от него отделаться»..

Он был раза два еще, и тоже вечером в воскресенье. Пока я придумывал, как ему затворить дверь, приходит письмо. Знакомый почерк извещает меня о том, что Хотинский отправлен шпионом из Петербурга, с 1000 фр. жалованья в месяц, следить за мной и моими знакомыми. В истинности письма я не имел никакого сомнения.

Здесь надо приостановиться и сказать, что подобного рода письма мы получали не раз. Искренняя и глубокая благодарность анонимным друзьям, делавшим нам или, лучше, *нашему делу* такую великую услугу.

Первое письмо извещало нас о *Михаловском**, сидельце у Трюбнера. Он предложил свои услуги через Хребтовича (тогдашнего русского посла в Лондоне) и обещался, за 200 фунтов в год, доставлять списки лиц, посещающих нас, образчики рукописей, выкраденных из типографии, по мере возможности узнавать пути, по которым посылаются «Колокол» (от Трюбнера он же сам посылал), и имена корреспондентов. Вышло затруднение: кто должен платить эти 200 фунтов? Князь Горчаков отказался, князь Долгорукий тоже не хотел, решились спросить государя. Пока шли переговоры, мы получили письмо, уличили Михаловского, прогнали его от Трюбнера и напечатали в журналах.

Дело было в 1857 году, в те времена, когда государю «еще новы были все наслаждения самовластья»* и шум льстецов, и сонм шпионов.

— Кто велел составить этот лист?— спросил Александр Николаевич, бросая образцовый список наших гостей в камин *.

— Его представил Хребтович.

— Он меня компрометирует.

И Хребтовичу достался пагоняй.

Бруннов был слишком умец, чтоб делать что-нибудь подобное. Тайные агенты при нем перестали действовать явно.

Второе письмо извещало нас о шуваловской родомонтаде, грозившей извести меня. Это письмо, послужившее косвенным образом моему воскрешению из мертвых в русской печати и прямым — ответу от Шедо-Ферроти на мое письмо к Бруннову, было получено в двух экземплярах: одно было адресовано на имя Лионеля Ротшильда и прочтено мною в его присутствии, другое — на имя одного из известнейших наших литераторов, который тотчас мне его доставил *.

И вот третье письмо, предупреждающее о Хотинском. Обличить старого негодяя было необходимо. С письмом в руке отправился я к князю П. В. Долгорукову 10 апреля 1863 года; он только что приехал в Лондон и жил в Альбермаль-отеле. Он Хотинского знал еще в Петербурге и не подозревал, но письмо, мною полученное, его не удивило. Действительно, в Хотинском было что-то, вперед подтверждавшее всякого рода обвинения.

Решили мы пригласить астронома ко мне и прочесть ему при свидетелях письмо. Я брал на себя обвинить его в глаза; далее программа не шла: мне особенно хотелось ее оставить импровизации, вдохновению минуты. Чтоб сговориться о времени, мы послали одного из наших знакомых звать вечером койкого из назначенных к Долгорукову; распорядившись, я пошел читать газеты, а Долгоруков — обедать в Wellington. Тут счастливая звезда помогла астроному-наблюдателю. Он случайно тоже обедал в Wellington'e, подошел к князю и объявил ему свое желание идти к нему вечером. Таким образом, встреча с ним, по его собственной вине, была не у нас.

Когда я взшел к Долгорукову, я застал почти всех и между

прочим Хотинского, покойно развалившегося на диване; он был в прекраснейшем расположении духа, хорошо поел, хорошо выпил и, ничего не подозревая, ждал чаю.

— А вот и А. И.,— сказал он, вставая и подавая мне руку.

— Погодите; прежде чем я вам подам руку, я хочу вам прочесть письмо.

Все кругом молчали. Хотинский взглянул на меня, на них и совершенно изменился в лице.

— Что такое? Очень рад.

— Садитесь...

Он сел к столу, я взял другой стул, сел возле и громко прочел письмо, напирая на слово *шпион*.

Старик вскочил и, растерянно глядя то на меня, то на других, сказал:

— Где? кто? кто этот злодей, этот подлец, который меня обвиняет, его имя?— дайте его письмо!

— Да ведь не меня, а *ваше превосходительство* обвиняют в шпионстве, а если я вам скажу имя, дам письмо, я такой же буду шпион.

— Господа,— сказал он,— этого я не ожидал... Что же это?— И он вдруг, понижая голос и кривляясь, плаксиво проstonал: — Вспомните, у меня есть дочь, пощадите *честное* имя старика... вы его запятнаете по извету...

— Об вашей дочери следовало прежде думать,— сказал я, с презрением глядя ему в глаза.

Хотинский закричал:

— Что это, *guet-apens*¹?

Огарев, вечно тихий, закричал на него еще сильнее. Он срезался.

Как невыразимо гадок был этот грязный старичишка! Каждая черта его выражала страх, стыд; бессильную злобу пойманного зверя; он был уверен, что его поколотят; если б не князь Долгоруков и не Albermal-hôtel, может, его доверие и оправдалось бы. Я конечно не препятствовал бы. Этого рода тварей, в сущности, ничем не проберешь, кроме телесной боли и лишением средств, но последнее невозможно.

¹ западня (франц.).— *Ред.*

Я устал, глядя на него, — нервы не выдержали столько гадости — и почти не принимал никакого участия в финале.

Хотинский обернулся ко всем бывшим в комнате и воиющим гласом спросил:

— Неужели, господа, вы меня считали за доносчика?

— Считали, — отвечали все.

— Вы меня спрашивали имя банкира, которому можно верно поручить деньги в *Петербурге* для присылки в *Общий фонд*.

— Вы три раза допытывались узнать от меня фамилию молодого русского, которого вы встретили в *Orsett-house*.

Наступило минутное молчание.

— Князь, — сказал я, — вы хозяин, освободите нас от его присутствия.

— Вы понимаете, — сказал ему Долгоруков, — что единственное одолжение, которое вы можете нам сделать, — это выйти вон.

Хотинский хотел что-то сказать.

— Возле вас колокольчик, — сказал Долгоруков.

Слово «колокольчик» подействовало.

— Я иду, я оставляю вас, — бормотал действительный статский советник и кавалер, — я прерываю все сношения, я так уважал...

И он бросился, забыв свое пальто и внутренно радуясь целости щек и ребер.

Пальто ему бросили вслед, а Долгоруков громко сказал лакею внизу: «Этого человека не пускать больше».

Мы пошли по домам в грустном расположении; сцена сама по себе была гадкая, и чего-то недоставало...*

...Знаменитый физиолог Лонже, гуляя как-то со мной в *Montpellier* и жалуясь на боль, оставшуюся в боку от сильной плёрези¹, сказал мне: «А знаете ли, отчего у меня была эта проклятая плёрези? Вы не поверите — а я вас уверяю, что так. Вы знаете, что мы заклятые враги с ***». Он назвал одного академика. «Раз этот злой старичишка до того меня рассердил, что я схватил его за руку и вне себя от бешенства ска-

¹ плеврита (франц. pleurésie). — *Ред.*

зал ему: „Если вы не замолчите, еще одно слово... “Он замолчал, и я его не поколотил, а пришел домой в лихорадке и слег в постель. Поколоти я этого изверга, у меня не было бы плё-рези» *.

В 161 листе «Колокола» (15 апреля 1863) мы напечатали о вести, полученной нами насчет астронома Хотинского, и прибавили: «Предоставляя г. Хотинскому все средства подтвердить или опровергнуть официальность своего ученого поручения, мы с своей стороны готовы всегда способствовать благодетельным видам правительства и, убежденные, что в Англии всего труднее делать знакомства, постараемся *следующего миссионера-наблюдателя* рекомендовать английскому народу»*.

После сцены в Albermal-hôtel Хотинский скрылся и мы стали забывать его, как вдруг снова письмо: «Хотинский опять отправляется в Лондон; вероятно, он будет там вместе с этим письмом», и проч. Неимоверная глупость этого шпионского *рецидива* заставила меня сначала усомниться, а потом вдвое поверить в нее.

Несколько дней прошло — ни слуха, ни духа. Русские, не говорящие по-английски, останавливаются обыкновенно в грязных французских отелях на Лестер-сквере и на улицах и переулках, к ним притекающих. Это центр лондонского разврата, ночных кабаков, ночных сильфид, кафе-шантан, Аргайль-рума и всех других румов, с музыкой и без музыки. По химическому сродству и этнографической необходимости наши соотечественники средней руки льнут к этим местам. Хотинский по всем правам должен был осесть там, да там он и прежде жил. Я отправился сначала на его старую квартиру; хозяйка сказала, что у нее он не был (она продавала газеты), но что, кажется, *она его видела на улице*.

Затем я пошел в Sablonnière-hôtel.

— Помните ли вы, — сказал я консьержу, — месяца два тому назад у вас стоял такой-то? Мне говорили, что он опять приехал.

— Нет, не помню.

— Да он такой, такой — старый, беззубый.

— Позвольте, он польский генерал?

— Может быть.

И консьерж справился в книге.

— М. Chotinsky, général polonais ¹. Да он съехал.

— Где же генерал теперь живет?

Комиссионер, стоявший у входа, сказал, что он живет возле, на Лестер-сквере, в таком-то №.

— Пожалуйста, сходите к нему и спросите, дома ли он.

Комиссионер пошел. А я, обратясь к консьержу и гарсонам, сказал: «Вы не подумайте, что я знаком с этим человеком или что он в самом деле польский генерал, он русский шпион. Если вам случится кому-нибудь это рассказать, даже ему самому, то не забудьте, от кого слышали». — И я передал консьержу карточку, к великому удовольствию его и его товарищей.

Комиссионер возвратился. Действительно, Хотинский жил там, но его не было дома.

Оставить Хотинского в покое было невозможно. Я начал с того, что пошел в ближнее кафе и написал короткое извещение о возвращении «русского агента Хотинского в Лондон», предостерегая поляков, наших друзей, и отметив его квартиру. С этой запиской пошел я в «Daily News». В редакции застал я Едуарда Пигота. «Напечатаете?» — спросил я. — «Да, если вы подпишете». — «Письмо подписано». От Пигота я пошел лабиринтом крошечных, продымленных переулков, каждый с своим скверным запахом, отделяющим Флит-Стрит от Соо. Там, в одном из наиболее продымленных переулков, держал крошечный кафе бывший мой повар, отличнейший и прекраснейший старик Валериано Тассинари *. Романьол, старый солдат итальянского восстания *, рефужье со времен римской кампании 1849 года, одна из тех целиком выделавшихся плебейских натур, недалких, честных, простых, героических, для которых la patria, l'unità, l'indipendenza italiana² — религия, долг, нравственность, семья, для которых Маццини и Гарибальди — бог и папа. Уставши жариться у плиты несколько часов кряду, старик завел свое маленькое заведение, едва доставлявшее ему пропитание. К нему-то я и явился

¹ М. Хотинский, польский генерал (франц.). — *Ред.*

² отечество, единство, итальянская независимость (итал.). — *Ред.*

часу в девятом вечера. Старый лев печально сидел с трубкой в зубах перед бутылкой какого-то итальянского вина, положи свою седую бонарротиевскую голову на руку; он крепко думал... об Италии ли думал он или об том, что финансы плохи?

— Тассинари, я к вам с просьбой.— Он поднял голову. Я рассказал ему первую историю с Хотинским, а потом мое новое обретение честного старца.

— *Virbone!*— говорил старик, и лицо его все больше и больше оживлялось.— *Faut-t-il lo batter'?*

— *Pas encore,*— отвечал я, смеясь,— но надо его взять под надзор, чтоб он не уехал, не пересехал, не пропал бы из виду. Где его в Лондоне потом сыщешь?

— *Je capite parfaitemente, je capite **, будьте покойны.

Le vieux coursier a senti l'aiguillon¹.

Старик скучал, был без дела; единственное развлечение, которое у него было,— «эскармуши»² с его супругой, французской, и с мальчиком сыном, которого он любил без души и колотил, чтоб сделать «человеком»,— ему надоело, он был без дела, без занятия. Вдруг *iddio*³ посылал ему заботу, хлопоты и в перспективе надежду поколотить *un agente del tzar*⁴... И Тассинари помолодел, налил мне стакан ужасного итальянского вина, уверяя, что оно очень хорошо и что он его получает прямо с корабля какого-то капитана; последнее могло быть справедливым, но о вкусах спорить не велено.

«Daily News» утром, «Express», «Evening Star» и проч. вечером возвестили на другой день Лондону о приезде шпиона и о его месте жительства *. Хотинский, с христианским смирением схлебнувший все, что было в *Albermal-street*, увидя свое имя в английских газетах, написал мне следующее письмо («Жол.», л. 165, 10 июня 1863):

Мм. гг. В № 161 «Колокола» я прочел статью, в которой вы извещаете о полученном вами уведомлении, что какой-то профессор Ходинский или

¹ Старый боевой конь почувствовал шпору (франц.).— *Ред.*

² «стычки» (франц. *escarmouches*).— *Ред.*

³ бог (итал.).— *Ред.*

⁴ царского агента (итал.).— *Ред.*

Хотинский отправлен от III отд. наблюдателем в разные страны и между прочим в Лондон, с жалованьем по 12 000 фр. или руб., засим вы прибавляете, что какой-то действительный с<татский> с<оветник> Хотинский проживает в Лондоне и занимается разными наблюдениями и пр.

Я не отвечал тотчас же на это извещение, потому что находился в России. Ныне, возвратясь на короткое время в Лондон, спешу настоящим ответом, покорнейше прося вас, мм. гг., во имя *правды*, которой защитниками вы себя объявляете, напечатать это письмо в ближайшем номере вашего журнала.

До профессора Ходинского или Хотылского, которого я вовсе не знаю, мне нет никакого дела, равно как и до сделанного ему будто бы поручения. Что же касается до меня, нижеподписавшегося, то я долгом считаю довести до вашего и всех ваших читателей сведения, что я ни от кого подобных поручений не принимал, да вообще исполнять такие поручения не согласно с моим характером и убеждениями. Я в течение слишком двадцати лет занимаюсь постоянно науками, а в последнее время присоединил к тому еще промышленно-торговое предприятие; к соглядатайству же и миссионерству чувствую себя совершенно неспособным. Что касается до средств моих к жизни, то хотя до этого никому нет никакого дела, но я могу откровенно сказать вам, что не говоря о собственном небольшом состоянии, я напечатал более двадцати томов учено-литературных трудов и сотрудничал во многих русских журналах, что доставляло мне постоянно около 4000 руб. в год, и менять этого *честного труда* на тот, который вы мне навязываете, я не намерен и даже не вижу выгоды.

Если вы имеете какие-либо положительные доказательства, что я продал себя, то напечатайте их, и пусть публика судит нас. Если же этих доказательств нет, то возводимое на меня обвинение есть чистая *клевета!* Спрашиваю вас и каждого: позволительно ли бросать грязью на честное имя человека из-за подозрения, не имеющего никаких положительных оснований? Вызываю вас доказать мою виновность, и если вы не докажете (что я энергически утверждаю), то пусть весь стыд клеветы падет на ее изобретателя. Я был в Лондоне и теперь нахожусь здесь по моим частным делам и занимаюсь покупками да посещениями здешних ученых учреждений, а не присматриванием за кем бы то ни было или выведыванием каких-либо тайн политической пропаганды.

Повторяя просьбу мою о напечатании этого письма в ближайшем номере «Колокола», я желаю вам, мм. гг., того же спокойствия совести, которым сам наслаждаюсь. — М. Хотинский, 31, Leicester-square, London*

Мы отвечали в том же «Колоколе»*:

Для нас эта исповедь наивного сердца так же мало опровергает связи ученого автора «двадцати томов» с III отд. канцелярии е. в., как его личное объяснение у князя П. В. Долгорукова, которое г. Хотинский замятовал, несмотря на то, что «Листок» мог ему легко напомнить.

Требовать от нас доказательств *документальных* — старая шутка. Мы можем доказать только доносом на того, кто писал, но доносов мы не

делаем, или делаем их на основании *similia similibus*, исключительно на шпионов. Письмо, в котором нас извещали о служебных рекреациях г. Хотинского, я ему читал вслух при пяти свидетелях, и он не изъявил никакого сомнения в его материальной достоверности. Но дело не ограничивается этим письмом. Мы были извещены и о *последующих действиях* ученого корреспондента потаповского заведения; мы знали, что он снова едет в Лондон (в чем можем сослаться на кн. П. В. Долгорукова и на несколько других свидетелей), и не знали, чему больше удивиться — цивическому ли мужеству г. Хотинского или нелепости Потапова, посылающего того же тайного корреспондента в тот же город, где его тайный труд был так явно оценен, забывая, что маскарадная шутка оканчивается там, где падает маска.

За сим издатели «Колокола» отказываются от помещения всякого рода писем и статей г. Хотинского,— кроме «Колокола», есть много органов для таких продуктов.

...Через день после того, как я посетил Тассинари, он явился ко мне часов в 8 утра, причесанный и веселый; он принес мне рапорт, что Хотинского отдал под надзор, что *questo birbante*¹ трусит чего-то, никого не принимает, не открывает ставни в спальней и что ему принесли вчера на дом три бутылки *porto*² и шесть портера.

— *Allez! il est sous une bonne surveillance.— J'ai là, au rez-de-chaussée, un perroquet, qui me dit tout...*

Я с изумлением смотрел на итальянца.

— *Si, si, il est des nostres ce perroquet, è da Forli...*

Давно ли это попугаи, известные за болтовню, употребляют-ся по части шпионства за шпионами?

— *Lui m'a arrangé la barba stamatine, c'est un grand ami à moi...*

Тут только я понял, что дело шло не о попугае, а о *парикмахере* *, который жил в одном доме с Хотинским.

Я не мог не рассказать этот комический инцидент, который нас тогда необыкновенно смешил.

Хотинский заметил надзор и, вероятно, раза два встретив Тассинари, не вынес его глаза и одним добрым утром уехал из Лондона «в *Тенериф* делать наблюдения над солнечным затмением», как он объявил хозяину.

¹ этот мошенник (итал.).— *Ред.*

² портвейна (франц.).— *Ред.*

Похождения его как шпиона в Лондоне и сцена в доме у Долгорукова разнеслись, но так велико растление русского общества, что лазутчик осмелился явиться оратором в Географическом обществе и считающие себя честными газеты упомянули его добрым словом после его смерти.

Год тому назад мне рассказывал один флотский капитан, что его товарищ, бывший в 1863 г. в Лондоне с своим кораблем, рассказывал ему, что Хотинский приезжал на его корабль, предлагал молодым офицерам, штурманам и гардемаринам «Колокол» и «Полярную звезду», говорил, что знаком со мной, что бывает у Долгорукова, и спрашивал, не хотят ли они познакомиться. Быть представленным Хотинским никто не хотел, но молодые люди взяли у него книги и «Колокол», а он донес об этом в III отделение, и если б, говорил мне капитан, не брат начальника того корабля, то молодые люди попались бы по милости этого негодяя в беду*.

Какой почтенный старец и какое почтенное правительство, употребляющее такие средства!

«ДНЕВНИК ВАРШАВСКИЙ»

Шпионы-корреспонденты «Варшавского дневника» не забывают нас: в 52 № говорят о том, что *русская эмиграция* считает издателя «Колокола» сумасшедшим, что «Колокол» никем не читается и пр. Но заключение всего лучше и становится рядом с знаменитым «штосом» *, в котором было проиграно переплетное заведение: «„Колокол“ давно бы прекратился, если б его не поддерживал европейский революционный комитет и если б не прибегали к таинственным денежным операциям в Женеве, — операциям плохого рода, которые должны иметь бедственный исход».

Скажите на милость, князь Черкасский (обращаемся к вам именно, по старому знакомству *), для чего вы допускаете такую глупую клевету, которой сам Катков не поверит? Отчего вы этих мерзавцев не заставите писать дело вместо вздора? Явная полиция перешла к вам*, — верно, с ней захватили немало и тайной. Распорядитесь же!

Еще шаг, и мы увидим Etats Généraux на Неве. Мы прямо идем к 1789 *. Нас это не удивляет, мы это говорили с первого листа «Колокола». Глубину, силу, неотразимость *движения*, поднявшегося после Крымской войны и смерти Николая, мы давно оценили и поняли. Такого рода движения иногда сбиваются с дороги, иногда вязнут в грязи, но не останавливаются, особенно не останавливаются полицейскими мерами, случайными жестокостями и бессмысленными ссылками.

Петербургское самовластье только могло держаться, не замечая дряхлости своей, в немой тишине рабства и косном застое всех живых сил. При первом колебании архимедова точка ускользнула из правительственных рук, у них остались одни перегорелые вожжи и один перержавевший тормоз... а склон с каждым шагом круче и круче... Куда доедем, мы не знаем, *но остановиться нельзя!*

...Казалось, что «сердечное согласие» правительства с общественным мнением по польскому вопросу поглотит *движение*, — нисколько! *Движение* в нем окрепло, стало сильнее, оно убедилось в слабости правительства и в своей силе; оно видело его растерянным в минуту опасности и кровожадным от страха перед крикунами, оно видело Зимний дворец в зависимости двух Английских клубов и перестало его уважать, оно видело государя болтающего, плачущего, желающего остановиться, увлекаемого против воли, — и перестало его бояться. Человек, который в минуту первой опасности вызывал адреса преданности, должен принимать и другого рода адреса. Князь Щербатов совершенно справедливо заметил это в своей речи.

Инцидент в петербургском дворянском собрании имеет значение исторического события, — события революционного, оппозиционного, с полным букетом 89 года и с разными оригинальностями, как и следовало ожидать, с Суворовым, например, который (по свидетельству «Nord'a») с душевным прискорбием передал дворянству veto «исполнительной власти», заторопившейся до того, что отвечала прежде официального вопроса *, стало быть, по доносу какого-нибудь лазутчика.

Подробности читатели наши знают лучше нас; мы не читали даже, благодаря скромности *свободных* газет русских, текста четырех пунктов, предложенных Щербатовым *; особой корреспонденции мы еще ждем, а потому рассказывать не считаем нужным.

Но сказать наше мнение о новой фазе революционного движения мы не считаем неуместным.

Мы не со стороны дворянства как сословия.

Мы не со стороны правительства в его петровской форме.

У правительства с дворянством свои счеты. Зачем оно сначала подкупало его, отдавая ему землю и народ? Зачем оно сперва из него сделало опричину и дворню, а потом стало отбирать неправо отданное отцам у детей?

Зачем дворянство позволяло себе кол на голове тесать, пока правительство отдавало ему на грабеж и сечение народ, и делалось нетерпеливо-лихорадочно либеральным, когда *часть* добычи стали отнимать?

В их семейную ссору мы не вступим.

Но если мы не со стороны дворянства и не со стороны правительства, то безусловно со стороны *движения*.

Все, что может подмыть, смыть казарму и канцелярию, все, что может увлечь в общий поток и в нем распустить бюрократию и сословные монополии, военную администрацию штатских дел, писарей, обкрадывающих казну, казну, обкрадывающую народ, — все это будет принято нами с радостью и восторгом, чьими бы руками ни было сделано. Ломайте, господа, ломайте пуще всего друг друга. На эту ломку уйдет вся ваша и вся наша жизнь... Дети наши потом сосчитаются. Революции вообще оставляют не майораты, а полудостигнутые идеалы и вновь-раскрытые горизонты.

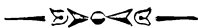
Странная вещь — два бойца схватились, а победа зависит от *третьего*: к кому он примкнет союзником, тот и одолеет, и этот третий — безмолвный народ, немое множество. Он *еще молчит* и держится за землю.

Только увлекая его в движение, делая из своего дела дело общее, дело народное, земское, только отрекаясь от монополей, может дворянство вести серьезную речь с правительством.

А правительство только и может подорвать олигархические притязания, поставив их лицом к лицу с народным большинством, с народной волей, которая хочет отстоять и отстоит свое право на землю.

В то самое время, как князь Шербатов доказывал невозможность идти далее, канцелярски управляя Россией, вышла в Париже книжка «Revue des Deux Mondes» с новой статьей Мазада о *России* *. Вероятно, читатели наши помнят его примечательную статью, напечатанную года два тому назад *. Статья эта опечалила Александра Николаевича, наделала много шума и была поддержана возражением Жюмини-fils'a *. Мы находим вторую статью еще вернее и замечательнее, несмотря на то что в многих случаях мы не делим мнений г. Мазада. Французы поняли, наконец, какого рода силы проснулись в России и какая работа двигает и подымает этот материк, — а у нас еще есть желчевики, остающиеся в старческом брюзжании или узком отчаянии.

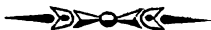
Мы надеемся в следующем листе «Колокола» ближе ознакомить читателей с трудом Мазада *.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Длинные филиппики, помещенные в русских газетах о статье Мазада в «Revue des Deux Mondes», заставляют думать, что статья эта не запрещена в России. Было бы слишком глупо дозволить возражения, не дозволив статьи. А потому мы и приостановились с печатанием ее, несмотря на то, что перевод статьи сделан и г. Бюллоз самым любезным образом позволил ее поместить. Если, впрочем, наши читатели заявят желание, мы поместим ее в одном из следующих листов.

ПОСЛЕ СМЕРТИ

Наконец-то и правительство отслужило по Михайлове своего рода панихиду. Мы помещаем ниже «Дело о послаблениях начальствующими лицами Михайлову, Обручеву и Макееву».

Что за мелкое, гадко злое, ничтожное правительство, которое идет через годы копать около могилы страдальца, замученного им, и отыскивать *виновных в сострадании*... Как это у них нету никакого такта, воспитания, коли нет сердца настолько, чтоб понять, что роль сытой гиены, шляющейся около ею же обглоданных костей, мерзка, глупа... Будничные люди, узкие лбы... не вам вести Россию на совершение ее судеб, вы только можете тормозить колеса или прибавлять грязь под ними. Даже «*Indépendance belge*» не вынесла и, пожимая плечами, спросила: «Что же выигрывает правительство от таких процессов?»*

Мы перепечатаваем эту мефитическую¹ гадость царского злопамятства, для того чтоб сохранить в «Колоколе» еще документ для будущей характеристики этих людей и еще оправданье, почему мы так от души их ненавидим.

Доклад по этому делу происходил 16 марта во 2-м отделении 6-го департамента Правительствующего сената (в Москве). Обстоятельства дела следующие:

Третье отделение собственной его импер. велич. канцелярии в апреле месяце 1862 г. получило известие, что начальствующие лица города Тобольска оказывали послабление содержавшемуся в тобольском пересыльном замке государственному преступнику Михайлову, который, будучи отправлен из Петербурга 14 декабря 1861 г. и прибыв в Тобольск 30 декабря того же года, не отправлялся к месту ссылки до 27 января 1862 г.;

¹ ядовитую, зловонную (франц. *méphitique*).— *Ред.*

что все тобольское общество оказывало ему сочувствие; что по прибытии в Тобольск он был раскован и содержался в тобольском замке незакованным; что вице-губернатор Соколов, прокурор Жемчужников и начальник провиантской комиссии полковник Ждан-Пушкин принимали его у себя в домах и вместе с ним обедали; что к Михайлову в тюремный замок приезжали и оказывали сочувствие к его положению военный медик Онучин, жена его, директриса тюремного комитета купчиха Пиленкова и другие дамы, которые подносили Михайлову букеты цветов; что в тот день, когда Михайлов должен был отправляться из Тобольска к месту ссылки — в Нерчинск, в квартире Ждан-Пушкина, из которой он был отправлен, разбиты были его кандалы и кольцо из них после видели на столе у вице-губернатора с привязанною дощечкою, на которой было написано: «Покровителю угнетенных — от Михайлова»; что, при самом выезде Михайлова из города, повозка его остановлена была у заставы, где многие мужчины и дамы прощались с ним, пили шампанское и кричали «ура!», а за заставою он был остановлен вице-губернатором Соколовым, который прощася тут с ним и дал коробку с чем-то.

Вследствие этого донесения, государю императору благоугодно было назначить исследование о противузаконных послаблениях начальствующих лиц города Тобольска, оказанных государственному преступнику Михайлову, и вообще о сочувствии к его преступлению тобольского общества, для чего и назначен был генерал-майор Сколков. При следствии, произведенном последним, оказалось, что со стороны начальствующих лиц города Тобольска делано было одинаковое послабление с Михайловым государственному преступнику Обручеву и бессрочноссылнокаторжному Макееву.

Показания обвиняемых при следствии были следующие:

Смотритель тобольского тюремного замка Козаков. Михайлов, Обручев и Макеев, во время бытности их в Тобольске, содержались не на кандалном дворе, а во флигеле для подсудимых арестантов из дворян с разрешения, по отношению к Михайлову, тобольского вице-губернатора. Камеры их не запирались. Обручев и Макеев доставлены были в Тобольск без оков и незакованными же были отправлены из Тобольска к месту ссылки. Михайлов прибыл закованный; по прибытии помещен был не в замке, а в квартире надзирателя острога Устюгова и в тот же день, по приказанию полицмейстера, был раскован и затем переведен во флигель для подсудимых дворян. Камера его, так же как у Обручева и Макеева, не запиралась. Увольнялся он из замка, с разрешения полицмейстера, к вице-губернатору Соколову, лекарю Онучину и другим лицам. Посетители бывали у Михайлова с разрешения вице-губернатора.

От этого последнего показания Козаков на другом допросе отказался, объяснив, что ссылку на вице-губернатора научил его сделать полицмейстер Кувичинский, а что на самом деле впускал посетителей он сам, без билетов, в чем и сознает себя виновным.

Показание полицмейстера Кувичинского. Преступники Михайлов, Обручев и Макеев содержались не на кандалном дворе, а во флигеле для

подсудимых арестантов из дворян; но это было сделано по издавна заведенному порядку в тобольском тюремном замке, где отделялись содержащиеся преступники привилегированных сословий от простого. Что же касается того, что давал ли он прямо приказание смотрителю замка Козакову о содержании Михайлова, Обручева и Макеева во флигеле подсудимых дворян, то он этого не помнит; но может быть, и давал. Камеры означенных трех преступников никогда не запирались, также по существующему издавна порядку. Отдавал ли он приказание смотрителю расковать Михайлова по прибытии его в Тобольск, не помнит, но не отрицает, что мог и отдавать, уважая в преступнике дворянское сословие, к которому последний прежде принадлежал. О посещениях, делаемых к Михайлову разными лицами, он вначале ничего не знал, но когда смотритель доложил ему об этом, то он не приказал никого пропускать без его записок; сам же дозволил бывать у Михайлова только полковнику Ждан-Пушкину, а также дозволил Михайлову быть на обеде у лекаря Онучина. В самый день отправления Михайлова из Тобольска к месту ссылки он дозволил ему быть в доме Ждан-Пушкина, откуда Михайлов отправился в Нерчинск, а не заковал его при отправлении потому, что не пришло это в голову.

Генерал-майор Сколков, при произведении следствия, открыл, по отношению к Михайлову, следующее обстоятельство: на другой день по прибытии Михайлова в Тобольск лекарь тюремного замка, по обыкновению, осматривал его и нашел, что у него сильное кровохаркание, а на теле были сисяки на нижней части голеней, почему начал его лечить, но, по тесноте помещения в больнице, Михайлов во время лечения оставался в своей камере и поэтому же оставлен был в Тобольске с 31 декабря 1861 г. до 27 января 1862 г. В январе 1862 года Михайлов подавал прошение в тобольский приказ о ссыльных о разрешении ему отправиться к месту ссылки, по болезненному его состоянию, не с партией пересыльных арестантов, а на почтовых. Вследствие этого прошения тобольская врачебная управа свидетельствовала Михайлова и нашла, что он действительно не может не только что идти с партией арестантов, но не может даже следовать и на пересыльных подводах, почему разрешено ему было отправиться, на свой счет, на почтовых. В день отправления его в ссылку из Тобольска в квартире Ждан-Пушкина, по показанию находившегося у последнего в услужении человека Лыскова, капитан генерального штаба Скибинский взял из чемодана Михайлова, где лежали арестантские его вещи, кандалы, разбивал их молотком, а жена Ждан-Пушкина сказала будто бы, что кольцо от этих кандалов нужно оставить на память о Михайлове. Но это показание Лыскова опровергается показаниями двух жандармов, сопровождавших Михайлова из Тобольска, которые объяснили следственной комиссии, что, принимая из квартиры Ждан-Пушкина арестантские вещи Михайлова, они приняли вместе с ними и кандалы его, совсем целые. Кроме того, в комиссии, для большего убеждения, по распоряжению генерал-майора Сколкова, при кузнецах разбивались арестантские кандалы молотком, и оказалось, что без помощи кузнеца разбить их невозможно, о чем и составлен был генерал-майором Сколковым акт.

Продолжаются показания подсудимых.

Показание тобольского губернатора Виноградского. О послаблениях, которые оказывались Михайлову, Обручеву и Макееву, он совершенно ничего не знал. Вице-губернатор и директор попечительного о тюрьмах комитета, напротив, всегда представляли ему, что в тюремном замке нет никаких беспорядков; сам же он не мог бы допустить их, потому что хорошо знает, что всякое послабление, оказываемое таким преступникам, как Михайлов, Обручев и Макеев, есть протест против правительства. Об этих послаблениях он не мог иметь даже частных сведений, потому что не имел никаких частных сношений с обществом: все время его поглощалось служебными занятиями, в которых он, как человек бедный, видел всю цель своей деятельности. Кроме того, во время бытности Михайлова в Тобольске, он занят был приготовлением к ожидавшейся ревизии генерал-губернатора, и потому узнал о послаблениях, делавшихся преступникам, только из бумаги, полученной им от генерал-губернатора, вследствие которой он потребовал донесения об этом предмете от полицмейстера и получил объяснение, что послабления преступникам делались смотрителем замка по приказанию вице-губернатора и прокурора. Это донесение он препроводил от себя к генерал-губернатору. Доходили до него частные слухи, что преступник Макеев отлучался из замка к прокурору, за что он делал выговор полицмейстеру; в статейном же списке Макеева не сказано было, что он отправляется в ссылку закованным, и из сведений, полученных им от приказа о ссыльных, видно было, что он прибыл в Тобольск незакованный. Обручеву, по ходатайству жандармского штаб-офицера, он позволял прогуливаться, для здоровья, около памятника Ермака, в сопровождении жандарма.

Показание вице-губернатора Соколова. Как председатель губернского правления, он постоянно занимался делами о преступниках; как директор попечительного о тюрьмах комитета, он постоянно бывал в тобольском тюремном замке для наблюдения за помещением арестантов, а как доктор¹, считал своею обязанностью всегда помогать преступникам в их недугах, и Михайлова он сожалел, как больного человека. Занимаясь, в продолжение 10 лет, изучением легочной чахотки, в доказательство чего представляет несколько статей своих об этой болезни, он видел в Михайлове не только что больного, достойного сожаления, но и интересный субъект для изучения со стороны науки; знал он его только по литературным трудам и в особенности по его статьям о женщинах. На квартиру к себе Михайлова он действительно призывал для подания медицинского пособия; а так как Михайлов являлся к нему к четырем часам, то он оставлял его у себя обедать, но в шесть часов отправлял в замок под присмотром полицейского чиновника, который его к нему и привозил. Этих случаев было только два. Впрочем, главный начальник всех тюремных заключений в губернии — губернатор, который в продолжение трех лет совместного служения с ним никогда не делал ему никаких замечаний по поводу неисполнения

¹ Тобольский вице-губернатор Соколов — доктор.

лежавших на нем обязанностей, относительно тюремных заключений, между тем как сам губернатор, в продолжение трех лет, был в остроге не более трех раз. Что касается прощания с Михайловым за заставою, то происходило оно следующим образом: он поехал с женою своею, по случаю болезни последней, в загородный монастырь; но, не доезжая до монастыря, должен был возвратиться назад по причине усилившегося вдруг холода и ветра. На возвратном пути увидел он сжавшую по направлению от города повозку, но не знал, кто в ней сидит, а когда подъехал к ней, то увидел сидящего в повозке Михайлова и потому остановился проститься, причем отдал последнему бывшую с ним коробку с 5 рябчиками; но это было сделано подаянием, которое закон не воспрещает давать преступникам и которое делается в России повсеместно.

Показание прокурора Жемчужникова. Преступники Михайлов, Обручев и Макеев содержались во флигеле подсудимых дворян, потому что по порядку, истари заведенному в тобольском тюремном замке, содержащиеся арестанты из привилегированного сословия отделялись от простых, что, по его мнению, не противоречит 101 ст. XIV т. уст. о содержании под стражей; а так как Михайлов и Макеев помещались хотя и в одном коридоре, но в разных камерах, то, следовательно, 101 ст. не была нарушена. Во время содержания он видел их раскованными, но приказания расковывать не давал; заковать же их он не мог приказать, потому что, на основании законов, лица привилегированного сословия освобождаются от оков, и он считает, что действия его были бы более противозаконные, если б он приказал заковать Михайлова и Макеева. Кроме того, вопрос о заковывании преступников в разных местах понимается различно; так, Михайлов, осужденный в каторгу на 6 лет, прислан был в оковах, а шведский подданный Бонгард, из Варшавы, осужденный в каторгу на 12 лет, — без оков; следовательно, незакование Михайлова может быть отнесено к ошибочному пониманию закона. О посещении Михайлова разными лицами он ничего не знал. Один раз брал его к себе обедать с тою целью, чтоб дать ему возможность, при его сильной болезни, воспользоваться хорошою пищею, и разрешения на это ни у кого не спрашивал. Разговоров с ним ни о чем противозаконном не имел, а говорил только о своих племянниках, которых Михайлов знал давно, потому что жил в том городе, в котором жила его родная сестра. Сочувствия к нему как к государственному преступнику, не имел, а сочувствовал ему как человеку несчастному и больному и смотрел на это сочувствие как на дело сострадания к ближнему, пример которого показывал сам государь император. Конфирмации над Михайловым он не читал; но из слов последнего узнал, что он осужден был за найденное у него сочинение, автором которого был не он, но принял его на себя, чтоб отстранить от ответственности действительного автора, и это обстоятельство не могло не возбудить в нем, Жемчужникове, сочувствия к осужденному, пострадавшему за других; о самом же этом сочинении он ничего не знал. Притом он не предполагал, чтоб правосудство, вверив ему должность прокурора, усомнилось в его преданности и чистоте действий. Макеева он знал с того времени, когда тому было шесть

лет, был знаком с его родителями, обласкан ими, и потому положение этого арестанта не могло не заинтересовать его, тем более что, по словам Макеева, преступление было совершено им в чаду, в порыве необдуманности, и он видел, что хотя наказание, назначенное осужденному, было жестоко, но угрызения совести за совершенное преступление мучили его сильнее наказания. Кроме того, Макеев, на пути следования, в Тюмени, перенес сильнейшую горячку, после которой, не оправившись, прибыл в Тобольск. Видя в нем, как и Михайлове, человека, страдающего болезнью, он брал его к себе обедать с тою же целью, как и первого, и знал, что они бывали в домах у некоторых почетных лиц Тобольска, хотя сам не встречал их ни в одном доме; но не придавал важности отлучкам их из замка, во-первых, по болезненному их состоянию, а во-вторых потому, что в законах нет статьи, запрещающей выпускать временнопересыльных арестантов из их заключений; если же и существует в XIV т. 190 ст., то она относится к арестантам подсудимым, а не пересыльным.

На это объяснение прокурора сделано было ему комиссиею замечание, что если нет в законах статьи, запрещающей выпускать пересыльных арестантов, то нет и такой, которая дозволяет это делать, и потому он должен был сообразоваться с духом законов. Прокурор отвечал, что, во-первых, если закон чего не запрещает, то, значит, дозволяет, а во-вторых, он сообразовался с духом законов, почему арестанты и не выпускались без различия; но особенно он сообразовался при этом с духом той власти, от которой исходит закон; дух государя императора выражается в милости и снисхождении, что показал он тотчас же по восшествии своем на престол, освободив из ссылки политических преступников, и Михайлову уменьшил срок работ, назначенный ему при осуждении.

Производивший следствие генерал-майор Сколков донес, что общество тобольское вовсе не сочувствовало преступлению Михайлова, что букетов дамы ему не подносили, потому что при сибирских морозах очень трудно иметь живые цветы, и что если некоторые из лиц города и выказывали сочувствие Михайлову, то это делалось или из желания прослыть передовыми людьми, покровительствующими литературу, или из подражания другим. Вице-губернатор Соколов оказывал участие Михайлову с целью сблизиться через него с литераторами и приобрести для себя сотрудничество в каком-нибудь журнале. Полковник Ждан-Пушкин знаком был с Михайловым в Петербурге и потому встретил его в Тобольске как знакомого.

Произведенное следствие, по окончании, передано было на соглашение министра внутренних дел с шефом корпуса жандармов, по докладу которых государь император повелел передать его в первый департамент Правительствующего сената для определения порядка ответственности виновных, так как они принадлежали к разным министерствам. 1-й департамент Правительствующего сената требовал заключения от министра внутренних дел и шефа корпуса жандармов относительно определения ответственности виновных, находящихся в их непосредственном распоряжении, на что министр внутренних дел представил Сенату, что губернатор

Виноградский и вице-губернатор Соколов подлежат ответственности, после отдаления от должности, за превышение и бездеятельность власти, по 383 ст. X Vt., а шеф корпуса жандармов нашел нужным предать военному суду тобольского жандармского штаб-офицера. После этого 1-й департамент Правительствующего сената определил губернатору Виноградскому, уволенному от должности, сделать выговор в административном порядке, а вице-губернатора, прокурора, полицмейстера и смотрителя тюремного замка предать суду. Комитет министров, в который поступило определение это Правительствующего сената, нашел, что губернатор Виноградский, так же, как и другие, должен быть предан суду, на что воспоследовало высочайшее соизволение. Военный медик Онучин и капитан генерального штаба Скибинский, по распоряжению военного министра, уволены от службы без прошений.

И в то же самое время в Англии освободили без наказания волонтера-ирландца, который под хмельком говорил, что намерен убить принца Вэльского!

СЛУХ

Нам пишут, что в Государственном совете или в Совете министров *серьезно* обсуживается проект обложения заграничных паспортов большой податью и что есть полная надежда, что проект этот утвердится.

Браво! И николаевский грабеж на больших дорогах возвращается...* Освободитель прикрепленных хочет быть прикрепитель к земле свободных... И все это вынесут. И Аксаков и Самарин будут рукоплескать!

〈БАРОН ГАКСТГАУЗЕН〉

Барон Гакстгаузен издал новую книгу о сельских учреждениях России: «Die ländliche Verfassung Rußlands, ihre Entwicklungen und ihre Feststellung in der Gesetzgebung von 1861», Leipzig, Brockhaus, 1866 *. В предисловии Гакстгаузен говорит, что в составлении книги ему помогал д-р *Скребицкий* своими переводами из огромного количества материалов, собранных автором. Из этих-то материалов д-р *Скребицкий* составил полнейший сборник всего относящегося до крестьянского вопроса в России. Он начнет печать первого тома (всего будет пять) в нынешнем году *.

ИРКУТСК И ПЕТЕРБУРГ

(5 МАРТА И 4 АПРЕЛЯ 1866)

· Нам решительно нет шанса хоть косвенно сказать слово в пользу предержавших властей. Выстрел 4 апреля был нам не по душе. Мы ждали от него бедствий, нас возмущала ответственность, которую на себя брал какой-то фанатик. Мы вообще терпеть не можем сюрпризов ни на именинах, ни на площадях: первые никогда не удаются, вторые почти всегда вредны. Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами. Убийства полезны больше всего лицам, династическим перемещениям. К серальным упразднениям венценосцев Петербург привык, он не забыл ни Ропши, ни Михайловского дворца *.

Пуль нам не нужно... мы в полной силе идем большой дорогой; на ней много капканов, много грязи, но в нас еще больше надежд; на ногах тяжелые колодки — в сердце колоссальные, ненизлагаемые притязания. Остановить нас невозможно, можно только сворочить с одной большой дороги на другую — с пути стройного развития на путь общего восстания.

Пока мы собирались высказать это иными словами, речь наша подкосилась черной вестью из Иркутска: *Серно-Соловьевич* умер 5 марта...

...Эти убийцы не дают промахов!

Благороднейший, чистейший, честнейший *Серно-Соловьевич* — и его убили *...

Ужоряющая тень *Серно-Соловьевича* прошла мимо нас печальным протестом, таким же напоминовением, как весть о варшавских убийствах 10 апреля 1861 года * пронеслась грозным

memento и покрыла трауром наш праздник освобождения крестьян.

Последний маркиз Поза *, он верил своим юным, девственным сердцем, что *их* можно вразумить, он человеческим языком говорил с государем, он его тронул и — и умер в Иркутске, изнеможенный истязаниями трехлетних каземат. За что? Прочтите сенатскую записку — и всплесните руками.

Враги, заклятейшие консерваторы по положению, члены Государственного совета были поражены доблестью, простотой, геройством Серно-Соловьевича. Человек этот был до того чист, что «Моск. ведом.» не обругали его, не донесли на него во время следствия, не сделали намека, что он поджигатель или вор... Это был один из лучших, *весенних* провозвестников нового времени в России... И он убит... «Да они не хотели его смерти». — Что за вздор! Михайлов умер, Серно-Соловьевич умер, Чернышевский болен... Какие же это условия, в которые ставят молодых и выносливых людей, что они не выдерживают пяти лет? В этой методе замучивать своих врагов понемногу, без прямой ответственности лежит такая глубь лжи, трусости, лицемерия или такая преступная небрежность, перед которой всякое прямое тиранство чувствует себя настолько выше, насколько разбойник выше вора.

Разве жизнь этих людей *не тем же* свята для России, не *тем же* застрахована, как и жизнь императора, разве они не из *тех*, которые вместе с ним участвовали в пробуждении России, в крестьянском вопросе, в упованиях на будущее?..

Нет, не нужен наш голос в соборном хоре ликований, годований, протестаций, демонстраций. Пусть ждущие на водку радуются *намекami* и плачут *доносами*, пусть раболепное ханжество, растлевающее юношество до поддельного идолопоклонства, до того, что учащиеся инженеры заказывают икону, а московские студенты сгоняются к Иверской служить молебен *, — пусть они одни участвуют в концерте. Звук нашего голоса не идет в их строй.

Мы не можем понимать друг друга.

Вот пример. Сумасшедший, фанатик или озлобленный человек *из дворян* стреляет в государя; необыкновенное присутствие духа молодого крестьянина, резкая быстрота соображения

и ловкость его спасают государя *. Чем же он его награждает?— *Возведением в дворянское достоинство!* Не для сравнения ли в общественном положении с стрелявшим? Весь смысл, весь урок, в котором история для вящей простоты сделалась аллегорией, притчей,— все вымарано¹, заклеено «дворянской грамотой». Придумайте из всех возможных и невозможных, из всех нелепейших наград самую нелепую — все будет не так вопиюще безобразно. Назовите Комиссарова лейб-крестьянином, дайте ему ленту через плечо, но на крестьянскую поддевку, дайте ему медаль на брильянтовой цепи, дайте ему самый большой брильянт из короны на цепи медалей, дайте ему миллион (и притом золотой монетой, а не бумажками), только оставьте его *крестьянином* — только не делайте из него фон-Комиссарова.

Вырывая Комиссарова из его среды, оскорбляют крестьянство; надевая на него дворянский мундир, его самого делают смешным, опошляют. Что же за понятие имеет государь о крестьянстве, если он думает, что человек, совершивший подвиг, должен быть исторгнут из этого болота?..

Что бы Комиссарову бить челом об увольнении его от дворянской грамоты?.. Другой крестьянин, который также бы защитил своею грудью своего земского царя и который совершенно невинно страдает на каторге жертвой правительственного неистовства, *Мартьянов*, так бы и поступил.

Жив ли он, бедный?²* Или и он пошел за Михайловым и за Серно-Соловьевичем?

¹ Даже «Кладерадач» не вынес этого:

Müller. Also der Mörder war ein Russischer Edelman?

Schultze. Ja...

Müller. Und der den Kaiser jerettet hat war ein Bauer?

Schultze. Ja...

Müller. Und zur Belohnung dafür is nu der Bauer?...

Schultze. Zum Edelman jemacht.

Müller. Nu diese Zeitungen. Hol der Deibel die janze Presse*.

² Хотя бы в память крестьянского подвига возвратили его... Во всем хламе дурной риторики и битых фраз, которыми наполнены теперь русские газеты, мы не могли не отметить следующих строк в «Голосе»:

«Говорят, что двое родственников О. И. Комиссарова находятся в Сибири, куда они были сосланы, при существовании крепостного права,

Что покушение 4 апреля опять рядом с искренним участием взболтает все раболепие русского общества, все полицейские мании шпионов-самозванцев, журналистов-доносчиков, литературных палачей, всю неуклюжую низость полуобразованной орды, всю необузданность чиновничьей среды, когда она выслуживается принижаясь, — мы в этом не сомневались. А все же читаем краснея за бесстыдство выражений и поступков.

Разносится слух, что назначают следователем Ланского, — клубный вопль: «Дай нам Муравьева... дай нам его, облитого кровью и покрытого проклятьями целой страны!..» Правительство позволяет себя насиловать и милостиво соглашается... Клубный восторг, и эта страшная фигура водяного-воина, поседелого в каверзах и пытках, полуслеплого инквизитора в одышке встает из какого-то угла, где он был брошен, и обещает дворянам поработать исправно *. Орлов-Давыдов, будущий пэр, «глава олигархической оппозиции», наследник Орловых, убивших Петра III, приветствует его с чувствительностью и *целует Комиссарова по поручению Паскевича*¹. Орлов-Давыдов, который, когда государь хотел его обнять после покушения, как Тургенева бурмистр, поцеловал у государя руку: «Ручку, батюшка, ручку!»*...

помещиком без суда, и что послано приказание о возвращении их. Не ручаемся за справедливость этого слуха. Но да позволено будет нам при мысли о крестьянине, спасшем жизнь государя-освободителя, выразить сердечное желание, чтоб это событие было освящено разрешением возврата на родину всем тем из бывших крепостных людей, которые были сосланы в Сибирь не по суду за преступление, а по бессудному распоряжению помещиков. Как часто, при существовании крепостного состояния, ничтожный проступок, даже просто защита своих человеческих прав, вела крестьянина в Сибирь!»*

¹ Катков и тут перешеголял — вот что он печатает в форме письма к издателям: «Я был сегодня в одном почтенном доме. *Ура!* раздалось в последней комнате, *ура!* в десять голосов — и я вбежал, удивленный этим радостным криком, когда, за минуту перед тем, все общество беседовало со смущением и неудержимым негодованием о злодейском покушении. „Что такое?“ Десять голосов наперерыв закричали мне навстречу: „Граф Муравьев назначен председателем следственной комиссии — *ура!* Теперь дело пойдет не под спудом, а начистоту! Теперь дело прямо пойдет по своей дорожке, а не вокруг да около!“»*

Рядом с таким верноподданническим самозабвением, как скромный полевой цветок, является какое-нибудь милейшее, наивнейшее письмо, прибитое к кровавым столбцам «Моск. ведомостей»:

Получив ужасное известие, что в августейшего и возлюбленного нашего монарха какой-то злодей стрелял в то время, когда его величество изволил выходить из Летнего сада, я, по обязанности своей, должен был отправиться к своим пациентам в два большие семейства, где сообщил об этом варварском поступке. И что же? Как в одном, так и в другом семействе все навзрыд заплакало и начали собираться в церковь помолиться о спасении нашего обожаемого монарха.

Факту этому покорнейше вас прошу дать местечко на столбцах вашей уважаемой газеты, чтобы знал злодей, что он стрелял не в одно сердце, а в сердце всей великой русской семьи нашего великого государя.

Москва, 5 апреля.

Военный медик Менщиков*.

Само собою разумеется, что все эти отдельные блески бледнеют перед полицейскими пароксизмами «Московских ведомостей». Мы их ждали, мы вперед себе делали праздник, предвидя, что они непременно постараются и нас пристегнуть к делу. Так и вышло.

Мы глубоко убеждены, что полицейская мания — одна из самых крутых форм сумасшествия и что психиатры слишком мало обращают на нее внимания. Само собою разумеется, что эта болезнь развивается не у нормальных людей, а в особенно приготовленных и способных организмах, снedaемых завистью, самолюбием, самообожанием, желанием власти, ленты, места, мести. Все это так, но, однажды вытравив все человеческое в субъекте, для болезни удержу нет. Подозрительность, донос, клевета становятся потребностью, голодом, жаждой... Когда не на кого доносить, у больного делается тоска, он выдумывает Молодую Грузию, Молодую Армению... А тут *в нас стреляют*. Не может же Катков отделить себя от единства России, от государя — он разом государь и Комиссаров. Спасать Россию для него привычное дело. Что на нем много елей царского помазания, он заявил накануне поношения (3 апреля), объявляя что он вовсе не намерен слушаться министерских распоряжений, что он никому не подчиняется, кроме государя, что он знает своего Александра Николаевича, а никого другого знать

не хочет *... Скромненькие министры вынесли, и хорошо сделали... а то не далеко бы ушли от Константина Николаевича и Шедо-Ферроти... которым достанется теперь с муравьевской помощью *. Услышав свист пули и оттолкнув руку убийцы, Катков с головой еще не обритой мечется на короткой веревке, как бульдог, которого не спустили, прыгает, визжит, лает, стараясь перекусать всех.

Получив телеграмму из Петербурга, вот что он печатает: «Сегодня, в 4^{1/2} часа пополудни неизвестный выстрелил... *Полагают*, что это *переодетый* революционный эмиссар», и затем: «Недавно зарево пожаров освещало все пространство России; теперь совершается покушение на жизнь ее государя. Неужели и теперь не найдем *мы средств проникнуть* в тайну злодеяния и не коснемся корней его?» *

Кто же это полагал? И что значит *переодетый* эмиссар? Разве революционные эмиссары имеют свой мундир, свои выпущки и петлички, как жандармы? Это что-то напоминает «заграничных выходцев» той же газеты.

Но «патос», как писывал гегелист-эстетик Катков в сороковых годах, не тут — он весь в этом томном, замирающем: «Неужели и *теперь не найдем мы средств проникнуть?*» Тут какое-то мление, какой-то страх... ну, может, какая-нибудь жертва ускользнет... а вместе с тем сердце чует жженое мясо, хруп ломаных костей... Может быть, попадется какой-нибудь нигилист, издававший над Катковым в «Искре», и его кости будут хрустеть; узнает он, что значит писать против *нас*... «Ну, а как не найдут средств?» — Успокойтесь, *найдут*; в этом отношении наша история нас оставляет не без наследства, не без примера; стоит прочесть царствование *великого* Петра. С легкой руки первого намека пошли писать ведомости *; мы только удивлялись одному: куда делся лондонский банкир Т., друг Маццини, вербовавший в Тульче через нас зажигателей... * но удивлялись недолго, только до 7 апреля:

Может ли допустить Россия, чтоб эти области (дунайские княжества) еще в большей мере, чем прежде при князе Кузе, стали гнездом всесветной революции, которая оттуда вела бы свои подкопы против соседней России, чтобы там по-прежнему и еще более, чем прежде, скоплялись шайки русских отверженцев и польских революционеров, организовали из себя

общества поджигателей и высылали против России всякого рода политических преступников?*

И потом—пол-оборота, фронт и донос с блиндажом:

Нечего называть вам, *на кого*, т. е. на какую враждебную внутреннюю партию указывает общественное мнение. Вся надежда теперь на следствие: на его обязанности раскрыть истину во всей ее наготе, со всеми мельчайшими подробностями, со всеми оттенками*.

— «Полноте, да ведь это скорее поляки?»

И наш Ноздрев, не обинуясь, говорит: «Да, да, самые польские поляки, в этом никто не сомневается... все это сделал Сераковский с того света и Огрызко из каторги»... «Стрелявший—не русский»,— пишет Катков, по несчастию, в самое то время, как поляк оказался саратовским помещиком *Каракозовым**.

Но волчок спусти, Каткову мало Молдо-Валахии и поляков, нигилистов и зажигателей — «подавай барыне весь туалет», и вот он собирает в какую-то корреспонденцию Хера все и оканчивает доносом. Отгадайте на кого?— Не скажу.

Корреспонденция начинается дальними апрошами*. Сначала как обычная форма, как принятый ритуал, без которого Катков не может обойтись,— намек на молодежь, на «авторов Земли и Воли», потом сомнение — не были ли эти авторы «оружием в руках более искусных». Далее догадка, что искусные руки — руки польские... апроши становятся ближе, теснее... и вдруг атака:

Я могу указать на корень зла лишь слегка, но вот симптомы неясной постановки русского дела. Во-первых, это почти одновременное нападение на русскую печать и на ту якобы чрезмерную свободу, которую она пользуется при системе административных предостережений,— нападение с двух разных сторон: с точки зрения крупных землевладельцев (русских!) в газете «Le Nord» и с польской точки зрения в «Revue des Deux Mondes» и «Journal des Débats». Вот вам один симптом. Другой состоит в том, что газета «Весть», под фирмой поддержки русского крупного землевладения, явно покровительствует идеям отнюдь не русским. Всякое заявление, служащее к распространению невыгодного мнения о землевладении в Западном крае, она тотчас помещает в свои столбцы, а противоположные проходит упорным молчанием... «Весть» вытеснила «Голос» из Западного края и трубит победу. Она имеет на то полное право.

На этой прелести мы оставляем литературный застенок с полным и глубоким презрением вовсе не к Каткову — он делает свое катковское дело, — но к его публике.

Мы ждем с нетерпением донос Каткова на Леонтьева (доносить ему больше не на кого) и обращаемся к жалкому стаду нашего общества, нищего духом, но благородного происхождением.

Наградить нелепее того, как сделал государь, Комиссарова невозможно. Но верноподданные и тут попробовали не без успеха состязание. Оппозиционный Шербатов находит, что спасти жизнь государя показывает большие экономические способности, и именно по части «сельского хозяйства», и предлагает его *членом* Экономического общества *, — с этой легкой руки пошли делать Комиссарова членом клубов, ученых обществ, собраний, музеев, лицеев и пр. Того и смотри, что корпорация московских привилегированных повивальных бабок изберет его почетным повивальным дедушкой, а общество минеральных вод включит в число почетных больных и заставит даром пить емсскую, зедлицкую, пирмонтскую и всяческую кислую и горькую воду... Зачем же вы это дурачитесь? Пожалейте же человека, который спас государя.

БЛАГОДЕТЕЛЬНЫЕ ПОМЕЩИКИ

(Графиня Орлова-Денисова, барон Иксуль,
граф Шереметев)

Нам пишут из России о следующих благотельных и отеческих мерах, взятых разными помещиками для упрочения благосостояния крестьян. Передавая эти факты, мы оставляем достоверность их на совести корреспондента.

Графиня Орлова-Денисова, при разверстанье угодий с крестьянами, отрезала лучшую землю себе, а крестьянам своим в Коломьягах (в какой губернии?) назначила землю, состоящую из мхов и трясин. Чтобы уладить это дело, она задобрива некоторых крестьян, а главному из них, имевшему влияние на других, дала привилегию открыть лавку.

Барон Иксуль давно усиливается отнять дома у бывших своих крепостных деревни Гатобари, утверждая, что дома эти господские: у него тут фабрика. Им пришлось переселяться просто в болото. Сперва дело поведено было в пользу крестьян, но потом он повел дело с большей ловкостью; его перерешили в пользу Иксуля. Теперь это дело пересматривается в высших инстанциях.

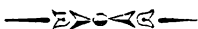
У графа Шереметева была огромнейшая дворня. Некоторые из дворовых в награду за службу получали землю. Когда состоялось Положение 19 февраля, граф зёмли, подаренные дворовым, стал отбирать обратно в свою собственность, на том основании, что по Положению дворовые не должны быть наделяемы землею. Несколько семей дворовых из знаменитого Останкина повели об этом процесс; он тянется и доселе с сомнительным успехом для дворовых, потому что нет документов, удостоверяющих дарение. Некоторые из крестьян того же Шереме-

тева приобрели землю, при действии крепостного права, на имя сиятельного помещика. По введении Положения об освобождении крестьян, земли те зачислены в собственность помещика. О последней операции было, впрочем, уже заявлено в «СПб. ведомостях».

«LE NORD»

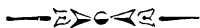
«Le Nord» (от 29 апреля), подхватывая песнь своего регента и запевалы Каткова, сделал уж не намек, а простое указание на *наше учение* как на печальный источник *нигилизма*, из которого *Каракозов* почерпнул свое воззрение *. Все эти проделки и штуки вроде *complicité morale*, изобретенной министром Ебертом *, стары и биты. Пусть «Le Nord» укажет, в каких книгах, статьях, изданных нами, в «Полярной звезде», в «Колоколе»... где б то ни было — мы проповедовали убийство. Мы, протестовавшие против воровского введения смертной казни в русское уголовное право*, — мы, противники всяких кровавых расправ.

ИЗ РЕЧИ МУРАВЬЕВА

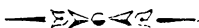
Мы только что прочли речь Муравьева и выписываем из нее следующие замечательные слова: «Я счастлив, что поставлен государем во главе того учреждения, которое должно служить к открытию злого умысла преступника. Я скорее лягу в гроб, чем оставлю неоткрытым это зло, — зло не одного человека, но многих действовавших в совокупности». (Как же это он знает прежде следствия? Или он уже заготовил бумаги, фальшивые

документы, как в деле Чернышевского? Хорош залог в беспристрастии!). «Надеюсь, что *вы, дворяне*, поможете в этом» (в раскрытии дела). Да разве все дворянство поступило в III отделение?

ШАХ КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ

На место Головнина назначен министром просвещения граф Толстой. Особенно жалеть Головнина нечего, слабый был человек и под конец бросился в самое театральное ханжество, но и это не помогло. Граф Д. Толстой — сочинитель книги «*Du Catholicisme romain en Russie*». Такое назначение — шаг дальше в правительственное изуверство и катковщину. Хорош первый результат выстрела. И всего больше хорош он для Константина Николаевича. Граф Толстой служил в морском министерстве и поссорился с великим князем из-за Головнина... а теперь садится на его место.

〈НОВОСТИ ИЗ РОССИИ〉

Новости из России бесконечно печальны.

Выстрел 4 апреля растет не по дням, а по часам в какую-то *общую беду* и грозит вырасти в еще страшнейшие и в еще больше не заслуженные Россией бедствия.

Полицейское бешенство достигло чудовищных размеров. Как кость, брошенная рассвирепелым сворам, выстрел вновь раззадорил злобу грызшихся и сдул слабый пепел, которым начало было заносить тлевший огонь; темные силы еще выше подняли голову, и испуганный кормчий ведет на всех парусах чинить Россию в такую черную гавань, что при одной мысли об ней цепенеет кровь и кружится голова.

Выстрел безумен, но каково нравственное состояние государства, когда его судьбы могут изменяться от случайностей, которых ни предвидеть, ни отстранить невозможно именно потому, что они безумны. Мы решительно не верим ни в серьезный, ни в огромный заговор... Заговор создается, выдумывается теперь — так, как Фуше выдумывал якобинское участие в «адской машине» улицы Никез *. Такого рода действия могут быть мезью отходящего, личным отчаянием, но не водворением нового... Кому полезен был бы успех? Разве консерваторам-крепостникам.

Жизнь народная превосходно поняла выстрел. Она его превратила в торжество. Какая овация, коронация, какой елей или *sainte-chrême*¹ могли больше утвердить трон, больше укрепить личную силу государя, как этот выстрел, с рукой спасающего крестьянина, со всей обстановкой? Тут-то бы государю и стать во весь рост, во всей полноте великодушного забвенья... а стрелявшего предоставить обыкновенному суду, но суду глас-

¹ священное миро (франц.).— *Ред.*

ному. Он и этого не сделал и не может сделать — он окружен другим заговором, он окружен *русским тайным жондом*. Темная интрига сделала себе из выстрела знамя гибели, то знамя, которое на старинных немецких картинках мы видим в руках смерти вместе с косой... Да, жонд будет косить направо и налево, косить прежде всего своих врагов, косить освобождающееся слово, косить независимую мысль, косить головы, гордо смотрящие вперед, косить народ, которому теперь льстят, и все это под осенением знамени, возвещающего, что *они* спасают царя, что *они* мстят за него. Горе России, если царь *окончательно* поверит, что тайный жонд его спасает. Мы пройдем страшной бироновски-аракчеевской эпохой, мы пройдем застеночным ханжеством повых Магницких, мы пройдем всеми ужасами светского инквизиторства николаевского времени да еще со всеми усовершенствованиями, вводимыми поддельной гласностью и полицейской, сквернословящей литературой.

При Николае мучили, пытали, бросали в казематы и ссылали на каторгу — молча. *Не было обиды*. Теперь никакая казнь, никакая каторга не может предохранить от ругательств и клевет казенных лаятелей. Бесстыдные, злые и подлые, они бьют лежащих, они оскорбляют трупы... для них пределов нет... это опять-таки наша «голь кабацкая», но употребленная на полицейское дело... От лиц они перейдут к идеям, к институтам... и ничего не устоит против этих *нигилистов консерватизма*... Разве мы не слышали уже крик против образования бедных, против слишком легкой доступности к науке?.. Разве мы не читали доносы, восходящие в могилы, где похоронены трупы, и в могилы, где похоронены живые?..* Разве не везут из каторжной работы, из рудников какие-то тени в цепях?..* Они хотят судить историю и привязать ее к позорному столбу, как привязывали Чернышевского...

...И во всей-то толпе, шитой золотом, во всей «Памятной книжке», во всем «Адрес-календаре» не найдется ни одного человека с душой честной и правдивой, ни одного преданного... делал же им государь добро... который бы сводил его, не на другой день после варфоломеевской ночи, а накануне, за тайные кулисы... Это был бы второй Комиссаров.

Ну что же, есть между вами *жив человек*?

ВОТ ВАМ И ГЛАСНЫЙ СУД!

В заседании С.-петерб. думы 15/27 апреля было объявлено генерал-губернатором, что постановление думы об испрошении высоч. повеления *судить гласно* стрелявшего в государя было повергнуто на рассмотрение... но что государю «благоугодно было отклонить ходатайство по этому предмету».

ОБ ОГРЫЗКЕ

Говорят, что Муравьев велел привезти из каторжной работы Огрызку, — по наветам ли «Московских ведомостей», по собственному ли чувству ненависти? Его и Домбровского Муравьев непременно хотел убить... Хорошо жить теперь в России: с одной стороны Катков указывает, с другой — Муравьев приказывает. Неужели кто-нибудь, кроме их, спокойно спит?

ВОЕННАЯ ЮСТИЦИЯ

Нам столько раз приходилось говорить о безобразии военных судов в мирное время и о кровавых приговорах, что передаем без всяких комментариев приговор, произнесенный в Тобольске 25 февраля по делу об убийстве трех женщин в Тюмени: *Сметанин, Бердюгин, Устюжанин и Лукин* приговорены к расстрелянию, а *Слепушкин* к каторжной работе на 12 лет. Приговор послан на утверждение командующего войсками в Западной Сибири.

Не можем удержаться, чтобы рядом с дикой сентенцией, незаконной по *русским* законам и по русскому понятию права, не выписать из речи защитника г. Реутского (кандидата Киевского университета) биографию одного из приговоренных на военно-юридическое убийство:

Лукин родился в Московской губ., в Троицко-Сергиевском посаде. Родители его были мелкие торговцы, бедные, но честные люди. Они могли научить сына только грамоте и своему занятию — более ничему. Едва мальчик подрос настолько, что мог зарабатывать себе насущный хлеб, родители отправили его в Москву. В этом многолюднейшем городе империи, заключающем полумиллионное население (?), они оставили его одного, без друзей, без знакомых, без наставников. 13-летний мальчик должен был один, без малейшей подпоры и совета, пробивать себе дорогу в жизни. Редкий на его месте вышел бы с честью из такого положения. Но Лукин не потерялся. Он преодолел все соблазны, все затруднения и сумел честным трудом снискать насущный кусок хлеба не только себе, но и оказывал еще посильную помощь своим родителям.

Но этот честный путь мальчика скоро был остановлен одним из тех несчастных случаев, которые совершенно извращают все понятия человека, которые свращают его с прямой дороги и кладут свое клеймо на всю остальную жизнь человека.

Лукин был разносчиком фруктов. В одно воскресенье, поутру, он шел с таким же, как сам, тружеником-разносчиком по одной из улиц Москвы. В это самое время, в соседней улице, неизвестные воры обокрали лавку и приказчики успели только заметить, как из лавки выбежали два вора и скрылись в лабиринте улиц и переулков той части города. Приказчики побежали ловить их; в соседней улице им попадаются навстречу два разносчика, ростом и видом похожие на убежавших воров. Приказчики схватывают их и, как воров, приводят в полицию. Эти разносчики были подсудимый 15-летний Лукин и его товарищ. Обоих их заключают в острог по подозрению в этой краже. В это время в остроге сидело около 1000 человек разного рода подсудимых и арестантов.

И вот 15-летний мальчик, не знавший ни жизни, ни людей, попадает в тот особенный мир, где самое черное злодеяние считается доблестью, где нарушение закона признается долгом, где порок и преступления возведены в искусство. Два года просидел 15-летний Лукин в этой заразительной атмосфере, рядом с ворами, убийцами, разбойниками и т. п. Через два года только суд оправдывает его и освобождает. Суд мог возвратить ему свободу, но не мог вернуть ему светлого взгляда на жизнь, доверия к людям и закону. Все это безвозвратно было потеряно Лукиным в том мрачном убежище, в котором он прожил два года. Два года жизни в остроге не могли пройти бесследно по впечатлительной душе юноши. («Голос» № 88).

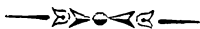
СТИХИ И ПРОЗА НЕКРАСОВА

Вслед за стихами Комиссарову Некрасов явился со стихами Муравьеву *. Вслед за стихами Муравьеву он явился с прозой, в том же игорном клубе, который превращен в Ескуриал* темного жонда. «Муравьев,— пишут „Моск. вед.“ № 84,— говорил довольно много после обеда; он указывал на вредные учения, распространяемые в обществе, на нигилизм, прививаемый к молодому поколению. Г-н Некрасов, издатель „Современника“, присутствовавший при этой беседе, повторял, обращаясь к графу: „Да, ваше сиятельство, нужно вырвать это зло с корнем“. Нельзя не порадоваться такому согласию между взглядами литературных деятелей и потребностями общества».

Браво, Некрасов... браво!.. Что вы написали стихи в честь крестьянина, который спас государя, нас не удивило. Мы не любим ни официальных восторгов, ни горестей, совпадающих с распоряжениями полиции, однако понимаем, что подвиг Комиссарова мог расшевелить демократическую музу вашу... Но что вы пишете стихи в честь Муравьева, в которых вы говорите: «Вся Россия бьет ему челом», чтоб «он виновных не щадил!»... но что вы, забывая всякий стыд и всякое приличие, осмеливаетесь приговаривать палачу, оттачивающему свой топор: «да, в. с., нужно вырвать это зло с корнем»...

Признаемся... этого и мы от вас не ждали, а ведь вам известно, как интимно мы знаем вашу биографию и как многого мы могли от вас ждать.

Браво, Некрасов, браво!

ВТОРОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ И ВТОРОЙ ГОДУНОВ

Главное управление по делам печати получило *второе* предостережение от Каткова. Оно повеся голову ждет третьего, а затем и упразднения. Перепуганный Валуев, у которого открылось такое красноречие, что «залы благородного собрания» его называют «le prince de la parole»¹, поспешил умиловить правительствующего издателя смирением, уничтожением — и похвальной кротостью. Но арендатору этого мало и, если каючаяся администрация не отречется, бия себя в грудь и ланиты, от своего предостережения, он грозит сложить с себя регентство. Мы предвидим светило, идущее на затмение Комиссарова. Поедут дворяне, избранные сами собою, — поедут со всех концов России на долгих и почтовых бить челом отцу редактору и самодержцу... кварталные и жандармы, агенты тайной полиции, попы, обскуранты пошлют телеграммы... Россия изойдет, истощится адресами так, как она истощалась несколько лет тому назад юбилеями. Катков будет отказываться, как Борис Годунов, как Иоанн в Александровской слободке, дворянство заплотит за него штраф и поднесет вторую чернильницу *... Государя забудут, Каракозова (из татар) казнят *... нет, нет, Муравьев протянет дело до смягчения сердца редактора-регента.

¹ Речи, сказанные Валуевым на известном обеде, плохи по пустоте, по неясности, по трюизмам и проч., но министр чрезвычайно льстит дворянам и, зная язык, к которому наши «кружные помещики» привыкли, он употребляет слова «вы изволили», решительно оставшиеся в употреблении у старых дворянских людей, у нянек, ключниц и проч. В отместку ему «залы дворянского собрания» *изволят* находить, что Внутренние Дела — Цицероны, и возводят его в сиятельное звание «князя речи»*.

И оно смягчится, но на каких условиях? Ему нельзя дешево взять за второе спасение единства России: Константина Николаевича — в отставку, всех соприкосновенных к делу о предостережении — в Сибирь, уничтожение всей семьи Коршей, перевод Краевского на другие золотые прииски (в Камчатке), *Скедо-Ферроти* — на каторжную работу, смертную казнь трех поляков по его выбору; наконец он, вероятно, потребует, чтоб его поминали на ектенье: «И еще помолимся о единства России хранителе, воередакторе и архистратиге московском и всероссийском боярине Михаиле и супруге его».

Пусть держится — всё дадут... Страх многомилостив и всещедр.

И в самом деле, отойди он от «Ведомостей» — что будет с Россией, на кого оставить государя, — на *одного* Муравьева? *С ним с одним* страшно в комнате оставить кого бы то ни было...

СПАСИБО МУРАВЬЕВУ

Отрезанные от России, мы всегда радуемся, когда случай доводит до нас весть о старых знакомых. Так, мы узнали с искренним удовольствием о том, что Н. П. Боткин жив и здоров, по телеграмме Муравьева, в которой тот его благодарит за какой-то мадригал, присланный почтенным Николаем Петровичем еще более почтенному Михаилу Николаевичу, о чем и извещает публику *alter ego* Михаила Николаевича — Михаил Никифорович.

НЕ СТОИТ
(ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ)

Мы просим позволения у особ, подписавших письмо, которым требуется, чтоб редакция «Вести» назвала хоть одно *русское* имя в числе тех «всемирных революционеров и их сообщников», которые в Женеве говорили 6/18 апреля, *что знают звание стрелявшего в государя*, не печатать его. Несмотря на очень замечательные подписи, *мужские и женские*, нам кажется, что подымать эту тысячу первую клевету не стоит. *Ни одного русского имени, принадлежащего к той среде, о которой говорит петербургский листок, он не назовет. В этом мы уверены!*

«НЕ СОЛГИ»

«Двора е. в. обер-церемониймейстер, вице-президент капитула российских орденов (*сего хранителя чести, заслуг, доблестей и рыцарских подвигов и деяний!*) тайный советник Хитров всемилостивейше уволен, согласно прошению его, по болезни вовсе от службы»*.

Тут в трех строках *три лжи*. Во-первых, Хитров, слава богу, здоров; во-вторых, вышел не только из службы вопреки своему желанию, но и из клуба в Ницце, откуда его уволили за оригинальное понимание выигрышей и проигрышей и некоторые практические улучшения в ставках и получении денег, не нашедшие сочувствия товарищей— не по капитулу, а по игорному дому.

Мы давно знали об этом деле и молчали, не находя в этой обыкновенной истории ничего умного, нового, ни хитрого, кроме фамилии шалуна вице-президента капитула, но перед всемилостивейшими укрывательствами не могли не напомнить правды.

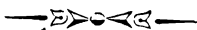

ЮР. НИК. ГОЛИЦЫН НА ВОЗДУХЕ

Мы с большим удовольствием прочли в «Моск. ведомостях», что наш лондонский Орфей, кн. Ю. Н. Голицын, имел тоже свою долю оваций, непрерывно продолжающихся с 4 апреля. 18 апреля на Кузнецком Мосту служили молебн. Голицын управлял певчими... «Несмотря на дождь и ветер, народу

собралась громадная масса; крыши соседних домов были уни-
заны зрителями. По удалении духовенства, хором военной
музыки и хором певчих, под общим управлением князя Ю. Н. Го-
лицына, много раз исполнен был народный гимн, а также и
хор „Славься“ из оперы Глинки. Громкое тысячеустное *ура*
почти непрерывным гулом оглашало воздух. По окончании
пения народ восторженно выражал признательность кн. Го-
лицыну, *подбрасывал его*, по русскому обычаю, и на *ура Комисса-
рову*, предлагаемое князем, отвечал громким *ура князю*».

Тот, кто знает объем, высоту, густоту, словом, волюм кн. Го-
лицына, у того так же замрет душа, как у нас, при чтении,
что его швыряли в воздух. Ну, сорвись такая масса,— поду-
мать страшно!

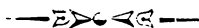

ЕЩЕ О НЕКРАСОВЕ

В «Отголосках» № 38 сказано, что Муравьев, по-видимому,
не большой поклонник виршей Некрасова, заметил ему: «Я же-
лал бы вас отстранить от всякой круговой поруки с злом,
против которого мы боремся, но вряд могу ли»... Ха, ха, ха...

Vivez donc des privations,
Prenez donc des précautions!*

...Вот первая награда... А вторую пророчит один крепо-
стнический орган, говорящий наивно, что «*все равно*, найдут ли
или нет сообщников Каракозова, *они виноваты*».

ПИСЬМО К ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II

Государь,

было время, когда вы читали «Колокол» — теперь вы его не читаете. Которое время лучше — то или это, время ли освобождений и света или время заточений и тьмы,— скажет вам ваша совесть. Но читаете вы нас или нет, этот лист *вы должны прочесть*.

Вы кругом обмануты, и нет честного человека, который смел бы вам сказать правду. Возле вас пытаются, вопреки вашему приказанию, и вы этого не знаете. Вас уверяют, что несчастный, стрелявший в вас, был орудием огромного заговора, но ни большого, ни малого заговора *вовсе не было*; то, что они называют заговором,— это возбужденная мысль России, это развязанный язык ее, это умственное движение, это ваша слава рядом с освобождением крестьян. Вас ведут от несправедливости к несправедливости, вас приведут к гибели, если не в этом свете, то в будущем свете истории. Вас приведут к гибели заговорщики в самом деле вас окружающие, не потому, чтоб они этого хотели, а потому, что им это выгодно. Они пожертвуют вами так, как они жертвуют теперь сотнями невинных, которых невинность они знают, так, как они жертвуют честью семей, выдавая позорные билеты честным женщинам...

Что вам не может это нравиться, я в этом убежден, и оттого-то решаюсь писать к вам. Но этого мало. Узнайте *сами* истину и проведите *свою волю*, как вы ее провели при освобождении крестьян.

Четвертый раз выхожу я на дорогу, по которой вы идете, и останавливаюсь на ней, чтоб обратить ваше внимание не на себя, а на вас самих.

«От вас ждут кротости, от вас ждут человеческого сердца,— писал я, когда вы сажались на престол.— Вы необыкновенно счастливы!»* «И до сих пор ждут, вера в вас сохранилась»*,— прибавил я через два года с половиной.

Прошло семь лет, и как много прошло в эти семь лет! Я был на юге Франции, когда потухал ваш сын. Первая весть, услышанная мной в Женеве, была весть о его кончине. Я не выдержал и, бранимый многими, взялся за перо и написал вам третье письмо, в котором говорил: «Судьба неумолимо, страшно коснулась вас; в жизни людской есть минуты грозно торжественные. Вы в такой минуте, ловите ее. Остановитесь под всей тяжестью удара и подумайте, только без сената и синода, без министров и штаба, подумайте о пройденном и о том, куда вы идете. Решитесь, не дожидаясь второго удара»*.

Вы не решились. Судьба еще раз коснулась вас*, и пусть меня называют сумасшедшим и слабым, я пишу к вам — так трудно мне окончательно расстаться с мыслью, что вы вовлечены другими в тот исторический грех, в ту страшную неправду, которая совершается возле вас.

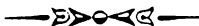
Вы не можете желать зла России за ее любовь к вам. Это неестественно. Станьте же во весь рост за нее, изнемогающую под тяжестью клеветы и испуганную тайным судилищем и явным произволом.

По всей вероятности, это последнее письмо мое к вам, Государь. Прочтите его. Одно бесконечное, мучительное горе о гибнущей юной, свежей силе под нечистыми ногами нечестивых стариков, поседелых в взятках, каверзах и интригах, одна эта боль могла меня заставить еще раз остановить вас на дороге и еще раз поднять голос.

Внимания, Государь, внимания к делу. Его имеет право требовать от вас Россия.

И с к а н д е р

Женева, 31 мая 1866.

НАПОМИНАНИЕ

Мы просим наших читателей — утром вставая и вечером ложась спать, вспоминать, что дело о выстреле 4/16 апреля не будет судиться публично.

ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Наконец-то письмо из Петербурга. Передаем главную часть его:

Аресты самые безобразные, самые беспричинные продолжаютя. Во что бы то ни стало хотят заугать государя и уверить его, что он своей кротостью и благодушием дал созреть охватившему всю Россию заговору, что необходимы решительные меры. Зло, причиняемое доносящими журналами, безмерно. Все общество сначала было уверено, что не нынче-завтра раскроют огромный заговор; все готовы были помогать полиции, и на первом плане помогали *гвардейские офицеры*. Тайна, в которой ведется дело, после обещанной Муравьевым гласности, охладила многих — начинают подозревать интригу. Но дело сделано, и толчок дан... Из полиции Трепов выгоняет всех, кто, по его понятию, не способен быть злым гонителем всего молодого и живого, из учебных заведений гонят учителей, на уроках которых ученики держат себя развязнее. Шпионов бездна здесь, много отправлено в Москву, в провинции и в чужие края, особенно в Швейцарию) (*милости просим!*). Муравьев удвоил им жалованье.

Каракозов не признает себя Каракозовым и не признает двоюродного брата, его признавшего. Муравьев требовал выписать из Сибири Чернышевского, *на что государь не согласился*. Из лиц известных арестованы: *Благосветлов* (в самом начале), *Зайцев*, *Курочкины*, *Худяков*, полковник *Лавров*, *Елисеев*, *Европеус* с женой и его брат, *Ковалевский*, *Слепцов*; арестовано много девиц и женщин (нигилисток). Из последних некоторые выпущены и вместе с тем награждены *желтыми билетами, которые выдают публичным женщинам*.

«Отысканы ли следы какого-нибудь общества?» — спросил один знакомый Муравьева. — «Общества нет никакого, но будет, если не истребить вредные *гадатки*». Муравьев ищет этих задатков везде, даже за границей. Он хочет приплести к делу 4/16 апреля не только обличителей, отрицателей и нигилистов, находящихся здесь, но и тех, которые за границей. Говорят, что вольный слушатель медицинской академии *Бельский* (или *Бельгин*), здоровый, красивый малый, находясь под арестом, заболел и отправлен в секретное отделение военно-сухопутного госпиталя. В прош-

лую субботу, 30 апр. [12 мая], утром в 9 час., в своей каморке, он повесился. На стене найдена надпись: «Меня по приказанию Муравьева пороли нагайками».

Говорят, что Каракозова пытали разными оригинальными средствами. Он твердо отвечал при первом допросе. Ночью допросы опять начались и продолжались непрерывно *трое суток*. Пытать его хирургическими средствами не смеют: *утверждают, что государь не приказал*, а потому прибегли к новым *бесследным* пытаньям и к науке. Сначала его ставили в какой-то футляр, но доктор *Здекауер* сказал, что он или умрет или совсем сойдет с ума, а потому ученый врач и посоветовал футляр заменить раздражающим электрическим током. (Здекауер пожалован 16/28 апреля в *тайные советники!**). Несчастный пациент заболел, перестал принимать пищу, говорят, он при смерти. Многие уверяют, что он умер 2/14 мая (?). (Что сделает Муравьев, разве поставит свежего Каракозова?)...

..В день выстрела графиня Ридигер сказала императрице, что она давно слышала, что будет покушение, что она слышала это от Потоцкой и говорила Анненкову, который не поверил. Потоцкая посажена в тюрьму и сошла с ума (этот факт мы прежде читали в «Times»). Партия Муравьева и «Московских ведомостей» старается из-под руки бросить подозрение на Константина Николаевича... Муравьев рассорился уже с Шуваловым.

Р. С. Курочкиных выпустили.

Перед этим письмом мы остановились с какой-то бесконечной, жгучей болью... Вот куда пришло это царствование *освобождения*, и виноват не царь (из письма видно ясно, как он бьется и упирается в потемках, сделанных около него), а *общество*, превратившееся в полицию, и безнравственная *пресса*, сделавшаяся общественным доносчиком и обвинителем при Муравьеве.

Несчастный народ, в котором могла зародиться и назреть такая среда, наглая и уродская, которая безнаказанно учит палачей, рукоплещет им и натравливает их!

«Мы еще не созрели», — говорил кто-то в Петербурге, и все сердились на него, «а уж *сгнили*, — прибавим мы, — *страшно сгнили...*»

У нас была готова статья, но, прочитавши письмо, мы ее изорвали, — все слабо и бедно, слов недостает, мы это глубоко чувствуем!

Но нельзя же и руки сложить в праздном озлоблении, нельзя же замолчать с проклятием на губах! Нет, это была бы

измена всей нашей жизни, а ее не много впереди. Мы остаток ее употребим на обличение перед миром исторического преступления, совершающегося в России, и на подкрепление и утешение несчастного молодого поколения, идущего на мученичество за свою святую любовь к истине, за свою юную веру в Россию. Мы, старики, станем у изголовья гонимых, отирая пятны клеветы и благословляя погибающих провозвестников *будущей России*.

Ее они не запытают, от нее Эдекауер не вылечит своим электрическим током.

...А хорошо это употребление электричества. Наука и пресса, исполняющие должность палача и орудия пытки... Далее падение человеческое идти не может.

Что же, в самом деле, прибавить? Разве *желтые билеты*, выданные девицам и женщинам за то, что они остригли волосы и мечтали, что лучше жить работой, чем на чужой счет, и — тот журнал, который в них же и бросил грязью...

Нас упрекали недавно, что мы смеясь говорим о мерзостях и неистовствах, делающихся теперь в России.

Не поняли нашего смеха.

Но пусть так; будем говорить серьезно и, во-первых, поставим вопрос, откуда явилась эта удесятеренная нетерпимость в обществе, окружающем, как венок, следственную фабрику, на которой Муравьев тачает несуществующий заговор? Откуда это новое остервенение против *нигилизма*, под которым теперь разумеют всякую свободную, независимую мысль, всякое учение, не похожее на то, что проповедают неокрепостики?

Неужели просто из любви к Александру Николаевичу, освободившему большую часть ярых обличителей от половины дохода?* Столько сентиментальности в них нет: и тут корни, видно, идут дальше.

...Два года тому назад, в первый раз на дворянских вершинах России, заявила потребность совершеннолетних учреждений, высказалось желание гражданской свободы и собственного участия в своих делах. Это было в Москве — чего же лучше?

Но вот что уже не так хорошо. *Первое* слово, сказанное в московском дворянском собрании, было враждебно независимой печати, и вслед за благодарностью журналисту-доносчику явился с своей плоской речью Орлов-Давыдов, требуя ограничения самовластья и *книгопечатания* (у нас-то!), браня провозвол чиновников и перевод Бэкли *...

По химическому средству среда, которая не могла выносить свободного слова, соединилась с инквизиторами и палачами. До Каракозова, или как он там называется, дела им нет, его тотчас же оттерли на второй план; доносы в их журналах обвинили в аттепате — все *свободномыслящее в России*, восходя от пугилистов до Чернышевского, от Чернышевского до Петрашевского, добираясь до Белинского и т. д. Умри Каракозов, живи он — им совершенно все равно: затем-то и *тайна* перед публикой, а вдвое того перед государем, который должен верить во что б ни стало *в вселенский заговор*.

Какую же *свободу* нужно было этим азиатским рабам с их боязнью мысли и слова? На что она им? Оплакивать крепостное состояние они и теперь могут — они сами не знают, каково им будет без ливреи: она приросла к ним, им будет жутко и холодно на вольном воздухе... Это те же помещики и те же чиновники в другом издании. Орудия у них взяты из съезжих, из уголовных палат, литература у них — следственное дело; в серьезный спор ни они, ни их журналы не идут. В серьезном споре мы первые готовы поднять перчатку; нашлись бы и другие дома, если б возражение им не пахло Петропавловской крепостью. Они не спорят, а жалуются по начальству, они обращаются не к противникам, а доносят о беспорядках; они вызывают не возражения, а экзекуции, они хотят не убеждать, а *усмирять*.

Пока консервативно-либеральное дворянство было одно с своими литературными дворецкими, со своей слабонервной оппозицией, оно было смешно; но когда с ним испуг России, Муравьев, да три полиции, да армия, да электрические токи, да сам Валуев *изволит* быть с ними * — тогда не до шуток.

Вместе они представляют ту темную силу, которая влечет слабого государя от одного преступления к другому и толкает Россию в ее прежний хаос.

...Да зачем же у государя нет энергии вырваться из опеки? Зачем он не сделает того, что умел сделать Наполеон I с Саллой, и не допросит сам Каракозова, для того чтоб узнать не только правду о выстреле, но правду о том, как в России во второй половине XIX века делают следствия?

Зачем?..

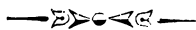

ПОПРАВЛЕННОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

В прошедшем листе «Колокола», говоря о песнопении Некрасова Муравьеву и его одобрителном поощрении в прозе, мы сказали: «Этого и мы от вас не ждали, а ведь вам известно, как интимно мы знаем вашу биографию и как *многого* мы могли от вас ждать». Эти строки приняты за донос одним господином, писавшим к нам на днях*; ему, вероятно, показалось, что мы хотели сказать, что, *зная* биографию Некрасова, мы ждали от него много *хорошего*. Но самое простое перечитывание фразы ему покажет, что мы ждали от Некрасова, зная его antecedенты¹, — бездну *дурного*, но все же не ждали панегирик Муравьева. А потому слова наши не только не донос, но оправдание, но облегчающая причина, которой поэт может воспользоваться. После высказанного мнения можно ли думать, чтоб между им и нами были какие бы то ни было сношения?

¹ Мы готовы — если нужно для его оправдания и по желанию его друзей — их напечатать.

УНИЧТОЖЕНИЕ, ГОНЕНИЕ, СРЫТИЕ С ЛИЦА ЗЕМЛИ, ПРИРАВНИВАНИЕ К НУЛЮ КАРАКОЗОВЫХ

Вглядываясь в необузданность нашего азиатского рабства, в его монгольский характер, в самом деле начинаешь верить Ганри Мартигу, что мы чистые туране, т. е. какая-то тибетская чухна, украшая иранский язык, кое-как спрятавшая монгольские скулы и надевшая немецкое платье. Мы неблагопристойно раболепны. На днях мы читали, как какой-то ветеран требовал уничтожения фамилии Каракозовых (по счастью, ограничиваясь *именем* и позволяя лицам продолжать свое существование под другим заглавием) *, и дивились нелепости этой фантазии, никак не ожидая, что помещичий «Père Duchesne» подарит нас и не такой прелестью:

Нам доставлена, — пишет «Весть», — из Сердобского уезда, места родины преступника Дмитрия Каракозова, следующая корреспонденция:

Перед 25 апреля все уездные предводители губернии съехались в Саратов, чтобы составить всеподданнейший адрес по случаю покушения 4 апреля и о том, что преступник вышел из нашей местности. 28 апреля все саратовские предводители должны были выехать по дороге в Петербург.

Сердобский уездный предводитель г. Акимов, вследствие уговора с прочими предводителями о немедленном отъезде их в Петербург, не мог прибыть лично в Сердобск, а прислал эстафету на имя уездного исправника Церинского и просил его собрать повестками на 26 число, в город, дворян уезда и пригласить кандидата предводителя А. Н. Ладоженского. Между тем пошли по городу и уезду разноречивые и нелепые толки о предмете ожидаемого собрания дворянства. Два родные брата преступника Дмитрия Каракозова (из которых один — мелкопоместный дворянин и в то же время местный уездный врач в том же уезде, Алексей Влад. Каракозов), совершенно убиты горем от бесславья, постигшего все их семейство вследствие злодейского преступления брата. В настоящее время гово-

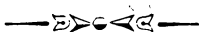
рят, что эти несчастные не знают, что им делать теперь с собою и с своим именем. Рассказывают, что к Алексею Каракозову явился один из чиновников местной полиции и уверял его, что пародвприпадке ожесточения может совершить над ними насилие, если они покажутся на улице, и что дворяне не допустят их в собрание, если они осмелятся туда явиться под каким-нибудь предлогом; что имение у них дворяне купят обязательно и дом их и усадьбу, где жила преступник Дмитрий Каракозов, уничтожат, сра-
няют, а может быть и сожгут (!); что, наконец, им всем, Каракозовым, теперь нет места не только в Сердобском уезде и Саратовской губернии,— но что их даже во Франции и Англии будут преследовать...

26 апреля, в 4 часа пополудни, кандидат предводителя Ладоженский объявил уездное собрание дворянства открытым и прочитал прошение собранию двух братьев Каракозовых (Алексея и Петра), объясняющее: как к ним приходил в Сердобске накануне один из членов сердобской полиции, что говорил,— и в заключение они объявляют дворянству их желание изменить свою фамилию, отступить от земли, ежели дворяне хотят ее приобрести, и в то же время пожертвовать свою долю из стоимости имения на какое-нибудь благотворительное дело. Самих просителей в собрании не было. Вслед за тем в собрании высказано было мнение, что если семейство Каракозовых пожелает имение свое продать дворянам, а дворяне пожелают купить, то это сделать можно не иначе как согласно правилам Св. зак., т. X и XI; что двух братьев Каракозовых, находящихся в Сердобске, невзирая на запрещение чиновников полиции (буде оно и было), следует пригласить в собрание и составить с ними предварительный договор о продаже их имения, ежели они имеют право располагать им свободно*.

До этой белой горячки раболепия, до этого дикого тупоумия действительно не доходили европейские народы. Как же государь дозволяет гнать, оскорблять совершенно невинную семью из-за выстрела 4 апреля? Хорошо, что надо ездить в Сердобск, чтоб искать Каракозовых, да и там их двое; ну, а будь стрелявший Иванов или Петров — им же числа и меры нет?

Да покраснейте же...

Или хоть бы Шувалов, министр полиции, заставил вас покраснеть по начальству.

ВАЖНАЯ ПОПРАВКА

Под этим заглавием в 36 № «Вести» напечатано следующее:

В № 29 нашей газеты напечатано известие *из Женевы*, в котором между прочим, было сказано, что «истинная цель покушения на жизнь государя должна быть в замыслах революционеров всемирной пропаганды.

Предположения эти получили некоторое подтверждение. В Женеве (где печатается „Колокол“ и другие революционные славянские издания) журналы печатали 6(18) апреля, что преступник русский; люди, заведомо состоящие в сообществе с революционерами всех народов, утверждали, что преступник не только русский, но дворянин.

Откуда знали они это 6(18) апреля утром, когда в Петербурге сделалось известным только 12(24) апреля имя и звание преступника».

Не желядая вводить в заблуждение кого бы то ни было, мы считаем своим долгом пояснить, что *один из редакторов «Вести» находился в то время в Женеве и ничего подобного не слышал*. Оставляя напечатанное в № 29 «Вести» известие на ответственности автора письма и открывая ему наши столбцы, если он пожелает подтвердить сообщенный им слух, вышеозначенный редактор «Вести» предполагает, не был ли автор введен в заблуждение тем обстоятельством, что действительно в одном из женевских журналов была напечатана, кажется, 6(18) апреля телеграмма, в которой сообщалось известие, что английский журнал «The Owl»(!!) напечатал, что преступник есть русский дворянин.

Кажется, к этому прибавлять ничего не нужно...

ЗАДЕРЖАНИЕ «МОСК. ВЕДОМОСТЕЙ»

Россия на два месяца избавлена от «Московских ведомостей»*. Рано радовался Катков попранию Головнина *. Как прав поэт, сказавший:

У царя, у нашего,
Все так политично,
Что и без Тимашева
Высекут отлично.

И к чему тут здание
У Цепного моста?
Выйдет приказание —
Отдерут и просто*.

Итак, к *отрицательным* редкостям Москвы прибавляется еще одна: к большой пушке, из которой нельзя стрелять, к большому колоколу, в который нельзя звонить, присоединяется большой издатель, который не будет издавать. Это двухмесячное задержание статей Каткова, именно теперь, когда поле доносов так горячо, может сильно расстроить здравие воередатора и телохранителя единства России. Какая неосторожность со стороны правительства, — всё сепаратисты и поляки!

БАРОМЕТР НА ГРАДУС НИЖЕ

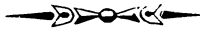
Благородная фигура князя Суворова исчезает с первого плана действий. Это уж «шах» самому себе. Обер-полицмейстер с.-петербургский подчиняется III отделению, так и вся Россия.

ЛЕБЕДИНАЯ ОСТРОТА КНЯЗЯ МЕНШИКОВА

При князе Меншикове говорили о невозможности найти при теперешних обстоятельствах способного министра финансов. Меншиков сомневался. «Ну да вы, князь, приняли бы портфель Рейтерна?» — спросил его кто-то. — «Неприменно, — отвечал Меншиков, — да оно мне и следует. Я был морским министром — когда почти не было флота, главноначальствующим в Крыму — когда не было армии, — кто же лучше меня может быть министром финансов — когда нет ни гроша денег?»

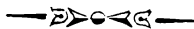
Эта острота напоминает те времена, когда едкие замечания Меншикова развлекали мрачную тоску Зимнего дворца при Николае. Мы боялись, что усердие, показанное князем при защите крепостного права, лишило его этой способности, и с удовольствием видим, что ошиблись.

⟨ПРОСЬБА⟩

СПРАШИВАЕТСЯ: Не могут ли доставить нам сведения о том «бледном» заговорщике, гулявшем с злыми умыслами по саду 4/16 апреля, которого знаменитый генерал Тотлебен собственноручно схватил, скрутил, смутил, вручил? Где он? Кто он? Поляк или нигилист? Когда его будет гальванопластать? Имя, отчество, профессия?

(Просим прислать прямо в типографию).

ОТ ГОСУДАРЯ КНЯЗЮ П. П. ГАГАРИНУ

Князь Павел Павлович,

единодушные изъявления верноподданнической преданности и доверия ко мне вверенного божним промыслом управлению моему народу служат мне залогом чувств, в коих я нахожу лучшую награду за мои труды для блага России.

Чем утешительнее для меня сие сознание, тем более признаю я своею обязанностью охранять русский народ от тех *зародышей* вредных злоучений, которые со временем могли бы поколебать общественное благоустройство, если бы развитию их не было постановлено преград.

Событие, вызвавшее со всех концов России доходящие до меня верноподданнические заявления, вместе с тем послужило поводом к более ясному обнаружению тех путей, которыми проводились и распространялись эти пагубные лжеучения. Исследования, производимые учрежденною по моему повелению особою следственною комиссиею, уже указывают на *корень* зла. Таким образом Провидению благоугодно было раскрыть пред глазами России, каких последствий надлежит ожидать от стремлений и умствований, дерзновенно посягающих на все для нее искони священное, на религиозные верования, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уважение к установленным властям.

Мое внимание *уже* обращено на воспитание юношества. Мною даны указания на тот конец, чтоб оно было направляемо в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал общественного порядка и чтобы в учебных заведениях всех ведомств не было допускаемо ни явное, ни тайное проповедание тех разрушительных понятий, которые одинаково враждебны всем условиям нравственного и материального благосостояния народа. Но преподавание, соответствующее истинным потребностям юношества, не привнесло бы всей ожидаемой от него пользы, если бы в частной семейной жизни проводились учения, не согласные с правилами христианского благочестия и с верноподданническими обязанностями. Посему я имею твердую надежду, что видам моим по этому важному предмету будет оказано ревностное содействие в кругу домашнего воспитания.

Не менее важна для истинных польз государства в его совокупности, и в частности для каждого из моих подданных, полная неприкосновенность права собственности во всех его видах, определенных общими законами и Положениями 19-го февраля 1861 г. Независимо от законности сего права, одного из самых коренных оснований всех благоустроенных гражданских обществ, оно состоит в неразрывной связи с развитием частного и народного богатства, тесно между собою соединенных. Возбуждать сомнения в сем отношении могут одни только враги общественного порядка.

К утверждению и охранению сих начал должны стремиться все лица, облеченные правами и несущие обязанности государственной службы. В правильном государственном строе первый долг всех призванных на служение мне и отечеству состоит в точном и деятельном исполнении своих обязанностей без всякого от видов правительства уклонения. Превышение и бездействие власти одинаково вредны. Одним лишь неуклонным исполнением сих обязанностей может быть обеспечено то единство в действии правительства, которое необходимо для осуществления его видов и достижения его целей.

Мне известно, что некоторые из лиц, состоящих на государственной службе, принимали участие в разглашении превратных слухов или суждений о действиях или намерениях правительства и даже в распространении тех противных общественному порядку учений, которых развитие допускаемо быть не должно. Самое звание служащих дает в таких случаях более веса их словам и тем самым способствует к искажению видов правительства. Подобные беспорядки не могут быть терпимы. Все начальствующие должны наблюдать за действиями своих подчиненных и требовать от них того прямого, точного и неуклонного исполнения предуказанных им обязанностей, без которого невозможен стройный ход управления и которым они сами должны подавать пример уважения к власти.

Наконец, для решительного успеха мер, принимаемых против пагубных учений, которые развились в общественной среде и стремятся поколебать в ней самые коренные основы веры, нравственности и общественного порядка, всем начальникам отдельных правительственных частей надлежит иметь в виду содействие тех других, здравых, охранительных и добронадежных сил, которыми Россия всегда была обильна и доселе, благодаря бога, преизобилует. Эти силы заключаются во всех сословиях, которым дороги права собственности, права обеспеченного и огражденного законом землевладения, права общественные, на законе основанные и законом определенные, начала общественного порядка и общественной безопасности, начала государственного единства и прочного благоустройства, начала нравственности и священные истины веры. Надлежит пользоваться этими силами и сохранять в виду их важные свойства при назначении должностных лиц по всем отраслям государственного управления. Таким образом обеспечится от злонамеренных нареканий, во всех слоях народа, надлежащее доверие к правительственным властям. В этих видах, согласно всегдашним моим желаниям и неоднократно выраженной мною воле, надлежит по всем частям управления оказывать полное внимание

охранению прав собственности и *ходатайствам, относящимся до пользы и нужд* (право петиции!) разных местностей и разных частей населения. *Надлежит прекратить* повторяющиеся поштыки к возбуждению вражды между разными сословиями и в особенности к возбуждению вражды против дворянства и вообще против землевладельцев, в которых враги общественного порядка естественно усматривают своих прямых противников. Твердое и неуклонное соблюдение *этих общих* начал положит предел тем преступным стремлениям, которые ныне с достаточною ясностью обнаружались и должны подлежать справедливой каре закона. Поручаю вам сообщить настоящий рескрипт мой, для надлежащего руководства, всем министрам и главноначальствующим отдельными частями.

Пребываю и пр.

А л е к с а н д р

В Царском Селе 13/25 мая 1866.

...Итак, вот оно, последнее эхо на выстрел!

Страх перед чем-то неопределенным, благочестивые, но не новые размышления, дурной слог, безыменные намеки, заученный урок и нравственный *сoup d'Etat*¹...

Мы решились целиком перепечатать эту тяжело думанную и тяжело написанную диссертацию², потому что видим в ней своего рода исторический, пограничный столб, дурно сделанный, дурно окрашенный, неуклюжий межевой знак, но все же знак.

Будь это риторическое упражнение о развращении умов и сердец, о лжеучениях и теории собственности писано не только Деляновым, туда же пустившимся в красноречие, но и самим Толстым, министром *духовных дел*, мы не обратили бы на него ни малейшего внимания. Такие ли чудеса мы читали в журналах, ставших поперек дороги русского развития. Но высочайшая диатриба, брошенная с той высоты, на которой стоит трон, — совсем другое дело. Как бы она ни была лишена собственного веса, она должна долететь до наших низменных полей пушечным ядром и что-нибудь разбить или разбиться.

¹ переворот (франц.). — *Ред.*

² По всей вероятности, письмо это писал «сам к себе» Гагарин. Все это продолжение системы, начатой с известного пожара в Петербурге*, — системы интимидации государя. Его уверяют и стращают, он уверяется, стращается и подписывает, как будущий конституционный император, не зная, что — *il règne, mais ne gouverne pas**.

Внимательно рассматривая эту царскую грамоту, напоминающую нам в своем светском любомудрии духовную иконопись, которой изукрасил митрополит Филарет манифест об освобождении крестьян *, нас прежде всего поражают *три вещи*.

Во-первых, из нее выходит ясно как день, что заговора, примыкающего к выстрелу 4/16 апреля (как мы говорили и повторяли), *не было*, — *до того не было*, что его не могли натянуть, несмотря ни на потемки, в которых делалось следствие, ни на выбор следопроизводителя, ни на средства, употребленные им. Заговор и поляки, участие нигилистов и всемирной революции — все это интрига, ложь, клевета. Ее вложить в уста государя даже они не осмелились. Осталось выехать на *нравственном соучастии*, т. е. на безнравственной *complicité morale*, — перехватывая дружеские и семейные переписки, помеченные для себя мысли, запутать ими все мыслящее в молодом поколении, все проснувшееся к умственной жизни смертью Николая и вздохнувшее свободно после нее. О каких виноватых говорит письмо, понять невозможно. По делу Каракозова могли быть виноватыми одни *сопричастные ему*, а не все люди, думающие, что русское правление не есть идеал всех правлений, и рассуждающие о праве собственности. Прудон очень много писал о собственности, но никогда не был обвиняем ни в каком attentate. Это младенческое неразвитие самых первоначальных юридических понятий как-то грустно поражает... Тем не меньше *отрицательное* признание, что заговора нет, мы отмечаем как первую и великую победу правды над интригой мелкого петербургско-московского жонда.

Один противник указан и признан, без имени, живою силой и мощью — соперником, с которым надобно считаться, который растет и будет расти, если его не задушить теперь, словом, признан и объявлен государем за *беллигерантную*¹ сторону. — Кто этот противник с опущенным забралом? — Верно, либеральное дворянство, так упорно и самостоятельно стремившееся ограничить самодержавие, оппозиционное, петиционное?.. О нем ни слова... Гигант в колыбели, которого правительство

¹ *воюющую* (франц. *belligérant*). — *Ред.*

боится, в котором чует будущего наследника, — это *социальные учения*, это идеи нескольких ничтожных литераторов, молодых людей, нигилистов и нас, грешных. Характер того движения, которое стремится к разложению старых форм русской жизни, мешающих сложиться вырастающим силам ее, инстинктивно признан *социальным*¹... и потому правительство становится за вечный утес консерватизма и реакции — за поземельную собственность: ее оно хочет защищать, ею оно хочет защищаться... на помощь ей зовет катехизис, домашнее воспитание, соглядатайство начальников и все свои силы, т. е. все свои полиции.

Эту царскую инвестицию мы принимаем за *вторую победу*.

Третья победа — «не нам, не нам», но и не *народу русскому* *. Кстати к народу: один из самых замечательных фактов письма к Гагарину — это полнейшее отсутствие *народа*, которому так недавно льстили... ни одного ласкового слова, ни одного приветствия, ни даже спасибо за спасение жизни! Пейзаны надоели. Комиссарова лишили прав состояния, зачислили по дворянству, и довольны с них. Третья победа — прежнему, старому царскому другу детства, — *помещичеству*². Его, как слабого цыпленка, двуглавый орел берет под оба крыла, за него, вечного недоросля, правительство, как мамка Митрофанушки, готова выцарапать глаза каждому. Письмо *кладет*

¹ Само собою разумеется, что ни одно серьезное социальное учение никогда не нападало на право собственности с точки зрения грабежа. Читатели наши видели недавно изложение Прудоновой новой теории*. Критика собственности — грабежом делается только имперскими социалистами в западных губерниях*. Одним из глав этого ученья — сам П. П. Гагарин. Мы знаем его мнение при обсуживании в Государственном совете милютинской инструкции*. Ультрасоциальные и нивеляторские тенденции князя (хотевшего в 1849 арестовать Милютину по делу Петрашевского)* тем больше удивили, что князь был один из яростнейших крепостников, когда дело шло о земельном наделе русских крестьян*.

² Дворянство так это и поняло: «Весть» (№ 38) в своих комментариях к эпистоле прямо говорит, что не понимает, «как после рескрипта оставаться на государственной службе людям, которые не могут не сознаться в своей вражде к *дворянству*»*. Поздравляем служащих — они не только на службе государства, народа, но и *дворянства*, так, как их дворян, людская, кучера, прачки...

предел всякому гласному обсуживанию великого процесса — помещиков с крестьянами.

Вот и всё.

Затем государь сообщает сквозь Гагарина народу, что он хочет вести Россию *другим* путем. *Каким?* Этого, кажется, он и сам еще порядком не сообразил, но ясно, что *дурным*. Из всего письма видно раздражение, желание управлять круче, подтянуть поводья короче, теснить больше, давить крепче... С этой целью державный корреспондент князя Гагарина предлагает сделать из всех начальников — соглядатаев для своих подвластных, а потом *предписать* им «иметь в виду содействие *тех других*, здравых, охранительных и добронадежных сил, которыми Россия обильна».

Тут мы, признаемся, ничего не понимаем; это вроде того, что поется в сибирской песне: «Разговор мой дорогой разговаривал со мной». Тут явным образом Гагарин за Гагарина зашел...

К этой-то *энергической и удобоисполняемой* мере ничего не прибавлено, кроме уверенности, что «соблюдением этих общих начал положится *предел*» всему злу, и все пойдет как по маслу.

...Мы воображаем себе, как государь, проскучав это длинное послание Гагарина к Гагарину, обер пот с державного лица и, бросая перо, которым подписывался, сказал: «Ну, слава богу, спас трон, алтарь, дворянство, собственность, нравственность, порядок... Правда, тяжелыми периодами надобно спасать все эти хорошие вещи, ну да раз в жизни, куда ни шло... Зато дело сделано!»

Теперь, Павел Павлович, извольте-ка всем начальникам — не исключая ни горных, ни соляных, ни медицинских, ни морских — вменить в строжайшую обязанность *вызывать те, другие и благонадежные силы*.

Государь отдохнет.

И дворянство, с 1860 года дрожавшее от страха и гнева, также отдохнет... не нужно ни тратиться на «Весть», ни Сазикову заказывать золотую песочницу временнозадержанным «Моск. ведомостям»*, ни делать вид, что коли так — так так, а не так — так давай конституцию, хотим, мол, учреждений... *à l'anglais*¹...

¹ на английский манер (франц.). — *Ред.*

Спите, братцы, почивайте!..

А вы, бедные сосланные, в неволи заключенные, уцелевшие в цепях, работающие в рудниках, гонимые друзья, — мужайтесь. Мы дожили с вами до великого времени. Не даром вы страдаете, не даром и мы работали целую жизнь. *Это заря страдного дня, но дня, который мы ожидали.*

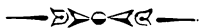
...Когда император Траян посылал Плиния на следствие о лжеучении назареев; когда сенат римский задумывался над распространением нелепой и безнравственной секты казненного Иудея, а Тертуллиан защищал ее от гнусных обвинений в *убийствах*; когда еще прежде Нерон сваливал на них, как на *поджигателей*, вину известного пожара, а другие цезари травили их *гласно и всенародно* наивными Муравьевыми из зверинца, — дело христианства было выиграно.

И мы последним писанием кесаря шагнули вперед. Нам дарован за царской скрепой патент, мы не забудем 13/25 мая 1866 года.

Это начало борьбы... это начало войны.

Конца ее мы не увидим... вряд увидят ли младшие из юных. Туго развивается история, упорно защищается отходящее, медленно, смутно нарождается водворяемое... но самый процесс, самая драма исторической беременности полна поэзией. Всякому поколению свое, мы не ропщем на наш пай, мы дожили не только до красной полосы на востоке, но и до того, что враги наши ее видят. Чего же больше ждатель от жизни, особенно когда человек, положив руку на грудь, с чистой совестью может сказать: «И я участвовал в этой гигантской борьбе, и я внес в нее свою лепту...»

...А вы, Павел Павлович, пишите еще письмо к себе, какой-нибудь комментарий к царскосельскому посланию или, как Плиний jun., пишите самому цезарю о низложении новых назареев, о их ничтожности, о вашем к ним презрении... только пишите!

ПРОЗЕРПИНА-МУРАВЬЕВ

Какие-то шалуны напечатали в познанских газетах о похищении Муравьева, с разными забавными подробностями,— как его бросили в Неву и пр.

Можно думать, что это он сам посылает такие пошлые утки по миру, для того чтоб все-таки доказать, что заговор существовал, и какой еще: в котором участвовали кареты и лошади, царские дивреи и императорские реки.

Зачем это выдумывают такие истории, от которых l'eau vient à la bouche¹... не Прозерпине-от-инфантерии, а читателю.

ФАЛЬШИВЫЕ МОНЕТЧИКИ ИЗ ДВОРЯН

Читатели наши помнят дело о фальшивых ассигнациях в Харьковской губернии, в делании которых участвовали предводители, помещики и пр. После полного замиренья *исполнительной власти* с благородным дворянством следопроизводителям предписано: *вести следствие так, чтоб дворян как можно больше выгородить*. К фальшивым бумажкам прибавятся фальшивые бумаги. По плодам можно судить о пользе нового союза!

¹ слюнки текут (франц.).— *Ред.*

СЧЕТ «КЁЛЬНСКОЙ ГАЗЕТЫ»

«Кёльнская газета» от 4 июня сообщила, что по делу Каракозова в Петербурге арестовано 139 человек, в Москве 98. Из них под следствием *умерло* 2 в Москве, а 9 в Петербурге.

ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Мы получили вчера новую корреспонденцию из Петербурга, от другого лица. Подтверждая все напечатанное нами в прошлом листе *, корреспондент пишет, что он сомневается в том, что медицинскую *помощь* Каракозову подавал *Здекауер*, и называет другое имя, знакомое нам. Мы, не печатая до нового подтверждения второго имени, считаем обязанностью передать сомнения корреспондента нашим читателям.

Муравьев почти совсем отстранил от следствия комиссию и работает один с прежним своим соглядатаем — виленским жандармским полковником *. Члены комиссии это допускают. И Муравьев с своим жандармом составляет *вдвоем показания и рапорты!* Дело идет медленно, люди сидят по пяти недель недопрошенные (*т. е. так, как в Польше было покои века*). Члены комиссии осмелились представить Муравьеву, что «следовало бы их допросить, может-де, есть и не причастные к делу». На это он отвечал: «Ничего, пускай посидят». Тут нечего пояснять, прибавлять!..

Министр Толстой вводит *телесные* наказания в гимназиях до II класса. А в полшивной «Германия» телесно наказали Трепова, куда варшавский Гарун аль Рашид * явился собственнoглазно наблюдать за порядком.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Рескрипт 13 мая послужит страшным орудием преследования книгопечатания; он изменит, и изменит к худшему, без того незавидное положение нашей прессы. Пусть же литераторы и журналисты вспомнят, что, сверх нашей русской типографии в Женеве, есть несколько в Германии *. Наконец — что в Европе очень легко и очень недорого можно достать шрифт и печатать в любой типографии. Печать и жизнь за границей дешевле. Мы с своей стороны предлагаем все наши средства и услуги. Особенно важные и небольшого объема брошюры или статьи мы готовы печатать на свой счет, при «Колоколе» или особо *.

Необходимо показать, что при всей нецеремонности средств реакции она, в сущности, несостоятельна против движения умов.

Всего лучше было бы основать большое «Review»*; рано или поздно необходимость доведет же до периодического издания за границей.

Особенно просим обратить внимание на эти строки.

Превосходная статья «Non possumus» и вторая статья о *финансах* нами с величайшей благодарностью получены *.

〈ВОЙНА〉

Итак, опять кровь и кровь...

На черном фонде Польши и тупой реакции в России зарево вспыхнувшей войны еще зловещее отражается, чем в 1859 году *.

Оправдывать эту войну или обвинять ее — дело праздное. Что за прок обвинять или оправдывать чуму, холеру? Придет холера, надо склонить голову, лечить ее раненых, хоронить убитых, а главное, надо искать причины бедствий и стараться их устранить.

Мы знаем, что холера всходит и прозябает в ямах, наполненных гниющими нечистотами, и если не особенно усердно их чистим, то все же собираемся чистить. Война прозябает и всходит, напротив, на вершинах, еще больше наполненных другого рода гниением,— там ее и следует предупреждать. Для масс война имеет тот же характер роковой, бессознательный,— как мор. Она только и сильна отсутствием сознания внизу и отсутствием совести и правды наверху. Разумеется, для всякой драки есть *достаточные причины*, но ведь и для холеры есть. Причины теперешней войны лежат в насильственных соединениях и расторжениях народностей, в avortement нескольких революций *, в лихорадочном состоянии умов, которым политические перевороты много обещали и мало дали, в разнообразных наростах или выростах — вроде Пруссии, в застарелых обструкциях и уродских сращениях — как Австрия... И для холеры организм должен быть расположен и воспитан,— у нее своя логика, если не дипломатическая, то химическая.

Весь европейский вопрос и на этот раз сводится, в сущности, на вопрос *дренажа* — вопрос очищения ям и вершин, очищения засоренных мозгов и проветривания подвалов и дворцов, на вопрос света и воздуха.

Один самоотверженный легион «мортусов»*, одно преданное братство нравственных «золотарей», открыто проповедуя опасность трупов и похороны мертвых, устранение всего живого от всего гниющего, водружая открыто свою хоругвь, проповедуя всенародно, а не исподтишка свое апостольство, могут в будущем поставить пределы мору, гуртовым избиениям и тупоумному позору кровавой славы...

Где они, эти «ночные работники», как их называет Англия и которых мы зовем на белый свет? Кто им даст *patent*, кто их услышит? До них ли, когда весь блеск, весь шум, вся тревога, весь лирический беспорядок, вся поэзия войны поглощает уши, глаза и ум. Война пьянит, ожидание крови, кровавых новостей пьянит... Чем меньше мысли, тем больше задора.

Думает ли кто-нибудь (кроме Италии, которая пользуется сей верной оказией), из-за чего вся эта кровавая кутерьма? Нельзя же драться из-за того, что Пруссия и Австрия ругаются, как две судомойки или как два русских консервативных журнала...

...Немец на немца восстает, и оба знают, что который бы ни победил, всем немцам будет хуже.

Что за пир безумия:

Венгерец против Италии.

Венгерец за Италию.

Поляк против Италии.

Поляк за Италию.

Галиция против Познани.

Познань против Галиции.

Галиция за Познань.

Познань за Галицию.

А тут кроаты, далматы, русины, хорваты, словом, наши двоюродные братья славяне будут драться с усердием *против всех и за всех*, только не за себя; они еще не обзавелись со времен Кирилла и Мефодия своим домом и своим хозяйством...

...Прусское ополчение нехотя идет проливать свою кровь за будущего второго Фридриха Второго *, за лучшего короля и за лучшего Бисмарка... Оно идет хмурая и ворча, но все же *пойдет и будет драться*. Тут-то и лежит тайна и сила великого нравственного миазма и мозгового повреждения, великого обмана и великой глупости. Если тысячи откажутся идти, несколько десятков падут под пулями, а остальные будут целы. Если же они все пойдут против своей воли, тысячи падут, и только десятки воротятся домой. Кажется, расчет немудрен. Бентам называл преступников дурными счетчиками*, как будто все другие хорошо считают? У преступников только ошибки грубее, самобытнее — а арифметика у всех слаба. Да и что все эти ничтожные *частные* ошибки, которые так удачно поправляет зуб за зуб уголовного закона, — перед гуртовыми ошибками высшего порядка! Что значит в самом деле вся масса убийств, членовредительств, грабежей, воровства, плутовства в продолжение десяти лет — перед одним месяцем войны и двумя дипломатическими фальшивыми нот, искренних уверений и задушевных ультиматумов? Все это исчезает, «как капля, в море опущенна». Подумайте об этом.

По счастью, мы, посторонние, не призваны брать прямого участия в этом кровавом безумии, мы даже не намерены говорить о разных стадиях болезни. Но нам казалось, что раз должно было обозначить наше отношение к войне.

Удержать собравшуюся грозу никто не может, разве какая-нибудь нелепость колоссальнее суммы тех, которые ее вызвали. На это считать нельзя. А потому, принимая войну за неотразимый факт, мы от души желаем избавления Венеции, желаем гибель Австрии, но с тем вместе гибель Пруссии... Желаем так, как желали бы, чтоб будущая холера обошла наших друзей, честных, добрых людей, и, если ей необходимо морить, уморила бы Муравьева, его литературных адъютантов, квартальных журналистов и других соглядатаев и доносчиков.

Далее наши скромные желания не идут. Да и большего эта война дать не может. В ней слишком много неклеющегося дерется за одно и слишком ясно видна чья-то передергивающая рука в должности руки провидения.

Нам особенно противны журналисты и писатели, зовущие войну, толкающие в нее народы. Повели бы мы всех этих кабинетных любителей баталий, военных столкновений, атак и отступлений — на поле сражения, пожалуй, после битвы, чтоб они ознакомились с чудовищем, которому кадят чернилами. Дант бледнеет в своей хирургической поэзии, в своих описаниях божественного бесчеловечья перед очерками Эркмана и Шатриена *, перед толстовскими иллюстрированными *реляциями* 1805 *. Полно смотреть свысока на одни инспекторские смотры, на одну парадную форму! Что вы за генерал-аншефы? Ступайте в перевязную, в лазарет, в избу, лишенную отца, в мансарду, лишенную хлеба...

...И эта старая, бедная Европа опять увидит не на театре, а на самом деле шиллеровский Wallensteinslager *... А впрочем, почему же и не увидать?.. Чего же недостает для постановки? Все мертвое цело: и германский император, и протестантский король, и капуцин с своей ломаной проповедью, и пастор с своей скучной предикой, и даже та гейневская маркизантка, верно, найдется, которая так удивительно начинает свою песню:

*Und die Husaren lieb'ich sehr,
Ich liebe sehr dieselben;
Ich liebe Sie ohne Unterschied,
Die Blauen und die Gelben,
Und die Musketiere lieb'ich sehr,
Ich liebe die Musketiere...**

...Вы хотели все сохранить, и старое и новое, вы хотели быть разом дедом и отцом, отцом и сыном, пиетизмом и наукой, попом и мыслителем, вы хотели свободу и короля, папу и свободу, постоянные права и постоянные войска... Вот вам за это Валленштейнов лагерь и канун Тридцатилетней войны.

— А потом?

— А потом болотами крови и грудями костей старый мир дотащится на деревяшке и с пластырем героизма на глазу до Вестфальского или Венского конгресса *, который ничего не решит, никого не удовлетворит, но на время хлороформирует инвалида. А инвалид одним все-таки останется очень доволен — что, лишившись ноги и глаза, семьи и состояния,

он сохранил и своего короля, и свою церковь, и все, что необходимо для спасения души на том свете и гибели свободы и благосостояния на этом.

— Где мой профессор¹, который так трогательно и красноречиво читал о великих успехах международного права в то самое время, как сольфьеринские пушки гремели в Италии?..

¹ «Колокол», л. 144, 1862, «Концы и начала» (Письмо IV)*.

<«СОВРЕМЕННОК» И «РУССКОЕ СЛОВО»>

«Современник» и «Русское слово» окончательно запрещены.

Письмо государя к Гагарину писал *Панин*, Виктор Никитич Панин!.. Все могилы, все богадельни открываются, все давно умершие, схороненные, забытые и смердящие ползут на сцену, и сам длинный Панин!

ТРИ УБИЙСТВА В ТАМБОВЕ

26 апреля (8 мая) в 8 час. утра были убиты солдатами белым днем, по приказанию начальства, три человека: Меркул и Иван *Рябушкины* и Семен *Пономарев*. Так как у нас смертной казни в *невоенном своде* нет, а преступники незаконно и бессмысленно судились военным судом в мирное время, то мы и считаем обязанностью упомянуть об этом новом преступлении правительства. До чего жители Тамбова развращены и кровожадны, ярко выставляют «Тамбовские ведом.»: рассказывая со всеми подробностями совершенное солдатами злодейство при огромном стечении народа, они прибавляют: «И ни единой слезинки не кануло на их могилу!»

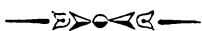
ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА ИЗ НАШЕЙ РЕАКЦИИ

Валуев напечатал свою энциклику * по поводу письма к Гагарину. Он рекомендует в ней полицейским начальникам: «Обнаруживать особую заботливость о православной церкви». К общим обязанностям «распорядительной и полицейской власти» отнесено «наблюдение за молодыми людьми, посещающими открытые учебные заведения или вступающими по окончании учебных курсов на службу», т. е. вся молодежь отдана под надзор квартальных и сыщиков мин. вн. дел, без ущерба надзору от III отдел.

«Indépendance» думает, что государь медлил *оттого ехать*.

после аттентата в Москву, что Каракозов когда-то был слушателем Московского университета *. Если это так, то чему же дивиться сердобскому дворянству, воюющему против всей семьи Каракозовых, даже против их имени *... Vanitas vanitatum¹, к чему послужили все раболопные телеграммы, записки, доносы, тосты московских профессоров, зачем студенты ходили славить Каткова, беспокоить Иверскую божью мать?* Делайте после этого подлости, унижайтесь, отрекайтесь от убеждений целой жизни!

Об аттентате, об процессе, продолжает «Indépendance», никто больше не говорит и не думает. Муравьев заговора не открыл * и, следственно, все сказанное нами в прошлых листах «Колокола» оправдано вполне. ЗАГОВОРА НЕ БЫЛО и тысячу раз повторяем: ЗАГОВОРА НЕ БЫЛО; все, что делается, — колоссальный обман. Обмануть можно оробевшего государя, оторопевшую толпу, но нельзя обмануть Историю.

<«NEUE FRANKFURTER ZEITUNG»>

«Neue Frankfurter Zeitung», № 151, 3 июня, характеризует рескрипт князю Гагарину *глупым* (närrisch). «Имп. Александр, вообще человек умный (sonst ein vernünftiger Mann), обнарудовал по поводу известного покушения рескрипт, в котором моралист соревнует с монархом, боящимся революции, чтоб доказать глубокую связь между отдельным преступлением и зловредными учениями, подкапывающими и пр. Это глупое послание (шутовское, дурацкое — närrisch), подражание (Abklatsch) Меттерниховой государственной мудрости, делается *пикантным* только потому, что русским чиновникам снова рекомендуется уважать *право собственности*». Даже немцев умудрил!

¹ суета сует (лат.).— *Ред.*

П. А. МАРТЬЯНОВ

На днях мы получили вестъ о кончинѣ на Петровскихъ заводахъ *Петра Алексеевича Мартьянова*. Онъ умеръ въ каторжной работѣ, вся вина его состояла в томъ, что онъ свою пламенную любовь къ русскому народу смѣшивалъ съ верой въ земскаго царя. Царь убилъ его за это.

Мы были правы, говоря о смерти Серно-Соловьевича¹, что правительственные Каракозовы не даютъ промаховъ.

¹ Мы недавно узнали подробности о кончинѣ Серно-Соловьевича: его больно переехала тройка, в которой везли другихъ сосланныхъ; поднятый на дороге, онъ былъ доставленъ въ иркутскій лазаретъ и тамъ умеръ. Что за *carmen horrendum** эта императорская Россія!

ВЕЛИКИЙ ЗАГОВОР — БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ

«Indépend. belge» (3 июля) говорит, что дело Каракозова оканчивается и, может, окончено уже теперь. По следствию открыто, что покушение 16(4) апреля *не было следствием заговора*, давно обдуманного и далеко распространенного, а делом небольшой кучки людей, сводящейся на семь человек, из которых шесть должны были по жребию исполнить намерение, а седьмой — заготовить прокламации *.

«Корни», которых так хвастливо кинулся искать Муравьев*, не так-то были глубоки. Зато он выдумал два новых дела, так что, сверх комиссии по делу об аттентате, являются еще две комиссии, а именно: комиссия по делу тайных обществ и комиссия об *опасных классах в петербургском населении* *. Если к этому прибавить еще пять-шесть комиссий — о продовольствии войска, о снабжении водой Петербурга, о сохранении лесов — и все это отнести к каракозовскому делу, конечно, его можно продлить годы... но кого же можно надуть такими пошлыми натяжками?

Срезались, почтенный граф?.. Тут, видно, не в Польше!

КОЛИ НАДОБНО, ОТЧЕГО И НЕ ПОСЕЧЬ: НАШЕГО БРАТА ХОРОШО ПОСЕЧЬ *

До какой невероятной неслепости и до какого зашибленного тупоумия пало наше общество, можно видеть из *ликований* и *празднований по поводу рескрипта Гагарину*. Ни малейшего такта, ни малейшего политического воспитания. Меры репрессивные, гонения, преследования и пр. могут находить инегда оправданье, но никогда не *празднуются*, так, как не празднуются казни, чтение приговоров. Наши крепостники, имея в виду, с одной стороны, грубое возвращение к злоупотреблениям, с другой — грубую, рабскую лесть, возобновляют бесчинства поздравительных телеграмм Муравьеву. «Моск. ведомости» в 119 № дают поразительный пример в корреспонденции из Костромы.

Вот несколько выдержек из нее *:

Едва получены были с почты газеты, как весть о рескрипте разнеслась по городу. Все спешили прочесть эти нумера нарасхват. *Радость сияла буквально на всех лицах*. Сейчас же родилась мысль, для большего уяснения значения слов государя, собраться вместе и за *недорогим обедом* обсудить значение незабвенного рескрипта. Импровизированный обед состоялся 23 мая. Приглашались все; но, к сожалению, по разным непредвиденным обстоятельствам, высшие из губернских администраторов не могли участвовать на обеде: губернатор по болезни, вице-губернатор и председатель уголовной палаты по неизвестным мне, но, без сомнения, очень уважительным причинам.

(Это уж не доносец ли? Приятно видеть, что «Моск. ведом.» не оставили прежних привычек.)

Приводим несколько фраз из речи председателя земской управы *Лаговского*:

...Нельзя не радоваться тому, что самодержавный государь семидесяти миллионов говорит, как *попечительный отец любимой семьи*; нельзя не сочувствовать тем благодетельным началам, к осуществлению которых призывает нас высочайшая воля.

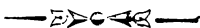
Господа! Не вызывает ли это каждого из нас на общественную деятельность, не есть ли это голос, пробуждающий общественные силы от той апатии, которая, как непосредственное следствие усиленной административной опеки, во всем и всегда связывала их? Это невольное равнодушие общества и было причиною, что пагубные учения развивались безнаказанно. И вот наступило время, когда пробужденная деятельность общества должна обратиться на искоренение лжеучений и проведение в жизнь благих начал, указываемых высочайшим рескриптом.

Это еще умеренный, вслед за ним вот как витийствует член уездной земской управы *Бошняк*:

Гнусное преступление измены святой родине 4 апреля, по воле святого провидения, привело к великим последствиям.

По выражению государя императора, оно повело к раскрытию корней зла, разъедавшего Россию, — зла, которое, впрочем, уже давно предполагали верные сыны отечества и государя и которое подтвердилось теперь исследованиями высочайше назначенной следственной комиссии. Рескрипт государя теперь ясно и официально указывает на тех, кого следует считать врагами отечества и его собственными. Все возбуждающие вражду между сословиями, вносящие тайный и явный разврат в семейную жизнь, все подрывающие коренные начала государственного строя и религии, по словам государя, суть враги его и отечества, т. е. презренные изменники родины! Глубокое сочувствие державным словам государя — вот встреча, которая подобает рескрипту державного освободителя двадцати миллионов подданных. Отныне рескрипт этот должен послужить основанием для всех министерских распоряжений. Неисполнения его мы даже и предполагать не смеем.

При такой обширной программе, полной надежды на будущее, можем ли забыть имя строгого обличителя и карателя изменников России, первого поборника *русского дела* — графа Михаила Николаевича Муравьева, за здоровье которого с глубоким чувством уважения, как перед твердым бойцом за русскую истину, я имею честь предложить этот тост!

КАТКОВ И ГОСУДАРЬ

Не справился государь без Каткова и снова приставил его к тем шлюзам московской клоаки, из которой четыре года была ключом грязь и нечистота, заражавшая всю Россию. Двух недель не мог государь подождать и, как физиолог, решил, что шестинедельного очищения достаточно и Каткову *, Катков, с своей стороны, не даром помирился с государем: *он поставил условия — и их приняли*; он выговорил себе право по *первому* предостережению оставить Россию на произвол судеб и сепаратизмов. При этой угрозе пусть сунется *какой-нибудь Валув* с своими комитетами сделать предостережение...

В русских газетах скрыли прямое участие государя в negotiations этого мира, но «Le Nord» все проболтал и даже рассказал о новом Тильзите *, т. е. о свидании государя с Катковым. Катков, как Наполеон, вероятно, сказал государю: «Sire, все это одни недоразумения, нам не из чего ссориться, обнимемтесь»... И тронутый Александр II, как Александр I, вероятно, отвечал *классическим* стихом: «Дружба великого человека — дар небес!»

Жалкую роль играет наш экс-благодушный монарх. Одна роль в мире жалче его роли — это пантомимная роль *без слов*, которую играет Константин Николаевич *. Он должен храбро отступать, как Бенедек *, и молча уступать, как рыба морская.

Манифест Каткова о замирении, напечатанный 25 июня (7 июля) в «Моск. ведомостях» *, ничем не отличается от всех манифестов, даваемых коронованными главами в важных случаях. Сравнить немудрено — теперь в Германии мода на

манифесты, они издаются дюжинами: гессенские, брауншвейгские, ганноверские, саксонские... тот же тон, та же невозможная дерзость и фальшивое смирение, те же набожные фразы *без веры* и смысла. «Да упрочит бог наши слабеющие силы и да поможет он нам», — говорит Катков, как прусский король. «Мы благодарим бога за то, что нами было испытано», — говорит Катков, как австрийский император. Пола императорской порфиры, уступленная ему, обязывает его к казенной религии, того требует приличие сана. И мы нисколько не удивимся, если патриарх «Моск. ведомостей», при первом параде в соборе, сядет на сиротствующий со времен неблагочестивого Петра I патриарший трон*.

Введение пошлого ханжества и лицемерной религиозной фразеологии — один из самых печальных, гадких и вредных плодов нынешнего царствования. К немецкой казарменности, к немецкому канцелярскому *стилю*, к нравам конюшни и экзерциргауза мы еще заняли у немцев их обязательный, служебный пиетизм и превратили его в православное подьячество. Прежде были люди необразованные, как Николай, фанатики, как славянофилы, говорившие кстати и некстати текстами и молитвами, но в их словах могло быть неразвитие, смешение понятий, помешательство, но не было служебного притворства, в их словах слышалась искренность. Одни попы были обязаны по ремеслу к тяжелому слогу, славянским оборотам и обращениям к богу и всем святым... Теперь лицемерный язык Магницкого* становится языком салонов и целой литературы. Для нас нет большего унижения русской мысли и русского разума, как это гессен-дармштадтское православие.

Ну а как наш арендатор-патриарх истинно возверил?

Граф Толстой, вы эксперт и знаток по этой части, это ваша специальность...* Как вы насчет искренности обращения старого гегелиста, старого шеллингиста, расцветшего в злобредном обществе Белинского и Бакунина?

Мы не верим в него.

А верим мы в то, что теперь караказовское дело пойдет как по маслу. Некрасов будет удовлетворен: *до корней доберутся**, а нет их — они вырастут в «Моск. ведомостях». Теперь раскроется вселенский заговор как на ладони, от Лондона,

Парижа, Швейцарии, Швеции — до Тульчи, Ясс, Бухары и Самарканда... «Злодеи мира, трепещите!» *

Катков решительно был необходим накануне казни... чтоб раздражить умы, чтоб само правительство уверить, что оно должно свирепствовать. Муравьев без него был неполон, незакончен — не оттого ли он и срезался и не открыл заговора, что был лишен руководства «Московских ведомостей»?

Но для дела ничего не потеряно. Катков, отлежавшись на летнем солнце, сосредоточил в унижении и злобе лучший яд свой и при почине пустил одну из бесценнейших капель его в статье 134 № «Моск. ведомостей».

Не нынче-завтра назначится суд над людьми, которых припутали в украденном от гласности следствии по каракозовскому делу *. Суд будет составлен не из судей, а из людей старых, глухих, без малейшего понимания дела и с большим запасом раболепства и желанья выслужиться. Но, может, и в их числе замешается, как в деле Петрашевского, какой-нибудь честный старик Набоков *, или, как в деле Серно-Соловьевича, Назимов *, или, как в нашем допотопном деле, благороднейший Стааль — и ему противно будет губить с плеча, без доказательств, отсылать зря — в угоду Муравьеву и Английскому клубу* — на казнь и на каторгу людей, ничего не сделавших. Так вот усыпить их-то проснувшуюся совесть и с тем вместе напугать глупый хор и *неумный* дворец и взялся спущенный Катков. Он говорит о каком-то *нигилисте*, подействовавшем на Каракозова и привезшем с собой из-за границы «нововозникшее в сферах всесветной революции учение о необходимости умертвить всех коронованных особ в Европе»*. Чего же больше? Рука судей покойно подпишет приговор каждому нигилисту, бывшему за границей.

«Всесветная революция»¹ и нигилист, возвратившийся из-за границы, представляют легкую возможность для восстановленного сыщика все на свете связать с каракозовским делом, и, надобно отдать справедливость, он никого не забыл — ни Бакунина, ни «Колокол», ни наше мощное агентство в Тульче,

¹ В том же листе «Моск. вedom.» сам Катков говорит, что всесветная революция — химера.

ни поляков, ни пожары... Все это вранье, науженное в грязи полицейских рапортов и в еще вящей грязи собственного воображения, не заслуживало бы внимания в другое время, но в настоящую минуту, когда оно подталкивает людей на виселицу и на каторжную работу, молчать нельзя.

Где же остановится наше падение? Где мы коснемся дна, предела подлости и бездушия? Мы всё опускаемся глубже и глубже... Вспомните крик негодования, с которым была встречена доктрина слепого повиновения, высказанная одним московским доцентом *, а *теперь* — а теперь проповедуется не философия, а *поэзия рабства, бешенство рабства*. Читали ли вы в подлейших выходках византийского раболепия, восточного самоуничужения что-нибудь подобное следующим строкам «Моск. ведом.» от 3/15 июля *:

Государствои династия не есть у нас дело партии, государь не есть у нас предводитель дружины; но есть прирожденный вождь всего своего народа, находящийся в спокойном и неоспоримом обладании своими верховными правами. А потому не только официальные деятели, поставленные на разные посты, с соответственно каждому долею исполнительной власти, но и каждый честный гражданин должен по совести, в сфере своего общественного действия, видеть в себе слугу государя и радеть, как говорили наши предки, его государеву делу, которое для всякого должно быть своим кровным делом.

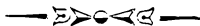
...Если ты ешь — ты ешь государю, если у тебя холера — болен государь, если ты женишься — женился государь, если ты принимаешь лекарство — ты лечишь его величество!

ПОЛЕВОЕ ВОЕННОЕ УБИЙСТВО В ХАРЬКОВЕ

Солдаты 11/23 июня убили без законного суда, по приказанию начальства, какого-то *Поплавского*, обвиняемого в убийстве. Что, г. Аксаков, много взяли вашими протестами против незаконных казней?.. Зачем же вы в *дни оны* поддерживали это кровожадное правительство?

БЕШЕНСТВО ДОНОСОВ

(ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ КРАЕВСКОМУ)

Нами овладело бешенство доносов — стена, отделявшая тайную полицию от литературы, пала, и шпионы, фискалы, журналисты, профессор и сыщики смешались в одну семью. Английский клуб сделался добавочной камерой Третьего отделения, государь пишет передовые статьи на имя Гагарина, Гагарин их вносит в журнал «комитета министров». Все это хорошо, но фискалы наши стали добираться до частной жизни... месяцев в шесть мы привыкнем и к этому, но сначала будто дико. Недели две тому назад в фельетоне «Голоса» *, сильно хватившего, *со времени святительства* графа Толстого *, православия, помещены рассказы о какой-то барыне-раскольнице, у которой есть друг; о каком-то старовере, у которого есть француженка. Прибавлены разные приметы, название улиц и пр. Мы верим, что во Христе брат Андрей, как Гейне, под старость начал бояться смерти и прежних грешков и, как ловкий человек, стал ревновать о министерской церкви, а не о какой другой. Но как же объяснить, что он тотчас маленьким Катковым пошел в маленькие доносы? Конечно, Краевский не сам пишет, в грамотности его и враги не обвиняют, но если он избрал себе почетное место дворника двух *заезжих* журналов *, так и смотри, чтоб в них не было дебоширства, а все шло бы чинно и прилично.

Старче Андрею, поосторожнее бы, поосторожнее!

Это все *задержание* Каткова * наделало беду. Вся мелюзга вестовщиков пустилась в отсутствие *отца доносов* — со всякими сплетнями, намеками... и мы-де Катковы, и мы будем иметь «рендеву» с государем и чернилницу с золотым пером *.

ESS.-BOUQUET* «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Только что мы заметили, до какой степени безобразно противуестественное совокупление форм образованного суда — с палочными ударами, гласности — с побоями за то, что человек не хочет себя назвать или называет ложно *, как еще больше безобразное совокупление печатного слова с грубейшим рабством является перед нами во всей холопской красоте в новом манифесте Каткова, которым он благодарит Россию за верность ему во время задержания его деятельности. Мы ограничимся отрывками, без рассуждений *. Заметим только, что поводом манифеста — адреса, которые ему шлют из губернии, и праздник, который ему дали в университетских залах *... «Гост за государя пили (как за всех государей, исключая отставленных по прусско-австрийскому делу) с восторгом»*.

Пусть наши читатели судят, что должны были чувствовать мы, зная, что в этом энтузиазме выражалась горячая общественная благодарность монарху за нас, за благоволение, нам оказанное, нас поднявшее и одушевившее новою бодростью, новым чувством призвания. Подобные минуты забыть невозможно; в них заключается *творческая, решающая сила*. Что мы пережили в эти минуты, то может быть названо событием, и событием не в нашей только жизни, но и в общественной.

В чем же однако заключается значение нашей деятельности, которое отрицать нельзя? Что виною встречаемого ею столь живого и повсеместного сочувствия в русском обществе?

Политическая печать в России есть дело новое. Нам довелось быть из первых *серьезных* органов силы, которой на Руси никогда не бывало и которая явилась только теперь, в нынешнее царствование,— вот первая причина того значения, которое приобрела наша деятельность. Были ли при этом обнаружены нами какие-либо личные достоинства — это вопрос второстепенный.

Так и утопает, так и млеет в своем величии патриарх-редактор. За это-то упоение собой он так и гадок нам, тут есть какой-то духовный блуд, которого посторонний глаз видеть не может без омерзения... нам не нужно знать, как он исходит восторгами о себе, как он стонет, отталкивая все личное и смешивая себя с Романовыми.

Но — к философии рабства:

Плодотворно только то право, которое видит в себе не что иное, как обязанность.

Для политической печати, как и для всякой политической деятельности, это есть долг *государственной присяги*. Честная, достойная своего имени политическая печать должна быть не чем иным, как постоянным, неуклонным и неослабным применением долга присяги, которая требует, чтобы всякий радел о нераздельных пользах престола и государства и, не останавливаясь ни перед какими соображениями, противился всему, что может угрожать им опасностью или причинять им существенный вред. Можно ли придумать программу, которая могла бы более соответствовать призванию политической печати?

Право публичного обсуждения государственных вопросов поняли мы как служение государственное во всей силе этого слова. Когда мы приступали к делу, нас не призывали к присяге, но мы произнесли ее про себя, и произнесли с полным убеждением. Долг, с нею соединенный, поставили мы во главу нашей деятельности и подчинили ему все. Он был жизненным средоточием наших мнений по текущим делам; он был единственным руководящим и возбуждающим началом нашей деятельности. Он усугублял наши силы, он оплодотворял нашу мысль, он давал зоркость нашему суждению и цвет нашему слову, он поддерживал нас в борьбе, и в нем заключается тайна тех симпатических отношений, в которых находится к нам народное чувство.

...Где английские законы, где английская личная независимость?.. Все потеряно... остался государь, присяга — мириады какой-то нечистоты, служащей ему, не имеющей по себе никакого значения, и Каткову.

Через день (154 №) показалось мало, и он прибавил:

В России есть только одна воля, которая имеет право сказать: «Я — закон». Перед нею 70 миллионов преклоняются как один человек. Она есть источник всякого права, всякой власти и всякого движения в государственной жизни. Она есть народная святыня, ею все держится и все единится в государственных делах. Народ верит, что сердце царево в руке божией. Она заколеблется — колеблется и падает все. Служба государю не может также считаться исключительною принадлежностью бюрократии.

тической администрации. При том значении, какое верховная власть имеет, как вообще, так в особенности в России, все, от мала до велика, могут и должны видеть в себе, в какой бы то ни было степени и мере, слуг государевых.

Говорят, что государь очень недальний человек, но неужели он так мало развит, так плохо воспитан Жуковским *, так совершенно вне своего времени живет и движется, что это топорное, грубое учение отчаянного рабства ему нравится?

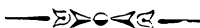
ЗАМЫШЛЯЕМОЕ УБИЙСТВО В РЯЗАНИ

Рядовой Белевского полка *Ефимов* сорвал погоны с офицера того же полка, пришедшего на гауптвахту для исполнения над ним приговора (телесного наказания) за совершенную им кражу. При допросе подсудимый заявил, что он не хотел подвергнуться наказанию розгами за кражу, потому что решение комиссии по сему делу ему не было объявлено в законной форме... (совершенно достаточная причина, чтоб в Англии и Франции приговор был уничтожен). Несмотря на все на это, *Ефимов* приговорен к *смертной казни*.

СВЯТЫЕ ТАЙНЫ И ГРЕШНЫЕ РОЗГИ

В 1861 году, при введении в действие положения о временнообязанных крестьянах, в Тамбов прислан был генерал, барон Винценгероде*. В каком-то селении произошло недоразумение у крестьян с помещиком; барон, вместе с жандармским полковником *Дурново*, отправился *усмирять* селение. Определили они наказать розгами многих крестьян, в том числе 65-летнего старика, который в день, назначенный для наказания, исповедовался и приобщался, почему гг. Винценгероде и *Дурново* положили следующую резолюцию: *наказать крестьян таких-то и таких-то, а старика такого-то от телесного наказания уволить, потому что он уже в то утро приобщался святым Христовых тайн*.

ПОЛЬША В СИБИРИ И КАРАКОЗОВСКОЕ ДЕЛО

Трудно убивать народы, даже со всем монгольским бездушьем, с адвокатами, как Катков, с катами, как Муравьев, и со всякими православными краснобаями из инженерного ведомства * и Лютеровой ереси à la Кауфман *. Добывали, добывали Польшу... а она все жива... Она восстала в Сибири* — безнадёжная, отчаянная, но все же предпочитающая смерть — рабству. Наши читатели знают подробности из русских газет: «Поляки ретировались в лес (*до лясу*, острят мокрые кровью „Моск. вед.“). Лес окружили войсками и понятыми людьми, большей частью тунгусами и бурятами, *отличными стрелками*»*. Интересно было бы знать, что обещали «отличным стрелкам» со штуки? Небось, гривен по восьми, да сапоги подстреленного?

Подумать страшно, что с ними будет... Что бы ни было, все занесет снегом и будет немо и бело, как саван.

Да в самом деле, уж эти поляки какой беспокойный народ... чего им хотелось? Ну, сослали в Сибирь *без суда*, стало, обиды нет. Корреспондент «Моск. вед.» справедливо вспылил на них: «Вот, говорит, какова благодарность за то, что всем осужденным полякам, находящимся в Сибири, государь облегчил участь!»*

Буряты облегчат ее радикальнее.

...А машина-то все-таки не идет. Сорвалась с рельсов после покойника Николая Павловича, бьет народ направо и налево... чадит, шипит, а в рельсы не попадает — то путятинские матрикулы *, то каракозовская пуля, то нигилисты переведут Фогта *, то социалисты заведут артель, то неблагодарные поляки не перестают из благодарности быть поляками.

Видно, и идеи тоже трудно убивать, как народы. Это нам доказывают подробности каракозовского дела, напечатанные в «Северной почте»*.

Чтобы припугнуть к нему всех, кто под руку попался, из людей, не согласных в мнениях с обновленным правительством, и сделать из частного случая, не имеющего никакой связи со всем остальным, палицу для поражения всей юной России, «Северная почта» рассказала факты гораздо более интересные, чем выстрел, который надоел всем до смерти.

Все люди, слабые верой, думали, что страшные удары, которыми правительство било по молодому поколению за все — за пожары, в которых оно не участвовало, за польское восстание, за воскресные школы, за возбужденную мысль, за чтение книг, которые читает вся Европа, за мнения, сделавшиеся ходячей монетой, за общечеловеческие стремления, даже за желание работать — приостановили движение, начавшееся после Крымской войны. Нисколько. Оно только въелось глубже и дальше пустило корни. В Москве (в этом городе всех реакций), рассказывает «Северная почта», существовало уже несколько лет общество между молодыми людьми, принявшими в 1865 г. общее название «Организация». Оно имело целью распространять социалистические учения и готовить переворот. Средствами для сего должны были служить:

а) Пропаганда между сельским населением, с объявлением, что земля составляет собственность всего народа.

б) Возбуждение крестьян против землевладельцев, дворянства и вообще против властей.

в) Устройство разных школ, артелей, мастерских, переплетных, швейных и иных ассоциаций, дабы посредством их сближаться с народом и внушать ему зловредные учения социализма.

г) Заведение в провинциях библиотек, бесплатных школ и разных обществ, на началах коммунизма, которые, в руках членов главного общества, могли бы удобнее привлекать и готовить новых членов и в то же время состояли бы в зависимости от центрального общества в Москве и получали бы от него дальнейшее направление.

д) Распространение в народе социалистического учения посредством воспитанников семинарий и сельских учителей; и

е) Пропаганда по Волге, пользуясь удобством пароходных сообщений.

Общество подразделялось на разные отделы с различными наименованиями, как-то: «взаимного вспомоществования», «переводчиков и переводчиц», «поощрения частного труда». Все эти отделы, для прикрытия революционной цели главных распорядителей, предполагалось облечь законною формой, испросив на то утверждение правительства.

Полагалось устройством бесплатных школ, швейных и библиотек объе-

динять свои мысли, сближаться с различными кружками университета и иных учебных заведений и вообще привлекать в общество разных лиц.

Независимо от сего означенное общество стремилось входить в ближайшие сношения с социалистическими кружками и деятелями в Петербурге и других местах империи, которые поддерживались, с одной стороны, направлением преподавания в значительной части учебных заведений, а с другой — большею частью журналистики.

Так вот как был убит и похоронен *социализм* и *нигилизм*, скромными органами которых были и мы! *Отцы*, думавшие идти за гробом *детей*, могут отереть слезы — *дети живы*. Правительство второй раз замучит, убьет их... *а они останутся живы!* Муравьев — умрет, Катков — будет министром и Адлербергом — *а они останутся живы!*

В самую мрачную эпоху помещичества, в самую безвыходную, полную экзекуций и розог, наши мужички *не верили* в крепостное право, не верили, что земля не их. Ни православная церковь, кропившая водой и благословлявшая все ужасы рабства, ни полиция, кропившая поля кровью, ни царские, ни домашние палачи не могли исторгнуть у них этой безумной веры. Мужичка секут — иногда засекают. Сечет его становой, сечет управляющий, колотит барин из своих рук, а иногда барыня... а он, изувеченный, идет к себе на полати, иногда в могилу... и думает: «Дай срок, несчастье пройдет, *придет воля и земля*, потому что земля-то, что ни толкуй, — наша».

Мы, под старость, точно как наши мужички, храним святую, горячую веру...

На этом и остановимся — и подождем второй страницы мрачного процесса, который Старая Россия делает Молодой.

К забавным шалостям полицейской редакции принадлежит следующая фраза, свидетельствующая о том, как наши наивники III отделения, патриоты по обязанностям службы, мало знают отечественную историю. «Ныне признается возможным передать следующие известия об обстоятельствах, сопровождающих *неслышанное еще в России преступление — покушение на цареубийство*».

То есть, что же *неслышанное*? Разве то, что покушение не удалось.

Неужели литераторы при Муравьеве не слыхали об убийстве на улице Дмитрия царевича.

Об убийстве на площади единственного порядочного человека, бывшего русским царем,— Дмитрия Самозванца.

Об убийстве Бориса Годунова * и сына его.

Об убийстве Петра III любовниками жены его.

Об убийстве Иоанна Антоновича тою же добродетельной дамой.

Об убийстве Павла I всем генералитетом с соучастием неутешного сына — и об убийстве царевича Алексея, по высочайшему повелению нежнейшего из родителей?

Неужели литераторы при Муравьеве не слыхивали французскую поговорку о «самодержавии, ограниченном убийствами» (*temperé par l'assassinat*)? Это была наша Magna Charta *. К яду, ножу и шарфу мы прибавили еще два ограничения: *взятки и грязь*.

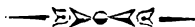
Вторая шутка даже не забавна, и всего менее забавна для государя, которому делается *sub rosa*¹ выговор за опущение по должности:

Часть из участников, сознавая чистосердечно в оных*, и некоторые, раскаиваясь в своих заблуждениях, высказывают откровенно, что они были вовлечены в социалистические и прогивоправительственные стремления, *кроме допущенного ослабления вообще наблюдательной власти*², теми органами нашей литературы, которые систематически распространяли всевозможные разрушительные начала. При незатруднительности приобретения запрещенных иностранных и русских книг, при губительном влиянии вообще революционной литературы на неопытные и восприимчивые умы молодежи и под влиянием воображения, бредившего о возможности достигнуть общего равенства, как относительно безграничной личной свободы, так и прав собственности.

Зачем это Муравейник так хлопочет сделать государя *недобрым*? Он — бог с ним — и без него сам до этого очень успешно достигает.

¹ Здесь: между строк (лат.).— *Ред.*

² Основываясь на этом, храбрый Сеславин доносов в «Моск. вед.» указал без имени на экс-министра Головнина и на Чернышевского, которого полицант не может иначе называть, как преступником. Головнин, умрите или экспатрируйтесь, — и вас, и вашего великого князя Катков доедет*. *Tenez-vous pour averti.* (Примите это к сведению.)

〈ФОГТ, ДАРВИН, МОЛЕШОТТ, БОКЛЬ〉

Фогт, Дарвин, Молешотт, Бокль — соучастники каракозовского дела. Их сочинения велено отобрать у книгопродавцев*. Вот до какой тупости довели нас духовные министры и бездушные крикуны казенных журналов!

ОПАСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АМЕРИКАНЦА КЛЕЯ

Генерал Клей публично в Петербурге сказал пренеосторожную речь и очень компрометировал своего друга Фокса. Вот его слова, так, как они напечатаны в «Голосе»: «Я республиканец, и большего республиканца, как я, трудно найти и по ту, и по эту сторону океана; а друг мой Фокс... это истинный демократ». Что было с Муравьевым, когда он узнал? Не вошел ли он с отношением к президенту Джонсону (портной, портрет которого висел рядом с портретом Александра II в зале, где были произнесены дерзновенные слова) о заарестовании посла и капитана, как соприкосновенных к каракозовскому делу? Знакомства с янки имеют свои неудобства!

— В > С < А —

ССОРА МЕЖДУ ВРАГАМИ, СЕПАРАТИЗМ «МОСК. ВЕДОМОСТЕЙ»

Внутри темного правительства, в самом средоточии полицейского рака, разъедающего Россию, обнаруживается замечательное раздвоение. «Моск. ведомости» делаются органом сепаратизма, органом старой вражды Москвы к Петербургу. Издатель «Моск. вед.», прощенный государем, не простил Валуеву*, и статье, напечатанной в официальном журнале М. в. д. по поводу каракозовского дела, которую, вероятно, Валуев прочел десять, двадцать раз, досталось *, как будто ее писал поляк, Константин Николаевич или Головнин.

Дело все в том, что «Моск. ведомостям» не понравилось, что тайные общества социалистов, о которых говорит статья, организовались в Москве. Им во что бы то ни стало хочется приписать их зачумленному Петербургу. Они забывают, что, по их же учению, в Петербурге альфа и омега всей России, святыня ее — император, им же право — право и суд — суд, источник разума, истины, теплоты и света. Какое право имеет Москва противопоставить себя городу императоров, мы не знаем. Почему Москва выделяется из однообразия православного и безличного стада, за которое думает и знает, зябнет и потеет петербургский царь, мы не понимаем. Независимое положение Москвы разрушает безличное единство государева табуна. Может ли идти государство одним путем, когда город Зимнего дворца будет тянуть в одну сторону, а город Грановитой палаты — в другую, когда Петропавловская крепость — туда, а Кремль — сюда, и не треснет ли в середине чудовищная империя, у которой края будут спаяны в какие-то арестантские роты свинцом и кровью, в то время как в ее сердце будет

гнездиться ненависть, зависть, ревность одной половины ее к другой?

Чтобы выгородить Москву, Катков жертвует частью своих ложных доносов и частью клевет, которые он положил в основу *дыбе*, на которой издается его журнал. Чтобы доказать, что Каракозов имеет началом петербургские замыслы и всемирную революцию, он смеется над важностью, которую придают гимназистам и студентам в Москве, и над приписываемыми им видами:

Слушайте:

Автор статьи «Северной почты» говорит о московских кружках, состоявших из нескольких студентов и гимназистов, как о некоем серьезном тайном обществе, издавна существовавшем, как о революционной организации, простиравшейся почти на всю Россию. Но следственная комиссия, которая конечно изучила до мельчайших подробностей все, что до этих людей касается, не нашла следов участия этих революционных деятелей в поджогах 1864 и 1865 годов. Если б эти кружки имели хоть сотую долю того значения, которое им приписывает автор статьи, то могло ли бы случиться, что они оставались бездействующими во время поджогов, истребивших столько городов и сел? Очевидно, что тогда действовали другого рода революционные элементы, не похожие на московских социалистов, которые сами суть не что иное, как жертва этих более тайных и более серьезных враждебных сил.

Нам неизвестно, к каким соображениям пришла следственная комиссия относительно этих более серьезных источников зла в каракозовском деле. Но надобно думать, что в дальнейших своих розысках следственная комиссия не ограничилась исследованием учений, составляющих философию нигилизма, а воспользовалась или воспользуется всеми следами, которые могут вывести ее в иные сферы. Очевидно, что не по следам Каракозова и его ближайших товарищей можно добираться до первоначального источника, откуда произошел замысел, осуществившийся в покушении 4 апреля.

Катков ли это? Его сам Леонтьев не узнает в новом наряде. Не он ли с 1862 г. только и толковал, что вся молодежь — все социалисты, зажигатели, и не «Колокол» ли постоянно говорил: «По следствию ничего не видно»?

...Молодец! Он от пожаров отделался, как от английских теорий по Гнейсту; вот и надейтесь на них, Муравьевы и цари.

А какова ирония насчет исследования философии нигилизма? Ну кто же не видит, как мы были правы, указывая всю

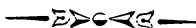
нелепость примешивания к делу Каракозова социализма, нигилизма, позитивизма, реализма, материализма, журнальных статей, студентских диссертаций и проч.?

Истина начинает раскрываться прежде виселицы.

А прогос к виселице: одного из обвиненных * Катков так и тащит на нее. Должно быть, этот господин что-нибудь писал против него или проговорился о нем?

В конце, как следует, *неуловимый* намек¹. На кого — трудно сказать; в этом-то и секрет, Рав, как говорят немцы. Можно думать, что подразумевается и Суворов, и великий князь, и *la bête noire* Головнин *.

¹ «Были еще обстоятельства, о коих не упоминается в статье „Северной почты“, но на которые нельзя не обратить внимания при исследовании политической стороны дела. Не замечательно ли, что в высших петербургских административных сферах, в начале нынешнего года, именно около той поры, когда московские нигилисты были возбуждаемы к устройству революционной организации и к покушению на цареубийство, говорилось, как о факте положительном, о существовании какого-то тайного общества, составившегося с целью совершить какое-то политическое злодеяние?» («Моск. вед.», № 168).

ФОНД ДЛЯ ЭМИГРАНТОВ

Мы получили на днях *сто двадцать* франков для нуждающихся эмигрантов. Деньги эти почти удивили нас. Больше года как никто не посылал ни одной копейки, все полученное давным-давно истрачено. А число нуждающихся растет. Мы благодарим приславших и обращаем на их присылку внимание всех оставшихся верными нашим убеждениям. Деньги будут *исключительно* употреблены на вспомоществование русских, которые покинули свое отечество, удаляясь от политических гонений.

•

〈ВИСЕЛИЦА И МУРАВЬЕВ〉

Двух личностей, занимавших Россию почти целые полгода, *нет больше,*

Трагическая и печальная личность фанатика-мстителя¹ и грубая фигура свирепого старика-инквизитора исчезли почти вместе.

Судьбы совершились прежде над палачом, чем над осужденным*.

Разлагающийся труп *Муравьева* на дороге к виселице *Каракозова* — такое страшное, громкое поучение, такая грозная притча, что их не обойдешь в суетной рассеянности, как бы она ни была велика.

За четыре дня до казни *Каракозова*, в деревенской глуши, темной ночью, без свидетелей, без слов раскаяния, без близких и попов, без слез и помощи, задохнулся отвалившийся от груди России вампир. Какие образы пугали его немую агонию, от кого ринулся он, умирая без голоса, не приходила ли «черная женщина», та, которая являлась князю *Горчакову*... не шел ли ряд молодых героев с веревкой на шее? Зачем бежал задыхающийся старик от царских именин*, от какого барского слова?.. Зачем Зимний дворец не остановил его, а бросил на околоченный труп брильянтовые знаки *Андрея*?*

Ни государь, ни общество не смоят пятна, которое им завещал умерший палач. Имя *Муравьева* останется выжженным на царском плече, как имя *Аракчеева* на плече *Александра I*. Разница в том, что *Аракчеева* ненавидела тогдашняя Россия, а *Муравьева* носила на руках современная. Разница в том, что

¹ Одни глупцы могут заподозривать, что мы слову «фанатик» придаем смысл бранный*.

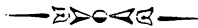
Александр I любил Аракчеева и знал его честность, а Александр II терпеть не мог Муравьева и знал его корыстолюбие. Разница в том, что Александр I втеснил Аракчеева безгласной империи, а Муравьева втеснила реакция (как нам лично хвастался один из представителей ее) безгласному государю.

Виселица злоеще проводила американцев, ее последнюю видели они, отплывая...* Что за хаос! Смерть, казнь, самодержец, ничего сам не держащий, огромная клевета заговора, лопнувшая, как мыльный пузырь... и звуки «Янки дудель», церемешанные с «камаринским мужиком»*... Какие-то дикие, мрачные группы, сорвавшиеся из бонарротьевского «Giudizio»*, выступающие из «небожеской комедии»*.

Где найти Тацита и Данта вместе, чтоб уловить, остановить, заклеить эту историю во всем безумии, во всей гадости настоящего, с ее раболепием, ханжеством, с ее успехами крепостников, дураков — *не утратив пророческий смысл беснованья, не забывая, что этот тяжелый, кровавый, грязный период — период родов, а не предсмертного бреда и бешенства?*

...Будем с нетерпением ждать продолжения *безгласного* процесса — теперь пойдет одна ложь, только ложь. Личность Каракозова стоит одинокая и разобщенная, никого возле... Это ясно. Но без *огромного* заговора выпутаться неловко. Лишь бы эти кровавые гаеры, играющие в потемках, сократили число жертв и антракты.

Перед казнью в 1826 году было напечатано блудовское донесение с полным приговором суда *. Не правда ли, как в *сорок лет*, после всех криков, хвастовства и шарлатанства, подвинулась у нас гласность, законность, понятие юридической защиты, права?..

АМЕРИКА И РОССИЯ

Тихий океан — Средиземное море будущего*.

Все русские и нерусские газеты полны вестями о сближении северо-американского союзничества с Россией *. Западные публицисты сердятся, хмурятся (и есть от чего). Русские перепечатывают на десять ладов, с разными вариациями то, что нами было сказано немного попрежде, а именно *восемь лет* тому назад. Вот что напечатано в нашей передовой статье 1 декабря 1858, в «Колоколе»*:

«Мы не избалованы сочувствием других народов, не избалованы также и их *пониманием*. Причин на это было много, и на главном плане вся петербургская политика с 1825 года. Но Россия из этого периода выходит, отчего же одна Америка догадывается об этом и первая приветствует ее?

Оттого, что Россия с Америкой встречаются *по ту сторону*. Оттого, что между ними целый океан соленой воды, но нет целого мира застарелых предрассудков, остановившихся понятий, завистливого местничества и остановившейся цивилизации.

Скоро будет *десять лет* с тех пор, как мы высказали нашу мысль о взаимном отношении этих *будущих* в подорожной современной истории. Мы говорили, что у России в грядущем только и есть один товарищ, один попутчик — Северные Штаты; мы повторяли это много раз, и еще несколько месяцев тому назад имели случай сказать: „Одно пустое, раздражительное, дипломатическое самолюбие, и притом немецкое, заставляет Россию мешаться во все западные дела. В предстоящей борьбе,

к которой невольно влечется Европа, России вовсе не нужно принимать деятельного участия. Нам тут нет наследства, и мы равно не связаны ни воспоминаниями, ни надеждами с судьбами этого мира. Если Россия *освободится* от *петербургской* традиции, у ней есть один союзник — *Северо-Американские Штаты*».

«Все, о чем мы свидетельствовали, поднимая речь на свой страх в неприязненном Западе, все, что мы предсказывали, — от тайно бродящих сил, от неминуемого освобождения крестьян с землею до избирательного сродства с Северо-Американскими Штатами — все совершается очью.

Это хронологическое *право давности* нам слишком дорого, чтоб мы его уступили, именно в то время, как лист истории переворачивается и с новой страницей забудутся работники, пришедшие на труд, предваривши утро.

Впрочем, особенного дара пророчества не надобно было иметь, чтоб говорить то, что говорили мы; надобно было для этого только освободиться от домашних и от чужих предрассудков, от свинцовой петербургской атмосферы и от забытых понятий старой цивилизации. Для этого достаточно было независимо взглянуть на мир. *Черед* был явным образом за Америкой и Россией. Обе страны преизбытствуют силами, пластицизмом, духом организации, настойчивостью, не знающей препятствия; обе бедны прошедшим, обе начинают вполне разрывом с традицией, обе расплываются на бесконечных долинах, отыскивая свои границы, обе с разных сторон доходят через страшные пространства, помечая везде свой путь городами, селами, колониями, — до берегов Тихого океана, этого „*Средиземного моря будущего*“ (как мы раз назвали его и потом с радостью видели, что американские журналы много раз повторяли это).

Противоположность петербургской военной диктатуры, уничтожающей все лица в лице самодержца, с американским самодержавием каждого лица — огромна. И это не все, самая роковая антиномия, которой оканчивается история Запада, не является ли снова как личная рассыпчатость Америки с одной стороны и как русский общинный сплав — с другой?»

ДЕЛО РЯДОВОГО НЕВЕДОМСКОГО

У нас так же свободно говорят, как в Нью-Йорке.

М. Погодин в речи к американским посланцам.

«Московские ведомости» сообщают о первом заседании уголовного департамента палаты по делу о рядовом *Неведомском**, судимом за произнесение дерзких, оскорбительных слов против императора. По окончании допроса публику выгнали и двери присутствия были затворены. Когда сделано было все, что нужно для осуждения подсудимого, публика была снова допущена и председатель прочитал приговор, которым Неведомский признан виновным в произнесении дерзких, оскорбительных слов против государя, выражавших сочувствие покушению 4 апреля, и приговорен, на основании ст. 246 уложения о наказаниях (изд. 1866), *к шести с половиною годам каторжной работы на заводах.*

В Англии солдат грозит под пьяную руку выстрелить в герцога Вельского — суд его освобождает от всякого наказания. В Англии секретарь лиги пишет несколько оскорбительных писем Виктории, советуя ей лучше заблаговременно отказаться от престола; мало этого — печатает эти письма в журналах, и его оставляют в покое. В России за несколько слов, подслушанных какими-то шпионами, человека ссылают на 6¹/₂ лет на каторгу.

⟨ИКОНОБОРСТВО БЕЗАКА В ПОДОЛЬСКОЙ ГУБ.⟩

Неизвестного вероисповедания генерал-адъютант Безак следующим варварским и глупым образом иконоборствует в Подольской губ.; пусть наши ханжи, одержимые бесом православия и дьяволом полиции, порадуются:

Генерал-адъютант Безак, имея в виду, что кресты, поставляемые на полях или на дорогах в стране искони православной, не должны иметь другого вида, как тот, который усвоен церковью господствующей веры, по сообщению с заключениями православных архипастырей вверенных его высокопревосходительству губерний, предложил мне приказать полициям иметь наблюдение, дабы при постановке крестов, если на это будет кому-либо дано разрешение, соблюдали следующие правила: 1) изображение распятого Спасителя должно быть писанное, отнюдь не рельефное; 2) стопы Спасителя должны быть изображены пригвожденными, каждая отдельным гвоздем, а не сложенными одна на другую и пригвожденными одним гвоздем, как это изображается на католических распятиях; 3) глаза у Спасителя должны быть изображены закрытыми; 4) на крестах не должно быть изображений петухов, принадлежностей и орудий смертной казни Спасителя и сребреников, а также ангелов и других фигур; 5) равным образом не должно быть делаемо на крестах никаких надписей без особого, каждый раз, разрешения его высокопревосходительства. Настоящие правила должны быть соблюдаемы при постановке крестов всеми лицами, к какому бы христианскому вероисповеданию они ни принадлежали. Что же касается до статуй святых, которые здесь тоже прежде ставились на полях и на дорогах, то постановка таковых, как не употребляемых православною церковью, ни в каком случае не должна быть допускаема. («Голос», № 242).

⟨БИОГРАФИЯ МУРАВЬЕВА ВЕШАТЕЛЯ⟩

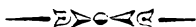
У Георга (Corraterie) продается «М. Н. Муравьев», соч. кн. П. В. Долгорукова («Biographie de M. Mouraviev»), Londres, 1864.

Мы очень рекомендуем нашим читателям эту брошюру, она теперь ко времени. Личность Муравьева должна в последний раз пройти перед нашими глазами во всей преступной гнусности

своей. Она должна пройти не столько для своей казни, сколько для казни современного русского общества.

Читая брошюру князя Долгорукова о Муравьеве, изданную им в Лондоне в 1864 г. *, нельзя не подивиться этому чисто петербургскому продукту. Заговорщик, выходящий из тюрьмы с повышением чина *, генерал, никогда не бывавший в сражении, раболепный нахал, облихованный казнокрад — искоренитель злоупотреблений, палач, инквизитор, оканчивающий жизнь за смертными приговорами...

И этот человек был три года идолом пол-России, она удивлялась ему, молилась ему... вероятно ли это? А впрочем, разве наши соседи башкиры и калмыки не делают уродов, — гадко безобразных уродов своими идолами, смешивая идею божественного с идеей насилия и зла?.. Варвары, все варвары — по ту сторону Сыр-Дарьи и по эту.

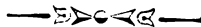

ЗАГОВОРА НЕ БЫЛО!

Не было, так, как не было *зажигателей* между нигилистами, так, как не было ни одного доказанного преступления со стороны *Чернышевского* и *Серно-Соловьевича*. Обман не удался. Зато посмотрите, как беснуется Катков. Он не может достаточно оплакать, что Худякова не повесили *, он делается нелеп, глуп, он делается черств в своей статье (202 № «Моск. ведомостей»), но страсть превозмогает... Что это за чудовищное явление! Какова жизнь, каково прошедшее, в котором мог развиваться такой гнилой чирей?.. Какова лужа-среда, которая его поддерживала! Перед этим действительно останавливаешься с холодным потом на лбу и спрашиваешь: какое очищение возможно этой среды? Чему же удивляться, что *Маркс* искал облегчительную причину в том, что яд им был дан против крыс и литератора Каткова?..*

Когда же, Россия, умоешься Ты от этой грязи, от этой сукровицы, от этих гадов?..

...Дай нам, твоим детям на чужбине, страстно тебя любящим, — дай нам возможность жить с поднятой головою, тебя защищать, тебя проповедовать, тебя открыто любить... обмойся от Катковых, оботрись — на твоих губах остался скверный след поцелуев Муравьева.

ПРИГОВОР ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

1) Признавая *Ишутина* зачинщиком замыслов о цареубийстве, основателем общества, действия коего клонились к эконолическому перевороту с нарушением прав собственности и ниспровержением государственного устройства, и в незаявлении правительству об известном ему преступном намерении *Каракозова* — лишить, на основании 241, 242, 243 и 318 ст. улож. о нак., изд. 1866 года, всех прав состояния, и казнить смертью через повешение.

2) *Ермолова, Страндена и Юрасова*, участвовавших в преступном выражении мыслей относительно учреждения общества для произведения государственного переворота посредством цареубийства и виновных в недонесении об известных им преступных замыслах, следовало бы также подвергнуть смертной казни, но, принимая во внимание, что *Ермолов* и *Странден* остановили исполнение намерения *Каракозова* совершить его преступное покушение в первую его поездку в Санктпетербург, а *Юрасов* не только не изъявлял согласия на преступный умысел на цареубийство, но и возражал против оного, то, вместо смертной казни, лишить означенных трех подсудимых всех прав состояния и сослать в каторжные работы в рудниках — *Страндена* и *Юрасова* без срока, а *Ермолова*, как несовершеннолетнего, за силою 139 ст. улож. о нак., на 20 лет.

3) *Загибалова, Шаганова и Моткова*, как членов общества организации, имевших полное сведение о преступных целях оного, а равно изобличенных в знании и недонесении о преступном выражении мыслей относительно учреждения общества для произведения государственного переворота посредством цареубийства, на основании 318 и 250 статей улож. о нак., лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы — *Загибалова* и *Шаганова* в крепостях на 12 лет, а *Моткова*, за силою 139 ст., на 8 лет.

4) *Николаева*, как члена общества организации, имевшего полное сведение о преступной оного цели и сознавшегося в доставлении *Федосееву* средств к совершению отцеубийства, имевшего целью приобретение значительной суммы денег для поддержания означенного преступного общества, лишить, на основании 2-й части 318 ст. и 250 ст. улож. о нак., всех прав состояния и сослать в каторжные работы на 12 лет.

5) *Худякова*, не избличенного в знании о намерении Каракозова совершить покушение на жизнь священной особы государя императора, в способствовании Каракозову в этом преступлении, но уличенного в знании о существовании и противозаконных целях тайного революционного общества,— лишить, на основании 3-й части 318 ст. улож. о нак., всех прав состояния и сослать на поселение в отдаленнейшие места Сибири.

6) *Малинина, Дмитрия Иванова, Лапкина и Александра Иванова*, как членов общества организации, имевших сведения о противозаконных целях оного, хотя и следовало бы приговорить, по всей строгости 2-й части 318 ст. и 250 ст. улож. о нак., к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в крепостях на 10 лет, во как они постоянно противодействовали тем противозаконным целям и предложениям организации, когда только они объявлялись на сходках, которые имели в виду насильственный переворот и доставление обществу средств преступными мерами, и как они, для противодействия этому обществу, старались образовать особый кружок, не имевший уже тех преступных целей, к которым стремились главные члены организации, а предназначенный для достижения целей, предусмотренных в 319 ст. улож. о нак., и как, сверх того, они, а в особенности Дмитрий и Александр Ивановы, сделали вполне чистосердечные признания, и притом Лапкин и Дмитрий Иванов не достигли еще и ныне совершеннолетия, имея только по 19-ти лет, то, признав их подлежащими наказанию по 1-й части 319 ст. улож. о нак., лишить всех прав состояния и сослать на поселение в Сибирь.

7) *Федосеева*, избличенного в принятии мер к отравлению своего отца и не успевшего совершить это преступление вследствие его ареста, лишить, на основании 2 ч. I, 457 ст. улож., всех прав состояния и сослать в Сибирь на поселение с преданием на месте ссылки церковному покаянию.

8) *Маркса*, как пособника, коего содействие было необходимо в приготовлении мер для убийства частного лица, на основании 2 ч. I, 457 ст. улож. о нак., лишить всех прав состояния и сослать в Сибирь на поселение.

9) *Маевского*, как избличенного в укрывательстве государственных преступников, осужденных в каторжные работы, лишить, на основании 2 части 316 ст. улож. о нак., всех прав состояния и сослать в Сибирь на поселение.

10) *Шестаковича* за укрывательство государственного преступника, осужденного к каторжной работе, приговорить, в уважение к сделанному им чистосердечному сознанию, на основании 2 части 316 ст. улож. о нак., к низшему из означенных в сей части статьи наказаний, а именно: к лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую.

11) *Лаунгауза*, имевшего сведения о существовании тайного общества, но не знавшего в точности всех целей оного и, сверх того, избличенного в противозаконной передаче яда лицу, не имевшему права на полу-

чение оногo, заключить в крепости на восемь месяцев с воспрещением ему, по указанию 867 ст. улож. о нак., навсегда продавать ядовитые и сильнодействующие вещества.

12) *Кичина, Соболева, Сергиевского, Борисова, Воскресенского, Кутышева, Полумордвинова, Трусова и князя Черкезова*, из коих никто не изболчен в имени точных сведений об обществе, в сходках которого они участвовали или о существовании которого только знали, приговорить, на основании 3 и 4 статей 319 ст. улож. о наказ., к заключению в крепости на 8 месяцев с зачислением им времени, проведенного уже в заключении.

13) *Петерсона*, не донесшего об укрывательстве Юрасовым государственного преступника Домбровского, признать, на основании 126 ст. улож. о нак., подлежащим заключению в крепости на 6 месяцев, с зачислением ему времени, проведенного в сем заключении.

14) *Маликова, Бибикова, Оболенского и Никольского* признать не подлежащими обвинению в принадлежности к тайному обществу и по сему предмету от суда освободить; но как первые три изболчены в знании об умысле освободить государственного преступника Чернышевского, а четвертый в умысле освободить государственного преступника Серно-Соловьевича, то, сделав им внушение о том, чтоб они впредь не входили в сношение с людьми, имеющими такие противозаконные замыслы, так как это противно и долгу службы и обязанностям каждого верноподданного, обязать их подпискою, чтоб они, не выезжая из Санктпетербурга, явились к министру внутренних дел, которому предоставить принять относительно всех этих лиц те меры, какие признает необходимыми.

15) *Никифорова*, юридически не изболченного в взведенных на него государственных преступлениях, от суда освободить, внушив ему отстраняться впредь от вредных связей, так как он сими связями и неосмотрительным своим поведением дал повод к столь важному обвинению, и затем предоставить министру внутренних дел, на основании 58 ст. улож. о нак., учредить над ним особый надзор полиции.

16) *Вознесенскому*, как посещавшему общество взаимного вспомоществования, не разрешенное правительством, вменить в наказание содержание в крепости и затем признать его не виновным в государственном преступлении.

Мера наказания государем уменьшена. *Ишутин* ссылается на вечнокаторжную работу. Николаю Страндену, Петру Ермолову, Дмитрию Юрасову, Петру Николаеву, Максимилиану Загибалову, Вячеславу Шаганову и Осипу Моткову сокращен срок каторжной работы: *Страндену* — на двадцать лет, *Ермолову* и *Юрасову* — на десять лет, *Николаеву* — на восемь лет, *Загибалову* и *Шаганову* — на шесть лет и *Моткову* — на четыре года.

Александра *Иванова* и Федора *Лапкина*, вместо определенного им наказания, велено лишить прав и преимуществ и сослать на житье в Томскую губернию.

Дмитрия *Иванова*, чтоб *дать ему возможность* ревностною службою престолу и отечеству доказать на деле то раскаяние, которое он выказал пред Верховным уголовным судом, вместо определенного ему наказания, без лишения его прав и преимуществ, велено *отдать в военную службу рядовым с выслугою*¹.

Болеслава *Шестаковича*, за силою 1-го п. 140 ст. улож. о наказ., освободить от лишения особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и затем, согласно с постановленным о нем приговором, сослать на житье в Томскую губернию.

Затем была напечатана голословная статья *, в которой тоном развязного журналиста *кто-то* рассказывает: что было в Верховном суде, кто в чем признавался, кто кого винил и кто в чем оправдывался. Ни малейшего доказательства. Вот вам и гласный суд и открытые двери в него.

Бесцеремоннее поступать с подсудимыми и с публикой нельзя. Метода бездоказательных обвинений так же принялась прогрессивным правительством, как фальшивые документы (в деле Чернышевского).

¹ Войско снова делается смирительным заведением!

ГУРТОВАЯ БОЙНЯ

Полдюжины обречено на расстреляние во Владимире-на-Клязьме. Дело уж пошло охалками, *rag fourrées*, как в 1793 году... В скромном Владимире-на-Клязьме, в *зале клуба*, где обыкновенно пьют, козыряют и пляшут... какой-то полковник *Ольдерог* приговорил *шесть человек к расстрелянию* *. В том, что приговор утвердится, мы не имеем права сомневаться, зная храбрость окружных генералов,— и русские поведут шесть русских, и их всенародно подстрелят «христолюбивые» воины, из которых благочестивейшее правительство делает палачей!

Сенат, совет, синод — все это набито стариками,— стариками, давно приговоренными не полковником Ольдерогом, а самим генералом-*от-косы* Сатурном к лишению живота. Как же в них не проснется, в виду смерти, что-нибудь человеческое и они не решатся протестовать против этого контрабандного, воровского ввода смертной казни, принимающей чудовищные размеры? Хоть бы до неприличности долго святительствующий Филарет Московский и Коломенский, защитник розог *, хоть бы он восстал против пуль и объяснил царю-сагиттарию ¹, что царствовать — не то же, что ходить на охоту, и что если очень забавно убивать медведей, то очень скверно убивать людей.

Казнь смертная противна у нас духу народному, противна нашему законодательству, противна христианству, которое теперь в такой моде при дворе. Зачем же ее вводят?

Разве до изобретения прогресса в Зимнем дворце и либерализма в деспотизме не было разбойников в России?.. Отчего же их не казнили ни гуртом, ни поодиночке?

¹ стрелку (лат. sagittarius).— *Ред.*

Пошумел Иван Аксаков, пошумели другие молодцы вместе с ним против смертной казни, да на полдороге устали, отстали, прилегли отдохнуть.

Ну, храбрые люди, московские патриоты, так геройски собиравшиеся сходками и скопами, чтоб *вотировать* неустрашимые адреса против поляков и телеграммы о верноподданных чувствах, так *свободно* и ничем не стеснявшиеся в деле обругивания Каракозова и в безделье заказывания иконописных образов св. Иосифа *, — покажите вашу прыть и любовь к народу русскому, подайте правительству прошение о том, чтоб оно не убивало...

...Нет у нас ни в чем ни выдержки, ни настойчивости, ни настоящей страсти неотступной, сосущей сердце (разве только в карточной игре). Какое кому дело до того, что во всей России льется кровь казненных, что вся империя — одно лобное место, отданное всякой гарнизе для приучения ее к крови.

И это в то время, когда в самой Европе, унаследовавшей с прочим хламом прошедших веков смертную казнь, больше и больше говорят об уничтожении ее!

Р. С. Только что мы дописали эти строки, как русские газеты вновь принесли два смертных приговора. Эти приговоры до того бездушно-гнусны, что мы их перепечатаваем:

В Таганрогской местной газете помещен приговор военного уголовного суда по делу о разбое, произведенном в ночи с 8 на 9-е ноября в доме Андреева. По этому приговору два главные злодея, а именно: ростовский мещанин Иван Грабенко, как признанный, во-первых, зачинщиком разбоя, во-вторых, непосредственным его участником и, в-третьих, преступником, нанесшим истязания старику Андрееву, и Петр Власенко-Басенко, он же Гаврило Афанасьев, во-первых, за непосредственное участие в преступлении, во-вторых, за побег из ростовского острога и, в-третьих, за упорное отрицание своей личности — *приговорены к смертной казни расстрелянием* *.

Отвратительные душегубцы!

Второй Р. С. Конца нет! Это просто бешенство крови, еще казнь: 2(14) сентября расстреляли в Астрахани преступника Резцова... На что русские газеты выносили, но и они не вытерпели, и «Голос» добавил (№ 257): «*Астрахань в первый раз, кажется, со времен Елисаветы Петровны, была свидетельницей смертной казни.*»

ГРЯЗЬ

На нас находит сомнение, выписывать или нет из *русских газет* мерзости и безобразия, делающиеся у нас ежеминутно, на каждом шагу. Нужно ли всей этой массе гадостей еще раз вынырнуть на наших листах?

Все совершающееся грязно, гнусно, гадко, глупо, и все имеет характер страшного однообразия: татарское раболепье, византийское ханжество, немецкая наука рабства — в обществе; татарское самовластье, византийское изуверство и немецки-канцелярское капральство — в правительстве. Между ними гады подкупной гласности — доносящие, превозносящие, клеветующие, лгущие, ползущие, сосущие и портящие государственное пищеварение — глисты-риторы.

Меняться могут подробности, личности, умереть может Гагарин — а не Муравьев; на место Берга — пошлют Баранова, на место Безака — Цезака, на место Магницкого — Толстого, на место Руничя — Каткова. Сущность остается та же, дух тот же, формы те же. Задремлет выпивши кучер, поослабит немножко вожжи, проснется — хлеснет без вины... Вот и все.

Меняться к лучшему — не то, что меняться к худшему.

Возникни теперь из балтийских блат новый Апраксин двор *, с лавками, вонью, мышами, ворами, городовыми, с гнилым товаром, с недовесом, с недомером и прочим добром... что же вы думаете, настолько правительство станет человечественнее, насколько оно пало от пожара? Совсем нет — запишут купцов в гильдию, на их же счет поставят часовню, отслужат молебен и пошлют брать подати и заговорщиков. Разве Катков напишет в «Московск. ведомостях», что это молитвами в благоухании почившего Муравьева бог послал

России новый рынок из пучин морских и что между выплывшими купцами нет ни одного поляка.

Россия — какое-то бесконечное поле, кой-где засеянное... и покрытое туком. Нарождающегося, будущего не видно... оно все в земле, все в зерне. Тук покрывающий состоит, как всегда, из догнивающего прошедшего. Великие агрономы, на немецкий лад, навалили такой пласт удобрения, что чуть зерно не задохло и теперь едва пробивается... Пока продолжалась зима, все казалось бело и гладко, а как пришла оттепель, верхний-то слой и сказался. Надобно помочь натуре, надобно стараться, чтоб он скорей сгнил и разложился, но копать в нем руками и месить ногами, таскать из него по соломинке и всякий раз удивляться и плакаться, что она не пахнет розаном, — это скучно и нечисто.

Судите сами. Разверните что хотите, что не запрещено, как «Современник» и «Слово», не приостановлено, как «СПб. ведомости»*, и читайте где хотите — будет хорошо.

В Казанском округе бродит тень Магницкого и шипит следуюшую иезуитскую речь:

По случаю холеры я не застал у вас классов, и потому лишен возможности видеть вас в деле. Но положение гимназии мне достаточно известно — как по сведениям, которые я имею из министерства народного просвещения, так и по произведенной, по моему распоряжению, попечителем округа ревизии гимназии. Должно сожалеть, что в прежнее время в вашем составе находились такие личности, которые не должны были бы вступать на учительское поприще: они принимали на себя эту важную обязанность не для пользы юношества, а ко вреду для него, для распространения разрушительных идей, последствием которых, как теперь оказывается на опыте, было умственное и нравственное развращение некоторых людей, сделавшихся несчастною жертвою этой злой пропаганды. При мне подобные преподаватели невозможны; я обязан пред священной особою государя императора и пред моею собственною совестью не допускать, чтоб училище, содержимое на счет правительства, обращалось в притон противообщественных и противогосударственных теорий; я обязан пред родителями сдать им юношей благовоспитанных и истинно, а не ложно образованных; наконец, я обязан пред самими этими юношами способствовать тому, чтоб из них образовались люди дельные и основательные, которые со временем поблагодарили бы внутри сердца своего своих наставников и руководителей, предостерегших их от ложных путей. Я буду свято исполнять эту обязанность, пока буду занимать должность, возложен-

GMINA wychodzi w Genewie, w terminach nie wyznaczonych. Prenumerata na 10 numerów wynosi franków 3 bez przesyłki. Numer kosztuje centimów 30. Porto do Francji i Belgii od num. 5c. Do Niemiec, Austrii i Anglii 10c. Do Grecji, Turcji i Księstw Nadmorskich 10c. Adres Redakcji i Ekspedycji: Genewie, Chemin du Marché, N. 1, Prof. Esigues.

GMINA

N° 1.

20 Września 1866.

W Paryżu sprzedaje się u Józefa Brezinickiego, rue de Komarville, 67; w Zurychu u Kaimiera Litzkowskiego, Plattenstrasse, N. 1, Fluntern; w Lipsku u księgarzy C. L. Kasprzowicza, Lindenstrasse, 5.

Listy do redakcji nie frankowane nie przyjmują się. — Reklamami nie zamieszczane, na ładnie swiadczone będą.

WYZNANIE WIARY

Reorganizacja obecnego ustroju społecznego w ziemiach niegdys Rzeczpospolitą Polską składających, dokonana na zasadzie starodawnych urzędów gminnych, a zastosowana do ducha potrzeb i dążeń nowoczesnych, — oto jedyna podstawa, na której przyszłość Polaki szczęśliwie, i spokojnie rozwijać się może, jedyne hasło, na które lud nasz w przyszłej walce o niepodległość, milczeniem nie odpowie.

Obalenie dzisiejszego układu państwowego na ziemiach polskich dla i przez federację ludów Słowiańskich — oto niezawodna rękojmnia trwałości takiej reorganizacji.

Porozumienie się przedstawicieli rewolucyjnych stronnicw w Słowiańszczyźnie, dla obmyślenia i przeprowadzenia ogólnego w niej powstania zbrojnego — oto najkrótsza droga do dopięcia dwóch tych celów.

Dowiedzenie i rozpowszechnienie powyższych myśli, między wychodźstwem polskiem, a jeśli się uda, to i w kraju, — oto zadanie *Gminy*.

Genewa, dnia 8 Września 1866.

Zygmunt Bużaniec.

DO REDAKTORÓW «KOŁOKOŁA»

Panowie,

Przychodźni połączyć z pracami Waszemi nasze młodzieńcze ustulowania. Chcemy mówić Polsce jak Wy Rosji, że jedynym Słowiańskich ziem wrogiem jest własna ich nieudolność, własny ich nierozum, z których rządy ciemnieją a podle ręcznie tylko korzystają. Pragniemy zetrzeć z podniesionej w r. 1831 chorągwi: cza waszą i naszą wolność, świeżemi kłękami zasiane pyły, obejrzeć materiał, z którego się składa przyszłego bytu naszego budowa, i jeden do niej rzucić kamyczek.

Dzieci miejsc, czasów i wypadków, różnych od tych jakie Waszymi były mistrzami, może nie w jeden takt do wspólnej mszy dzwonić będziemy, może głos nasz pierwiej zamrze na ustach nim do serca trafi rodaków, nim Wy z wież Nowogrodzkich na wielkie Słowiańskie Wiece wzywająć będziecie, może nas samych pochlonie ta straszna przepaść namiętności co z Waszej Ojczyzny kata, z naszej meczennic uczyniła:

Idźmy przeciw i walczmy razem, choć nierównemi siłami! Wy tak naszym cierpieniu cierpieniem, jak my waszym ploniemy wstydem.

Paryż, dnia 20 Sierpnia 1866.

Wydawcy *Gminy*.

PRZESZŁOŚĆ I PRZYSZŁOŚĆ POLSKI

L'homme est né libre, et partout il est dans les fers. Comment ce changement s'est-il fait? Je l'ignore. Que ce qui peut le rendre légitime? Je crois pouvoir résoudre cette question.

J. J. ROUSSEAU.

Nie zniejże przyczyn choroby, mozną wylczyć ostatego?

Siedmiesziesiąt lat upłynęło od ostatniego upadku Polski. Siedmiesziesiąt lat niewoli, od niewoli babilońskiej cięższej, przeplatanej wypadkami, z których nie jedne podstawan zachodniego świata wstrząsają, oświeconych pochodnią cywilizacji europejskiej, okupionych krwią i meczetniewem kilku pokoleń — to cała wieczność dla narodu, który ma prawo i siły do życia. Przez tę wieczność cośmy zrobili? 24 Marca, 29 Listopada, 22 Stycznia, Raclawice, Grochów, Milostaw, Grochowiska...

A co dziś mamy?

Nedzę i zepsucie w kraju, obojętność i zwątpienie na wychodźstwie i ciemniejsze jak przedtem drogi na przyszłość. Czyż w życiu ludzkim może istnieć taka dyzharmonia między przyczyną a skutkiem, między poświęceniem a nagrodą?

Ani rozum, ani doświadczenie tego nie wskazują.

A więc zleśmi liczyli? Baliśmy się zapewne położyć między rokiem 1831 a 1863, rok 1846, obok Raclawic Targowicę, obok imienia Kosciuszki imię Żeleźniaka? A może jeszcze Siciński i starosta Kaniowski nabroili tyle, że za nich mało Rejtana i Konarskiego? Zobaczymy.

Historja urodziła narodów, przy obecnym stanie umiętjeności, jest jak znajomość owych bakońskich przyczyn wtyrchw w filozofii: adzwicnie poświęcona Bogu, a więc bezpłodną. Co do niej przynoszą tradycje napół bajeczne, piśmienne pouniki zakątków klasztornych, szczątki narzędzi z ziemi wykopanych, zatarłe znaki na omszonych skałach, zaledwo lichą stanowi cząstkę reszty, zniszczonej barbarzyńską ręką czasu, wypadku, wojny i ciemnoty. Zkąd przeto przyszli Słowianie, — surowy materiał z którego się urobili oddzielne państwa Polski, Czech, Rusi, — gdzie szukać śladu popasowych ich stacji, kiedy się rozeszli na dzisiejsze swe główne stanowiska, — próżne to pytania. Zanim języko i ziemioznawstwo zadawalnają na nie dająć odpowiedź, długo jeszcze dziejopisarz omiętne je będzie ciemnymi ogólnikami, których treść w kilku niechiał da się zamknąć w wyrazach.

Słowiańszczyzna jest najdawniejszą, przedhistoryczną europejską kolonią szczepu indo-germańskiego. Przenosząc się w skutek zewnętrznego najprawdopodobniej parcia z Malej Azji nad dolny Dunaj, a ztamtąd na brzegi Morawy, Wisły, Odry, Dniestru, i pochlaniając lub podjąc przed sobą pierwotnych stron tych wybrzeżami Ledowatego Oceanu jako składowa część Finów i Tataro-Mongolów, — Słowianie, adobroczytnie to plemię, któremu radowała się ziemia gdzie osadał, długo, z wolna, krok za krokiem postępywali na północ i wschód, trzebili dzwiczce puszcze, osuszali pola, budowali siola.

ную на меня высоким монаршим доверием. Надеюсь, и даже уверен, что вы все будете мне в том содействовать; иначе и быть не может *.

За оборотнем-министром на запятках ливрейный холоп реакции вторит барину*:

Теперь, славу богу, основы нашей новой учебной системы не подлежат более сомнению, не подвергаются более вопросу. Слова эти (воскресшего Магницкого) обнадеживают, что министерство будет зорко смотреть за тем, чтобы в наших школах, под видом педагогов, не было людей злонамеренных. Но и при самом бдительном надзоре в этом отношении опасность для нашей молодежи не прекратится... («Моск. ведом.», № 192).

Министр внутренних дел, чтоб не отстать от нео-Магницкого, в свою очередь грозит в «Северной почте» преследованиями и наказаниями за перепечатывание ученых статей из периодических изданий и книг специально ученых *. Наука для касты, для мандаринов, для доктринеров, для монахов и попов. Для публики довольно Поль де Кока и К-нии. Для народа и его не нужно, для него и грамота — роскошь, народ слишком беден, чтоб иметь *право на мысль*, мысль и наука, как суд и расправа, должны принадлежать одним крупным землевладельцам. Посмотрите, какую они кучу надумали и поняли с уничтожения Юрьева дня.

Если популяризация науки отталкивается просвещенным правительством, зато, думаете вы, слово божие и утешение религии оставлено набожным правительством селянину и работнику? Совсем нет.

Неизвестного вероисповедания Безак, иконоборец киевопечерский, нашел в своем крестовом походе против *зablужденный креста* * яростного помощника в «Дневнике варшавском». «Дневник» напал на варшавских кухарок, зачем они ходят в храм божий, «отчего останавливается работа. Дело дошло до того, что господа не хотят держать слишком набожную прислугу»...

Вольтеры и Магницкие вместе!

Père Duchesne и Père Lorient!

Это напоминает старого кощуна Муравьева: когда началось у нас движение против пьянства, в циркуляре своем он

ссылался на свящ. писание для поддержания его, ставил в пример Ноя, подгулявшего после потопа (хорошо, что не Лота), и компрометировал самого Христа за шутку с вином в Кане Галилейской¹.

Что кухаркам не надобно иметь религии, это ясно... жарься себе вместе с бараниной перед очагом, религия для господ, не для холопов, не для нищих — все это справедливо. Но нас конфузят лютеранин Берг: он по своей ереси должен бы был уважать всякую набожность и всякую религию, даже и такую, в догматы которой не входит ни кабак, ни блины, ни грибы и которая предпочитает резное изображение Христа суздальскому *, с лицом, нарисованным яичным желтком с прозолотью...

Идемте в другую сторону. Вы все читали, что Жуковский и Пыпин были оправданы по суду. В пушью эпоху каракозовской белой горячки правительство требовало судебного рассмотрения статьи Жуковского о «Молодом поколении», взводя на нее нелепейшее обвинение в оскорблении дворянства (как будто его можно было чем-нибудь больше оскорбить, как освобождением крестьян). Обвинение было так глупо, что суд оправдал их. *Первое оправдание по делам печати!* Не только общество, но и правительство должно было радостно приветствовать этот знак независимости суда — это оправдание не только Жуковского, но искренности реформы. Нимало. Нашлись подкатковщики, натравившие правительство, нашелся Валуев, — жалкий, ничтожный, пустой Валуев, — захотевшие в зародыше задушить свободу суда. Дело перенесено было в уголовную палату, и обоих подсудимых нашли виновными, и то не в *оскорблении дворянства, а за то, что бранятся!**

А куда внесено или перенесено дело кандидата в мировые посредники *Колюбакина* *, который предложил одному сосланному польскому помещику, *Залесскому*, променяться с ним именем, т. е. взять не подходящую Залесскому нижегородскую деревню; предложил он с разными угрозами и политическими намеками, а когда Залесский отказался, написал на него *донос* в «Виленском вестнике»?

¹ Если этот циркуляр забыли, мы можем его перепечатать *.

Это уже разрешение последних, первоначальных уз общественных, тех последних обеспечений, которые существуют в Хиве и Тибете.

Что за омут гадостей эта российская родина,— бедная родина!

И за все за это одно утешение, что какого-то тайного и какого-то явного статского советника послали в Сибирь на поселенье — за *воровство!**

«GMINA»

Под этим заглавием вышел первый лист нового польского периодического издания в Женеве. От души приветствуем его и не можем иначе приветствовать его: так сочувственно-братски он нам протягивает руку. «С вашим трудом мы приходим соединить наши юные усилия,— пишут к нам издатели „Гмины“.— Рожденные в другом месте, в другом времени и окруженные иной обстановкой, может, мы не в один такт будем звонить к общей обедне, может, наш голос прежде замрет, чем вы сзовете на великое Вече ваш народ,— замрет в той борьбе страстей, которая из вашего отечества сделала палача, из нашего— мученицу,— но пока пойдемте вместе — вы так же страдаете нашим страданием, как мы краснеем вашим стыдом» *.

Программа, высказанная «Гминой», широка *: она хочет проповедовать «преобразование общественного порядка в землях, составлявших польскую республику, на основании древнего общинного устройства, применяя к нему все, к чему идут современные стремления». От этих слов веет юным, свежим, и мы искренно протягиваем наши руки молодым товарищам в общем походе.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВОЗЗВАНИЕ М. П. ПОГОДИНА

Увлеченный примером Кошута и Маццини, и наш Михаил Петрович пустил возмутительную грамоту «К галицким братьям»*. Все то, что «Московские ведомости» порицали, на что доносили, о чем говорили с скрежетом зубов и на что вызывали пытки, тюрьмы и казни,— все в квадрате и кубе находится в воззвании Погодина.

Мы ничего не имеем против зажигательной прокламации Погодина и очень много за галичан и за такие открытые речи. Но, во-первых, произносить их не следует в непристойных местах, а во-вторых, непристойным местам не следует допускать таких речей. Что сказала бы арендаторша публичного дома, если б кто-нибудь пришел к ней служить молебен пречистой деве? Есть *обязательное единство* поведения, нарушать которое без оскорбления общественной нравственности нельзя. Что может быть мерзее прусских генералов, подбивавших к восстанию венгерцев и богемцев речами, за которые, если б они были обращены к познанцам, те же генералы засадили бы ораторов lebenslang¹ в Шпандау? *

Мы перепечатаваем почти целиком воззвание Погодина. Судите сами:

К ГАЛИЦКИМ БРАТЬЯМ

Остап, запорожский казак, захваченный поляками в плен, осужден был на смертную казнь в Варшаве. Выведенный на площадь, вместе с своими товарищами, он предан был палачам. «Остап выносил терзания и пытки, как исполин»,— повествует нам поэт. «Ни крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости; когда ужасный хрюк их послышался среди мертвой толпы, отдаленными зрите-

¹ пожизненно (нем.).— *Ред.*

лями; когда панянки отвортили глаза свои, — ничто похожее на стон не вырвалось из уст его, не дрогнуло лицо его. Тарас (Бульба, отец его) стоял в толпе, погупив голову, и в то же время, гордо приподняв очи, ободрительно только говорил: „Добре, сынку, добре!“

Но когда подвели его к последним смертным мукам, казалось, как будто стала подаваться его сила. И повел он очами вокруг себя. Боже! всё неведомые, всё чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушения слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою, и воскликнул в душевной немощи: „Батька, где ты? Слышишь ли ты все?“ „Слышу“, — раздалось среди всеобщей тишины...

Пятьсот лет страдали, мучились и стонали, тлея на тихом огне, галичане, наши родные братья, под игом враждебных племен, враждебных религий, враждебных языков! Они должны были тщательно скрывать свое происхождение, они должны были отпираться от своего родства, они должны были искажать свое имя — все страха ради иудейска.

Но исполнилась наконец мера их долготерпения! Под ножами, под кинжалами, среди всех сатавинских казней, несмотря ни на какие опасности, грозящие им гибелью, прерывистым, истомленным голосом, задыхаясь, они восклицают в лицо своим врагам: «Мы — русские» и прибавляют, кажется, обращаясь к нам, подобно замученному Остапу: «Братья! слышите ли вы?»

Слышим, слышим!

И пусть этот отклик, искренний, из глубины сердца извлеченный, освежит ваши слабеющие силы, утешит вас в ваших бедствиях, несчастные братья!

В ком бьется сколько-нибудь человеческое сердце, кто связан сколько-нибудь с своим отечеством, с своим племенем, кто чувствует сколько-нибудь свои исторические обязанности, тот не мог без внутреннего волнения, без умиления читать заявления галичан, переданные нам «Московскими ведомостями» из львовской газеты «Слово» (в статье, за которую нельзя довольно благодарить их!). Повторим эти выражения, простые, истинные, бьющиеся жизнью, представляющие резкую противоположность со всем тем, что слышится теперь в Европе, на *колотырных* рынках, в поврежденных палатах и перекупных газетах.

«В 1848 году нас спрашивали: кто мы? Мы сказали, что мы всемирнейшие Ruthenen... „Но может быть вы русские?“ — допрашивал нас Стадион (бывший наместник и экс-министр). Мы клялись душой и телом, что мы не русские, Russen, но что мы Ruthenen, что наша граница на Збруче, что мы отрекаемся от так называемых русских, как от окаянных схизматиков, с которыми не хотим иметь ничего общего...»

Что же побуждает теперь галицких русских возвысить свой голос?

Опасение, что граф Голуховский, истый поляк, будет назначен канцлером Галиции...

Ввиду польского канцлерства, — восклицает львовское „Слово“, — настало время, по нашему мнению, переступить нам Рубикон и сказать откровенно во всеуслышание: мы не можем отделиться китайскою стеной от наших братьев и отречься от литературной, церковной и народной связи с остальным русским миром, мы не рутены 1848 года, мы *настоящие русские*».

И вслед за галицкими русскими русские в Венгрии откровенно заявляют теперь о своем близком родстве с населением русской империи и именуют русский литературный язык своим извечным, прирожденным достоянием как плод исторической жизни всего русского народа.

«И мы русские!» — восклицают дети Карпатских гор, в Венгрии, на родине Венелина, Орлая, Янковича, Кукольника!..

Государи и правительства имеют свои отношения между собою, свои обязательства, договоры, условия, виды, намерения. Мы, русские, никогда не вмешивались до сих пор в действия нашего правительства касательно внешних сношений, и хорошо делали, судя по следствиям, ибо, благодаря этому порядку, правительство содействовало более всего образованию такого государства, которое представляет теперь почтенную силу 80 миллионов человек, и может употреблять ее по усмотрению. Но мы имеем теперь полное право, дарованное нам благодушным нашим государем, выражать свое искреннее мнение о всех текущих государственных вопросах. Пользуясь этим правом, мы считаем своею священной обязанностью заявить живое сочувствие к тягостному положению наших родных братьев и в ответ на их воли, раздирающие душу, послать им одно слово: «Слышим, слышим!» Неужели мы не можем сказать его? Сохрани боже!

Если немцы сочли долгом подняться с оружием в руках за освобождение Гольштинии и Шлезвига из-под легкого владычества датского, то как же мы, русские, будем переходить молчанием, оставлять без теплого участия судьбу миллионов русских братьев в Галиции и Венгрии? Неужели мы побоимся замолвить за них *слово, только слово*, — *слово мира, любви, естественного права*? Нет, нет, тысячу раз нет!

Низкий поклон, горячий привет, выражение глубокого почтения посылаем мы вам из Москвы и Киева, Казани и Архангельска, Вильны и Астрахани, Чернигова и Владимира, Камчатки и Ташкента, Тифлиса и Одессы и пр. ...

М. По го ди н,

ПО ДЕЛУ ЗАГОВОРА

Заговор, который многие подозревали после караказовского выстрела, обнаруживается больше и больше. Сверх частных слухов, «Indépendance» и «Кёльнская газета» сделали два-три замечательные памека. Ясно, что Муравьев стоял во главе комплота, составленного крепостниками, стародурами и вообще реакцией. «Кёльнская газета» говорит, что он подавал в отставку, потому что государю не нравились проделки полиции и он стал подозревать причину излишнего усердия. Муравьев за несколько дней до закрытия комиссии уехал в деревню, «куда ему посылали бумаги», говорят русские газеты *. Да как же он смел ехать, не кончив дело такой важности? Святить церковь — не спешное дело. Он уехал в опале *. Один из главных сообщников первый отвязал свою комягу от потонувшего зверя... «Московские ведомости» очень скромны в своих плачах на гробе нового Пожарского * (не сделавшегося даже князем, чего Муравьеву очень хотелось).

Государь и в этом деле поступил так же шатко и бессмысленно, как во всех делах. Вместо того чтоб назначить новую комиссию над муравьевской и открыть по горячим следам все проделки черного русского жонда, он даже не велел опечатать бумаг Муравьева, а отделался тем, что очистил Пермский пехотный полк от имени палача *. Теперь, конечно, поздно узнать всю интригу, *хотя и можно.*

ЧЕМ ЛЮДИ ТЕШАТСЯ

В русских газетах показалась замечательная генеалогия Дагмары и ее нареченного жениха, вот уж *ab ovo*¹, так *ab ovo*. По ней, в числе их предков (не говоря о бесчисленном множестве датских королей и принцев, в числе которых только и выпущены Гамлет и его наследник Фортинбрас) находятся: «Карл Великий, Гюго Капет, святой король Людовик IX, король английские Эдуард III, Эдуард IV, наконец, Мария Стюарт» («Голос», № 260). Ну, а Василий Великий, Виктор Гюго, святой король Мельхиседек и Мария Египетская не предки?

Это бы все ничего, да вот что плохо. По свадебной родословной выходит, что наследник чистый немец, да еще и не совсем *чистый*, а из *архиерейских детей*. Нас всё учили, что Романовы хоть не без немецкой примеси, но идут от русской *светской* семьи, а тут выходит, что цесаревич «происходит по *прямой линии*, в *одиннадцатом* колене, от Фридриха I, графа Ольденбургского», и имеет в числе предков *епископа Любекского*. Немец, да еще из духовного звания, из монашеского происхождения! Что подумают об этом православные, вовсе не допускающие с Лютеровой ересью брак епископов?

¹ с самого начала (лат.). — *Ред.*

A NOS FRÈRES POLONAIS

Il y a un mécontentement grave qui s'est produit dans nos rapports — il nous faut nécessairement le vider fraternellement. Vous vous êtes fâchés contre nous pour une opinion émise par un de nous. Nous voulons ajouter quelques mots d'explication.

Depuis 1853 notre activité allait à côté de la vôtre — vous la connaissez d'un bout à l'autre. Dès les premiers articles de notre propagande russe à Londres — nous avons clairement exposé nos principes — et nous n'avons jamais dévié. Ce n'était ni le nationalisme, ni le patriotisme — qui était au fond de notre religion — notre nationalité, notre patrie — était dans une série d'idées sociales que nous tâchions de propager, de réaliser. La Russie nous offrait un sol tout préparé pour une révolution économique. Dix ans avant l'émancipation des paysans nous avons prêché leur *droit à la terre*. Sur ce droit, et sur la commune autonome et élective — nous basons tout l'avenir de l'organisation sociale en Russie.

Maintenant je passe immédiatement à l'article qui a eu le malheur de nous diviser — pour un instant, comme nous en avons la conviction. Conviction que nous puissions dans la plus parfaite pureté de notre conscience et la droiture de nos buts.

Voici le résumé de l'article. Ogareff dit: «Il y a un crime qui se perpète par le gouvernement russe en Lithuanie. Après avoir séquestré arbitrairement le bien d'une partie de propriétaires fonciers, le gouvernement les oblige de les vendre — aux propriétaires *d'origine russe et allemande*».

«Nous ne pouvons pas empêcher la réalisation de cette iniquité, — répète plusieurs fois l'auteur, — tâchons au moins de placer la question sur un autre terrain. Si les spoliateurs veulent forcé-

ment exp<roprier> — pourquoi introduisent-ils l'élément corrompu des propriétaires russes et des intrigants allemands, pourquoi les paysans, les seuls ayant droit à la terre, sont-ils exclus? Si les paysans de la localité ne veulent pas se cotiser — *pourquoi ne proposerait-on pas cet achat aux paysans d'autres provinces*». C'est cette dernière partie de l'article qui a soulevé contre nous une réprobation qui nous chagrine profondément.

Et pourtant la proposition d'Ogareff est tout à fait logique, tout à fait conséquente à nos principes. Peut-être il était inopportun de le dire — et nous sommes navrés de douleur, que nous vous avons ajouté un moment de chagrin de plus dans votre grand deuil. Vous en êtes les juges — et nous ne voulons pas continuer. Le droit absolu, inaliénable de la nationalité polonaise a toujours été un dogme pour nous.

S'il s'agissait de la Russie — des possessions nobiliaires etc. — nous aurions tenu un autre langage.

Il y a trois ans j'écrivais à Garibaldi: «L'indépendance de la Pologne — c'est notre propre affranchissement... Le jour où la Pologne sera indépendante, nous jetterons un voile sur le passé — et nous irons d'un pas ferme chercher notre avenir et travailler à l'écroulement de cet Empire... qui fait le malheur d'un sixième du globe terrestre...

Alors notre parole sera libre... Jusqu'à ce jour nous sacrifions sincèrement une partie de nos convictions — comme profond hommage à notre sœur — malheureuse et martyre.

7 nov<embre> 1866.

НАШИМ ПОЛЬСКИМ БРАТЬЯМ

Между нами произошло важное недоразумение, нам надобно непременно братски покончить его. Вас привело в негодование мнение, высказанное одним из нас. Мы постараемся в нескольких словах объяснить его.

С 1853 наша деятельность шла возле вас. Вы ее знаете от начала до конца. С первых статей нашей русской пропаганды в Лондоне мы ясно высказали наши начала и ни разу не уклонялись от них. Мы не выдавали себя ни за националистов, ни за патриотов. В основе нашей религии был ряд социальных идей, который мы старались распространять, осуществлять, в них наша народность и отечество. Россия представляла нам наиболее готовую почву для экономического переворота, и десять лет прежде освобождения крестьян мы проповедовали об их *праве на землю*. На нем и на сельском общинном и выборном самоуправлении основываем мы всю будущность русской социальной организации.

Переходим прямо к статье, имевшей несчастье раздвоить нас, на минуту, как мы уверены, полагаясь на чистоту нашей совести и прямоту намерений. Автор статьи говорит: «Русское правительство совершает преступление в Литве. Секвестрировавши произвольно имение одной части польских землевладельцев, оно заставляет их продавать свои земли — *русским и немецким помещикам*. Мы не можем препятствовать, повторяет несколько раз автор, исполнению этой неправды. Постараемся по крайней мере переставить этот вопрос на другую почву. Если грабительствующее правительство прибегает к насильственной продаже, зачем же оно вводит в край растленный элемент русских помещиков и немецких интригантов? Почему

крестьяне, одни имущие право на землю, исключены? Если же местные крестьяне не хотят делать складчин, отчего не предложить ее *крестьянам других провинций* *. Это последнее предложение возбудило против нас общее порицание, к нашему искреннему прискорбию.

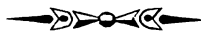
Предложение автора совершенно логически истекает из всего воззрения нашего. Может, оно выражено не вовремя, в таком случае мы первые от души скорбим, что прибавили еще горькую минуту к великому сетованию вашему. В этом вы судьи, и мы умолкаем. Безусловное, неопровержимое право польской народности было всегда одним из наших догматов.

Три года тому назад я писал к Гарибальди: «Независимость Польши — наше собственное освобождение. В тот день, когда Польша будет восстановлена, мы бросим покров на прошедшее и твердыми шагами пойдем к нашему будущему, разрушая империю, делающую несчастье шестой части земного шара» *.

Тогда наша речь будет свободна... До тех пор мы искренно жертвуем часть наших убеждений как скорбный дар глубокого сочувствия нашей несчастной, измученной Сестре.

А л е к с а н д р Г е р ц е н,
Н и к о л а й О г а р е в.

Женева, 7 ноября 1866.

ПОРЯДОК ТОРЖЕСТВУЕТ!

L'ordre règne à Varsovie

Sebastiani (1831)*.

I

Если Содом и Гоморра гибли так интересно, как гибнут *старые порядки* в Европе, я нисколько не дивлюсь, что Лотова жена не вовремя обернулась, зная, что ей за это солоно придется *.

Едва мы подходим к концу 1866 года, так и тянет оглянуться.

Ну год!.. *И в гостях и дома* — хорош он был, бедностью событий его попрекнуть нельзя...

О Западе мы почти никогда не говорим. Без нас о нем говорят много и громко, он сам говорит еще больше и еще громче, помощи нашей ему не нужно, перекричать его мы не можем. К тому же было время, — мы высказали наше мнение дотла. Но события становятся до того крупны и резки, несутся так быстро, что по необходимости перед ними останавливаешься, поверяешь и сличаешь думанное с совершающимся.

Старый порядок вещей, упорно державшийся на своих правах давности, стал распадаться с отчаянной быстротой. «Гнилая рыба»¹, о которой говорил Гёте *, валится кусками с костей, на первый случай в прусскую каску. Хороша будет уха, сваренная в ней!

Разложение *старого* мира не пустая фраза, теперь в этом трудно сомневаться. Характер органического разложения состоит именно в том, что элементы, входящие в данное взаимное

¹ Die Welt geht auseinander wie ein fauler Fisch.

отношение друг к другу, делают вовсе не то, что они назначены делать, что они хотят делать, а это-то мы и видим в Европе.

Охранительная сила, консерватизм гонит *взапей законных* королей и властителей, рвет свои трактаты, рубит сук, на котором сидит.

Революция рукоплещет замене глупых и слабых правительств сильным военным деспотизмом.

Все делается — в этом единственный смысл реакции — для прочности, покоя, равновесия, и все чувствуют, знают, что Европа, спитая *прускими иголками* *, спита на живую нитку, что все завтра расползется, что все это не в самом деле, что в самом деле будущность мира, этого великого, цивилизованного, исторического мира, висит на нитке и зависит, как в сказке о «Заколдованной розе», от почек, но не розы — а пятидесятивосьмилетнего человека *. Вот куда реакция спасла мир. Мир, стоявший на трех китах, был прочнее.

Давно известно, да и Байрон повторял, что нет человека, который не обрадовался бы, услышав, что с его другом случилось несчастье, которое он предвидел и от которого предостерегал. Относительно политического мира и это удовольствие притупилось для нас. Восемнадцать лет тому назад нас прозвали «Иеремиями, плачущими и пророчащими на развалинах июньских баррикад»*, и с тех пор каждый год сбывается что-нибудь из того, что мы предсказывали; сначала это льстило самолюбию, потом стало надоедать.

Был в Европе больной человек, до него-то и добивался Николай Павлович *, сам не очень здоровый; теперь вся Европа — больница, лазарет и, главное, дом умалишенных. Она решительно не может переварить противоречий, до которых дожила, не может сладить с переломленной революцией внутри, с двойной цивилизацией, из которых одна в науке, другая в церкви, одна чуть не двадцатого столетия, а другая едва XV. Да и легко ли спаять в одно органическое развитие — буржуазную свободу и монархический произвол, социализм и католицизм, право мысли и право силы, уголовную статистику, объясняющую дело, и уголовный суд, рубящий голову, чтоб она поняла.

Иной раз кажется, будто Европа успокоилась, но это только кажется. Она в своих задачах нигде, никогда не доходила до

точки, а останавливалась на *точке с запятой*. Парижский трактат — точка с запятой, Виллафранкский мир — точка с запятой, завоевание Германии Пруссией — *семиколон*. От всех этих недоконченных революций и передрыг в крови старой Европы бродит столько волнений, *страхов и беспокойств*, что она не может заснуть, а ей этого хочется. Лишь только она задремлет, кто-нибудь — добро еще Наполеон, а то Бисмарк — поднимет такой треск и шум, что она, испуганная, вскакивает и спрашивает: «Где горит и что?» И где бы ни горело, и что бы ни горело — погорелая она, кровь течет ее, деньги приплачиваются ею... Петр I как-то оттаскал за волосы невинного арапчонка, думая, что он его разбудил; в Европе не только некому оттаскать виновного, но еще перед ним все становятся на колени. Оно, впрочем, и лучше, что есть будильники, а то и не такую беду наспал бы себе мир.

Люди по натуре беспечны, и не ударь гром, они и не перекрестятся, как говорит пословица. Человек завел сад и жену, развел цветы и детей, обманул всех соседей, продавая им втридорога всякую дрянь, обобрал всю мышечную силу окрестных бедняков за кусок хлеба и, благодаря прочному, законами утвержденному порядку, лег спать вольным франкфуртским купцом, а на другой день проснулся подданным прусского короля *, которого всю жизнь ненавидел и которого должен любить больше жены и цветов, больше детей и денег. В доме его бражничают прусские драгуны, цветы его съели лошади, детей съест рекрутчина... Вот он и подумает теперь, что ему обеспечило *государство и реакция*, в пользу которых он платил деньги, кривил душой, без веры молился и без уважения уважал. Вместе с ним подумает и эта ватага калек переходящих, слепых и безумных королей Лиров, пущенных по миру в обрванных порфирах — не народами, а своим братом, *Hohenzollern hochverschweistert **.

Другие народы и другие венценосцы тоже подумают теперь о смысле и крепости *присяги, преданности престолу, о святости законных династий*.

Потсдамский лейб-пастор настроил молитву для ганноверских церквей и заставил их сегодня молиться за вчерашнего врага в бесконечно смешных выражениях. Этого не делал и Батый.

Кажется, что может быть смешнее и нелепее всего этого... а есть роль смешнее, именно революционеров.

Правительства, сколачивающие единства и сортирующие людей и области по породам не для составления родственных *групп*, а для образования сильных, *единоплеменных государств*, знают по крайней мере, что делают; но помогающие им, если не руками, то криком и рукоплесканиями, революционеры и эмигранты — понимают ли они, что творят?

В этом-то бессмыслии и заключается одна из тайн той хаотической путаницы в голове современного человека, в которой он живет. *Старым умам*, в их логической лени, легче убивать других и быть ими убитыми, чем дать себе отчет о том, что они делают, легче *верить в знамя*, чем разобрать, что за войско за ними.

Они мечтали о *свободе, равенстве и братстве*, ими взбудоражили умы, но дать их не умели и не могли: «Нельзя же все вдруг да разом, и Рим не в один день был построен», а потому, для постепенности, они помирились с реакцией на том, что, вместо свободы лица, будет свобода государства, национальная независимость, словом, та *свобода*, которой искони бе пользуется Россия и Персия. Все шаг вперед. Только жаль, что вместо равенства будет племенное различие и вместо братства — ненависть народов, сведенных на естественные границы.

В 1848 году реакция явилась *реакцией*, она обещала порядок, т. е. полицию, и порядок, т. е. *полицейский*, она восставила. Но лет в десять смирительный дом без развлечения надоед, бесплодное, отрицательное знамя полицейского отпора и благоустройства износилось. И вот мало-помалу начало показываться новое, как бы это сказать, земноводное, амфибическое знамя; оно водрузилось между реакцией и революцией, так что вместе принадлежало той и другой стороне, как Косидьер — порядку и беспорядку *. Освобождение национальностей от чужеземного ига, *никак не от своего*, сделалось общим бульваром враждебных начал.

Лопнувшие гранаты Орсини * возвестили новую эпоху, и с тех пор пошли всякие чудеса: латинский мир в Мексике, австро-пруссский в Дании *, Пруско-Австрия друг в друге, завоевание Венеции поражением Италии на суше и на море *,

Франция, укрепляющая *против себя* рейнскую границу, присоединение пол-Германии к Пруссии — к государству без отечества и которое должно бы было первое распуститься в немецкое *gesammtes Vaterland*¹.

И, как всегда бывает, возле крупных событий несутся в какой-то неистовой «пляске смерти»... личности, случайности, подробности, от которых волос становится дыбом.

Возьмите хоть эту женщину, переплывающую океан, чтоб спасти поддельную корону своего мужа, которую она принимает за настоящую *латинскую*. Родной брат не дает ей наследства отца, единственный покровитель пожимает плечами и показывает ей статуи Кановы; она падает в обморок, и когда раскрывает глаза, перед ней стоит *он* с стаканом воды, и она, уже полуповрежденная, с криком: «Меня хотят отравить!» бежит вон, бежит к папе. В Ватикане встречаются эти два бесилия, эти две лжи. Старик, которому скоро нечего будет благословлять «ни в городе, ни в вселенной», видя у ног своих полуразвенчанную, верующую в него женщину, приходит в бешенство. Она держит его за сутану и просит чуда, — грубый старик отталкивает ее, осыпает бранью, чтоб скрыть, что у него нет чудотворной силы. Совсем *сумасшедшую*, ее везут из Ватикана, а она шепчет: «Меня хотят отравить» *.

Около выжившего из ума старика и безумной летят осколки всевозможных корон, больших и малых, увлекая с собой и другую стародавность, другую *подагру*, которую не могут поддерживать ни чахлые эрцгерцоги, ни жирные монсиньоры.

На расчищенном месте ставятся на зиму военные бараки. На этих биваках будет продолжаться история.

Все рассортировано по зоологии и признано по национальностям; одна заштатная Австрия отстала, не зная, какую кокарду прицепить к надтреснутой короне — *славянскую, немецкую или венгерскую*. Догадаться, что она прежде всего федерация и что она только путем федерации может воскреснуть, не трудно, но недостает мозгов.

Этот акт финала сыгран превосходно, быстро, отчетливо, с поразительным *ensembl'ем*.

¹ единое отечество (нем.).— *Ред.*

Остались кой-какие «слабости», до которых не коснулись и которым предоставили роль маленьких зверьков, сажаемых в львиную клетку для обнаружения великодушия «царя зверей».

...О, Ромье! Забытый Ромье, как он был прав, проповедуя необходимость противопоставить, как плотину, напору социальных волн национальные вопросы!

Но великодушие великодушием, надобно же знать и меру. До сих пор один *наружный* порядок был возможен... его подтачивали тысячи подземных кротов, его подмывали тысячи подземных ручьев. Что сделаешь, пока рядом с вольными топографиями есть железные дороги, пока легкость передвижения и трудность преследования *за границей* помогают друг другу. Год тому назад парижские студенты ездили вместе с немецкими в Льеж, а в нынешнем французские и немецкие работники сходились на совещание с английскими и швейцарскими в Женеве *. Простая логика говорит, что Франция и Пруссия не могут, не должны терпеть на европейском континенте без явной опасности для себя, без вопиющей непоследовательности, — терпеть на ином основании республик или свободных государств, как терпелась безгласная республика Сан-Марино и оперная Валь д'Андоре...*

...Тут поневоле приходит на ум так сильно грешащая против национальной сортировки молитва:

Gott protège la Svizzera!¹

Да, Швейцарии жаль, истинно, глубоко жаль!

Трудно, больно себе представить, что вековая, готическая свобода изгонится из ее ущелий, с ее вершин, что на Альпах будут развеяться прусские флаги и трехцветное знамя фран-

¹ Когда в Швейцарии вводили одинаковую монету во всех кантонах, в федеральном собрании представился вопрос: на каком языке сделать надпись кругом монеты, чтоб не обидеть ни одну из национальностей. Один из представителей, шутя, предложил вырезать: «Gott protège la Svizzera»*, и этим кончил вопрос. Собрание велело чеканить монету без всяких фраз, а просто с означением ценности.

Не замечательно ли, что в двух странах, в которых республика вошла в жизнь и кровь, — в Северо-Американских Штатах и в Швейцарии — спяны вместе несколько народностей: одна состоит из всесветных пришельцев и бродяг, другая из разноплеменных союзников.

цузов. А с другой стороны, так ясно, что подобные противоречия, при огромном неравенстве, рядом существовать не могут. Все эти клочки свободных государств, терпимые, как игорные и публичные дома, по разным соображениям, по разным снисхождением, — то как лайка между двумя камнями, то из боязни, чтоб другая рука не протянулась за своим паем, — утратили свое право на слабость, свою привилегию на край гибели. Никаких соображений, никаких уважений не осталось. Франция и Пруссия до того сильны, что они остановились: Франция не взяла берегов Рейна, Пруссия не добрала всей Саксонии, — все равно, все божье да их — нынче не взято, завтра можно взять.

Один кусок не по челюстям — Англия. Недаром Франция так рвется через канал... привести в порядок ненавистную страну с ее ненавистным богатством...

Англия поблагоденствует еще: в ней будет уже не всемирная выставка, а всемирный склад всего, до чего доработалась цивилизация; в ней действительно увенчается и пышно развернется последняя фаза средневековой жизни, свободы, собственности. Все это до тех пор, пока туго понимающий, *но понимающий* работник выучит по складам, но твердо такие простые правила, как «Мало Habeas corpus 'а*», надобно еще кусок хлеба», и французскую комментарию к ней в английском переводе *: «У кого есть дубина, у того есть хлеб!»¹

...Да, смертельно жаль Швейцарии; ее недостатки, ее грехи мы знаем, но ведь она не за них будет наказана, а за то, что осталась свободная, федеральная, республиканская между двух деспотических армий.

Смотрим, смотрим, откуда может прийти спасение, — и не видим.

Есть добрые люди, которые думают, что французский солдат остановится перед святым словом «Республика», перед святыми Альпами, дававшими убежище его отцам и братьям. В прошлом столетии он смело переходил горы и реки, с *ним*

¹ Мы просим наших читателей вспомнить, что в 1853 и 1854 мы предсказывали, что Европа придет к этому с своей реакцией, в ряде писем под заглавием: «Le vieux Monde et la Russie»*.

была революция, но во имя реакции он не пойдет бесславно души кучку вольных граждан...

...Эти добрые люди не знают, что такое французский солдат нашего времени, воспитанный Алжиром, зуавами, туркосами...

Есть другие хорошие люди, которые думают, что сама Швейцария должна проснуться, забыть ежедневную суету, федеральные и кантональные сплетни, коммерцию горами и иностранцами и сделать теперь *все то, что она сделает, но слишком поздно*, т. е. схватиться за карабин, кликнуть клич народным массам соседних государств и указать им весь ужас, грозящий от этих пововавилонских и ассирийских монархий. Конечно, это было бы недурно, и во всяком случае дало бы Швейцарии хорошую, великую кончину...

Но кто же может откликнуться?

Бельгия, что ли?.. Сила, нечего сказать.

Или уж не Австрия ли пойдет на деревяшке выручать *свободу* мира, с побитыми войсками и победоносными иезуитами?

И, в сущности, какое дело народным массам, что из них составляют вавилонскую или ассирийскую монархию? Разве чересполосица, урезки и прирезки Венского конгресса были лучше? Разве им было когда-нибудь лучше? О немецких мелкопоместных королях, герцогах и говорить нечего. Надобно прочесть речь баденского министра иностранных дел в камере, чтоб подивиться, какими разбойниками управлялись немцы до тех пор, пока не пошли на округление прусских владений¹.

Правда, что массы и прежде восставали всегда бессмысленно, но они бежали за какой-нибудь радугой, была какая-нибудь повальная мономания, фанатическая вера, которая для них делалась дороже семейного крова и своей жизни. Где теперь эта радуга, это слово, этот идеал? Швейцарец будет защищаться в своих горах, как лев, как вепрь, до последней капли крови: он будет защищать свое, стародавнее, родное, он знает, *что отстаивать*. Ну, а другим что за дело? Другие просто не пой-

¹ Выведенный из терпения нападками в камере, он рассказал, как Австрия и Бавария вступали с Баденом в союз и в то же время тайно между собой приготовлялись присоединить Баден к Баварии... Слово «разбойник» потому тут не идет, что разбойники между собою-то по крайней мере честны...

мут; да и, в самом деле, как понять, когда для защиты человеческих прав приходится становиться с *австрийской стороны*...

Хорош сумбур, к которому привела спасительная *реакция* наших западных стариков, зато:

*Революция — побеждена,
Красные — побеждены,
Социализм — побежден,
Порядок — торжествует,
Трон — упрочен,
Полиция — сажает,
Суд — казнит,
Церковь. — благословляет...*

Радуйтесь и благословляйте в свою очередь!

...Стало, так-таки просто — голову в перья и ждать, когда беда разразится?

Беда-то разразится, в этом нет сомнения; но головы прятать не нужно. Лучше самоотверженно ее поднять, прямо посмотреть в глаза событиям, да и в свою совесть кстати.

События столько же создаются людьми, сколько люди событиями; тут не фатализм, а взаимодействие элементов продолжающегося процесса, бессознательную сторону которого может изменять сознание. Историческое дело — только дело живого *пониманья* существующего. Если десять человек понимают ясно, чего тысячи темно хотят, тысячи пойдут за ними. Из этого еще не следует, что эти десять поведут к добру. Тут-то и начинается вопрос совести.

На каком основании Наполеон и Бисмарк ведут Европу? Что *они* поняли?

Наполеон понял, что Франция *изменила* революции, что она остановилась, что она испугалась; он понял ее *скудость* и то, что все остальное подчинено ей. Он понял, что старое, сложившееся общество, в котором сосредоточены деятельные силы страны, все вещественные и невестественные богатства, хочет не свободы, а ее представительной декорации, с полным правом *d'user et d'abuser*¹. Он понял, что новое общество,

¹ пользоваться и злоупотреблять (франц.). — *Ред.*

идущее прямо к социальному перевороту, ненавидит старое, но бессильно. Он понял, что масса не знает ни того, ни другого и вне Парижа да двух, трех больших центров живет готическими фантазиями и детскими легендами. Он все это понял — посреди шума и возгласов оканчивающейся республики 1848 года, посреди самонадеянных притязаний разных партий и неугомонной оппозиции; оттого-то он и молчал и выжидал, когда «груша поспеет».

С своей стороны и Бисмарк не хуже Наполеона оценил своих филистеров; на лавках франкфуртского парламента ему был досуг их раскусить. Он понял, что немцам политическая свобода столько же нужна, сколько Реформация им дала религиозной, что и эта свобода им нужна только *der Theorie nach*¹, что они власти повиноваться привыкли, а к строгой английской самозаконности вовсе не привыкли. И этого было бы довольно; но он больше понял: он понял то, что в настоящую минуту немцы снедаемы завистью к Франции, ненавистью к России, что они бредят о том, чтоб быть сильным государством, сплотиться... зачем?.. если б это можно было объяснить, тогда это не было бы помешательством. Итальянская *Unità* спать не давала немецкому *Einheits*-патосу *. Что выйдет из итальянской *Unità*, мы не знаем. Но необходимость ее, для того чтоб прогнать австрийцев, Бурбонов и папу, — очевидна. Немцы не для своего освобождения хотели единства, а с агрессивной целью; их столько обижали, что им самим захотелось обидеть других. Бисмарк все это понял... Опозоривши, унизивши народное представительство в Берлине до той степени, до которой в истории нашего века не доходило ни одно правительство, он присмотрелся — народ молчит. А... если так... патриотический вопрос о Шлезвиг-Гольштейне вперед и давай бить датчан. Вся Германия рукоплескала неровному бою. Немецкие выходцы в Лондоне, в Нью-Йорке, Париже праздновали победы *Австрии и Пруссии*. После этого опыта нечего было бояться, нечего церемониться, — маска долой, и Бисмарк из Германии пошел сколачивать империю пруссаков, употребляя на пыжи клочья изорванной конституции. «Вы хотели сильного государства —

¹ в теории (нем.). — *Ред.*

вот вам оно, Франция с нами теперь считается... Вы хотели унижения Австрии — мы вам ее забили почти до возрождения. Liebchen, was willst du den mehr?»¹. — «Свободы, граф, свободы!» — «Ну уж это извините, да вам ее и не нужно. Пользуйтесь вашим величием, молитесь за будущего императора пруссов и не забывайте, что рука, которая раздавила целые королевства, раздавит всякую неблагодарную попытку с вашей стороны с неумолимой строгостью. Sie sind entlassen, meine Herrn!»²

...Если отрешиться от наших симпатий и антипатий, забыть, что нам лично дорого и что ненавистно, то особенно кручиниться о том, что делается в Европе, вряд ли придется. Военные диктатуры и незаконные империи ближе к выходу, чем традиционные королевства и законные монархии. В них Европа не застрянет, а подведется к одному знаменателю... а перегорит и миром или войной дойдет до страшной пустоты. Эта пустота и будет могилой всего отжившего.

Прудон как-то с ужасным бесчеловечием упрекал Польшу, что «она не хочет умирать» *. Мы гораздо справедливее можем это сказать о *старой* Европе. Она всеми силами удерживается в жизни, а болезнь, а смерть все подвигаются. Сознание, мысль, наука и все ее приложения давно переросли готические и мещанские формы старого государства. Дух в разладе с телом, изнуренное, узкое и полное недугов, оно сковывает его. Французская революция 1789 года тогда еще испугалась этого и оттого вся сбилась в войну и политику; она рада была внешним занятиям — и из «прав человека» развился кодекс *мещанского права*.

Как ни была шатка и бледна революция 1848, но и она сильно рванулась продолжать перерванное политикой перерождение, и тут-то началась последняя борьба умирающего старика, отстаивающего дни свои, вооруженного целым арсеналом вековых оружий, с отроком, сильным одной мыслью, одной верой, одной истиной, который в первой схватке пустил пращу

¹ Чего же ты еще хочешь, милая? (нем.). — *Ред.*

² Можете идти, господа (нем.). — *Ред.*

и не попал. Кажется, чего лучше: старый Голиаф победил, — а умирает-то он, а не отрок; еще два, три таких судорожных припадкá кровавого бешенства, как окончившаяся война, еще два, три геройских лечения доктора Бисмарка — и больному нечего бояться ни испанской чахотки, ни голландской водяной...

Но ведь может же он перед смертью придушить мальчишку, дерзко напоминающего ему, что пора умирать.

Может. Хотя это и далеко не верно.

Что же тогда?..

Идеи сеются не в землю. Наука, мысль — не *glebae adscripti*, не *крепки почвы*...

...Нет места евангелию в Иудее — его несут в Рим, его проповедуют варварам; нет молодому работнику простора в отеческом доме, на родных полях — он уйдет в Америку... не знаю куда...

Мы это говорим не в первый раз, но считаем необходимым иногда повторять, и особенно необходимым повторить теперь, когда у нас все покрыто такими темными тучами и все так быстро, быстро приуныло.

II

Да, но он обманул, он не сдержал слова, он не дал покоя, он не дал мира, он не дал жизни, а продолжил смерть; он отвел глаза от опасности, замаскировал пропасть декорациями и самой войной не достиг ни до какой прочности. Лишь только умолкли барабаны... поднимается прежнее негодование, и тот же грозный вопрос «Что мы сделали с Авелем?» раздается в ушах старого мира, призывая его к страшному суду.

Приходится сложить *билан*¹, но задача ликвидации *старой фирмы* ужасно сложна, слишком много всякого добра, нажитого потом и кровью, наследственного и купленного на трудовую копейку. Как бы ни была очевидна *справедливость*, но трудно же без боя и сопротивления все пустить с молотка. Проволочками, паллиативами ищет старый дом отдалить банкротство.

¹ баланс (франц. bilan). — *Ред.*

Только две страны из всех вступивших в большое русло состоят на особых правах у истории и иначе обращены к будущему.

Их задача проще.

Их положение менее сложно.

Их не тревожит в настоящее время «ненужное воспоминание и неразрешимый спор»¹.

О Северо-Американском союзе нечего хлопотать, он выплывает на всех парусах, *au large*².

Россия еще легче могла бы найти свой фарватер, но она сбилась с дороги за какими-то туманами, сама выдумала себе обязательное прошедшее, сама потопила старые корабли, набросала камня в свое море и боится ударить веслом.

Силы и время тратятся по-пустому.

У правительства недостаток *пониманья*, у нас — *веры*.

Весь успех нашей вновь испеченной из затхлой европейской муки реакции основан на этом.

Объяснить что-нибудь правительству — гигантский подвиг, за который мы не возьмемся; оно скорее набредет темным инстинктом, натолкнется ощупью на дело, чем что-нибудь поймет.

Нам хочется другого: очистить снова наш основной вопрос от всего хлама и ила и сказать падающим в веру друзьям нашим то, что сказал своим товарищам Сиэс после знаменитого «*Allez dire*» Мирабо: «Мы сегодня то же, что были вчера, — будем продолжать» *.

...Несколько месяцев тому назад я долго беседовал с одним старцем *. Он *половину* своего с лишком шестидесятилетнего существования провел в тюремном заключении; его гнали всю

¹ Много раз приводили мы эти превосходные стихи Гёте об Америке:

Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit*.

² в открытое море (франц.).— *Ред.*

жизнь, гонят теперь — не только враги, но свои. Человек этот, забытый в тюрьме, явился в 1848 из могил Mont-Saint Michel'я каким-то привидением среди ликований Февральской революции, и когда от него ждали радостного приветов, крика, восторга, он громко сказал: «Мы тонем», и толпа, выпустившая его из тюрьмы, отступила от него, как от злодея, как от юродивого или зачумленного... *«И топите нас вы, а не враги наши»*, — продолжал он. Его посадили опять в клетку и, пользуясь его заключением, оклеветали его, а *республика потонула, и потопили ее они*.

Новые пятнадцать лет смотрел он, из-за тюремных решеток, на гибель всех начинаний, всех упований; седой, как лунь, вышел он на этот раз из тюрьмы; старика встретила прежняя ненависть, прежняя злоба, и, сломленный физически, в страшной бедности, в совершенном одиночестве исчез он в горах, вне своей родины.

Старик этот — *Огюст Бланки*.

Некогда грозный трибун, потрясавший массы, заставлявший бледнеть своих судей с лавки обвиняемых, стал тих, его речь, полная мысли, стала мягче, сдержаннее, но когда я с недоверием отозвался о роли Франции, глаза его сверкнули. «Европе одно спасенье — Париж... подавленный, молчаливый Париж... вы не знаете, что бродит и зреет в парижских массах... парижский работник выручит Францию, Республику... всю Европу». И какая-то юная улыбка показалась на губах его. Он встал, худой, седой, — одни кости и кожа, — прошелся по комнате и молча остановился, глядя вдаль, потом покачал головой и сказал: «Если я не очень скоро умру, я еще увижу это, а вы и подавно». Вот он — апостол Петр, Кальвин, Сен-Жюст, наши старцы 14 декабря, «каторжные веры», как выразился Кокрель о гюенотах... мне представился умирающий Ворцель и склоненный к его изголовью Маццини *.

Да, это та вера, которая двигает горы, которой чудотворную власть едва можно измерить, которая больному говорит: «Возьми одр твой и иди за мной» * — и больной идет!

Бланки ушел. Я был подавлен им, и что-то темное всплыло на душе. На столе лежала книга*; я ее взял, уверенный,

что найду ложь, грязь, клевету¹, — и не мог от нее оторваться: другой ряд мучеников, неусыпных деятелей, юных и старых бойцов явился передо мной. *Виленская* официальная литература поставила удивительный памятник *польской эмиграции*. Даже с точки зрения съезжей и с мирозозерцанием квартальных надзирателей она велика верой и любовью, настойчивостью и несокрушаемостью. Обвинительный тон памфлета, грубые выражения и грубые насмешки над преданностью и несчастьем, даже безграмотный язык как будто с большей рельефностью представляют эту геройскую кучку, этот *Ессе homo* *, заушаемый и в терновом венке. С 1831 до 1866 она работает, работа рушится; она начинает вновь — она рушится опять; она опять начинает. Правительства, давшие ей убежище, так же теснят ее, как те, которые отогнали ее от границ своих; она теряет лучших людей, скитается из страны в страну и нигде не привыкает, и отовсюду только *возвращается* в свою родину, неся в груди неисторгаемую веру в наступающее ее освобождение и готовность лечь за нее костями.

Отчего же у нас так *мало* веры, отчего наша вера так слаба? Отчего так многие у нас повесили голову и опустили руки при первой неудаче, при первых несчастных опытах, не давая себе *отчета даже в том, что не ошибочно ли сделаны они были?*

Неужели для того, чтоб верить *великой верой*, нужно отчаянное положение или мистическое помешательство?

Что в самом деле переменилось в нашем внутреннем вопросе?.. Мы проходим темной четвертью месяца, в ненастной ночи совершаются ужасы, говорятся мерзости — вот и все; но где же характер прочности, необходимости, живучести этого явления? Где наткнулись мы на предел, на родовую ограниченность, на племенную неспособность? Какие элементы *общей надежды* разрушились, оказались ложными? Исследовали ли мы *силу*, нас победившую, и причину, почему она так легко нас победила? Спросонья, без определенной цели, на новом для нас перепутье мы быстро увлекаемся в ту или другую сто-

¹ «Польская эмиграция до и во время последнего мятежа» (из «Вестника Западной России»), Вильно, 1866. Мы когда-нибудь еще возвратимся к этому кому грязь, так замечательно не попавшему в цель.

рону, потому что не имеем определенной дороги, и увлекаемся *так* — по английскому выражению, *by and by*¹ — и оттого тотчас готовы идти назад, в сторону. Спотыкнувшись, мы впадаем в отчаяние, мы натягиваем неверие, чтоб сорвать сердце, и равнодушие, чтоб отомстить за боль. Это короткое дыханье, эта способность *измены* доказывают, что все бывшее — *одно введение*, что это еще «не служба — службишка, а служба будет. впереди»*.

Борьба у нас едва завязывается, едва обозначается.

Самой реакции нету полных *пяти лет*. Пали великие жертвы, целый народ, не хотящий быть с нами, зарезан. Муравьев был великим человеком и Катков великим писателем — общество заявило себя мерзее Муравьева и Каткова вместе, крепостники подняли голову с наглостью, честное, независимое слово задавлено, люди пошли на каторгу по фальшивым документам, суд над врагами существующего порядка делался в непроницаемой тайне, правительство, запершись на ключ, судило само в своем деле противно началам, им признанным, смертная казнь, незаконно введенная, сделалась чем-то обыденным, гражданских преступников судят офицеры, утверждают генералы, расстреливают солдаты, как будто всякий человек делается *военным*, как только кого-нибудь зарежет или ограбит.

Все это печально и наполовину не нужно даже с *их* точки зрения. Но разве можно было ждать, что *это* правительство, последний плод, выращенный в оранжереях Зимнего дворца, поступит дельно и бесстрашно, что оно поступит умно и человечески? Разве можно было ждать, что общество, составленное из людей, выросших в разврате помещичьей жизни, привыкшее с детских лет к самоуправству и рабству, к зрелищу страданий и истязаний, что общество, воспитавшееся на взятках и ябедах, в канцеляриях и шемякиных судах, что общество, составленное из действующих лиц Островского, из зверинца «темного царства», поступит умно и человечески? что оно, как Савл, ослепнет негодяем и прозреет апостолом?

Нельзя же было ждать, чтоб Александр Николаевич, заснув

¹ между прочим (англ.).— *Ред.*

за чтением «Что делать?» или «Колокола», проснулся бы с рьяным желанием отдать землю народу и начать в Зимнем дворце женские и мужские мастерские.

Тогда и борьба была бы не нужна, достаточно было бы чуда.

В мрачном здании петербургском действительно повеяло другим воздухом, там-сям явились вежи и заглавия, посулы и намерения, но, с другой стороны, старая николаевская плющильная машина осталась и была в полном ходу.

Пресс, которым сдавливалась каждая человеческая мысль в голове в продолжение тридцати лет, был тут; все осталось цело — армейское управление гражданской частью, барская олигархия, подьяческая бюрократия. И вы мечтали, что со всем этим правительство сдалось бы без боя, так, как думали московские и петербургские либералы-помещики, что стоит потребовать *la charte*¹, так государь тотчас ее и закажет Буткову или Корфу.

В правительственной жизни русской один новый элемент развился в последнее время, и его мы ценим очень дорого, — это царский язык, беспрестанно болтающий, это полиция, справляющая свои нужды с трещоткой в руках, это литературная декастерия, ежечасно поддерживающая царское величие и православную святость, это вольнонаемная и временно-обязанная журналистика, защищающая престол-отечество...

Этот шаг в грязь — огромный шаг вперед.

Грязь высохнет и отстанет, но замолчать нельзя будет. Жаль грубое, невежественное уничтожение честных органов, но нам было бы вдвое жаль, если б упразднились бесчестные органы.

Не то важно, *что* правительство говорит, а то, почему оно говорит. Оно говорит потому, что у него *веры нет*. Оно чувствует потребность не только других, но и себя убедить, что оно *сильно* по-прежнему, очень *сильно*. Будь у него николаевская самоуверенность, оно стало бы разить, не раскрывая рта. Оно говорит потому, что *боится*. В безответной немоте, окружающей его, — что-то не то, что было прежде: слышна мышь беготня истории...

¹ хартию (франц.). — *Ред.*

А мы молчим, снедаемые в свою очередь неверием и страхом.

Из этого нелепого положения надобно выйти. Боясь моря, мы страдаем от качки, удерживаясь на одном месте в каком-то невозможном равновесии. Счастье наше, что корабль не идет ни назад, ни на мель не садится.

«Да что нам делать? Говорите определеннее, формулируйте»...

Требование от нас, чтоб мы формулировали нашу мысль о русском деле, повторяется довольно часто. Оно удивительно и заставляет нас невольно улыбнуться наивному доказательству того невниманья и той небрежности, с которой люди вообще читают. Вся наша деятельность, вся наша жизнь была только *формулированием одной мысли, одного убеждения*, — именно того, о котором спрашивают. Можно сказать, что мы всю жизнь ошибались, можно сказать, что наша мысль гибельна и убеждение нелепо, но сказать, что мы нашего воззрения *не формулировали*, с общечеловеческой логикой и памятью в голове — *нельзя*.

Может, под «формулами» друзья наши понимают, как французы, рецепты, т. е. вперед данные снадобья и приказы, как поступать в таком случае и в таком. Действительно, у нас таких формул нет. Да их и не нужно. Серьезные рецепты импровизируются на общих основаниях науки и на частном исследовании данного случая.

Усвойте себе общий взгляд, общую формулу, и вы почти никогда не ошибетесь в частном приложении... если не измените ей сознательно или бессознательно.

Итак, прежде чем продолжать наш обзор, протвердим еще раз нашу алгебру.

Для этого нам необходимо, прежде всякого формулирования, напомнить кое-что из *школьных тетрадей*. Все, что мы хотим сказать, очень не ново... даже чрезвычайно старо, но не имея в виду этого старого, можно легко сбиться. Всякая формула ничего не значит без ясного пониманья элементов, из которых она составлена.

Животные, достигая возможного органического совершенства, останавливаются на нем, повторяясь, или продолжают исподволь применяться к среде, оставляя в наследство изме-

ненные или улучшенные органы. Человек отличается от животных *историей*: характер ее, в противоположность животному развитию, состоит в преемственности больше или меньше сознательных усилий для устройства своего быта, в наследственной, родовой усовершенности инстинкта, пониманья, разума при помощи памяти.

Ясно, что стадная жизнь составляет такое же необходимое условие исторического развития, как и самые лица.

Начало истории — непокорность лица поглощающей его семье, стремление стать на свои ноги и невозможность на них удержаться. Племенным безразличием замыкается животный мир. Мир человеческий в библии начинается *грехопадением* и *убийством*, разрушающим семейную связь, т. е. постановлением своей воли выше заповеди и выше первого условия *существования*.

Своеволие и закон, лицо и общество и их *нескончаемая* борьба с бесчисленными усложнениями и вариациями составляют всю эпопею, всю драму истории. Лицо, которое только и может *разумно* освободиться в обществе, бунтует против него. Общество, не существующее без лиц, умиряет бунтующую личность.

Лицо ставит себя целью.

Общество — себя.

Этого рода антиномии (нам часто приходилось говорить об них) составляют полюсы всего живого; они неразрешимы потому, что, собственно, их разрешение — безразличие смерти, равновесие покоя, а жизнь — только *движение*. Полной победой лица или общества история окончилась бы хищными *людьми* или мирно пасущимся стадом...

Руссо, говорящий, что человек родился *быть свободным*, и Гёте, говорящий, что человек не может *быть свободным*, — оба правы и оба неправы.

Личность не могла оторваться от общества, общество не могло закабалить лица, но притязания свои они подняли в высшую сферу — в сферу *права*. Оно разработалось всей новой историей, всем европейским развитием:

до юридической самосохранности — в Англии,

до прав человека — в 1789,

до прав разума — в науке.

С другой стороны, власть противопоставила не только свое право, но и свою *силу*, основанную на отвлеченном понятии государства как цели личностей, на античном *Salus populi*¹, на христианском порабощении личной совести совестью общественной.

Теоретически освобожденная личность очутилась в какой-то логической, отвлеченной пустоте; слабая практически, она стала лицом к лицу перед правительственной силой, опертой на государство и церкви.

Волна индивидуализма дошла до перегиба.

Права лица и мысли остаются приобретением мифическим, книжным, великим как догмат, ничтожным как приложение. Между ними и их осуществлением, как непреходимая пропасть, *бедность и невежество*. Личности мало прав, ей надобно *обеспечение и воспитание*, чтобы воспользоваться ими. Человек, не имеющий собственности, безличен. Право на ее приобретение несостоятельно. Одна артель может выручить неимущего. Артель основана на круговой поруке, на *пожертвовании* части личности для общего дела.

С собственности готической, аристократической, феодальной, цеховой, городской сняты все тяги, она не несет на себе никаких *обязанностей* относительно бедных масс и вообще никаких, кроме обязанности найма сторожей в свое охранение, судей в свое оправданье. Милостыня, которую дают нищей братии, сострадание к ним — чувство хорошее, но не обязанность относительно нуждающихся. С тех пор как массы поняли это, они не поддерживают политического, революционного движения и враждебно смотрят на мещанство, главного представителя индивидуализма. Боясь их, мещанство ищет опоры и защиты в правительстве, опертом на невежестве тех же масс. Отсюда неслыханная ни в какие времена сила новых полицейских правительств.

Выход один. Его указала Франция, второй раз принимая миродержавную инициативу. Социальный вопрос, поставленный ею — *открытый вопрос* для всей Европы.

Устранить его невозможно, разрешить его на пути нацио-

¹ Благе народа (лат.).— *Ред.*

нальном, политическом, на пути реформ, заменяющих меньшим злом большее, невозможно; тут не поможет ни итальянская Unità, ни Бисмаркова Пруссия, ни даже manhood suffrage¹ в Англии.

Между Европой и Азией развивается страна на иных основаниях. Она выросла колонизацией, захватывая в свою жизнь всякую всячину, она окрестилась без католицизма, она сложилась в государство без римского права и сохраняя как народную особенность свою оригинальное понятие об *отношении человека к земле*.

Оно состоит в том, что будто бы всякий работающий на этой земле *имеет на нее право, как на орудие работы*. Это сразу ставит Россию на социальную почву, и притом на чрезвычайно новую.

О *земле* не поминала ни одна революция, домогавшаяся *воли*, по крайней мере после крестьянских войн. Ни с горных высот Конвента, ни с высот июньских баррикад мы не слышали слова *земля*. Понятие земельного участка так чуждо европейскому пониманию, что Лассаль старался вытолкнуть землю из-под ног работника, как гирю, мешающую его свободной личности.

У нас право на землю — не утопия, а реальность, бытовой факт, существующий в своей естественной непосредственности и который следует возвести в факт вполне сознательный. Все сельское население принимало спокон века это *естественное право* свое, не рассуждая о нем. Его только не знали в высших слоях, образованных на западный лад.

Сельская община при тех обстоятельствах, при которых она развивалась, ценой *воли* продала землю общиннику. Личность, имеющая право на землю, сама становилась крепка земле, крепка общине. Вся задача наша теперь состоит в том, чтоб развить полную свободу лица, не утрачивая общинного владения и самой общины.

Возможно ли это? В этом, в свою очередь, наш вопрос будущего.

¹ избирательное право для мужчин (англ.).— *Ред.*

Большое счастье, что наше право на землю так поздно приходит к сознанию. Оно прежде не выдержало бы одностороннего напора западных воззрений. Теперь они сами являются в раздумье, с сомнением в груди. Социализм дал нам огромное подспорье.

Середь ночи, следовавшей за 14 декабря, за польским восстанием 1831 г., середь поразительной легости, с которой николаевский гнет придавил все ростки, первые, закричавшие «земля», были московские славянофилы, хоть и они левой ногой стали на действительную почву, но все же первые.

Они поняли нашу экономически-социальную особенность в наделе землей, в переделе земли, в сельской общине и общинном землевладении; но понявши одну сторону вопроса, они опустили другую — *волю*, к которой рвалась личность, закабаленная селом, царем, церковью. Поклонники старины *назло* петровским порядкам, истые националисты, *преднамеренные* православные, они с неблагодарностью забыли, что им дала единоспасающая цивилизация Запада, при свете которой они нашли свой клад в земле и разглядели его.

Европа, плывшая тогда на всех парусах буржуазного либерализма, не имела понятия о том, как живет в стороне немой мир России; сами образованные русские мешали ей видеть что-нибудь другое, кроме плохих копий с ее собственных картин.

Первый пионер, пошедший на открытие России, был Гакстгаузен *. Случайно попавши на следы славянского общинного устройства где-то на берегах Ельбы, вестфальский барон поехал в Россию и, по счастью, адресовался к Хомякову, К. Аксакову, Киреевским и др. Гакстгаузен был действительно одним из первых, повестивших западному миру о русской сельской коммуне и ее глубоко аутономических и социальных началах — и когда?

Накануне Февральской революции, т. е. накануне первого широкого, но неудачного опыта ввести социальные начала в государственный строй. Европе был недосуг — за своим печальным *fiasco* она не заметила книгу Гакстгаузена. Россия оставалась для них тем же непонятным государством, с самовластным императором во главе, с огромным войском, грозящим всякому свободному движению в Европе.

За Гакстаузенем почти непосредственно идут наши опыты ознакомить Запад с неофициальной Россией.

Целых семь лет *учили* мы, насколько могли, где могли — России. Пифагорово число мало помогло¹. Нас слушали рассеянно до Крымской войны, с ненавистью во время ее, без понимания прежде и после.

«Трудно себе представить, в каком безвыходном, запаянном наглухо круге понятий бьется современный европейский человек и как ему трудно достается, как его сбивает с толку, как ему становится ребром всякая мысль, не подходящая под заученные им правила, под заготовленные им рубрики. Рядовые литераторы и журнальные поденщики стоят на первом плане. У них для ежедневного обихода есть запас мыслей, знаний, суждений, негодований, восторгов и, главное, прилагательных слов, которые у них идут на все; их по мере надобности сокращают, растягивают, подкрашивают в ту или другую краску. Эта трафаретная работа необычайно облегчает труд; ее можно продолжать во всяком расположении, с головною болью, думая о своих делах, так, как старухи вяжут чулок. Но все это идет, пока дело вертится около знакомых предметов. Новое событие, неизвестный факт принимается, напротив, с скрытой злобой — как незванный гость, его стараются сначала не замечать, потом выпроводить за дверь, а если нельзя иначе — оклеветать»*.

Строки эти были написаны в 1858 году. Тогда уже дверь в Россию была не совсем закрыта, и мы, оставляя Запад, обратили наше слово к России. Пробуждаясь, она, после смерти Николая, жадно искала свободной речи.

С чем же мы явились перед ней?

III

Со смертью Николая языки развязались. Накопившиеся, подавленные, затаенные и желчные мысли выступали на свет и рассказывали о своих грезах, каждая на свой лад. В тогдаш-

¹ «Vom andern Ufer» — 1850.

«Du dévelop<pement> des idées révolution<naires> en Russie» — 1851.

«Le socialisme et le peuple russe, lettre à J. Michelet» — 1851.

«Le vieux Monde et la Russie» — 1854.

Статьи в жерсейском журнале «L'Homme» и пр.

ней России было что-то праздничное, утреннее, весеннее и совершенно хаотическое.

Удивительная смесь разных возрастов человечества, разных направлений, воззрений — давно исчерпанных и едва початых — явились на сцене. Это был оперный бал, в котором ярко мелькнули всевозможные костюмы, от либеральных фраков с воротником на затылке времен первой реставрации до демократических бород и причесок. Немецкий доктринаризм рабства и абсолютизма, забытые общие места политической экономии шли рядом с православным социализмом славянофилов и с западными социальными учениями «от мира сего». И все-то это отражалось не только в общественном мнении, не только в полураскованной литературе, но в самом правительстве.

Многие ждали, что оно погнется в легко конституционном смысле; правительство устояло, хотя и само чувствовало, что остаться по-прежнему *военно-судной империей* было невозможно. В сущности, одно *дело* и было для него возможно, — делом этим оно наносило себе японский удар, воображая им обновиться.

Вся проснувшаяся Россия искренно жаждала независимого слова — слова, не потертого ценсурным ошейником, и не было ни одного вольного станка в ответ этой потребности, кроме лондонского. Мы оставили Запад в стороне и обратили все силы на то родное дело, к которому стремились с детства, через всю жизнь.

«Полярная звезда» и «Колокол» являются в самый разгар переезда и перестановки мебели, в то возбужденное время неустоявшегося брожения, в которое каждое слово могло сделаться зачатием и точкой отправления. Что же мы, обрушившие на себя ответственность первой свободной русской речи, сказали? С чем явились перед едва протиравшим себе глаза исполином?

Вся положительная, созидающая часть нашей пропаганды сводится на те же два слова, которые вы равно находите на первых страницах наших изданий, в ее последних листах, — на *Землю и Волю*, на развитие того, что нет *Воли без Земли* и что *Земля не прочна без Воли*.

Мы были глубоко убеждены, что аграрные основания нашего сельского быта выдержат напор западного изуверства собственности, как выдержали немецкий деспотизм, что *Земля* остается при деревне и крестьянин при наделе, что, имея землю и, следственно, избу, что, имея выборное начало и сельское самоуправление, русский человек непременно дойдет *до воли* и превратит насильственную связь с общиной в добровольно-соглашенную, в которой личная независимость будет не менее признана круговой поруки. Мы были убеждены и теперь еще не совсем в этом разубедились, что *почин*, что первые шаги нашего переворота совершатся без *кровавых потрясений*.

Главным камнем на дороге лежало чудовищное *крепостное право*, его обойти нельзя было ни конституционной хартией, ни каким-нибудь собранием «нотаблей». Против крепостного права и были устремлены все наши удары, все усилия; устранению его мы подчинили все интересы.

Рядом с освобождением крестьян мы неотступно требовали *освобождения слова* как условия, как той атмосферы, без которой нет народного совета в общем деле. Одна гласность, одна печать могла заменить бессловный собор, который до освобождения крестьян был невозможен; одно живое, не связанное никакими формами, никаким цензом *представительство слова* могло уяснить вопросы и указать, что в самом деле и насколько созрело в народном разумении.

Около были частные борьбы и частные случаи, возникали вопросы из событий и совершались события, путавшие все карты, вызывавшие страстные отпоры и увлечения, но, срываясь с пути, мы постоянно возвращались к нему и постоянно держались наших двух основных идей.

И вот почему, когда государь признал в принципе освобождение крестьян *с землей*, мы без малейшей непоследовательности и совершенно искренно сказали наше «Ты побеждаешь, Галилеянин!», за которое нас столько порицали с обеих сторон *.

Скажем мимоходом, что наше простое отношение к правительству не хотели понять ни доктринеры верноподданничества, ни пуритане демагогии. Оппозиционный характер нашей пропаганды, так точно как и обличительный, составляли

для нас одну из практических необходимостей, а не цель, не основу; твердые в нашей вере, мы не боялись никакого *мир-щенья* и, легко меняя оружия, продолжали ту же битву. Сбиться с дороги было для нас невозможно.

Не смешно ли человеку второй половины XIX столетия, вынесшему на своих плечах, стоптавшему своими ногами столько правительственных форм, одних бояться, перед другими идолопоклонствовать? Форма, как ее разумеют на языке военных приказов, — «мундир», и он поневоле прилаживается к живому содержанию... а не прилаживается, так внутри слабо и пусто. Поправляйте живое тело — мундир непременно лопнет, если узок. И будьте уверены, что нет ни очень хороших, ни безусловно скверных мундиров. Для нас мещанская камера народных представителей, не представляющая народа, так же противна, как Правительствующий сенат, ничем не правящий.

Мысль о перевороте без кровавых средств нам дорога; все, что было сказано противоположного об нас, — такое же вранье, как то, что *мы* уверяли поляков, что Россия была готова к восстанию в 1862. В ней, впрочем, не было ничего фантастического; в русской жизни нет тех непримиримых, упорных, взаимно уничтожающих сил, которые вели западную жизнь от одного кровавого конфликта к другому. Если такая непримиримость существовала, то это между крестьянином и помещиком, но она-то первая и разрешилась мирно, и разрешилась бы вовсе без крови, если б трусливое правительство и враждебные крестьянскому делу исполнители его не натянули ее без нужды.

Наше императорство и наше барство — без корней и знают это. Они приготавливались собороваться маслом в 1862 году — и ожили, только когда им на выручку явились: петербургский пожар, катковское клеветничество и польское восстание. Народ любит царя как представителя защиты, справедливости (факт общий всем неразвитым народам) и не любит императора. Царь для него идеал, император — антихрист. Императорская власть держится войском и бюрократией, т. е. машинами. Войско бьет всякого по приказу, без разбора, бюрократия переписывает и исполняет волю начальства без рассуждения. Такого рода правительства не вырубаются топором, а при первой

весенней теплоте распускаются в волнах жизни народа и тонут в них.

Мы твердо были убеждены в последнем. Уничтожалось же помещичество на наших глазах, как исчезающие картины, бледнея и превращаясь в разные тусклые уродства. Русское императорство имеет цели внешней политики, цели своего сохранения и огромную власть, но принципа не имеет; то же следует сказать о среде, его окружающей, — и это с самого Петра. Со дня смерти Николая до его похорон двор и штаб, министерство и общество успели сделаться либеральными «поверхностно, лицемерно». Но кто же сказал, что прежде все были глубокими и искренними абсолютистами?

Русское правительство было на дороге к какому-то превращению, но, испугавшись, круто своротило с нее. Главная ошибка наша была ошибкой во времени да, сверх того, соображая все стихии, все силы, мы забыли одну из самых могучих сил — *силу глупости*. На ней снова укрепилось старое.

Освобождение крестьян, ропот помещиков, настроение общества, журналистики, некоторых правительственных кругов... и все это вместе неминуемо вело к *первому шагу*, т. е. к созванию думы или собора. Опыты московского и петербургского дворянства доказывают это очевидно, но они, как и следует помещикам, опоздали. Когда они подняли голос, государь был второй раз венчан на царство во всем самодержавии своим европейскими угрозами и народными овациями.

Силы патриотической реакции мы не предвидели. Одушевление 1612 и 1812 года только понятны при действительной опасности отечества; ее не было, но было желание всякого рода демонстраций, — немые пользовались языком.

Мы смотрели на реакцию как на несчастье дня и продолжали на первом плане разбор и обсуживание экономического и административного переворота в одном и том же духе и направлении *русского социализма*.

Отстаивая на первом плане право на землю, мы проповедовали развитие выборного самоуправления от села к волости, от волости к округу, от округа к области, — дальше мы не шли, *не должны были* идти, — дальше мы указывали, с одной стороны, безобразия личного самовольства, военно-канцеляр-

ского управления страной, серального бесчинства и помещичьего зверства; с другой — на виднеющийся вдали собор, выбранный вольным союзничеством областей для обсуждения *земского дела*.

Один из самых труднейших вопросов — не по трудности содержания, а по закостелости предрассудков, обороняющих противоположный взгляд, — был вопрос об «общинном владении землею». Мы добивались у *наших* экономистов и либералов того внимания, которое нам дал Стюарт Милль, сказав, что «общинное владение», неизвестное, нигде не развившееся и, следовательно, неисчерпанное, носящее в себе возможности многих форм и результатов, и составляет вопрос *. В то время как личная собственность, по римскому праву, дала всё... все приложения и с ними и *оказалась* далеко не состоятельной¹.

Мы предвидим улыбку многих при слове *русский социализм*. Чему люди не смеялись прежде пониманья? Это одна из принадлежностей той миродержавной силы, которая нами не была взята в расчет.

Мы *русским социализмом* называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владенья и общинного управления, — и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической *справедливости*, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука.

Название это тем необходимее, что рядом с нашим учением развивались, с огромным талантом и пониманием, теории чисто западного социализма, и именно в Петербурге. Это раздвоение, совершенно естественное, лежащее в самом понятии, вовсе не представляло антагонизма. Мы служили взаимным дополнением друг друга.

Первые представители социальных идей в Петербурге были *петрашевцы*. Их даже судили как «фурьеристов»². За ними является сильная личность *Чернышевского*. Он не принадлежал

¹ Излагать здесь нашу мысль об общинном владении не приходится; желающие ее вспомнить могут пересмотреть целый ряд статей в «Колоколе» да, сверх того, «Письма к иноку» в «Общем вече»*.

² Нас в 1834 году правительство обвиняло в сен-симонизме*.

исключительно ни к одной социальной доктрине, но имел глубокий социальный смысл и глубокую критику современно существующих порядков. Стоя один, выше всех головой, среди петербургского брожения вопросов и сил, среди застарелых пороков и начинающих угрызений совести, среди молодого желания иначе жить, вырваться из обычной грязи и неправды, Чернышевский решился схватиться за руль, пытаясь указать жаждавшим и стремившимся, *что им делать*. Его среда была городская, университетская, — среда развитой скорби, сознательного недовольства и негодованья; она состояла исключительно из работников умственного движения, из пролетариата, интеллигенции, из «способностей». Чернышевский, Михайлов и их друзья первые в России звали не только труженика, съедаемого капиталом, но и труженицу, съедаемую семьей, к иной жизни. Они звали женщину к освобождению работой от вечной опеки, от унижительного несовершеннолетия, от жизни на содержании, и в этом — одна из величайших заслуг их.

Пропаганда Чернышевского была ответом на *настоящие* страдания, слово утешения и надежды гибнувшим в суровых тисках жизни. Она им указывала выход. Она дала тон литературе и провела черту между в *самом деле* юной Россией и прикидывавшейся такою Россией, немного либеральной, слегка бюрократической и слегка крепостнической. Идеалы ее были в совокупном труде, в устройстве мастерской, а не в тощей палате, в которой бы Собакевичи и Ноздревы разыгрывали «дворян в мещанстве» и помещиков в оппозиции.

Огромный успех социальных учений между молодым поколением, школа, вызванная ими, нашедшая себе не только литературные отголоски и органы, но начала практического приложения и исполнения, имеют историческое значение. Освобождение крестьян с признанием их права на землю, с сохранением общины и обращенные к социализму молодых и деятельных умов, не закупленных жизнью, не сбитых с толку доктринаризмом, служили неопровержимым доказательством в пользу нашей всегдашней веры в характер русского развития.

В то время как мы, следуя шаг за шагом за прениями редакционной комиссии, за введением Постановлений 19 февраля и разбирая самые Постановления, старались ввести в сельский

переворот, в самые учреждения наиболее своего взгляда, в Петербурге, Москве и даже в провинциях готовились фаланги молодых людей, проповедовавших словом и делом общую теорию социализма, которой *частным случаем* являлся сельский вопрос.

Но в этом-то *частном случае* и была архимедова точка, *почин* русского государственного пересоздания. Однажды — земля, уступленная крестьянам, право на землю, признанное и введенное в законодательство. Однажды — выборное начало сельской общины, утвержденное, и общинное землевладение, оставленное на свои собственные силы, как бы для последнего искусства... остальное должно было идти неминуемо с быстротой развивающейся спирали, у которой вынут с одной стороны сдерживавший шкворень.

Крестьянская реформа, при всей сбивчивой неполноте своей, тотчас повела к экономическим, административным и юридическим последствиям своим — введением земских учреждений, нового суда и пр. Это были силлогизмы, которых не было возможности миновать.

Все реформы, начиная с крестьянской, были не только неполны, но преднамеренно искажены. Ни в одной из них не было той шири и откровенности, того увлечения в разрушении и создании, с которым ломали и создавали великие люди и великие революции; но *во всех* была признана негодность, несостоятельность старого правительства *указов и произвола*; но во всех двигался зародыш, которого развитие было задержано и, может, изуродовано, но который был *жив*.

Мы следили за всеми реформами и каждую прикидывали на общую родоначальную мысль коренного переворота, который тихо и незаметно, *sans phrase*¹, входил глубже и глубже в землю и подымался над озимью полей. Мы не выходили из настоящего положения ни в голубую даль дорогих для нас идеалов, ни в чистые сферы отвлеченной социологии; мы сколько могли отстраняли все вопросы, не находившиеся на череду, как, например, вопрос семейный, религиозный².

¹ без лишних слов (франц.).— *Ред.*

² Если мы говорили много о старообрядцах, то это вовсе не с религиозной точки зрения, а с точки зрения социальной и политической.

До конца 1863 года мы всё еще усиливались, несмотря на родную распутицу, следить за государственной колымагой и тем громче звонили, чем больше она сбивалась с дороги. Если ямщики не слушались, окружающая их толпа слушала и, осыпая нас ругательством, делала долю того, что мы говорили. Оглохла и она. И с тех пор деятельная речь должна была на время уступить одному крику обличения и негодования, которое вызывало общество, валяющееся в крови и грязи, вместе с *пустым, бездушным и изменившим* правительством.

Правительство отступило по всей линии, и при всем этом его отступление не имело ни серьезного оправдания, ни серьезного характера. Если оно в самом деле думало арестами зря и ссылками без разбора остановить *историю*, уже обличившееся народное развитие, оно было бы безмерно жалко, но мы полагаем, что так далеко не шли виды Зимнего дворца. Дворец, поддерживаемый в страхе и тревоге своими евнухами и риториками, боялся не *истории*, а чего-то из-за угла, и это в то время, когда он сам всенародно и громко говорил, что правительство никогда не чувствовало себя сильнее и народнее, как именно тогда. И не мудрено. Из-за патриотизма люди забыли все человеческое в сердце и все *бесчеловеческое* в императорстве; газеты были полны верноподданническими акафистами... крестьяне, освобожденные от помещиков, и помещики, освобожденные от состояния, старообрядцы и евреи, казаки и немцы, — все на словах бежало поддерживать трон и алтарь... Следовало ждать льгот, расширения прав, но правительство с ужасом указывало на несколько статей, на несколько молодых людей и отвечало на взрыв преданностей взрывом гонений и неистовств. Чего именно оно боялось, оно не говорило.

Во всем этом, бесспорно, было что-то безумное, так оно и кончилось — *выстрелом 4 апреля*.

Те, которые *надеялись*, озлобились на не исполнившего *надежд*. Первая фанатическая, полная мрачной религии натура схватила пистолет.

Месть не удалась, но предлог был дан и схвачен с дикой радостью, реакция была оправдана, царские *пугатели* были оправданы. И тем не менее если месть не удалась, то и *террор*

не удался. Начавшись ложно, он запутался и увяз в полицейской грязи.

Что сделала муравьевская облава, что вытрубил его лейб-трубач Катков? Где вселенский заговор, в котором участвовали все темные силы мира сего, английские банкиры, эмигранты в Швейцарии, эмиссары и миссионеры Маццини, поляки, мы и не мы, наконец, какой-то, всему миру неизвестный «всемирно-революционный комитет»?

От всего дела остался труп — немым свидетелем скверной царской мести и несчастные, сосланные *без суда и защиты* люди, уличенные в том, что они *не хотели* цареубийства...

Убить несколько человек, кого на скорую руку веревкой, кого хронически тюрьмой, не мудрено; убивать умеет и локомотив, и чума, и бешеная собака. Террор хватает дальше: ему мало людей, он хочет убивать мысли, идси, верования... и действительно после ряда пьяных и безумных неистовств явилась высочайшая цидула к князю Гагарину с ученическими упражнениями о праве собственности, социализме; она пошла на полицейские выкройки женских юбок и имела последствием введение кринолин в государственные учреждения.

Эхо на выстрел Каракозова обличило страшную пустоту в Зимнем дворце, печальное отсутствие серьезной мысли, обдуманности... да и на всех «горных вершинах» наших тоже. Что за нетопыри, что за совы, за вброны встрепенулись, поднялись и вылетели на белый свет! Откуда спустили, из каких богаделен, смиренных домов или кладбищ... этих прокаженных, не то светских архиереев, не то духовных генералов, пошедших, во имя царя и церкви, в крестовый поход против разума и образования и начавших нести богословско-полицейскую *чушь*, от которой и Россия уже отвыкла?

Все это так, но вслушайтесь, что говорят эти нетопыри и архиереи, министры и совы... Нам дела нет, понимают ли они или не понимают и как понимают; вопрос у нас в том, чтоб узнать, против чего именно они идут, чего боятся, как католики боялись протестантизма, как французские монархисты — революции. Великий враг их, антихрист, страшный суд, которого они боятся, против которого идут, — социализм.

И это не огромный шаг вперед?

И это значит останавливать историю, идти вспять?

Они боятся..., не конституции, не республики, не демократии... они боятся социализма да еще смешанного с каким-то *нигилизмом*.

Думали ли они когда-нибудь, что, собственно, сверх синих очков и коротких волос содержится под этим словом?

Мы об *нигилизме* еще будем говорить, но здесь хотим только обратить внимание тех добросовестных людей, которые повторяют, как попугаи, слово, не зная его смысла. Они могут поверить, что *нигилизм* — женщина, положившая ноги на стол и пьющая шампанское, и притом женщина, родившаяся за «обедом флигель-адъютанта князя Б.» в сороковых годах, у которого смеялись над шагистикой Николая, а потому мы для них скажем, что *нигилизм* в серьезном значении — *наука и сомнение, исследование вместо веры, понимание вместо послушанья*.

Объявляя себя против народного благосостояния и человеческой мысли, против социализма и разума, правительство становится за изуверство, крепостничество, глупость...

Последний террор действительно убил его больше, чем людей. Он убил нравственно значение правительства; оно, покачиваясь и болтая вздор, сходит с блестящего помоста, на котором драпировалось со смерти Николая, под руку с Осипом Ивановичем Комиссаровым-Костромским.

Бой будет *вне его, помимо его*.

Ничем не усчитываемая власть может много вредить, но в самом деле остановить движение, которого оно испугалось и которое уносит весь материк к другим судьбам, *не может*. Оно двигается с ним нехотя, бессознательно, как человек, спящий на корабле.

Да двигается ли? И вообще двигаемся ли мы?

Присмотритесь, возьмите точку, две и их прежнее положение к окружающим предметам, возьмите, например, этого генерала-дурака, порящего дичь перед мировым судьей*, и женщину, служащую письмоводителем судьи... довольно и этого. Движение целых созвездий наблюдают сквозь тряпки очень редкой ткани.

Дикая реакция, гадкая реакция — да, да и тысяча раз

да... жертвы падут направо и налево... но где же великий тормоз, чтоб остановить движение? Разве отнимают у крестьян землю, разве их исключают из выборов? Разве самое следствие по каракозовскому делу не указывает, что в московской молодежи была мысль пропаганды между фабричными работниками-крестьянами, первой попытки органического сочетания тех двух социальных оттенков, о которых мы говорили?

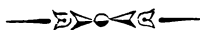
— Да, но эту-то молодежь и схватили, и сослали. Жаль ее, но места сосланных пусты не останутся.

Вспомним, что было при Николае... и не при нем ли началась вулканическая и кротовая работа под землей, которая вышла на свет, когда он сошел с него?

В прошлое пятилетье мы немного избаловались, пораспустились, забывая, что нам были даны не *права*, а *поблажки*. Пора опять сосредоточиться.

Досадно, что история идет такими грязными и глухими проселками, но ведь одно *сознание* идет прямым путем. Не меняя нашей программы, и мы пойдем ее дорогой, лавируя с ней, теснясь с ней. Да и как же иначе, когда реакция торжественно признала ее и она действительно сделалась, по выражению брюссельских «Отголосков», *«знаменем против знамени Зимнего дворца»*.

Мы ли будем держать его или другие нас сменят — не в этом дело, — знамя наше, знамя «Земли и Воли», водруженное нами, признано враждебным станом.

КАРАКОЗОВСКОЕ ДЕЛО

Передаем нашим читателям «литературное сказание», при-
бавленное к приговору Верховного суда. Оно никем не скреп-
лено и не имеет никакого юридического достоинства. Но оно
очень важно как выражение того, *как* правительство хотело
представить дело и отчасти как само поняло. Поэтому мы снова
обращаем внимание на то, что *заговора не было и что никто*
из наказанных не принимал никакого серьезного участия в по-
кушении Каракозова, а напротив, все были против него:

Судебным следствием обнаружено, что еще в 1863 году составил^{ся} в
Москве кружок из молодых людей, зараженных социалистическими идеа-
ми; впоследствии эти люди начали делать усилия для распространения и
осуществления своих идей на практике; с этою целью они начали устраи-
вать школы и различные ассоциации, как-то: переплетное заведение, швей-
ную, основали общества переводчиков и переводчиц и взаимного вспомо-
ществования, старались, для применения своих теорий, приобрести ваточ-
ную фабрику в Можайском уезде и устроить завод в Жиздринском уезде
на социальном начале для рабочих Мальцовского завода; некоторые из
сих заведений и обществ были уже учреждены без разрешения правитель-
ства, а некоторые были, кроме того, направлены к явнопреступным целям,
как, например, в одной школе (Мусатовского), открытой даже с разреше-
ния правительства, преподавание различных предметов клонилось к оче-
видному возбуждению против верховной власти. Затем некоторые члены
обществ взаимного вспомоществования, а также переводчиков и перевод-
чиц, задумали организовать свою деятельность на определенных нача-
лах; для этого они стали собираться на сходки, обсуждать различные во-
просы и предположения, составлять и рассматривать проекты уставов, и
хотя таких проектов было несколько, но ни один еще не был окончательно
принят; однако же при этом некоторыми из участвовавших в упомянутых
сходках были заявляемы цели и предлагаемы средства самые безнравст-
венные, самые преступные; в числе целей заявлялись не только экономиче-
ский переворот посредством устной и письменной пропаганды, но и со-
циальная революция, дележ собственности и переворот государственный

насильственными мерами; в числе средств предлагались: обворование купца чрез подставного служителя, ограбление почты, заведение тайной типографии, освобождение из каторжных работ государственного преступника Чернышевского для руководства предполагающейся революцией и для издания журнала, так как роман этого преступника «Что делать?» имел на многих подсудимых самое губительное влияние, возбудив в них нелепые противообщественные идеи, и, наконец, предлагалось принять за правило, что цель оправдывает средства. Большая часть из этих предложений не была принята, но по некоторым и без общего согласия были делаются приготовления: так, Ермолов купил типографский шрифт, а Странден готовился ехать в Сибирь за Чернышевским. Но самые безнравственные, самые тяжкие преступления были задуманы не на общих сходках, а в совещаниях между несколькими лицами; к числу этих преступлений принадлежат умысел и приготовления Виктора Федосеева отравить своего отца для передачи наследства после него тайному обществу, в чем ему особенное содействие оказал Николаев; и, наконец, в небольшом кружке были возбуждены рассуждения о том, следует ли, по примеру европейского революционного комитета, в числе средств для произведения всеобщей революции, допускать царубийства и истребления правительств вообще. Рассуждения об этом предмете были возбуждены Ишутиным, который, возвратившись в конце 1865 г. из С.-Петербурга, сообщил своим товарищам Каракозову, Ермолову, Страндену, Юрасову, Загибалову, Шаганову и Моткову сведения, полученные им от Худякова об упомянутом европейском комитете. Рассуждения между этими лицами по вопросу о царубийстве вообще происходили несколько раз, но одними были отвергнуты совершенно, а другими отложены на неопределенное время, кроме Каракозова, который выразил отрывочными фразами полное сочувствие этим преступным предположениям и, несмотря на то, что в первый раз во время поездки своей в Петербург великим постом был удержан Ермоловым и Странденом от совершения своего преступного покушения, а Ишутиным был даже вызван из Петербурга в Москву, вторично скрылся из Москвы на Святой неделе и без ведома своих товарищей совершил 4-го апреля то преступление, за которое понес уже назначенное в законе наказание.

В связи с этими преступлениями раскрыты и действия некоторых польских агентов, относительно которых обнаружено, что между ними и членами «Организации» сношения существовали, что поляки помогали русским в добывании средств, необходимых для задуманных ими преступлений, и сами пользовались их помощью преимущественно при освобождении поляков, осужденных к каторжным работам.

Обращаясь к определению вины каждого из поименованных выше подсудимых, Верховный уголовный суд усматривает, что как предварительным, так и судебным следствиями обнаружено, что главными действующими лицами в образовании кружков с преступными целями были Ишутин, Ермолов и Странден, что Ишутин первый возбудил рассуждения о европейском революционном комитете и об учреждении подобного ему

общества в Москве, что в рассуждениях этих участвовали, кроме означенных трех подсудимых, Юрасов, Загibalов, Шаганов и Мотков, которые все однако же возражали против всяких предположений о цареубийстве, и что о намерении Каракозова совершить покушение на жизнь священной особы государя императора великим постом было известно Ишутину, Ермолову, Страндену и Юрасову; другим же подсудимым вполне и положительно об этом намерении известно не было. Сверх того, следствием обнаружено, что Шаганов составлял проект устава «Организации», в котором было постановлено, между прочим, правило, что каждый член обязан запастись револьвером и выучиться стрелять; Николаев, также составивший проект устава, принимал, после ареста главных основателей «Организации», самые деятельные и наиболее преступные меры для поддержания этого общества, ибо добывал рецепты для отравления отца Федосеева. Мотков исправлял проект устава, составленный Ермоловым, и хранил проект, написанный Шагановым, но вместе с тем принимал меры для противодействия насильственному перевороту; Юрасов и Загibalов были членами общества, имевшими полное сведение о преступных целях его, но не выказавшими никакой особой деятельности.

В числе лиц, которые обвинялись в знании о намерении Каракозова совершить его преступное покушение, был одним из первых домашний учитель Худяков. После арестования этого подсудимого он показал 7-го апреля, что вовсе не знает Каракозова и что давал ему денежные пособия в качестве бедного человека, явившегося к нему под именем Владимирова; но когда Худяков был уличен в том, что Каракозов был ему известен под своим собственным именем, то сознался 13-го апреля, что скрыл его фамилию из опасения, чтоб этот человек не наговорил на него или не припутал его к своим действиям из желания свалить какие-либо ковы на него; затем следствием обнаружено, что Худяков знал Каракозова как двоюродного брата Ишутина, с которым имел сношения по поводу издания своих сочинений и у которого занимал деньги. О первом приезде Каракозова в Петербург Ишутин и Мотков узнали от Худякова, который, идя с ними по улице в Москве, спросил Ишутина: «Зачем Каракозов в Петербурге?» — «Как, разве он в Петербурге?» — спросил Ишутин испуганным голосом. «Как же, — отвечал Худяков, — он был у меня и просил 15 руб.». После этого известия Мотков, по собственному его показанию, просил Худякова следить за Каракозовым, и если он будет стараться скрыть свое пребывание в Петербурге, из чего можно заключить, что он действительно имеет намерение совершить цареубийство, то навести на его след полицию. В половине марта, когда Мотков был проездом в Петербурге, Худяков сказал ему, как Мотков показал на судебном следствии, что Каракозова еще не видал, но что Странден, приехавший за ним, не скрывается, следовательно, Каракозов не имеет никакой преступной цели. Наконец, сам государственный преступник Каракозов оговорил Худякова в том, что сообщил ему на Сампсоньевском мосту и у него дома о своем намерении совершить преступление и взял у него 15 руб. для покупки пистолета, объявив, что намерен на днях совершить покушение; Худяков, по словам его, Ка-

ракозова, дал ему, Каракозову, эти деньги, но сказал, что от этого преступления нельзя ожидать никаких результатов. Все эти обстоятельства приведут к заключению, что хотя действительно Худяков в начале своего ареста скрывал, что ему известна фамилия Каракозова, но объяснение его, что это сделано им лишь из опасения, чтобы Каракозов не припугал его напрасно к своим действиям, не может быть отвергнуто без других улик, и потому это не может служить доказательством, что Худяков знал о преступном намерении Каракозова. Затем, хотя Мотков и Ишутин о приезде Каракозова в Петербург узнали от Худякова, но как сведение об этом приезде было передано Худяковым на улице в обыкновенном разговоре, в виде вопроса: «Зачем Каракозов в Петербурге?», то, очевидно, из этого невозможно вывести заключения, что Худяков, зная о приезде Каракозова в Петербург, знал и о цели его приезда. Далее, хотя Мотков утверждает, что просил Худякова следить за Каракозовым, но оговорка, сделанная им самим, чтобы навести на след Каракозова полицию, в таком случае, когда он старается скрыть свое пребывание в Петербурге, — освобождает Худякова от обвинения в преднамеренном неисполнении этой просьбы Моткова, так как ни Каракозов, ни Странден, приехавший за ним, не скрывались и, следовательно, не могли возбудить в Худякове опасения, что первый из них приехал для совершения преступления. Независимо от сего Худяков в том, что Мотков сообщал ему о своих опасениях относительно намерения Каракозова, не сознался и не изобличен. Наконец, оговор государственного преступника Каракозова, не подтвердившийся никакими другими уликами, опровергается самими обстоятельствами дела, потому что хотя Каракозов показал, что деньги на покупку пистолета дал ему Худяков, но из дела видно, что пистолет был им куплен еще в Москве. По всем этим соображениям Худяков не может быть признан уличенным ни в знании о намерении Каракозова, ни в содействии ему для приведения этого намерения в исполнение. Затем, хотя Худяков не сознался в том, что сведения о европейском революционном комитете сообщены Ишутину им, но это обстоятельство подтверждается как показаниями Ишутина, так и других лиц, которым последний тогда же говорил, что сведения о революционном европейском комитете сообщены ему Худяковым; причем хотя Ишутин оговорил сначала Худякова, что он убеждал его основать подобное же революционное общество в Москве, но этот оговор им не доказан и он впоследствии показал, что мысль об «Аде» принадлежит ему самому; не подлежит однако же сомнению, что Худяков знал о существовании в Москве революционного общества, имевшего целью государственный переворот, ибо в знании об этом он уличается не только оговором Ишутина и показаниями Моткова, но и частыми сношениями его, Худякова, с членами «Организации» и с лицами, рассуждавшими об основании другого преступного общества.

Подсудимые Малинин, Дмитрий Иванов, Лапкин и Александр Иванов принадлежали к числу членов общества «Организация», имевших сведения о противозаконных целях и предположениях оною, как это доказывается тем, что некоторые из преступных предложений на сходках были

оспариваемы и некоторые из противозаконных предприятий были остановлены именно этими подсудимыми: например, предложение об ограблении почты было оспариваемо Александром Ивановым; шрифты, купленные Ермоловым, был уничтожен Ивановыми; затем Калинин, Ивановы и Лапкин старались вообще расстроить «Организацию», препятствовали ее сходкам и образовывали кружок, ей враждебный, имевший целью социальную пропаганду, без насильственного переворота в государстве. Что касается обвинения некоторых из них в знании о разговорах относительно образования более преступного общества «Ад», то судебным следствием доказано, что им были известны только рассказы Моткова относительно образования этого общества и что они, имея намерение противодействовать этому обществу и даже донести на него, не успели еще убедиться, действительно ли предполагено основать его.

Подсудимые Кичин, Соболев, Сергиевский, Борисов, Воскресенский, Кутыев, Полумордвинов и князь Черкезов хотя также принадлежали к числу членов «Организации», кроме князя Черкезова, который знал только о существовании этого общества, но никто из них не имел точных сведений о целях и предположениях общества, на сходках которого они бывали редко и не могли себе составить понятия даже о том, что такое социализм, нигилизм и коммунизм. Будучи вовлечены в это общество главными его членами под благовидным предлогом учреждения общества взаимного вспомоществования, для которого предполагалось испросить разрешение правительства, они, вступая в это общество, имели в виду только обещанное им облегчение своей крайней нищеты и убеждение, что без посторонней помощи они не могут кончить образование, которое одно могло обеспечить их будущность. Затем, хотя князь Черкезов обвиняется в недонесении о противозаконном преподавании учения в школе Мусатовского, но на судебном следствии обнаружено, что сведения об этом преподавании он имел только по слухам.

Вознесенский вовсе не был членом общества «Организация», а назван в числе членов его по ошибке Юрасовым, объявившим на суде, что Вознесенский был лишь членом общества взаимного вспомоществования, для которого предполагалось испросить разрешение правительства.

Относительно прочих предметов обвинения из дела видно, что одним из первых предположений главных деятелей «Организации» было освобождение осужденного в каторжные работы государственного преступника Чернышевского; для этого они хотели отправить в Сибирь Страндена, который предположил, в случае открытия его замысла на месте, отравиться, и потому ему необходимо было достать яд. С просьбой о приобретении яда товарищ Страндена, Шаганов, обратился к учителю одной из московских гимназий Трусову, который познакомил его с другим учителем, Марксом, а сей последний, полагая, что яд назначается для отравления литератора Каткова, достал стрихнин от провизора Лаунгауза и передал Шаганову. Лаунгауз объясняет, что Маркс сначала сказал ему, что стрихнин нужен для мышей, а когда стрихнин был уже ему отдан, то на другой день Маркс сказал ему, что один из русских революцио-

перо взял этот яд для отравления литератора Каткова; желая получить этот яд обратно, Лаунгауз, по его словам, должен был войти в сношение с Шагановым и Николаевым, из которых последний уверил его, что стрихнин остался без употребления, потому что им нужен не такой яд, а медленно действующий, и просил его дать ему наставление, как составляется aqua tephana, объяснив, что посредством этого яда они надеются приобрести для своего общества большую сумму денег.

Николаев на судебном следствии объяснил, что действительно просил у Лаунгауза рецепт для составления медленно действующего яда, который впоследствии и передал в десяти экземплярах Виктору Федосееву для отравления его отца, так как сей последний обещал, по получении наследства, пожертвовать оное обществу «Организация», ибо он, Николаев, считал позволительными всякие меры для поддержания того общества, которое имело целью проводить в народе начала, признаваемые им полезными для отечества и для народа.

Виктор Федосеев показал на суде, что действительно имел намерение отравить своего отца для предоставления наследства после него не обществу «Организация», а обществу взаимного вспомоществования, но когда сказал об этом в Кирсанове брату своему Павлу, то сей последний уговорил его оставить свое намерение, и он, убедившись словами брата, решился не приводить своего умысла в исполнение; а Павел Федосеев показал перед Верховным уголовным судом, что когда брат его Виктор сказал ему в Кирсанове о своем преступном намерении и когда он, Павел, пораженный ужасом, хотел разбить указанные ему склянки с ядом, то оба они были арестованы полицией. Из этого очевидно, что хотя Виктор Федосеев и объяснял, что решился не приводить в исполнение своего умысла, но это опровергается уже тем, что он хранил при себе яд и что склянки с оным намеревался перед самым арестом разбить не он, а брат его.

Учитель Трусов в объяснение своего участия в этом деле показал, что Шаганов действительно говорил ему о намерении освободить Чернышевского, но он этому намерению не придавал *никакой серьезности*; относительно же принадлежности Шаганова к тайному обществу Трусов объяснил пред Верховным уголовным судом, что о существовании тайного революционного общества он, Трусов, не знал, а думал, что Шаганов принадлежит к кружку, имеющему целью распространение грамотности в народе.

Лаунгауз в оправдание свое о недонесении, что ему было известно о тайном обществе «Организация», объяснил на суде, что о цели этого общества узнал только 12-го апреля из разговора Николаева с Маевским, а Николаев подтвердил, что сообщал Лаунгаузу лишь о том, что цель «Организации» заключается в пропаганде социализма.

Маевский, не признаваясь ни в знании о существовании в Москве тайного общества, ни в укрывательстве и снабжении фальшивыми паспортами и деньгами польских политических преступников, сознался лишь в имени сочинений возмутительного содержания, которые он будто бы собирал для уничтожения. При очевидной неосновательности приводимого

Маевским оправдания в имени им возмутительных сочинений он вполне изобличается как в знании о существовании в Москве тайного революционного общества, так и в укрывательстве и способствовании побегам политических преступников, осужденных в каторжные работы. В этом убеждают не только показания многих из подсудимых (Шаганова, Николаева, Юрасова, Маркса, Трусова и Лаунгауза), но и жившего с Маевским дворянина Бараповского и даже одного из скрытых Маевским преступников, Олтаржевского. Впрочем, в том, чтобы Маевскому была вполне известна преступность целой революционного общества, он остался неизобличенным.

Шестакович, сознавшись в укрывательстве осужденного к каторжным работам Ярослава Домбровского, просил Верховный уголовный суд обратить внимание на то, что сознание сделано им на первых допросах.

Уездный учитель Петерсон сознался в том, что знал об укрывательстве государственного преступника Домбровского и не донес об этом правительству.

Что касается обвинений мирового посредника Бибикова, секретаря козельской управы Оболенского, юхновского мещанина Никифорова, бывшего судебного следователя Маликова и бывшего студента Никольского в знании о существовании в Москве тайного революционного общества, то это обвинение на судебном следствии не подтвердилось, точно также не подтвердился и оговор Никифорова Петерсоном в изъяснении на словах умысла повторить покушение на жизнь священной особы государя императора, потому что хотя учитель Петерсон на суде и повторил свой оговор на Никифорова, но оговора этого ни на суде, ни при предварительном следствии ничем не доказал; между тем следствием обнаружено, что Бибиков, Оболенский и Маликов знали об умысле освободить государственного преступника Чернышевского, а Никольский сам намеревался освободить государственного преступника Серно-Соловьевича.

СКОТЫ

«Голос» приводит (в 307 №) следующее распоряжение из «Нижегородских губ. вед.»:

Г. нижегородский генерал-губернатор Огарев в отношении от 13 октября 1866 года, за № 140, к г. начальнику губернии, изъяснил: замечено им, что на улицах Нижнего Новгорода встречаются иногда дамы и девицы, носящие особого рода костюм, усвоенный так называемыми «нигилистками» и всегда почти имеющий следующие отличия: круглые шляпы, скрывающие коротко обстриженные волосы, синие очки, башлыки и отсутствие кринолина.

Со дня преступления 4 апреля среда, воспитавшая злодея, заклемена в понятии всех благомыслящих людей, а потому и ношение костюма, ей присвоенного, не может, в глазах блюстителей общественного порядка, не считаться дерзостью, заслуживающею не только порицания, но и преследования.

Ввиду этого он признает нужным просить г. начальника губернии обратить особое внимание на подобные личности и поручить городским и уездным полициям приглашать всех, одетых вышеописанным образом, в полицейские управления и обязывать их подписками изменить свой костюм. В случае же сопротивления с их стороны к выдаче требуемого обязательства объявлять им, что они будут подлежать *высылке из губернии* на основании существующих узаконений, и затем учреждать за образом их жизни, действиями и сношениями строгое наблюдение.

При этом г. Огарев нашел нужным сделать настоящее распоряжение известным жителям губернии чрез припечатание в «Губерн. ведомостях» *.

Несмотря на известные способности генерал-адъютанта Огарева как костюмера и портного и на легость гермафродитного перехода от рейтуз к юбкам и кринолинам, мы не думаем, чтоб эта *скотская* и позорная мера принадлежала ему. Мы ее прежде видим в Москве. Мера эта идет из Петербурга, она

останется меркой бездонной глупости прогрессивного правительства*.

Флора, принятая за опальную богородицу. Возле крупных скотов — скоты мелкие. Вот что за иконоборское скотовство рассказано в 89 № «Вести»*:

Виленской губернии в Д—ском уезде находится поместье М—в, принадлежащее графу Х—чу; в этом имении великолепный господский дом, с большим садом, расположенным возле почтовой дороги, в котором устроен летний домик в готическом стиле, называемый «Терреп», и при нем на холме вылита из бронзы, на венской фабрике, статуя *Флоры*. Но так как здесь статуи, изображающие римско-католических святых, при публичных дорогах не допускаются, то местный становой пристав, считая, наверно, фигуру принадлежащую к лику католических святых, распорядился сбросить ее с пьедестала — не уведомив предварительно о том владельца — причем так бесцеремонно обошлись с бедною богинею греческого Олимпа, что руки ее были беспощадно изувечены.

Выписываем из «Вести» следующее письмо в ее редакцию о скотах еще мельче*:

Мм. гг. Не касаясь того обстоятельства, приносит ли существенную пользу обрусению Западного края запрещение разговора на польском языке, я желаю только обратить внимание ваших читателей на следующее обстоятельство: имеют ли право говорить по-польски те из поляков, которые на время приезжают в Западный край из пределов Царства Польского, где законом не запрещается говорить на своем языке? Задался же я этим вопросом по следующему случаю: проезжая недавно по Варшавской железной дороге, я разговорился, как это обыкновенно бывает в вагонах, с неизвестным мне поляком, постоянным жителем Варшавы, который между прочим рассказал мне приключение, случившееся с ним во время его проезда через Друсkenики в Гродненской губернии (небольшое местечко, замечательное своими минеральными водами). Он рассказывал мне, что дети его, прибывшие с ним в Друсkenики, по обыкновению говорили между собою по-польски, за что они, по распоряжению местной полиции, подверглись штрафу по 50 рублей за каждого. Я сначала этому не поверил и не мог допустить возможности взысканий с детей, которым едва ли можно знать о местных распоряжениях полиции, но убедился в этом, когда отец их показал мне выданную ему из казначейства квитанцию за внешние штрафы.

Гонения литературы. Русские газеты печатают следующее безобразное распоряжение*:

1) Редакциям и сотрудникам газет и журналов, подвергнутых, вследствие троекратного предостережения, временной приостановке, воспрещается, в продолжение такой приостановки, издавать для подписчиков тех повременных изданий, а равно выдавать им бесплатно, или с какою-либо платою, или по особой публикации, какое-либо, хотя и неповременное, но от имени тех же редакций, издание, будет ли то с участием или без участия тех же сотрудников. 2) Виновные в нарушении сего запрещения подвергаются взысканию до 500 руб. независимо от последствий ответственности, коей они могут подлежать по уложению о наказаниях, изд. 1866 года.

По части народного просвещения. Выписываем из русских газет два факта:

В местечке *Кузьмине*, Зиньковского уезда, в доме наследников помещика Редькина, весною 1866 года была открыта, по инициативе местного священника Феодора Засядко, но без предварительного разрешения, школа для мальчиков и девочек. Обучали в школе: бывший студент С.-Петербургского университета Алексей Редькин, уволенный из С.-Петербургского университета дворянин Владимир Щиглев, жена его, урожденная Бришкец, кончивший курс в первой с.-петербургской гимназии дворянин Николай Алексеев и новокрещенная в Полтаве из еврейского закона Ольга Николаева Кречман. В школе обучалось до 53 детей, в том числе 8 девочек; закон божий преподавал священник Феодор Засядко. С наступлением полевых работ учение прекратилось. Полтавский училищный совет определил: сообщить о вышеизложенном зиньковскому училищному совету и просить как его, так и все училищные советы неослабно наблюдать, чтоб не открывали школ и не занимались обучением лица, не получившие на то формального разрешения, и давать таковое только лицам вполне благонадежным. *Участие же в этом деле священника Засядко предоставить усмотрению епархиального начальства* («Голос», № 317) *.

Тобольский губернатор (Деспот-Зенович) издал циркуляр, в котором говорится, что

некоторые лица из сосланных с лишением за разные противозаконные деяния всех особенных прав и преимуществ и с отдачею под надзор местной полиции занимаются в частных домах обучением детей. Как эти лица не имеют права вступать ни в государственную, ни в общественную службу и как, с другой стороны, всякое доверие к ним в деле воспитания может весьма неблагоприятно отразиться в умственном и нравственном направлении детей, то, на основании циркулярного предписания министра внутренних дел, которым обращено особенное внимание местной администрации на охранение коренных начал веры, нравственности и общественного порядка и вменено в обязанность оказывать возможное содействие к

воспитанию юношества в духе религиозных и верноподданнических обязанностей, тобольский губернатор предлагает гг. окружным начальникам и городничим вверенной ему губернии иметь действительное и неослабое наблюдение за поведением и отношениями к местным жителям лиц, сосланных на житье с лишением или ограничением прав и вообще отданных под надзор полиции, отнюдь не дозволяя, чтоб подобные лица занимались частным воспитанием детей, делом, сколько священным, столько же им и не свойственным, и, если будет дознано, что кто-нибудь из таких лиц занимается *хотя бы начальным обучением детей*, то подвергать денежному взысканию 75 руб. как того учителя, так и родителей или родственников и опекунов, вверивших обучение своих детей лицу, не имеющему права на это («Голос», № 318) *.

Каково? От Киева до Тобольска и от деспотов Зиньковского уезда до Деспота-Зеновича, который сам был сослан и либерал, но — *исправился!* *

При Николае было лучше: многие декабристы давали уроки, например, князь Федор Петрович Шаховский, учивший безденежно (что составляет *агравацию* *). В 1851 сосланный в Тобольск за убийство *Зыков* давал уроки и многие из поляков, которых мы знали. Мы припоминаем только два случая при Николае, он делал выговор, и оба раза оренбургскому Перовскому (который, впрочем, не обращал внимания на это): за Кольрейфа, который давал уроки музыки, и потом за Шевченку, которому запретил не только учить рисованью, но и рисовать *. Как ни глупа *революционная музыка и мятежная живопись*, но им далеко до толстовской валуевщины *. Да и Деспотам-Зеновичам не близко до Перовского.

Из судебных сцен. Жена унтер-офицера Андреева жаловалась на квартального надзирателя Ярошевского, что он ее ругал и грозился засадить в тюрьму. Против такого показания квартальный показал, что он пятнадцать лет служит честно царю и отечеству, что Андреева марает его честь, что он ее не ругал, а она перед лицом судьи назвала его *нигилистом*. На что Андреева возразила, что она и слова такого никогда не слыхала... («Голос», № 286) *.

О Гоголь, где ты?

В «Киевском телеграфе» рассказан следующий случай *, напоминающий *доброе* старое время:

Один из начальников небольшого штата подчиненных (по всей вероятности, в одном из мест Юго-западного края, где издается «Киевский телеграф»), заметив в служащем под его ведением некоторое отступление от правил при исполнении своего дела, схватил его одною рукою за грудь, а другою, погоняя в затылок, отвел в угол комнаты и, взвалившись всем своим громадным туловищем на небольшую фигурку служащего, с ругательствами поставил его на колени. Мужчину лет 26-ти, занимающего классную должность, не стесняясь присутствием посторонних, насильно ставил на колени!!! Тот, опомнившись от такого насилия и потасовки, встал и, подойдя к начальнику, хотел было оправдаться и извиниться, но был отброшен тою же сильною рукою начальника в угол, с приказанием: «Стоять, когда поставили!» Тот же начальник, встречавшись с другим из подчиненных, в продолжение короткого времени, раза два, и получая каждый раз должную честь, когда встретил его в третий раз и тот прошел и не отдал чести, сорвал с него шапку и с такою силою бросил ее в сторону, что случившаяся, на пути полета, стеклянная стенка (какие делаются в балконах) разбилась, не помешав шапке лететь еще очень далеко. Третьего из подчиненных, когда тот осмелился в чем-то оправдываться, схватил он за грудь и, сильно потрясши его, отбросил к стенке, приказав: «Там стоять!»

⟨«МОСКВА»⟩

«Москва» — под этим стародавним флагом славянофилов* снова является после бурь, непогод, треволнений и покоя в семейной гавани знакомый нам *парус*. Ночь аксаковского «Дня» была не длинна *, он в ней окреп и из недельного становится ежедневным. Сон его был дар небес... что же лучшего можно было делать во все время караказовского террора, как не спать?

Начало нового «Дня», судя по коротенькой программе, как все начала, и в особенности как все московские начала, смутно и спутано, ложка меда и бочка дегтю. В числе *казовых* сотрудников мы находим гладенький немецкий умок *Бабста*, о славянофильстве которого мы ничего не слышали, кроме того, что он сечет армян в училище, отданном ему в вознаграждение за уроки в дворце (и если это правда, то конечно сечет знаменитыми черкасскими розгами) *. Рядом с ним дикий, вырвавшийся из гайдаматчины *Коялович*, которого имя может отстращать всякого отсталого человека, т. е. такого, который не верит, что нет другого пути для истории, как в крови по горло, в Муравьевых по горло, в Катковых по ступицу, как ломая христианские кресты *, ссылая богородиц с пьедесталей, запрещая молиться по-своему и говорить на родном языке *, как устраивая по высочайшему повелению украинские бойни и галицийские порубки польских помещиков *.

Что касается самого издателя, то его программы нет, но мы знаем ее из прежних трудов. Он станет за русскую общину и за право на землю, за выборное начало и земское самоуправление. Он будет наверное против неокрепостников, их дворовых защитников и усердных вестовщиков *... он будет против

бюрократии, этой *бумажной шагистики*, и пр. и пр. ... Он будет, мы в этом глубоко убеждены, снова проповедовать против кровавого права казни, данного над нами незаконно и воровски каждому капитану Копейкину и каждому Скалозубу *... А потому, если он Кояловича будет держать на вожжах, Самарина уприсит не писать таких же скучных волюмов об доминиканцах, бенедиктинах, капуцинах и пр., как он написал об иезуитах *, Бабста — не сечь армян, то мы откровенно желаем ему успеха.

И да будет ему Валуев легок! *

НЕМЦЫ

Откуда эта печальная масса немцев на русской службе, растущая и вовсе не уменьшающаяся со времен шуток А. П. Ермолова?*

По случаю женитьбы наследника на Дагмаре * к числу праздников относится высоч. смотр на Марсовом поле 15 октября 1866 г. Распределение командующих на этом смотре следующее:

Всею кавалериею командовать генерал-адъютанту барону *Бюллеру*.

1-ю линиею командовать генерал-лейтенанту *Дрентельну*.

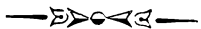
2-ю линиею — генерал-адъютанту барону *Бистрому*.

3-ю линиею — генерал-лейтенанту *Дубельту*.

4-ю линиею — свиты е. в. генерал-майору *Петерсу*.

5-ю линиею — генерал-майору барону *Гершау*.

Подписал приказ свиты е. в. генерал-майор *Рихтер* *.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «БУДБЕРГ, ЧИЧЕРИН И К^о» В ПАРИЖЕ

Ждем с нетерпением окончания процесса Леонса Дюпон с первым секретарем русского посольства. Клеветники сначала говорили о подкупе журнала «La Nation» нашим правительством. А дело, по-видимому, было частное, предпринятое только под флагом парижского посольства.

Gratis¹

«АНТРАКТ» И HORS-D'ŒUVRE² *

Demandez «L'Entracte» — journal du soir —
«L'Entracte» — un sou, cinq centimes.— Demandez
«L'Entracte»!³

Specimen

От издателей. Не желая подрывать почтенные органы, столь справедливо заслужившие как благодарность отечества, так и его признательность, «Антракт» ограничивается одними ложными слухами и неправдоподобными случаями.

Отделение дел государственных

В Государственном совете рассматривали четыре последние просьбы о переименовании в *Иосифы* * двух квартальных надзирателей (одного с.-петербург., другого уфимского), члена приказа общественного призрения в Костроме и находящегося под судом за расхищение казенной собственности с нанесением ударов вахмистру провиантского ведомства подпоручика Х. Совет, приняв в уважение похвальное намерение будущих «Осипов», просит местные начальства впустить петентам * о том, что они очень опоздали. После 1 января нельзя будет переименовываться в звание *Иосифа*.

¹ Бесплатно (лат.).— *Ред.*

² Мы получили этот *Specimen* с просьбой поместить его. Полагая, что читатели простят эту шутку, мы исполняем просьбу издателей «Антракта» только потому, что на святках дозволяются всякие глупости.

³ Требуйте вечернюю газету «Антракт». — «Антракт» — одно су, пять сантимов. — Требуйте «Антракт!» (франц.).— *Ред.*

Декабрь проходит тихо. В высшем свете ждут «Синюю бороду» и «Красную шапочку» в переводе незабвенного И. С. Тургенева *.

Граф Толстой, исправляющий, за болезнью Филарета, часть его должности (именно «Коломенскую»), отслужив вчера соборне обедню и услышав о новом труде Ивана Сергеевича, возжелал почтить прежние произведения его; но с тем вместе имея в виду паче всего нравственность вверенного ему монастыря просвещения *, приказал по всем учебным заведениям разослать «Отцы и дети», разделив предварительно роман на две части, так чтоб ученикам достались *Отцы*, а учителям — *Дети*.

Театр

Succés fou!!!¹ Подавляющий успех!!!
Сегодня, завтра и весь месяц всякий вечер:

Полицейская кастелянша

и

Княгининская ключница

или

Потасовка двух соперниц

*Комедия-водевиль с ругательными куплетами
и щелчками, прилаженными под кастаньеты.*

Примечание. Касса отпирается с 6 утра по особенному распоряжению, но уже в 5 билетов нет. Вчера цены поднялись до того, что один помещик западных провинций отдавал за креслы свой фольварк. Дирекция не приняла по невозможности узнать, не был ли столяр, делавший креслы № 17, польского происхождения.

Вот отрывок из поименованной пьесы:

Явление IV. (Сумерки... С одной стороны барский дом, ограда, босой мальчик, ворота; с другой — частный дом, так называемый потому, что он общий полицейский, каланча, городской, нюхающий табак. Вдали питейный дом и церковь Николы в Пупышах).

(Музыка играет «Боже, царя храни». Городовой и мальчик требуют ее еще раз).

¹ Безумный успех!!! (франц.).— *Ред.*

Наше правосудие 4

Вся обвинительная часть о воровстве
намере возмещать в Казани приговором
Казанской Уголовной палаты в казен-
ном учреждении на следующие сроки:
на 10 лет:

Владимир Покровский / арестован в
казен. мая 63г.
Александр Сергеев / арест в казен.
мая 63г.

Семён Степанов / арест в казен.
апреля 63г.
Александр Мурдаков / арест в 1^ю казен.
63г.

Арсений Туркочов / арест в казен. мая
63г.
на 8 лет.

Михаил Красноперов / арест в казен.
марта 63г.

Николай Орлов / арест в казен. июня
63г.
Василий Дерюгов / арест в казен. июня
63г.
на 6 лет.

Евгений Красноперов / арест в казен. июня 63г.
Николай Степанов / арест в казен. июня
63г.
на 4 года.

Пётр Степанов / арест в казен. мая 63г.
Виктор Степанов / арест в казен. июня
63г.

Матвей Степанов / арест в казен. мая 63г.
Александр Степанов / арест в казен. мая 63г.
Василий Степанов / арест в казен. мая 63г.
Николай Степанов / арест в казен. мая 63г.
Евгений Степанов / арест в казен. мая 63г.
Пётр Степанов / арест в казен. мая 63г.
Виктор Степанов / арест в казен. мая 63г.

«Наше правосудие». Рукопись статьи (неизвестной рукой и рукой Герцена) и автограф заметки «Свобода книгопечатания»

№ Коунон бупел,
Купуним Баркеліе и обрпін
Ауап са утсхуреме-реууара
иис.

Ка. дохр. нунср умод неа
Тамант к "Кох" о купунда и
Снассіи. Мердонула - нам бр
Купунимеме. А нуреро не
нурро купунда.

Душубы

К. Катоних 3
"Намне работодие"

М. Мухомов

К. Сенатори ирчишун парампечам
 К. Парматн Казак ага глоран Мум-
поспан нодрамузун - Са гратие К
 нодрамузун бариниши - и оно боитне
 м.тн репозе вод нолун гелмперид,
гелмпериде - Рудие суспрашаф.
 - Шуды Эмано - не индидетн гуаш.
 бевит но деемонийн мупушан
 гуредетне. Тун дие мупун кармил
 мепоро - репозе вод, нолун борун
 ушун? Нодрамузун богата К-
емпи! Проме сапаннеп - ман са
 паннеп

Суд

"Ка репорт К. Пачах и К. ушан К.
 К. стум, стум ... бер К. спонсиф
 К. интурат, К. козекомит - парне
 пата работунин и пенунарин - а
 бии жанне нодра кев, педиде - ки
 жанне богаче на уаруб - кеве бо бр-
 кева тануна - мунтне мунд
 К. Розин, ке нагуаш

... Давке пурин зареме ван
 урбоннепом "му К. П. Раем нрне
 богаче и у. д. е. и. и. Вопхата и Обнов.
кеуене - му К. Обчат пур
 сумпачан Крементин Норунтун

Кр

„Композити не каснаат кривојазик
 и у номинативу општејственој уједи-
 натој језици не општејственој - но
 кривојазик и уједињеној језици, нису
 језици, то је једино језик и то једино
 једино језик једино језик.

То је са једне стране, једна
 једна страна, једна страна, једна
 страна и једна страна.

Ободна кривојазик. Број
 је „општејственој“ прејазик
 - не једино - једино, једино, једино,
 и једино. Једино једино једино
 једино. једино једино једино - а
 једино и једино - једино
 једино једино једино једино
 једино једино - једино
 једино и једино једино
 не једино - једино једино
 једино.

Те же и *унтерша*, состоящая в должности кастелянши, — она входит, продолжая полемику с *княгининой ключницей*.

К а с т е л я н ш а. — Что ты меня тычешь крупной собственностью, я у твоих князей ничего не прошу, я довольна моим государем и по передним не таскаюсь...

К л ю ч н и ц а. — Да ведь и не пустят, дворянство ваше не очень отменно важное — за унтером были, нечего величаться, да и поведенье такое, что только в полиции и жить.

К а с т е л я н ш а. — Как? Что? Поведенье — что?

К л ю ч н и ц а. — Ах, матушка, как раскричались, словно мы и не знаем, как ты прямо от унтера Муравья поступила к немцу... как его, нехрестя... Кухман, что ли, вот что в три шеи прогнали?

К а с т е л я н ш а. — Завидно стало; ах ты фря эдакая, чужому несчастью радуешься; что твой Баранов лучше, небось?

К л ю ч н и ц а. — Ну да и твой-то Безак!

К а с т е л я н ш а. — Ты держи немного хайло, я сей час доведу, что Русь продала матушку, в веру пошла в польскую, — видно, князев-то дом сепаратцкий.

К л ю ч н и ц а. — Не допущу помещика нашего ругать, не допущу. Сей час побегу к княгине, сею минуту, она поедет к графу Авександлинточу.

К а с т е л я н ш а. — Атанде, мадам, атанде, не угоднo ли прежде на съезжую прогуляться? *Кричит:* «Слово и дело!»

Обе начинают теребить друг друга... Только и слышно: «К князю, к княгине!.. Не те времена... что нам князь... В полицию... в полицию польку, католичку!..»

(**К а с т а н ь е т ы**).

Дамы схватывают друг друга за волосы, причем оказывается, что обе в париках... дамы падают... причем оказывается, что они мужчины.

Является множество арапов (в их числе московский обер-полицмейстер), всех ведут в часть.

Музыка играет «Боже, царя храни!».— Арапы требуют повторения.

〈НОВАЯ «БАРХАТНАЯ КНИГА» РУССКИХ ДВОРЯНСКИХ РОДОВ〉

Новая «бархатная книга» * русских дворянских родов вышла в Женеве под скромным названием «Записок кн. Петра Долгорукова»¹. Первый том их, вроде книги «Бытия» и «Деяний» * высшего русского барства, является чрезвычайно кстати. Родословные деревья у нас всегда заготавливались, как елки перед Рождеством... сколько заплачено, столько и золотых яблоков. Но в последнее время, в виду близкой и не совсем честной кончины помещичества, у нас стали выдумывать не отдельные деревья, а целый лес, какое-то *доблестное барство-тори*, почетное в настоящем, почтенное в прошедшем, патристическое, историческое и пр. Слыхали мы прежде от седых дворецких и разных приживалок: «Ну, это был *настоящий русский барин*, русский барин в полном значении»... Но в наше время эти выражения поднялись из людских и девичьих в *переднюю* литературу и потому становится очень интересным узнать: что был в свое время *настоящий русский барин* и о каком *полном значении* этого слова толкуют наши аристократических делстряпчие и помещицьи писаря.

Первый том «Записок» князя Долгорукова, представителя одной из наших древнейших княжеских фамилий, весь посвящен перечню главных семей, окружавших императорский престол в начале XVIII века и управлявших с ним Россией. Это одни факты, факты подробные, тщательно собранные, почти без комментариев — они оканчиваются регентством Бирона: значит, обнимают *медовый месяц* новой империи. Чи-

¹ «Mémoires du Prince Pierre Dolgoroukow», Genève, 1867, t. I, (512 pag.).

тая этот чудовищный, неистовый, уголовный *carmen horrendum* *, надо иной раз невольно класть книгу, чтоб прийти в себя от ужаса и омерзения. Вы покидаете тут весь человеческий мир: это другие животные, другие гады, лишенные всего человеческого, кроме способности доносить, раболепствовать, красть и делать зло ближнему. Не число невинных жертв, не кровь, льющаяся как из ведра, не реки слез, не пытки и каторги удручают читателя... все летописи полны крови и неправды, вся история — какая-то хирургическая, перемежающаяся операция... но в рассказе *детства и отрочества* нашего *настоящего барства* душит подлость, отсутствие всякого убеждения, всякого достоинства, стыда, чести, цинизм холопства, сознательность преступлений. Доминиканец, с верой жарящий еретика, и азиатский раб с своей религией повинования в тысячу раз больше человек, чем вся эта шайка *аристократов* — негодяев, продавшихся гуртом за крепостное право и вразбивку за власть и деньги.

И эти-то доносчики, сводники, ябедники, палачи, пытавшие друзей и родных, битые, сеченые, оплеванные Бироном, казнокрады, взяточники, изверги с мужиками, изверги с подчиненными составляют почву *настоящих русских бар*. И их-то потомки осмеливаются теперь бросать камень польским панам. Польские паны имели страшные пороки своего времени, были дики и горды, теснили и грабили народ, но зато они имели и доблести феодалов — их не бил палкой ни один король и не ездил по зубам ни один временщик, как наших холопов в андреевской лепте, воров в княжеских мантиях и всех разбойников гвардейской опричины, чередовавшихся между государевым советом и каторжной работой. В истории, повторяем, ничего подобного не было: так, как нечистоты лондонских стоков образовали особый слой в устьях Темзы, с особым населением инфузорий, так из русской жизни вынырнул и развился, при посредстве ложной цивилизации и глубокого растряпанья, свой *кряж настоящего русского барства* — *strata petropolitana*¹... которую надо как можно скорее завалить землей, искупить обновленной жизнью и рядом человеческих деяний, а не

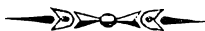
¹ петербургская прослойка (лат.).— *Ред.*

вызывать из грязной могилы — или вызывать, как это сделал кн. П. В. Долгоруков, отдавая беспощадно на позор и стыд.

Грехи предков только тогда не падают на потомков, когда потомки не гордятся своим происхождением. Герб обязывает, напоминает; кто им дорожит, тот не может разорвать своей связи с преданием; на том иногда догорает луч прошлой славы... и всегда выступают пятна прошлого позора.

С нетерпением ждем второй части великого обличения и разоблачения нашей аристократической дворни* и тогда разом сделаем выписки из чрезвычайно интересных «Записок» кн. П. В. Долгорукова.

Мы видели прадедов наших петербургских и московских матадоров — взглянем на их дедов... и искренно просим автора поскорее познакомить с отцами.

НАШЕ ПРАВОСУДИЕ

Все обвиненные по известному делу о вооруженном восстании в Казани * приговорены казанской уголовной палатой к каторжной работе на следующие сроки:

На десять лет:

Владимир Полиновский (арестован в начале мая 1863).
Александр Сергеев (арестован в начале мая 1863).
Семен Жеманов (арестован в конце апреля 1863).
Алексей Щербаков (арестован 1-го сентября 1863)¹.
Аркадий Бирюков (арестован в начале мая 1863).

На восемь лет:

Иван Краснопёров (арестован в начале марта 1863).
Николай Орлов (арестован в начале июня 1863).
Василий Дернов (арестован в начале июня 1863).

На шесть лет:

Егор Краснопёров (арестован в начале июня 1863).
Петр Алеев (арестован в половине сентября 1863).

На четыре года:

Рудольф Миттерман (арестован в начале мая 1863).
Виктор Лаврский (арестован в начале июня 1863).
Правительствующий сенат, *несмотря на ходатайство уголовной палаты о смягчении наказаний*, УВЕЛИЧИЛ СРОКИ НАКАЗАНИЯ в следующем порядке:

Двум первым, осужденным палатою на десятилетнюю каторгу, Сенат определил 14 лет каторги.

Двум бежавшим и одному оставшемуся (той же категории) — 12 лет каторги.

¹ Жеманов и Щербаков бежали в ноябре 1866*.

Кому палата присудила восемь и шесть лет — Сенат определил 10.

Кому четыре года — тем по шести.

Что же это — отцы отечества, видно, совсем выжили из ума и из совести?

В декабре месяце расстреляли в Варшаве казак из дворян *Митрофан Подхалюзин* за участие в польском восстании, и это больше чем через год после усмирения, *умиротворения*. Русские журналисты, в виду этого, не стыдятся указывать на жестокости турецкого управления. Где же турки казнят смертью через годы после возмущения? Подхалюзина *выдала Австрия!** Вот характер — так характер!

...На тропе я Рослав, и в узах я Рослав...*

Ее бьют, бьют... вся в фонарях, вся в синяках, в лохмотьях, растеряла провинции и репутацию, а все так же подла, как прежде, все так же выдает на казнь, как во времена Бакунина *... только тогда в России не казнили.

Далее русские газеты нас извещают, что в Рязани приговорили к убиению *Юрлова и Обновленского* *... Что в Омске расстрелян крестьянин *Портнягин*, «который не сознался в убийстве и у которого ограбленных у убитого вещей НЕ ОКАЗАЛОСЬ, но в деле имелись улики, показывающие, что убийство это должно быть совершено им».

Что за геркулесовы столбы жестокости, тупости, глупости и бессердечия!

В Оренбурге расстрелян солдат *Архип Майоров* за дерзость против начальника, собиравшегося его сечь, по чьему приговору — в газетах не сказано.

По определению военно-полевого суда в Иркутске, по делу о возмущении поляков в Восточной Сибири*, к смертной казни приговорено 7 человек из первой категории, именно: Арцимович (Квятковский), Шарамович, Целинский, Илляшевич, Вронский, Реймер и Котковский — и, кроме того,

19 человек по жребию (из десяти один) из 2-й и 3-й категорий. Затем 194 человека приговорены к наказанию плетью по сту ударов и к ссылке в рудники без срока; 92 человека, обвиненные в сообщничестве с мятежниками, приговорены к наказанию по 799 и 830 ст. Уст. о ссыльных; 133 человека оставлены в подозрении; 260 совершенно освобождены и четверо преданы обыкновенному суду («Моск. вед.», 15 декабря 1866, № 264).

«МОСКВА» — МАТЬ И МАЧЕХА

НЕ ВАМ, НЕ ВАМ водружать где б то ни было хоругвь освобождения * — омойтесь прежде, покайтесь, приобретите один язык и одну меру — или оставайтесь откровенно рабами; вы и в этом звании можете быть «бичами провидения», но *не освободителями*. Кто своекорыстно хочет себе и своим воли и в то же время набивает колодки на соседа, тот не достоин свободы. Тем-то и было велико сначала христианство, потом та великая революция 1789 года (о которой и наши пигмеи говорят теперь свысока), что если они не спасли и не освободили всего света, то все же верили в общее спасение и освобождение, звали к ним всех без зверской ненависти одной породы к другой, без зоологических пристрастий и антипатий.

Можно быть в одно и то же время *любящей матерью и злой мачехой* — но при этом нельзя сетовать, что в глазах всякого честного человека несправедливая любовь вызовет если не ненависть, то отвращение.

Затем представляем две следующие выписки из «Москвы». Говоря о духовно-революционной демонстрации (которой мы вполне сочувствуем), бывшей в московском греческом монастыре, издатель замечает:

Но эта же самая панихида вызывает нас невольно и на грустные размышления. Мы слышали, что исполнение такого простого, естественного желания, как желание помянуть соборие в церкви братолюбивых и христоролюбивых страдальцев, встретило было неожиданные затруднения и понадобилось даже испрашивать разрешения из Петербурга. Как! Даже для того, чтоб собраться в православный храм и помолиться о православных, погибших православия ради, общество должно испрашивать дозволения у начальства? Для того, чтобы совершить подобное богослужение, местной духовной власти может быть вменено в обязанность входить в дипломатические соображения и справляться о том, будет ли такое дей-

ствие согласно с политическими видами министерства и как покажется оно Петербургу? Нельзя не пожалеть о такой зависимости церковных пастырей и о таком странном *смешении* прав и обязанностей общества и правительства!

Что происходит от такого смешения? Общество, усвоивая себе точку зрения правительственную, *нередко принимает на себя исполнение во все ему не свойственных обязанностей III отделения* и чрез это суживает самый круг своей деятельности и уклоняется от своего призвания. Правительство «исправляет должность» общества, выступает из тех пределов, где оно, правительство, призвано действовать и где только и может быть сильно, и простирается на такие области жизни, куда не могут досягать внешние орудия государственной власти и где правительство поневоле должно оказаться несостоятельным... Оно ослабляет общество, держа его вечно в пеленках и вода на помочах *.

Рядом с этой дельной, умной речью *матери* не угодно ли послушать ласки *мачехи*, не угодно ли посмотреть на ее злую злобу, пьянящую ум, ничем не насытимую — ни тем, что она пашынок забила до полусмерти, ни тем, что в крови и синих пятнах «они еще дышат и смеют говорить по-своему». Вот она же их!

Постоянный житель Киева не может не заметить, — говорит корреспондент «Москвы», — что в последнее время польская речь стала *смелее* раздаваться по Киеву: слышится она и на улицах, и в ресторанах, и во всех публичных местах, и мало того — эта польская речь сопровождается еще, по отношению к русскому, *тем наглым, вызывающим взглядом*, на который так способен родовитый поляк. По всему видно, что наши поляки подняли голову: голуховщина и всякого рода химеры вскружили их головы. Говорят, что в уездах Волынской губернии, пограничных Галиции, польские паны-помещики в последнее время стали вызываться, по отношению к русскому делу, с наивностью чисто польскою: «Погодите, — грозят они мировым деятелям, — вот к весне придет к нам Голуховский с Наполеоном, они выгонят всех вас отсюда» *.

Господа полиция, вступайте в ваши права.

Какое ужасное растление, и какое прочное, внесли три года казенного патриотизма. Люди, несколько не принадлежащие ни к полиции, ни к «Московским ведомостям», так же легко доносят или служат распространению доносов, как любой Катков, почивший на голубых лаврах своих *.

Отчего же полякам *шептать* по-польски? или зачем же им делать глазки русским? Ведь это только наши деды и праотцы целовали руку, которая их била по зубам и секла по окончанию спины.

Летаргический сон, в котором пребывал издатель «Дня», восстановил его силы, но не отрезвил его * — а ведь некогда и для него, рядом с святынями Грановитой палаты и Кремля, были святы права человека и ненавистна рука правительства, врывающаяся в последние твердыни личности, позоря ее насильем, брея бороду седому Хомякову, сбивая с головы мурملки и запрещая, как *непристойность*, нашу народную поддевку?..*

Счастье, что «Москву» в Турции, кроме русских консулов, никто не знает и не читает, ну, а то как неравно Садык-паша укажет правоверному султану два православных листа, а тот и начнет, во имя турколюбия и магометолюбия, изводить не только людей, но и язык греческий * и одежду, преследовать взгляды, казнить надежды... Нет, не вы разобьете шатер вольного славянского союзничества — с помощью будочников и полицейских вбивают не сваи будущего, а оцепляют место торговой казни.

Погодите освобождать других, начните с самих себя, попарьтесь хорошенько в бане, смените пару-другую веников: на вас слишком много петровщины и аракеевщины.

И вот отчего мы с внутренней болью читаем в иностранных журналах о каком-то *великом и сбыточном* плане образовать, под опекой России, дунайское союзническое государство, которое примыкало бы к вольному городу Константинополю.

Мы об этой федерации сами мечтали перед Крымской войной, проповедовали об ней, несмотря на смех с обеих сторон *, и теперь верим в нее, но это не дело рук, домучивающих лежачего врага, отнимающих у побежденного и слезы, и слова, и одежду сетования...

Что, в самом деле, указывать на правительство, когда общество, когда *гласные* общественного мнения доносят на то, что поляки говорят по-польски и не смотрят влюбленными глазами на русских чиновников?

Вот где тормоз, останавливающий Россию, мешающий ей ринуться в великое будущее, которое ей навязывается, мешающий ей великими делами искупить старые грехи и заслонить свежие преступления... Нет, не вам водружать хоругвь освобождения: вапа любовь полна ненависти!

ПРОРОК-ИЗДАТЕЛЬ

«Меркнет заря на Западе, брезжит заря на Востоке. Гаснут последние лучи древней славы и могущества Рима, и выступает из долгой ночи *древняя слава и значение Царьграда*». Так в день богоявления господня провозвещал Иезекииль-Аксаков, пророк-издатель и редактор «Москвы» в Москве *.

Хороша будущность мира, нечего сказать... из кровавого Рима пасть в подлую Византию, из инквизиции — в холопство, из общества холостых попов — в общество неженатых евнухов...

В чем *древняя слава Царьграда*? в чем его *значение*, не турецкое, а византийское? Мы не знаем. Впрочем, не следует забывать, что пророки, по общественному званию своему, яснее видят будущее, чем прошедшее. К тому же они во все времена любили страшать и юродствовать. Мессию ли возвещает пророк или Атиллу, искушение или наводнение, он равно напугает современников... и любитесь, что женщины бьют себя в грудь, мужчины посыпают голову пеплом, а камни лежат около да плачут.

Неужели так на роду написано, что всякое великое начинание является в сопровождении великого бреда?

Пророк — редактор «Москвы» знает наше мнение о Западе и о папе, он тоже знает нашу веру в *будущую славу и значение России* *, но зачем же он ее свежий, молодой полет уснащает гробом повапленным, в котором дотлевают заживо сгнившая Византия?.. Ведь и в антиминс * для новой церкви (беру нарочно сравнение, дорогое благочестивому сердцу издателя-пророка) вшивают частицы мощей какого-нибудь святого, а не грешного всеми грехами, как Византия.

Великое счастье, что Россия избегнула римского крещения и отравленных даров католической церкви: мы это не сегодня стали говорить *. Великий позор ждет Европу, если она, вместо греков, вступится за турков. Великое дело сделает Россия, если протянет им руку — но... но оставьте в покое Византию *: из нечистых могил идут только миазмы. Мы русские, а не греки du Bas Empire, и горе нам, если попадем прямо из французской болезни в византийскую *. По счастью, оно и невозможно: все это «украшение в стиле», как говаривал один русский генерал в 1848 году *.

Вообще надобно оставить мертвых, если не занимаешься анатомией, а то тотчас дойдешь до беды и даже косвенно похвалишь императора Николая и Паскевича, «исполнявшего по *крайнему разумению*» его волю... как это сказано в 2 № «Москвы» *.

Даниил, если не был редактор, то был тоже пророк, а как себя держал относительно тогдашних Николаев!*

〈ОБЩЕСТВО ПОДЖИГАТЕЛЕЙ〉

В 46 № «Голоса» перепечатана статья из «Варшавского дневника» о существовании за границей общества зажигателей и поддельвателей русских кредитных билетов. Там, между прочим, сказано: «Существование общества поджигателей, к которому принадлежат Герцен и Бакунин с шайкой, — неопровержимый факт, а потому и было занесено в всеподданнейший отчет генерал-полицмейстера» *...

Что сказать о правительстве, прибегающем к таким средствам, о негодяе генерал-полицмейстере, надувшем государя (Трепов, что ли, это?..), и о негодяе Краевском, перепечатавшем эту нелепую клевету?

Порядочные люди не поверят — до других нам дела нет. Мы уже отвечали Каткову на подобную клевету и звали его на суд — он отлынял *. Отлыняют и эти мерзавцы. Мы полагаемся на здравый смысл и на общественное мнение и с глубоким презрением смотрим на то, что печатают фельдмаршал Берг, генералы-полицмейстеры и литературный присталодержатель Краевский.

Флоренция, 8 марта 1867.

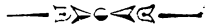
〈КОНЧИНА М. В. ПЕТРАШЕВСКОГО〉

Михаил Вас. Буташевич-Петрашевский скоропостижно скончался 6 декабря 1866 года в селе Бельском, Енисейского округа, 45-ти лет¹.

Да сохранит потомство память человека, погибшего, ради русской свободы, жертвой правительственных гонений.

Мы просим о доставлении нам его биографии.

¹ По официальным известиям — 60 лет, но это неправда.

НА ПЛОЩАДИ СВ. МАРКА

Мы выходили, несколько человек, из дома, где останавливался Гарибальди в Венеции*. Один итальянец, приятель времен Римской республики 1848 года, отойдя со мной под арку, как-то таинственно сказал мне:

— У меня на душе вопрос, сильно занимающий меня.

— Что такое?

— Скажите мне, скажите откровенно, я вас прошу об этом, потому что сам нахожусь в тревожном сомнении, что вы — со стороны греков и славян?

— Да как же иначе... вы меня знаете не со вчерашнего дня?..

— Оно так... но... ведь как там хотите, вы все же будете на одной дороге, встретитесь с русским правительством...

— Вы ошибаетесь, не мы встретимся с русским правительством, а русское правительство с нами... да и не с одними нами, а и с Гарибальди — вы слышали?

— О да... да...

Пожалуй, найдутся и русские, которые спросят, что «Колокол» — с турецкой или с греческой стороны? Мы ни разу не говорили ни о критском восстании, ни о славянском движении, но теперь пора и нам сказать, за кого мы. Мы вполне, безусловно за греков, желающих слиться с греками; за славян, стремящихся освободиться от чужого ярма. Мы так же горячо и искренно желаем им успеха, как желали для католической, нерусской Польши отделения ее от России.

Двух мер¹ у нас нет, наши убеждения не зависят ни от географической долготы и ширины, ни от патриотической алчности и скопидомства, а потому-то мы так же братски приветствуем греков на Крите, как приветствовали в 1863 году поляков на Висле.

¹ В русских газетах повторена новость из Патраса о том, что «кандиотские инсургенты, попавшиеся в плен к туркам, освобождены оттоманским правительством»*. Мы не сочувствуем турецким расправам, нам противно анахронистическое существование в Европе этого народа, с его религиозным и всяким застоєм, с его узкой, закабаленной совестью, с его безнадёжностью выйти из своего «домостроя», но тем не меньше нельзя не улыбнуться при мысли, как неловко было читать эту новость обществу, бражничавшему в честь Муравьева (доказавшего впоследствии, что он был только тупой изверг, без всяких способностей), и его журнальным лейб-трубачам вроде Каткова. Неправославный обладатель правоверных понимает, что инсургентов, взятых в плен, с оружием в руках, нельзя ни судить плац-майорами и всякой гарнизою, ни вешать, ни расстреливать, ни посылать на каторгу... а благовоспитанный, благогерманизированный, благоверный и благочестивый самодержец всея России не понимает этого. Только стирая мрачные следы недавних гонений и преследований, можем мы, честно и прямо глядя, явиться помощниками правому делу. Без раскаяния и отречения от муравьевского гноя мы представим на Востоке противное зрелище какого-то кровавого паяца, у которого одна ластовка шита из указов о ссылках за мысль, за любовь к своему краю, а другая — из благородных сочувствий к освобождающимся грекам и всем славянам — *неполякам*.

ДЕЛО КРЕСТЬЯНКИ ВОЛОХОВОЙ

Дело это читателям нашим известно*, несчастная женщина оправдана. Как должно быть странно для русского народа видеть в суде — *суд*, а не лобное место, не «болото», на котором истязают.

Отчет процесса оканчивается так:

...Г. защитник¹ закончил свою речь словами: «Я, гг. присяжные, не прошу у вас смягчающих обстоятельств для подсудимой; я убежден, что вы ее оправдаете».

Затем, после речи г. председателя, в которой он рассказывал обстоятельства дела, присяжные удалились в залу совещаний и, возвратившись через 10 минут, на вопрос суда: виновна ли подсудимая крестьянка Мавра Егорова в преднамеренном убийстве мужа своего Алексея Волохова, отвечали: *нет, не виновна*.

Зала потряслась от рукоплесканий; председатель, громко позвонив, остановил восторги публики. Когда председатель объявил подсудимую от суда свободною, она бросилась целовать руки у защитника и, поклонившись судьям и присяжным, проговорила со слезами: «Благодарствую, что вы меня, невинную, освободили от суда» *.

Мы не знаем, многие ли поймут, до какой глубокой степени потрясли нас эти строки. Мы их прочли десять раз с волнением в груди, со слезами на глазах. Ни даль, ни лета не могли ослабить ту связь родства, которая с детства связала нас с народом русским. Впрочем, может, найдутся еще люди, которые поймут это!..

¹ Защитник Волоховой, князь Урусов, с тех пор стал любимой знаменитостью русской адвокатуры*.

ЖАЛЬ

Да, ужасно жаль, что именно теперь, в ту минуту, когда перед Россией раскрывается с неожиданной быстротой великое историческое дело, правительство — не умеющее ни остынуть от польского восстания, ни прийти в себя от каракозовского выстрела¹ — тащится бессмысленной, тупой реакцией, топчет лучшие всходы, разделяет сегодня что само вчера сделало и, сея дома смерть и гонения, хочет вдали пожинать лавры освободителя.

Таким Гарриком, смеющимся одной половиной лица и плачущим другой, ему не удастся быть; по натуральному влечению оно с головой уйдет в тревожную и ненужную борьбу с русским развитием и с тем вместе исказит и загрязнит греко-славянское дело.

...Время наше, что ли, не пришло?

Но ведь историческую стрелку можно до известной степени подвигать. Наши опекуны это знают и именно теперь, когда надобно ринуться вперед, двигают ее назад. Видно, мы еще не довольно очистились от наших и чужих грехов... видно, их довольно на нашем неразумье и на нашей совести.

Такой совокупности, такого сцепления обстоятельств, событий, даже случайностей Россия не дождется веками... Ей стоит сбросить с себя напрокат взятый мундир, которым она пугала своих и чужих, выдавая себя за немецкого офицера; стоит поступиться дикими привычками самоуправства, впо-

¹ Вскоре будет построена часовня в память неудавшегося выстрела*, по настоящему желанию государя! Что же этот памятник увековечит — возможность выстрела или его неудачу?

ловину сбитыми силой обстоятельств; поступиться дикой алчностью на поземельные захваты, чтоб прямо и смело, без дипломатических прозрачных обманов, без уколов исподтишка, без ударов из-за спины, без пальто Меншикова и мороченья английского посла *, стать во главе *восточного движения*.

Ведь это дверь в новый том всемирной истории, и мы не взойдем в нее, не растворим ее *à deux battants*¹, потому что, погруженные в мелкие дразги дома, озабоченные добыванием Польши, искажением народного воспитания, унятием земских собраний*, свободной речи и неминуемого социального развития, мы не имеем возможности сосредоточиться на главном вопросе, — на вопросе, который увлек и поглотил бы все, обмыл бы все и который мы, пожалуй, сгубим, вместо помощи. Мы слишком полиция, слишком смиренный дом, чтоб быть историей и ареопагом народов. Мы боимся за изношенную до дыр голштинскую порфиру, перешитую из петровской, а ее-то и надобно бросить к черту для того, чтоб начать свою, русскую жизнь. В ее-то швах, в ее вытертом горностае сидят все эти Шуваловы, Валуевы, Толстые — сам водяной трихин Муравьев мог только воспитаться в ее гнилой мездре. Человек, носящий ее, поневоле вместо того, чтоб твердым шагом идти вперед, стоит на одном месте и чешется... А история идет не дожидаясь.

Мало скорбей в жизни, которые бы так сокрушали человека, так подавляли, как бесплодное пониманье, рядом с невозможностью убедить сбившихся с дороги, что они сбились с нее и ищут выхода там, где его нет.

Слабую надежду нашу, что наши слова у кого-нибудь да отзовутся в сердце, основываем мы на известной притче евангельского вертоградара, бранившегося, но шедшего на работу *.

Странна участь нашего дальнего звона. Теперь стараются не слышать его. Прежде слушали его, с тем удивлением, с которым все не привыкшие к языку свободного человека слушают в первый раз заявленный протест... потом нас стали ругать, что б мы ни говорили. Во все это время мы неуклонно шли

¹ пастежь (франц.).— *Ред.*

своей дорогой, нашу неизменность признали за нами злейшие враги, и часть того, что мы проповедовали непрерывно, так или иначе — осуществилось. Мы не хотим сказать, что это делалось вследствие наших слов, а заявляем как доказательство, что наш инстинкт был верен и мы чуяли, куда потянет ветер, прежде чем он поднимался, как, например, в Американском союзе *.

Вот почему мы не можем молчать при предстоящих событиях. Мы чуем поднимающуюся волну и боимся, что ею не воспользуются в хмелю реакции и безумия.

Восточный вопрос застигнул нас в минуту страшного нравственного запустения, в холодный, вялый, но принявший правильный вид период гонений всего живого, юного, свободного. Острая горячка цинического, комического, кровавого торжества раболепия и азиатских восторгов о спасении государя сменилась покойным, хроническим террором олигархической реакции, грозящей уничтожить и раздавить все сделанное со смерти Николая. Зимний дворец и его флигеля полны злодеями... И эти-то злодеи *дома* пойдут освобождать славяно-аллианский мир?

Конечно, история не останавливается за чистотой рук, она неразборчива и так привыкла к обществу всяких разбойников и искателей приключений, что и ими достигает своих целей, но дурные начала кладут ядовитый фермент страшных болезней и надолго искажают характер событий.

Россия не может переработать зверскую сторону петровского переворота.

Франция не может обсохнуть от крови, пролитой во время террора.

Венеция страстно рвалась к Италии — откуда же фальшивая нота, печальный звук в ее радости, откуда смущенье на лице итальянца?..

Оскорбление истины и разума, ложь, двойственность имеют свою границу, за которую ходить не поведет к добру...

Нельзя искоренять язык, брать штрафы с детей, ломать католические кресты, выбрасывать богородиц из нишей, срывать траур с женщин, переводить насильственно вывески *... нельзя купаться в этом мелочном, гадком, грязном, бездушном

преследовании и плакаться о православных церквах, о замене русской азбуки латинской. Нельзя морить на каторге Михайловых, Мартяновых, держать в оковах Чернышевских и посылать публично набранные складчины грекам и позволять всяким братьям «птицеловам» произносить возмутительные тосты. Нельзя не краснея посылать фрегаты для спасения чужих эмигрантов * — *направо* и целые партии сосланных за политическое разномыслие — *налево*.

Ведь Россия не лист «Московских ведомостей», который одним столбцом душит побежденного поляка, а на другом печатает революционные воззвания к грекам и галичанам *.

ПИСЬМО К И. С. АКСАКОВУ

Флоренция, 10 марта 1867.

Милостивый государь Иван Сергеевич,
мы с вами совершеннейшие противники, нас связывает, правда, одна общая любовь, но мы так розно ее понимаем, что на этом-то общем чувстве всего яснее видна непреходимая рознь, нас разделяющая.

Но вы честный человек и любите правду. Вы меня считаете преступником, злодеем — но мне сдается, что вы не считаете меня ни лгуном, ни безумным. Потому-то я и решаюсь обратиться к вам с просьбой поместить в «Москве» следующие строки, нисколько не выходящие из пределов вам предоставленной гласности.

«В 46 № „Голоса“ сказано: „Существование общества поджигателей, к которому принадлежат *Герцен и Бакунин*, сделалось *неопровержимым фактом* и потому было занесено в всепод. отчет генерал-полицмейстера“ — и пр.

Существовало или не существовало общество зажигателей, я не знаю, хотя сильно сомневаюсь, но я не только в нем никакого, ни прямого, ни косвенного, участия не брал, но вообще ни к какому обществу не принадлежал и не принадлежу: почему — могут догадаться те, кто читал хоть часть писанного мною с 1849 года.

Ложь эта (как и знаменитая Тульчинская агенция) является не в первый раз. Я звал на суд обвинителей, я требовал доказательств. На суд никто не явился, доказательств никто не представил *. *Не понимаю, зачем они щадят меня?*

Я сам сделал бы процесс им, хоть бы какому-нибудь Краев-

скому, например¹, но — но возможен ли у нас такой процесс?

Напечатанием этих строк в вашем журнале вы искренно обяжете меня, а обязывать своих противников не часто случается человеку.

А л е к с а н д р Г е р ц е н »

Р. S. Письмо это пролежало у меня пять дней, и я его отправил из Ниццы 15 марта.

Издатель «Москвы» оправдал мое доверие и напечатал мое письмо в 58 л. «Москвы». Он присовокупил к нему следующие строки, доказывающие, что И. С. Аксаков был бы плохой общественный обвинитель, что ему делает большую честь:

Мы не имеем причины отказать г. Герцену в помещении этого письма. Но напрасно думает он, что подобного рода голословными отрицаниями может он оправдаться вполне от взводимых на него наветов. Пусть он не участвовал в обществе поджигателей, мы охотно этому верим, но тем не менее его именем назвалась знаменитая Тульчинская агенция п., стало быть, имела к тому какой-нибудь повод. Что г. Герцен открывал в «Колоколе» подписку в пользу польского народного жонда, употребившего собранные им деньги, между прочим, на содержание жандармов-вешателей, отравителей и поджигателей; что г. Герцен был в единомыслии с Бакуниным, затеявшим знаменитую неудавшуюся экспедицию в помощь полякам, — это факты неопровержимые. От солидарности с поляками г. Герцен не отрекался. Следовательно, вопрос только в том, одним ли мечом или также и огнем производился тот ущерб России, в нанесении которого г. Герцен принимал если не непосредственное, то косвенное и нравственное участие.

Пусть в этом покается пред Россию г. Герцен. Не может же он не понимать, что для покаяния в его преступлениях пред Россией нет компромиссов.

И нам хотелось бы думать, что для него еще возможен нравственный возврат, потому что в искренность и чистосердечие его заблуждений мы не переставали верить.

Если б эти строки, состоящие сплошь из Ахилловых пяток, писал кто-нибудь, а не И. С. Аксаков, я жестко отвечал бы на них. Но у меня есть какая-то неискореняемая память сердца и

¹ Имя Краевского пропущено в «Москве»*. Да и сам Пилат «Голоса» уже омыл руки*.

в силу ее уважение к прошедшему, с которым связаны дорогие воспоминания, и к лицам, соприкасавшимся с ним.

И потому, не пользуясь выгодами, которые мне дает издатель «Москвы», я спокойно и просто буду ему отвечать в следующем «Колоколе». Теперь ограничусь моей искренней благодарностью за помещение моего письма.

Штута, 5 апреля 1867.

СОПЕРНИКИ БОЛЬШОГО КОЛОКОЛА И БОЛЬШОЙ ПУШКИ

Корреспондент «Норда», говоря о своем трехнедельном пребывании в Москве, указывает как на две редкости не на большой колокол, не на большую пушку, а на Филарета, 84-летнего первосвященника, и на Каткова *, более юного, но столь же великого первоиздателя. Перед падением одного из предшественников Каткова, императора Николая, какой-то американский шут заврался до того, что две свинцовые пули, которыми смотрел Николай, назвал *mild eyes*¹, к большому удовольствию «Пунша». То же испытывает теперь Катков. Корреспондент посетил его и — точно будто он лазил в клетку Салтычихи* — не удивится любезности и кротости ярого редактора-инквизитора *. Уж не клонится ли к концу великая карьера муравьевского Гомера? Он что-то бледнеет, выветривается, его начинают «муссировать» бельгийские корреспонденты и, что всего хуже, его ставят злые «Вести» не только соперником большого колокола, но и *малого*, именно нашего. Один доезжащий большой барской охоты начинает думать, что у «Московских ведомостей» и «Колокола» одна редакция (хорош комплимент нам!), и называет катковские статьи *колокольными* *. Уж не Катков ли не только выдумал, но и в самом деле завел Тульчинскую агенцию?

Видно, и Каткову страшна стала пропасть, в которую он пихал ежедневно Россию, и он наткнулся на предел, и нашлись люди больше Катковы, чем он сам.

А назад-то воротиться тоже нельзя, Серафим-Абадонна, придется ему «печальной мыслью бродить в минувшем»* — и, краснея за настоящее, получать от своих же однокорытников обиды и толчки.

Скверное ремесло быть *ренегатом*.

¹ нежными глазами (англ.).— *Ред.*

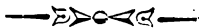

OMNE EXIT IN FUMO¹

Наш дорогой гость *И. С. Тургенев*, говорят «Моск. ведомости», будет читать в пользу галичан отрывок из своего «Дыма». Мы уверены, что *И. С. Тургенев* будет протестовать против титула «дорогого гостя» «Моск. ведомостей». Его благородная и энергическая оценка полицейской редакции этого органа служит нам залогом *.

Поздравляем нашего знаменитого «Охотника» с началом политической деятельности; агитация в пользу галицкого восстания, мы надеемся, будет успешнее болгарской, и от души желаем, чтоб, несмотря на отрывки «Дыма», она не кончилась, как болгар и Травиата, кашлем *, а здоровой грудью пошла бы вперед.

¹ Все пошло дымом (лат.). — *Ред.*

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

М. П. Погодин издает с 13 марта новый журнал под заглавием «Русский»*. Если он желает старого приятеля своего *Вёдрина* сотрудником, он очень рад будет посылать ему плоды своих заморских чувствований и отрывки своих дневников*.

Интересно, какое место займет *Русский* старик между *Харибдой Аксакова* и *Сциллой Каткова*?*

ОТВЕТ И. С. АКСАКОВУ

Почтеннейший Иван Сергеевич,

начну с того, что еще раз поблагодарю вас за помещение моего письма из Флоренции в «Москве»*. Мое доверие к вам было основательно. Не разделяя большей части ваших мнений, я всегда уважал вас. Уважением между противниками рознь, их делящая, естественно подымается в ту сферу, в которой можно высказываться без личностей и желчи, с грустью и сожалением в невозможности убедить — но без колкого, злого слова, укрепляющего еще сильнее спор. Я вам благодарен и за другое — вы вашими примечаниями дали мне снова случай объяснить *наше* положение (наше, т. е. издателей «Колокола»), отвести не только «наветы» и клеветы, но поправить совершенно ложное понимание всей нашей деятельности.

Случайно 58 лист «Москвы» пришел ко мне из Женевы 5 апреля, и я принялся за ответ вам на другой день, т. е. по старому календарю 25 марта. В этот день мне стукнуло *пятьдесят пять лет*. Каждый останавливается на этих порогах и гранях и оглядывается. Остановился и я, ваша отметка натолкнула еще больше на разбор. Вызвал я и прежние родные тени сороковых годов и едва отступившие в былое очерки начала шестидесятых; перебрал я светлое время пробуждавшейся России и полного успеха лондонской вольной печати и печальные годы побиения нас камнями, на которых часто оставались следы пальцев, очень недавно жавших с дружбой и сочувствием наши руки... и скажу вам с глубокой искренностью, обдуманно, спокойно и честно, без малейшей примеси самолюбия, без малейшего желания самооправдания: в моем прошедшем много ошибок, много слабостей, много увлечений, но совесть моя,

относительно России, чиста, я ни ей, ни основам всего нравственного быта нашего, всей нашей религии не изменил ни разу. С главного тракта, подорожная которому очищена до конца 1862 сочувствием всей России, мы никогда не сбивались. Мы остались те же; изменились не мы — вся атмосфера изменилась, все вы. Разве солдата, оставшегося при своем знамени, когда все другие перебежали, называют изменником?

Каяться мне не в чем, разве в ином неумеренном или жестком слове; совсем напротив, я *зову* к покаянью, я жду кающихся. Мы звоним к исповеди, к пробуждению совести. Словом примиренья и брани, слезами и оскорблением будим мы вас... и *volens-volens*, с нами или без нас, вы проснетесь.

Какой грех против России лежит на моей душе?

С отрочества я отдал ей мою жизнь, для нее работал как умел, всю молодость и двадцать лет на чужбине продолжал ту же работу. Я проповедовал Россию на Западе, тогда когда о России, благодаря николаевской *форме*, никто не смел заикаться без брани. Скорбя об вашей общей апатии и беспомощности, я поставил первый русский бесценсурный станок в Лондоне и печатал безуданно, когда все боялись читать; оттого-то, когда пришла бодрость, вы нашли готовый орган. Печатал я под ваши рукоплесканья и печатал осыпaeмый бранью потом. Остановиться я не мог и не хотел, так как не мог ни устать, ни перестать любить и понимать. Остановиться значило умереть, значило второй раз оставить отечество и уж без той *земли*, которую я, вопреки Дантону, унес на своих подошвах*, по выражению одного из умнейших противников наших.

Из-за черных грязей, в которые вы попали*, я видел *будущий путь*. Разум был покоен, страдало сердце, страдало, если хотите, нетерпение и оскорбленное эстетическое чувство истории.

Каждое соприкосновение с Западом, каждый ряд событий в Европе столько же оправдывали и укрепляли меня, как зарницы, реявшие в новой тьме вашей, и тот же внутренний голос шептал мне на ухо: «Будущее не здесь, не ты ли сам проповедовал это?»

В чем же мне каяться?

Разве язык наш изменился, разве мы не то же проповедуем

теперь, что проповедовали в первых книжках «Полярной звезды» и в первых листах «Колокола»? Зачем вы нашим протестом против азиатского, ветхозаветного уничтожения Польши, против диких мер, предаваемых вами справедливому позору в Кандии и Галиции, задвинули положительную, созидающую сторону нашей пропаганды? Зачем в вашем бесчеловечном патриотизме вы забыли наше участие в великом деле освобождения крестьян с землею, в борьбе за свободу слова, за гласный суд, за терпимость раскола? Зачем вы, из-за наших слов оскорбленной любви и стыда, забыли нашу речь о России в Европе и то, что мы первые указали на союз России с Америкой? *

По привычке прежних помещиков вы стерли все прошедшее за резкий упрек, за независимое слово, в котором звучало негодование свободного человека, — *вам каются!*

На каком основании вы — речь тут, само собою, не исключительно об вас, а о большинстве людей, разделяющих ваши мнения, — с тою же несчастной опрометчивостью, с которой пожертвовали нас, пожертвовали, по *голословным* полицейским наветам, всякой идеей независимости и свободы мнений до такой степени, что не нашли не только ни протеста, ни сочувствия, но даже *не нашли молчания*, когда ссылали на каторгу и вязали к позорному столбу Михайловых и Чернышевских? Теперь вы знаете, куда привел крестовый поход против материализма, нигилизма и социализма.

Вы не догадывались, кому вы работали в руки... Посмотрите, Катков начинает пугаться, так, как прежде его испугался Чичерин и др.*. Катков обойден, и из-за виселиц Муравьева, обернутых «Московскими ведомостями», выглядывает во всем безобразии дворовая «Весть».

Кому же каются?

Кому просить об отпущении грехов?

Польский вопрос чуть ли не хуже. Давно ли вы все стали так храбро за право сильного? Или с какого числа и месяца вы догадались, что Польша — Россия? Неужели мне вам напоминать, что в 1862 году орган, близкий «Москве», принимал польскую национальность за живую и правомерную?* Что один из свирепейших врагов Польши с 1862, перед своим обраще-

нием, пил в Праге тост за восстановление Польши?* Что два петербургские журнала... да что приводить частные примеры — неужели вы не знали, что проект об отделении конгрессовой Польши был на столе у государя, что шла речь о восстановлении конституционного королевства и о назначении одного из великих князей — королем?*

Правительство было увлечено в другие пути взрывом обиженного чувства народности вследствие западных «голословных» нот, но как же Польша-то утратила свои права от родомонтад дипломатии * и раздражительности нашего патриотизма? Разве она перестала быть католической, европейской, совершенно западной, насильственно четвертованной между ненавистной ей Россией, всепожиряющей Пруссией и всеудушающей Австрией? Уж польскую-то национальность никак нельзя назвать стертой, она жива во всем: в чертах лица, в чертах мысли, в страсти сердца, в характере, в религии, в ручьях крови, не имеющих никогда времени просохнуть.

— «Но сила оружия!» — Stop — этого я не допущу, мы слишком с вами стоим за греков и славян, чтоб именно теперь, накануне их восстания, опираться на свирепое право меча.

— «Да, видите, их притязания, границы»... Если б вина была со стороны Польши, вам-то что же было предупреждать их ошибки и, боясь, что они потребуют многого, отнимать у них все?

Восстановить Польшу надобно было, чтоб развязать себе, наконец, руки. Приданое ей дать надобно было, лишь бы сделать из нее отрезанный ломоть. Проводить ее с хлебом и солью — лишь бы освободиться от нее, а не держать ее против воли и мять ее раненое тело зубами вцепившегося бульдога... До этого пониманья не только не доросла наша дипломатия, но ни даже вы, передовые люди.

Поляков, которые хотели бы остаться под державой России, я не видал, а видел я поляков довольно на моем веку... Что же, кроме вечной бойни, сделаете вы этим насильственным усвоением? Посмотрите на народы, которые хотят быть побеждены, — они после первой борьбы, как женщины, жаждущие насилия, бросаются на юнкерскую койку берлинского Дон Жуана Бисмарка *.

Мы говорили откровенно наше мнение полякам, что, отделяясь от России, они отделяются от *новой жизни*, в которую непременно Россия увлечет славянский мир, и будут поневоле делить судьбу мира латинского¹. Но этого они и хотят. Время насильственных крещений à la Charlemagne * прошло.

Мы не верим, чтоб можно было приколачивать гвоздями, оружием захваченные куски земель и делать из них *живые* части организма. Вы думаете иначе — будемте спорить, но отбросьте употребление уголовного суда и церковных анафем как доказательства. Прудон проповедовал федерализм как единственную, * свободную и разумную государственную форму. Его всячески бранили, но не называли изменником. Брайт недавно сказал: «Да отдайте вы эту Ирландию Америке или оставьте ее независимой!» — и никто не считает Брайта дурным англичанином.

Мы говорили то же во время восстания, что говорили прежде, отчего же прежде на нас не накладывали покаяния? Язык наш стал жестче, это правда, но вспомните теперь, что было в России очень недавно, — сгоряча вы не давали себе отчета и едва заметили, что вы все запачкались польской кровью. Пора же протрезвиться и понять, что овации в стихах и прозе, в кулебяках и тостах герою застенков и пыток были отвратительны, что метода добыванья побежденных, ссылка на каторжную работу людей, взятых с оружием в руках, казни пленных и раненых, казни после усмирения — чудовищны. При всем нашем чиновничестве мы никак не можем понять, отчего жандармы-вешатели вам так гнусны, а вешатели-генералы так любимы?

И, как всегда бывает, наказаны были вы, — палка другим концом ударила по России.

Не трудно было догадаться, что правительство, казням которого в Польше рукоплескало общество и журналистика, с божией споспешествующей милостью перенесет их в Россию. Смертная казнь сделалась у нас одной из привилегий всех генерал-губернаторов и военных начальников, их главным рассеянием. Кровь потекла во всех провинциях, везде учреди-

¹ IV письма о Польше в «Колоколе» за 1859 год*.

лись военно-судные боины — середь мира и тишины, в стране, не знавшей смертной казни, кроме тех редких случаев, когда цари-вешатели мстили, как их подражатели польские жандармы. Вы одни — и да не забудет этого вам народ русский во веки веков — не только ужаснулись этим казням, но имели мужество сказать это *. Поздно. Кровь понравилась.

Это не всё — неужели вы думаете, что если б общественное мнение от Самары до Москвы не втеснило правительству чудовище, ненавидимое прежде всей Россией, для усмирения Литвы *, если б разгульная наша журналистика не связалась с полицией, чтоб проповедовать гнуснейшее французское изобретение *de la complicité morale* *, если б она не доносила, какие юбки носят польские женщины и как польские дети говорят с родителями по-польски *, правительство осмелилось бы Муравьева посадить презусом в каракозовском процессе и останавливать на улице русских честных женщин и девиц за то, что у них нет кринолин и есть синие очки? *

Хорошо, что Муравьев оказался не только бездушным злодеем, но безмозглым хвастуном, грубым и неловким сыщиком, а то можете ли вы назначить предел *умиротворения* русской мысли?

Подтолкнув правительство, та же литературная демагогия попыталась совратить простой смысл русского народа двухлетним натравливанием его на поляков.

Это великий грех, и он действительно требует великого и громкого покаянья.

Я иногда с удивлением думаю, как мы глубоко пали в языке, в манерах, как огрубели наши чувства. Для меня остается тяжелой, патологической задачей, каким образом *до сих пор* почти ни один журнал не может сказать слова о польском деле не ругаясь? Это мания, болезнь, проказа. Неужели это приведет к какому-нибудь пониманию исторического события или к облегчению натянутого положения? Кроме *панского* ряда в «Вести», я знаю одно исключение, именно статьи относительно поляков, очень строгие, но полные человеческого пониманья, И. Желудкова *. В его глазах поляк *не только* враг России, но человек, имеющий свою поэзию, всегда готовый пострадать, не на словах, а на деле, за свой идеал, отважный и гордый.

бросающий с детской беспечностью свое достоинство, словом, существо, совершенно не похожее на тех иконописных каннибалов, которых нам малюют наши суздальские и киево-печерские литературные богомазы.

Затем я оставляю общую часть и перехожу прямо к вашим замечаниям.

Сначала повторю весь текст ваших замечаний *:

Мы не имеем причины отказать г. Герцену в помещении этого письма. Но напрасно думает он, что подобного рода голословными отрицаниями может он оправдаться вполне от взводимых на него наветов. Пусть он не участвовал в обществе поджигателей, мы охотно этому верим, но тем не менее его именем назвалась знаменитая Тульчинская агенция и, стало быть, имела к тому какой-нибудь повод. Что г. Герцен открывал в «Колоколе» подписку в пользу польского народного жонда, употреблявшего собранные им деньги, между прочим, на содержание жандармов-вешателей, отравителей и поджигателей; что г. Герцен был в единомыслии с Бакуниным, затеявшим знаменитую неудавшуюся экспедицию в помощь полякам, — это факты неопровержимые. От солидарности с поляками г. Герцен не отрекался. Следовательно, вопрос только в том, одним ли мечом или также и огнем производился тот ущерб России, в нанесении которого г. Герцен принимал если не непосредственное, то косвенное и нравственное участие.

Пусть в этом покается пред Россию г. Герцен. Не может же он не понимать, что для покаяния в его прегрешениях пред Россией нет компромиссов.

И нам хотелось бы думать, что для него еще возможен нравственный возврат, потому что в искренность и чистосердечие его заблуждений мы не переставали верить. — *Ред.*

Простите меня, но я еще раз скажу, что вы решительно не годитесь в Фукье-Тенвили православия и народности*, и я этому от души рад. Нет ни одного положения, ни одного предположения, нет ни одного факта, который бы мог выдержать какую-нибудь критику.

Меня обвиняют; я требую доказательств в обвинении, *вне-сенном* как «неопровержимый факт» в доклад; я говорю: «Не щадите меня, а скажите просто, на чем основана неопровержимость треповского факта». Что же естественнее этого? А вы возражаете, что я *голословно* оправдываюсь. Что такое *голословно*? Обвиняемый говорит, конечно, словами, что это неправда;

дело обвинителя доказать противное. Чего же вы требуете от меня? У меня нет другого средства оправдываться, как голое слово честного человека, не замеченного во лжи, и нет другой силы, как *доверие* к моему *голому* слову общественного мнения. Дело, с моей стороны, было бы явиться в Россию и требовать суда; я год тому назад писал, что поехал бы, если б верил, что в случае оправдания меня отпустят с миром*, — на этот вызов ответа не было. А не было потому, что это вовсе не согласо с нашими понятиями о суде и правде, потому, что не П. П. Гагарин, не жандармский Шувалов, а вы говорите: «*Пусть он не участвовал в обществе зажигателей, тем не менее его именем называлось знаменитое Тульчинское агентство*» и пр. На этом юридическом понятии и подавно правительство скажет: «*Пусть он и оправдан в зажигательстве, да все же он ест скромное по середам и пятницам, а потому и заточить его в Соловецкий монастырь*».

Помилуйте, что за *пусть*, если я не жег городов и деревень, так не называйте меня зажигателем, и если я участвовал не в зажигательстве, а в Тульчинской агенции, так и говорите...

Но благо вы назвали *знаменитую* Тульчинскую агенцию, я и эту игрушку испорчу вам... довольно ею поиграли «Моск. ведомости»*.

В Тульче некогда жили братья Кельсиевы, оба были эмигранты и никогда ничего не жгли, кроме папиросов; один из них ушел в Турцию от гонений по студентскому делу, за которое уже был сослан в Пермь. Другой изучал раскол и некрасовцев, и оба учили русской грамоте бедных казачьих детей. К ним присоединились двое других русских эмигрантов... * Страшные несчастья поразили, почти уничтожили семью Кельсиевых... маленькая община распалась и уничтожилась. Корреспонденция одного парижского журнала, делая выписку из донесения какого-то французского консула, с жаргоном, естественным французам, говорила об Agence de m. Herzen à Toultscha. Мы посмеялись и шутя говорили об «агенции» до тех пор, пока увидели в «Моск. ведомостях», что нас обвиняют в каких-то кознях через *Тульчинскую* агенцию, а Тульчинскую агенцию в связях с зажигателями в одну сторону и с Маццини и пр. в другую. Что В. Кельсиев, доказавший свое мужество и энергию

поездкой в Москву, человек эксцентрический и очень талантливый, мечтал о пропаганде социальных начал между раскольниками и не унывая бился с нуждой — это все так. Но чтоб когда-нибудь ему мысль зажигательства приходила в голову — этому я никогда не поверю, так, как не поверю участию Бакунина в «обществе зажигателей»¹. Да ведь и вы не верите этому? И правительство не верит, а Катков не только не верит, но по обширным ученым связям своим *знает*, что это все вздор. Зачем же эти шалости?

Идемте далее. Вы говорите, что я открывал подписку в «Колоколе» в пользу польского народного жонда. Вы не любите «голословных» показаний, а потому не можете ли вы указать *лист* «Колокола» или чего-нибудь другого, где бы *мы* открывали какую-нибудь подписку, кроме для «общего фонда» и для общества «Земля и Воля», по просьбе его комитета*. Досадно, что нет возможности вам послать полного собрания «Колокола» с 1863 года. Такая посылка была бы для нас по многому очень важна. Вы одолжили бы нас, если б, хоть для нашего уличения, испросили бы дозволение на получение его.

Вот что еще было. Раз я получил от известного флорентинца Дольфи вексель в 7000 фр. от тосканского общества вспомоществования полякам*. Вексель этот, не зная кому передать, я отослал назад. Другой раз я получил через графа Риччиарди от его знакомых из Неаполя, помнится, 2000 фр. для польских эмигрантов и деньги эти вручил польскому комитету в Лондоне — так, как Филарет митрополит, Блудова Антонина, вы сами и многие другие доставляли (и прекрасно делали) деньги, собранные в России *, афинскому комитету и галицким попам². Затем я должен сказать краснея, что если мне случалось грошовыми деньгами помогать польским братьям по эмиграции, то я гораздо больше получил денег *от поляков для русских выходцев*. Я мог бы назвать вам имена, если б не боялся оскорбить тех, которые давали.

¹ Я на днях получил от Бакунина письмо, самым положительным образом отвергающее нелепую клевету*.

² Были еще небольшие суммы в 20—40 фр., присланные исключительно для польских раненых и эмигрантов.

Я вообще не люблю говорить о фонде для русских, мне становится стыдно и грустно, — так туго развязывается наш торопатый кошелек для помощи своим на чужбине. Конечно, на деньги, собранные нами в продолжение *пяти лет* (около трех тысяч рублей), трудно было поднять Россию и поддержать Польшу, разве, в самом деле, их хватило бы только на то, чтоб поджечь какой-нибудь амбар или овин.

О зажигательстве, впрочем, мы тоже имеем с вами не совсем одинакое понятие. Вы говорите: «Вопрос только в том, одним ли *мечом или также и огнем* производился ущерб России», в котором я принимал участие. Не говоря о том, что я не могу не улыбнуться от воинственного вида, который мне придают эти слова, но я нахожу, что ваше «только» еще несчастнее вашего «пусть». Мечом сражались часто люди *против войска своего правительства*, оставаясь друзьями своего народа; польская война, собственно, была междоусобием — особенно с вашей точки зрения — но деревни и города жгут одни враги его или сумасшедшие фанатики. Лавирона, павшего в Риме, борясь со стороны Италии, никто не называет врагом Франции; ну, а если б он в Оверни или в Бретани, в отместку за неудачу революции или для возбуждения умов, жег деревни, вся Франция отступилась бы от него.

Перейдем теперь к дамаскинскому мечу при бедре моем — его закал не лучше Тульчинской агенции.

Если б вы брали ваши сведения о нас в «Колоколе» и в других изданиях наших, а не в кучах сора (без брильянтов) какого-нибудь артиллерийского генерал-литератора и не в помойной яме «Варшавского дневника»*, вы знали бы, как мы отпосились к поднятию оружия в Польше.

Мы были с самого начала *против восстания*, и не только в статьях, но во всех разговорах *. Свидетелей после *отеческого умиротворения* трудно вызвать, — лучшие из них, как Сераковский, Падлевский, вы знаете где... однако есть и живые, на которых мы смело можем сослаться. Мы умоляли поляков всех партий, всех оттенков не возмущать дела русского развития и идти к свободе и независимости иным путем, идти вместе с нами. Но отворотить восстания мы не могли, да и вряд ли мог кто-нибудь. Время было до того полно грозы, до того душно

и натянуто в Варшаве, что Лидерс и его штаб столько же хотели открытого восстания, как Центральный комитет и его штаб.

Знаете ли вы, что значит стоять между двумя противниками, *которых вы любите* и которые идут на смертный бой? Вы их убеждаете, вы их просите, вы бранитесь и делаете уступки, вы плачете, вы грозите, вы выбиваетесь из сил и с каким-то отчаянием убеждаетесь, что тут предел действий одного человека на другого... дуэль неминуема.

Что же, по-вашему, так и бросить их на произвол собственному безумию и чужой клевете? Или еще лучше бросить *одного побитого*, даже опрокинуться на него, забыть все хрощее, что вы в нем любили, забыть, что он был оскорблен, прав, и приговаривать: «по делам ему, ништо ему... не суйся».

Нет, этого вы не посоветуете...

С мучительной болью и с тяжелым сознанием своего бессилия смотрели мы на приближающийся взрыв — *ни с той, ни с другой* стороны ничего не было сделано, чтоб предупредить его; мы видели, как увлеченные, фанатизированные люди неслись на верную гибель, гибли, другие шли на их место... и иногда, усталые, обессиленные, готовы были рыдать.

За это бросали в нас грязью.

Каждая казнь после победы заставляла нас содрогаться, и каждая сопровождалась рукоплесканиями какого-то неистового хора пирующих каннибалов в Москве и Петербурге и циническим подстрекательством «Московских ведомостей»...

И нам за то, что мы одни стали на месте народной совести, каяться! Что вы это?

Не за горами тот час, в который поймут и оценят наш разрыв с общественным мнением того печального времени, когда в угаре и опьянении вы не умели различить Пожарского от Муравьева и к прозаическим доносам «Московск. ведом.» прибавляли стихотворную брань Суворову за то, что виленский изверг ему был гадок *.

Нет, Иван Сергеевич, не блудными детьми России, не поседевшими Магдалинами с понурой головой * воротимся мы, если воротимся, а свободными людьми, требующими не оправданья, не прощенья, а признанья дела всей их жизни.

Для нас нет задних дверей, в которые стучатся утомившиеся грешники, пусть ими проползают с своим покаянием двойные ренегаты и изменники, как этот ничтожный, дрянной *Джунковский*, которого чудотворное обращение в православие из папских агентов *du bas étage* наполняет благоуханием крина сельного благочестивые души в Москве и Петербурге*.

Не при жизни, так на нашей могиле настанет день не нашего раскаянья, а раскаянья перед нашими тенями за оскорбленную в нас любовь к России!

Я останавливаюсь... Простите, если письмо мое длинно; простите, если я вас оскорбил каким-нибудь словом — такого намерения у меня не было. Совершенно холодно я не могу говорить об этом предмете, он слишком наболел, слишком вошел в плоть и кровь.

Если б вы *могли* мне отвечать, я был бы счастлив, я увидел бы в этом доказательство, что предварительная цензура у нас уничтожена* в самом деле ввиду освобождения мысли и слова¹.

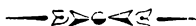
С своей стороны я готов объяснить каждую строку, каждое выражение...

В прошлом письме я сказал вам, что одолжать противников случается не часто, но не часто случается нам уважать их так искренно, как я уважаю вас.

Ницца, 6 апреля 1867.

Искандер

¹ Валуев поторопился рассеять наши сомнения — «Москва» остановлена на три месяца*.

CRÉDIT ET DÉBIT

Débit. — Противуположный нам по направлению, но честнейший и чистейший орган русской печати «Москва» получил *третье* предостережение и приостановлен на три месяца*. Опасно путаться в закулисные дела там, где роль *impresario* играет дряхлый селадон Адлерберг¹*... Остановка «Москвы» накануне приезда славянских гостей на этнографическую выставку в Москве * полна значения, пусть они знают, что значит русская свобода слова.

Crédit. — Владимирский окружный суд:

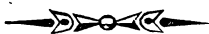
16-го марта в гражданском отделении владимирского окружного суда рассматривался важный процесс, в котором истцами являются общества ямщиков Московской переяславской слободы и бывшей Владимирской ямской слободы, ныне государственных крестьян Слободской волости. Дело шло о лесной даче, известной под названием «Прокудино-Алексинский бор» в 9000 дес., которая пожалована была царем Михаилом Федоровичем упомянутым ямщикам и решением покровского уездного суда, состоявшимся в 1813 г., признана их собственностию, но в начале двадцатых годов, по распоряжению тогдашнего министра финансов графа Гурьева, отобрана в казенное управление и с тех пор состояла в исключительном владении ведомства государственных имуществ.

Владимирское общество было чрезвычайно заинтересовано этим важным и замечательным процессом, и стечение публики в зале суда, как нам сообщают, было громадное. Доклад дела начался в 12 ч. и продолжался с небольшим два часа; судебные прения продолжались столько же; поверенными со стороны истцов были два известные московские адвокаты — присяжные поверенные А. П. Петров и К. А. Рихтер; интересы казны защищал юрисконсульт при министерстве государственных имуществ г. Корнилович. В четыре часа суд удалился для совещаний, которые

¹ Причина Валуевым дана не та, а статья о пробсте Дейбнер*, по нам сдается, что раздражение идет не от такого духовного предмета.

продолжались около трех часов. В семь час. вечера, при столь же многочисленном стечении публики, заседавший в отделении суда товарищ председателя Д. Р. Готман провозгласил следующую резолюцию суда: «Признать решение покровского суда вошедшим в окончательную законную силу, лесную же дачу „Прокудино-Алексинский бор“ — собственностью ямщиков Московской ямской переяславской слободы и государственных крестьян Слободской волости, а посему подлежащую изъятию из ведомства казенного лесного управления; ценою настоящего иска, из цен, показанных тяжущимися, признать высшую 788 377 руб., а судебные издержки возложить на управление государственных имуществ» *.

Крестьяне были так удивлены справедливостью решения, что отслужили молебен.

ПЕРВЫЙ ЧТО?

В русской журналистике поднят очень интересный вопрос: что государь — первый ли дворянин или первый всего народа? Сам государь, помнится, называл себя первым дворянином, но по английским законам собственное показание ничего не значит. Увидим, чем кончится прение, удержится ли он в дворянстве или перейдет в народ. Затем все еще останутся вопросы: что государь — первый ли обер-офицер или первый солдат, первый ли немец из русских или первый русский из немцев?

〈НОВЫЙ РОМАН ТУРГЕНЕВА «ДЫМ»〉

Новый роман Тургенева «Дым» приобретен, говорит «Весть», «Русским вестником» за «пять тысяч» руб.* Вот и награда Тургеневу за Дым, а Каткову за то, что его чад террора и доносительства проходит и он исподволь начинает признаваться («Моск. вед.», № 63), что:

Не только наши бедные мнения, но и самые возвышенные предметы могут подвергаться злоупотреблениям. Разве те лжеучения, которые губили нашу молодежь, не были злоупотреблением самых великодушных чувствований, и не во имя ли любви к ближнему и сострадания к немущим прокладывал нигилизм доступ себе к молодым и незрелым умам? Самые дикие учения коммунизма не суть ли в основе своей извращенные инстинкты религиозного свойства? Начало собственности есть великое начало; без него не может стоять гражданское общество, без него невозможна цивилизация; но из этого отнюдь не следует, чтоб оно не могло быть предметом злоупотребления и орудием обмана*.

〈СЛАВЯНСКАЯ АГИТАЦИЯ〉

Славянская агитация сильно продолжается в России, представители всех славянств едут из Австрии в Москву поговорить об этнографии и, вероятно, о географии, и не только математической, но и политической,—едут посмотреть на выставку*, на которой «Москва» и И. С. Аксаков будут представлять Фенеллу и молчать в Кремле, так, как та молчала в Португи *. Все это очень хорошо, хотя обеды в 12 руб. сер. с человека неуместны и даже становятся *mauvais genre*. Пора нам, русским, заявлять свои сочувствия не только животом, но и другими частями тела. В желудке нашем никто не сомневался — ни злейшие враги России, ни ее друзья. В том, что, несмотря на несчастье освобождения, *у разоренных* все еще есть лишние деньги, и это всем известно, а потому неприлично исключать небогатых людей из празднества высоким ценсом тепи. Удивлять стерлядями и кулебяками после того, как стерляди ели Муравьеву и кулебяки Каткову, как-то стало противно.

Успеха этнографическому, всеславянскому собору мы желаем от души. Может, и правительство наше увлечется хорошим примером и, наслушавшись, как скверно славянам под гнетом австрияков и турок, вспомнит, что есть еще несчастные славяне, их соотчичи, разоряемые беспорядком, задавленные немцами, расстреливаемые генералитетом, и сзовет их на *общую думу* вместе погоревать, потужить... да посоветоваться сообща, как горю пособить.

Как там ни агитируй в Туретчине да Галичине, все-таки начать надобно и дома. Одним *Казанским* собором не отделаешься теперь перед войной...*

В ЮЖЕ МЕРУ МЕРИТЕ...

«Голос» расходился по поводу доноса какой-то австрийской газеты на славян, едущих на московскую выставку:

«Debatte» делает формальный донос на чехов, изъявивших желание отправиться «в Мекку панславизма». Братство на основании панславизма (восклицает немецкая газета) — *заговор против Австрии (!)*. Кто принимает в нем участие, тот *делает вызов целой Австрии*. Крик негодования — вот единственно возможный ответ австрийских народов тем, которые сделались сообщниками *столь гнусного покушения на существование Австрии*.

Бедная Австрия! До чего ты дожила! («Голос», № 108).

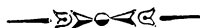
А что мы *пережили*, и очень недавно? Разве иным языком говорили «Москов. вед.», разве их доносы были меньше вредны... замените слово «Австрия» словом «Империя», и сам Катков примет эту гадкую выходку за отрывок из «Москов. вед.». Чему же так дивиться чужой грязи, когда своя на губах не обсохла.

Впрочем, мы совершенно с «Голосом» согласны, и особенно с его последними словами, что «все шпионские нашептывания газеты (имярек) не что иное, как совершенно *излишние мерзости*», даже и тогда, когда их шепчут на сиятельное ухо Шувалова.

СУМАСШЕСТВИЕ

Указом 28 марта Царство Польское окончательно присоединяется к Российской империи на общих основаниях законодательства и разделения на губернии. Что для России от этого не лучше, а для Польши убийственно — это несомненно. Для кого же лучше?

〈ОТЦЫ СДЕЛАЛИСЬ ДЕДАМИ〉

Отцы сделались дедами... А деды болтают себе — болтают без конца и связи... да кальян покуривают*, а *продымленную* воду сливают Каткову в передник. Экой этот Иван Сергееч—лучший, сказал бы я, из всех Иван Сергеечей в мире, если б не боялся обидеть Аксакова. И нужно ему эдакие *дымы* кольцами пускать! Ведь наделила же его природа всякими талантами: умеет об охоте писать, умеет пером стрелять по всяким глухим тетеревам и куропаткам, живущим в «дворянских гнездах» да «затишьях». Нет, хочу, говорит, быть публицистом — едким, злым, желчным, а сам добрейшая душа, ни желчи, ни злобы, ни разъедающих «костиков»*, ничего такого. Но нельзя же взять совсем безличные и не очень новые меха да в них налить продымленную воду, назвать их Натугиным или Потугиным, заставить постоянно сочиться, как каучуковую грушу, и выдавать их за живых людей, да еще будто за таких, которые в министерстве финансов служили и отличья получали... Читаешь, читаешь, что несет этот Натугин, да так и помянешь Кузьму Пруткова: «Увидишь фонтан — заткни и фонтан, дай отдохнуть и воде»*... особенно *продымленной*.

Представьте себе эту куклу, постоянно говорящую не о том, о чем с ней говорят*; возле поврежденный малый, без живота от любви, беспрестанно мечется в траву, а кукла его донимает следующими сентенциями, напоминающими Сквороду, да и то не ту, на которой варят блины, а малороссийского философа:

Толковали мы с одним из наших нынешних «вьюношей» о различных, как они выражаются, вопросах. Ну-с, гневался он очень, как водится; ббак, между прочим, отрицал с истинно детским ожесточением. Представ-

лял я ему такие резоны, сякие ... как об стену! Вижу: подъехать ни с какой стороны невозможно. И блесни мне тут счастливая мысль! — Позвольте доложить вам, начал я — с «вьюношами» надо всегда говорить почтительно, — я вам, милостивый государь, удивляюсь; вы занимаетесь естественными науками — и до сих пор не обратили внимания на тот факт, что все плотоядные и хищные животные, звери, птицы, все те, кому нужно отправляться на добычу, трудиться над доставлением живой пищи и себе и своим детям... а вы ведь человека причисляете к разряду подобных животных? — Конечно причисляю, подхватил «вьюноша»; человек вообще не что иное, как животное плотоядное. — И хищное, прибавил я. — И хищное, подтвердил он. — Прекрасно сказано, продолжал я. Так вот я и удивляюсь тому, как вы не заметили, что все подобные животные пребывают в единобрачии? Вьюноша дрогнул. — Как так? — Да так же. Вспомните льва, волка, лисицу, ястреба, коршуна; да и как же им поступать иначе, сообразуйте! И вдвоем-то детей едва выкормишь. Задумался мой вьюноша. — Ну, говорит, в этом случае зверь человеку не указ. Тут я обзвал его идеалистом, и уж огорчился же он! Чуть не заплакал. Я должен был его успокоить и обещать ему, что не выдам его товарищам...

Но вы, кажется, не слушаете меня?.. *

Увидишь фонтан — заткни и фонтан!

Да и как же идти министерству финансов, когда там служат люди с такой потугой! Довольно, что и поэт Бенедиктов был по контрольной части*.

ПОЛНОТЕ ВРАТЬ!

Вот что напечатано в 96 № «Моск. ведомостей»*:

Из Цюриха пишут в «Варшавский дневник», что тамошняя полиция получила 23 апреля (н. ст.) от союзного совета в Берне секретное *предписание* удвоить строгий надзор над типографией польского центрального комитета в Готтингене и над лицами, работающими в этой типографии. Такое же *предписание* получила женевская полиция касательно типографии Герцена. Полагают, предписание это произошло вследствие поступления в главный союзный совет специального доноса, будто бы в одной из вышеупомянутых типографий хотят устроить заведение для подделки ассигнаций.

Что все это ложь и вранье, об этом смешно и говорить. Что эта ложь выдумана в Варшаве, видно из того, что шпион-корреспондент воображает, что союзный совет из Берна может давать *предписания* Цюриху и Женеве. К тому же, *больше года* русская типография в Женеве принадлежит Л. Чернецкому*; зная секретные предписания, можно бы было знать и о явной передаче типографии.

Но черт с ними, с шпионами «Варшавского дневника», нас дивит низость средств, к которым на закате своем прибегает Катков. У нас нет *честных* противников... Неужели Катков думает, что если б нам написал кто-нибудь, что он украл часы у Леонтьева, мы тотчас бы и напечатали, защитившись выносными знаками? А ведь мы не сомневаемся, что у Леонтьева часы есть ¹.

¹ В том же листе «Моск. вед.» напечатано*: «Цюрихский корреспондент „Варшавского дневника“ пишет, что едва лишь начавший выходить журнал польской эмиграции „Гмина“ прекратился по недостатку подписчиков а украинофильское издание „Украинский місячник“, многократно объявленный, еще не начинал выходить по той же причине, как и „Гмина“».

А на деле двойной номер «Гмины» вышел на днях.

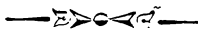
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ В МОСКВЕ

По поводу панславистской выставки нам рассказывают русские журналы о всяком вздоре — о молчании великого князя Владимира, о болтовне Баршева*, выставившего в своей *ектинье* образец того, что язык русских школярей остался верен если не старой старине, то старине Тредьяковского, — но не говорят ни слова о первой встрече наших гостей аустрославян. Прежде великого князя и небольшого ректора они встретили окровавленные поля славянской Польши, прирезанной славянской Россией. Их встретили сначала не стерляди *au naturel*, не русские мужики из *parier-mâché*, а польские женщины с тем трауром на лице, который полиция не снимет нагайкой, и бездетные старики со слезами на впалых щеках, которые полиция не может осушить. Их, прежде Погодина и Бодянского*, встретил Берг и неавстрийские немцы, царящие над Москвою... Они должны были себя почувствовать как дома, как в Шпильберге*.

В Кандии тоже недурна *выставка* — крови и мученических тел. Помогли, нечего сказать*... Есть же такие тяжелые руки и дурные глаза, что всё портят, всё губят, к чему бы ни притронулись.

Béni par eux tout dégénère... *

хотят помочь — пускают ко дну. Колдовства тут, впрочем, большого нет, это следствие нравственной нечистоты, двойства и лжи.

ПРАВО СОБИРАТЬСЯ — НОВЫЕ СТЕСНЕНИЯ

Нам пишут из Петербурга:

Почему вы пропустили безобразные меры, отдающие под надзор полиции всякие собрания? По новому закону *, «беззаконными» собраниями считаются не только тайные политические и неполитические общества, но вообще *всякого рода собрания* с какой-нибудь целью без предварительного разрешения. Полиции велено везде искать преступные общества, дикие наказания назначаются участникам и, наконец, обещано *прощение и всяческое снисхождение диспосчикам*.

Только-то? А плата как — с общества или с головы?

Все это гнусно, все это чисто Валуев, неподдельно Шувалов, чему же дивится наш корреспондент? Разве эти меры не принадлежат к ряду гнусных мер последнего пятилетия? И потом, разве прежде существовало какое-нибудь право собраний — *droit de réunion*?... Полноте!

КНЯЗЬ МЕНЩИКОВ ПАМФЛЕТИСТ

Нам пишут из Парижа, что там издана русская книжка о «Действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 годах»^{1*}. Книга эта исполнена грубейшей лести к великим мира сего, даже к Николаю Павловичу. И все же она не могла быть напечатана в России. Известно, что в Париже нет русской типографии, и потому князь Меншиков (*Alma mater!*), в честь коего преимущественно написана книжка*, должен был заводить ее на свой счет. Из этого случая да еще из грустного дела Соколовского, посаженного в острог по изданной им книге «Отщепенцы», еще не рассмотренной цензурою*, можно видеть, насколько мы подвинулись со времен Николая.

¹ Paris, Librairie militaire, J. Dumaine, libraire-éditeur de l'empereur, rue et passage Dauphine, 30, 1867.

ЧАСТНОЕ ДЕЛО

В Европе люди, как бы ни были высоко поставлены, отвечают на письма в том случае, если письма написаны *не дерзко* или не составляют повторения того, на что уже был дан ответ. В петербургских вершинах даже и те особы этого не исполняют, которые специально были воспитателями в Зимнем дворце* и, стало, находятся в подозрении воспитания.

Делать нечего, надобно печатать.

Апреля 20 нынешнего года я послал страховое письмо В. П. Титову*, члену Государственного совета, следующего содержания:

«М. г. Владимир Павлович,

на днях прочел я в газетах печальную весть о кончине Н. А. Мельгунова*. Смерть этого старого приятеля* странным образом ставит меня в необходимость беспокоить вас моим письмом. Мое уважение к вам, основанное на личном знакомстве, сделанном именно в доме Мельгунова, и на той известности, которою вы пользуетесь, заставляет меня думать, что вы сделаете для очистки памяти Мельгунова все зависящее от вас и, во всяком случае, удостоите меня ответом.

Покойный Мельгунов оставил у меня в 1857 году открытое письмо к вам, на случай своей смерти*. Я прилагаю копию с него, боясь утратить на почте оригинал.

Оно требует объяснения.

Дело вот в чем: Н. А. Мельгунов, сверх денег, взятых у меня займы, просил поручиться за него тысячах в 6 франков у Ротшильда*. Ротшильд у он не заплатил, и последний взыскал с меня капитал, проценты, протори и пр., на что я и имею письменные доказательства. Всего Мельгунов мне остался дол-

жен (без процентов) 13 800 фр. Ожидая со дня на день денег то от Карцова, то от Н. Ф. Павлова и регулярно телеграфируя мне в Лондон о том, что он их не получил*, покойный Мельгунов прислал мне прилагаемое письмо к вам, уверяя меня, что, в случае его кончины, вы вступитесь в это дело. Я Мельгунова знал за честного человека, он многим говорил о своем долге и, наверное, Каролине Карловне Павловой*. В письме к вам, боясь моего имени, он называет только Ротшильда.

Вы видите, что я пользуюсь тремя условиями, по которым мне *можно отказать*: у меня нет векселя в кармане, у меня нет прав в России — и зато есть десятилетняя давность. Поэтому долг Мельгунова становится долгом чести, и я обращаюсь к вам, как к указанному покойным другу, прося вас снестись с его наследниками или душеприказчиками.

Если мое письмо не дойдет до вас или ваш ответ — до меня, попытаюсь довести его до вас через журналы.

Позвольте и пр.

А. Герцен

Женева, 20 апреля 1867».

Бедный Мельгунов, меломан, увлеченный Моцартом, как всегда, он переценил «Титово милосердие»* и *его дружбу*. Член Совета верпо думает, что, лишенный всех прав, я не *имею права получать ответы**.

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

С 1 июля в Париже будет выходить новое периодическое издание «La Philosophie positive», издаваемое известным *Литтре* и нашим соотечественником *г. Вырубовым*. Желаем от души успеха превосходному предприятию и обращаем на него внимание наших читателей.

Вот программа нового издания.

Развить основные идеи А. Кюпта, этого великого мыслителя, который первый ввел научные методы в область философии, и приложить их к всевозможным вопросам, вызываемым совершенствованием и образованием в науках, искусствах, словесности и гражданственности, — иными словами, преобразовать философию без теологии и метафизики, — такова цель этого издания. Им в первый раз *положительное* учение берет участие, в периодической форме — в борьбе мнений, стремящихся овладеть обществом. На том же основании, на котором оно исключает все теологическое и метафизическое, оно идет — вышедшее из революции — навстречу общественному обновлению, основывая это обновление исключительно на действительном знании законов мира, человека и истории¹.

¹ Цена годовой подписки в Париже 20 фр., вне Франции 25, полугодовой 12 фр. и 16. Librairie Germain Boillier, 17, rue de l'École de médecine.

ВЫСТРЕЛ 6 ИЮНЯ

Опять выстрел. Мы об нем распространяться не будем. Наше мнение об этом пути известно, ни вошь безумных крикунов *, ни брань сильных мира сего не заставят нас ни превозносить этого рода попыток, влекущих за собой страшные бедствия, ни произнести слова осуждения мученикам, которые обрекают себя на смерть и которых совесть чиста именно потому, что они фанатики.

Само собою разумеется, что выстрел 6 июня не будет иметь никакого влияния на дух нашего издания. Наши убеждения сложились давно, и никакая случайность не может их погнуть ни направо, ни налево.

Для России в этом событии великий урок.

Судить Березовского будут открыто, а не в тайном застенке, как судили Каракозова, судить его будут судьи, а не подобранные генералы *.

Первый следователь, глядя на плохой пистолет, заметил, что у Березовского, по всей вероятности, сообщников нет *. К делу Каракозова примешали, зная их невинность, сотни молодых людей. Одно замечание г. Лимейрака в «Конституционеле» о нравственном соотношении выстрела с криками «да здравствует Польша!» вызвало крик негодования не только в либеральных журналах, но в династических и клерикальных *.

В заключение обращаем внимание наших читателей на полицейскую проделку Шувалова, который спросил Березовского, не переписывался ли он с отцом? * То есть сделал опыт запутать в Польше и России родных, знакомых, их родных и их знакомых в дело, так явно стоящее отдельным!

Мы советуем очень подумать об этом.

МАЗУРКА

Мы всегда относились довольно равнодушно к национальным *болезням* последнего времени, мы и не враждебны им. Они, вероятно, лежат в физиологическом пути развития; но мы не можем забыть, что ими заменились вопросы революционные и социальные и затмили умы народов и людей до того, что *во имя* их могли встречаться в том же стане Гарибальди и Бисмарк, греки из Кандии и *греки* из III отделения. Против национальных стремлений так же не следует идти, как не следует горячиться за них. В них выражается низшая степень человеческого стремления к обобщению, к соединению с своими в противоположность *чужим*. Они сильны положительно и, как все страстное, но неразумное, еще сильнее отрицательно ненавистью, завистью, ревностью, властолюбием. Стихийное влечение группироваться по зоологическим признакам представляет ребяческую фазу, бороться против которой так же нелепо, как бороться против прорезания зубов,— а потому выставкой ли восковых мужичков и изб из картонной бумаги или чем другим сзывает Москва славян, мы ничего не имеем против этого.

Но вот что нас глубоко огорчает.

При приеме в Петербурге «славянских гостей», *пожаловавших* на выставку (как выражается канцелярский служитель, писавший одну из корреспонденций «Голоса»), их повезли в оперу. Как ни несчастно ее название «Жизнь за царя», по за неимением другой хорошей русской оперы надобно было избрать пьесу, на вывеске которой политическое идолопоклонство и *неловкая* демонстрация. Имя оперы придало представлению что-то служебное, и добрые гости наши, сильно попривыкшие к обычаям милой Австрии, так хорошо это поняли,

что явились в театр, осенив себя крестами — кто св. Анны на шее, кто Владимиром в петлице. Славяне всех славянских земель *несли крест царя*, в то время как актеры воспевали сладость *смерти за него*. Все это ничего... но вот раздается *мазурка*, знаменитая, великая мазурка Глинки... Публика *шикает*... чему? Тому (поясняет «Голос»), что на этом празднике славян, что на этой «жизни за царя» *нет поляков* *.

В этом жестокосердом отсутствии такта, в этой грубо безжалостной выходке мы с ужасом увидели все ненавистные нам, все скверные стороны русского характера... Так и пахло муравьевщиной, катковщиной, крепостниками, квартальными... Беспощаден, мелок, злопамятен онемеченный, обофицеренный монголо-славянин.

Объяснять, почему поляки не могли, не *должны были* быть, излишне. Они слишком много *невосковых* фигур клали в саване, чтоб смотреть на рамазановские и не знаю каковские в Москве *. Их выставка слишком богата в Сибири и в рудниках... и крест царский на их шее не на красной ленте, а на пеньковой веревке. Да оставьте же этому народу, взявши у него все, его траур, его отсутствие на ваших пирах.

Если б русские хотели примириться с поляками, они бы их звали на это примирение словами любви, кротости, смирения,— мы ничего подобного не слышали. Нет, тут хотелось другого... пусть *она*, в крови, в слезах, идет на зрелище, и пусть она, потерявшая все, осиротелая вдова, бездетная мать, ненавидящая царя, пусть смотрит на *жизнь за него* и аплодирует ей. Нам это будет приятно!

Шикай правительство, Берг и Адлерберг, Валуев и Шува-луев, мы не сказали бы ни слова, но ведь шикал город, его «образованная часть», и от этого у нас сердце обливается кровью.

Как ни стара грустная отметка, что правительство всегда соответствует своему народу*, а нельзя ее не помянуть. Когда Николай пировал свое венчание на царство и тела казненных им мучеников не успели предаться тлению, а осужденные на каторгу—дойти до сибирских степей, он требовал, чтоб семьи, из среды которых вырваны были жертвы, являлись на балах.

...Женщина, у которой слезы дрожат на реснице и которая пляшет по высочайшему приказу, униженная, обиженная,

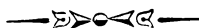
слабая, сломанная и одетая в бальном наряде, — какие лавры и литавры могут больше польстить дикому сладострастию власти... Из этого же чувства другой деспот, только гораздо искуснейший воин, чем Николай, изнасиловал последнего императорского отрока, водрузив свою луну на Софийском соборе *.

Ну, а гости?.. маститый Палацкий, красноречивый Ригер... они своим молчанием подтвердили, что ли, приговор? Трудно сказать, люди эти всю жизнь так привыкли бояться полиции и властей, что им, может, и в голову не пришло, что их обязанность состояла в том, чтоб протестовать во имя отсутствующего народа. Может, они это сделают в Москве *. Подождем.

Протестовать словно как-то неловко, больно много хлеба-соли, меду-вина в русском гостеприимстве... это ничего... Только один молодой король до того закутился в Париже, что забыл о несчастной сестре, исходящей в злом недуге, и о брате, которого чуть не расстреляли ли*. Пир пиром, а дело делом. Именно им-то, «дорогим гостям» всеславянским, приходилось всего лучше, середь ликований, вспомнить не шиканием, а слезой, что одной сестры нет и что один брат казнен.

Р. S. Речь о Польше была поднята впоследствии в Москве, но как? Один Погодин сказал человеческое слово: «Мы жалеем об этой розни, *мы плачем о ней*» *. Этого не мог ему спустить Черкасский и отпустил, в присутствии всех славянских гостей, следующую дикую фразу в своей речи *: «Каждый из нас готов сказать, что будет рад видеть поляков, но пусть возвратится поляк в нашу среду не строптивым членом ее, а как *блудный сын, кающийся в своих грехах!* (Рукоплескания). Тогда мы готовы принять его и в жирном тельце для пира в честь его не будет недостатка».

Не посечь ли поляков прежде примирения *детскими розгами* черкасского изобретения? * Нет, ваше сиятельство, вы уж сами скушайте вашего жирного тельца — с народами, пока у них есть такие ораторы и философы, как вы, и такие рукоплескатели, как те, которые вам рукоплескали, мириться рано.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РАЗУМ! *

Как резко разграничиваются, и все резче и резче, страны, взшедшие в возраст пониманья и разума, и те, которые еще беснуются в мраке кровавых бессмыслиц, изуверств, диких религий и диких страстей. Величайший политический преступник нашего времени, Джеферсон Девис, выпущен на поруку и поехал в Канаду *. Приговоренный к смерти фениан Бюрк помилован королевой, и все английские газеты рукоплещут (ни «Моск. ведомост.», ни «Вести» в Англии не издается), и рукоплещут не просто радуясь, что именно такого-то не казнят, а на разные лады говорят о том, что замена висслицы другим наказанием в этом случае сделает невозможным смертную казнь во всех политических процессах *.

... А у нас?..

КАТКОВСКОЕ «VIVE LA POLOGNE!»

От любви до ненависти один шаг. Катков, взбешенный словами Погодина и *Ригра* (это, должно быть, славянский перевод фамилии Ригера *), напечатал вот какую штуку: «Лучше, в тысячу раз лучше, чем допустить польскую политическую национальность под русской державой, было бы отпустить чисто польские части *на полную волю*»*.

Давно бы пора догадаться!

ПРОСЬБА

Милый, малый, молодой, веселый, жартующий журналист, издающийся в Вене под заглавием «Страхопуд», написал к одному из нас «просьбу» и, дабы мы неведением не отзывались, прислал ее в нашу редакцию. За присылку благодарим и вообще на «Страхопуд» вовсе злостно не смотрим. Вот его *просьба*:

Г. Герцена, издателя «Колокола», принявшего на себя незавидную роль защитника Польши, покорнейше просят русские галичане приехать, хотя бы только на короткое время, в Галицию для испытания, что такое «Польша». В случае, если г. Герцен, яко «человек правдо-любивый» и «правду говорящий», не желая, яко «agent moskiewski» быти заключенным в тюрьму, несогласится на наше предложение, то пусть изучает Польшу, по крайней мере, из «Gazety Narodowej» и «Tygodnika Niedzielnego». Из сих газет узнает г. Герцен предмет своей защиты.— Вот славный человек г. Герцен! Якая у него доброта сердца: страдающему, невинному и смиренному русскому народу он неизъявляет своего сочувствия, ибо то делают люди обыкновенныи, с обыкновенною добротою сердца,— человек же необыкновенной доброты сердца сочувствует страдающему и гордому преступнику... Який высокий ум у Герцена. Он защищает невинных страдающих, ибо защищать невинных нетрудно, и для этого ненужно высокого ума, но защищать виноватых, гордых и нерозкаявшихся — трудно, и для этого требуется *высокого ума*...

Резолюция. В Галицию ехать не могу, названных журналов читать не хочу, а «Страхопуду» замечаю, что не следует писать пустых просьб, не зная, что человек защищал и как защищал. О каком решении, пропечатав в «Колоколе», «Страхопуду» сообщить.

ВОПРОСЫ, ЗАПРОСЫ, ЗАГАДКИ И СФИНКСЫ

¿Как пропали на одном бале у княгини Воронцовой брильянты?.. Как они нашлись? у кого? Кто заказывал пуговицы?.. Мы всё ждали, ждали, но дело об этом воровстве все еще не на череду, не придет ли кто подробностей? Да кстати *нас просят:*

Узнать, за что принц Алберт Саксен-Алтенбургский выписан из гвардии и послан куда-то вдаль, на Кавказ, что ли?

*Резкое соизволение государя и высочайшая загадка. Сенат, по выслушании дела об отчете и докладе спб. губ. земской управы, внесенных по высочайшему повелению... «определил обстоятельства дела (о закрытии управы) представить на благоусмотрение е. и. в. Государь, по всеп. докладу управляющего мин. юстиц. о вышеизложенном определении сената, высочайше соизволил на приведение сего определения в исполнение» («Голос», № 136) *. А определение сената состоит в том, чтоб представить государю. Слыхали ли вы сказку о белом быке?— Нет.— Я — нет, вы — нет, слыхали ли вы сказку о белом быке?..*

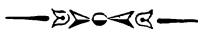
*Меньшие братья шалят на вакациях. «Весть», № 58, беспощадно обличает отсталость и незрелость наших этнографических гостей. «Россия, говорил один из них, тем счастлива, что у нее сильное дворянство» *. И в подкрепление того, что у них такие нелепые мнения, приводит следующие слова, писанные в альбом княгини Е. Э. Трубецкой:*

«Благо народу, который имеет своего царя и не лишен своего дворянства.»

И. Н. Ливчак, редактор «Страхопуда», сын Галицкой Руси, лишенный *своего* дворянства».

Последнего мы вовсе не понимаем: был ли он под судом и лишился дворянства или ему просто жаль, что в Галиции нет видов на создание русского помещичьего класса с крепостническими поползновениями?

Уж не слишком ли угощают у нас меньшую братию?

〈ОПЯТЬ ВРАНЬЕ〉

Опять вранье «Варшавского дневника»:

В «Варшавский дневник» сообщают из Цюриха (говорят «Голос» и «Московские ведомости»), что *общество славянских социалистов в Женеве*, пользуясь пребыванием принца Наполеона в Пранжене (в Женевском кантоне), отправило к нему депутацию для вручения ему диплома на звание почетного члена общества и с просьбой помочь дальнейшему изданию журнала «Гмина». Принц выслал депутации *20 франков* чрез своего лакея и не захотел ни видетъся с нею, ни принять от нее лестный диплом.

Мы просим наших польских друзей дать коллективным опровержением урок мошеннической редакции, в числе которой, вероятно, нет ни одного поляка — или что же это за поляк? Как его имя?

СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

Решительно настают последние дни, и пора думать о покаянии, чудеса и знамения совершаются, горы оседают и деревни возникают. Стихии помогают казнокрадам, геология заодно с чиновниками и, уменьшая соль мира сего, увеличивает число солящих.

Читайте сами:

*Оползень горы в Нижнем Новгороде*¹. Нам пишут из Нижнего Новгорода, что там 7-го мая оселась земля на нагорном берегу Оки, где находятся соляные магазины. Пространство в 250 сажень длины двинулось с места к реке, *совершенно разрушило один соляной магазин, а до десяти магазинов сдвинуты с места; в некоторых, говорят, была соль*. Земля дала множество расселин, деревья, которые росли на горе, упали и лежат на ней во всю длину («Московские вед.», № 105).

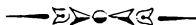
Архангельский корреспондент «Петербургских ведом.» сообщает слух о том, что *полиция нашла в Кемском уезде большую деревню, которая доселе была неизвестна!* *.

ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Господин В. П. Иванов-Желудков! Неужели в самом деле молдаване так-таки и захотели присоединиться к России? Хорошо ли вы знаете по-румански?.. вы так бойко и мило пишете, что нам жаль будет, если злокачественный патриотизм столкнет вас с прямых путей разума в лабиринты присоединений и усвоений. Россия прежде должна дома очиститься и переделаться, а потом переделывать границы и мешаться в чужие дела.

¹ Читатели наши, верно, не забыли дела о колоссальной покраже соли в Нижнем*.

ЧАСТНОЕ ДЕЛО

Владимир Титов решился отвечать на мое письмо от 20 апреля, вероятно, прочитавши в «Колоколе» от 1 июня легкое правоучение за молчание *. Владимир Титов слишком высоко поставлен, чтоб отвечать, как все люди, а потому сообщил мне через русского посланника и женевскую полицию следующую глупую и грубую бумагу — без числа и подписи:

Сообщение *господину Александру Герцену* в Женеве, 7, quai Mont-Blanc.

Вследствие письма господина Герцена от 20 апреля 1867 г. к г. действительному тайному советнику, члену Государственного совета, В. П. Титову, сообщается (*кем?*) господину Александру Герцену нижеследующее:

По дружбе, с молодых лет существовавшей между покойным Н. А. Мельгуновым и В. П. Титовым, сей последний, конечно, желал бы содействовать к очистке платежа, который на первом числится и даже может почитаться, как сказано в письме г. Герцена, «долгом чести».

Несмотря на то, обстоятельства дела таковы, что участие в этом В. П. Титова не имело бы основания и не принесло никому бы пользы.

По наследству и долгам Мельгунова учреждена теперь в Москве опека; адрес опекуна: Михаил Иванович Ключарев, в Трехпрудном переулке, свой дом.

Но кроме того, что в открытом письме Мельгунова, сообщенном г. Герценом, значится заимодавцем *один Ротшильд*, опека, очевидно, не в праве принимать к удовлетворению подобные документы, в особенности от В. П. Титова, не могущего ничем удостоверить, чтобы покойный когда-либо говорил ему об этом письме или долге.

С 1857 года прошло до кончины Мельгунова десять лет. В этот значительный период времени покойник несколько раз видел В. П. Титова, с ним переписывался, получал под его поруку у банкиров ссуды, вследствие которых умер, оставшись должным В. П. Титову более шести тысяч рублей сер., но ни один раз не упоминал он ему ни о долгах своих г. Герцену, ни об открытом письме к В. П. Титову от марта 1857, ни о желании назначить его своим душеприказчиком.

Вот все, что известно В. П. Титову, и, в случае запроса через журналы, он не имел бы равным образом ничего отвечать, кроме вышеизложенного.

Господин сообщитель, вероятно, слуга Владимира Титова в Петербурге, писавший это подметное сообщение, хочет набросить тень подозрения на достоверность *и долга, и письма*; на долг у меня есть документы от Ротшильда, письмо Мельгунова также цело. Если б Владимир Титов был сколько-нибудь порядочный человек, он не допустил бы ни этот грязный намек, ни болтовню о том, что покойный Н. А. Мельгунов остался должен ему, Владимиру Титову, в Петербурге, «более шести тысяч руб. сер.». Какое мне дело до финансов какого-нибудь Владимира Титова? Дипломатическая карьера, приучающая людей к скромности и учтивости, Владимира Титова в Петербурге не научила ни общежителью, ни молчаливости.

7 ноября 1867.

ВВЕДЕНИЕ ПЕРЕД ЗАГЛАВИЕМ

Nous sommes aujourd'hui ce que nous avons
été hier... continuons.

Сиэс, 1789*.

У нас было явился вопрос à la Шпекин, *печатать* или *не печатать* * наш отчет о первой части путешествия государя после выстрела 6 июня *. Вопрос этот разрешился тем, что после выстрела путешествие пошло еще веселее. Действительный успех путешествия начинается с него: тут и овации, и адреса, и открытая коляска *. К тому же тут всё люди военные — какой же *военный* думает на другой день о пуле, попавшей не в него, а в ухо лошади Мокарова зятя *.

Пора, впрочем, перестать стрелять, а то будущему Карамзину придется новую историю до того наполнить пулями, двуствольными пистолетами и дичью адресов и телеграмм, что он должен будет просить у И. Тургенева права ее назвать «Рассказами о дурных охотниках» *.

10 июня.

АВГУСТЕЙШИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

I

Государь в Avenue Marigny

А где же *первая*? В первом листе «Колокола», она напечатана ровно *десять лет* тому назад по случаю путешествия «вдовствующей императрицы-родительницы». Через десять лет

нам приходится сказать несколько слов о путешествии уж конечно «не вдовствующего» императора. Тут что-то мистическое; вообще между нами и великим путешественником есть таинственные соотношения, о которых мы непременно посоветуемся с Юмом *. Мы вместе были в Вятке в 1837 году *, и он, приехавши в Париж, остановился в той же улице, в которой останавливались мы в 1847 *, так что государь мог бы написать последнее «Письмо из Avenue Marigny» в «Современник», если б Валуев не запретил его *.

Но к делу. Начало путешествия или, как русские газетные надзиратели выражаются, «высочайшего проследования», вам известны, а *цель*?

— Нет!

— А интересно бы знать?

— Очень.

— Ну а как ее вовсе нет?

Во-первых, мы решительно не верим, чтоб государь приехал в Париж *за делом*. За делом теперь никто не ездит; министрами и перепиской, графами и телеграфами можно покончить не только всякое дело, но всякое безделье. Александру Николаевичу захотелось погулять, Наполеону — показать такую *pièce de résistance*¹, как *le tzar*, — вот, мол, «каких поднимаем»... А с Турцией что будет, то будет *, ей к фатализму не привыкать стать.

Во-вторых... мы находим первую причину достаточной, а, по Лейбницу, где есть достаточная причина, там других искать не надобно *.

Александр Николаевич сослужил Наполеону службу, а сам душу отвел от петербургской скуки. Византийски-дармштадтская набожность * дошла до удушающих размеров в Зимнем дворце, а тут, вместо развлечения, австрийские и турецкие славяне, с которыми надобно говорить *по-немецки* *, чтоб понять их русские чувства и их беседы с православными постниками ее величества. Какой там благочестивейший самодержец ни будь, столько благочестия не вынесешь. Жить невозможно.

¹ диковинку (франц.).— *Ред.*

Напрасно французы сердятся, что государь не привез с собой преподобную императрицу, это большое счастье и большой такт. Пусть она молится о его здравии и сохранении от всех козней и недугов Франции, а он немного вздохнет на свободе. Его дело мужское... и, точно, времени он не пропустил ни секунды. Из Агрипининой Колонии беспокоится, телеграфирует, чтоб Будберг бежал в кассу Variété и взял бы ложу. Шнейдершу захотелось посмотреть в «Дюшессе Герольдштатской» *. Что же тут такого? Вещь она не новая, но хорошая, т.е. M-lle Schneider. Ей лет сорок, а что говорил его величество король английский Георг IV, большой знаток по этой части, о трех f,— вы думаете — фантазия, физиономия, фигура... нет, просто fat, fair, forty *. Итак, приехавши в 4½ часа в Париж, мы переменили белье, и в 8 — в Variété.

Государю, по справедливости, хотелось по образу-подобию покойного Александра Павловича въезд в Париж сделать верхом*. Последнюю станцию он, кажется, уж сидел на коне. Но ему объяснили, что этого нельзя, потому что Александр I взял Париж войсками, а теперь Париж берет Александра II любезностями, — следственно, Парижу следовало бы ехать навстречу верхом, но размеры не позволяют. Делать нечего, спешился император, а тут закрытая карета, да марш-маршем в Avenue Marigny.

Надобно же было развлечься — вот M-lle Schneider и пригласилась. Из театра пешком домой. На другой день на выставку — тут русские лошади свидетельствуют, до какого совершенства их родители довели свое ремесло *, и русские камни говорят в пользу геологических переворотов, сделавшихся в землях, находившихся под удельным управлением и министерством государственных имуществ *. Из конюшни государь завел Наполеона в трактир закусить¹, кушанье все было русское, даже шампанское, говорят, нарочно привозили из Тверской губернии.

Ведь это для нас с вами ничего... а вы взойдите в положение человека — отец был нравный, сына лет до тридцати держал в ежовых руках, а после утомительная скука величия, жизнь—

¹ О Кореценке и Мабиле мы прочли в «Journal de Genève»*.

священнодействие... затем святая жена, Адлерберг... медведь, медведь... Адлерберг, завести земскую управу... прогнать земскую управу * — тут и Баранов не поможет *. К тому же беспрестанно надобно разить врагов престолотечества и у себя в собственном доме встречать людей подозрительных по своим связям с полицией, как Шувалов... а вместо десерта — шептанья монастырок ее величества, толкующих о Кирилле, Мефодии и сыне их Погодине *... что хотите говорите, все же лучше смотреть, как пляшет вышедшая из ребячества Шнейдер и как поет вышедшая из голоса Тереза, все же лучше идти с хорошим человеком в трактир к Кореценке... или, наконец, одному в Jardin Mabille.

Представьте папу — говорят, что он везет на выставку с Антонелли свое изобретение «безгрешного зачатия»*, — представьте его проповедующего в Jardin Mabille l'immaculée conception. Для него зрелище Mabil'я показалось бы разверстым небом. Или, если ваше православие отказывается следить за главою римской церкви, представьте, что было бы с Филаретом, если б он увидел лет шестьдесят тому назад «канканоплясание жен мабилийских в вертограде их»?

Не будем строги к строгим мира сего!

Кстати, к строгостям; поляки по большей части выехали из Парижа, Чарторижский en tête¹, один из них даже удалился вертикально, поднявшись в воздушном шаре. Это нам подало прекрасную мысль начать в Сибири агитацию, пусть от мала до велика, от муллы до шамана, от вотяка до остяка — все зовут государя осчастливить Сибирь посещением. Может для его приезда начальство велит всем *полякам выехать оттуда*.

II

A la porte! ²

В мирные времена, предшествовавшие 1848 году, Николай Павлович, любивший обтекать разные страны и дивить своей талией, лосиными панталонами и славно вычищенными ботфортами немцев, был он однажды в Вене *. Тогда еще цар-

¹ во главе (франц.).— *Ред.*

² Вон! (франц.).— *Ред.*

ствовал в Австрии не нынешний государь, так удачно начавший счастливое правление свое тем, что перевешал военнопленных генералов, сдавшихся Паскевичу, а глупенький, больной и юродивый предшественник его *. Был парад. Когда куда приезжал Николай, менее пятидесяти тысяч человек не сгонялось. Идет полк за полком, идет наконец и Кейзер Николая полк; австрийский император дремал на огромной серой лошади, отвесивши еще больше свою габсбургскую губу, — вдруг шум: увидевши свой полк, Николай, с свойственной ему храбростью, стал перед ним, принял рапорт, провел молодецким солдатиком и понесся во весь карьер доложить императору, что все обстоит благополучно. В Австрии все делается тихо и во весь карьер ездят шагом. Дремавший Фердинанд открыл глаза и обомлел: на него летит Николай «с видом сумрачным и строгим» *, с обнаженной саблей — ближе, ближе. Фердинанд повернул свою лошадь, в первый раз дал ей шпоры, да тягу. Николай, бледный с досады, за ним — тот от него вдоль по венским улицам. «Bruder, — кричит ему, — не бось, treue Schwesterliebe widmet dir mein Herz» *. Наконец где-то перехватили Фердинанда — но на парад он не поехал, а воротился во дворец и лег в постель.

О Азаис, о Азаис с твоими «компенсациями!» * Кому могло прийти в голову, что через двадцать пять лет сын покойного Николай Павловича сыграет такую же сцену на более мирном поприще, и именно в Palais de Justice, во дворце *возмездий*. Государь приехал в суд не по делу, а взглянуть, все ли в порядке. Какие-то адвокаты прокричали «Vive la Pologne!» Сделали они это скорее как комплимент, зная, что во всех манифестах и разных указах государь говорит о своей любви к Польше и о своих истиннородительских попечениях об ней. Крик этот не понравился сторожам — блюстителям благочиния, и они закричали: «A la portel!» на друзей Польши. Государь, воображая, что «à la portel!» кричат на него, и вспомнив, вероятно, что и он друг Польши, повернул оглобли и назад — со всей свитой... Разные старики, парики, каратели заблуждений человеческих, Шестестанжи, Тролонги — ждут, ждут, а уж государь катит в другое место, где также будут кричать: «Vive la Pologne!»*. Он может, впрочем, доехать от Порт-Сент-

Мартен до оттоманской Порты * — этот анекдот его сделает *незабвенным* в Париже *.

Отделался бы он поскорей от Польши да и гулял бы себе спокойно по выставкам. Только не такими шутками, как вержболовская таможенная амнистия. Впрочем, когда же было обдумать что-нибудь дельное, пока чемоданы осматривают. Злые языки говорят, что это не амнистия, а виза паспорта в Париж. Так ее французы и поняли *.

P. S. Журналы от 12-го рассказывают, что по дороге из Версаля опять кричали при проезде Александра II с Наполеоном «Да здравствует Польша!» *. Наполеон сказал: «Они неисправимы» — государь отвечал: «Лучшее доказательство, что их надо оставить». И потом попросил (что ему делает величайшую честь), чтоб выпустили арестованных за этот крик. В России и Сибири тысячи поляков, даже не кричавших, а только думавших «Да здравствует Польша!». Мы полагаем, что и их всех освободят, мнение государя не может меняться с градусами широты и долготы.

1857—1867

Первого июля 1857 вышел *первый* «Колокол» в Лондоне. Сегодняшним листом заключается наше десятилетие.

Десять лет! Мы их выдержали и, главное, выдержали *пять последних*, они были тяжелы.

Теперь мы хотим перевести дух, отереть пот, собрать свежие силы и для этого приостановиться на *полгода*. Следующий лист «Колокола» выйдет 1 января 1868; им мы начнем *второе десятилетие* *.

Мы хотим еще раз спокойно, без развлечений срочной работой, взглядеться в то, что делается дома, куда волна идет, куда ветер тянет, мы хотим проверить, в чем мы были правы и где ошибались.

Мы слишком часто оглядывались, особенно в последнее время, чтоб нужно было снова повторять наш символ веры и основы того взгляда, который мы проводили в «Колоколе», они были неизменны, по крайней мере официальные *враги наши* в этом не сомневались. «Колокол» был и будет прежде всего органом *русского социализма и его развития*, — социализма аграрного и артельного, сельского и городского, государственного и областного.

Социальному развитию России для нас подчинено все: формы и лица, колебания и ошибки — но так как оно невозможно без свободного слова и свободного схода, без общего обсуждения и совета, то мы звали и будем звать всеми силами собрание *Земского собора*. В нем мы видим не больше, как ворота, но ворота открытые, и это очень важно — до сих пор русское развитие пробирается тайком через забор, пока сторожа не смотрят или спят...

Все остальное грязь и пыль на дороге, бревна и камни под колесами; все остальное можно бы оставить в тени, на собственное разложение, если б от этих бревен и камней не гибли лучшие личности, если б в этой топи не тонули неустрашимые сеятели «заутра», вышедшие на работу. А поэтому рядом с «общей частью» снова пойдет отдел обличений.

Пауза наша имеет для нас еще то значение, что она нас поставит в возможность вымерять, насколько велик или слаб, жив или мертв интерес к изданию «Колокола» и насколько заметят его временное отсутствие... Впрочем, к концу года мы намерены еще раз напомнить о себе и издать, *если удастся*, ряд новых статей разного содержания в особой книжке под заглавием «Сборник Колокола»*. При нем будет и программа нашего журнала на 1868.

Может, к нашему возвращению на сцену или во время нашего домового отпуска попробуют свои силы новые, больше юные и свежие борцы. Пора молодым талантам сломить свою печать молчания. Условия, сделанные в России бесцензурному книгопечатанию, безобразны, лучшие журналы пришиблены, лучшие газеты под непрерывным ударом предостережений и остановок. Отчего же так мало печатают за границей? Наша типография и несколько других предлагают легкую возможность *. Мы с радостью будем приветствовать всякий русский орган. Нам тесно не будет, свет не клином сошелся.

P. S. Если б какие-нибудь достаточные причины, события, сообщения, поправки заставили нас прервать наше молчание, мы издадим прибавочный лист—никак не позже 1 августа*.

ИЗ ПИСЬМА К М. БАКУНИНУ

...Не странное ли дело, что на всех славянских сходках и пирах, на всех поминках и торжествах *одно имя* забыто, — имя того русского, который двадцать лет тому назад громогласно и всенародно, в Праге, с теми же Палацкими и Ригерами, проповедовал братский союз славян, чуть не сложил свою голову под немецким топором и пошел в цепях на «вечную» тюрьму из Градчина в Петербург?..* Человек этот, вырвавшись через годы и годы из тюрем и оков, снова принялся с тою же верой и любовью за свою общеславянскую проповедь, и только *его*-то имя не было произнесено? Твое, опальное имя, Бакунин, отсутствует на первом общеславянском соборе.

Я знаю, что ты всего меньше заботаешься об этом, тем больше что торжество это идет не твоими путями, но это не мешает твоим друзьям не только заботиться об этом, но и говорить... Тебе вменили тогда в преступление не только в Вене, но и в Петербурге то, что восхваляют теперь в твоих товарищах 1848 года. Как будто вы стояли не на одном и том же поле, как будто пушки Виндишгреца не так же были направлены на тебя, как на них? *

Заброшенный бурями куда-то за Прочиду *, ты мне напоминаешь сочинителя драм, сидящего в убогом углу своем, в то время как где-нибудь на помосте, освещенном яркими огнями, в золоте и бархате актеры говорят *его слова* и тысячи рукоплещут им, не думая вовсе об авторе.

Такова судьба «ранних сеятелей», минутами это больно, досадно... а в сущности, пусть выстраданное ими легко достается другим! Разве они не были с лихвой награждены и внутренним сознанием и утренней зарей нового дня, которую они первые

видели. Никто не говорил, что те, кто сеяли, те будут жать... Вот было бы горе, если б сеявшие не дождались всходов... а они-то и колышутся и волнуются, перемешанные с лебедой, перед нашими глазами.

Остальное не важно.

К тому же ты знаешь, что на десять путешественников, бывших в Palazzo Ducale в Венеции, девять помнят один портрет из всего ряда дождей, — это портрет Марино Фальеро, *потому что его нет* и вместо его бросается в глаза пустая рама, в которой написан *приговор* *. Тебя *хотели забыть*, а хотеть забыть и помнить — это одно и то же.

Кстати, к памяти... помнишь наши долгие разговоры перед Февральской революцией, в которых я, как прозектор, указывал рост смерти западного «старика», а ты с надеждой и упованием — рост едва обличившейся жизни славянского недоросля. Я и в него не очень верил, *а верил в одну Россию и ее социальные зачатки*. Мы спорили, над нами смеялись. В нашем споре были общие стороны, они-то стали теперь общими местами полуофициальных сходов и полуофициальных газет в России.

Я не могу удержаться от улыбки, читая наши стародавние мысли, разбавленные водой из Фонтанки и из Патриарших прудов, повторяемые на тысячи ладов на московских пирах, на петербургских обедах, на сходах и конференциях, в передовых статьях журналов и в речах злейших врагов наших. Иногда, как Тарас Бульба, я их не тотчас узнаю *, все они прошли богословием и оделись в стихари, натерлись постным маслом и пропахли ладаном; самые светские из них в мундирных фраках разных ведомств. Согласись, Бакунин, что, помимо великой иронии, есть глубокое наслаждение в этом карнавальном зрелище чиновничьего обсуживания вопросов о Западе и Востоке и православно-революционной пропаганды, имеющей целью поднять славян с хоругвью Кирилла и Мефодия... Вот какую кору пробило семя... и нечего сердиться, что на ростках осталась грязь. Природа и история не отличаются особенной чистоплотностью, они словно любят грязными руками делать чистую работу... а дело-то просто в том, что чистых сил слишком мало под руками... они и хватаются за все, не разбирая, лишь бы вышло на свет *то, что на свет просится*. Старый

гегелист, ты не забыл о его немецкой *Bedenklichkeit* насчет бесцеремонного соединения очень противоположных жизненных отправлений в одном и том же органе *.

Не мытьем, так катаньем — лишь бы дело шло.

А дело идет.

Что и доказать надлежало.

И — р

БЕРЕЗОВСКИЙ

Из всех подробностей, напечатанных в разных журналах, ясно подтверждается то, что все *трезвые* люди говорили с самого начала. Березовский *стоит один*, как стоял Каракозов, — юноша, фанатик, личность вроде Карла Занда, Алибо *... Кроткий и тихий нравом, он отличался еще в школе принадлежностями упрямства; задумчивый и скромный, он никогда не принимал участия ни в рассеяниях своих товарищей, ни в их сходках, он держал себя в Париже поодаль, вероятно, уважая в себе оружие провидения и храня его чистоту. Мистическое направление ясно из его ответов *. Месть ли за родину или за своих двинула этого человека — кто разберет? Понятно одно, что такой человек, попавши на такую мысль, остановиться не мог. Разные журналы, и в том числе «*Indépendance*» (№ 163), говорит, что «его брат был повешен, отец сослан, сестра погибла» *, — может, но этого вовсе не нужно было, чтоб поднять фанатического мстителя за свою страну.

Когда это люди начнут смотреть спокойно и с достоинством на эти кровавые *следствия* политического неустройства, на эти страшные ответы праву сильного, всегда идущего от груди трупов, от ручьев крови, оставляющего за собой глубокие раны, смертные обиды? Чего тут хвалить, чего тут порицать? Думать надобно о тех непреодолимых темных силах, которые скребут на сердце и будят женщину середь сладострастия, цветов и опрокинутых чаш для того, чтоб она схватила меч и отрубила голову Олоферну *. Эти самозванные исполнители судеб вне суда и осужденья. Их можно убивать, если сила в руках, или канонизировать, если сила очутится в их руках. Они не поймут ни того, ни другого. Оправдание их лежит

в совокупности безобразных обстоятельств, наказание — в неуспехе, остальное не много прибавит.

Мы не думаем, чтоб Березовского казнили. Вероятно, государь сделает *парад* заступничества... которого он не сделал дома во время Каракозова *; но, если б его и ждал нож гильотины... пусть общество обороняется как знает, как степень его судебного смысла развита, но не будем толковать о справедливости, о вменении. Аршины не те.

Знаменитый Георг Форстер писал своей жене во времена пушного террора девяностых годов: «Не все здесь идет красиво, но революция — ураган, который уносит людей и народы далеко за пределы обыденной жизни, и тут их поступки нельзя судить по законам исправительной полиции» *.

Действительно, есть мгновения в жизни народов, в которые весь нравственный быт поколеблен, все нервы подняты и жизнь человеку так мало стоит... *своя жизнь*... что он делается убийцей.

«В июле 1792,— рассказывает M-me Roland,— поведение двора было очень подозрительно, и все рассуждали о том, как бы предупредить его намерения. Шабо говорил, что прекрасно бы было, если б двор вздумал посягнуть на жизнь каких-нибудь представителей-патриотов, что это поднимет народ, и пр. Гранжнев не сказал ни слова в присутствии других, но наедине он сообщил ему, что он был поражен правдой его рассуждений, „но, говорил он, двор слишком хитер, чтоб дать нам в руки такой повод, надобно помочь делу: найдите людей, которые взялись бы за исполнение, *я обрекаю себя*“.— „Как, вы?“— „Без сомнения, тут нет ничего особенного, жизнь моя не имеет никакой важности, и я с наслаждением пожертвую ею“.— „Друг мой, вы не будете одни,— заметил восторженно Шабо,— я хочу разделить эту славу с вами!“— „Как угодно, *одного* довольно, но *двое* лучше; только славы никакой не будет. Ведь нашего решения никто не должен знать. Приготовим же средства“.

Несколько дней спустя Шабо сообщил Гранжневу, что у него все готово и что он нашел людей.— „Ну так назначим время: мы пойдем завтра вечером в комитет — я выйду в десять с половиной, надобно пройти такой-то глухой улицей,

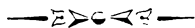
там приготовьте ваших людей. Смотрите, говорит Гранжнев, распорядитесь, *чтоб люди били нас наповал*, я вовсе не хочу быть изуродованным“. В назначенный час Гранжнев явился. Шабо не было. Гранжнев думал, что он переменял намерение, и стал тихим шагом прогуливаться взад и вперед по глухому переулку... никаких убийц нет. Он ходил, ходил да и пошел домой»¹.

Можно ли этих людей судить судами и наказывать по кодексу?..

В русских газетах выстрел Березовского сделал мало шума, усталь от 4-го апреля сказала, два раза нельзя поднимать *такое горе*; тем не меньше общий тон необыкновенно подл — не подбострастием, к которому привыкли народы, считающие себя «необыкновенным народом и своего царя необыкновенным царем» (как выражается «Голос»)*, а ярым, полицейским бешенством, с которым ищут общничества и хотят замешать в дело Березовского Польшу, революцию, Европу, шар земной и, главное, своих журнальных врагов. «Голос» превзошел «Моск. ведом.»*

Катков должен быть счастлив, он создал школу, он заразил целое поколение фискаломанией и полицейским тиком.

¹ Mémoires de M-me Roland, Biblioth. Nationale, t. I, pag. 183—184

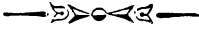

КОТАМ ИГРА, МЫШАМ СЛЕЗЫ

Новости из Крита ужасны. Омер-паша, побитый снова под Ираклионом, сжег все деревни, не защищаемые военной силой, и перебил их жителей. Консулы засвидетельствовали своим правительствам о совершившихся ужасах*. И в это время Горчаков, Бисмарк, Меттерних и пр. положили в Париже *спокойно ожидать*, как дальше пойдет критское дело. Оно умно, осторожно, человечественно и очень полезно Омер-паше. Зачем же было позволять якобинские воззвания Филарета, демагогию Николай Николаевича, зажигательные прокламации Краевского?*

...Даже теперь, в сию минуту, скопище революционеров двора его императорского величества говорит болгарам: «Держитесь, только тот освобождается, кто держится, как греки в двадцатых годах!» Да ведь это говорил Чарторижскому... Нет, нет, это в русских газетах... Ох вы, болгары, на русское правительство надейтесь... а на Омер-пашу посматривайте. Москворецким красноречием и невскими посулами худо отвечать пулям и огню.

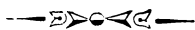

ВЕНГЕРСКАЯ АМНИСТИЯ

Даже Австрия сумела наконец дать действительную амнистию, такую, по которой могли возвратиться Клапка и Перцель*. Была ли у нас какая-нибудь серьезная амнистия с 1801 года, когда Александр I сотнями возвращал из Сибири невинных, сосланных туда юродивым Павлом? Маститым старцам 14 декабря разрешение возвратиться в Россию было окружено страшными унижениями и обидными мерами...

ЦЕНЗУРНЫЙ БРЕД

Г-н Гайдебуров за перевод 2-го тома книги Вундта «Душа человека и животных», — перевод *которого он в продажу не пускал*, а по закону представил отпечатанный экземпляр в *светскую цензуру*, препроводившую его в *духовную цензуру*, — был приговорен *окружным судом* к *недельному* заключению в тюрьме и штрафу 25 руб. сер.* Не станем воспроизводить всего этого бессмысленно-безобразного дела, где к наказанию приговорен человек, *не совершивший преступления*, — это было бы слишком длинно и в 151 № «Голоса» изложено достаточно ясно *, чтобы быть совершенно понятным. Мы только скажем несколько слов о том, что пора бы даже *реформирующему правительству* понять, что законы должны быть, во-первых, писаны определенно, а во-вторых, что ненужные учреждения подлежат прекращению. Какая радость реформирующему правительству иметь две цензуры — светскую и духовную? Из их столкновения необходимо станут вытекать нелепости, позорящие правительство, а пользы никакой не выйдет ни для кого. Если уже реформирующее правительство *не умеет* похерить духовную цензуру, то пусть оно ограничит ее власть ее районом, т. е. церковной литературой, а науку оставит от нее свободною. Духовная цензура — если за ней будет признана такая власть — может запретить всякий учебник астрономии, потому что *по религии* солнце останавливалось с приказа Иисуса Навина, а *по математике* оно останавливаться не могло. После этого ни одной научной книги нельзя будет ни переводить, ни писать. Дайте же наконец свободу — если не фантазии, то, по крайней мере, *разуму*.

НЕУДАВШИЙСЯ ДЕТСКИЙ ПРАЗДНИК

Говорят, что полиция в Варшаве приготовляла небольшое драматическое представление для проезда государя* и отложила потому, что сюрприз был разглашен газетчиками. В виде

политической демонстрации против страстного желания присоединиться к России должны были появиться там-сям польские знамена. Такой дебош производит негодование народа... народ (вторые роты полиции в блузах) бежит в неистовстве по улицам, попирает знамена своего отечества, ставит везде русское знамя и поет — вероятно, на голос из «Фрицхен и Лизхен» Оффенбаха *:

Я хочу присоединиться, Он хочет присоединиться,
Ты хочешь присоединиться, Мы хотим присоединиться

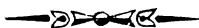
к *свободной России*. Государь, огорченный беспорядком, тронут другим, уничтожает Польшу, дарует право некоторым из панов носить *в* на конце фамилии, принимает титул «освободителя всея Польши от существования» и едет в Петербург, оттуда — амнистия, прощающая всех поляков, не участвовавших в восстании, и пр.

Теперь, говорят, просто сами паны придут к государю каяться в том, что у них открылось непреодолимое желание сделаться русскими и с отчаяния, что Березовский стрелял, броситься в пучину морскую, называемую Российской империей. «У сына моего отца обителей много», — говорит государь и, убедившись, что Польша умерла, возглашает: «Vive la Pologne!»

〈ТРЕПОВ〉

¿ *Правда ли*, что петербургский обер-полицмейстер *Трепов* до того огорчился выстрелом 6 июня, что занемог и поехал в Париж для *аускультации*... (лишь бы не для *перкуссии*)?

СУД В ПАРИЖЕ И УБИЙСТВО В ПЕТЕРБУРГЕ

Какая разница между простым судопроизводством по делу *Березовского* с диким ниспровержением всех понятий суда и справедливости в деле *Каракозова!*

Становится тяжело и стыдно, не за судей, — судей у *Каракозова* не было, — не за суд, — *мы его не знаем*, он был сделан воровски, втихомолку, — не за правительство, составленное из невежд и интригантов, из холопей в барстве, из немцев в панславизме, из бюрократов без совести и генералов без смысла, — становится тяжело за нас, рабов, и стыдно за распутную журналистику, за чудовищное общественное мнение, которое после 4 апреля навело тупоумный испуг правительства на преступление. муравьевской комиссии и после 6 июня сделало бессильный, но подлый опыт замешать в дело людей, не участвовавших в покушении *Березовского*... Мы не можем вспомнить без омерзения гнусные статьи «Голоса»*... Какой урок дали французские судьи нашим наушникам-негодяям!

Свободной России *мы* не увидим. Весь наш труд — в ломке препятствий и расчищении места. Мы умрем в сених, и это не оттого, что при входе в хоромы стоят жандармы, а оттого, что в наших жилах бродит кровь наших прадедов — сеченных кнутом и битых батогами, доносчиков Петра и Бирона, наших дедов — палачей вроде Аракчеева и Магницкого, наших отцов, *судивших* декабристов, *судивших* Польшу, служивших в III отделении, забивавших в гроб солдат, засекавших в могилу крестьян¹.

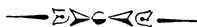
¹ Недавно в «Голосе» были образцы помещичьих злодейств (о которых «Весть» отзывается так снисходительно)*. Пятнадцать лет, десять лет тому назад умирали женщины, прикованные к стене, мужики вешались за палец, а неповешенные преступники, делавшие это, живы, ездят в гости, имеют *добродетели*.

Оттого, что в жилах наших *лидеров*, наших журнальных запевал догнивает такая же гадкая кровь, благоприобретенная их отцами в передних, съезжих и канцеляриях...

В каждом из нас есть атом Аракчеева, есть капля Муравьева.

Где же нам понять *суд* в политическом деле?

Где же правительству понять необходимость амнистии после всех черных дел, совершенных бессмысленно?

ПОЛЬСКОЕ ДЕЛО

В последнем листе «Гмины» было письмо ее издателей к нам по поводу десятилетия «Колокола». Письмо это и небольшая статья о «панславизме» в прошлом ее листе дают новое доказательство близости их взгляда к нашему. За письмо мы только дружески благодарим, отвечать мы будем после. Нам очень трудно писать о Польше, мы не свободны в этом вопросе, нам нет *простора* в нем. «Гмина» в отношении к нему лучше поставлена: если и ей приходится терпеть от нетерпимости старого патриотизма, то все же она *говорит своим*.

В заключение мы напомним «Гмине», что *двадцать лет* кряду мы проповедуем, что славянскому миру только и есть будущность, что в *федеральном союзничестве*, а потому-то нам и дорого сознательно понятое сочувствие со стороны юной Польши.

〈В 75 ЛИСТЕ «МОСКВЫ» НАПЕЧАТАНО...〉

В 75 листе «Москвы» напечатано, что «Zukunft» и другие австрийские газеты, известив своих читателей о *прекращении* «Колокола», прибавляют, будто бы «Герцену русское правительство обещает свободное возвращение в Россию».

«Колокол» не прекращался, правительство не обещало, я не возвращаюсь, и нам остается еще раз высказать наше удивление охоте перепечатывать всякий вздор, да еще откуда — из австрийских газет.

Можем ли мы, при *теперичных обстоятельствах*, возвратиться в Россию, не сделавшись изменниками своего собственного дела? В чем же мы показали, что у нас есть склонность к ренегатству?

Мы страстно желаем возвратиться в Россию... но уж, конечно, не по милости Шувалова, не по ходатайству Валуева и не по благословию Толстого.

〈КАКОЙ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ВОЕННЫЙ СУД...〉

Какой удивительный военный суд: подполковник Кноринг за растрату казенных денег и нанесение тяжкой обиды словами и *действиями* поручику Давыдову, по смягчающим вину обстоятельствам, — *отставлен*; а Давыдов за нанесение оскорбления подполковнику Кнорингу — *разжалован в рядовые*. Конфирмация суда принадлежит е. и. в. главнокомандующему Кавказской армией. Что может быть нелепее!

<«СКОРОСТЬ НУЖНА ТОЛЬКО ДЛЯ ТОГО...»>

☞ «Скорость нужна только для того, чтоб блох ловить», — говаривал мне, когда я был мальчиком, мой учитель математики*. Хотя я с ним и не совершенно согласен, но есть случаи, в которых он прав. Иностраннные и отечественные газеты, месяц тому назад, со слезами рассказали, что государь император просил императора государя о пощаде дней Березовского*. Нам казалась эта выходка, взятая из известной комедии «В гостях ангел, дома сатана»*, не совсем достоверной: как же просить помилованья неосужденному? Ну, а если это правда, как фурвоировался благодушный монарх с своей *скоростью**,

LA COLONIE RUSSE

Cher ami, vous me prenez au collet très cavalièrement comme un gendarme... moi, je végète alpestrement en Suisse, je ne pense à rien de mauvais, et tout à coup vous m'arrêtez: «Vos papiers, s'il vous plaît?»—«Quels papiers?»— «Des esquisses, des croquis au crayon, au charbon, à la plume?»— «Des croquis de quoi?»— «Mais *des russes à Paris...*»

Mais, cher ami, vous avez tout oublié à l'exception de ma personne. A quoi pensez-vous donc? Je ne connais ni les russes contemporains, ni Paris rebâti. Je n'ai que des souvenirs, des fleurs fanées, des cartons à demi effacés, à demi dénués d'intérêt.

Savez-vous qu'il y a bien *vingt ans* que moi, pieux pèlerin du Nord, j'entrai pour la première fois à Paris, et qu'il y a déjà *quinze ans* que son climat m'est devenu malsain.

Oui, c'était au mois de mars 1847¹, j'ouvris une vieille et lourde croisée de l'hôtel du Rhin et je tressaillis: l'homme sombre en bronze, les bras croisés, le chapeau enfoncé² était devant moi sur une colonne. Or, c'est vrai, c'est une réalité — je suis à Paris — à Paris! et tout le sang me montait à la tête!

Un sentiment existe pourtant, que les aborigènes de Paris ne connaissent pas, eux qui ont tout éprouvé jusqu'à la fatigue, c'est le sentiment que nous éprouvions en entrant pour la première fois à Paris. Depuis notre enfance, Paris était pour nous notre Jérusalem, la grande cité de la Révolution, le Paris du Jeu de Paume, de 89, de 93.

¹ Le souvenir, je le prends dans un volume non imprimé — de mes «Souvenirs».

² Un vers de Pouchkine.

Berlin, Cologne, Bruxelles, c'est bon de les voir, mais on peut s'en passer. Une fois à Paris, on sentait que l'on était arrivé, et on défaisait tranquillement les malles.— Il n'y avait rien au delà. On ne connaissait pas même Londres dans ces temps bien heureux. Londres n'a été découvert que du temps de l'exposition de 1852.

Depuis que Paris est devenu ville universelle, il y a moins de France en lui, *moins de Paris*. Les rapports se sont modifiés. Grand-hôtel œcuménique, caravansérail de toute l'Europe et de deux, trois Amériques; sa propre individualité s'est fondue, perdue dans cette foule étrangère à laquelle, par politesse, il cède le pas; et elle l'accepte.

Les alliés bivaquant en 1814, sur la place de la Révolution, savaient parfaitement qu'ils étaient dans une ville étrangère. La grande armée touriste, les conquérants des chemins de fer, au contraire, sont convaincus que Paris leur appartient comme le wagon, comme la cabine; ils prétendent qu'ils lui sont nécessaires, que c'est pour eux qu'il se met en briques neuves, abat ses murs historiques et efface son histoire.

En traversant maintenant Paris, je ne reconnais plus mes russes: ils se promènent le verbe haut, la tête levée comme s'ils étaient à Kazan ou à Riazan, ils répandent une atmosphère de cuir russe et de tabac turc, de Sibérie et de Tartarie, à peine neutralisée par le brouillard lourd et narcotique de l'élément allemand, qui, à son tour, a envahi Paris. Et au bout du compte, il faut les excuser, ces braves *thuraniens*, tout leur rappelle leur belle patrie: les «samovars», les caviars, les enseignes en lettres cyrilliennes pour annoncer au français la qualité du thé chinois. Rien de pareil de mon temps, en 1847. Paris était exclusif, monoglotte, un peu fier, d'autant plus que vers la fin de l'année il avait déjà un peu de fièvre. Aussi il fallait voir le respect, la vénération, l'adulation, l'admiration des jeunes russes qui arrivaient à Paris. Les seigneurs, qui ne se gênaient jamais en Allemagne,— dans cette antichambre de Paris,— commençaient, dès qu'ils passaient la ligne de l'octroi, à dire *vous* à leurs domestiques, qu'ils rossaient à Moscou. Dès le lendemain, les inabordable boyards, les insolents, les durs, faisaient leur adoration des magés, faisant la cour à toutes les célébrités, n'importe dans

quel genre et de quel sexe, depuis Désirabode le dentiste jusqu'à Ma-pa le prophète.

Les plus petits lazaroni de la Chiaja littéraire, chaque chiffonnier de feuilleton, chaque manœuvre du journalisme leur imposait, et ils s'empressaient de lui offrir, même à dix heures du matin, du Roederer ou de la veuve Cliquot, heureux s'il l'acceptait.

Pauvres gens, ils étaient à plaindre dans leurs manie de vénération. A la maison, ils n'avaient rien à estimer que la force brutale et ses signes extérieurs, les rangs et les décorations. Aussi, une fois la frontière passée, le jeune russe était saisi d'une idolâtrie aiguë; il tombait en extase devant tous les hommes et toutes les choses, devant les concierges et la philosophie de Hégel et les tableaux du musée de Berlin, devant Strauss le théologue et Strauss le musicien. La bosse de la vénération allait en s'agrandissant jusqu'à Paris. La recherche des célébrités était le tourment de nos Anacharsis, un homme qui a parlé à Pierre Leroux ou à Balzac, à Victor Hugo ou à Eugène Sue sentait qu'il n'était plus l'égal de ses égaux. J'ai connu un brave professeur qui a passé une soirée chez George Sand, et cette soirée a divisé son existence comme un cataclysme de géologie en deux parties; c'était le point culminant de sa vie, son souvenir consolidé, auquel aboutissait tout son passé dont jaillissait le présent.

Heureux temps de cette religion naïve, des «Heroworship» et de la grande cité.

Le russe de ces temps faisait plus que vivre à Paris: à côté de la jouissance positive, il avait le sentiment réfléchi, la conscience intime de se trouver à Paris, le sentiment d'un bien-être, de dignité qui le faisait chaque matin bénir le bon Dieu et les bons paysans qui payaient exactement leurs redevances.

Tout a changé depuis lors... même les dépenses; le russe est devenu ladre, avare: après l'émancipation est venue l'arithmétique.

Et je pense qu'il y avait un temps encore plus reculé, qui était encore plus beau que le nôtre 1847. Je vois avec tristesse que le monde slave dégénère, s'amointrit et devient, suivant l'expression de madame Figaro, comme tout le monde.

Et voici une preuve. Je prends mon exemple à la Pologne.

Взгляд

Французские журналисты тоже
уже так воспевают Россию по
поводу войны - и их sales reach
уже - журнал L'Espresso 300,000
уже - редакция La Nation. Но
уже они стараются практикой -
и в свое время сохранили от
попытки Т. Керенского функционировать
гений республиканской системы -
суд - судно до - республике для
применения под прилогом для
главного суда.

- ; Неужели мы не хотим и
охранения - думая нами
быть до конца до власти
использованных не нами
русские Кавказу - в
Кавказе ?

Две заметки для «Смеси», не опубликованные в «Колоколе».
Автограф Герцена.

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.

(Ahl si les russes, en général, ne prenaient à la Pologne que des exemples!)

Connaissez-vous l'histoire du passage Radziwill? Probablement non. Or, voici ce qui est arrivé du temps de la régence. Le prince Radziwill, le type le plus colossal, le plus sauvage, le plus grandiose, le plus magnifique des magnats polonais, après s'être chamaillé avec le roi de Pologne, qui était deux fois plus pauvre que lui, s'était décidé à s'éloigner pour quelques années de la Pologne. Il choisit, comme de raison, Paris pour lieu de son exil, et prit, pour y arriver plus vite, un moyen assez étrange: il ordonna d'acheter autant de maisons qu'il y avait de relais (le prince voyageait avec ses propres chevaux, — une centaine, peut-être deux). Il se décida à prendre cette mesure économique parce qu'il n'était pas accoutumé à dormir sous le toit d'un autre. Enfin, les maisons étant achetées, les relais faits, Radziwill arrive à Paris. Là, grande amitié avec le régent. Le duc d'Orléans ne pouvait se rassasier de voir Radziwill prendre des quantités exorbitantes de vin de Hongrie en le changeant, pour se reposer et se calmer, contre les rasades d'eau-de-vie. Le régent aimait passionnément à le voir jouer aux cartes; Radziwill perdait des sommes énormes sans s'en apercevoir, et ordonnait avec un sang-froid parfait à deux géants d'«hayducks» d'apporter des sacs remplis d'or.

Enfin, le régent usé et le prince non entamé ne pouvaient se passer l'un de l'autre. Lorsque Radziwill tardait à venir, le régent lui envoyait message sur message. Or, un jour, c'est le prince Radziwill qui avait grand besoin d'écrire à son ami. Il écrivit, plia la lettre et appela un des cosaques de sa suite.

— Sais-tu, — lui dit-il, — où demeure le régent?

— Non, prince.

— Connais-tu le Palais-Royal?

— Non, prince.

— C'est égal, tu demanderas, chacun te montrera; en outre, c'est à deux pas, là.

Le cosaque revient triste: il n'a pu trouver le Palais-Royal.

Le prince le fait monter:

— Regarde, animal, par cette fenêtre; vois-tu cette grande maison?

— Oui, prince.

— C'est là que demeure le régent; il est ici comme notre roi, comprends-tu, et c'est son palais. Fais vite.

Le cosaque, dès qu'il sortait de la maison, perdait le Palais-Royal. Il revint, sans avoir trouvé le régent, dans un tel état de désespoir qu'il fit quelques préparatifs pour se pendre. Le prince était de bonne humeur. Il fit venir son intendant. L'intendant venu, il lui ordonna d'acheter *quelques maisons* et de pratiquer un passage entre sa maison et le Palais-Royal. Lorsque le passage fut terminé, le prince, très-satisfait, s'écria: «Maintenant cet animal de cosaque saura trouver son chemin jusqu'au Palais-Royal».

Tempi passati! Et, ce qui est très étrange, les paysans ne les regrettent nullement. Oh! les paysans slaves sont si matérialistes!

ПЕРЕВОД

РУССКАЯ КОЛОНИЯ

Любезный друг, вы меня хватаете за шиворот, очень бесцеремонно, как жандарм... я прозябаю в горах Швейцарии, ничего дурного у меня нет на уме, и вдруг вы меня останавливаете: «Ваши бумаги, милостивый государь?» — «Какие бумаги?» — «Эскизы, наброски карандашом, углем, пером?» — «Наброски чего?» — «Да *русских в Париже*»...

Но, любезный друг, вы всё забыли, за исключением моей особы. О чем же это вы думаете? Я не знаю ни современных русских, ни отстроеного заново Парижа. У меня есть только воспоминания, засохшие цветы, рисунки, наполовину стершиеся, наполовину лишённые интереса.

Знаете ли вы, что вот уже *двадцать лет*, как я, благочестивый пилигрим севера, в первый раз вступил в Париж и что вот уже *пятнадцать лет*, как его климат стал для меня вреден *.

Да, это было в марте 1847 года¹; я открыл старое и тяжелое окно в *hôtel du Rhin* и вздрогнул: передо мною на колонне стоял бронзовый человек, «под шляпой, с пасмурным челом, с руками, сжатыми крестом»². Так это правда, это действительность — я в Париже — в Париже! и вся кровь бросилась мне в голову!

Существует однако чувство, незнакомое парижским аборигенам, им, испытавшим все до утомления, — это чувство, которое мы испытывали, вступая в первый раз в Париж. Для нас с самого детства Париж был нашим Иерусалимом, великим городом Революции, Парижем *Jeu de Paume* *, 89, 93 года.

¹ Это воспоминание я беру из ненапечатанного тома моих воспоминаний*.

² Стихи Пушкина*.

Берлин, Кёльн, Брюссель — недурно их посмотреть, но можно обойтись и без этого. Но как только мы попадали в Париж, мы чувствовали, что приехали, и спокойно принимались развязывать чемоданы. Выше этого уже ничего не было. Лондона даже не знали в те блаженные времена. Лондон был открыт только со времени выставки 1852 *.

С тех пор как Париж стал всемирным городом, в нем меньше Франции, *меньше Парижа*. Отношения изменились. Он стал великим вселенским трактиром, караван-сараям всей Европы и двух-трех Америк; его собственная индивидуальность растаяла, потерялась в этой иноземной толпе, которой он из вежливости дает дорогу и которая принимает это как должное.

Союзники, располагаясь в 1814 биваками на площади Революции, очень хорошо знали, что они были в чужом городе. Напротив, великая армия туристов, завоеватели железных дорог, убеждены, что Париж принадлежит им, как вагон, как каюта; они утверждают, что они ему необходимы, что именно для них он одевается в новые кирпичи, сносит свои исторические стены и стирает следы своей истории.

Теперь, проходя по Парижу, я не узнаю своих, русских: они гуляют, громко разговаривая, с высоко поднятой головой, как будто они где-нибудь в Казани или Рязани, они распространяют атмосферу русской кожи и турецкого табака, Сибири и Татарии, едва заглушаемую тяжелым и наркотическим туманом германского элемента, который, в свою очередь, заполонил Париж. И, в конечном счете, их нельзя не извинить, этих бравых *туранцев*; все им напоминает их любезное отечество: «самовары», икра, вывески, написанные кирилловскими буквами, возвещающие французам достоинство китайского чая. Ничего подобного в мое время, в 1847, не было. Париж был исключителен, одноязычен, несколько горд, тем более что к концу года его уже начинало лихорадить. Зато нужно было видеть почтение, благоговение, низкопоклонство, восхищение молодых русских, приехавших в Париж. Вельможи, которые несколько не стеснялись в Германии — этой прихожей Парижа, — как только переступали черту города, начинали говорить *вы* своей прислуге, которую колотили в

Москве. На следующий же день неприступные бояре, наглецы, грубияны совершали свое поклонение волхвов, ухаживая за всеми знаменитостями, все равно какого рода и какого пола, начиная от Дезирабода, зубного врача, до Ма-па, пророка.

Самые мелкие лаццарони литературной Кияйя, всякий фельетонный тряпичник, всякий журнальный поденщик внушал им уважение, и они спешили предложить ему, хотя бы в десять часов утра, редерера или вдовы Кликко и были счастливы, если он принимал угощение.

Бедняги, они заслуживали сожаления в своей мании поклонения. Дома им нечего было уважать, кроме грубой силы и ее внешних признаков: чинов и орденов. Поэтому стоило только молодому русскому перейти границу, как им овладевало отчаянное идолопоклонство; он впадал в экстаз перед всем и вся, перед швейцарами и философиею Гегеля, перед картинами берлинского музея, перед Штраусом-богословом и Штраусом-музыкантом. Шишка почтительности росла все больше и больше до самого Парижа. Поиски знаменитостей становились пыткой наших Анахарсисов; человек, говоривший с Пьером Леру или с Бальзаком, с Виктором Гюго или с Евгением Сю, чувствовал, что он уже не был более равным среди равных. Я знал одного достойного профессора, который провел раз вечер у Жорж Санд; этот вечер, подобно какому-то геологическому перевороту, разделил его существование на две части; это была кульминационная точка его жизни, неприкосновенный капитал его воспоминаний, которым завершалась вся его прошлая жизнь и от которого брала источник настоящая.

Счастливые времена этой наивной религии, этого «hegoworship»¹ и великого города.

Русский в эти времена не просто жил в Париже: наряду с положительным удовольствием он испытывал отчетливое чувство, глубокое сознание того, что он в Париже, чувство нравственного благополучия, заставлявшее его каждое утро благодарить всеблагого бога и добрых крестьян, исправно плативших свой оброк.

¹ поклонения героям (англ.).— *Ред.*

Все переменялось с тех пор... даже расходы: русский стал скупцом, скрягою; после освобождения крестьян на сцене появилась арифметика.

И вот мне приходит на ум, что было время еще более отдаленное и еще более прекрасное, чем наше время 1847. Я с горестью вижу, что славянский мир вырождается, мельчает и становится, по выражению мадам Фигаро, таким, как все *.

Вот доказательство. Я беру свой пример у Польши. (Ах, если бы русские вообще брали у Польши одни лишь примеры!).

Знаете ли вы историю проезда Радзивилла?* Вероятно, нет. Ну так вот что случилось во времена регентства. Князь Радзивилл, самый колоссальный, самый дикий, самый грандиозный и великолепный тип польского магната, разругавшись с польским королем, который был вдвое беднее его, решил на несколько лет удалиться из Польши. Местом своего изгнания он выбрал, само собою разумеется, Париж и, чтобы скорее доехать до него, прибегнул к довольно странному способу: он приказал купить столько домов, сколько было остановок для смены лошадей (князь ехал на собственных лошадях, на сотне, может быть, на двух). Он решился принять такую экономическую меру потому, что не привык спать под чужой кровлей. Как бы то ни было, дома были куплены, подставы приготовлены, Радзивилл приезжает в Париж. Там завязывается большая дружба с регентом. Герцог Орлеанский не мог досыта насмотреться, как Радзивилл поглощал непомерные количества венгерского, а на смену, ради отдыха и успокоения, — водку полными стаканами. Регент страстно любил смотреть, как он играет в карты; Радзивилл проигрывал огромные суммы, даже не замечая этого, и с полным хладнокровием приказывал двум гигантам гайдукам приносить мешки, наполненные золотом.

Словом, изношенный регент и непочатый князь не могли обойтись один без другого. Когда Радзивилл запаздывал, регент посылал к нему гонца за гонцом. Но однажды случилось, что не регенту, а князю Радзивиллу нужно было написать к своему другу. Он написал, сложил письмо и позвал одного казака из своей свиты.

— Знаешь ли ты, — спрашивает он, — где живет регент?

— Нет, князь.

— Ты знаешь, где Пале-Рояль?

— Нет, князь.

— Ну, все равно, ты спросишь, каждый тебе покажет; да притом это в двух шагах, вон там.

Казак воротился печальный: он не мог найти Пале-Рояля.

Князь велит его позвать наверх.

— Смотри, скотина, в это окно; видишь этот большой дом?

— Вижу, князь.

— В нем и живет регент; он тут как у нас король, понимаешь? и это его дворец. Ну, скорей!

Как только казак выходил из дому, он терял из вида Пале-Рояль. Не найдя регента, он вернулся в таком отчаянии, что стал собираться вешаться. Князь был в хорошем расположении духа. Он велел позвать своего управляющего. Как только тот явился, он ему приказал купить *несколько домов* и устроить проезд между своим домом и Пале-Роялем. Когда проезд был готов, князь, очень довольный, воскликнул: «Теперь этот глупый казак сумеет найти дорогу к Пале-Роялю».

Tempi passati! И, что чрезвычайно странно, крестьяне нимало об них не жалеют. О! эти славянские крестьяне — такие материалисты!

⟨РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «FIGARO»⟩

Monsieur le directeur,

Votre estimable feuille a donné une nouvelle inexacte par rapport au journal russe qui se publie à Genève. Le *Kolokol* n'a pas cessé d'exister. Après une lutte incessante de dix années nous avons voulu reprendre haleine et nous recueillir. Nous avons, en conséquence, suspendu notre publication jusqu'au 1 janvier 1868. Nous en avons averti tous les libraires avec lesquels nous sommes en rapport.

Vous m'obligerez, monsieur, en en faisant une mention dans le *Figaro*.

Recevez etc.

Al. Herzen,
rédacteur du *Kolokol*

ПЕРЕВОД

Господин редактор,

Ваш уважаемый орган сообщил неточное известие о русской газете, издающейся в Женеве. «Колокол» не прекратил своего существования. После непрерывной десятилетней борьбы нам захотелось перевести дыхание и сосредоточиться. Вследствие этого мы приостановили наше издание до 1 января 1868 года. Об этом мы известили всех книгопродавцев, с которыми находимся в сношениях.

Вы меня обяжете, милостивый государь, упомянув об этом в «Figaro».

Примите и пр.

Ал. Герцен,
редактор «Колокола».

ЗАМЕТКИ,
НЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ
В «КОЛОКОЛЕ»,
И НАБРОСКИ

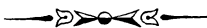
⟨ФРАНЦУЗСКИЕ ЖУРНАЛЫ ГОВОРЯТ...⟩

Французские журналы говорят, что секретарь русского посольства Чичерин — или само посольство — должны заплатить 300 000 фр. редакции «La Nation». Посольство отказывается платить — и в то же время сделало опыт покрыть г. Чичерина дипломатической неприкосновенностью — суд будто бы не принял эту протекцию под крыльями двуглавого орла.

⟨¿НЕУЖЕЛИ ТУПОУМИЕ И ДУРАЧЕСТВО
ДИКОГО ПАТРИОТИЗМА...⟩

¿Неужели тупоумие и дурачество дикого патриотизма дойдет до введения астрономической нелепости русского календаря — в Польше?

СВОБОДА КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Брюссельские «отголоски» прекращаются, — немудрено — нет *голоса*, нет и *эхо*. Калигула хотел, чтоб Рим имел одну голову, — а Шувалов с Валуевым — чтоб Россия имела одни «Московские ведомости»... Видно, в Брюсселе их перепечатывать не хотят — для Белгии и «Норда» довольно.

〈НАБРОСОК ОБЪЯВЛЕНИЯ
О ПРЕКРАЩЕНИИ «КОЛОКОЛА»〉

К 1 июля 1867

Мы останавливаемся до Нового года.

Следующий лист «Колокола» выйдет 1 января 1868.

До тех пор мы [постараемся] намерены издать Сборник статей — политических, социальных и литературных — под Заглавием [Альманах] Сборник «Колокола».

Оглавление

Полное собрание «Колокола» за десять лет продается

переплетенное }
не переплетенное } в двух частях

**РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ,
ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ**

ЧАСТНЫЕ ПИСЬМА ОБ ОБЩЕМ ВОПРОСЕ
 <ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ Н. П. ОГАРЕВА>

Две статьи, помещенные «К концу года» в двух последних листах «Колокола», так органически, естественно втекают в письма Огарева о *русском социализме*, так служат им введением, что я не счел нужным продолжать их.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Обращаем особенное внимание наших читателей на то, что *Вольная русская типография в Женеве* принимает с нового года сверх заказов для печатания на русском, и на польском, сербском, французском и английском языках.

Типография снабжена новыми шрифтами и может ручаться не только за точное и красивое выполнение, но и за сравнительную дешевизну заказов.

Подробный тариф ценам печати на разных языках, в разном формате и на разной бумаге желающие могут найти в Бюро типографии, 40, Pré l'Évêque.

**ВРАНЬЕ О СИМБИРСКИХ ЗАЖИГАТЕЛЯХ —
САМИ СЕБЯ И ДРУГ ДРУГА ПРЕДАЮТ!**

В «Русском инвалиде», по поводу различных толков о симбирских пожарах, пишут следующее:

Теперь мы имеем некоторые сведения, которые показывают, что по делу о симбирских пожарах не только не было еще судебного разбирательства, но даже и само следствие еще не окончено. Мы можем сообщить нашим читателям, что все, что до сих пор было сделано следственной комиссией, еще *весьма далеко от окончательного уличения кого бы то ни было; напротив, есть много поводов сомневаться в основательности первоначально возникших подозрений и обвинений.*

ПИСЬМО МОСКВИЧА

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

С благодарностью помещая корреспонденцию «Москвича», мы считаем себя обязанными сказать, что значение обеда понимаем не так.

НИКОЛАЕВСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА И ЕЕ ЭТИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ¹

⟨ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА «ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ»
И ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Печатаемая присланную нам записку о подвигах наших государственных хозяев *на большой дороге*, между Москвой и Петербургом, мы, естественно, не можем ручаться в точности за все, что читатели найдут в ней. Но достаточно прочесть этот горячо и с очевидным знанием дела написанный рассказ, для того чтобы, не задумываясь, отнести его к числу материалов для истории русской администрации и для уяснения причин жалкого состояния русских финансов. От петербургского правительства ждать нечего, и потому такие материалы не для него. Мы думаем, что они пужны нашему земству, от которого так заботливо утаивают все, что может навести на мысль об

¹ 2/14 марта «СПб. ведомости» напечатали следующее:

«Пассажирский поезд Николаевской железной дороги, вышедший из Москвы в половине седьмого часа вечером, в прошлую пятницу, как сообщают в „Голосе“, пройдя шесть верст за Тверь, где взят был свежий локомотив, вдруг остановился. По осмотре машины оказалось, что водопроводная трубка под локомотивом лопнула. Дальше следовать поезду было невозможно. Послали пешком кондуктора в Тверь просить помощи. На дворе — глухая ночь; поднялась страшная вьюга; несчастные пассажиры, провябшие и проголодавшиеся, должны были ожидать *шесть часов*, пока прибыл так называемый „дежурный“ локомотив, отвезший их обратно в Тверь, откуда поезд отправился в путь не раньше, как часа через два. Результатом всего этого было то, что поезд, вместо шести часов вечера, прибыл в Петербург *в три часа ночи*, опоздав таким образом *девять часов*, и не от каких-нибудь климатических или метеорологических условий, а единственно от недосмотра. Очевидец приключения прибавляет, что в поезде, при шести вагонах, было всего *два* кондуктора и один обер-кондуктор, которые не успевали тормозить вагонов по сигналу машиниста, что также подавало повод к неприятностям и могло бы иметь гибельные последствия. Увеличивающееся число беспорядков по Николаевской дороге невольно обращает на себя внимание».

Лучшего оправдания печатаемой нами статьи нет.

истинном положении дел в России. Легко вообразить себе, на какую скалу подымается эта организованная, систематическая *темная экономия* по всем отраслям управления, если на одной только железной дороге и на одном только топливе в короткое время завоевано более 2 000 000 рублей. Гуляют безнаказанно наши *белоланые волки* из конца в конец России. Добытая потом и кровью копейка падает в казну, как в бездонную яму. Мудрено ли, что никакими заплатами не покроешь всех прорех русского государственного рубища? Мудрено ли, что займы и дефициты растут с каждым годом, что падению нашего курса не видать и конца?

Мы убеждены, что в России не мало людей, которые могут сообщить такие же материалы по каждому министерству, по каждой отрасли управления. Если русскому земству еще долго не суждено видеть обнародование таких фактов в самой России, то пусть все знающие дело честные люди присылают эти материалы к нам. Мы готовы печатать их, уверенные, что их обнародование поможет русскому земству глубже проникнуть и короче познакомиться с нашими администрациями и администраторами.

Нужно ли говорить, что мы также готовы печатать всякие возражения и опровержения, основанные на фактах.

〈ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕР АННЕНКОВ〉

Обер-полицмейстер Анненков не дал дозволения купеческому клубу пригласить Стасюлевича для чтения в нем исторических лекций,— им, мол, и Лохвицкого довольно.

〈ВСЕВОЛОД КОСТОМАРОВ〉

В. Костомаров, известный своей гнусной ролью в деле Чернышевского, своими подлогами, доносами и пр.,— умер.

〈ВЕСТЬ О СМЕРТИ ВОЛОКИТИНА...〉

Весть о смерти *Волокитина* не подтверждается.

〈ДЕКАБРЯ 24 (5 ЯНВ.) ДОБРАЛИСЬ ДО ИРКУТСКА...〉

Декабря 24 (5 янв.) добрались до Иркутска Ветошников и Владимиров. Они ехали с Серно-Соловьевичем, но не доезжая 270 верст последний сильно заболел.

РУССКОМУ ДВОРЯНСТВУ
〈ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ〉

Мы получили по почте прилагаемый адрес с просьбой об его помещении в «Колоколе». Исполняем желание приславшего.

ЕЩЕ НИКОЛАЕВСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА
〈ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ〉

Мы получили письмо, строго критикующее помещенную нами статью о Николаевской дороге (217 и 218 л.). Автор письма желал бы больше фактов. Он заключает следующим рядом вопросов.

А ОНИ ВСЁ ИЩУТ ЗАГОВОРА!

Отец Каракозова, пишут из Сердобска в одну петербургскую газету, служил заседателем сердобского земского суда и умер лет 10—15 тому назад *помешанным*; старший брат его тоже впал в *помешательство* и по настоящее время содержится в доме умалишенных.

ОПЯТЬ ПО ПОВОДУ НИКОЛАЕВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ
〈ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ〉 :

Мы получили письмо по поводу замечаний, напечатанных в 219 л. «Колокола» по поводу статьи о Николаевской жел. дороге («Кол.», 217 и 218); помещаем из него следующие отрывки.

〈ИЗВЕЩЕНИЕ〉

Статья, подписанная *W.*, письмо по поводу каракозовского дела и еще финансовая статья — нами получены исправно.

КАРАКОЗОВ, ЦАРЬ И ПУБЛИКА
■〈ПРИМЕЧАНИЕ〉■

Спешим передать нашим читателям еще замечательную статью, вызванную рядом правительственных неистовств и общественных раболопий после 4/16 апреля. По несчастью, она

опоздала немного. Мы не во всех подробностях разделяем мнение автора, но это нисколько не мешает нам вполне ценить этот протестующий голос *русского из России* в несчастном карарозовском деле.

ИНОСТРАННАЯ ЦЕНЗУРА

Валуев в своей реакционной рьяности повещает своим подчиненным:

При оставлении на прежнем основании цензуры иностранной, согласно ст. IV высочайшего именного указа, данного Правительствующему сенату в 6-й день апреля 1865 г., все ее распоряжения сохраняют свою обязательную силу в отношении как обращающихся в России иностранных сочинений, так и переводов с оных, причем разрешение иностранною цензурою обращения в России книги на иностранном языке вовсе не заключает в себе изъятия от ответственности за содержание оной в случае перевода на русский язык, так как всякое подобное разрешение касается, по закону, буквально лишь иностранного издания и под условием оного не на русском языке. В отклонение могущих возникнуть по сему предмету недоразумений, при печатании частными лицами переводов с иностранных сочинений, покорнейше прошу ваше превосходительство сделать записящее распоряжение об объявлении вышеизложенного во всеобщее сведение, чрез припечатание в губернских ведомостях («Голос», № 158).

СЛУХИ

Выписываем из письма к нам, нисколько не гарантируя достоверность: «Свидание Наполеона с вашим императором (пишет немец)— дело решенное. На этом свидании будет один из главных предметов — о передаче Польши по левую сторону Вислы Пруссии или Австрии. Восточная Галиция, говорят, будет присоединена к России».

ПИСЬМО ИЗ СИБИРИ (ИЗ «CZASA»)

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Примечание сделано к следующему месту письма:

Но в Александровске оставили только сосланных на всю жизнь и на очень продолжительный срок: нас же, четырех и шестилетних, перевели в Севаковую¹. Мы попали из огня да в полымя, потому что тут гораздо хуже, чем в Нерчинских рудниках.

¹ Вероятно, вследствие знаменитой амнистии, о которой так кричат «М⟨осковские⟩ в⟨edomosti⟩».

ОБЩИЙ ФОНД

От г. Л. Мечникова получено 257 фр. деньгами и ему данное обязательство в 212 фр. Деньги эти принадлежали упраздненной кассе русских эмигрантов в Женеве *. Доводя об этом до сведения наших читателей, мы еще раз просим их вспомнить, что деньги Общего фонда *исключительно* назначаются для ссуд и вспомоществования *русским* политическим эмигрантам. Невозможность публичных отчетов заставляет нас принять эту сумму на личную нашу ответственность.

<ФОНД>

В Фонд, в полное распоряжение издателей «Колокола», присланы за № 00578 *тысяча двести* франков. Передано от Л. М. *двадцать* франков *. Напоминаем, что деньги эти идут *исключительно* на ссуды и вспомоществования *русским эмигрантам*.

1867

БЕЛЫЙ ТЕРРОР

<ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ Н. А. ВОРМСА>

Печатаемая *большую половину* чрезвычайно интересной рукописи, присланной нам из России, мы оставляем совершенно на ответственности писавшего им приводимые факты.

ОБЩИЙ ФОНД

За отъездом из Женевы на два месяца прошу имеющих необходимость в ссудах не больше *пятидесяти* франков и в вспомоществованиях не больше *десяти* фр. адресоваться к г. Л. Чернецкому, в Русскую вольную типографию, 40, Rue l'Evêque. При этом мы просим вспомнить:

1) что те из русских эмигрантов, которые брали ссуды и еще не возвратили, не имеют права на ссуду, но только на вспомоществования,

2) что вспомоществования не могут быть деланы чаще одного раза в месяц.

15 декабря 1866.

«Колокол» на 1867 год будет издаваться на прежнем основании, в том же духе и направлении. В *десять* лет друзья и противники успели его узнать, и издателям прибавлять нечего.

На 1867 год «Колокол» будет выходить в месяц *один раз*, каждое 1-ое число. В случае нужды мы будем издавать двойные листы и листы с прибавлениями.

Цена каждого листа *пятьдесят* сантимов.

ПИСЬМО ИЗ ПЕТЕРБУРГА

«ПРИМЕЧАНИЯ КЪ СТАТЬЕ П. В. ДОЛГОРУКОВА»

⟨I.⟩ Получив с величайшей благодарностью эту корреспонденцию, помещаем ее без всяких изменений с нашей стороны.

⟨II.⟩ Эту статью Аксакова мы поместим в след. листе «Колокола».

⟨ОБЩИЙ ФОНД⟩

В *Общий фонд* из Италии прислано 25 франков,

⟨ОБЩИЙ ФОНД⟩

В *Общий фонд* получено из Ниццы 100 франков,

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

С следующего листа «Колокола» мы начнем помещать ряд ненапечатанных прежде отрывков из «Былого и думы» и литературные статьи под заглавием «Без связи»*.

В избежание недоразумений мы просим посылающих нам статьи или корреспонденции заявлять *вперед* — желают ли они получать плату или нет*.

ПИСЬМО М. А. БАКУНИНА

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Примечание сделано к следующему месту письма:

Ты довольно силен, Герцен, чтоб не нуждаться в чужой помощи, и потому я буду отвечать за себя одного. Если б

ты не начал этой полемики, я продолжал бы молчать, как молчал до сих пор, не заботясь о том, что говорят обо мне гг. Скарятини и Краевские<...>

Вот этот уж ничего не говорит!

ИЗ ПИСЬМА К ИЗДАТЕЛЯМ «КОЛОКОЛА»

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Примечание сделано к следующему месту письма:

Но вот за что отвечаю: как бы сильно, страстно и ложно ни было его ⟨К. С. Аксакова⟩ увлечение, он никогда не сделался бы поощрителем и подстрекателем палача Муравьева, не жал бы рук гвардейским грабителям и шпионам; с негодованием, отвращением и ужасом отвернулся бы он от побоев безоружных поляков и скорее отказался бы от своих, чем позволил бы им наругаться над благородными падшими жертвами. Наконец, после потех, он не поехал бы в Варшаву организовать Польшу.

Когда же ездил И. С. Аксаков? }

БАСНЯ И. А. КРЫЛОВА

Не можем не повторить напечатанную в «Русском архиве» превосходную и совершенно неизвестную басню Крылова, вероятно, не пропущенную прежней ценсурой:

ПЕСТРЫЕ ОВЦЫ

Лев пестрых не взлюбил овец.
Их просто бы ему перевести не трудно;
Но это было бы несправедливо —
Он не на то носил в лесах венец,
Чтоб подданных душить, но им давать расправу.
А видеть пеструю овцу терпенья нет.
Как сбить их и сберечь свою на свете славу?
И вот к себе зовет
Медведя он с лисою на совет
И им за тайну открывает,
Что, видя пеструю овцу, он всякий раз
Глазами целый день страдает
И что придет ему совсем лишиться глаз,
И как такой беде помочь, совсем не знает.
«Вссильный лев, — сказал насупившись медведь, —
На что тут много разговоров?
Вели, без дальних сборов,
Овец передумать. Кому о них жалеть?»
Лиса, увидевши, что лев нахмурил брови,
Смирненно говорит: «О царь! наш добрый царь!
Ты верно запретишь гнать эту бедну тварь
И не прольешь невинной крови;

Осмелюсь я совет иной произнести:
 Дай повеленье ты луга им отвести,
 Где б был обильный корм для маток
 И где бы поскакать, побегать для ягняток.
 А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
 То предложи овец волкам пасти.
 Не знаю, как-то мне сдается,
 Что род их сам собой переведется;
 А между тем пускай блаженствуют оне,
 А что б ни сделалось, ты будешь в стороне».
 Лисицы мнение в совете силу взяло,
 И так удачно в ход пошло, что наконец
 Не только пестрых там овец,
 И гладких стало мало.
 Какие у зверей пошли на это толки?
 Что лев бы был хорош, да все злодеи волки.

Как стары и как новы — этот добрый царь-скот и эти злые волки с портфелью.

ОБЩИЙ ФОНД

В Общем фонде к 15 мая остаются переданные нам из другого фонда в прошедшем сентябре *двести пятьдесят семь франков* и расписки в ссудах на сумму *тысячи четырехсот франков*. Деньги мы передали в Русскую типографию г. Чернецкому и просим имеющих право на ссуды и помощь или желание возвратить заимобразно взятое обращаться к нему. Мы с 15 мая прекращаем всякий сбор и, готовые передавать деньги *«по назначению»*, не будем иметь ни кассы, ни участвовать [в ее распределении]¹.

〈НЕСМОТРЯ НА НАШЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ...〉

Несмотря на наше объявление в прошлом листе, количество материала заставляет нас издать этот лист раньше обещанного.

ПОПРАВКА

В №240 листе «Колокола» вкралась важная ошибка, вследствие неверного сведения, по делу о покраже соли в Нижнем Новгороде. У нас сказано, что Вердеревский был арестован вечером *того дня*, когда в С.-Петербурге поутру скоростижно скончался генерал-адъютант Огарев, бывший нижегородский

¹ Расход из 257 фр. будет печататься. Впрочем, если б передавшие эту сумму желали взять на себя ее употребление, мы были бы очень благодарны.

генерал-губернатор. Но это несправедливо: генерал-адъютант Огарев умер в С.-Петербурге 7 февраля. В *той же самый* день в Нижнем, в 4 часа пополудни, председатель каз. палаты Василий Вердеревский отправил в Москву соляного пристава Терского, на другой день, 8 февраля, он поехал к г-же Терской, чтобы завладеть бумагами ее мужа, и произошла известная суэта, в которой жандармский штаб-офицер Коптев и нижегородский губернатор ген.-лейтен. Одинцов явили такое желание замять дело. Вердеревский был арестован *три недели спустя*, т. е. между 27 февр. и 5 мартом. Арест его домашний — он, вероятно, успел сжечь и бумаги и письма, и, может быть, он и брат его Алексей Вердеревский, разжалованный в солдаты, назначенный к ссылке в Сибирь, но живущий в Балахне и в Нижнем, выйдут сухи из воды. Алексей Вердеревский уличен был в похищении нескольких сот тысяч рублей по провинцальной части во время Крымской кампании. Если не ошибаюсь, Алексей Вердеревский в сороковых годах служил по III отделению при Бенкендорфе и *пользовался его доверенностию*.

ОБЩИЙ ФОНД

Из 257 франк. выдано в ссуду под расписку г. П. С. в Женеве — 50 фр.; послано в Берн г. А. Ш.—100 фр.; в Париж г. Е. Г.—10 фр. Остается 97 франков.

ДИКИЙ ЗАКОН

Вот текст закона о «сообществах», о котором говорил один из наших корреспондентов*.

Статьи XIV т. уст. о предупр. и пресеч. прест. 166—169 заменяются следующими:

1) Запрещаются всякие противозаконные сообщества, под опасением суда и ответственности по всей строгости законов, почему всем начальствам и полиции поставляется в обязанность неупустительно наблюдать, чтобы нигде и ни под каким предлогом таких сообществ не учреждалось.

2) Противозаконными сообществами признаются: а) все тайные общества, с какою бы целью они ни были учреждены; б) все преследующие вредную цель сборища, собрания, сходбища, товарищества, кружки, артели и проч., под каким бы наименованием они ни существовали, образовавшиеся или действующие по соглашению между собою нескольких лиц, и в) все те общества, которые, по исходатайствовании надлежащего на оные разрешения, уклоняются от цели их учреждения или станут прикрывать благовидными действиями такое направление, которое в каком-либо отношении вредно для государственного благоустройства или общественной нравственности.

II. В замену 318—324 статей уложения о наказаниях (главы VI раздела IV^ю тайных сообществах и запрещенных сходбищах) постановить следующие о противозаконных сообществах правила:

1) Основатели, учредители, начальники и главные руководители каких бы то ни было противозаконных сообществ, если действия их или распространяемые ими учения направлены к ниспровержению или изменению, какими бы то ни было средствами, порядка государственного устройства, подвергаются за сие, буде они не учинили других преступлений, влекущих за собою более строгое наказание (ст. 242 и 249), лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в рудниках от двенадцати до пятнадцати лет.

2) Соучастники противозаконных сообществ, не состоящие или не бывшие в числе их основателей, учредителей, начальников или главных руководителей, подвергаются, по мере их участия в преступных действиях или в распространении противных порядку государственного устройства учений, лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на заводах от шести до восьми лет, или лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылке на житье в Сибирь, или отдаче в исправительные арестантские роты по 3-й степси 31 ст. уложения, или же заключению в тюрьме от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, с оставлением, по освобождении из тюрьмы, под строгим надзором полиции в продолжение пяти лет.

3) Основатели, учредители, начальники и главные руководители противозаконных сообществ, действующих в направлении, противном истинам и правилам христианской веры, или нарушающих общественную нравственность, или же преподающих учения, противные благочестию или нравственности, подвергаются за сие, буде они не учинили других преступлений, влекущих за собою более строгое наказание (ст. 176—178, 181, 183, 184, 186, 187, 189, 995—10 000 уложения), лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылке на житье в отдаленные губернии, кроме сибирских, или отдаче в рабочий дом по 4 степени 33 ст. уложения.

4) Соучастники в указанных в предыдущей 4-й ст. сообществах, если они не принадлежат или не принадлежали к числу их основателей, учредителей, начальников или главных руководителей, подвергаются за сие заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев или от двух до четырех месяцев; по освобождении же из тюрьмы они оставляются под строгим надзором полиции в продолжение трех лет.

5) Всем тем, кои до обнаружения их преступления или противозаконных действий того сообщества, к которому они принадлежат, раскаясь в своих заблуждениях, *донесут о том правительству*, с полною искренностью, прежде открытия этого сообщества, наказание может быть смягчено одною или несколькими степенями, на основании ст. 135 уложения или, смотря по обстоятельствам, они могут быть даже и вовсе освобождены от всякого взыскания с оставлением однако же под надзором полиции в продолжение одного года.

6) Освобожденные, на основании предыдущей статьи, от взыскания, в случае образования ими вторичного нового или прежнего противозаконного сообщества, а также вступления в таковое или содействия оному, подвергаются наказаниям, выше сего в ст. 1—4 определенным, но в высшей оных мере.

7) Лица, способствовавшие преступной цели противозаконного сообщества денежными приношениями или же иными какими-либо действиями, если цель эта не была им известна, но с их стороны не были соблюдены, при вступлении в общество или в продолжение его существования, должные предосторожности, подвергаются денежному взысканию от двадцати пяти до трехсот рублей.

8) Лица, виновные в покушении к образованию противозаконных сообществ, подвергаются за сие: в первый раз — заключению в тюрьме от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев и оставлению, по освобо-

ждении из тюрьмы, под строгим надзором полиции в продолжение трех лет; во второй раз — лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылке на житье в Сибирь или отдаче в исправительные арестантские роты по 2-й степени 31-й статьи уложения.

9) Все те, кои, зная о существовании противозаконных сообществ, действующих в направлении, имеющем целью изменить порядок государственного устройства или какими-либо средствами к тому клонящемся, не донесут о том правительству, подвергаются за сие, буде они не подлежат наказанию по статьям 243 и 249 уложения, заключению в тюрьме от четырех до восьми месяцев или денежному взысканию от ста до пятисот рублей.

10) За недонесение правительству о существовании или образовании противозаконного сообщества, хотя бы и не имеющего целью изменить порядок государственного устройства, виновные подвергаются денежному взысканию от пяти до пятидесяти рублей.

11) Те, которые в жилищах своих или же в домах и других местах, им принадлежащих или состоящих в их управлении, будут заведомо допускать собрания противозаконных сообществ, подвергаются наказаниям, в предыдущих статьях соучастникам сих сообществ определенным. На мнении написано: Его импер. величество воспоследовавшее мнение в общем собрании Государственного совета о противозаконных сообществах высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

Закон этот писан под влиянием Шувалова. Петр IV тоже хочет, как и Петр I, оставить потомству историческое завещание *.

ОБЩИЙ ФОНД

Из оставшихся 97 франк. выдано в ссуду под расписку г. В. Ф. в Женеве — 50 фр. Остается 47 франков.

<NOUS AVONS L'HONNEUR D'INFORMER...>

Nous avons l'honneur d'informer Messieurs les libraires que le «Kolokol» ayant accompli sa dixième année le 1 juillet ne paraîtra pas pendant les six mois suivants, c'est-à-dire jusqu'au 1 janvier 1868. Dans le texte russe on trouvera les considérations qui nous ont décidé à cette suspension temporaire.

Vers la fin de l'année nous nous empresserons de communiquer à Messieurs les libraires notre nouveau prospectus.

Alexandre Herzen
Nicolas Ogareff

P. S. En cas de nécessité urgente, nous publierons un Supplément entre le 15 juillet et le 1 août.

〈ИМЕЕМ ЧЕСТЬ ИЗВЕСТИТЬ...〉

Имеем честь известить гг. книгопродавцев, что «Колокол», по случаю десятилетия своего существования, исполняющегося 1 июля, не будет выходить в течение шести месяцев, то есть до 1 января 1868 г. В русском тексте смогут найти соображения, побудившие нас решиться на эту временную приостановку.

К концу года мы постараемся познакомить гг. книгопродавцев с нашим новым проспектом.

Александр Герцен.

Николай Огарев

P. S. В случае крайней надобности мы выпустим Прибавление между 15-м июля и 1-м августа.

〈ПОДПИСАВШИМСЯ НА ГОД...〉

Подписавшимся на год и заплатившим вперед — деньги будут возвращены сполна. Адресоваться в Русскую типографию: М-г Tchorzewski, 40, Pré l'Évêque, Genève.

〈A PARAÎTRE EN RUSSE...〉

A paraître en russe avant la reprise du journal «L'almanach du „Kolokol“». Articles sociales, politiques et littéraires de A. Herzen et N. Ogareff. }

ПЕРЕВОД

〈ДО ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ГАЗЕТЫ...〉

До возобновления газеты по-русски выйдет «Альманах „Колокол“». Социальные, политические и литературные статьи А. Герцена и Н. Огарева».

〈НАС ПРОСЯТ УЗНАТЬ...〉

Нас просят узнать, отчего почтовые конторы отказывают желающим подписываться на русские журналы «менее чем на

полгода). Не шутя же «Голос», «Московские ведомости» и пр. печатают подписную цену за границей, и именно в Швейцарии, на три месяца и на месяц?

ПРИМЕЧАНИЯ К БУДУЩЕЙ ИСТОРИИ НАШИХ ЗАВОЕВАНИЙ В АЗИИ

«ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ М.И. ВЕНЮКОВА»

Только что мы отпечатали двойной лист «Колокола», которым заключили *первое десятилетие* его, как получили чрезвычайно занимательные и бойкие «Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии»*. Без сомнения, мы не отвечаем за оценку лиц, это остается на совести писавшего, но все изложение носит в себе печать истины и наблюдательности. *Благо есть место*, и мы прибавили несколько строк*.

Если мы снова получим статью такого интереса, как «Примечания», мы издадим *второй прибавочный лист**.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ И УВЕЛИЧЕНИЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ Л. ЧЕРНЕЦКОГО

С 1-го сентября Русская типография переносится в лучшую часть города — в *бывшее здание почты*, возле Корратери, *Place Bel-Air, ancien hôtel des Postes, au 1-er*.

Обращаем *особенное* внимание наших читателей на то, что *Вольная русская типография в Женеве* принимает сверх заказов для печатания на русском, и на польском, сербском, французском и английском языках. Типография снабжена новыми шрифтами и может ручаться не только за точное и красивое выполнение, но и за сравнительную дешевизну заказов.

Подробный тариф ценам печати на разных языках, в разных форматах и на разной бумаге желающие могут найти в Типографии. *L. Czerniecki, ancien hôtel des Postes, Genève*.

DUBIA

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПАПИРОСЫ

По табачному уставу Царства Польского строжайшим образом запрещено делать папиросы *для собственного употребления*. Для этого введена система доносов и обысков в домах. По случаю одного дела, возникшего по этому поводу, когда у одного денщика найдены были папиросы, которые он приготавливал для своего офицера, Берг решил, что должно подвергаться ревизии, и *не признал возможным разрешить выделку папирос для собственного употребления*. Военные были против обысков и за свободное делание папирос дома.

<«КОЛОКОЛ»>

Нас спрашивают, можно ли пополнить коллекцию «Колокола» листами от 141 до 196. Очень можно — просим выслать адрес на имя *г. Тхоржевского*: Женева, Русская типография, 40, Pré l'Évêque.

СКАЗКА О ГОСТИНЦЕ ЦАРЮ И О ДОМЕ КОМИССАРОВУ

В русских газетах помещена любопытная сказка, совершенно в азиатском вкусе *. В Задонске жил да был раб божий Антон *Садофьев*, у него было два сына; одному стукнуло *тридцать годков*, другому *тридцать с четырьмя*. Старик Садофьев, заботясь, как деток пристроить, и, вероятно, начитавшись в библии, как Авраам водил на заклание Исаака и как бог Исаака приколоть не дозволил, а велел его зачислить, на правах обер-патриаршеских детей, в лейб-левиты, вздумал их подарить *«в дар батюшке-царю»*. Батюшка-царь посмотрел, посмотрел и думает: «Хороши дети, которых отец сбывает с рук», да и велел их отдать в солдаты (тоже, как Исаака, с разными

правами). О том, хотели ли детки, один в 30, другой в 34 года, как Дева Орлеанская, мирный посох променять на меч воинственный * и счесть на гусарскую шашку, об этом ни слова в сказке, помещенной в 145 № «Голоса».

Это все еще с караковского дела их разбирает! Да и то правда, — не будь выстрела, задонскому патриарху пришлось бы взвести на ребятишек по крайней мере конокрадство или что-нибудь такое неприятное, чтоб их отдать в солдаты. Азия, да и только! Так и отзывается Камбизом, Киром, Ксерксом и Артаксерксом!

Вот распорядители-то по делу обогащения Комиссарова и опростоволосились, предложивши сгоряча купить ему дом *. Им бы клич кликнуть: кто хочет, мол, жертвовать детьми для составления двора Осипу Ивановичу, послали бы со всех сторон — и купцы, и дворяне, и чиновники недорослей и перерослей обоего пола. А то с домом-то вышло нехорошо. «Инвалид» говорит, что пожертвовано на дом 20 000 руб. сер. Ну, на это дворца не купишь... а и у французского короля, как советовал почтмейстер в «Мертвых душах», признать нельзя* — за упразднением такой должности.

...Восторга сколько угодно, а что касается *до оных — атанде* *. Да и что за материализм! Не дорог подарок — дорога любовь... А ведь уж как умасливали-то Осипа Ивановича... Вот оно, *molt'olato, ros'aceto!* *

ГОЛОВАСТИКИ, ТРУБЯЩИЕ ПОБЕДУ

Мы не до того античны, чтоб радоваться, сидя в покойной гавани, как тонет корабль*, — но, с другой стороны, совершенно согласны, что мало зрелищ доставляют больше удовольствия, как зрелище, как одна надувающаяся лягушка за другой переходит предел и лопают. Трещина обыкновенно делается, когда ее всего меньше ожидают, когда какая-нибудь жаба сладострастно упивается в наслаждении собой, упивается властью, мезтью, силой, доносит без нужды, отравляет бескорыстно...

Первая жаба был Катков, вторая, вероятно, будет Муравьев, если не успеет прежде сам умереть.

Но ими болото не очищено.

За крупными жабами тянутся маленькие лягушки и всякие головастики. Пример коноводов их не останавливает и не делает осторожными. Мы так и видим, как они все перелопачуются.

Милые головастики, опасны ваши лета, остерегитесь... рычаг, на который вы опираетесь, далеко не так крепок. Вы вооб-

разили себе, что манифест 13/25 мая снова, под другим именем *, восстановит крепостное право, испортит и без того не очень широкие земские учреждения, даст новые права крупному землевладению... снова из России сделает помещичье именье, в котором царь, окруженный столбовой дворяней, возьмет себе весь труд крестьянина, чтоб он не баловался, а передняя съест село и пр.?

А дело выстрела начинает надоедать, жмурки продолжаются слишком долго. Свист пули, пролетевшей над царской головой, через два с половиной месяца перестает шуметь в ушах. Скучно.

А кто устоит против бога и скуки?

Все устали, и все недовольны. Люди, ожидавшие торжественного спектакля с удивительной постановкой, с Муравьевым Синяя борода, с измученным Каракозовым и толпою его сообщников, с кипжалами, ядами, револьверами, — кричат больше всех.

Все те, которые, подавленные страхом, молчали все это время, кричат за ними.

А наконец и вся честная, здоровая часть общества начинает с неудовольствием смотреть на вечные аресты, на грубые ответы Муравьева, на тайну, за которой не могут скрыть колоссального *fiasco*.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ УДОВОЛЬСТВИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

Под скромной рубрикой «Городских известий» «Голос» рассказывает, что каждый день выставляют к позорному столбу какого-нибудь молодого человека «за *пособничество* к приведению в исполнение преступных намерений тайного политического общества».

8/20 июня читан на Мытнинской площади приговор *Мосолову*.

9/21 июня — дворянину *Н. Шатилову*.

10/22 — лекарю *П. Лебединскому*.

Все трое лишены прав состояния и сосланы в Сибирь на поселение.

Дело, по которому они были «пособниками», известно читателям «Колокола».

<ПРАВДА ЛИ?>

¿*Правда ли*, что Муравьев, не доверяющий шуваловцам *, употребляет на все *тонкие и деликатные работы* по каракозовскому делу преображенских офицеров *, и правда ли, что

некоторые (напр., Клейнмихели, Барятинский и др.) приобрели большую ловкость в этих мирных занятиях?

¿*Правда ли*, что министр просвещения посылает монахов — для ревизования светских школ?

НОВОСТИ ИЗ РОССИИ

Путешествующие по Николаевской железной дороге, подвергнутые всем ее ужасам и беспорядкам, подвергнуты, сверх того, с каракозовского дела, необходимости иметь полицейский пропуск или билет. На заграничные паспорта решительно хотят положить огромный побор.

ВАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ

«Желая ознаменовать день чудесного спасения е. в. госуд. импер. от руки убийцы, *римско-католическое* духовенство Россиенского уезда собрало по подписке 250 рублей сер. и деньги эти пожертвовало на украшение вновь строящейся в г. Россиенске *православной* церкви... А представители виленского еврейского общества особенным протоколом положили ходатайствовать, чтобы всех младенцев мужского пола (иудейского закона), рождающихся в г. Вильне в день 4 апреля, освящать именем Александра» («СПб. ведомости», № 182).

Нам кажется не без интереса, что лица празднуют день спасения жизни государя тем, что поступают наперекор своим убеждениям, каковы бы они там ни были.

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ УГОЛОВНОГО СУДА В МОСКВЕ — ТРИДЦАТЬ УДАРОВ РОЗГАМИ

Формы образованного суда выставляют в новом безобразии наше варварское законодательство и готовность судей его прилагать. Судились одна женщина и один мужчина *за бродяжничество*, за пьяный вид, в котором арестованы, *за безобразие*. Не говоря о последнем обстоятельстве, относящемся больше к эстетике, что за преступление бродяжничество, т. е. неимение письменного вида? Все англичане в Англии и все американцы в Северной Америке — бродяги. Положим, что глупая бюрократия на немецкий лад может делать легкое взыскание за неимение вида, но ссылать в Восточную Сибирь на поселение

и держать год в тюрьме за то, что человек не говорит, кто он, и был пьян, в стране, где все пьяны и трезвый составляет исключение, — безобразно в высшей степени. Но это не всё — так легко наказана была женщина. Не угодно ли прочесть отчет о гласном суде над мужчинами:

На скамье подсудимых занял место второй обвиняемый, именующий себя Василием Воробьевым, также Саловым, мужчина лет 30 с болезненным и довольно *идиотическим* выражением лица.

Председатель (*к подсудимому*). Как твое имя, фамилия или прозвище?

Подсудимый. Бродяга, не помнящий родства, ваше превосходительство.

Председатель. Но ведь как-нибудь тебя зовут?

Подсудимый. Я показал, что меня зовут Василием Воробьевым.

Председатель. Сколько тебе лет?

Подсудимый. Я показал, что мне 33 года.

Председатель. Какого ты вероисповедания?

Подсудимый. Не знаю, ваше превосходительство.

Председатель. Но ты бывал же когда-нибудь в церкви и у св. причастия?

Подсудимый. В замке я бывал в церкви.

Председатель. Получил ли ты копию с обвинительного акта?

Подсудимый *не понял вопроса* и отвечал отрицательно; но председатель напомнил ему, что восемь дней тому назад он был вызван в суд и в его, председателя, присутствии ему вручена была копия, в получении которой за него расписался защитник. Затем секретарь прочел следующий обвинительный акт товарища прокурора Писарева:

«22-го мая 1865 г. в касимовское полицейское управление, Рязанской губ., явился человек, назвавшийся бежавшим из московского губернского батальона рядовым Василием Ивановым Воробьевым. По справке в губернском батальоне оказалось, что находившийся в нем на службе рядовым Иван Васильев (а не Василий Иванов) Воробьев не бежал, а выбыл в 1864 г. на службу же в Кронштадт. Нижние чины батальона назвавшегося Воробьевым человека за Воробьева не признали. На допросе затем в управлении воинского начальника Московской губ. человек этот, отказавшись от показания, данного в касимовском полицейском управлении, назвал себя крестьянином Оренбургской губ., Уфимского уезда, деревни Самодуровки, помещика Обухова, Василием Михайловым Саловым, бежавшим в 1854 г. с принадлежавшего ему помещику Кашаевского завода. Но когда собранными по этому показанию сведениями было обнаружено, что находящаяся в Уфимском уезде деревня Самодуровка никогда Обухову не принадлежала, а принадлежит помещику Сергееву и что Василий Михайлов Салов из нее ни в военную службу, ни в Кашаевский завод не поступал, означенный выше человек на последнем допросе следственному приставу Федотову объяснил, что все прежние его показания ложны и что ни о происхождении, ни о звании своем ничего не знает и объяснить не может.

На основании изложенных обстоятельств я признаю явившегося в касимовское полицейское управление в мае 1865 г. и назвавшегося первоначально рядовым Воробьевым человека виновным в поступках, указанных в 950, 951 и 952 ст. улож. о нак., изд. 1866 г., а самые его поступки подлежащими рассмотрению окружного суда».

Председатель (*к подсудимому*). Ты обвиняешься в бродяжничестве. Сознаешься ли ты в этом преступлении?

Подсудимый. Я не могу указать, откуда я. Не помню.
Председатель. Ты сначала показывал, что ты рядовой Василий Воробьев, потом ты показал, что тебя зовут Василием Саловым; что понудило тебя давать эти ложные показания?

Подсудимый. Не могу знать, ваше превосходство.

Председатель. Откуда прибыл ты в Москву?

Подсудимый. Из Рязани.

Председатель. Брал ли ты какой-нибудь вид у тамошнего начальства?

Подсудимый. Меня из острога прямо на машину привезли.

Председатель. Так ты прибыл оттуда уже арестантом. Где же ты пребывал до твоего арестования?

Подсудимый. Мало ли где я шатался.

Председатель. Чем ты занимался?

Подсудимый. Ничем не занимался, где иногда работу возьмешь, а где и нищенством пробавляешься.

Затем товарищ прокурора г. Писарев указал на обстоятельства, изложенные в обвинительном акте, привел статьи закона, определяющие наказания за бродяжничество, и, кроме того, прибавил, что подсудимый за ложное показание подлежит наказанию розгами от 20 до 40 ударов...

...По окончании речи защитника, председатель спросил подсудимого, не имеет ли он чего-либо прибавить.

Подсудимый. Я болен, ваше превосходство.

Защитник. Он действительно болен, и я прошу суд избавить его вовсе от телесного наказания, если окажется, что болезнь его такого рода, который избавляет от этого наказания.

Председатель. Суду предстоит разрешить: 1) виновен ли подсудимый в бродяжничестве и ложном показании о себе? и 2) какому подлежит он наказанию?

Ни прокурор, ни защитник не возразили против этой постановки вопросов, и суд удалился для совещаний. По возвращении председатель прочел следующий приговор:

1866 г., июня 21-го дня, московский окружной суд и т. д. (как в первой резолюции), на основании 950, 951 и 952 ст. улож. о нак. 1866 г. и 2 приложения к ст. 77, примеч. § 5, определил Василия Иванова Воробьева (он же Салов), признав бродягою, упорно скрывающим свое звание, и виновным в ложном показании, наказав розгами *тридцатью* ударами, заключить в арестантские роты на *один* год или же, когда нет в ротах достаточного помещения или осужденный будет признан не способным к работам в сих ротах, в рабочий дом или в тюрьму на тот же срок, и затем, а равно и в случае, когда и в рабочем доме или тюрьме тоже не будет достаточного помещения, сослать для водворения в Восточную Сибирь, с употреблением его там в работы по усмотрению и распоряжению местного начальства и пр.

ВОСТОЧНАЯ ГАЛИЦИЯ

Слухи о каких-то видах России на Восточную Галицию повторяются в последнее время разными журналами. Наши читатели, может, вспомнят, что в 224 л. «Колокола» мы говорили о замышляемой интриге.

ХОЛОПОВ В ДУШЕ ВРЯД ЛИ МОЖНО СДЕЛАТЬ СВОБОДНЫМИ ЛЮДЬМИ

Берем из фельетона «Голоса» от 2/14 сент. следующий отрывок. Дело идет о первых заседаниях окружного суда с участием присяжных.

Присяжные заседатели отвечают на призыв суда более чем неохотно — подчас с полнейшим пренебрежением; они отговариваются легким нездоровьем, предстоящими делами, обязанностями государственной службы (от которой однако на дни их судебных заседаний закон вполне освобождает их) и т. п. И в Петербурге, и в Москве штрафуются несколько присяжных за неявку без объяснения причин или по причинам неуважительным, а в минувшую субботу, 27-го августа, у нас не могло даже и состояться заседание окружного суда, так как, за неявкой многих присяжных, не мог составиться требуемый комплект тридцати.

Это же заседание подало повод к ряду выводов еще более серьезного свойства. Когда до нас дошла весть, что у нас в Петербурге князь Салтыков, не взирая на последовательно возрастающие штрафы, не являлся на заседания окружного суда ни разу, не объясняя причин своей неявки, за что и предан был, наконец, суду, то, вместе с тем, до нас дошли и очень странные слухи о том, что в среде дворянского образованелья партия, сочувственная направлению смелотворной газеты «Весть», — партия, которая, давно уже, с самой эманципации, питая бессильный протест против преобразований последнего времени, задумала ныне проявить его хотя бы этою абстиненциею от участия, в качестве присяжных заседателей, в заседаниях уголовного суда. Нам рассказывали, что партия эта имеет своих адептов и в Москве и что действует она в силу своих сословных привилегий, думая отстоять свое право служить или не служить, кроме случаев призыва со стороны высочайшей власти. Мы отказывались верить, чтоб сословие, считающее себя образованнейшим, могло так слабо, так плохо понимать свои права и привилегии, чтоб оно могло так легкомысленно отвернуться от одной из лучших, из драгоценнейших своих привилегий. Мы отказывались верить, чтоб дворянство, вместо того чтоб, благодаря самоуправлению, палладиумом которого служит независимая судебная власть, стать, в силу своего положения и своего образования, во главе прочих классов общества на пути развития внутренней политической жизни и тем снова завоевать себе передовое значение в государстве, несравненно почетнейшее, чем прежнее материальное преобладание, добровольно отрелось от этого значения и уступило его другим.

Как это напоминает аристократические переругивания прежних лакеев в передней: «Что ты меня облаял, такой-сякой, мужиком, — я не мужик, а такой же дворовый, да еще почище».

НЕТЕРПИМОСТЬ, НЕВЕЖЕСТВО И ПОЛИЦЕЙСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА

Помещаем целиком отвратительный донос Филарета, архиепископа черниговского, как новое и наглое доказательство того, что делает с просвещением лицемерное направление мистров-богословов и ослов в клубуках:

Услышав не только от духовных, но и от мирских людей своей епархии жалобу на то, что в числе книжек, присланных из министерства на-

родного просвещения при прежнем министре для рассылки по сельским училищам, книжка «Боярин Матвеев» А. Суворина весьма вредна для народа, — я, по долгу пастырскому, вынужден был обратиться к г. директору черниговской гимназии, дабы доставлены были мне по одному экземпляру книжки, присланной для сельских училищ. По рассмотрении книжки Суворина оказалось, что жалобы на нее справедливы, и по моему убеждению она должна быть исключена из народного употребления.

Книжка «Боярин Матвеев» А. Суворина, М., 1864 г., присланная для раздачи по сельским училищам, — книжка вредная для народа.

1) Она домогается погасить в народе любовь и приверженность к св. православию и породить в нем нечестивый индифферентизм: по суду Суворина (на стр. 10-й и 11-й) благочестивые предки дурно делали, когда «всаляли в него (в ребенка) убеждение, что только одна православная вера греческого исповедания — истинная и настоящая вера, а все другие христианские исповедания, например, католическое, лютеранское — богопротивные ереси».

2) Она аподиктически осуждает предков наших за то, что в букварях их «помещались разные наставления детям о благочестии, кротости и повиновении» и что они заставляли «учить часослов, псалтирь, апостольские деяния» (стр. 11). По ее суду, «более полезно знание арифметики, лечебника и космографии» (стр. 13-я). Это значит, что для сочинителя все святое — пустота, а важное дело — материальная польза. И то же желает он посеять в народе.

3) Черные краски, какими изобразил Суворин отношение мужа к жене старого времени (стр. 5, 6), возбуждают мысль, что он желает видеть в народе милую эманципацию; для него покорность жены мужу — насилие петерпимое.

4) Книжка домогается ослабить в народе даже верность подданного государю своему. Доселе народ твердо знает, что каждый по присяге обязан доносить начальству о заговоре против государя и государства, о шашнях и глупостях какого-нибудь недоучившегося демократа вроде Суворина, а Суворин пишет: «Теперь всякий порядочный человек считает за ужас и крайнее бесчестие не только быть доносчиком, но и быть только подозреваемым в доносе на кого-нибудь» (стр. 25).

5) Вот как рисует Суворин правительство времени царя Алексея Михайловича: «Тогда правительство не обращало никакого почти внимания на народ. Его грабили воеводы, притесняли владельцы, не жалело правительство» (стр. 24). Если бы возможно было, чтобы таковы были отношения правительства к народу при царе Алексее — царе лучшем, добрейшем, то каждый рассуждающий селянин дойдет до убеждения, что ныне народ для правительства — рабочий вол, что бы ни говорили нынешние правители. Какое же последствие из того? Бунты и неповиновение народа правительству. Поучительная же книжка Суворина для народа!

Довода о сем до сведения вашего сиятельства, имею честь доложить, не благоугодно ли будет учинить распоряжение и о том, дабы книжки, присылаемые из министерства народного просвещения для епархиальных сельских училищ, в предупреждение ошибок, вредных для церкви и государства, какова ошибка о книжке Суворина, присылались не к директору гимназии, как сделано при бывшем министре просвещения, а к председателю губернского училищного комитета на его распоряжение.

С совершенным почтением и преданностью и проч.

Ф и л а р е т, архиепископ черниговский.

Армянин просвещения, Делянов*, поспешил известить доносчика (кажется, умершего от холеры*), что «Рассказы из русской истории» отобраны и впредь министерство будет предварительно книги высылать на духовную бойню черниговского владыки.

СТРАСТЬ К РОЗГАМ В ПОДОЛЬСКОМ СУДЕ

Подольская палата уголовного суда испрашивает у министра юстиции замену тюремного заключения и ареста *наказанием розгами*, под предлогом, что мало помещений для арестантов. Интересно знать ответ министра.

Русские газеты забыли приложить при этой новости состав подольской палаты; мы выписываем его из «Адрес-календаря» 1866:

Председатель: Дмитрий Николаевич *Кузнецов*,

Товарищ председат(еля): Иван Федорович *Криштановский*,

Заседатель от правител(ьства): Тит Игнатьевич *Зиньковский*,

Заседатели от дворянства: Лонгин Каэтанович *Звиногородский*, Каэтан Касперович *Инович*,

Секретари: Игнатий Ильич *Гороховский*, Ипполит Дамианович *Люцидарский*.

КОНФИРМАЦИЯ

По выс. утвержденному заключению генерал-аудиториата военного министерства 12-й артиллерийской бригады облегченной № 6-го батареи подпоручик *Кувязов*, за умышленное распространение возмутительного воззвания, имевшего целью возбудить к бунту против верховной власти, хранение у себя другого воззвания и разных запрещенных против правительства сочинений, лишается чинов и всех прав состояния и ссыляется в *каторжную работу* в крепостях на *восемь лет*.

Не скажет ли нам кто-нибудь, в чем дело и какое это дело?

АМНИСТИЯ

По поводу женитьбы наследника провозглашена, с обычной риторикой самохвальства всех полудиких правительств, скупая, жалкая и чрезвычайно ничтожная в политическом смысле амнистия. До *прощенья* в самом деле — Зимний дворец еще не дорос. Прощать значит *понимать*, значит обращаться на себя. Тот только умеет прощать, кто умеет раскаиваться, а не тот, кто упиивается своим собственным милосердием... Если б государь подумал, сколько он виноват в том, что возбудил надежды — и не исполнил их, что развязал язык и стал ссылать за свободную речь, — тогда он понял бы, что *онеры в партаже*, и, закрывая себе лицо, сказал бы, освобождая сосланных и захваченных — «*простим друг другу*».

ПЕРЕМЕНА ФАМИЛИИ

В 33 № «Голоса» мы читаем:

«Е. и. в., снисходя на всеподданнейшее прошение председателя саратовской губернской земской управы, отставного поручика Михаила *Каракובהа*, высочайше соизволил предоставить ему, вместо настоящей фамилии, принять фамилию *Михайлова-Расловлева*».

Мы полагаем, что после этого будут также просить дозволения на перемену фамилий: князья Барятинские, граф Орлов-Давыдов и гг. Тепловы, предки коих причинили Петру III *колику в животе* (см. манифест 4 июля 1762 *), прекратившую его жизнь; также: князья Волконские, Путятины, Яшвили, графы Палены, Панины, Зубовы, Бенингсены, гг. Аргамаковы, Бологовские, Жеребцовы, Марины, Муравьевы, Полторацкие, Скарятини, Талызины, Татариновы, Уваровы, Ушаковы, Шубины, предки коих причинили имп. Павлу *апоплексический удар* (см. манифест 12 марта 1801), низведший его в могилу.

НОВОЕ ЗЛОДЕЙСТВО

Произведенным военным судом по полевым уголовным законам рядовые кавказской рабочей бригады Петр *Бережный* и Иван *Неугодников* оказались виновными в явном неповиновении и дерзости против ротного командира во фронте и подстрекательстве к тому другим; главнокомандующий Кавказской армиею подтвердил: рядовых *Бережного* и *Неугодникова казнить смертью — расстрелять*.

Когда же русская кровь подымется угрызением совести в груди, в мозгу этих злодеев? Уж не Муравьев ли и этот *Михаил Николаевич*?

<«MEHR LICHT!»>

«Mehr Licht!» Эти последние слова умирающего Гёте пришли нам в голову по прочтении следующей поэзии освещения улиц в Москве:

На основании сделанного думою распределения часов освещения по месяцам и ночам обер-полицмейстер составляет таблицы за месяц вперед о часах зажигания и тушения фонарей на каждую ночь. В три ночи полнолуния полиция может требовать освещения только в случаях особенной надобности — какого-либо праздника или ожидаемого приезда *высочайших особ*. Об освещении города в ночь, не вошедшую в календарь и о продлении часов горения фонарей распорядители освещения оповещаются по телеграфу по крайней мере за 2 часа. Табелю о часах тушения и зажигания, до наступления месяца, публикуются в «Полицейских ведомостях». Эти четыре условия введены в проект правил *вновь*; все остальное оставлено без перемены.

В Петербурге, в русском купеческом клубе, какой-то ярыга и действ. стат. советник Б. оскорбил даму. Старшина не вступился за нее. Ободренный ярыга нагнал даму в санях *и поколотил ее*. Суд посадил его на три месяца в тюрьму. Но кто же этот Б.? Неужели «Вести» удалось убедить власть имущих, что только фамилии бедных людей и нечиновных могут печататься вполне?!

ПЕТР IV

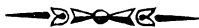
Из Петербурга пишут, что Шувалов и часть злейших ретроградов готовят сильный поход против новых судебных учреждений. Что же и ждать другого от начальника шпионов и его союзников?

ПОСИЛЬНЫЙ ОПЫТ ЗАТРУДНИТЬ ЧТЕНИЕ

В совете мин. народ. просв., сообщает циркуляр по виленскому учебному округу, постановлено:

Что касается открытых для пользования посторонних лиц библиотек, помещающихся в настоящее время в училищных домах, то в отношении к сим библиотекам необходимо постановить следующие правила: 1) чтобы выбор книг и журналов для сих библиотек производился не иначе как с разрешения директоров гимназий и училищ, так как книги и журналы, приобретаемые для сих библиотек, должны составлять собственность учебных заведений и затем, по содержанию своему, удовлетворять потребностям тех заведений, и 2) чтобы публика ни в каком случае не была допускаема к чтению в помещении библиотеки, но чтоб ей предоставлено было пользоваться книгами лишь для чтения на дому; книги же должны быть выдаваемы в определенные дни и часы, и отнюдь не в течение классного времени. На учреждение публичной библиотеки в училищном доме каждый раз должно быть испрашиваемо разрешение министра народного просвещения.

Зато в Финляндии восстановлена какая-то *временная* цензура...хорошо что не *вечная*. Какое милое, образованное, либеральное царствование!

ВАРИАНТЫ

П Р И Н Я Т Ы Е С О К Р А Щ Е Н И Я

В разделах «Варианты» и «Комментарии» приняты следующие условные сокращения:

1. А р х и в о х р а н и л и щ а

- ЛБ* — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Москва.
ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства. Москва.
ЦГИАМ — Центральный Государственный исторический архив. Москва.

2. П е ч а т н ы е и с т о ч н и к и

- К* — «Колокол».
Л (в сопровождении римской цифры, обозначающей номер тома) — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке. П., 1919—1925, т. I—XXII.
ЛН — сборники «Литературное наследство».
ОК — Сводное «Оглавление „Колокола“ за 1857, 1858, 1859» и росписи содержания каждого листа за последующие годы.
ПИСЬМА Б — Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву, Женева, 1896.
ПИСЬМА КТГ — Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова, Женева, 1892.

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1866—1867 годов

1 8 6 6

A NOS FRÈRES POLONAIS

ВАРИАНТЫ АВТОГРАФА (ЛБ)

Стр. 162

- ⁴⁻⁵ *Вместо:* fâchés ∞ d'explication <рассердились ∞ в объяснение> — *было:* fâchés [soutenu] contre nous — mais vous ne voudriez pas passer condamnation sans nous avoir entendu. Nous vous avons donné assez de preuves de notre profonde sympathie pour votre cause—pour qu'il en fût autrement <[поддержать] рассердились на нас — но вы не захотите признать нас виновными, не выслушав нас. Мы представили вам достаточно доказательств нашего глубокого сочувствия вашему делу, чтобы поступлено было иначе>
- ¹³⁻¹⁴ *Вместо:* tout préparé pour une révolution économique <совсем готовую для экономического переворота> — *было:* tout propice et <наиболее благоприятную и>
- ¹⁴ *После:* pausans <крестьян> — *было:* avec la terre <с землей>
- ¹⁷ *После:* en Russie <в России> — *было:* C'est ainsi que vous nous avez connus <Именно такими вы нас знали>
- ¹⁸ *Вместо:* je passe <я перехожу> — *было:* permettez-moi de passer <позвольте мне перейти>
После: à l'article <к статье> — *было:* d'Ogareff <Огарева>
- ¹⁹ *После:* nous en avons <мы имеем> — *было:* la plus grande <самое большое>
- ²⁷⁻²⁸ *Вместо:* iniquité <неправды> — *было:* absurdité <нелепости>
- Стр. 163
- ¹ *Вместо:* exproprié <экспроприировать> — *было:* vendre <продавать>
- ²⁻³ *Вместо:* pourquoi ∞ terre <почему ∞ землю> — *было:* au lieu de vendre cette terre aux pausans mêmes et <вместо того, чтобы продавать эту землю самим крестьянам и>
- ⁵ *Вместо:* cet achat <эту покупку> — *было:* cette vente <эту продажу>
Вместо: provinces <провинций> — *было:* gouvernements <губерний>
- ¹²⁻¹³ *Вместо:* nous ne voulons pas continuer <мы не хотим продолжать> — *было:* nous nous taisons <мы умолкаем>
- ²⁰ *После:* d'un pas ferme <твердым шагом> — *было:* réniant un passé odieux <отрекаясь от гнусного прошлого>

²⁵ *После*: à notre sœur malheureuse et martyre <нашей несчастной и мученной сестре> — *было*: Nous vous [soumettons] prions de lire la traduction exacte de l'article d'Ogareff qui suit <Мы [предлагаем рассмотреть] просим вас прочесть точный перевод следующей статьи Огарева>.

ПОРЯДОК ТОРЖЕСТВУЕТ!

III

ВАРИАНТЫ АВТОГРАФА (ЦГАЛИ)

Стр. 189

- ¹⁶ *Вместо*: правительство устояло // оно устояло
²⁰ *После*: воображая им обновиться.— *было*: Это дело и мы постоянно держали перед его глазами и могли это сделать — потому что в то же самое время наша заграничная речь становилась силой
²² *Вместо*: не потерятого — *было*: шея которого не была бы потерята
²²⁻²⁴ *Вместо*: и не было ни одного ◊ кроме лондонского — *было*: Никто не приготовил вольного стапка — кроме нас
²⁴ *Перед*: обратили — *было*: начали
После: силы — *было*: на русскую пропаганду
²⁸ *Вместо*: переезда и перестановки мебели — *было*: противуречий и сумбура
³²⁻³³ *Вместо*: перед едва протиравшим себе глаза исполином — *было*: перед исполином, едва раскрывшим глаза
³⁵ *Вместо*: равно находите // находите
³⁶ *Вместо*: изданий, в ее // [публикаций и на] изданий и в ее
³⁷ *Вместо*: на *Землю и Волю*, на развитие того — *было*: на проповедь *Земли и Воли*, на проповедь о том

Стр. 190

- ¹ *Вместо*: глубоко убеждены // были глубоко убеждены
² *Вместо*: изуверства — *было*: фанатизма
⁴⁻⁶ *Вместо*: имея ◊ русский человек — *было*: восстанавливая и развивая выборное начало, что обрывая насильственную связь с общиной — она
¹⁰ *Вместо*: *п о ч и н* — *было*: начало <?Нижний край листа оборван>
Вместо: первые шаги // первые стадии [великого социаль] — *далее* *оборвано*
¹² *Вместо*: Главным камнем на дороге // Главным камнем на дороге всему
¹⁸ *Вместо*: условия — *было*: того условия
¹⁹ *Вместо*: нет народного совета — *было*: нет умственной жизни, нет народного голоса совета
³⁶ *Вместо*: пуритане — *было*: пуристы
³⁷ *Вместо*: составляли // составляя

Стр. 191

- ² *Вместо*: и легко меняя — *было*: мы легко меняли
²⁻³ *Вместо*: Сбиться с дороги было для нас — *было*: Совсем сбиться с дороги мы вовсе не боялись — это было
⁴ *Вместо*: Не смешно ли человеку — *было*: Смешно человеку
¹⁰ *Вместо*: мундир // а уж мундир
¹² *Вместо*: Для нас // Для нас, по крайней мере
¹⁶ *Вместо*: Мысль — *было*: [Мы признаемся откровенно, что] К тому же мысль
¹⁶ *Вместо*: нам дорога — *было*: была нам дорога
¹⁷ *Слова*: об нас — *отсутствуют*.

- 18 *Вместо*: уверяли поляков, что Россия была готова к восстанию в 1862 г. — *было*: подбивали поляков к восстанию
- 19 *Вместо*: не было ничего // [ничего нет] ничего не было
- 20-21 *Вместо*: в русской жизни ∞ уничтожающих сил // [где в нашей жизни те непримиримые, упорные силы] в нашей жизни нет тех непримиримых, упорных, взаимно уничтожающих сил
- 24-25 *Вместо*: мирно ∞ трусливое — *было*: без крови и разрешилась бы без нее, если б испуганное
- 28 *Вместо*: наше барство — без корней и знают это. Они — *было*: наша аристократия до того без корней и до того знают это, что они
- 29 *Вместо*: в 1862 году ∞ явились — *было*: если б им на выручку не явились
- 31 *Вместо*: катковское клеветничество // московское клеветничество.
- 32-34 *Вместо*: царя ∞ идеал — *было*: идеального царя — [антихриста власть] и ненавидит императора-немца. Царь—идеал
- 35 *Вместо*: т. е. машинами — *было*: Это машины

Стр. 192

- 1 *Вместо*: в волнах жизни народа и тонут в них // в волнах жизни народной и тонут в ней
- 3 *Вместо*: Уничтожалось — *было*: Исчезало
- 5-6 *После*: Русское императорство — *было*: власть без всякой profession, de foi — она
- 13-14 *Вместо*: к какому-то превращению, но, испугавшись, круто своротило // к [овидиевскому] [новому] какому-то превращению, но, испугавшись вдруг [оно] круто своротило
- 15 *Слова*: да, сверх того — *отсутствуют*.
- 18 *Вместо*: настроение — *было*: общее настроение
- 19 *Вместо*: некоторых — *было начато*: и бюрократич. литера
- 20-21 *Перед*: созванию — *было*: какому-нибудь
- 22-23 *Вместо*: как и следует помещикам — *было*: уж
- 25 *Вместо*: народными овациями — *было*: народной овацией
- 26-27 *Вместо*: Одушевление 1612 и 1812 года только понятны // Одушевление 1612 и 1812 только понятны
- 29 *Вместо*: демонстраций // демонстрации
- 30 *Вместо*: Мы смотрели — *было*: Мы от нашей программы не отступили ни на шаг — мы смотрели сначала
- 36 *Вместо*: от округа // от округа
- 38 *Вместо*: самовольства // самоуправства

Стр. 193

- 1-2 *Перед*: помещичьего зверства — *было*: остатки
- 6 *Вместо*: законности — *было*: густоте и толщине
- 7 *После*: противоположный взгляд — *было*: и разрешение которого, кладется в одну из основ русского социализма
- 8 *Вместо*: Мы добивались у наших экономистов и либералов — *было*: Мы не могли добиться у наших цинкорных экономистов и томпаковых либералов даже
- 14 *Вместо*: и с ними // до натяжки <?>
- 20 *Вместо*: тот социализм, который — *было*: именно то социальное ученье, которое
- 26 *Вместо*: с нашим учением — *было*: с нашими теориями
- 33-36 *Вместо*: мысль об общественном владении не приходится; желающие ее вспомнить — *было*: теорию неуместно — те, кого она интересует
- Стр. 193—194
- 34-1 *Вместо*: Он не принадлежал исключительно ∞ социальный смысл — *было*: [он не принадлежит ни к одному ученью — но имеет глубокий смысл их] он не принадлежал ни к одной исключительной социальной доктрине — но имел глубокий социальный смысл

- ³ *Вместо:* порядков — *было:* государственных порядков
- ⁴ *Вместо:* вопросов и сил — *было:* общих сил
- ¹²⁻¹³ *Вместо:* Михайлов и их друзья — *было:* и его товарищи... не оставились и перед другим вопросом — они
- ¹⁴ *Вместо:* труженицу, съедаемую семьей // [раба, съедаемого семьей — но и женщину] женщину — этого раба, съедаемого семьей
- ¹⁵ *Вместо:* Они звали женщину // Они ее звали
- ¹⁹ *Вместо:* гибнувшим — *было:* дичавшим
- ²²⁻²³ *Вместо:* слегка крепостнической — *было:* немного крепостнической
- ²⁸ *Вместо:* ими // [«Современником»] им
- ²⁹ *Вместо:* начала — *было:* опыты
- ³⁰ *Вместо:* историческое значение — *было:* в наших глазах [огр<омную>] чрезвычайную важность
- ³²⁻³⁴ *Вместо:* обращение к социализму ∞ доктринаризмом — *было:* обращение умов молодых и деятельных — не закупленных жизнью, не сбитых с толку доктринами на практический социализм в своих городских кругах
- ³⁴ *Вместо:* неопровержимым // [лучшим] неопроверженным
- ³⁵ *Вместо:* характер русского развития — *было:* социальную будущность России
- ³⁶ *Вместо:* В то время как мы, следуя // [И] В то время как [«Колокол», годы целые] мы, следя
- ³⁶⁻³⁷ *Вместо:* за прениями редакционной комиссии, за введением — *было:* прения редакционной комиссии, введение
- Стр. 195*
- ¹ *Вместо:* своего — *было:* нашего
- ¹⁻² *Вместо:* в Петербурге, Москве и даже в провинциях — *было:* в Петербурге и Москве
- ³ *Перед:* проповедовавших — *было начато:* сближа
- ¹¹⁻¹² *Вместо:* оставленное ∞ должно было идти — *было:* поставленное на последний иску... все остальное шло
- ¹³ *Вместо:* с одной стороны сдерживавший — *было:* главный
- ¹⁶ *Вместо:* повела ∞ и пр. — *было:* [поставила своим последствием экономический и административный переворот земских учреждений и рядом с ним юридический в изменении суда] повела к своим последствиям — к экономическому, административному и юридическому перевороту земских учреждений, нового суда и пр.
- ²⁰ *Вместо:* с крестьянской // с самой крестьянской
- ²¹ *Вместо:* не было // разумеется не было
- ²¹⁻²⁴ *Вместо:* не было ∞ великие революции — *было:* нет той шири и откровенности в разрушении и создании, того увлеченья и творчества, с которым ломали и создавали Конвент и революции
- ²⁴⁻²⁵ *Вместо:* была признана негодность, несостоятельность — *было:* [был, во-первых, признан иной принцип и внутренняя необходимость бесшумно <1 нрзб.> старый] было сознание негодности, несостоятельности
- ²⁵⁻²⁷ *Вместо:* но во всех ∞ был ж и в — *было:* во-вторых, живой зародыш, которого развитие было задержано и искажено — но который был ж и в, мог пробиться
- ³³ *После:* мы — *было:* даже
- ³⁴ *Вместо:* все — *было:* величайшие
- ³⁵ *После:* религиозный — край листа оборван, читаются отдельные зачеркнутые слова: социального значения <...> старообрядцев
Кроме того, имеется зачеркнутая вставка (место не указано) со знаком ВВ: во всех вопросах, по всей линии <и>

- ¹ *Вместо:* усиливались, несмотря на родную распутицу — *было:* старались в нашу родную распутицу
- ⁶ *Вместо:* речь — *было:* наша речь
- ⁷ *Вместо:* одному крику обличения — *было:* тому крику проклятья
- ¹⁸ *Вместо:* ссылкой // ссылками
- ¹⁹ *Вместо:* не чувствовало себя — *было:* не было
- ¹⁰⁻³⁴ *К тексту:* Правительство ∞ надежд // на оборотной стороне одного из склеенных листов читается зачеркнутый вариант: Реакция <З нрзб.> уступленное, ничем не обеспеченное [она не только ничем [вовсе]] не была оправдана, кроме правительственного страха и интриги стращавших его. По собственному официальному признанию, она была бессмысленна. С 1812 года правительство не было сильнее, из-за патриотизма люди забыли все человеческое и поддерживали трон, адреса всех сословий, городов, сел — наполняли газеты — тут следовало ждать льгот [расширения прав, благодарности]. Правительство и на взрыв преданностей отвечало рядом гонений и рядом стеснений... [В этом было что-то отвратительное, безумное] и кончилось своего рода безумием... выстрелом Каракозова.

Те, которые надеялись — озлобились [*оторвано*] не исполнил обещаний] на не исполнившего надежд.

- ³⁷ *Вместо:* царские п у г а т е л и — *было:* п у г а т е л и его величества
- ³⁸ *Вместо:* И тем не менее если — *было:* [Но если] Впрочем если

- ¹⁻² *Вместо:* запутался и увяз в полицейской грязи — *было:* лопнул ничем
- ⁷ *Вместо:* и не мы, наконец — *было:* и
- ⁹ *Вместо:* труп — немым свидетелем — *было:* один труп — всегдашним обвинителем
- Вместо:* скверной // свирепой [беспопачности]
- ¹³ *Вместо:* тюрьмой — *было:* тюрьмами
- ¹⁸ *После:* о праве собственности — *было:* нигилизме
- ²² *Вместо:* печальное — *было:* какое-то
- ²³⁻²⁵ *Против текста:* Что за нетопыри ∞ белый свет! — на обороте предыдущего листа зачеркнуто: Что за нетопыри, что за совы — за галки [поднялись] встрепенулись и [поднялись] [закаркали] поднялись [полетели] и полетели испуганные выстрелом
- ²⁵ *После:* белый свет — *было:* испуганные выстрелом!
- ²⁹ *После:* начавших — *было:* при этом
- ³² *После:* Нам — *было:* даже
- ³³ *Вместо:* вопрос у нас в том, чтоб узнать — *было:* вопрос в том, есть ли что-нибудь общее
- ³⁶ *Вместо:* Великий враг ∞ идут — *было:* Вы тотчас увидите — что великий враг, что антихрист, что Страшный суд, которого они боятся, против которого они идут

- ² *Вместо:* О н и б о я т с я — *было:* О н и все б о я т с я
- ⁵ *Вместо:* они // вы
- ⁶ *Вместо:* содержится — *было:* они понимают
- ⁹ *Вместо:* смысла // смысл
- Вместо:* Они — *было:* и в самом деле
- ¹⁴ *Вместо:* скажем — *было:* скажем только
- ¹⁷ *Вместо:* Объявляя себя против — *было:* Итак, вот против чего они — против
- ¹⁹ *Вместо:* за изуверство, крепостничество, глупость — *было:* во

имя изуверства, крепостничества, глупости

²⁰ *Вместо:* убил его больше // убил больше

²⁵ *После:* *п о м и м о е г о .* // *подстрочное замечание:* Что интерес больше не в нем, это поняли «Московские ведомости» и «Весть» — в новой ругани своей

²⁶⁻³⁰ *Вместо:* Ничем ∞ спящий на корабле — *было:* Вредить оно может, но в самом деле остановить великую работу — работу вулканическую, работу кротовую, остановить движение, которое уносит весь материк наш и каждый мозг, в который попал свет, — к другим судьбам — *н е м о ж е т*

Да двигается ли он в самом деле?

³² *Вместо:* и их — *было:* возьмите их

³⁷ *Вместо:* ткани — *было:* материи

Стр. 199

¹⁷ *Вместо:* но ведь // но вы знаете

¹⁸ *Вместо:* и мы // мы

²⁵ *После:* станом. // *дата:* 1 янв. 1867 — *и подпись:* И — р

1 8 6 7

〈НОВАЯ «БАРХАТНАЯ КНИГА» РУССКИХ ДВОРЯНСКИХ РОДОВ〉

ВАРИАНТЫ АВТОГРАФА (ЦГАЛИ)

Стр. 218

¹⁶ *После:* поднялись из — *было:* передней

¹⁸ *После:* узнать — *было:* какой смысл

²⁰ *Вместо:* стряпчие и помещичы писаря — *было:* писаря и стряпчие

²¹⁻²² *Слова:* представителя ∞ фамилий — *отсутствуют.*

²³ *Вместо:* перечню — *было:* описанию начал

²⁷ *Вместо:* значит // и, следовательно

²⁹⁻³⁰ *Вместо:* Т. I (512 pag.) // Vol. I (512 p.)

Стр. 219

¹ *Вместо:* надо // надобно

⁷ *Вместо:* все летописи полны — *было:* вся история полна

⁹ *Вместо:* но в рассказе // в рассказе

¹⁴ *После:* больше человек, чем — *было:* все эти князья и бояры, окружавшие Петра и его наследников

¹⁸⁻¹⁹ *После:* казнокрады — *было:* воры

²⁰ *Перед;* составляют — *было:* они-то

²⁰⁻²¹ *Вместо;* И их-то потомки ∞ бросать камень — *было:* Да еще таких, которые теперь осмеливаются бросать камень

²² *Вместо:* пороки — *было:* недостатки

²⁴ *Вместо:* доблести // все доблести

²⁵ *Вместо:* холопов — *было:* разбойников

³¹ *Вместо;* вынырнул и развился — *было:* вынырнула и развилась

³²⁻³³ *Вместо;* свой кряж — *было начато:* особ

Вместо; свой кряж *н а с т о я щ е г о р у с с к о г о б а р с т в а* — *было:* *н а с т о я щ е е р у с с к о е б а р с т в о*

³⁴ *Вместо:* надо // надобно

Вместо: завалить землей // занести землей и

Перед: искупить — *было:* накрывши гробовой доской

Стр. 219—220

³⁶⁻² *Слова:* или вызывать ∞ стыд — *отсутствуют.*

⁸⁻¹⁴ *Текст:* С нетерпением ждем ∞ познакомить с отцами — *отсутствует.*

Стр. 224

⁹ *Вместо:* 1789 года // 1789

¹² *Вместо:* зверской // звериной

¹²⁻¹³ *Вместо:* одной породы к другой — *было:* разных племен

¹⁵⁻¹⁶ *Вместо:* всякого честного — *было:* развитого

¹⁸ *Вместо:* представляем — *было:* доставляем

¹⁹ *Вместо:* которой — *было:* с которой

Стр. 225

¹⁵ *Вместо:* дельной, умной — *было:* милой

¹⁶⁻¹⁷ *Вместо:* послушать ∞ пьянящую ум // послушать [зменное шипение] ласки *м а ч е х и*, не угодно ли посмотреть на ее злую злобу, ее [ненависть] [злобу] животную ненависть, пьянящую ум

¹⁸⁻²⁰ *Вместо:* что в крови ∞ она же их! — *было:* что они в крови и синих пятнах «сше дышат мол и говорят по-своему» — вот мы же их

³⁸ *После:* почивший — *было:* несколько

Стр. 226

² *Вместо:* по окончанию спины // по... спине

¹⁶ *После:* Нет, — *было:* господа «Москвы»

²² *После:* араччевщины — *было:* Мы просто удивляемся, чему гневались славянофилы, когда мы в 1859 говорили, что они за пояс заткнул Николая и Третье отделение с ним

²³ *Перед:* внутренней — *было:* [какой-то] жгучей

²⁷ *Вместо:* федерации // федерализации

²⁸ *Вместо:* проповедовали — *было:* говорили

²⁹ *Вместо:* не дело рук — *было:* не дело рабских рук и не дело рук пытающих

ЖАЛЬ

Стр. 234

⁶ *После:* тащится бессмысленной, тупой реакцией // [обманутое людьми корыстными, лицемерными ханжами, врагами] составленное из людей корыстных, лицемерных, врагов народа и света — по положению оно

¹³ *После:* с русским развитием — *было:* если не спохватиться

¹³⁻¹⁴ *Вместо:* исказит ∞ дело // исказит, загрязнит самое дело

²⁵ *Вместо:* стоит поступиться // поступиться

²⁶⁻²⁸ *Сноска отсутствует.*

Стр. 235

¹¹⁻¹² *Вместо:* на главном вопросе // на [одном] главном историческом вопросе

¹⁵ *Вместо:* Мы боимся // Мы слишком боимся

²² *После:* и чешется — *было:* и сердится

²⁵ *После:* пониманье // ясновиденье

²⁸ *Вместо:* Слабую надежду нашу, что наши // [Нашу слабую надежду] Всю слабую надежду нашу, что [и] наши

Стр. 236

² *Вместо:* враги // враги наши

³ *Вместо:* осуществилось // осуществлялась — *Далее в тексте зачеркнут знак сноски, на полях зачеркнуты такой же знак и слова:* Под<строчное> Зам<ечание>

¹²⁻¹³ *Вместо:* вялый, но принявший ∞ свободного — *было:* укрепившийся период гонений науки, политического движения

- ¹³ *Вместо:* свободного — *было:* всего на свете
- ¹⁴⁻¹⁵ *Вместо:* Острая горячка ↔ раболепия — *было:* [За острым временем] За острой горячкой неслыханного торжества раболепия
- ¹⁶⁻¹⁷ *Вместо:* сменялась ↔ уничтожить — *было:* настал хронический терпоро реакции, грозящий мало-помалу уничтожить
- ³⁶ *Вместо:* выбрасывать богородиц из нашей — *было:* снимать богородиц с пьедесталей
- Стр.* 237
- ⁷ *Вместо:* партии — *было:* поезды
- ¹¹ *Вместо:* революционные воззвания к грекам и галичанам — *было:* самые революционные прокламации

ПИСЬМО К И. С. АКСАКОВУ

ВАРИАНТЫ РУКОПИСНОЙ КОПИИ (ЦГАЛИ)

- Стр.* 238
- ⁹ *Вместо:* вы не считаете меня // вы не считаете
- ²⁷ *Фраза:* Не понимаю, зачем они щадят меня // без курсива
- Стр.* 239
- ³⁶⁻³⁷ *Подстрочное примечание отсутствует.*

ВАРИАНТЫ АВТОГРАФА (ЦГАЛИ)

- Стр.* 240
- ² *Вместо:* и к лицам // и ко всем лицам
- ³ *Вместо:* выгодами // всеми выгодами
- ⁵⁻⁶ *Вместо:* благодарностью // благодарностью ему
- ⁸ *Вместо:* И — р // А. Г.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

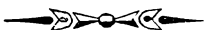
ВАРИАНТЫ АВТОГРАФА (ЦГАЛИ)

- Стр.* 243
- ¹ *Вместо:* Новый журнал // «Русский»
- ² *Вместо:* с 13 марта новый журнал под заглавием «Русский». Если // журнал, с 1 марта, — если
- ³⁻⁴ *Перед:* Вёдрина — *было начато:* сотр<удником>
- ⁵ *Вместо:* заморских чувствований и отрывки своих дневников // чувствований

<В 75 ЛИСТЕ «МОСКВЫ» НАПЕЧАТАНО...>

ВАРИАНТЫ АВТОГРАФА (ЦГАЛИ)

- Стр.* 300
- ⁶⁻⁷ *Вместо:* я не возвращаюсь — *было:* потому что никто его не спрашивал
- ¹⁵ *Перед:* не по ходатайству — *было:* и

КОММЕНТАРИИ

Деятнадцатый том Собрания сочинений А. И. Герцена содержит статьи и заметки, написанные в 1866 и 1867 годах. Большая их часть появилась впервые на страницах «Колокола».

Из произведений Герцена, не входивших до сих пор в собрания его сочинений, впервые публикуются в основном разделе настоящего тома статьи и заметки: «Важная поправка», «Приговор верховного уголовного суда», «Первый что?», «Кончина Петрашевского», письмо к редактору газеты «Figaro» и русский текст обращения Герцена «Нашим польским братьям».

В основной раздел включены также следующие статьи и заметки 1866—1867 гг., отнесенные в издании под ред. М. К. Лемке к разряду Dubia: «Судебное убийство в Москве», «Имеют ли право коронные чиновники изменять законы?», «Школа в Лугано», «Симбирские поджигатели», «Из Сибири <Мы получили страшную вест...>», «Великокняжеский социализм — михайловская теория собственности», «Из Петербурга (Земские учреждения.— Валуев-цензура.— „Народная летопись“.— Помещики-целовальники.— „День“.— Сосланный купец)», «Выговор генерал-адъютанту графу Строгонову 2-му», «Вот вам и гласный суд!», «Юр. Ник. Голицын на воздухе», «Еще о Некрасове», «Уничтожение, гонение, срытие с лица земли, приравнивание к нулю Каракозовых», «Барометр на градус ниже», «Лебединая острота князя Меншикова», «Просьба», «Три убийства в Тамбове», «Всякая всячина из нашей реакции», «Neue Frankfurter Zeitung», «Опасное положение американца Клея», «Дело рядового Неведомского», «Икопоборство Безака в Подольской губернии», «Биография Муравьева Вешателя», «Каракозовское дело», «Наше правосудие», «Crédit et débit», «Новый роман Тургенева „Дым“, «В юзе меру мерите...» и «Сумасшествис».

В особый раздел тома выделены впервые публикуемые заметки Герцена, предназначавшиеся им для «Колокола», но оставшиеся в рукописи: «Французские журналы говорят...», «Неужели тупоумие и дурачество дикого патриотизма...» и «Свобода книгопечатания».

Из анонимных публикаций в «Колоколе» 1866—1867 гг. не помещена в настоящем томе заметка в «Две речи графа А. П. Шувалова» (К, л. 238 от 1 апреля 1867 г., стр. 1941), ошибочно приписанная Герцену в издании М. К. Лемке (Л XIX, 260); принадлежность этой публикации П. В. Долгорукову устанавливается автографом вступительной заметки,

обнаруженным в ЦГАЛИ среди писем П. В. Долгорукова к Герцену.

Раздел «Редакционные заметки, примечания, объявления» пополнен 19 заметками и примечаниями Герцена к публикациям в «Колоколе».

В раздел «Dubia» в настоящем томе включены 11 анонимных статей и заметок, отсутствующих в издании под ред. М. К. Лемке. При атрибуции анонимных статей и заметок 1866—1867 гг. учитывались имеющиеся в издании под ред. М. К. Лемке ссылки на автографы Герцена и его письма, хранившиеся в архиве семьи Герцена, записки Л. Чернецкого и С. Тхоржевского, пометы на корректуре, на отпечатанных листах «Колокола» и пр. Однако, принимая во внимание то, что местонахождение документов, на которые ссылается М. К. Лемке, остается нам неизвестным, в дополнение к его свидетельствам о принадлежности Герцену тех или иных анонимных публикаций в комментариях к настоящему тому приводятся и другие аргументы — биографического, идейно-тематического и стилистического порядка.

Ценный материал для атрибуций даст изучение биографии Герцена и Огарева в 1866—1867 гг. Даже в те месяцы, когда Герцен отсутствовал в Женеве, он, и только он, являлся вдохновителем и главным редактором «Колокола», осуществлявшим ближайшее наблюдение за характером материала и за его идейным освещением в газете. Редакторскую работу Герцена в этом отношении характеризует его реакция на статью П. В. Долгорукова «Письмо из Петербурга (окончание)», опубликованную в К, л. 237 от 15 марта 1867 г.: «В статье Д(олгорукова), — писал Герцен 7 марта Огареву, — мои вымарки следует исполнить. *Ответственный редактор — я* (курсив наш. — Р е д.)». Об этом же см. в письме Герцена к Огареву от 4 марта 1867 г.

В 1867 г. характер участия Герцена в «Колоколе» существенно отличается от его работы в 1866 г. Герцен и в 1866 и в 1867 г. не живет безвыездно в Женеве, но если в 1866 г. все его отлучки в общей сложности составляли не более четырех месяцев, то в 1867 г. он, после четырехмесячного отсутствия в начале года, совершает в июне и июле поездки в Монтре и в Берн, а с 10 июля, не считая короткого приезда на 5 дней, окончательно покидает Женеву. Различный объем авторской и редакторской работы Герцена в «Колоколе» в 1866 и 1867 гг. определяется также степенью участия в ней Огарева. В 1866 г. болезнь приводит Огарева к сильному понижению, а иногда и к полной потере работоспособности. В письмах с декабря 1865 до марта 1866 г. Герцен постоянно пишет о болезни Огарева, о том, что «он решительно работать постоянно не может». Только с лета 1866 г., когда здоровье Огарева улучшается (см. письмо Герцена к М. Мейзенбург от 25 июля), он начинает вновь помогать Герцену в подборе материала для «Колокола» и в чтении корректур. С конца 1866 г., особенно во время отсутствия Герцена в Женеве (с 17 декабря), Огарев в полной мере разделяет с Герценом редакторские обязанности.

Таким образом, в силу того что Герцен в течение 1866 г. являлся почти единоличным редактором «Колокола», значительно упрощается атрибу-

ция статей и заметок 1866 г., особенно написанных от имени редакции «Колокола». Здесь же следует отметить, что сосредоточение в руках Герцена всей редакторской работы сразу сокращает масштабы сотрудничества в «Колоколе» П. В. Долгорукова, деятельность которого оживлялась лишь во время отсутствия Герцена. Критически относясь к публицистической манере П. В. Долгорукова (см. письмо Герцена к сыну и дочери Ольге от 19 июня 1866 г., письмо к сыну от 12 декабря 1866 г. и к Г. Н. Вырубову от 16 декабря 1866 г.), Герцен не испытывал потребности в его постоянной помощи. Но во время своего отсутствия в Женеве, имея в виду затруднения, которые обычно возникали у Огарева при подготовке «Смеси», Герцен вынужден был сам советовать ему привлекать к работе Долгорукова (см., например, его письмо к Огареву от 22 января 1867 г.). Эти факты несколько усложняют работу над атрибуцией анонимных статей и заметок в «Колоколе» 1867 года, тем более что Долгорукову была свойственна большая переимчивость не только мыслей, но также некоторых образов и фразеологических оборотов Герцена. Больше того, Долгоруков пользовался в своих заметках формой высказывания от имени редакции «Колокола» (см., например, в публикации «Две речи графа А. П. Шувалова»: «Один из приятелей наших доставил нам...», «Мы перепечатаваем их здесь» и т. п.), хотя по существу Герцен никогда не делил с ним редакторских обязанностей и не допускал его вмешательства в текст своих статей и заметок (см. письмо его к Огареву от 17 марта 1867 г.).

Всем этим определяются и особенности подхода к атрибуции анонимных статей и заметок в «Колоколе» 1867 г. На основании переписки Герцена и Огарева можно выделить те листы «Колокола», в составлении которых Герцен принимал наименьшее участие. К числу их следует прежде всего отнести л. 233—234 от 1 февраля 1867 г., «Смесь» которого написана П. В. Долгоруковым. 28 января 1867 г. Огарев писал Герцену: «На мой взгляд „Кол(о)кол“ превосходит, даже и 2 статейки в „Смеси“ его сиятельства» (ЛН, т. 39—40, стр. 428). «Статьями» в «Смеси» листа 233—234 могут быть названы по своему жанру только «Процесс г. Чичерина в Париже» и «Король-губернатор». Помещенное там же сообщение о приезде и спасении Щербакова было заготовлено Долгоруковым и лишь одобрено Герценом, как это видно из его записки Огареву на автографе статьи «Наше правосудие» (см. комментарий к ней в наст. томе).

Не принимал участия Герцен и в составлении «Смеси» л. 237 от 1 марта 1867 г., за исключением публикуемой в настоящем томе заметки «В Общій фонд» и заметки «Наш habeas corpus и личная безопасность» (о ней речь ниже). Об этом говорят не только особенности обработки материала «Смеси», но и эпистолярные свидетельства (см. письмо П. В. Долгорукова от 17 февраля 1867 г.—ЛН, т. 62, стр. 130; о работе Долгорукова см. также в письмах Огарева к Герцену от 15 и 18 марта 1867 г.—ЛН, т. 39—40, стр. 440 и 442). «Смесь» в л. 237 «Колокола» представлена в большей своей части подборкой материала из русских газет. Сообщение о С. Я. Жеманове было написано Огаревым по просьбе А. Я. Щербакова

(см. письмо А. Я. Щербакова Огареву от 8 марта 1867 г.— *ЛН*, т. 62, стр. 728). Судя по характеру всей «Смеси» данного листа и по отсутствию *положительных* свидетельств в пользу авторства Герцена в его переписке, заметка о Н.В.Альбертини и П.Л.Лаврове также была написана не им.

«Смесь» в л. 238 «Колокола» от 1 апреля была составлена в основном также не Герценом. Правда, вначале у Герцена было намерение заняться ею целиком самому, как это видно из его письма к Огареву от 7 февраля 1867 г. Но через месяц, 7 марта 1867 г., Герцен сообщил Огареву об отсутствии у него какого-либо материала для очередного листа «Колокола». Если к этому еще присоединить задержку в пересылке русских газет, па которую Герцен обращал внимание Огарева в письме от 31 марта 1867 г., то станет понятно, почему 4 апреля, по отпечатании л. 238¹, Герцен писал Огареву о «Смеси» этого листа как о чужом материале: «Слог местами в „Колок(оле)“ очень небрежен, а то бы „смесь“ была возможна» — т. е. приемлема, удовлетворительна. «Смесь» л. 238 была написана Огаревым (см. в его письме к Герцену от 18 марта 1867 г.: «Я вот и теперь весь предан „Смеси“»—*ЛН*, т. 39—40, стр. 442), за исключением статьи «Стелла-Савицкий», принадлежность которой П. В. Долгорукову доказывается его автографом (*ЦГАЛИ*).

В «Смеси» л. 239 от 15 апреля 1867 г. Герцен выступил только как автор трех заметок, публикуемых в настоящем томе, и как инициатор помещения заметки «Дело Пастухова и Протопопова» (см. об этом далее), но не имел отношения к составлению «Смеси» в целом; из его письма к Огареву от 26 марта 1867 г. видно, что Герцен не был осведомлен о том, что заготовлено для очередного листа «Колокола»; о том же свидетельствует и письмо его к Огареву от 29 марта 1867 г.

Следующий лист «Колокола», на котором также сказалось отсутствие Герцена,— это «Прибавочный лист к первому десятилетию» от 1 августа 1867 г. Судя по письму Герцена к Огареву от 17 июля 1867 г., он участвовал в «Смеси» прибавочного листа как автор нескольких заметок: «Я посылаю несколько строк в „смесь“, да еще о „Гмине“ в спасибо за превосходные статейки их». Кроме того, Герценом было сделано указание о переводе статей из уголовного кодекса, цитированных Э. Араго (см. ниже), и дано согласие Огареву в отношении остального материала: «Сейчас получил Огарева письмо — со всем согласен. Боборыкина не жалеть» (письмо к С. Тхоржевскому от 3 августа 1867 г.). В основном же «Смесь» этого листа была написана Огаревым (см. его письма к Герцену от 20, 23, 24, 25, 31 июля и 1 августа 1867 г.— *ЛН*, т. 39—40, стр. 446—448, 450 и 452).

Вместе с тем редакторская работа Герцена и в 1867 г. отличается широтой и разнообразием форм. Помимо редакционной работы, отраженной в настоящем томе, следует учитывать письма Герцена к Огареву, где содержатся указания на те или иные факты из газетной хроники,

¹ Время выхода его в свет устанавливается по письмам Герцена к Огареву от 3 апреля и к М. Мейзенбург от 4 апреля 1867 г.

которые следовало бы обработать в заметки для «Смеси». Так, Огарев реализует указание, данное ему Герценом в письме от 3 марта 1867 г. из Флоренции: «Следует напечатать дикий приказ о ссылке трактирщиков за непредьявление имен проезжающих в полицию — вот тебе и „habeas corpus!“» (см. в *К*, л. 237 от 15 марта 1867 г., заметку «В „Одесском вестнике“...», которая непосредственно переходит в «Наш habeas corpus и личную безопасность»); в этом же письме Герцена — предостережение: «О попе печатать не следует». Появлению в «Колоколе» заметки «Дело Пастухова и Протопопова» (л. 239 от 15 апреля 1867 г., стр. 1955) предшествовало непосредственное указание Герцена в письме к Огареву от 3 апреля 1867 г.: «Следует напечатать в „Смеси“ о Петрашевском и милое решение о Пастухове». По прямому указанию Герцена была написана Огаревым для прибавочного листа «Колокола» от 1 августа 1867 г. заметка «Эмапуил Араго, в защите Березовского, цитировал...»; 22 июля 1867 г. Герцен писал Огареву из Ниццы: «Неужели следующие статьи существуют в своде уг<оловных> зак<онов>? Их цитировал Эман<уил> Араго при защите Березовского. Если так, напечатай перевод в „Смеси“».

Герцен не только сам отбирает для «Колокола» газетные сообщения и факты, но и обращает внимание своих сотрудников на материалы этого рода. Так, П. В. Долгоруков учел совет Герцена в статье «Письмо из Петербурга (окончание)» (*К*, л. 237 от 15 марта 1867 г., стр. 1933), заимствовав из газеты «Весть» рассказ об одном из дворян Симбирской губернии, который охарактеризовал различие между людьми дворянского и крестьянского сословия поговоркой «Гусь свинье не товарищ»; ранее, в письме к Огареву от 22 февраля 1867 года, Герцен писал: «„Гусь свинье не товарищ“ надобно перепечатать хоть в 15» (т. е. в *К* от 15 марта 1867 г.); и затем в письме к Огареву от 3 марта 1867 г.: «...о „гусе и свинье“ можно просто упомянуть под заглавием: „И гусь может быть свиньей“». Этот анекдот пригодится где-нибудь к месту».

Герцен не только собирает материал для «Колокола», находясь вне Женевы, но и руководит распределением этого материала по отдельным листам. Так, например, 7 января 1867 г. он пишет Огареву из Ниццы: «Я никак не думал, что твоя статья пойдет в февральский лист. Зачем же в нем два большие leading'a и что ж будет в 1 марта? <...> Из чего нам так роскошествовать? „Колокол“ надобно поддерживать как знамя и потому с некоторой экономией располагать материалом». Иногда Герцен дает указания и относительно композиции отдельных листов «Колокола», которые не всегда, впрочем, выполняются (см. письмо его к Огареву от 22 марта 1867 г.).

По-прежнему внимателен Герцен к шрифтам, заголовкам, подзаголовкам, примечаниям и другим деталям литературно-технического оформления своих и чужих публикаций в «Колоколе» (см. письма его к Огареву от 22 и 29 июля 1867 г.). Так, по-видимому, Герцену принадлежат заголовки «Несовершеннолетний злодей и совершеннолетние злодеи, судившие его» (*К*, л. 217 от 1 апреля 1866 г., стр. 1780), а также «Ess.-Bouquet „Московских ведомостей“ (№ 2)» (*К*, л. 227 от 1 сентября 1866 г.,

стр. 1860),— заголовок, связывающий публикацию цитаты из «Московских ведомостей» со статьей Герцена «Ess.-Bouquet „Московских ведомостей“» в предыдущем листе «Колокола».

В настоящий том не включены редакционные подзаголовки и подстрочные примечания, уточняющие время написания или время получения редакцией «Колокола» тех или иных корреспонденций. Не включены в том и редакционные объявления чисто информационного характера, например: «Следующий лист „Колокола“ выйдет...», «*Корреспонденция* из Казани и *письмо* из Петербурга будут помещены в следующем листе» (*К*, л. 215 от 1 марта 1866 г., стр. 1764) или: «Мы получили статью эту 31 октября и потому по необходимости должны были оставить ее до нынешнего листа.— Р е д.» (*К*, л. 230 от 1 декабря 1866 г., стр. 1881).

Не перепечатываются нами и подстрочные примечания, с подписью «Изд.», принадлежность которых Огареву не вызывает сомнений. Таковы, например, примечания к публикации «Финансовое положение» (*К*, л. 225 от 1 августа 1866 г., стр. 1843; *К*, л. 226 от 15 августа 1866 г., стр. 1848), недовольство которой выразилось в письме Герцена к сыну от 29 августа 1866 г.

Письма Герцена в редакции газет «Zukunft» и «Temps» по поводу напечатанного в них известия о прекращении «Колокола» (см. об этом в письмах Герцена к Огареву от 1 и 18 августа 1867 г.) остались неразысканными, а потому и не включены в настоящий том.

Тексты и текстологический комментарий к произведениям настоящего тома подготовила *В. Г. Березина*, с контрольной проверкой текста *А. Л. Гришуниным* (1866 г.) и *М. А. Соколовой* (1867 г.), при участии *Л. Р. Ланского* («*A nos frères polonais*» и «Редактору газеты „Figaro“»). Варианты по русским автографам и текстологический комментарий к ним подготовлены *Л. М. Долотовой*.

Реальный комментарий к произведениям 1866 года составила *В. Г. Березина* при участии *Я. Е. Эльсберга* (вступительные заметки к статьям «Иркутск и Петербург», «Письмо к императору Александру II», «Война» и «Порядок торжествует!») и *А. М. Малаховой* («Стихи и проза Некрасова»). Реальный комментарий к произведениям 1867 г. составлен *С. Д. Лицинер*. Вступительная статья к разделу «Комментарии» написана *Л. М. Долотовой*.

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1866—1867 годов

1 8 6 6

КРЕПОСТНИКИ

Печатается по тексту *K*, л. 241 от 1 января 1866 г., стр. 1730—1732, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: И—р. Автограф неизвестен.

Стр. 7. «*Tu te réveilles, belle endormie!*» — «Ты пробуждаешься, спящая красавица!» (франц.). Первый стих из песни Дюфрени, цитируемый Пушкиным в пятой главе «Евгения Онегина», при упоминании о куплетах Трике:

На голос, знаемый детьми,—
Réveillez-vous, belle endormie!

...вспоминают о 2 декабре.— В ночь на 2 декабря 1851 г. президент Французской республики Луи Бонапарт совершил государственный переворот, распустив Законодательное собрание и Государственный совет и арестовав лидеров всех оппозиционных партий.

Стр. 8. *Юбилей в Вольном экономическом обществе ∞ отчет В. Безобразова.*— Вольное экономическое общество было создано в 1765 г. Празднование столетнего юбилея общества, деятельность которого направлялась и контролировалась правительством, носило ярко выраженный официальный характер. «Краткий обзор столетней деятельности Вольного экономического общества» был напечатан в «Северной почте», 1865 г., №№ 237—239; автор его — секретарь общества А. И. Ходнеев (а не В. П. Безобразов, как указывает Герцен); в конце 1865 г. очерк А. И. Ходнеева «История Вольного экономического общества» вышел отдельным изданием.

...собрать со всех концов России сельских хозяев...— Съезд сельских хозяев, посвященный столетнему юбилею Вольного экономического общества, был торжественно открыт 31 октября 1865 г. Заседания проходили в помещении петербургского дворянского собрания; всего было шесть заседаний (с 1 по 6 ноября 1865 г.).

...в котором отказало московскому дворянству.— 11 января 1865 г. московское дворянство подало Александру II «адрес», в котором просило созвать «общее собрание выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству». Текст адреса (вместе с отчетом о заседаниях дворянского собрания) был напечатан в газете «Весть» от

14 января 1865 г., № 4. За эту публикацию газета была приостановлена на восемь месяцев, а ее редактор В. Д. Скарятин предан суду. Об «ад-ресе» см. статью Герцена «Прививка конституционной оспы» в т. XVIII наст. изд., стр. 317—324.

Стр. 9. *Наши милые трутны ∞ распоряжений начальства.*— Здесь Герцен использует отчет о четвертом заседании съезда сельских хозяев, помещенный в «С.-Петербургских ведомостях» от 7 ноября 1865 г., № 293. В газете сообщалось о предварительном заседании III отделения Вольного экономического общества, на котором было решено, что «община положительно вредна и что следует ходатайствовать о законодательных мерах, способствующих ее распадению». Эта мысль развивалась на четвертом заседании съезда (4 ноября) в докладе А. Б. Бушени, которому возражал И. В. Вернадский (председательствовавший на предварительном заседании отделения), заявивший, что «вопрос о существовании общины должен решаться сам собой...» Далее Герцен излагает речи В. А. Панаева, А. Б. Бушени и В. Д. Скарятина по «С.-Петербургским ведомостям» от 7 ноября 1865 г., № 293, приводит отзыв «Голоса» от 21 ноября 1865 г., № 322 о статье П. Б. Бланка «О существе дворянских прав и собраний», напечатанной в газете «Весть» от 18 ноября 1865 г., № 22. В цитате из «Голоса» («Вы напечатали ∞ за большим образованием»—стр. 7) курсив при надсежит Герцену.

Стр. 11. *Или вы тоже верите по Аристотелю и Бланку, что есть натура рабская и натура человеческая...*— Имеется в виду теория Аристотеля о душе как «начале властвующем» и о теле как «начале подчиненном» — теория, которая у него служит к оправданию угнетения раба как личности с низшей духовной организацией по сравнению с представителями господствующего класса (А р и с т о т е л ь. Политика. Пер. С. А. Жбелева. М., 1914, стр. 12).

...*«живущий верою ∞ державе в мире?»* — Сокращенная цитата из речи Д. Д. Голохвастова на обеде, устроенном 19 ноября 1865 г. московским дворянством в честь князя Л. Н. Гагарина, вновь избранного губернским предводителем дворянства («Московские ведомости» от 20 ноября 1865 г., № 255).

Известному противнику Бунцена и Бэкля...— 9 января 1865 г. В. П. Орлов-Давыдов в своей речи на заседании московского дворянского собрания говорил: «С какою целию переводят на наш язык и печатают книги вроде Бэкля, отвергающего всякое участие Провидения в человеческих делах? Я спрашиваю, с какою целию распускают между крестьянами дешевые книжонки и ими знакомят крестьян с именем Бунцена, который первый подал мысль о сочинении новой библии и нового евангелия, приспособленного к настоящим понятиям» (см. «Весть» от 14 января 1865 г., № 4). Эти слова Герцен цитировал ранее в статье «Поправки и дополнения» (т. XVIII наст. изд., стр. 330). О «плоской речи» В. П. Орлова-Давыдова Герцен писал также в статьях «К концу года» (т. XVIII наст. изд., стр. 463) и «Из Петербурга» (стр. 87 наст. тома).

...*в последние «дебаты»*...— Герцен иронически отзывался о заседаниях московского дворянского собрания в ноябре 1865 г., которые, в отличие от январского собрания, прошли без всяких прений.

«Аристократия и олигархия ∞ лучши и х людей».— Речь В. П. Орлова-Давыдова на заседании московского губернского дворянского собрания 15 ноября 1865 г. цитируется Герценом по «Московским ведомостям», от 20 ноября 1865 г., № 255 (курсив принадлежит Герцену).

...*«между жарким и бланманже»*...— Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (глава V, строфа 32).

Стр. 11—12. ...*что они «преступники ∞ исторические неприятности».* — Герцен иронически передает слова из речи Д. Д. Голохвастова на обеде в честь Л. Н. Гагарина (см. об этом выше).

Стр. 12. ...духовного «Дня»...—Газету И. С. Аксакова «День» Герцен иронически называет «православным» изданием также в заметке «Подарки к Новому году» (стр. 15 наст. тома).

...чем отвечать ∞ какому-то отцу Мартынову...— См. заметку «Отец Мартынов и отец Самарин» и комментарий к ней в т. XVIII наст. изд.

...занимались уничтожением иезуитов...— Имеются в виду многочисленные выступления «Дня» против иезуитов; см., например, передовую газеты от 21 марта 1864 г., № 12, а также цикл статей Ю. Ф. Самарина «Иезуиты и их отношение к России» («День», 1865, №№ 45—52).

СУДЕБНОЕ УБИЙСТВО В МОСКВЕ

Печатается по тексту К, л. 211 от 1 января 1866 г., стр. 1732, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену этой заметки, так же, как и остальных анонимных заметок в отделе «Смесь» новогоднего листа «Колокола», определяется ее редакционным характером. Огарев во второй половине декабря 1865 г. был болен (см. письмо Герцена к М. Мейзенбуг от 25 декабря 1865 г. и к сыну от 30 декабря 1865 г.), а предварительная заготовка заметок для «Смеси» этого листа исключается свежестью их материала. Принадлежность Герцену «Судебного убийства в Москве» подтверждается идейно-тематической связью заметки с другими его публикациями этой поры — «Военная юстиция», «Полевое военное убийство в Харькове» — и со статьей «Гуртовая бойня» (см. в наст. томе, стр. 73—74, 121 и 149—150). Особенно характерны в этом отношении строки о «московских неистовых патриотах», т. е. славянофилах, — ср. в заметке «Полевое военное убийство в Харькове»: «Что, г. Аксаков, много взяли вашими протестами против незаконных казней?.. Зачем же вы в дни оны поддерживали это кровавое правительство?», а также в статье «Гуртовая бойня»: «Ну, храбрые люди, московские патриоты <...> подайте правительству прошение о том, чтоб оно не убивало...».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVIII, 304),

Делу Архипа Пудина была посвящена статья «Полевой военный суд в Москве» в «Русских ведомостях» от 30 ноября 1865 г., № 141; перепечатано в «Голосе» от 2 декабря 1866 г., № 333.

ИМЕЮТ ЛИ ПРАВО КОРОННЫЕ ЧИНОВНИКИ ИЗМЕНЯТЬ ЗАКОНЫ?

Печатается по тексту К, л. 211 от 1 января 1866 г., стр. 1732, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену этой редакционной заметки устанавливается на основании тех же данных, которые позволяют приписать Герцену все остальные анонимные заметки «Смеси» л. 211 (см. выше комментарий к заметке «Судебное убийство в Москве»). Самоуправство генерал-губернатора Северо-Западного края К. П. фон Кауфмана было постоянной темой обличительных заметок Герцена в «Колоколе».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVIII, 304).

Заметка основана на информации «С.-Петербургских ведомостей» от 15 октября 1865 г., № 270.

Печатается по тексту *К*, л. 211 от 1 января 1866 г., стр. 1732, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену этой редакционной заметки устанавливается на основании тех же данных, которые позволяют приписать ему все остальные заметки отдела «Смесь» в листе 211 (см. выше комментарий к заметке «Судебное убийство в Москве»). Кроме того, тема заметки — отстранение от преподавания в русской школе в Лугано политических эмигрантов — переключается с главой XL «Былого и дум», где Герцен рассказывает историю обучения его сына Коли в цюрихской школе для глухонемых. Ср. последние строки заметки: «Бывали школы (особенно иезуитские), в которых не принимались протестанты...» со строками «Былого и дум» о трудностях воспитания сына человека, «не верящего ни по Лютеру, ни по Лойоле» (т. X наст. изд., стр. 161). Специальный интерес Герцена к детским школам в Швейцарии был связан с вопросом о воспитании и обучении его дочери Лизы — вопросом, который постоянно обсуждался в переписке Герцена с Н. А. Тучковой-Огаревой в конце 1865 и начале 1866 г. (см., например, его письмо от 14 января 1866 г.).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVIII*, 304).

Заметка основана на информации о школе Шарля Гейслера в газете «*Le Nord*» от 15 декабря 1865 г., № 349, отдел «*Russie*».

СИМБИРСКИЕ ПОДЖИГАТЕЛИ

Печатается по тексту *К*, л. 211 от 1 января 1866 г., стр. 1732, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену устанавливается на основании ее редакционного характера и прямой авторской ссылки на его статью «Запросы сановникам» (т. XVIII наст. изд., стр. 332).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVIII*, 304—305).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 14, строка 23: г. К. В. И. Б. вместо: г. К. И. В. Б. (по тексту «Московских ведомостей» от 22 ноября 1866 г., № 262).

Сенатор С. Р. Жданов был направлен в Симбирск для расследования дела о симбирских поджогах; закончив следствие, он выехал в Петербург, но по дороге, во время остановки в Нижнем Новгороде, скоропостижно умер. Возникли слухи о его насильственной смерти; в № 267 «Московских ведомостей» от 4 декабря 1865 г. была напечатана корреспонденция «Из Петербурга», автор которой писал: «Почему над телом покойного сенатора не было произведено, говорят здесь, аутопсии, как это установлено законом».

Несколько ранее, в № 262 «Московских ведомостей» от 28 ноября 1865 г., была опубликована корреспонденция «Из Симбирска», за подписью: К. В. И. Б. В этой корреспонденции отмечалось, с какой тщательностью С. Р. Жданов вел дело о симбирских поджигателях, и сообщалось, что «местным руководителем действий заговорщиков был некто Д-ский». Эта информация вызвала «Письмо к издателям» бывшего симбирского губернатора М. Анисимова («Московские ведомости» от 9 декабря 1865 г., № 270). Курсив в цитате из этого письма принадлежит Герцену. Далее в заметке сокращенно цитируется отрывок из передовой того же номера газеты.

ПОДАРКИ К НОВОМУ ГОДУ

Печатается по тексту *К*, л. 211 от 1 января 1866 г., стр. 1732, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену устанавливается на основании содержащейся в ней авторской ссылки на статью «Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!», где Герцен писал: «„Современник“ давно обречен богам<...> Валуеву хотелось побаловаться „предостережениями“, это новая игрушка, притом парижская, что-то либеральное, легальное, буквальное — по конец будет тот же: они порешат „Современник“ без суда» (т. XVIII наст. изд., стр. 473).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 305).

Второе предостережение «Современнику» было объявлено 4 декабря 1865 г. за статью М. А. Антоповича «Суемудрие „Дня“» и за стихотворение Н. А. Некрасова «Железная дорога», напечатанные в 10-м номере журнала.

<ИЗ СИБИРИ>

<? МЫ ПОЛУЧИЛИ СТРАШНУЮ ВЕСТЬ...>

Печатается по тексту *К*, л. 211 от 1 января 1866 г., стр. 1732, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену устанавливается на основании тех же данных, что и для других заметок отдела «Смесь» в этом листе (см. выше комментарий к статье «Судебное убийство в Москве»). Особенно следует отметить эмоциональный тон редакционного обращения («Умоляем известить нас...»), свойственный подобного рода заметкам Герцена; ср. другую его заметку «Из Сибири»: «До нас дошел ужасный слух, мы умоляем написать нам, справедлив ли он» (стр. 24 наст. тома), а также комментарий к ней — стр. 372 наст. тома.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVIII, 305).

Об аресте А. А. Яковлева Герцен писал в 1862 г. в заметках «Новая тюрьма» и «Смертный приговор» (т. XVI наст. изд., стр. 127 и 308).

Первое упоминание «Колокола» об аресте В. А. Обручева содержится в заметке Герцена «Петербургские письма» (т. XV наст. изд., стр. 184). Герцен восхищался мужественным поведением Обручева на суде; во втором из «Писем к противнику» он писал: «Что, *энервированный* Михайлов просил пощады? Обручев валялся в ногах царя? Чернышевский отрекся от своих убеждений? Нет, они ушли на каторгу с святою нераскайностью» (т. XVIII наст. изд., стр. 286). Известие о помешательстве Обручева не подтвердилось; в 1879 г. он вернулся из ссылки в Петербург и поступил на службу в морское министерство.

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ВОЛКОНСКИЙ

Печатается по тексту *К*, л. 212 от 15 января 1866 г., стр. 1733 — 1735, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Некролог С. Г. Волконского». Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену этой публикации устанавливается на основании авторской ссылки на статью «Письма к будущему другу».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 315), без цитат из пятого «Письма к будущему другу» Герцена (т. XVIII наст. изд., стр. 91) и без текста некролога Долгорукова.

Об отношении Герцена и Огарева к декабристу С. Г. Волконскому см. критическую сводку документальных и мемуарных данных, опубликованную Ю. Г. Оксманом в *ЛН*, т. 63, 1956, стр. 102—106.

ВРАНЬЕ «ДНЕВНИКА ВАРШАВСКОГО»

Печатается по тексту *К*, л. 212 от 15 января 1866 г., стр. 1740, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

Стр. 22. ...*Бакунин-то в Женеве!* — М. А. Бакунин в это время находился в Неаполе.

Стр. 23. ...*на катковских поджигательствах!* — «Московские ведомости» Каткова, вслед за «Дневником варшавским», усиленно распространяли полицейские вымыслы о том, что пожары, охватившие в 1864—1865 гг. многие губернии, были делом рук нигилистов и революционеров Герцен гневно разоблачал в «Колоколе» эту клевету — см., например, его статьи и заметки «Нигилисты — фальшивые монетки!», «Запросы савонникам», «Все еще горит Россия!», «В редакцию „Инвалида“», «Агентство Герцена в Тульче и „Московские ведомости“» (т. XVIII наст. изд.), «Сибирские поджигатели», «Общество поджигателей», «Еще глупее», «Дневник варшавский», «Полноте врать!» (наст. том).

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ — МИХАЙЛОВСКАЯ ТЕОРИЯ СОБСТВЕННОСТИ

Печатается по тексту *К*, л. 212 от 15 января 1866 г., стр. 1740, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется связью ее с заметкой «Сибирские поджигатели» (см. комментарий к ней на стр. 368 наст. тома). Характерны для стиля Герцена такие неожиданные словосочетания, как «великокняжеский социализм», «великокняжеский „бабувизм“», раскрывающие истинный смысл правительственных постановлений и либеральных речей вел. князя Михаила Николаевича. Не менее типичен для Герцена прием цитирования документа с выделением курсивом особенно велепых слов и строк.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (т. XVIII, 318—319).

В № 343 «Голоса» от 12 декабря 1865 г. было перепечатано сообщение газеты «Кавказ» от 21 ноября 1865 г., № 91, относительно обращения наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича к крестьянам Кутаисской губернии в связи с опубликованием указа Правительствующему сенату от 13 октября 1865 г. об освобождении их от крепостной зависимости.

Стр. 23. ...*к аллодиальному и феодальному праву...* — Аллодиальное право — право полной собственности на землю при феодализме; феодальное право — право на владение землей, которое получал вассал от сюзерена при условии выполнения денежных, натуральных и военных повинностей.

...*к прудоновскому колебанию между собственностью и владением...* — Свое понимание «собственности» и «владения» П.-Ж. Прудон сформулировал в труде «Что такое собственность?»; см. об этом в статье Л. П. Мечни-

кова «Прудонова „Новая теория собственности“» (К, л. 218 от 15 апреля 1866 г., стр. 1781).

...«бабуизм», в корню уничтожающий право собственности.— Бабуизм — учение Бабефа и связанное с ним коммунистическое движение, разгромленное Директорией в 1797 г. Основные положения «бабуизма», сформулированные самим Бабефом в одном из его программных «писем», сводились к тому, что «в истинном обществе не должно быть ни бедных, ни богатых. Богатые, не хотящие отказаться от излишка в пользу неимущих, — враги народа. Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить всеобщее благо». Эти строки в переводе Н. П. Огарева были опубликованы в его характеристике учения Бабефа в статье «Частные письма об общем вопросе» (К, л. 220 от 15 мая 1866 г., стр. 1801).

〈ИЗ ПЕТЕРБУРГА〉

〈ИЗ ПЕТЕРБУРГА ЕСТЬ ПИСЬМО...〉

Печатается по тексту К, л. 212 от 15 января 1866 г., стр. 1740, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 319) со следующей справкой: «принадлежность ясна из записки Чернецкого» (*Л XVIII*, 444).

Авторство Герцена подтверждается некоторыми особенностями языка и стиля заметки. Характерно для Герцена пародийное использование элементов церковнославянского стиля: «заушение и ланитобитие отцу диакону» — ср. в предисловии к первой книжке «Исторического сборника Вольной русской типографии в Лондоне» о «воссоединении уннат земскими ваяями и заушениями» (т. XIV наст. изд., стр. 82) и в статье «Второе предостережение и второй Годунов»: «бня себя в грудь и ланиты» (стр. 76 наст. тома). Отметим также игру слов: «палач Муравьев скоро будет палачом финансов и казнить [кредит].»

Стр. 24. ...о драке протопопа с диаконом в Исаакиевском соборе...— Об этой истории см. записи в «Дневнике» А. В. Никитенко 28 и 29 октября 1865 г. (А. В. Никитенко. Дневник. Т. 2. М., 1955, стр. 541, 542).

...Френкель за что-то осерчал на Гернгросса, а Гернгросс на Френкеля...— Товарищ министра государственных имуществ Н. А. Гернгросс одновременно был директором Петербургского поземельного банка Френкеля. Возможно, что ссора была вызвана статьей о банке Френкеля, появившейся в № 243 «С.-Петербургских ведомостей» и вызвавшей предостережение в газете (см. об этом записи в дневнике А. В. Никитенко от 21 и 28 сентября 1865 г.— там же, стр. 534—536).

...палач Муравьев скоро будет палачом финансов и казнить кредит.— Предположения по этому поводу были высказаны в «Письме москвича»: «Толкуют пока только о сменах: какого генерала посадят в Рейтерны, пока еще не решено. Муравьев, говорят, и не прочь бы, но с условием играть приму...» (К, л. 214 от 15 февраля 1866 г., стр. 1754).

...о кончине Михайлова.— М. Л. Михайлов умер 2 августа 1865 г. Сообщение о его смерти («Убили!») было напечатано в К, л. 205 от 1 октября 1865 г. (т. XVIII наст. изд., стр. 428).

〈ИЗ СИБИРИ〉

〈ДО НАС ДОШЕЛ УЖАСНЫЙ СЛУХ...〉

Печатается по тексту К, л. 212 от 15 января 1866 г., стр. 1740, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 320) со следующей справкой: «принадлежность ясна из записки Чернецкого» (*Л XVIII*, 445).

Авторство Герцена подтверждается принадлежностью именно ему многочисленных заметок о М. Л. Михайлове в «Колоколе» 1865—1866 гг. (см. в т. XVIII наст. изд. и в настоящем томе по именованному указателю). Характерно для Герцена и эмоциональное обращение к читателям: «Мы умоляем написать» — ср. в статье «Дело Серно-Соловьевича»: «Мы умоляем друзей наших прислать нам...» (т. XVIII наст. изд., стр. 395).

УКАЗ 10 ДЕКАБРЯ

Печатается по тексту *К*, л. 213 от 1 февраля 1866 г., стр. 1748, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 327) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (*Л XVIII*, 445).

Об авторстве Герцена свидетельствует также производимая обычно им самим выборка материалов для «Колокола» из газет «Le Nord» и «Московские ведомости»; в частности, заметка Герцена «Откуда холера и как распространяется» основана на сообщениях из того же № 285 «Московских ведомостей» от 29 декабря 1865 г., где был опубликован текст «высочайшего повеления» «О восприятии лицам польского происхождения вновь приобретать помещичьи имения в девяти западных губерниях». Характерны для публицистического стиля Герцена иронические словосочетания «министерство „Московских ведомостей“», «демократическая империя».

Указ 10 декабря 1865 г., которому посвящена настоящая заметка, был впоследствии подвергнут специальному рассмотрению в статье Н. П. Огарева «Продажа имений в Западном крае» (*К*, л. 229 от 1 ноября 1866 г.), вызвавшей столкновение редакции «Колокола» не только с большинством польских эмигрантов, но и с русской «молодой» эмиграцией — см. листовку «Нашим польским братьям» (стр. 162—165 наст. тома).

НОВЫЙ ВИД КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Печатается по тексту *К*, л. 213 от 1 февраля 1866 г., стр. 1748, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 327—328) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (*Л XVIII*, 445).

Авторство Герцена подтверждается также стилистическими особенностями заметки; характерна для него игра на антонимах, пользуясь которой, Герцен вскрывает сущность «реформаторской» деятельности русского правительства: «новый вид крепостного права, сводящий дело совсем па старые порядки» (ср. в статье «Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!» о «несвободной свободе» книгопечатания) — т. XVIII наст. изд., стр. 473).

ЕЩЕ ГЛУПЕЕ!

Печатается по тексту *К*, л. 213 от 1 февраля 1866 г., стр. 1748, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется ее содержанием (ответ на клевету реакционной прессы, направленную против Герцена). Ссылка на его статью «Вранье „Дневника варшавского“» также носит личный, авторский характер («как я вам советовал в прошлом [листе]»).

В пору подготовки л. 213 «Колокола» Герцен жил в Монтре; получив корректуру, он сделал ряд изменений в настоящей заметке, о чем и сообщил Н. П. Огареву 24 января 1866 г.: «Кстати, я переменял кое-что в „Смеси“ в „Графе Берге“. Тоже просмотри порядком».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 328).

Стр. 26. ...*шпионикам in partibus*... — Герцен использует латинское выражение «*in partibus infidelium*» (буквально: «в стране неверных»), иронически называя «миссионерством» шпионскую работу агентов III отделения за границей (ср. такое же словоупотребление в заметке 1863 г. о М. С. Хотинском, где он назван «миссионером-наблюдателем» — т. XVII наст. изд., стр. 127).

...глава фениан Стефенс... — Фенианское братство или фении — буржуазно-демократическая партия, борющаяся с 1858 г. за освобождение Ирландии от английского ига. В феврале—марте 1867 г. фении организовали вооруженные выступления, жестоко подавленные английскими властями (ср. заметку Герцена «Да здравствует разум!» — стр. 273 наст. тома). Вождем фениев был Джеймс Стивенс.

...князя Черкасского, который нас лично знает... — Точных данных о времени знакомства и встречах Герцена с кн. В. А. Черкасским в специальной литературе не имеется, хотя известны многочисленные нити, связывавшие их через третьих лиц в разные периоды жизни. Братья М. А. Бакунина, Алексей и Александр, были университетскими товарищами Черкасского в 1840—1844 гг. (см. его письмо к гр. П. Т. Баранову от 15 июня 1858 г. — Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. Составила кн. О. Трубецкая. Т. I, кн. 1, М., 1901, стр. 156—157.) Несколько позднее Черкасский бывал у А. С. Хомякова и в салоне А. П. Елагиной, причем в автобиографической заметке он сам пишет о влиянии на его поколение «более или менее вежливых турниров и борьбы славян и западников» (Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, его речи и воспоминания о нем. М., 1879, стр. VIII—IX). В начале 1858 г. в Риме Черкасский познакомился с И. С. Тургеневым (см. письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 19 (31) янв. 1858 г. — П. В. Анненков. Литературные воспоминания, стр. 501—503). Там же он встречался с В. П. Боткиным. Известно, что по пути в Россию Черкасский заезжал на 3 дня в Лондон.

ОТКУДА ХОЛЕРА И КАК РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ

Печатается по тексту *К*, л. 213 от 1 февраля 1866 г., стр. 1748, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки (из писем Герцена на протяжении всего января 1866 г. видно, что из-за болезни Огарев был в это время почти неработоспособен, а из письма Герцена к Огареву от 24 января 1866 г. можно заключить, что Огарев только читал корректуру л. 213, не являясь автором заметок «Смеси»). Кроме того, принадлежность заметки Герцену подтверждается ее содержанием, связанным с «*Aphorismata*»; насмешка над глубокомысленным невежеством «ученой братии» медицинского факультета переключается с авторской иронией, заключенной в рассуждениях Тита Левинафанского, в частности, об «акклиматизации холеры» (т. XX наст. изд.).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 328).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:
Стр. 27, строка 10: Nostra docta corpora! вместо: Nostra docta corpore!

Цитата взята из «Наставления, составленного медицинским факультетом Императорского Московского университета», напечатанного в «Московских ведомостях» от 29 декабря 1865 г., № 285. Курсив принадлежит Герцену.

УЖАС В ВРАЖЬЕМ СТАНУ

Печатается по тексту *К*, л. 214 от 15 февраля 1866 г., стр. 1749, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Стр. 28. ...*spectre rouge* был электоральной уловкой бонапартизма.— Выражение «*spectre rouge*» («красный призрак») восходит к брошюре А. Ромье «*Le Spectre rouge*» (Paris, 1851), в которой защищалась политика бонапартистов перед президентскими выборами 1852 г.: запугивая избирателей «красным призраком», то есть социальной революцией, бонапартисты доказывали необходимость установления военной диктатуры Луи Наполеона Бонапарта. О брошюре А. Ромье см. в статье Герцена «Война и мир» (т. XIV наст. изд., стр. 110—111).

...*е конторе у Перейры*...— Речь идет об известном французском банкире и депутате Законодательного корпуса Франции Эмиле Перейре, который находился в 1830-е годы под влиянием идей утопического социализма, и примыкал к сен-симонистской коммуне Анфантена.

...*после того, как «Моск. ведомости» нас убили*...— Герцен имеет в виду выступление Н. А. Безобразова на заседании московского дворянского собрания 9 января 1865 г., в котором последний, говоря о заслугах издателя «Московских ведомостей», отметил, что Катков «раздавил змею, которая распространяла яд в нашем молодом поколении, и разбил презренный „Колокол“» («Весть» от 14 января 1865 г., № 4). Об этом см. также в статье Герцена «Поправки и дополнения» (т. XVIII наст. изд., стр. 331).

...*говорит газета*...— Далее Герцен излагает статью «Русские социалисты и Положение 19 февраля», напечатанную в газете «Весть» от 20 декабря 1865 г., № 31, без подписи; курсив в цитате принадлежит Герцену.

Стр. 29. ...*е боже престависимуся «Дню»*...— Газета И. С. Аксакова «День» прекратила свое существование в конце 1865 г. (см. об этом в статье «Из Петербурга» — стр. 33 наст. тома).

ИЗ ПЕТЕРБУРГА

(Земские учреждения.— Валуев-цензура.— «Народная летопись».— Помещики-целовальники.— «День».— Сосланный купец)

Печатается по тексту *К*, л. 214 от 15 февраля 1866 г., стр. 1756, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. В *ОК* озаглавлено: «Из Петербурга (Земские учреждения — Валуев-цензура — „Народная летопись“ — Помещики-целовальники)»; последние две заметки — «День» и «Сосланный купец» — очевидно по ошибке, в *ОК* отделены от предшествующих.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVIII, 332—333), причем из публикации исключена заметка «Помещики-целовальники», название которой соответственно снято М. К. Лемке из подзаголовка.

Сделано это было, очевидно, на том основании, что «Русские ведомости» — московская газета, т. е. цитата из нее в подборке «Из Петербурга» оказалась неоправданной, а также потому, что заметка представляет собою цитату. Но Лемке не учел, что редакция «Колокола» в 1865—1866 гг. не получала «Русских ведомостей», а выдержки из этой газеты были приведены в письме петербургского корреспондента. Кроме того, эта выписка из № 1 «Русских ведомостей» за 1866 г. была обработана в редакции «Колокола»: дано заглавие «Помещики-целовальники» (в «Русских ведомостях» напечатано: «Из Симбирской губернии. Корсун. 20 декабря»), произведены некоторые изменения в цитате; таким образом, заметка органически входит в состав всей публикации.

Авторство Герцена определяется идейно-тематической связью цикла с другими его статьями и заметками по поводу цензурного и административного преследования органов передовой журналистики (см., например, «Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!» в т. XVIII наст. изд.). Ироническое предложение поручить Каткову «издавать в обеих столицах пять, шесть журналов с разными названиями и одним направлением» перекликается с заметкой Герцена «Свобода книгопечатания», предназначавшейся для «Колокола», в которой сказано: «Калигула хотел, чтоб Рим имел одну голову — а Шувалов с Валуевым — чтоб Россия имела один „Московские ведомости“... Видно, в Брюсселе их перепечатывать не хотят — для Белгии и „Норда“ довольно» (стр. 315 наст. тома). В связи с болезнью Огарева Герцен с 27 января по 25 февраля 1866 г. безвыездно находился в Женеве и сам готовил к печати лл. 214 и 215 «Колокола».

Стр. 31. *Защищал земские учреждения один Валуев...* — Земские учреждения начали создаваться в 1865 г. на основании «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. Несмотря на то, что земские учреждения не обладали фактической властью, что в их ведении были лишь местные, чисто хозяйственные дела, касающиеся «польз и нужд» данной губернии и уезда, высшая губернская администрация отнеслась с большим недоверием к новым органам местного самоуправления. Министр внутренних дел П. А. Валуев участвовал в 1861—1863 гг. в разработке проекта земской реформы (как председатель специальной комиссии), и этим, очевидно, объяснялась его позиция на заседании комитета министров в 1865 г.

...просил ∞ поставить «Современник» снова под цензуру. — По закону о печати от 6 апреля 1865 г. отменялась предварительная цензура (рассмотрение номеров журналов до их выхода в свет), но министру внутренних дел предоставлялось право давать предостережения периодическим изданиям за «вредное направление», с временной приостановкой и закрытием издания после третьего предостережения. При таких условиях предварительная цензура представлялась издателям журналов и газет более надежным средством сохранения изданий. О втором предостережении «Современнику» см. в заметке «Подарки к Новому году» (стр. 15 наст. тома). О том, что «опять цензуры просили даже оппозиционные журналы», сообщалось в статье «Из Петербурга (Письмо в редакцию „Колокола“» в К, л. 216, стр. 1771.

Стр. 32. *«Народная летопись» издаваться не будет.* — В апреле 1865 г. издание «Народной летописи» было приостановлено на пять месяцев. В сентябре, когда истек срок временной приостановки, разрешения на возобновление издания не последовало. См. об этом также в статье «Народная летопись» — т. XVIII наст. изд., стр. 384 и комментарий к ней.

Стр. 33. *Аксаковский «День» ∞ месяц тому назад.* — В последних номерах за 1865 г. (№№ 40—52) еженедельной газеты «День» И. С. Аксаков

извещал читателей, что с 1866 г. она будет преобразована в ежемесячный журнал. Очевидно, поэтому Герцен объяснил последовавшее затем прекращение газеты цензурными условиями, хотя, возможно, у ее издателя были на это другие причины — так, А. В. Никитенко записал в дневнике 23 октября 1865 г. со слов Ф. И. Тютчева, что «„День“ прекращается, потому что Аксаков каждый год получал от него тысяч до трех убытку» (А. В. Н и к и т е н к о. Дневник, т. 2, М., 1955, стр. 540).

ВЫГОВОР ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ ГРАФУ СТРОГОНОВУ 2-му

Печатается по тексту К, л. 214 от 15 февраля 1866 г., стр. 1756, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОЖ озаглавлено: «Строгонов и Воронцов». Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется ее связью с заметкой «Подарки к Новому году», в которой сообщалось о втором предостережении журналу «Современник» (см. наст. том). С этой же заметкой связаны строки статьи «Из Петербурга» в том же 214-м листе «Колокола»: «Гг. Антонович, Елисеев, Жуковский — нигилисты!!!» (стр. 32 наст. тома). Косвенным подтверждением авторства Герцена служит и тот факт, что в пору ее публикации Огарев был серьезно болен: Герцен в письме к сыну от 10 февраля 1866 г. упоминает о «невозможности работы» для Огарева. Типичной для Герцена является и манера цитирования документа, а также ироническое сопоставление Строгонова и Воронцова с издателями журналов и газет, подвергшихся цензурным преследованиям.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVIII, 333—334).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 33, строка 29: ее распространения — вместо: с распространения.

Граф А. Г. Строгонов, почетный гражданин Одессы, в своей речи в Одесской городской думе резко выступил против министра финансов, стремившегося, по его мнению, незаконно стеснить права города («Ведомости Одесского городского общественного управления», 1865 г., № 152—153). Речь Строгонова была перепечатана в «Вести» от 13 января 1866 г., № 4, причем в редакционной заметке это выступление рассматривалось наряду с заявлениями представителей «олигархической оппозиции» в московском дворянском собрании в январе 1865 г. (об этих выступлениях см. в статье Герцена «Прививка конституционной оспы» в т. XVIII наст. изд.). Эта редакционная заметка и перепечатка самой речи, вместе со статьями № 3 газеты, «сделали необходимым немедленное применение к газете карательной меры» — первого предостережения («Материалы, собранные особою комиссиею, утвержденною 2 ноября 1869 г. для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати», ч. II, СПб., 1870, стр. 124).

Стр. 33. ...в одну категорию с Благосветловым, Некрасовым, Краевским... — Все три издателя в течение трех месяцев подверглись преследованию: 4 декабря 1865 г. было вынесено второе предостережение «Современнику» Некрасова, 1 декабря 1865 г. — первое предостережение газете Краевского «Голос»; журнал Благосветлова «Русское слово», после третьего предостережения, был приостановлен 16 февраля 1866 г. на пять месяцев.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКИЙ СОВЕТНИК И КАВАЛЕР М. С. ХОТИНСКИЙ

(ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ НАШЕГО ЗАМОРСКОГО ШПИОНСТВА)

Печатается по тексту *К*, л. 215 от 1 марта 1866 г., стр. 1757—1760, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* В *ОК* озаглавлено: «М. С. Хотинский. (Эпизод из истории нашего заморского шпионства)». Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 35, строка 27 и далее: Михаловском вместо: Михайловском.

Стр. 34. *М. С. Хотинский ∞ умер...* — О смерти М. С. Хотинского, последовавшей 5 января 1866 г., Герцен мог узнать из газеты «Голос» от 12 января 1866 г., № 2, и «Иллюстрированной газеты» от 3 февраля 1866 г., № 5.

Стр. 35. *Первое письмо извещало нас о Михаловском...* — Это письмо Герцен получил в начале октября 1857 г. (см. его письмо от 14 октября 1857 г. к М. Мейзенбуг; «Былое и думы», т. XI наст. изд., стр. 379—381; заметку «От издателя» — т. XIII наст. изд., стр. 49, и «Предостережение в редакцию „Польского демократа“» — т. XIII наст. изд., стр. 63—64).

Стр. 36. *...«еще новы были все наслаждения самовластья»...* — Герцен неоднократно перефразировал следующие строки из стихотворения Пушкина «Демон»:

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия...

Ср. также статьи «Выговор по службе» (т. XIV наст. изд., стр. 132), «Мясо освобождения» (т. XVI наст. изд., стр. 26).

Кто велел составить этот лист ∞ список наших гостей в камин. — Об этом Герцен узнал из письма, полученного из России в начале октября 1857 г. (см. Н. А. Тучкова - Огарева. Воспоминания. М., 1959, стр. 156).

Второе письмо ∞ который тотчас мне его доставил. — Подробнее об этом см. в статьях Герцена «Бруты и Кассии III отделения», «По делу Брутов и Кассиев III отделения» (т. XV наст. изд., стр. 154—156, 181—182 и комментарий к ним) и «Ответ „Биржевым ведомостям“» (т. XX наст. изд.).

Стр. 36—38. *Когда я взвошел к Долгорукову ∞ сцена сама по себе была гадкая, и чего-то не доставало.* — Об этой сцене Герцен так рассказал в письме к Н. А. Герцен от 11 апреля 1863 г.: «Вчера мы ходили на охоту — Ага <т. е. Огарев>, кн. Долгоруков <ов>, Саша, Тхоржевский > и Жуковский — затравили действ. стат. советника, старика-литератора и профессора, который познакомился с нами и оказался шпионом. Я ему прочел письмо, Ага—правоучение, а Долгоруков выгнал его вон, и он пошел». Имея в виду это место своей статьи, Герцен спрашивал сына в письме от 9 марта 1866 г.: «Ты что-то пишешь о статье о Хотинском; что же, верно описан детский праздник в Albemarle Hotel'е?».

Стр. 38—39. *...Знаменитый физиолог Лонжесу меня не было бы плёреви.* — Об этом эпизоде Герцен более подробно рассказал в цикле очерков «Скуки ради» (см. т. XX наст. изд.).

Стр. 39. *«Представляя ∞ английскому народу».* — Цитата из заметки Герцена «Астроном-наблюдатель и миссионер Хотинский» (см. т. XVII наст. изд., стр. 127).

Стр. 40. *...бывший мой повар, отличнейший и прекраснейший*

старик Валериано Тассинари.— В. Тассинари поступил к Герценам в 1859 г. по рекомендации Дж. Маццини.

...итальянского восстания...— Речь идет о втором периоде итальянской революции (осень 1848 г.— весна 1849 г.), когда руководство революционным движением принадлежало Дж. Маццини и Дж. Гарибальди.

Стр. 41. *Birbone* ∞ *je capite*...— Герцен передает речь Тассинари — смесь итальянского с искаженным французским: «Мошенник!.. Не надо ли его поколотить?»; в ответ на реплику Герцена по-французски «Нет еще» старик отвечает: «Я прекрасно понимаю, я понимаю».

...о приваде шпиона и о его месте жительства.— См. «Издателю „The Daily News“» (т. XVII наст. изд.). По этому поводу Герцен сообщил сыну 8 июня 1863 г.: «Хотинский <...> возвратился, я его отдал под надзор Тассинари и посмотрю, что он выдумает еще. Он писал ко мне письмо, а я объявил в „Daily News“ и др. газетах Take care <о мерах предосторожности>».

Стр. 41—42. «М.м. г. В № 161 „Колокола“ ∞ London». — Письмо М. Хотинского Герцен цитирует по своей статье «Г-н Хотинский и III отделение» (т. XVII наст. изд., стр. 189—190).

Стр. 42. *Мы отвечали в том же „Колоколе“*...— Далее Герцен цитирует следующую часть своей статьи «Г-н Хотинский и III отделение» (т. XVII наст. изд., стр. 190—191).

Документальное подтверждение факта шпионской деятельности Хотинского содержится в письме агента III отделения Карла - Арвида Романа («Постникова») к начальнику секретной экспедиции К. Ф. Филиппеусу 8 апреля 1870 г.: «Примеры Блюммера и Хотинского меня не пугают, ибо премы, которым они следовали, были преждевременно крайние; они, в то время когда эмиграция их еще изучала, вздумали идти наряду с нею — один <Блюммер>, имея перед собой человека честных правил <Долгорукова>, вздумал рассказать ему, как он откроет подписку на свой журнал и надует подписчиков, а другой <М. Хотинский> обратился к самому скрытному и осторожному человеку <Герцену> с нескромными вопросами. Конечно, оба потерпели fiasco!» (ЦГИАМ, Секретный архив III отделения, фонд 109, дело № 411, лист 35 об.).

Стр. 43. *Allez* ∞ *не о попугае, а о парикмахере*... — Тассинари, объясняясь на смеси итальянского с искаженным французским, путает два французских слова — «le perroquet» (парикмахер) и «le perroquet» (попугай), вызывая забавное недоразумение в разговоре: «Ну вот! Он под хорошим надзором. У меня там, в цокольном этаже, попугай, который мне все говорит...»; «Да, да, этот попугай из наших, он из Форли»; «Он привел мне в порядок бороду сегодня утром, это мой большой друг».

Стр. 44. *Год тому назад ∞ в беду*.— Герцен передает рассказ П. Мордовина, штурманского кондуктора с клипера «Алмаз», частично использованный им ранее в заметке «Графиня Антонина Блудова и Матфий Хотинский» (т. XVIII наст. изд., стр. 58—59).

«ДНЕВНИК ВАРШАВСКИЙ»

Печатается по тексту К, л. 216 от 15 марта 1866 г., стр. 1772, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки (касающейся при этом издателя «Колокола», т. е. Герцена) и прямой связью с его заметками «Вранье „Дневника варшавского“» и «Еще глупее» (см. стр. 22 и 26 наст. тома).

Стр. 45... *рядом с знаменитым «шtosом»*...— См. стр. 22 наст. тома. ...*обращаемся к вам именно, по старому знакомству*...— См. наст. том, комментарий к стр. 26.

Веная полиция перешла к вам...— В 1864 г. кн. В. А. Черкасский был назначен главным директором внутренних дел Царства Польского.

1789

Печатается по тексту *K*, л. 217 от 1 апреля 1866 г., стр. 1773—1774, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Стр. 46. *Еще шаг ∞ идем к 1789*.— Генеральные штаты были созваны впервые 5 мая 1789 г., накануне Французской революции, для разрешения финансового кризиса, возникшего в пору царствования Людовика XVI, и затем превратились в Национальное собрание. Герцен иронически сравнивает с Генеральными штатами 1789 г. заседания петербургского дворянского собрания (с 27 февраля до 4 марта 1866 г.). В заседании 1 марта с речью выступил петербургский губернский предводитель дворянства Г. А. Щербатов, который решительно высказался за расширение прав земства, в частности, за предоставление земским собраниям права подавать петиции. Все предложения Щербатова были приняты подавляющим большинством голосов (из 197 человек только 10 голосовали против). 3 марта некоторые члены дворянского собрания, не согласные с резолюцией, принятой 1 марта, решили подать «особое мнение», но собрание решительно осудило их намерение. Предложения Щербатова, принятые на заседании 1 марта, были переданы в правительственные инстанции. Однако уже через пять дней в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 64 от 6 марта 1866 г.) сообщалось: «Мы слышали, что ходатайство, заключавшееся в этом предложении, отвергнуто правительством, как несогласное с законами». Герцен внимательно следил за ходом работы петербургского дворянского собрания (см. его письмо к сыну от 24 марта 1866 г.).

Стр. 47. ...с Суворовым, например, который (по свидетельству «Nord'a») ∞ прежде официального вопроса...— Герцен основывается на сообщении петербургского корреспондента «Норда» от 4 марта 1866 г. (№ 80 от 21 марта) о том, что санкт-петербургский военный генерал-губернатор граф А. А. Суворов «с грустным, подавленным видом» прочел членам петербургского дворянского собрания отказ на их ходатайство, принятое в заседании 1 марта. Отрицательный ответ последовал так быстро, что Герцен имел все основания предполагать, что вряд ли ходатайство петербургского собрания проходило вышние инстанции обычным официальным порядком.

...мы не читали даже ∞ предложенных Щербатовым...— Речь Г. А. Щербатова на заседании петербургского дворянского собрания 1 марта 1866 г. не была напечатана; краткую информацию о ней дали «С.-Петербургские ведомости» (в передовой статье № 60 от 2 марта 1866 г.), «Московские ведомости» (№ 47 от 4 марта 1866 г.) и другие газеты.

Стр. 48. ...с новой статьей Мазада о Р о с с и и. — Речь идет о статье Ш. Мазада «La Russie sous le tsar Alexandre II. La société et le gouvernement russe depuis l'insurrection polonaise», напечатанной в «Revue des deux Mondes» 15 марта 1866 г. (стр. 273—348).

...его примечательную статью, напечатанную года два тому назад.— Статья Ш. Мазада «La Russie sous l'empereur Alexandre II» была напечатана в «Revue des deux Mondes» 15 января и 15 июня 1862 г. См. отзывы

о Мазаде в статьях Герцена «Мясо освобождения» (т. XVI наст. изд., стр. 25—26), «Пролегомена» и «Статья Шарля Мазада» (т. XX наст. изд.).
...года два тому назад ∞ возражением Жомини-fils'a.— Имеется в виду брошюра «La Russie sous Alexandre II. Lettre à la „Revue des deux Mondes“ par Alexandre Jomini», Paris, 1862.

Мы надеемся ∞ с трудом Мазада.— Статья Мазада не появилась в «Колоколе».

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ
«ДЛИННЫЕ ФИЛИППИКИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В РУССКИХ
ГАЗЕТАХ О СТАТЬЕ МАЗАДА...»

Печатается по тексту К, л. 218 от 15 апреля 1866 г., стр. 1781, где опубликовано впервые, без подписи. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Заметка написана Герценом: тяжело больной Огарев в 20-х числах марта уехал на продолжительное лечение в деревню и в издании «Колокола» участия не принимал (см. письма Герцена к сыну от 24 марта 1866 г. и к В. И. Кельсиеву от 9 мая 1866 г.). Кроме того, о намерении опубликовать на страницах «Колокола» статью Мазада Герцен писал в своей статье «1789» (см. выше в наст. томе). Герцену принадлежит и разбор «Статья Шарля Мазада» (т. XX наст. изд.).

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 367).

Статья Шарля Мазада «La Russie sous le tsar Alexandre II. La société et le gouvernement russe depuis l'insurrection polonaise», напечатанная в «Revue des deux Mondes» 15 марта 1866 г., вызвала пространное возражение М. Н. Каткова («Московские ведомости» от 25 марта 1866 г., № 65; см. также передовую № 83 от 20 апреля), который охарактеризовал статью Мазада как «колоссальный пух» и высказал предположение, что она была «заказана» Мазаду кем-то из русских сановников (назек, по-видимому, на бывшего министра народного просвещения А. В. Головнина).

ПОСЛЕ СМЕРТИ

Печатается по тексту К, л. 218 от 15 апреля 1866 г., стр. 1785—1786, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 368) со следующей справкой: «принадлежность ясна из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (Л XVIII, 446).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером статьи («Мы помещаем ниже...», «Мы перепечатываем...») и прямой связью ее начальных строк с заметкой «Из Петербурга», где сказано: «Лучшее, что есть в письме, это то, что в Петербурге служили панихиду по получении достоверного известия из Сибири о кончине Михайлова» (стр. 24 наст. тома). Строки о «сытой гиене, шлющейся около ею же обглоданных костей», перекликаются с заключительной сентенцией заметки Герцена «Царское non possumus»: «Все вкусы гиены сохранились под этими генерал-адъютантскими эполетами» (т. XVIII наст. изд., стр. 326).

Герцен приводит «Дело о послаблениях...», опубликованное в газете «Голос» от 21 марта 1866 г., № 80, а затем перепечатанное в «С.-Петербургских ведомостях» от 22 марта 1866 г., № 80, и других газетах.

Стр. 50. «Что же выигрывает правительство от таких процессов?» — Герцен имеет в виду следующее место из сообщения петербургского корреспондента газеты «L'Indépendance belge» от 10 апреля 1866 г., № 100: «Грустно видеть, как ведутся подобного рода процессы. Спрашивается, что же может выиграть правительство, преследуя должностных лиц за проявление гуманности в отношении к осужденным за политику».

СЛУХ

Печатается по тексту К, л. 218 от 15 апреля 1866 г., стр. 1788, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 369) со следующей справкой: «принадлежность ясна из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (Л XVIII, 446). Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки («Нам пишут...»), иронической концовкой об Аксакове и Самарине (ср. в статье «Крепостники»: «Где И. Аксаков? Где Ю. Самарин?» — стр. 12 наст. тома) и такими стилистическими оборотами, как «Освободитель прикрепленных хочет быть прикрепитель к земле свободных...»

Стр. 57. *И николаевский грабеж на больших дорогах возвращает-ся...* — 15 марта 1844 г. Николай I подписал указ о введении ряда ограничений при выдаче заграничных паспортов, на которые утверждена была пошлина в размере 700 руб. в год. О негодующем отклике Герцена на этот указ см. в т. II наст. изд., стр. 347. Указом от 26 августа 1856 г. были отменены ограничения в выдаче паспортов русским подданным.

<БАРОН ГАКСТГАУЗЕН>

Печатается по тексту К, л. 218 от 15 апреля 1866 г., стр. 1788, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 369—370) со следующей справкой: «принадлежность ясна из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (Л XVIII, 446).

Авторство Герцена подтверждается его перепиской с А. И. Скребицким: из письма А. И. Скребицкого от 11 апреля 1866 г. видно, что именно Герцен передал ему предложение воспользоваться Женевской типографией («Звенья», вып. II, 1933, стр. 382—383); 23 апреля 1866 г. Герцен писал А. И. Скребицкому: «О книге вашей мы объявили по Гакстгаузену»

Стр. 57. *...новую книгу о сельских учреждениях в России ∞ Leipzig, Brockhaus, 1866.* — О Гакстгаузене и его работах, посвященных земельным отношениям в России, см. во второй части статьи Герцена «Порядок торжествует!» (стр. 187 наст. тома).

...д-р Скребицкий ∞ в нынешнем году. — Исследование А. И. Скребицкого «Крестьянское дело в царствование Александра II» в четырех томах (в пяти книгах) вышло в Германии (Бонн-на-Рейне) в 1868 г., хотя на первом томе обозначен 1862, на втором — 1865 и на третьем — 1866 г.

ИРКУТСК И ПЕТЕРБУРГ

(5 МАРТА И 4 АПРЕЛЯ 1866)

Печатается по тексту К, л. 219 от 1 мая 1866 г., стр. 1789—1791, где опубликовано впервые, без подписи. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается его письмом к С. Тхоржевскому от 23 апреля 1866 г., где Герцен сообщал: «Я небольшую статью об attentate написал, но не могу ее послать (недостает подробностей о стрелявшем); речь идет здесь явно о статье для л. 219 от 1 мая, так как далее Герцен пишет: «...на этот раз, может, „Колокол“ и по необходимости опоздает. Событие 16 апреля так важно, что тут дня два ничего не значат. Ср. также в письме к сыну от 1 июня 1866 г.: «Уж за статью „Иркутск и СПб.“ я получаю ругательства...»

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 374—381).

Статья «Иркутск и Петербург» — первый отклик «Колокола» на выстрел Д. В. Каракозова в Александра II 4 апреля 1866 г. — знаменательна своими принципиальными возражениями против индивидуального террора. Эти возражения вытекали не только из антипатии Герцена к кровавым средствам борьбы, но и из его веры в возрастание исторической активности народных масс. Вместе с тем Герцен, как революционный демократ, выступает в этой статье прежде всего против белого террора царизма, жертвой которого пал Н. А. Серно-Соловьевич. О полемике, вызванной статьей, и в особенности характеристикой Каракозова как «фанатика», см. в статье Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» (*ЛН*, т. 41—42, стр. 26).

В подзаголовке статьи дата «5 марта» Герценом поставлена ошибочно: Н. А. Серно-Соловьевич умер 14 февраля 1866 г. (см. *ЛН*, т. 62, стр. 568).

Стр. 58. *К сержантским упреждениям венценосцев Петербург привык, он не забыл ни Ропши, ни Михайловского дворца.* — В 1762 г. в Ропше (под Петергофом) был убит Петр III; в 1801 г. в Михайловском замке в Петербурге в собственной спальне был убит Павел I. В статье «1 июля 1858» Герцен охарактеризовал русскую историю от Петра I до Александра I как «уголовное дело» (см. т. XIII наст. изд., стр. 295).

...и его убили... — Подробности о смерти Н. А. Серно-Соловьевича Герцен привел в некрологе П. А. Мартыанова (стр. 113 наст. тома). О том, что по пути в ссылку Н. А. Серно-Соловьевич тяжело заболел, Герцен сообщал в «Колоколе» ранее (стр. 321 наст. тома).

...о варшавских убийствах 10 апреля 1861 года... — Речь идет о расстреле демонстрантов в Варшаве русскими войсками 8 апреля 1861 г. Герцен писал об этом ранее в статье «10 апреля 1861 и убийства в Варшаве» (т. XV наст. изд., стр. 65—67; см. там же комментарии на стр. 353 и 420).

Стр. 59. *Последний маркиз Поза...* — Так Герцен неоднократно называл (по имени действующего лица в драме Шиллера «Дон Карлос») Н. А. Серно-Соловьевича. Н. А. Тучкова-Огарева вспоминала о Н. А. Серно-Соловьевиче: «...он был необыкновенно прямого характера; в нем были редкое благородство, настойчивость, самоотвержение, что-то рыцарское, почему Герцен с первого свиданья прозвал его: „Маркиз Поза“» (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., 1959, стр. 154).

...учащиеся инженеры заказывают икону, а московские студенты сгоняются к Иверской служить молебен... — Эти факты Герцен мог взять из «Московских ведомостей» от 9, 12 и 19 апреля 1866 г., №№ 74, 76 и 82. См. также комментарии на стр. 411 наст. тома.

Стр. 59—60. *...необыкновенное присутствие духа ∞ спасают государя.* — По официальной легенде, созданной с целью доказать преданность крестьянства «царю-освободителю», Д. В. Каракозов промахнулся потому, что случайно очутившийся рядом костромской мещанин из крестьян О. И. Комиссаров ударил его по руке (сводку данных по этому вопросу см. в статье Б. Я. Бухштаба «После выстрела Каракозова» — «Каторга:

и ссылка», 1931, кн. 5, стр. 50—88). Указом от 9 апреля 1866 г. Комиссарову было пожаловано потомственное дворянское достоинство; реакционные круги и официозная печать (прежде всего «Московские ведомости») на все лады прославляли его «подвиг»; Комиссарова осыпали бесчисленными выражениями благодарности и поздравлениями, возили на балы, заставляли показываться народу, в честь его заказывали иконы Св. Иосифа Песнопевца, его именем называли новорожденных и т. д.

Стр. 60. *Müller. ∞ ganze Presse.* — В переводе с нем. диалекта означает: «Мюллер. Стало быть, убийца был русский дворянин? Шульце. Да... Мюллер. А тот, который спас императора, крестьянин? Шульце. Да... Мюллер. И в награду за это крестьянин теперь... Шульце. Сделан дворянином. Мюллер. Ну уж эти мне газеты! Черт поberi всю прессу». Цитата из немецкого еженедельного юмористического журнала «Kladderadatch» от 22 апреля 1866 г., № 18, в каждом номере которого печатались подобные краткие диалоги двух бюргеров; в цитате Герценом сделаны некоторые сокращения, в частности во всех трех репликах Шульце выпущены слова: «so steht es in den Zeitungen» («так значится в газетах»).

Жив ли он, бедный? — О П. А. Мартьянове см. наст. том, стр. 113 и комментарий к ней.

Стр. 60—61. «*Говорят, что двое родственников О. И. Комиссарова ∞ вела крестьянина в Сибирь!*» — Цитируется редакционная статья газеты «Голос» от 10 апреля 1866 г., № 98.

Стр. 61 ... *эта страшная фигура ∞ поработать исправно.* — М. Н. Муравьев Вешатель был назначен председателем Верховной комиссии по делу Д. В. Каракозова. См. далее заметку «Из речи Муравьева» (стр. 67 наст. тома).

Орлов-Давыдов ∞ и целует Комиссарова ∞ поцеловал у государя руку: «Ручку, батюшка, ручку!..» — Описание обеда в петербургском дворянском собрании 10 апреля 1866 г., на котором В. П. Орлов-Давыдов обратился к О. И. Комиссарову с благодарственной и поздравительной речью, см. в «С.-Петербургских ведомостях» от 13 апреля 1866 г., № 98. Герцен использует слова бурмистра Софрона из рассказа И. С. Тургенева «Бурмистр» для характеристики раболепия В. П. Орлова-Давыдова (о самом факте см. в «Северной почте» от 6 апреля 1866 г., № 71, и «Московских ведомостях» от 8 апреля 1866 г., № 73).

«Я был сегодня ∞ да около!» — Цитата из «Письма к издателям», за подписью «Москвич» («Московские ведомости» от 12 апреля 1866 г., № 76).

Стр. 62. «*Получив ужасное известие ∞ Военный медик Менщиков.*» — Приведено «Письмо к издателям» («Московские ведомости» от 9 апреля 1866 г., № 74).

Стр. 62—63. ... *он заявил накануне покушения ∞ а никого другого знать не хочет...* — См. об этом в статье «Второе предостережение и второй Годунов» (стр. 76 наст. тома).

Стр. 63. ... *от Константина Николаевича и Шедо-Ферроти... которым достанется теперь с муравьевской помощью.* — Герцен имеет в виду, что при поддержке М. Н. Муравьева Вешателя, назначенного председателем Верховной следственной комиссии, «Московские ведомости» М. Н. Каткова еще более усилил свои выпады не только против революционной общественности, но и против вел. князя Константина Николаевича и его окружения — за их «либерализм». По поводу нападок Каткова на брошюру Шедо-Ферроти «Что сделают с Польшей?» Герцен писал в статье «Правительственная агитация и журнальная полиция» (т. XVIII наст. изд., стр. 269). О выступлениях Каткова против Шедо-Ферроти см. также в статьях Герцена «Болтовня с дороги» (т. XVIII наст. изд., стр. 412), «Второе предостережение и второй Годунов» (стр. 77 наст. тома) и др.

«Сегодня ∞ корней его?» — Цитируются отрывки из передовой «Московских ведомостей» от 5 апреля 1866 г., № 70; курсив Герцена.

С легкой руки первого намека пошли писать ведомости... — Намек на нерусское происхождение стрелявшего был сделан в первом же официальном сообщении: «О личности преступника мы ничего еще не можем сообщить определенительно. Ему с небольшим 20 лет. Он чисто говорит по-русски. Расследование производится» («Северная почта» от 5 апреля 1866 г., № 70, курсив наш). Намек сразу же был подхвачен «Московскими ведомостями»; в № 73 от 8 апреля Катков писал: «Он не русский, он не может быть русским! — вот слова, которые в эти дни слышались повсюду в народе, а глас народа есть глас божий. Сейчас получили мы частную телеграмму из весьма уважительного источника такого содержания: „Имя злодея — Ольшевский; он поляк“».

...куда делся лондонский банкир Т. ∞ зажигателей... — Об этом см. в статьях Герцена «От издателей <„Инвалид“ напечатал...», «Агентство Герцена в Тульче и „Московские ведомости“, «Агентство в Тульче» и заметку «Поджигатели и подлецы» в т. XVIII наст. изд.

Стр. 63—64. «*Может ли допустить Россия ∞ политических преступников?*» — Цитата из редакционной статьи «Московских ведомостей» от 7 апреля 1866 г., № 72.

Стр. 64. «*Нечего называть вам ∞ со всеми оттенками.*» — Цитата из «Корреспонденции из Петербурга», опубликованной в «Московских ведомостях» от 7 апреля 1866 г., № 72. В ней же было высказано предположение, «не действовали ли Огрызко и Сераковский в пользу готовившегося мятежа?», которое далее приводит Герцен.

...пишет Катков, по несчастию, в самое то время, как поляк оказался саратовским помещиком К а р а к о з о в ы м. — Сообщение о том, что благодаря «трудам следственной комиссии» удалось установить личность стрелявшего — Дмитрия Владимировича Каракозова — было напечатано в «Северной почте» от 13 апреля 1866 г., № 77, и перепечатано в других газетах.

Корреспонденция начинается дальними апрошамми. — Т. е. подступами (франц. *approches*). Далее излагается и цитируется корреспонденция из Петербурга, напечатанная в «Московских ведомостях» от 9 апреля 1866 г., № 74, с подписью: X.

Стр. 65. *Оппозиционный Щербатов ∞ предлагает его ч л е н о м Экономического общества...* — 5 апреля 1866 г. на обеде в Сельском клубе Г. А. Щербатов предложил избрать О. И. Комиссарова почетным членом Вольного экономического общества («С.-Петербургские ведомости» от 7 апреля 1866 г., № 92).

БЛАГОДЕТЕЛЬНЫЕ ПОМЕЩИКИ

(Графиня Орлова-Денисова, барон Инскуль, граф Шереметев)

Печатается по тексту К, л. 219 от 1 мая 1866 г., стр. 1795, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено (частично) в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 387) со следующей справкой: «принадлежность ясна из письма Чернецкого к Тхоржевскому» (Л XVIII, 446).

Об авторстве Герцена свидетельствует и тот факт, что Огарев не принимал участия в подготовке л. 219 «Колокола»: с конца марта по июнь он лечился в деревне (см. письма Герцена к сыну от 24 марта 1866 г. и к В. И. Кельсиеву от 9 мая 1866 г.). Из письма Герцена к С. Тхоржевскому от 23 апреля ясно видно, что «Смесь» для листа 219 была составлена им: «„Смесь“ посылаю, она необходима (кроме „Вятки“»).

Печатается по тексту *К*, л. 219 от 1 мая 1866 г., стр. 1796, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется ее ответственным редакционным характером, а также тем, что Огарев из-за отсутствия в Женеве не мог принимать участия в подготовке 219-го листа. Авторство Герцена подтверждается и тесной идейно-тематической связью заметки с многочисленными его высказываниями о смертных казнях в России (ср. «Русский разговор 1825 года» — т. XIII наст. изд., стр. 142; «VII лет» — т. XVII, стр. 239—240; «Гуртовая бойня» и «Порядок торжествует!» — стр. 150 и 181 наст. тома). Столь же характерно для Герцена упоминание о «регенте» Каткове — ср. в статье «Второе предостережение и второй Годунов»: «Он грозит сложить с себя регентство» (стр. 76 наст. тома).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 387).

Стр. 67. «*Le Nord*» (от 29 апреля), подхватывая песнь своего регента и запевалы Каткова ∞ Каракозов почеркнул свое воззрение. — Имеются в виду следующие строки петербургской корреспонденции газеты «*Le Nord*»: «Пропитанный жалкими доктринами, которые Герцен и его приверженцы постарались распространить в России, Каракозов принадлежит к той партии *нигилистов*, которая, к несчастью, образовалась у нас среди подонков общества, но которая, к счастью, не имеет никакого питательного источника в самой стране и единственным принципом которой является отрицание всех возможных принципов» (перев. с франц.). Намек на связь покушения Д. В. Каракозова с замыслами «шайки русских отверженцев и польских революционеров» был ранее брошен в редакционной статье «Московских ведомостей» от 7 апреля 1866 г., № 72 (цитировано Герценом в статье «Иркутск и Петербург» — стр. 63 наст. тома).

Все эти проделки и штуки вроде complicité morale, изобретенной мистром Эбертом... — Речь идет о принципе «морального соучастия», выдвинутом М.-П.-А. Эбером во время процесса Леконта и Жозефа Анри, покушавшихся на жизнь короля Луи Филиппа, где Эбер выступал в качестве главного прокурора.

...против воровского введения смертной казни в русское уголовное право... — Смертная казнь в России формально была отменена указами Елизаветы Петровны от 1753 и 1754 гг. Правом вынесения смертных приговоров широко пользовались, однако, специальные комиссии, рассматривавшие дела о государственных преступниках, и военно-полевые суды.

ИЗ РЕЧИ МУРАВЬЕВА

Печатается по тексту *К*, л. 219 от 1 мая 1866 г., стр. 1796, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером и стилистическими особенностями заметки. См. также комментарий к статье «Благодетельные помещики».

В настоящем издании в текст внесено исправление:

Стр. 67, строка 22: злого умысла преступника *вместо*: злого умысла и преступника (*по источнику цитаты*).

Речь М. Н. Муравьева, о которой говорится в заметке, была произнесена 10 апреля 1866 г. на обеде, устроенном в зале петербургского дворянского собрания в честь предводителей дворянства, представителей земства и городского общества Московской губернии, прибывших в Петербург для поднесения верноподданнического адреса Александру II.

О речи Муравьева Герцен знал до этого только по кратким газетным отчетам (см. его статью «Иркутск и Петербург» — стр. 61 наст. тома). С полным текстом речи Муравьева Герцен мог ознакомиться по стенографическому отчету, опубликованному в «С.-Петербургских ведомостях» от 13 апреля 1866 г., № 98, в «Вести» от того же числа, № 28, и в других газетах.

ШАХ КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ

Печатается по тексту *К*, л. 219 от 1 мая 1866 г., стр. 1796, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании тех же данных, что и в отношении остальных заметок «Смеси» л. 219 (см. выше комментарий к заметке «Благотельные помещики»).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 388).

Указом Александра II Правительствующему сенату от 14 апреля 1866 г. А. В. Головин освобождался от должности министра народного просвещения «с назначением членом Государственного совета и с оставлением в звании статс-секретаря», а граф Д. А. Толстой назначался на пост министра народного просвещения «с оставлением в прежних званиях и должностях» («Северная почта» от 15 апреля 1866 г., № 79).

<НОВОСТИ ИЗ РОССИИ>

Печатается по тексту *К*, л. 220 от 15 мая 1866 г., стр. 1797, где опубликовано впервые, без заглавия, с подписью: *И*—р. Этой статьей открывается лист «Колокола». Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

О поисках «корней заговора» как об одной из основных задач Верховной следственной комиссии впервые было заявлено М. Н. Муравьевым на обеде в петербургском дворянском собрании 10 апреля 1866 г. В речи Муравьева отмечалось, что покушение на царя — это «зло не одного человека, но многих, действующих в совокупности» (см. заметку «Из речи Муравьева» в наст. томе, стр. 67—68). Затем в «Северной почте» от 13 апреля 1866 г., № 77, было опубликовано официальное сообщение («Сведения о преступнике, покушившемся на жизнь государя императора»), о том, что «в отношении обнаружения соучастников преступника и связей их с зловредными обществами, стремящимися к ниспровержению утвердившегося государственного порядка, продолжается дальнейшее строжайшее расследование». О том, что «Московские ведомости» уже на второй день после выстрела, еще до официальных заявлений, призывали правительство искать «корни злодеяния», Герцен писал еще в статье «Иркутск и Петербург» (стр. 63 наст. тома).

Мысль о том, что заговора не было, высказанная со всей категоричностью впервые в настоящей статье, будет настоятельно защищаться Герценом и позже — см. в наст. томе его «Письмо к императору Александру II», статьи «Из Петербурга», «От государя князю П. П. Гагарину», «Великий заговор — большая ложь», «Виселица и Муравьев», «Заговора не было!»

Стр. 69. ...как Фуше выдумывал якобинское участие в «адской машине» улицы Никез. — 25 декабря 1800 г. в Париже на улице Сен-Никез было совершено покушение на Наполеона I при помощи «адской машины». Несмотря на то, что министр полиции Жозеф Фуше прекрасно знал о не-

причастности якобинцев к этому террористическому акту, он использовал его для репрессирования 130 наиболее известных якобинцев; все они без суда и следствия были отправлены в каторжные тюрьмы и в ссылку.

Стр. 70... *доносы ∞ похоронены живые?*..— Герцен имеет в виду обвинение должностных лиц Тобольска в ослаблении «государственным преступникам», в том числе М. Л. Михайлову, которого к моменту публикации материалов Правительствующего сената уже не было в живых (см. «После смерти» — стр. 50—56 наст. тома).

...*какие-то тени в цепях?*..— В заметке «Об Огрызке», напечатанной в том же 220 листе «Колокола», Герцен писал: «Говорят, что Муравьев велел привезти из каторжной работы Огрызку...» (стр. 72 наст. тома).

ВОТ ВАМ И ГЛАСНЫЙ СУД!

Печатается по тексту *К*, л. 220 от 15 мая 1866 г., стр. 1798, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* отсутствует. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется ее редакционным характером (этот лист «Колокола» Герцен готовил в отсутствие Огарева), а также ее тесной идейно-тематической связью со статьей «Новости из России» (см. стр. 69—70 наст. тома). Свое возмущение по поводу закрытого суда над Каракозовым Герцен неоднократно высказывал и в других статьях и заметках этой поры. Ср. в статье «Катков и государь» строки об «украденном от гласности следствии по каракозовскому делу», а также в статье «Виселица и Муравьев» — о «безгласном процессе» (стр. 119 и 138 наст. тома).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVIII*, 392).

Информацию о заседании Санкт-Петербургской общей думы Герцен цитирует по газете «Голос» от 20 апреля 1866 г., № 108.

Иронический заголовок заметки имеет в виду органы русской легальной печати, прославлявшие систему гласных судов, только что введенную в судебную практику, в то время как все следствие по делу о покушении на жизнь царя проводилось в чрезвычайной тайне. Самый судебный процесс над Д. В. Каракозовым и его «соучастниками» также был проведен с явным нарушением принципа гласности, узаконенного Судебными уставами 1864 г.: дело слушалось в закрытом судебном заседании в Петропавловской крепости.

ОБ ОГРЫЗКЕ

Печатается по тексту *К*, л. 220 от 15 мая 1866 г., стр. 1802, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 392) со следующей справкой: «принадлежность ясна из записки Чернецкого» (*Л XVIII*, 447). Авторство Герцена подтверждается и связью этой заметки с его статьей «Новости из России» в том же листе «Колокола» — ср. слова: «разве не везут из каторжной работы, из рудников какие-то тени в цепях?»

Иосафат Огрызко, издававший в 1859 г. в Петербурге польскую газету «*Ślowo*» (см. т. XIV наст. изд., стр. 85), за участие в польском восстании 1863 г. был приговорен к смертной казни, замененной потом, несмотря на противодействие Муравьева Вешателя, двадцатилетней каторгой (об этом см. в письме Герцена к сыну от 15 мая 1865 г.: «Скажи ему <М. А. Бакунину>, что Муравьев сделал все возможное: умолял, просил, чтоб Огрызко повесить, — не удалось, однако, его отправили на 20 лет

в каторгу»). Слухи о возможном возвращении Огрызко с каторги с целью привлечения его к следствию по делу Каракозова имели реальным основанием версию «Московских ведомостей» о якобы несомненной связи событий 4 апреля 1866 г. с деятельностью польских революционеров и, в частности, с деятельностью Огрызко (см. об этом в статье «Иркутск и Петербург» — стр. 64 наст. тома).

ВОЕННАЯ ЮСТИЦИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 220 от 15 мая 1866 г., стр. 1802—1803, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 393) со следующей справкой: «принадлежность ясна из записки Чернецкого» (*Л* XVIII, 447). Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки, опубликованной в пору отсутствия Огарева в Женеве

Заметка основана на информации «Тобольских губернских ведомостей», перепечатанной в газете «Голос» от 31 марта 1866 г., № 88, о заседании гласного военно-полевого суда.

СТИХИ И ПРОЗА НЕКРАСОВА

Печатается по тексту *К*, л. 220 от 15 мая 1866 г., стр. 1803, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется ее редакционным характером. Авторство Огарева исключается ввиду его отсутствия в Женеве. Строки об «интимном» знании биографии поэта являются прозрачно замаскированным обвинением в якобы недобросовестном отношении Некрасова к посредничеству в денежных отношениях между Огаревым и М. Л. Огаревой; защита интересов Огарева, которой руководствовался в данном случае автор заметки, могла быть предпринята отнюдь не Огаревым, а только Герценом. Ср. отзывы о Некрасове в письмах Герцена к И. С. Тургеневу от 30 апреля 1861 г. и от 8 июня 1867 г

Стр. 75. *Вслед за стихами Комиссарову Некрасов явился со стихами Муравьеву.* — 9 апреля 1866 г. на чествовании О. И. Комиссарова в петербургском Английском клубе Н. А. Некрасов прочитал свое стихотворение «Осипу Ивановичу Комиссарову» («Не громка моя лира, в ней нет...»), напечатанное затем в «Современнике» 1866 г., № 4. Это был дипломатический шаг со стороны издателя «Современника», пытавшегося любой ценой спасти журнал. Текст стихотворного приветствия, с которым поэт обратился к М. Н. Муравьеву на обеде, устроенном в честь последнего петербургском Английском клубе 16 апреля 1866 г., до сих пор не найден. Герцен мог узнать об этом приветствии из «Московских ведомостей» от 20 апреля 1866 г., № 83, где сообщалось: «Нам пишут из Петербурга, что в прошлую субботу тамошний Английский клуб избрал графа Муравьева в свои почетные члены, а в эту субботу, 16 апреля, граф присутствовал там на обеде. Пили его здоровье, говорили речи (...). После обеда г. Некрасов прочел стихи, написанные им в честь графа Муравьева. В стихах выставлены заслуги графа, которому теперь „вся Россия бьет челом“. Стихи оканчиваются просьбой: „виновных не щади“. Не случайно отчет об этом обеде был впервые напечатан в катковских «Московских ведомостях»,

которые поспешили использовать в своих интересах политическую капитуляцию редактора «Современника». Отчеты об обеде в Английском клубе были напечатаны во многих русских газетах, но текст оды нигде не был опубликован. В «Русском инвалиде» от 21 апреля 1866 г., № 101, по этому поводу было сказано: «К сожалению, мы не имеем ни стихотворения, ни позволения автора познакомить наших читателей с новым произведением г. Некрасова».

Впоследствии П. И. Бартенев опубликовал в «Русском архиве» (1885, № 2) стихи неизвестного автора, выдав их за «муравьевскую оду» Некрасова, однако принадлежность этих стихов Некрасову была опровергнута рядом исследователей (см. В. Е. Чешихин - Ветринский, Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников, письма и несобранных произведениях. М., 1911, стр. 280—281; М. К. Лемке. Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. XVIII, стр. 394—395; Б. Я. Бухштаб. О муравьевской оде Некрасова. «Каторга и ссылка», 1933, № 12, стр. 138—145).

...превращен в Эскуриал...— Эскуриал — монастырь-дворец близ Мадрида, построенный Филиппом II и служивший ему резиденцией.

ВТОРОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ И ВТОРОЙ ГОДУНОВ

Печатается по тексту *K*, л. 220 от 15 мая 1866 г., стр. 1803, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 395—396) со следующей справкой: «сверено с печатным текстом, не отступающим от подлинника, хранящегося в архиве семьи Герцена» (*Л* XVIII, 447).

Авторство Герцена подтверждается стилистическими особенностями заметки, в частности, характерными для герценовской оценки редактора «Московских ведомостей» определениями: «правительствующий издатель», «отец-редактор и самодержец», «редактор-регент», «Борис Годунов».

26 марта 1866 г. Главное управление по делам печати объявило «Московским ведомостям» предостережение—за передовую в № 61 от 20 марта. Катков не принял предостережения и уплатил штраф; в № 69 «Московских ведомостей» от 3 апреля 1866 г. он отказался от публикации текста предостережения, предпочитая прекратить издание «Московских ведомостей». За эту статью Главное управление по делам печати предложило объявить газете Каткова второе предостережение или возбудить против него судебное преследование. Однако министр внутренних дел П. А. Валуев, считая, что в политической обстановке, определившейся после выстрела Каракозова, «Московские ведомости» необходимы правительству, не согласился ни на привлечение к суду Каткова, ни на объявление «Московским ведомостям» второго предостережения (см. информационную статью в № 78 «Северной почты» от 14 апреля). Катков выступил с резкими возражениями по адресу Главного управления по делам печати в №№ 81 и 83 «Московских ведомостей» от 17 и 20 апреля (это Герцен и назвал вторым предостережением Каткова), после чего Валуев в начале мая 1866 г. дал согласие на второе и третье предостережение «Московским ведомостям» с временной приостановкой газеты на два месяца (см. заметку Герцена «Задержание „Московских ведомостей“» и статью «Катков и государь» — стр. 100 и 117 наст. тома).

Стр. 76. *Речи, сказанные Валуевым на известном обеде в вание князя речи*.— Источником сведений относительно двух выступлений П. А. Валуева на обеде в зале петербургского дворянского собрания 10 апреля 1866 г. Герцену послужил отчет в газете «Весть» от

13 апреля 1866 г., № 28. В передовой статье этого номера выступления министра оценивались так: «C'est un prince de la parole—следует сказать про него, и таков же был общий отзыв, слышанный нами в зале дворянского собрания».

...поднесет вторую чернильницу...—Решение сделать подарок М. Н. Каткову как редактору «Московских ведомостей» было принято на заседании дворянского собрания в Москве 9 января 1865 г. О чернильнице, преподнесенной Каткову, Герцен неоднократно упоминал в статьях и заметках 1865 г. (т. XVIII наст. изд., стр. 346 и др.).

...Каракозова (из татар) казнят...—Герцен имеет в виду версию официозных журналистов о «нерусском» происхождении Каракозова. В «С.-Петербургских ведомостях» (№ 99 от 14 апреля 1866 г.) С. Н. Шубинский писал: «К общему и искреннему прискорбию оказывается, что он саратовский уроженец; но скорбь эта несколько облегчается тем, что он не русского происхождения; на это указывает ясно его фамилия; фамилия Каракозова возводилась им к татарскому «кара-кюз» (черный глаз).

...второе спасение единства России...—Герцен имеет в виду активизацию «Московских ведомостей» после выстрела Каракозова: «первое спасение» относится к периоду 1863—1864 гг. О М. Н. Каткове, который, как «Сусанин, спас царский дом от поляков», Герцен писал в статье «Болтовня с дороги» (т. XVIII наст. изд., стр. 411).

СПАСИБО МУРАВЬЕВУ

Печатается по тексту К, л. 220 от 15 мая 1866 г., стр. 1803, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 402) со следующей справкой: «сверено с текстом подлинника, хранящегося в архиве семьи Герцена; в корректуре был изменен в более решительную форму» (Л XVIII, 447); однако в издании М. К. Лемке воспроизведен текст «Колокола», поэтому неизвестно, в чем заключаются отличия печатного текста от автографа.

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки и связью, тематической и стилистической, с другими его статьями и заметками о «Михайлах» (см. «Михаилы и Михаилы Николаевичи» — т. XVIII наст. изд., стр. 384).

На обеде 17 апреля 1866 г. в московском купеческом собрании было решено послать М. Н. Муравьеву поздравительную телеграмму в связи с назначением его председателем Верховной следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова. Текст телеграммы был опубликован в «Московских ведомостях» от 20 апреля 1866 г., № 83; благодарственный ответ Муравьева, адресованный всем членам московского купеческого собрания и посланный Н. П. Боткину, подписавшему от имени собрания телеграмму, был напечатан там же, 22 апреля (№ 85).

НЕУСТОИТ (ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ)

Печатается по тексту К, л. 220 от 15 мая 1866 г., стр. 1804, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVIII, 402—403) со следующей справкой: «подлинник, хранящийся в архиве семьи Герцена, точно соответствует печатному тексту» (Л XVIII, 447). При воспроизведении текста заметки в настоящем издании учтены поправки, сделанные в очередном (221) листе «Колокола».

Заметка служит ответом на не найденное до сих пор письмо в редакцию «Колокола» от членов Женевской русской эмиграции, очевидно, содержавшее протест против напечатанного в «Вести» 18 апреля 1866 г., № 29, клеветнического сообщения из Женевы (отрывок из него, а также опровержение самой «Вести» см. на стр. 92 наст. тома).

«НЕ СОЛГИ»

Печатается по тексту К, л. 220 от 15 мая 1866 г., стр. 1804, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену устанавливается на основании его письма к Н. А. Огаревой от 16 апреля 1866 г., в котором довольно близко к тексту «Колокола» пересказывается та же история: «В Ницце Хитрово, аристократ, племянник Горчакова, сплутывал в карты, пойман, избит... камергер двора его величества и богатый человек». Авторство Герцена подтверждается также стилистическими особенностями заметки: обыгрывание фамилии Хитрово, ироническое иносказательное описание шулерских приемов вице-президента и пр.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 403—404).

Стр. 79. «*Двора е. в. ∞ вовсе от службы*». — Сокращенная цитата из указа Александра II (см. «Северную почту» от 16 апреля 1866 г., № 80); слова в скобках — вставка Герцена.

ЮР. НИК. ГОЛИЦЫН НА ВОЗДУХЕ

Печатается по тексту К, л. 220 от 15 мая 1866 г., стр. 1804, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется ее редакционным характером и давним интересом Герцена к личности Ю. Н. Голицына. Авторство Огарева исключается из-за его отсутствия в Женеве.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVIII*, 404).

Ю. Н. Голицын — тамбовский помещик, дирижер и композитор; в 1859—1862 гг. жил в Лондоне. О концертах Голицына и о своих встречах с ним Герцен рассказал в седьмой части «Былого и дум», в главе «Апогей и перигей» (т. XI наст. изд., стр. 313—324); см. также статью «Русская музыка в Лондоне» (т. XIV наст. изд., стр. 291—292).

ЕЩЕ О НЕКРАСОВЕ

Печатается по тексту К, л. 220 от 15 мая 1866 г., стр. 1804, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тесной связью заметки с его же публикацией «Стихи и проза Некрасова» (стр. 75 наст. тома). Существенна в данном случае и ссылка на «Отголоски русской печати», так как за ними следил именно Герцен — см. «Письмо к издателю „Отголосков“» (т. XVIII наст. изд., стр. 429), статью «Порядок торжествует!» (стр. 199 наст. тома), а также письма Герцена к сыну от 12 декабря 1866 г., к Г. Н. Вырубову от 16 декабря 1866 г. и к Огареву от 13 февраля 1867 г.

Заметка основана на корреспонденции из «Отголосков русской печати» (№ 38 от 21 мая 1866 г.) относительно обеда в петербургском Английском клубе 16 апреля 1866 г., на котором Н. А. Некрасов прочитал свое стихотворение в честь графа М. Н. Муравьева. Корреспондент следующим образом передает ответные слова Муравьева: «Я желал бы,—сказал примерно граф,— иметь возможность охранить вас от всякого сопричастия со злом, против которого мы теперь должны бороться, но вряд ли могу».

Слова о «второй награде» имеют в виду редакционную статью в газете «Весть» от 25 апреля 1866 г., № 31, в которой упоминалось об этих стихах Некрасова, о статьях «Современника» и между прочим было сказано: «Если б даже сообщники Каракозова не были открыты; если б даже было доказано, что преступник действовал под влиянием умопомешательства,—такой урок, как урок 4 апреля, должен принести с собой большие перемены в нашей внутренней политике».

С т р. 80. *Vivez donc des privations, // Prenez donc des précautions!* — Итак, живите лишениями, принимайте меры предосторожности! (франц.).

ПИСЬМО К ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II

Печатается по тексту *R*, л. 221 от 1 июня 1866 г., стр. 1805, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер*. Этим письмом открывается лист «Колокола»; текст набран крупным шрифтом, без разделения на две колонки. Автограф неизвестен.

Вверху первой страницы листа, над названием газеты, напечатано: «Лист этот отправляется сегодня по почте к государю в С.-Петербург».

Статья представляет собой последнюю из тех апелляций к царю, в которых особенно наглядно отразились либеральные колебания Герцена. Однако настоящее письмо, написанное в то время, когда Герцен последовательно встал на сторону революционной демократии, как и предыдущее письмо к Александру II от 2 мая 1865 г. (т. XVIII наст. изд., стр. 337—341), принципиально отличается от обращений Герцена к царю, относящихся к пятидесятым годам.

Тогда Герцен искал *политического* пути, приемлемого и для Александра II, надеясь увидеть в последнем искреннего сторонника демократических реформ (см. комментарий в т. XIII наст. изд., стр. 485—486). Последние же обращения к царю были политически почти беспредметными и отражали лишь субъективные настроения Герцена, его крайне шаткие надежды на царя, которому он хотел как бы подсказать последний шанс «спасения».

Как это с особенной очевидностью вытекает из письма от 2 мая 1865 г., Герцен предлагал царю присоединиться к революционно-демократическому курсу «Колокола», принять требование о созыве Земского собора, на что, конечно, всерьез рассчитывать не приходилось. Вслед за последним своим обращением к царю Герцен в ближайшем номере «Колокола», в статье «От государя князю П. П. Гагарину», критикуя царский рескрипт на имя последнего, разоблачает социально-политическую сущность политики Александра II, *помещичий* характер этой политики.

В комментируемом письме Герцен отмечает, что оно является, вероятно, последним его обращением к царю, о полной несостоятельности надежд на которого он говорит в статье «Порядок торжествует!» (см. стр. 192 наст. тома).

Стр. 81. ...выдавая поворные билеты честным женщинам... — Об этом см. в письме петербургского корреспондента «Колокола», включенном Герценом в статью «Из Петербурга» (стр. 84 наст. тома).

Стр. 82. «От вас ждут кротости ∞ счастливы!» — Герцен цитирует свое «Письмо к императору Александру Второму» от 10 марта 1855 г., напечатанное в «Полярной звезде» 1855 г., кн. I (т. XII наст. изд., стр. 272).

«И до сих пор ждут, вера в вас сохранилась...» — Герцен писал так в своем втором «Письме к императору Александру II», напечатанном в *К*, л. 4 от 1 октября 1857 г. (т. XIII наст. изд., стр. 45).

«Судьба неумолимо ∞ второго удара». — Цитата из третьего «Письма к императору Александру II», напечатанного в *К*, л. 197 от 25 мая 1865 г. (т. XVIII наст. изд., стр. 337).

Судьба еще раз коснулась вас... — Речь идет о покушении Д. В. Каракозова 4 апреля 1866 г.

НАПОМИНАНИЕ

Печатается по тексту *К*, л. 221 от 1 июня 1866 г., стр. 1806, где опубликовано впервые, без подписи. Заглавие набрано крупным шрифтом. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 408) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается запиской Чернецкого» (*Л* XVIII, 447).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки и ее тематикой — требованием публичного суда над Каракозовым, о чем подробнее см. выше в комментарии к статье «Вот вам и гласный суд!», стр. 387.

ИЗ ПЕТЕРБУРГА

<НАКОНЕЦ-ТО ПИСЬМО ИЗ ПЕТЕРБУРГА. .

Печатается по тексту *К*, л. 221 от 1 июня 1866 г., стр. 1806—1807, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

Стр. 85. *Здекауер пожалован 16 (28 апреля) в тайные советники!* — Сообщение о том, что приказом Александра II по министерству императорского двора «17 апреля произведен за отличие в тайные советники двора его императорского величества лейб-медик—консультант, доктор медицины, действительный статский советник Здекауер», напечатано в «Северной почте» от 24 апреля 1866 г., № 87.

Стр. 86. ...освободившему ∞ ст. половины дохода? — Предупреждения, которые правительство объявляло передовым журналам, привели к значительному сокращению подписчиков. Так, один из корреспондентов «Колокола» сообщал: «Два данных „Современнику“ предостережения уменьшили подписку на этот журнал; на „Русское слово“ сначала, пока ему было дано только одно предостережение, была живая подписка, но когда появилось второе предостережение, подписка на „Русское слово“ также стала тише» (*К*, л. 216, стр. 1771).

Стр. 87. ...*Орлов-Давыдов ∞ перевод Бакля.* — Герцен имеет в виду речь В. П. Орлова-Давыдова на заседании в московском дворянском собрании 9 января 1865 г. (см. стр. 11 наст. тома и комментарий к ней).

...*да сам Валуев и з в о л и т быть с ними...* — Герцен иронически использует фразеологию Валуева, отражающую его заигрывание с реакционной дворянской общественностью; ср. в статье «Второе предостережение и второй Годунов» (стр. 76 наст. тома).

ПОПРАВЛЕННОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Печатается по тексту *К*, л. 221 от 1 июня 1866 г., стр. 1811, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Недоразумение». Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется ее непосредственной связью с заметкой «Стихи и проза Некрасова» (см. выше в наст. томе). Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 412).

Стр. 89. ...одним господином, писавшим к нам на днях... — Письмо это до нас не дошло и автор его неизвестен.

УНИЧТОЖЕНИЕ, ГОНЕНИЕ, СРЫТИЕ С ЛИЦА ЗЕМЛИ, ПРИРАВНИВАНИЕ К НУЛЮ КАРАКОЗОВЫХ

Печатается по тексту *К*, л. 221 от 1 июня 1866 г., стр. 1811, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Гонение Каракозовых». Автограф неизвестен.

Принадлежность статьи Герцену определяется ее редакционным характером и идейно-тематической связью с многими другими его заметками этой поры. Об Анри Мартене, его понимании национального русского характера Герцен писал в статье «Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!»: «Ганри Мартии в „Сиекле“, Валуев в министерстве и „Кёльнская газета“ в Кёльне указывают своим трехперстием *одного врага*. Только Ганри Мартии, учившийся не в пажеском корпусе, относит прерватное пониманье законов собственности в России к духу народному, — к тому враждебному цивилизации туранскому, татарскому, кочевому элементу, на котором выросла Россия; а Валуев — к редакции „Современника“» (т. XVIII наст. изд., стр. 473—474). Сравнения с газетой «Le Père Duchesne» неоднократно встречаются у Герцена при характеристике русской реакционной периодики; см., например, статьи «По поводу крепких слов г. Каткова...» (т. XVI, стр. 232) и «Новая фаза в русской литературе» (т. XVIII, стр. 207). Столь же характерно для Герцена ироническое название «прелестью» продукции реакционной прессы; ср. в статье «Иркутск и Петербург»: «На этой прелести мы оставляем литературный застенок...» (стр. 65 наст. тома).

В заглавии статьи имеются герценовские фразеологизмы — ср. в заметке «Муханов, что не на Висле»: «...давай Драшусова, уничтожить Драшусова, стереть с лица земли Драшусова» (т. XIV наст. изд., стр. 279).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVIII, 413).

В настоящем издании в текст внесено исправление:

Стр. 90, строка 24: Церпянского вместо: Церинского (по испочнику цитаты).

Стр. 90. *На днях мы читали ∞ под другим заглавием*... — Герцен имеет в виду следующие слова из анонимного «заявления», помещенного в «С.-Петербургских ведомостях» от 14 апреля 1866 г., № 99: «В языческой Азии фамилия страшного преступника истреблялась совершенно, причем вместе с одним виновным гибло и множество невинных: все его родственники. Но в христианской России и в царствование государя-освободителя можно ожидать совсем иного — а именно, что всем Каракозовым будет всемилоостивейше дозволено называться другими фамильными именами для того, чтобы никто своим прозванием не напоминал события, возбудившего в целом государстве такое заслуженное негодование к преступнику».

Стр. 90—91. «Нам доставлена, — пишет «Весть» ∞ располагать им свободной». — Цитата из «Вести» от 9 мая 1866 г., № 35; курсив Герцена.

ВАЖНАЯ ПОПРАВКА

Печатается по тексту *К*, л. 221 от 1 июня 1866 г., стр. 1811—1812, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки и тесной связью с его же заметкой «Не сто́ит» (см. стр. 78 наст. тома).

В заметке приведена поправка редакции «Вести» (№ 36 от 12 мая 1866 г.); курсив Герцена.

ЗАДЕРЖАНИЕ «МОСК~~ОВСКИХ~~ ВЕДОМОСТЕЙ»

Печатается по тексту *К*, л. 221 от 1 июня 1866 г., стр. 1812, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 413—414), с ошибочной мотивировкой: «Принадлежность ясна по связи с № 2803» (*Л* XVIII, 447) — т. е. с заметкой «Не солги».

В действительности авторство Герцена определяется связью этой заметки с его статьями «Иркутск и Петербург» и «Второе предостережение и второй Годунов», в которых издатель «Московских ведомостей» М. Н. Катков также назван иронически «спасителем единства России» (стр. 62 и 77 наст. тома). В заметке содержится и сопоставление «большого издателя» с «большим колоколом и большой пушкой», впоследствии развернутое Герценом в статье «Соперники большого колокола и большой пушки» (стр. 241 наст. тома).

Стр. 93. *Россия на два месяца избавлена от «Московских ведомостей».* — С 9 по 17 мая «Московские ведомости» не выходили, с 18 мая издание газеты возобновилось, под временной редакцией помощника М. Н. Каткова — Н. А. Любимова. Однако уже с 25 июня «Московские ведомости» начали снова выходить под редакцией М. Н. Каткова (см. статью «Катков и государь» — стр. 117—120 наст. тома). О причинах приостановки «Московских ведомостей» см. выше в комментариях к статье «Второе предостережение и второй Годунов».

Рано радовался Катков поправкою Головинина. — За месяц до этого А. В. Головинин был смещен с должности министра народного просвещения и заменен гр. Д. А. Толстым (см. заметку «Шах Константину Николаевичу», стр. 68 наст. тома и комментарий к ней).! ↓

«У царя, у нашего ∞ отдерут и просто». — Герцен цитирует стихотворение, опубликованное без подписи, как послание «Из Москвы в Петербург», в «Полярной звезде на 1861 г.», кн. 6, стр. 214.

БАРОМЕТР НА ГРАДУС НИЖЕ

Печатается по тексту *К*, л. 221 от 1 июня 1866 г., стр. 1812, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки и положительной оценкой личности петербургского генерал-губернатора князя А. А. Суворова. Герцен неоднократно писал о достойном поведении Суворова в деле Серно-Соловьевича (см., например, статья «Дело Серно-Соловьевича», «Волтовня с дороги» — т. XVIII наст. изд., стр. 395 и 412), он называл А. А. Суворова «человеком прямодушным и честным» («Новая фаза в русской литературе» — т. XVIII наст. изд., стр. 172), сочувственно отмечал, что «Суворов открыто ругает III отделение» (в письме к сыну от 11 августа 1865 г.; ср. также в письме к сыну от 2 октября 1864 г.). Слова

«Это уж „шах“ самому себе» перекликаются с заглавием заметки Герцена «Шах Константину Николаевичу» (стр. 68 наст. тома).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XVIII, 414).

Указы Правительствующему сенату от 4 мая 1866 г. об увольнении кн. А. А. Суворова «по случаю упразднения должности Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора» и о переходе обер-полицмейстера, подчинявшегося ранее ему, в непосредственное подчинение III отделения, были опубликованы в «Северной почте» от 7 мая 1866 г., № 97. В. П. Мещерский в своих воспоминаниях связывает упразднение должности петербургского генерал-губернатора с тем, что «Тренов принял пост петербургского обер-полицмейстера с обязательным условием — быть едновременно хозяином полиции в Петербурге <...> быть независимым от генерал-губернатора» (Кн. В. П. Мещерский. Мои воспоминания. Ч. II. СПб., 1898, стр. 36—37).

ЛЕБЕДИНАЯ ОСТРОТА КНЯЗЯ МЕНШИКОВА

Печатается по тексту К, л. 221 от 1 июня 1866 г., стр. 1812, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Князь Меншиков». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки и близостью ее оценок кн. А. С. Меншикова к герценовской характеристике этого сановника в статье «Черный кабинет»: «Меншиков, имеющий на откуп придворные колкости и острящий за двух после кончины Михаила Павловича, не забыл Долгорукова и, оставшись без пороху во время войны, заметил, что „по всему заметно, что военный министр пороху не выдумал“» (т. XIV наст. изд., стр. 301); ср. также в дневниковой записи Герцена от 11 января 1844 г. замечание о том, что Меншиков «отпускает злые колкости над Канкрином, Клейнмихелем» etc. публично» (т. II наст. изд., стр. 326).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XVIII, 414).

<ПРОСЬБА>

Печатается по тексту К, л. 221 от 1 июня 1866 г., стр. 1812, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется ее редакционным характером (авторство Огарева исключается из-за его отсутствия в эту пору в Женеве).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XVIII, 415).

В корреспонденции из Петербурга, опубликованной в «Московских ведомостях» от 7 апреля 1866 г., № 72, сообщалось: «Злодей был не один. Генерал-адъютант Тотлебен, случившийся неподалеку и спешивший на место события, остановил встретившегося ему молодого человека, бежавшего с бледным и растерянным лицом и которого затем в народе, бывшем свидетелем события, признали за товарища посягателя». Ср. об этом же эпизоде запись в дневнике Г. Потулова («Красный архив», 1929, т. 3 (34), стр. 233).

ОТ ГОСУДАРЯ КНЯЗЮ П. П. ГАГАРИНУ

Печатается по тексту К, л. 222 от 15 июня 1866 г., стр. 1813—1815, где опубликовано впервые, с подписью: И—р. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Об этой статье Герцен писал 13 июня 1866 г. Н. А. Огарев: «„Колокол“ готов в рукописи. Моя статья приводит всех в восторг. Огарев говорит, что это из лучших статей» в „Колоколе“: я сам чувствую два огня, пробегающие по ней: *иронии* и *веры* вместе...»

Герцен воспроизводит текст рескрипта, опубликованный в «Северной почте» от 14 апреля 1866 г., № 102 (и на следующий день перепечатанный в других газетах), с одним разночтением: вместо «вредных лжеучений» — в тексте «Колокола»: «вредных злоучений». Курсив и слова в скобках принадлежат Герцену.

С т р. 97... *с известного пожара в Петербурге*...—28 мая 1862 г., во время пожаров в Петербурге, сгорел Апраксин двор и почти все дома между Чернышевым и Щербаковым переулками, а также часть домов по Троицкой улице. Правительство и реакционная печать ложно обвиняли в поджоге «нигилистов» и революционеров.

...*il règne, mais ne gouverne pas.*—«Le roi règne et ne gouverne pas» («Король царствует и не управляет») — афоризм, употребленный в речи французского государственного деятеля Л.-А. Тьера в феврале 1830 г.; восходит к принципу, провозглашенному в Польском сейме гетманом Яном Замойским (XVI в.).

С т р. 98... *духовную иконопись, которой изукрасил митрополит Филарет манифест об освобождении крестьян*...— Первоначальный проект манифеста 19 февраля 1861 г., составленный Ю. Ф. Самариним и Н. А. Милютиным, был окончательно отредактирован московским митрополитом Филаретом. Об изменениях, внесенных им в проект манифеста, см. в книге: Гр. Д ж а н ш и е в. Эпоха великих реформ. изд. 9-е. СПб., 1905, стр. 64—78.

С т р. 99. *Читатели наши видели недавно изложение Прудоновой новой теории.*— Речь идет о статье Л. И. Мечникова «Прудопова „новая теория собственности“» — К, л. 218, 219 и 221 от 15 апреля, 1 мая и 1 июня 1866 г. Прудону принадлежит определение: «Собственность есть кража».

Мы знаем его мнение при обсуждении в Государственном совете милютинской инструкции.— Герцен имеет в виду выступления П. П. Гагарина за наделение крестьян землей при обсуждении проекта крестьянской реформы 1864 г. в Польше, разработанного Н. А. Милютиным.

Ультрасоциальные и нивеляторские тенденции князя (хотевшего в 1849 арестовать Милютина по делу Петрашевского)...— Как член следственной комиссии по делу петрашевцев П. П. Гагарин знал о связях братьев Н. А. Милютина (тогда уже влиятельного чиновника министерства внутренних дел) с петрашевцами: его младший брат, кандидат прав В. А. Милютин, бывал на вечерах М. В. Петрашевского, по следственному делу не был привлечен в связи с выездом из Петербурга; старший брат Н. А. Милютина полковник Генерального штаба Д. А. Милютин оказывал большое внимание петрашевцам А. П. Баласогло и П. А. Кузьмину (Дело петрашевцев, т. II, М.—Л., 1941, стр. 135).

...*один из яростнейших крепостников, когда дело шло о земельном наделе русских крестьян.*— Гагарин, разумеется, говорил в пользу своего мнения о добровольном соглашении, *без надела*, — сообщал корреспондент «Колокола» о поведении Гагарина на заседании Государственного совета 28 января 1861 г., где обсуждался проект Положений об освобождении крестьян (см. К, л. 93 от 1 марта 1861 г., стр. 787; ср. стр. 788). П. П. Гагарин был автором проекта о так называемом «дарственном наделе», принятого Государственным советом и включенного в Положения 19 февраля (статья 123). «Дарственный» надел Гагарина называли в народе «нищенским», «сиротским», «кошачьим».

...«не нам, не нам», но и не народу русскому. — Герцен перефразирует слова из Псалтыря «не нам, не нам, но имени твоему» (113 псалом, стих 9). Этот текст выгравирован на медали для участников Отечественной войны 1812 г., отлитой в честь победы русских над Наполеоном; ранее, при Павле I, этот текст встречается на золотых и серебряных монетах.

...«как после рескрипта ∞ вражде к дворянству». — Сокращенная цитата из передовой статьи газеты «Весть» от 19 мая 1866 г., № 38; курсив в цитате принадлежит Герцену.

Стр. 100. ...Сазикову заказывать ∞ «Моск. ведомостям»... — Речь идет о серебряной чернильнице, изготовленной в мастерской Сазикова по модели Рамазанова и преподнесенной московским дворянством М. Н. Каткову в конце 1865 г. (см. об этом в статье «Второе предостережение и второй Годунов» — стр. 76 наст. тома). О временной приостановке «Московских ведомостей» см. в заметке Герцена «Задержание „Моск. ведомостей“» (стр. 93 наст. тома).

ПРОЗЕРПИНА-МУРАВЬЕВ

Печатается по тексту *К*, л. 222 от 15 июня 1866 г., стр. 1820, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 428), со следующей справкой: «принадлежность устанавливается пометкой Огарева на экз. „Кол.“» (*Л* XVIII, 448).

Авторство Герцена подтверждается идейно-тематическим родством заметки с целой серией статей Герцена в «Колоколе», разоблачающих «большую ложь» правительства, сфабриковавшего вокруг выстрела Каракозова дело о заговоре, а также отдельными чертами стиля. Так, например, характерно для Герцена обращение к образу Прозерпины; ср. в статье «Бруты и Кассии III отделения»: «Рассудите, барон, сами — что я за Прозерпина с бородой, и что Шувалов за Плутон с эксельбантом?» (т. XV наст. изд., стр. 154); ср. также в письме к М. Мейзенбуг от 15 ноября 1866 г.: «Прежде всего успокойтесь: я никогда не помышлял о похищении Прозерпины-Ольги, но возможно, что я возьму ее на недельку в Ниццу».

ФАЛЬШИВЫЕ МОНЕТЧИКИ ИЗ ДВОРЯН

Печатается по тексту *К*, л. 222 от 15 июня 1866 г., стр. 1820, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 428) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается пометкой Огарева на экз. „Колокола“» (*Л* XVIII, 448). Об авторстве Герцена свидетельствует также редакционный характер заметки.

СЧЕТ «КЕЛЬНСКОЙ ГАЗЕТЫ»

Печатается по тексту *К*, л. 222 от 15 июня 1866 г., стр. 1820, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 429) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается пометкой Огарева на экз. „Кол.“» (*Л* XVIII, 448). Об авторстве Герцена свидетельствует и тот факт, что просмотр иностранной прессы для «Колокола» осуществлялся обычно им самим.

ИЗ ПЕТЕРБУРГА

<МЫ ПОЛУЧИЛИ ВЧЕРА НОВУЮ КОРРЕСПОНДЕНЦИЮ...>

Печатается по тексту *К*, л. 222 от 15 июня 1866 г., стр. 1820, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Из Петербурга: Имя доктора, Толстой сечет, Трепова бьют». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 429) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается пометкой Огарева на экз. „Кол.“» (*Л* XVIII, 448).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки и прямой связью с его же статьей «Из Петербурга», напечатанной в предшествующем листе «Колокола» (стр. 84 наст. тома).

Стр. 103. ...в прошлом листе... — Имеется в виду статья Герцена «Из Петербурга» в *К*, л. 221, в первой части которой Герцен цитировал письмо петербургского корреспондента «Колокола».

...виленским жандармским полковником. — Речь идет о полковнике Лосеве. М. Н. Муравьев, назначенный 9 апреля 1866 г. председателем Верховной следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова, сразу же пригласил для работы в этой комиссии своих прежних помощников и сослуживцев. О приглашении Лосева см. в записках члена следственной комиссии П. А. Черевина (П. А. Черевин. Записки. Новые материалы по делу каракозовцев. Кострома, 1918, стр. 6).

...варшавский Гарун аль Рашид... — Герцен иронически сравнивает Ф. Ф. Трепова, занимавшего до выстрела Каракозова пост генерал-полицеймейстера и начальника 3-го округа корпуса жандармов в Варшаве, с арабским халифом, героем сказок «Тысяча и одна ночь». Ф. Ф. Трепов был назначен 17 апреля 1866 г. обер-полицейстером Петербурга вместо И. В. Анненкова, отстраненного от занимаемой должности за инертность и недостаточную распорядительность. О его действиях упоминалось ранее в письме корреспондента («Из Петербурга», стр. 84 наст. тома). См. также заметку «Трепов» (стр. 286 наст. тома).

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Печатается по тексту *К*, л. 222 от 15 июня 1866 г., стр. 1820, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 429—430) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается пометкой Огарева на экз. „Кол.“» (*Л* XVIII, 448); последнее сообщение — о двух статьях, полученных издателями «Колокола», — в издании М. К. Лемке отсутствует.

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером этой информации, а также ее связью со статьей Герцена «От государя князю П. П. Гагарину», опубликованной в том же листе «Колокола» (стр. 97—101 наст. тома).

Стр. 104. ...сверх нашей русской типографии в Женеве, есть несколько в Германии. — В это время русские издания печатались в следующих типографиях Германии: в Берлине — в типографиях К. Шульце (1856—1870); Тровича и сына (1857—1871); Розенталя и Ко (1861—1875); в Бонне-на-Рейпе — в типографии Фридриха Крюгера (1862—1868); в Дрездене — в типографии Е. Блохмана и сына (1864—1878); в Лейпциге — в типографии Ф. А. Брокгауза (1855—1873); в Наумбурге — в типографии Г. Пецца (Пецца) (1858—1879).

Мы с своей стороны предлагаем ∞ при «Колоколе» или особо. — В предыдущих листах «Колокола» несколько раз печаталось объявление о приеме заказов Вольной русской типографией в Женеве (стр. 16 наст. тома).

...основать большое «Revue»... — Первоначально Герцен предполагал выпустить новое издание совместно с Г. И. Вырубовым. Герцен сообщил Н. П. Огареву 27 августа 1866 г.: «Между прочим, у Вырубова проект издавать „Revue“. Он воротится в конце октября, — можно соединиться». Этот замысел Герцена не осуществился: в 1867 г. Вырубов совместно с Э. Литре начал издавать в Париже журнал «Revue de la Philosophie positive» (см. заметку «Положительная философия» — стр. 268 наст. тома). Затем возник проект об издании «Revue» совместно с «молодой эмиграцией». В январе 1867 г. Л. И. Мечников и Н. И. Жуковский вступили в переговоры с Н. П. Огаревым (Герцен в это время находился во Флоренции); вскоре в переговорах стал принимать участие также Н. И. Утин. В результате расхождений, возникших во время этих переговоров, издание «Revue» не осуществилось.

Превосходная статья «Non possumus» ∞ получены. — Статья «Non possumus» («Не можем») в «Колоколе» не появилась. Однако Герцен и Огарев хотели поместить ее в будущем «Revue» — см. письмо Н. П. Огарева к Н. И. Утину от конца марта 1867 г. (ЛН, т. 41—42, стр. 64). Рукопись статьи сохранилась в архиве «Колокола» (ЛН, т. 63, стр. 224—225). Вторая статья цикла «Финансовое положение» напечатана в К, 1866 г., л. 223.

<ВОЙНА>

Печатается по тексту К, л. 223 от 1 июля 1866 г., стр. 1821—1822, где опубликовано впервые, без заглавия, с подписью: И—р. Заглавие взято из ОК. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Статья Герцена «Война» под названием «Une voix russe sur la guerre» («Голос русского о войне») была перепечатана во французской газете «La Rive gauche» («Левый берег»), выходившей в Брюсселе (№ 29 от 22 июля 1866 г.).

Статья появилась в разгар войны Пруссии и Италии против Австрии, накануне решающей битвы при Садове, в которой 3 июля 1866 г. австрийские войска были разбиты прусской армией. В соответствии с расположением воюющих сторон, в этой войне сказался сложный переплет национальных отношений и интересов; так, в южных областях Германии, особенно в Саксонии, являвшейся старым союзником Австрии, сочувствие было на стороне последней, а не Пруссии; соответственно принадлежности к различным государствам, в разных лагерях оказывались и поляки.

Давний противник Австрии, как государства, угнетавшего славян (см. статью «Война и мир» в т. XIV наст. изд.), Герцен в статье «Война» выступает, однако, против обеих воюющих сторон, причем, как это видно из его писем к сыну и к М. Мейзенбуг, ему и в ближайшем семейном окружении приходилось бороться с симпатиями к Пруссии, уже не говоря об Италии, буржуазно ограниченный характер национального объединения которой давно был ясен Герцену.

С исключительной зоркостью указывает Герцен на то, что войне способствует не только «отсутствие совести и правды наверху», но и «отсутствие сознания внизу». Зная о фактах недовольства среди мобилизуемых в прусскую армию, Герцен все же предвидел, что «немецкое ополчение... будет драться».

Вся статья проникнута последовательным духом революционно-демократического и социалистического протеста против захватнических войн, несущих неисчислимые бедствия народам. И все же Герцен не сумел

оценить эту войну с точки зрения ее влияния на классовую борьбу в ту эпоху — влияния, следующим образом охарактеризованного Марксом и Энгельсом: «Эта история имеет ту положительную сторону, что она упрощает положение и тем облегчает революции, устраняет драку маленьких столиц и, во всяком случае, ускоряет развитие» (из письма Энгельса к Марксу от 25 июля 1866 года — Соч., т. XXIII, стр. 368); «разумеется, для рабочих благоприятно все, что централизует буржуазию» (из письма Маркса к Энгельсу от 27 июля 1866 г. — Соч., т. XXIII, стр. 370).

Не отметив в статье «Война» той роли, которую сыграло военно-техническое превосходство прусской армии над ее противниками, Герцен сказал об этом несколько позднее, в статье «Порядок торжествует!» (стр. 167 наст. тома) и в заключительной главе «Былого и дум» (т. XI наст. изд., стр. 512).

Стр. 105. ...чем в 1859 году.— Имеется в виду война Италии и Франции с Австрией, связанная с борьбой итальянского народа за освобождение от австрийского гнета (см. статью Герцена «Война и мир» — т. XIV наст. изд.).

...в avortement нескольких революций...— Т. е. в преждевременном и неудачном свершении революций; буквально: в выкидыше (франц.).

Стр. 106. ...самоотверженный легион «мортусов»...— Мортусы — лица, на обязанности которых лежит уход за больными во время повальных эпидемий (чума, холера) и уборка трупов (лат. mortuus — мертвец, труп).

Стр. 107. ...за будущего второго Фридриха Второго...— Т. е. за будущего Фридриха Третьего, который продолжил бы политику Фридриха Второго, прусского короля в 1740—1786 гг., стремившегося к усилению Пруссии путем захвата славянских и других чужеземных территорий. В 1866 г. прусским королем был шестидесятидевятилетний Вильгельм I, после смерти которого престол должен был перейти к его сыну — будущему Фридриху III.

Бентам называл преступников дурными счетчиками...— Имеется в виду «Traité de législation civile et pénal» Бентама (1802). См. у Герцена об этом т. IV наст. изд., стр. 266.

Стр. 108. ...очерками Эркмана и Шатриана...— Герцен имеет в виду повести Э. Эркмана и А. Шатриана «Thérèse» и «Souvenir d'un conscrit 1813». Именно эти произведения он горячо рекомендовал вниманию Н. А. Герцен и М. Мейзенбург в письме от 9 января 1865 г.: «Ярче картин из времен французских войн мало найдете». Об этих же повестях Герцен писал М. Мейзенбург 27 февраля 1864 г.

...толстовскими иллюстрированными реляциями 1805.— Имеется в виду роман Л. Н. Толстого «Война и мир», первые части которого публиковались в журнале «Русский вестник» под названием «1805 год». Вторая часть была озаглавлена «Война» («Русский вестник», 1866, №№ 2 и 4).

...шиллеровский Wallensteinslager...— «Лагерь Валленштейна» — первая пьеса драматической трилогии Шиллера «Валленштейн» из эпохи Тридцатилетней войны.

...«Und die Husaren lieblich sehr ∞ Ich liebe die Musketierte...» — Герцен цитирует следующие строки из стихотворения Г. Гейне «Песнь маркитанки» (из «Тридцатилетней войны»):

А ведь гусаров я люблю,
Я очень к гусарам склонна.
И синих и желтых люблю я, всех
Любого эскадрона.
И кирасиров я люблю,
Я так люблю кирасиров...
(Перевод Ю. Тынянова).

«СОВРЕМЕННОК» И «РУССКОЕ СЛОВО»

Печатается по тексту *К*, л. 223 от 1 июля 1866 г., стр. 1822, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. В *ОК* отсутствует. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 4—5) со следующей справкой: «принадлежность ясна из пометки Герцена на готовом экземпляре: „мос“» (*Л XIX*, 448).

Образ «длинного Панпна» соответствует оценкам этого мракобеса в других статьях Герцена (см. т. XI наст. изд., стр. 301; т. XIII, стр. 255, 265; т. XIV, стр. 247 и др.; см. также в тт. XV—XVI по именному указателю).

После слов: «окончательно запрещены» в издании М. К. Лемке добавлены отсутствующие в «Колоколе» строки: «По высочайшему повелению, вследствие доказанного с давнего времени вредного их направления», частично совпадающие с объявлением о прекращении журналов, появившимся в «Северной почте» (см. ниже в реальном комментарии).

Объявление об этом запрещении было напечатано в «Северной почте» от 3 июня 1866 г., № 118: «По высочайшему повелению, объявленному министру внутренних дел председателем комитета министров 28 минувшего мая, журналы „Современник“ и „Русское слово“ вследствие доказанного с давнего времени вредного их направления прекращены». Говоря, что «Современник» и «Русское слово» «окончательно запрещены», Герцен имел в виду, что «Современнику» еще 4 декабря 1865 г. было вынесено второе предостережение (см. заметку «Подарки к Новому году» — стр. 15 наст. тома), а «Русское слово» после выхода первого номера за 1866 г. получило третье предостережение и было приостановлено на пять месяцев.

ТРИ УБИЙСТВА В ТАМБОВЕ

Печатается по тексту *К*, л. 223 от 1 июля 1866 г., стр. 1827, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тесной идейно-тематической связью этой заметки с его многочисленными высказываниями о «военной юстиции» и о «безобразии военных судов в мирное время». Сводку данных об этих выступлениях Герцена см. в комментариях к заметке «Le Nord» (стр. 385 наст. тома).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XIX*, 6).

Заметка основана на материалах статьи «Смертная казнь в Тамбове» в «Тамбовских губернских ведомостях» от 30 апреля 1866 г., № 18, перепечатанной полностью (но без заглавия) в газете «Голос» от 28 мая 1866 г., № 145.

Печатается по тексту *К*, л. 223 от 1 июля 1866 г., стр. 1828, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется ее ответственным редакционным характером («все, сказанное нами в прошлых листах „Колокола“, оправдано вполне и пр.), а также тесной идейно-тематической связью ее с другими его заметками: «Великий заговор — большая ложь» и «Уничтожение, гонение, срытие с лица земли, приравнивание к нулю Каракозовых» (стр. 114 и 90 наст. тома). В заметке подчеркивается мысль, настоятельно проводимая Герценом в эту пору почти в каждом листе «Колокола», что заговора не было. О связи со статьей Герцена «Иркутск и Петербург» см. ниже реальный комментарий.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 111, строка 15: в ней вместо: в нем

Стр. 111. *Валуев напечатал свою энциклопедию...* Имется в виду «Общий циркуляр министра внутренних дел всем начальникам отдельных частей по ведомству министерства и гг. губернаторам и градоначальникам» от 31 мая 1866 г., опубликованный в «Официальных прибавлениях». № 16, к «Северной почте» от 2 июня 1866 г., № 117. Циркуляр сразу же был перепечатан во всех петербургских и московских газетах.

Стр. 112. *«Indépendance» думает ∞ слышителем Московского университета.* — Так сообщалось в корреспонденции из Петербурга от 10 июня 1866 г. в «Indépendance belge» от 19 июня 1866 г., № 170. Александр II приехал в Москву 25 мая 1866 г. Д. В. Каракозов был вольнослушателем Московского университета (по юридическому факультету) с осени 1864 г. по вторую половину 1865 г. (см. «Северную почту» от 13 апреля 1866 г., № 77).

...сердобскому дворянству ∞ их имени... — Речь идет о корреспонденции «Из Сердобска», напечатанной в газете «Весть» от 9 мая 1866 г., № 35; эта корреспонденция использована в заметках Герцена «Уничтожение, гонение, срытие с лица земли, приравнивание к нулю Каракозовых» и «А они все ищут заговора!» (стр. 90 и 322 наст. тома).

...студенты ходили славить Каткова, беспокоить Иверскую божью мать? — Группа студентов Московского университета приняла активное участие в «народных торжествах», имевших место в Москве 10 апреля 1866 г., присутствуя на молебне на Красной площади и отслужив молебен у часовни Иверской божьей матери (см. «Московские ведомости» от 12 апреля 1866 г., № 76). Об этом и подобных молебнах, например 7 апреля, Герцен писал в статье «Иркутск и Петербург» (стр. 59 наст. тома). 10 апреля 1866 г. студенты устроили овации издателям «Московских ведомостей» М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву (см. передовую в том же номере «Московских ведомостей»). Этот факт вызвал возмущение всей передовой общественности (см. статью «Каракозов, царь и публика» в *К*, л. 224 от 15 июля 1866 г., стр. 1834).

Об attentate, об процессе, продолжает «Indépendance», никто больше не говорит и не думает. Муравьев заговора не открыл... — В указанном выше сообщении корреспондента «L'Indépendance belge» отмечалось: «О покушавшемся больше совсем не говорят; полное безразличие пришло на смену бесконечным толкам о причинах покушения 16 апреля; даже ничего не сообщается относительно хода расследования, которое, по словам г. Муравьева, должно привести к результатам, могущим поразить и привести в негодование весь русский народ. В результате оказывается, что покушение Каракозова вовсе не было следствием огромного заговора» (перев. с франц.).

Печатается по тексту *К*, л. 223 от 1 июля 1866 г., стр. 1828, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется идейно-тематической связью заметки с его статьей о рескрипте Александра II князю П. П. Гагарину (наст. том); Герцен следил за откликами иностранной прессы на этот рескрипт (см. его письмо к Н. А. Огаревой от 13 июня 1866 г. с просьбой не уничтожать того номера газеты «Le Nord», в котором был напечатан рескрипт П. П. Гагарину). Выдержка из «Neue Frankfurter Zeitung» служит Герцену подтверждением постоянно проводившейся им мысли о том, что покушение Каракозова не было следствием заговора. Характерна для Герцена ироническая концовка заметки.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XIX*, 8—9).

П. А. МАРТЬЯНОВ

Печатается по тексту *К*, л. 224 от 15 июля 1866 г., стр. 1829, где опубликовано впервые, без подписи. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 13) со следующей справкой: «принадлежность ясна из № 2843» (*Л XIX*, 448), т. е. из письма Герцена к сыну от 7 июля 1866 г., где он сообщает: «Я Тате поручил тебе или Мальвине написать обо всех ужасах из России. Мартьянов умер...»

В пользу принадлежности заметки Герцену свидетельствует и авторская ссылка на статью «Иркутск и Петербург», где Герцен писал: «...Серно-Соловьевич умер 5 марта... Эти убийцы не дают промахов!» (стр. 58 наст. тома). Характеристика же Мартьянова в данной заметке повторяет то, что было сказано о нем ранее Герценом в статье «П. А. Мартьянов и земский царь» (т. XVIII наст. изд., стр. 11—13), и текстуально близка к следующему месту из статьи «Иркутск и Петербург»: «Другой крестьянин, который также бы защитил свою грудь своего земского царя и который совершенно невинно страдает на каторге жертвой правительственного неистовства, *Мартьянов*, так бы и поступил. Жив ли он, бедный? Или и он пошел за Михайловым и за Серно-Соловьевичем?» (стр. 60 наст. тома); ср. также со строками о смерти Мартьянова в статье Герцена «К польскому вопросу» (т. XX наст. изд.).

П. А. Мартьянов, крепостной помещика А. Д. Гурьева, выкупившийся на волю, эмигрировал из России в Лондон, где в 1861 г. познакомился с Герценом. В 1862 г. напечатал в Вольной русской типографии книгу «Народ и государство», где развил идею «народной монархии». В *К*, л. 132 от 8 мая 1862 г., за своей подписью напечатал «Письмо к Александру II», в котором просил царя созвать земскую думу. В 1863 г., возвращаясь в Россию, П. А. Мартьянов был арестован на границе по доносу шпиона М. С. Хотинского (см. «Графиня Антонина Блудова и Матфей Хотинский» в т. XVIII наст. изд.) и, приговоренный сенатом к пяти годам каторжных работ с последующим поселением в Сибири пожизненно (приговор был утвержден царем 4 ноября 1863 г.), 7 декабря 1863 г. был отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь; умер 20 сентября 1865 г. в Иркутской тюремной больнице.

Герцен узнал об этом лишь летом 1866 г.; в письме к сыну от 7 июля 1866 г., говоря об «ужасах из России», Герцен сообщает и о смерти П. А. Мартьянова.

ВЕЛИКИЙ ЗАГОВОР — БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ

Печатается по тексту *К*, л. 224 от 15 июля 1866 г., стр. 1829, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 13) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается из прямого указания Огарева в письме к сыну Герцена» (*Л XIX*, 448).

Авторство Герцена подтверждается ответственным редакционным характером заметки и тем, что она органически включается в ряд его других выступлений по делу Каракозова.

Стр. 114. «*Indépend. belge*» (3 июля) говорит ∞ а седьмой — заготовить прокламации. — Герцен передаст содержание информации петербургского корреспондента «*L'Indépendance belge*» от 24 июля 1866 г. в № 184 от 3 июля 1866 г.; сообщение о «небольшой кучке, сводящейся на семь человек», и о распределении обязанностей между членами этой «кучки» было неточным.

«Корни», которых так хвастливо кинулся искать Муравьев... — О своем настоятельном стремлении раскрыть заговор М. Н. Муравьев заявил на обеде в его честь в петербургском Английском клубе 16 апреля 1866 г. (см. заметку Герцена «Из речи Муравьева» — стр. 67 наст. тома).

...сверх комиссии по делу об аттентате ∞ в петербургском населении. — Герцен использует упомянутое выше сообщение в «*L'Indépendance belge*» от 3 июля 1866 г., № 184. Очевидно, петербургский корреспондент французской газеты неточно передает распоряжение М. Н. Муравьева о создании в дополнение к петербургской следственной комиссии по делу Каракозова московской комиссии под председательством московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова и о командировании в Москву членов Верховной следственной комиссии В. И. Дена и П. А. Черевина для дополнительных розысков (см. П. А. Черевин. Записки, Кострома, 1918, стр. 25—36; ср. *Л XIX*, 13—14).

КОЛИ НАДОБНО, ОТЧЕГО И НЕ ПОСЕЧЬ; НАШЕГО БРАТА ХОРОШО ПОСЕЧЬ

Печатается по тексту *К*, л. 224 от 15 июля 1866 г., стр. 1835—1836, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Коли надо, отчего не посечь». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 14—16) со следующей справкой: «сверено с подлинником, хранящимся в архиве семьи Герцена» (*Л XIX*, 448); текст, опубликованный в издании М. К. Лемке, не отличается от текста «Колокола».

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 115, строка 5: *рескрипта Гагарину* вместо: *рескрипта Гагарина*.

Стр. 116, строка 14: *Бошняк* вместо: *Бочиняк* (по тексту «Московских ведомостей» от 10 июня 1866 г., № 119).

Стр. 115. *Коли надобно ∞ хорошо посечь.* — Герцен перефразирует слова Селифана в «Мертвых душах» Гоголя (т. I, гл. 3).

Вот несколько выдержек из нее... — Далее Герцен цитирует (с незначительными отступлениями от источника) корреспонденцию «Из Костромы» от 26 мая 1866 г., опубликованную в «Московских ведомостях» от 10 июня

1866 г., № 119, с подписью: *И. Колычев*. Слова в скобках и все курсивы (за исключением курсива в слове «русского» в последнем предложении) принадлежат Герцену. Замечание Герцена по поводу цитируемой корреспонденции «Это уж не доносец ли?» совпало с реакцией на нее «обвиненных»: председатель костромской палаты уголовного суда П. Сальков прислал в «Московские ведомости» объяснение, почему ни он сам, ни губернатор, ни вице-губернатор Костромы не могли присутствовать на обеде 23 мая («Московские ведомости» от 20 июля 1866 г., № 152).

КАТКОВ И ГОСУДАРЬ

Печатается по тексту *Г*, л. 225 от 1 августа 1866 г., стр. 1840—1841, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

* Авторство Герцена определяется ответственным редакционным характером статьи и автобиографической реминисценцией о «благороднейшем Стаале», принимавшем участие «в нашем допотопном деле» (ср. строки о «прямодушном вопне» в «Былом и думах», т. VIII наст. изд., стр. 204—205). В статье имеются текстуальные совпадения и с высказываниями Герцена о Каткове. 15 июля 1866 г., в пору подготовки л. 225 «Колокола», Герцен писал М. К. Рейхель: «Ну вот и Катков прощен, и опять откроется клоака доносов» — ср. в комментируемой статье: «Не справился государь без Каткова и снова приставил его к тем шлюзам московской клоаки, из которой четыре года была ключом грязь и нечистота...». Характерна для синтаксиса Герцена и конструкция «ты шьешь государю»; ср. в статье «К концу года»: «Патриотические банкеты замолкли, никто не пьет Муравьеву ни просто, ни по телеграфу...» (т. XVIII наст. изд., стр. 467).

Включено в издание М. К. Лемке (7 XIX, 31—34).

С т р. 117. *Двух недель не мог государь подождать ∞ шестинедельного очищения достаточно и Каткову.*— 4 июня 1866 г. Катков послал Александру II письмо с просьбой разрешить ему вновь редактировать «Московские ведомости». С 25 июня (т. е. за две недели до истечения срока) «Московские ведомости» начали выходить под редакцией М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева. См. также стр. 395 наст. тома.

... «*Le Nord*» все проболтал ∞ о новом *Тильзите*...— Герцен имеет в виду корреспонденцию из Петербурга, опубликованную в «*Le Nord*» от 14 июля, № 195. Выразив свою радость по поводу того, что «Московские ведомости» снова начали выходить под редакцией М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, сотрудник «Норда» писал: «Уверяют, что это появление вновь на сцене журнализма двух писателей <...> произошло в результате встречи Александра с г. Катковым. Император обратился к московскому публицисту с той отеческой и ласковой речью, которой он так хорошо владеет; его величество посоветовал Каткову быть сдержанным, выразил свое огорчение по поводу его отказа от поприща, на котором он оказал важные услуги своей стране, и свое желание увидеть его вновь берущим на себя руководство „Московскими ведомостями“. Г-н Катков, чрезвычайно взволнованный, поспешил согласиться с пожеланием императора. Это такое событие, которое общественное мнение встретит с истинной радостью» (перев. с франц.).

... *патологичная роль без слов, которую играет Константин Николаевич.*— Великий князь Константин Николаевич занимал пост председателя Государственного совета, но фактически был в опале и не пользовался доверием.

...храбро отступить, как Бенедек...— 3 июля 1866 г. австрийская армия под командованием генерала Бенедека потеряла в районе Садовой и Кениггреца серьезное поражение, которое предопределило тяжелый для Австрии «Пражский мир» с Пруссией, заключенный 23 августа 1866 г. Об австро-прусской войне 1866 г. см. в статье Герцена «Война» (стр. 105 наст. тома).

Манифест Каткова о замирении ∞ в «Моск. ведомостях»...— Имеется в виду передовая статья в № 132 — первом номере, вышедшем после снятия распоряжения о временной приостановке газеты.

Стр. 118. ...патриарший трон.— После смерти патриарха Андриана в 1700 г. Петр I не назначил ему преемника, а в 1710 г. уничтожил патриаршество, заменив его церковной коллегией — Синодом, поставленным под контроль светской власти.

...лицемерный язык Магницкого... — О М. Я. Магницком, разгромившем в 1819 г. Казанский университет, и о деятельности «нео-Магницких» в пору усиления правительственной реакции после выстрела Д. В. Каракозова см. в статье Герцена «Грязь» (стр. 151 наст. тома) и в комментариях к ней.

Граф Толстой ∞ ваша специальность...— Д. А. Толстой, назначенный после выстрела Д. В. Каракозова министром народного просвещения, продолжал оставаться обер-прокурором Синода (см. заметку «Шах Константину Николаевичу», стр. 68 наст. тома и комментарий к ней).

...Некрасов ∞ до корней доберутся...— Герцен имеет в виду выступление Н. А. Некрасова в петербургском Английском клубе 16 апреля 1866 г. (см. стр. 388—389 наст. тома).

Стр. 119. «Злодеи мира, трепещите!»— Стих из «Марсельезы» Руже де Лилия, использованный Пушкиным в «Вольности» («Тираны мира, трепещите!»). Имевшая широкое распространение в рукописных списках, ода Пушкина впервые была опубликована в «Полярной звезде на 1856 год», кн. 2, стр. 3—5.

Не нынче-затра назначится суд над людьми, которых принудили в украденном от гласности следствии по каракозовскому делу.— Указом Александра II от 28 июня 1866 г. был создан верховный уголовный суд по делу Д. В. Каракозова и его «соучастников». В середине июля 1866 г. в русских газетах появилось официальное сообщение о том, что верховный уголовный суд «в непродолжительном времени должен открыть свои действия» (см. «Северную почту» от 7 июля 1866 г., № 146). Об отказе царя дать разрешение на то, чтобы Д. В. Каракозова «судить гласно», см. в комментарии к заметке Герцена «Вот вам и гласный суд!» (стр. 387 наст. тома).

...в деле Петрашевского, какой-нибудь честный старик Набоков...— Речь идет о коменданте Петропавловской крепости И. А. Набокове, который был председателем следственной комиссии по делу петрашевцев.

...как в деле Серно-Соловьевича, Назимов...— Об этом см. в статье Герцена «Дело Серно-Соловьевича» — т. XVIII наст. изд., стр. 397 и комментарий к ней.

...в угоду Муравьеву и Английскому клубу...— После выстрела Д. В. Каракозова петербургский Английский клуб стал цитаделью дворянской реакционной общности, поддерживавшей М. Н. Муравьева. В статье «Бешенство доносов» в том же 225-м листе «Колокола» Герцен охарактеризовал Английский клуб как «добавочную камеру Третьего отделения» (стр. 122 наст. тома).

...он говорит о каком-то нигилисте ∞ в Европе.— Герцен частью цитирует, частью пересказывает редакционную статью в «Московских ведомостях» от 28 июня 1866 г., № 134. «Нигилист», о котором глухо упоминает М. Н. Катков, — это И. А. Худяков, известный фольклорист, видный деятель революционно-демократического движения.

В 1865 г. Худяков ездил в Женеву для установления связей с Герценом, Огаревым и Бакуниным; вернулся в Россию в начале декабря 1865 г. (Герцен сообщал Н. А. Огаревой в письме от 28 ноября 1865 г.: «Худяков завтра отправляется в Петербург»). По приезде в Петербург Худяков установил связь с революционными кружками в Москве и, в частности, с обществами «Организация» и «Ад», руководимыми Н. А. Ишутиним. Был привлечен по делу Каракозова и осужден на вечное поселение в Сибирь. Поскольку никаких материалов о ходе следствия над «соучастниками» Д. В. Каракозова в печати не появлялось вплоть до начала августа 1866 г., можно предполагать, что сведения о «виновности» И. А. Худякова Катков получил из Верховной следственной комиссии «неофициальным путем»; об этом говорит и самая форма сообщения в «Московских ведомостях»: «Сказывают, что на Каракозова действовал нигилист, только что возвратившийся из-за границы...» Клеветническая характеристика Худякова, данная Катковым, очень близка к тому, что было сказано позднее о Худякове в официальном отчете следственной комиссии, опубликованном «Северной почтой» от 2 августа 1866 г., № 166 (об этом отчете см. в статье Герцена «Польша в Сибири и каразовское дело» — стр. 127—131 наст. тома).

В том же листе «Моск. ведом.» сам Катков говорит, что всесветная революция — химера. — В цитируемой Герценом выше передовой статье «Московских ведомостей» Катков писал: «У нас много толкуют о так называемой всесветной революции, которая будто бы имеет организованное бытие и повсюду рассылает своих агентов. Это химера, ничего подобного нет». В этой же статье Катков доказывал, что все зло — в «польской партии», в «польских патриотах».

Стр. 120. ...*доктрина слепого повиновения, высказанная одним московским доцентом.* — «Доктрина слепого повиновения» была изложена профессором Московского университета Б. Н. Чичериным во вступительной лекции к курсу государственного права, прочитанной 28 октября 1861 г. («Московские ведомости» от 31 октября 1861 г., № 238). См. об этом у Герцена также в «Новой фазе в русской литературе» (т. XVIII наст. изд., стр. 205).

...что-нибудь подобное следующим строкам «Моск. ведом.» от 3/15 июля. — Далее Герцен цитирует передовую статью «Московских ведомостей» от 2 июля 1866 г., № 138, в которой М. Н. Катков раболепно выражал свое восхищение рескриптом Александра II на имя председателя комитета министров кн. П. П. Гагарина от 13 мая 1866 г.

ПОЛЕВОЕ ВОЕННОЕ УБИЙСТВО В ХАРЬКОВЕ

Печатается по тексту К, л. 225 от 1 августа 1866 г., стр. 1844, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тесной связи этой заметки со статьей «Гуртовая бойня», в которой Герцен протестовал против «воровского ввода смертной казни» в судебную практику (о других высказываниях Герцена по поводу этих же незаконных см. в комментарии к заметке «Le Nord» — стр. 385 наст. тома). Отзыв об И. С. Аксакове в настоящей заметке близок к оценке его деятельности в статье «Гуртовая бойня»: «Пошумел Иван Аксаков, пошумели другие молодцы вместе с ним против смертной казни, да на подороге устали, отстали, прилегли отдохнуть» (стр. 150 наст. тома). Слова о поддержке газетой «День» «кровавого правительства» перекликаются с обращением Герцена к И. С. Аксакову и его сотрудникам в статье «Крепостники»: «Проснитесь, Бруты! Пока вы ликовали победу над Польшей...» (стр. 12 наст. тома).

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 35).

Заметка основана на сообщении в «Харьковских губернских ведомостях» от 29 июня 1866 г., перепечатанном в «Голосе» от 8 июля 1866 г., № 186.

БЕШЕНСТВО ДОНОСОВ

(ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ КРАЕВСКОМУ)

Печатается по тексту К, л. 225 от 1 августа 1866 г., стр. 1844, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 35—36) со следующей справкой: «принадлежность ясна из записки Огарева к А. А. Герцену, хранящейся в архиве семьи Герцена» (Л XIX, 449).

Авторство Герцена подтверждается ответственным редакционным характером статьи, а также ее идейно-тематическими и стилистическими особенностями: характерным заголовком (ср. «Бешенство цензуры» — т. XIV наст. изд., стр. 364) и начальными строками, перекликающимися с тем, что писал Герцен в статье «Иркутск и Петербург» о «полицейской мании, одной из самых крутых форм сумасшествия <...> Подозрительность, донос, клевета становятся потребностью, голодом, жаждой...» (стр. 62 наст. тома). Ср. также начало комментируемой заметки со строками из статьи «Иркутск и Петербург» о том, что «покушение 4 апреля опять рядом с искренним участием взболтает все раболепие русского общества, все полицейские мании шпионов-самозванцев, журналистов-доносчиков, литературных палачей...» (стр. 61 наст. тома). Строки об Английском клубе как «добавочной камере Третьего отделения» соотносятся со словами о «клубных воплях» в упомянутой статье, а слова об «отце доносов», «задержании Каткова», его «„рендеву“ с государем» и «чернильнице с золотым пером» — с тем, что писал Герцен о Каткове в других статьях 1866 г.

Стр. 122. ...недели две тому назад в фельетоне «Голоса»... — Имеется в виду статья («фельетон») «Путевые письма (к редактору „Голоса“), опубликованная за подписью: «Ф. Л-ов» в «Голосе» от 25 июня 1866 г., № 173.

...со времени святительства графа Толстого... — Т. е. с того момента, как обер-прокурор Святейшего синода Д. А. Толстой был назначен министром народного просвещения (14 апреля 1866 г.) — см. заметку Герцена «Шах Константину Николаевичу» (стр. 68 наст. тома).

...двух заезжих журналов... — А. А. Краевский в это время издавал газету «Голос» и журнал «Отечественные записки».

...а держание Каткова... — Речь идет о временном запрещении М. Н. Каткову редактировать «Московские ведомости» (см. об этом стр. 93 и 117—120 наст. тома).

...«рендеву» с государем и чернильницу с золотым пером. — См. комментарий на стр. 406 и 390 наст. тома.

ESS-BOUQUET «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Печатается по тексту К, л. 226 от 15 августа 1866 г., стр. 1852, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 41—42) со следующей справкой: «принадлежность ясна из пометки Н. П. Огарева» (Л XIX, 449).

Авторство Герцена подтверждается также характерностью стилистических средств, использованных в статье с целью создания сатирического образа «патриарха-редактора» «Московских ведомостей». Слова о «млении в своем величии», о «смешении себя с Романовыми» совпадают с характери-

стикой Каткова в статье «Катков и государь», где Герцен иронически сравнивает его с Наполеоном, с австрийским императором; ср. в той же статье: «И мы несколько не удивимся, если патриарх „Моск. ведомостей“, при первом параде в соборе, сядет на сиротствующий со времен неблагочестивого Петра I патриарший трон» (стр. 118 наст. тома); ср. также со словами о «царстве Каткова» в письме Герцена к В. И. Кельслеву от 9 мая 1866 г. Заглавие статьи перекликается с заголовком заметки Герцена «Эс-букет кауфманского цизеронства» (т. XVIII наст. изд., стр. 430). Этот же заголовок был использован Герценом для заметки в *К*, л. 227 от 1 сентября 1866 г., стр. 1860, с подзаголовком в скобках «№ 2».

Стр. 123. *Ess.-bouquet*... — Сокращенная форма слова «essence-bouquet» — что значит «существо», «сердцевина» («нутро»).

Только что мы заметили ∞ или называет ложно... — См. об этом в заметке «Первое заседание уголовного суда в Москве — тридцать ударов розгами» (стр. 338 наст. тома).

...отрывками, без рассуждений. — Далее цитируется с сокращениями и комментируется передовая («манифест», по определению Герцена) «Московских ведомостей» от 19 июля 1866 г., № 151; курсив Герцена. Последняя цитата в статье взята из передовой газеты от 24 июля 1866 г.

...праздник, который ему дали в университетских залах... — Имеется в виду обед, устроенный 17 июля 1866 г. в Московском университете, в знак изъявления благодарности царю, разрешившему возобновить издание «Московских ведомостей» под редакцией М. Н. Каткова за две недели до истечения срока (передовая «Московских ведомостей», № 151 от 19 июля). См. об этом в статье Герцена «Катков и государь» (стр. 117 наст. тома).

Стр. 125. *...так плохо соспитан Жуковским...* — В. А. Жуковский был воспитателем наследника престола Александра Николаевича (будущего Александра II) в 1826—1841 гг.

ЗАМЫШЛЯЕМОЕ УБИЙСТВО В РЯЗАНИ

Печатается по тексту *К*, л. 226 от 15 августа 1866 г., стр. 1852, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XIX, 43) со следующей справкой: «принадлежность ясна из пометки Н. П. Огарева» (*Л* XIX, 449).

Заметка примыкает к другим выступлениям Герцена в «Колоколе» против смертной казни (см. сводку его высказываний по этому вопросу в комментариях к заметке «*Le Nord*» — стр. 385 наст. тома). Чрезвычайно характерно для Герцена сравнение судопроизводства в России с судебными законами Англии и Франции — такое же сопоставление лежит в основе статьи Герцена «Суд в Париже и убийство в Петербурге» (стр. 297 наст. тома) и проводится им в ряде других статей и заметок о деле Березовского.

Источником для данной заметки послужило сообщение в «Голосе» от 20 июля 1866 г., № 198.

СВЯТЫЕ ТАЙНЫ И ГРЕШНЫЕ РОЗГИ

Печатается по тексту *К*, л. 226 от 15 августа 1866 г., стр. 1852, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 43) со следующей справкой: «принадлежность ясна из пометки Н. П. Огарева» (Л XIX, 449).

Авторство Герцена подтверждается тематикой заметки и некоторыми особенностями языка и стиля; ср., например, аналогичные по структуре заголовки «Царское самодержавие и студентское самоуправление», «Дух сигар и вонь Государственного совета» (т. XV наст. изд., стр. 88 и 106).

Стр. 126. В 1861 году ∞ в Тамбов прислан был ∞ Винценгероде.— Генерал-майор Ф. Ф. Винценгероде, посланный в начале 1861 г. в Тамбовскую губернию для оказания содействия местному губернскому начальству при введении в действие крестьянской реформы, в рапорте своем Александру II от 30 апреля 1861 г. сообщал о сильнейшем десятидневном возмущении крестьян в помещичьих имениях Моршанского уезда Тамбовской губернии и о примененных им карательных мерах: против крестьян были направлены войска, в результате действий которых было «телесно наказано до 60 человек» (см. Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Подготовил к печати Е. А. Мороховец. Ч. I—II, М.—Л., 1949, стр. 233). В этом же рапорте Ф. Ф. Винценгероде отмечал, что особое «усердие» в усмирении крестьян проявил жандармский штаб-офицер подполковник Дурново (там же, стр. 234).

ПОЛЬША В СИБИРИ И КАРАКОЗОВСКОЕ ДЕЛО

Печатается по тексту К, л. 227 от 1 сентября 1866 г., стр. 1853—1854, где опубликовано впервые, с подписью: И — р. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен. Лист 227 «Колокола» вышел с опозданием, как это видно из письма Герцена к сыну от 29 августа 1866 г.: «...плачь не плачь, а раньше 5 „Кол.“ не будет».

Стр. 127. ...православными краснобаями из инженерного ведомства...— Герцен имеет в виду сообщение в «Московских ведомостях» от 19 апреля 1866 г., № 82, о том, что генералы, штаб- и обер-офицеры корпуса инженеров путей сообщения обратились к г. министру путей сообщения с просьбой повергнуть к стопам государя императора выражение их чувств беспредельной верноподданнейшей преданности и благоговейной радости о чудесном спасении от злодейского покушения на жизнь его величества». В этом же сообщении указывалось, что генералы и офицеры просят разрешить учредить на их средства «стипендию 4-го апреля 1866 г.» для одного из воспитанников в Институте инженеров путей сообщения. Кроме того, в 82-м номере «Московских ведомостей» сообщалось о намерении профессоров, учащихся и служащих Института инженеров путей сообщения «соорудить в церкви института икону Спасителя и св. угодников, празднуемых 4 апреля» (см. об этом в статье Герцена «Иркутск и Петербург» — стр. 59 наст. тома).

...Лютеровой ереси à la Кауфман.— После 4 апреля 1866 г. в русских газетах постоянно печатались сообщения о том, что не только исповедующие православную религию, но и представители других вероисповеданий (католики, лютеране, протестанты, иудаисты, магометане и пр.) принимают активное участие в пожертвованиях на постройку православных храмов или их украшение, на сооружение икон и т. д. (см. об этом же в заметке «Вавилонское столпотворение» в наст. томе, стр. 338). О генерал-губернаторе Северо-западного края немце К. П. фон-Кауфмане, который в пылу усердия готов был «по службе» поцеловать руку православного попа, Герцен писал с возмущением и иронией в заметке «Поцелуй Кауфмана»

(см. т. XVIII наст. изд., стр. 448; ср. в статье «Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!» — там же, стр. 474).

Она восстала в Сибири...— Речь идет о восстании польских и русских политических ссыльных в ночь с 24 на 25 июня на Кругобайкальской дороге (в 100 км от Иркутска), в котором приняло участие свыше 700 чел. Оно распространилось по всем станциям Кругобайкальского тракта и продолжалось до конца июля 1866 г. Восстание было жестоко подавлено правительством (восставших расстреливали из артиллерийских орудий); число арестованных превышало 500 чел. Следственная комиссия, созданная под председательством генерал-майора Ольденбурга в августе 1866 г., привлекла к делу более 700 чел. См. об этом восстании также в ЛН, т. 62, стр. 569—570. Сообщения о восстании поляков в Сибири стали появляться в центральных газетах только в начале августа 1866 г. — и то в форме частных корреспонденций (см. «Московские ведомости» от 5 и 10 августа 1866 г., №№ 164 и 167; «С.-Петербургские ведомости» от 3 августа 1866 г., № 210). Официальные данные о событиях в Сибири были опубликованы только в середине августа 1866 г. (см. статью «О возмущении поляков в Сибири» в «Северной почте» от 17 августа 1866 г., № 177). О приговоре иркутского военно-полевого суда см. в статье «Наше правосудие» (стр. 222 наст. тома).

«Поляки ретировались в лес (до леса, острят мокрые кровью «Моск. вед.») ∞ от личны ми стрелками».— Герцен цитирует письмо из Иркутска от 3 июля 1866 г., приведенное в статье «Возмущение ссыльных поляков в Сибири» («Московские ведомости» от 5 августа 1866 г., № 164).

«Вот, говорит, какова благодарность ∞ облегчила участь!» — Сокращенная цитата из той же статьи в № 164 «Московских ведомостей»; слово «говорит» — вставка Герцена.

...путятинские матрикулы...— Речь идет о студенческих волнениях осенью 1861 г., связанных с введением по распоряжению министра просвещения Е. В. Путятина новых университетских правил. По этим правилам уничтожались остатки студенческого самоуправления, учреждался полицейский надзор над студентами и вводились билеты для входа в университет (матрикулы). См. об этом в т. XV наст. изд., стр. 180 и 183.

...то нигилисты переведут Фогта...— См. об этом заметку Герцена «Фогт, Дарвин, Молешотт, Бокль» (стр. 131 наст. тома) и комментарий к ней.

...напечатанные в «Северной почте».— Далее Герцен излагает и частично цитирует официальный отчет о результатах работы Верховной следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова, напечатанный в «Северной почте» от 2 августа 1866 г., № 166; в цитате на стр. 129 и 130 курсив Герцена.

Стр. 130. *Об убийстве Бориса Годунова...*— Борис Годунов скоропостижно скончался 13 апреля 1605 г. в возрасте 53-х лет; его неожиданная смерть вызвала предположения о возможном самоубийстве и даже об отравлении (см. Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. XI, глава 2, «Кончина Годунова»).

Это была наша Magna Charta.— Magna Charta libertatum (лат.)— Великая хартия вольностей, государственный акт 1215 г., ограничивший английскую королевскую власть и положенный в основу государственного устройства Англии.

«Часть из участников, сознавая чистосердечно в оных...»— В «Колоколе» здесь пропуск; в цитируемом тексте: «Часть из участников в вышеупомянутых преступных замыслах, чистосердечно признаваясь в оных...» («Северная почта» от 2 августа 1866 г., № 166).

...храбрый Сеславин доносов в «Моск. вед.» указал без имени на экс-министра Головнина ∞ и вас и вашего великого князя Катков доведет.— Герцен иронически сравнивает нападки М. Н. Каткова на министра народного просвещения Головнина с партизанскими действиями генерал-майора

А. Н. Сеславина в войну 1812 г. В редакционной статье «Московских ведомостей» от 4 августа 1866 г., № 163, говорилось, что вплоть до недавнего времени (т. е. до смещения А. В. Головнина) в журналистике (т. е. прежде всего в «Современнике» и «Русском слове») имели место «неслыханные сатурналии бесстыдства и надругательства над здравым смыслом, которые не были бы возможны ни в каком цивилизованном обществе, но которые пользовались у нас авторитетом административного одобрения, как бы узаконявшего их».

«ФОГТ, ДАРВИН, МОЛЕШОТТ, БОКЛЬ»

Печатается по тексту *К*, л. 227 от 1 сентября 1866 г., стр. 1859, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену устанавливается на основании тесной связи с его высказываниями на ту же тему в письмах и статьях этой поры. Так, например, Герцен писал К. Фогту 9 мая 1866 г.: «Ваше имя упоминается в доносах Каткова. Он утверждает, что молодое поколение развращается вашими сочинениями и книжками Молешотта, которые переводились специально для этого. Со стороны холеры-полиции можно ждать всякой глупости». О резко отрицательном отношении петербургского губернского предводителя дворянства графа В. П. Орлова-Давыдова к сочинениям английского историка-позитивиста Г. Т. Бокля Герцен писал неоднократно в статьях 1865—1866 гг.: «Поправки и дополнения», «К концу года», «Крепостники» (т. XVIII наст. изд., стр. 329, 462; стр. 11 наст. тома); ср. также в статье Герцена «Из Петербурга»: «...вслед за благодарностью журналисту-доносчику явился с своей плоской речью Орлов-Давыдов, требуя ограничения самовластья и книгопечатания (у нас-то!), брая произвол чиновников и перевод Бэкла...» (стр. 87 наст. тома). Столь же характерно для Герцена упоминание о «духовных министрах»; ср. в статье Герцена о рескрипте Александра II князю П. П. Гагарину строки о «Толстом, министре *духовных дел*» (стр. 97 наст. тома).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XIX, 56).

Стр. 131. Их сочинения велено отобрать у книгопродавцев.— 16 сентября 1866 г. был наложен арест на выпущенную в свет шестую часть «Сочинений Д. И. Писарева», две первые статьи которой — «Процесс жизни („Физиологические письма“ Карла Фогта)» и «Физиологические эскизы Молешотта» представляли собою перепечатку из журнала «Русское слово» (1861, кн. 7 и 9). Статьи Писарева обратили на себя особое внимание петербургского цензурного комитета как «отличающиеся крайним материалистическим направлением». Арест с книги снят был 16 августа 1867 г. Особых распоряжений о запрещении сочинений Фогта, Дарвина, Молешотта и Бокля не было.

ОПАСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АМЕРИКАНЦА КЛЕЯ

Печатается по тексту *К*, л. 227 от 1 сентября 1866 г., стр. 1859, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется текстуальными совпадениями с его высказываниями об американском президенте А. Джонсоне в письме к М. Мейзенбуг от 15 декабря 1865 г.: «Читали ли вы послание президента Джонсона? Черт возьми, настоящий портной!..», а также в пятом письме цикла «Письма к будущему другу» (т. XVIII наст. изд., стр. 94).

25 июля 1866 г. в Петербург прибыла американская дипломатическая миссия для того, чтобы поздравить Александра II с благополучным сохранением жизни и поднести ему адрес Вашингтонского конгресса «с выражением сочувствия и уважения всей американской нации» («Московские ведомости» от 30 июля 1866 г., № 159). Миссию возглавлял посланник американского Конгресса, член Вашингтонского кабинета Густав Фокс.

Стр. 132. ...как они напечатаны в «Голосе»...— Далее приводится (с небольшими сокращениями) отрывок из речи посла США в России К.-М. Клея, произнесенной на банкете в кроштинской городской думе 29 июля 1866 г. («Голос» от 6 августа 1866 г., № 215).

ССОРА МЕЖДУ ВРАГАМИ, СЕПАРАТИЗМ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Печатается по тексту К, л. 227 от 1 сентября 1866 г., стр. 1860, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Ссора между врагами». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 56—58) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается подлинником, хранящимся в архиве семьи Герцена, исправленным и дополненным в печати» (Л XIX, 449).

Авторство Герцена подтверждается тесной идейно-тематической связью статьи с целым рядом выступлений Герцена на страницах «Колокола» по поводу процесса Каракозова, на которые имеется ссылка в комментируемой статье: «Ну кто же не видит, как мы были правы, указывая всю нелепость примешивания к делу Каракозова социализма, нигилизма, психизма, реализма, материализма, журнальных статей, студенческих диссертаций и проч.?» Герцен, говоря о переходе Каткова в лагерь реакции в начале 1860-х гг., неоднократно отмечал, что в связи с этим изменилось и отношение Каткова к Гнейсту. Ср. в статье «Какое правление в России?»: «Начальник „Московских ведомостей“ „тем себя прославил“, что он по Гнейсту и по другим немцам проповедовал с школьным ожесточением английскую конституцию, английский суд (...), а теперь он с еще большим ожесточением защищает правительство, вверившее ему его столь важный пост»— т. XVII наст. изд., стр. 145; ср. также статьи «Логика падения» и «Правительственная агитация и журнальная полиция» (т. XVIII наст. изд., стр. 109 и 273).

В текст в настоящем издании внесено исправление:

Стр. 135, строка 20: «Моск. вед.», № 168 вместо: «Моск. вед.», № 138 (по источнику цитаты).

Стр. 133. ...прощенный государем, не простил Валугу...— См. об этом в статьях и заметках Герцена «Второе предостережение и второй Годунов», «Задержанье „Моск. ведомостей“», «Катков и государь» в наст. томе.

...статье, напечатанной в официальном журнале ∞ досталось...— Герцен имеет в виду отклик на статью «Северной почты» (№ 167) в передовой статье «Московских ведомостей» от 11 августа 1866 г., № 168.

Стр. 135. ...одного из обвиненных...— В № 168 «Московских ведомостей» М. Н. Катков, имея в виду И. А. Худякова, доказывал, что главным преступником является «тот непоименованный в статье <«Северной

почты)» агент, живший в Петербурге, издававший народные книги и сздивший летом прошлого года за границу» (ср. в статьях Герцена «Катков и государь» и «Заговора не было!»), стр. 119 и 144 наст. тома).

...н е у л о в и м ы й намеk ∞ подразумевается и Суворов, и великий князь, и la bête noire Головинн. — Об отставке петербургского генерал-губернатора кн. А. А. Суворова и министра народного просвещения А. В. Головнина как о признаке усиления реакционного курса правительственной политики после выстрела Д. В. Каракозова см. в заметках Герцена «Шах Константину Николаевичу» и «Барометр на градус ниже» (стр. 68 и 93 наст. тома.). La bête noire — пугало (франц.).

ФОНД ДЛЯ ЭМИГРАНТОВ

Печатается по тексту К, л. 227 от 1 сентября 1866 г., стр. 1860, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тем, что Общим фондом для эмигрантов ведал он сам. Это ясно выражено в заметке «Общий фонд <За отъездом из Женевы...>» (стр. 324 наст. тома).

Включено в издание М. К. Лемке (*И XIX*, 59).

Об основании при редакции «Колокола» для поддержки русской революционной эмиграции Общего фонда см. в объявлении «От издателей» (т. XVI наст. изд., стр. 98 и комментарий к ней). В первые два года существования фонда средства (хотя и незначительные) поступали сравнительно регулярно, но потом присылки резко сократились (см. заметку об Общем фонде в т. XVIII наст. изд., стр. 486). В течение всего 1865 г. было только одно поступление (см. сообщение о нем в т. XVIII наст. изд., стр. 487); его и имеет в виду Герцен, говоря, что «больше года как никто не посылал ни одной копейки».

В сентябре 1866 г. Общий фонд пополнился средствами, переданными из Кассы взаимного вспоможения русских эмигрантов в Женеве (см. стр. 324 наст. тома). В мае 1867 г. Общий фонд прекратил свое существование при редакции «Колокола»; оставшиеся средства были переданы в распоряжение Л. Чернецкого, содержателя русской типографии в Женеве (см. стр. 327 наст. тома).

<ВИСЕЛИЦА И МУРАВЬЕВ>

Печатается по тексту К, л. 228 от 1 октября 1866 г., стр. 1861, где опубликовано впервые, без заглавия, с подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

С т р. 137. *Одни глупцы ∞ смысл бранный.* — Герцен имеет в виду полемику по поводу его статьи «Иркутск и Петербург», где он назвал Д. В. Каракозова «фанатиком» (см. стр. 71 наст. тома).

Судьбы совершились прежде над палачом, чем над осужденным. — Председатель Верховной комиссии по делу Каракозова М. Н. Муравьев умер скоропостижно в своем именье в Лужском уезде в ночь с 28 на 29 августа 1866 г.; Д. В. Каракозова повесили в Петербурге на Семеновском поле 3 сентября 1866 г. В письме к М. Мейзенбуг от 18 сентября 1866 г. Герцен писал: «А смерть Муравьева накануне казни Каракозова... Есть над чем призадуматься».

...от царских именин... — Именины Александра II праздновались 30 августа, в день Александра Невского.

...брильянтовые знаки Андрея?— Приказ о награждении орденом Андрея Первозванного и самые знаки отличия были доставлены М. Н. Муравьеву 30 августа 1866 г., но «посланный с царскою милостью уже не застал его в живых» («Московские ведомости» от 1 сентября 1866 г., № 182).

Стр. 138. ...ее последнюю видели они, отплывая...— Американская дипломатическая миссия (см. комментарий к стр. 132 наст. тома) выехала из Петербурга пароходом днем 3 сентября 1866 г.; Д. В. Каракозова повесили в этот же день в 7 час. утра.

...и звуки «Янки дудель», перемешанные с «камариным мужиком»...— «Jankee doodle» («Янки-бездельники») — американская народная песня. Сотрудник газеты А. А. Краевского «Голос» писал, что во время посещения американцами Павловска (под Петербургом) 1 августа 1866 г. «рядом с Yankee doodle раздавалась камариная» («Голос» от 3 августа 1866 г., № 212).

...из бонарттьевского «Guidizio»...— Фреска Микеланджело Буонарроти «Страшный суд» на алтарной стене Сикстинской капеллы в Риме.

...из «небожеской комедии».— Речь идет о первой части поэмы Данте Алигьери «Божественная комедия» — «Ад».

...блудовское донесение с полным приговором суда.— Д. Н. Блудов как делопроизводитель следственной комиссии по делу декабристов скрепил своей подписью «Донесение следственной комиссии 30 мая 1826 г.» (приложение к газете «Русский инвалид» от 12 июня 1826 г., № 138). Он же был и составителем этого документа. Текст приговора был включен в «Доклад верховного уголовного суда» («Русский инвалид» от 16 июля 1826 г., № 168—169).

АМЕРИКА И РОССИЯ

Печатается по тексту К, л. 228 от 1 октября 1866 г., стр. 1861—1862, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется воспоминанием о том, что «нами было сказано <...> восемь лет тому назад» и автоцитатой.

Включено в издание М. К. Лемке, без цитаты (Л XIX, 62—63).

Стр. 139. «Тихий океан — Средиземное море будущего».— Эту формулу Герцен впервые употребил в 1853 г., в своей статье «Крещеная собственность» (см. т. XII наст. изд., стр. 110), затем — в «Былом и думах», гл. XV (т. VIII наст. изд., стр. 256); в качестве эпиграфа эта формула применена Герценом в статье «Америка и Сибирь» (см. т. XIII наст. изд., стр. 398).

Все русские и нерусские газеты ∞ союзничества с Россией.— Поводом для таких «вестей» послужило пребывание в России американской дипломатической миссии с конца июля до начала сентября 1866 г. (см. об этом в комментарий к заметке «Опасное положение американца Клея» — стр. 414 наст. тома).

...в нашей передовой статье 1 декабря 1858, в «Нолоколе»...— Далее Герцен цитирует свою статью «Америка и Сибирь» с небольшим разночтением в последней фразе (ср. т. XIII наст. изд., стр. 399). См. также примечание Герцена к статье «Письмо москвича» (стр. 320 наст. тома).

ДЕЛО РЯДОВОГО НЕВЕДОМСКОГО

Печатается по тексту К, л. 228 от 1 октября 1866 г., стр. 1867, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании многочисленных идейно-тематических связей с его статьями и заметками в «Колоколе». В пору процесса Каракозова Герцен особенно резко разоблачал мнимую «гласность» русского судопроизводства и несоответствие его судебным уставам 1864 г. Так, например, в статье «Виселица и Муравьев» он утверждал: «Перед казнью в 1826 году было напечатано блудовское допесение с полным приговором суда. Не правда ли, как в *сорок лет*, после всех криков, хвастовства и шарлатанства, подвинулась у нас гласность, законность, понятие юридической защиты, права?..» Столь же характерно для Герцена сопоставление судопроизводства в России, Англии и Франции; ср. в статье «После смерти»: «И в то же самое время в Англии освободили без наказания волонтера-ирландца, который под хмельком говорил, что намерен убить принца Вельского!» (стр. 56 наст. тома).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XIX, 63).

Стр. 141. «У нас так же свободно говорят, как в Нью-Йорке». М. Погодин в речи к американским послам. — М. П. Погодин сказал, обращаясь к представителям американской дипломатической миссии на обеде в московской городской думе 13 августа 1866 г.: «Мы, русские, благодаря нашему милостивому государю, начинающему новую эру в нашей истории, говорим и рассуждаем так же свободно, как говорят и рассуждают в Нью-Йорке» (статья «Американское посольство в Москве» — «Московские ведомости» от 14 августа 1866 г., № 171, и «Голос» от 18 августа 1866 г., № 227).

«Московские ведомости» сообщают ∞ по делу о рядовом Не в е д о м с к о м ... — Информация эта появилась в «Московских ведомостях» от 10 августа 1866 г., № 167.

«ИКОНОБОРСТВО БЕЗАКА В ПОДОЛЬСКОЙ ГУБ.»

Печатается по тексту Ж, л. 228 от 1 октября 1866 г., стр. 1867, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОЖ. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену устанавливается на основании текстуального совпадения строк о Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе Безаке с неоднократными высказываниями о нем Герцена на страницах «Колокола». Ср. в статье «Грязь»: «Неизвестного вероисповедания Безак, иконоборец киево-печерский, нашел в своем крестовом походе против *зablуждений креста* яростного помощника в „Дневнике варшавском“» (стр. 153 наст. тома); ср. также в статье «Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!»: «...когда возле другой агитатор (не из немцев, даже бог знает из кого) — Безак *переводит* католичество на русский язык...» (т. XVIII наст. изд., стр. 476). О «пошлом хапжестве», «византийском хапжестве», которым сопровождался террор, Герцен также писал неоднократно (см. статьи «Катков и государь» и «Грязь» в настоящей томе).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XIX, 63); напечатаны только вступительные строки.

«Предложение начальника Подольской губернии уездным исправникам и мировым посредникам относительно постановки крестов», о котором идет речь в заметке, было опубликовано в «Современном листке политических, общественных и литературных известий» от 20 августа 1866 г., № 67, и перепечатано в «Голосе» от 2 сентября, № 242. Курсив в цитате принадлежит Герцену.

«БИОГРАФИЯ» МУРАВЬЕВА ВЕШАТЕЛЯ»

Печатается по тексту *К*, л. 228 от 1 октября 1866 г., стр. 1868, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется ее редакционным характером и тесной связью со статьей Герцена «Виселица и Муравьев» в том же л. 228 «Колокола».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XIX*, 64).

Стр. 143. ...брошюру князя Долгорукова о Муравьеве, изданную им в Лондоне в 1864 г. ...—Первоначальный вариант своей статьи о министре государственных имуществ М. Н. Муравьеве П. В. Долгоруков напечатал, под названием «Министр Муравьев», в Лейпциге в журнале «Будущность» (№ 5 от 25 декабря 1860 г.; № 6 от 15 января 1861 г.). В дополненном и несколько переработанном виде статья была опубликована в журнале «Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым» (№№ 13, 14 и 15 от 20 и 27 октября и 24 ноября 1863 г.). Тогда же П. В. Долгоруков в собственной типографии в Лондоне напечатал отдельной брошюрой текст своей статьи, опубликованной в «Листке», под названием «Михаил Николаевич Муравьев, соч. князя Петра Долгорукова. Biographic de M. Mouraview». Это издание и имеет в виду Герцен.

Заговорщик, выходящий из тюрьмы с повышением чина...— М. Н. Муравьев входил в Союз спасения, участвовал в составлении устава Союза благоденствия; после восстания в Семеновском полку (1820 г.) отошел от политического движения. Привлекался по делу 14 декабря, но был оправдан; после освобождения из-под ареста получил чин статского советника и назначен вице-губернатором в Витебск.

ЗАГОВОРА НЕ БЫЛО!

Печатается по тексту *К*, л. 229 от 1 ноября 1866 г., стр. 1869, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола»; заглавие набрано крупным шрифтом. Автограф неизвестен.

О времени написания статьи известно из писем Герцена. 20 октября 1866 г. он писал Огареву из Лозанны: «Никакой статьи Каткова о Худякове не видел, посмотри еще». Но уже 23 октября 1866 г. Герцен сообщал Огареву: «Я написал <...> несколько строк о Каткове по поводу Худякова; их я написал с плеча и послал Чернецкому на перечитывая».

24 сентября 1866 г. Верховный уголовный суд под председательством П. П. Гагарина вынес свое решение по делу 34-х «соучастников» Д. В. Краковского. Предварительный текст приговора, состоящий из 16-ти пунктов, появился в русских газетах от 25 и 26 сентября 1866 г. Через несколько дней газеты опубликовали подробное описание дела и полный текст приговора, состоящий из 34-х пунктов («Судебный вестник» от 3 октября 1866 г.; № 52, приложение; «Северная почта» от 4 октября 1866 г., № 211; «Московские ведомости» от 5 октября 1866 г., № 207).

Стр. 144. ...как беснуется Катков ∞ что Худякова не повесили...— В передовой статье «Московских ведомостей» от 28 сентября 1866 г., № 202, М. Н. Катков выразил свое недоумение по поводу якобы слишком мягкого решения Верховного уголовного суда в отношении И. А. Худякова: «обвинение преследовало Худякова как главного зачинщика; в приговоре же лицо это поставлено на одно из средних мест, именно пятое». О настоятель-

ном стремлении Каткова представить Худякова главным преступником см. также в статье Герцена «Ссора между врагами, сепаратизм „Московских ведомостей“» (стр. 135 наст. тома).

...*Маркс искал ∞ и литератора Каткова?*...—См. текст приговора и описание дела в наст. томе, стр. 146 и 204—205.

ПРИГОВОР ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

Печатается по тексту *К*, л. 229 от 1 ноября 1866 г., стр. 1869—1870, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется следующими данными. Статья «Приговор верховного уголовного суда», напечатанная в «Колоколе» сразу после статьи Герцена «Заговора не было!», состоит из двух частей, подготовленных в разное время. Первая часть (стр. 1869—1870) представляет собой пабранный петитом текст приговора по делу 34-х «соучастников» Каракозова (см. комментарий к статье «Заговора не было!»). Герцен узнал о приговоре в Базеле, очевидно, из иностранных газет (см. в его письме к М. Мейзенбуг от 9 октября 1866 г.: «Написавши все это, я прочел в газетах об осуждении 34 человек к виселице в России. Правда это или нет?»). Когда пришли русские газеты, текст приговора было решено включить в очередной (229-й) лист «Колокола».

Затем русские газеты напечатали «Высочайшее повеление» от 4/16 октября 1866 г. об отмене смертной казни для Ишутина и некотором смягчении меры наказания для остальных (см. «Сенатские ведомости» от 4 октября, № 79, и «Северная почта» от 5 октября, № 212).

Герцен узнал об этом в Лозанне 18 октября и поспешил сообщить в Женеву; см. в его письме к С. Тхоржевскому от 18 октября: «Ишутина не казнят — и то слава богу»; см. также об этом в письме к сыну от 19 октября 1866 г. После этого печатать в «Колоколе» один приговор Верховного уголовного суда было бесцельно — следовало сообщить об изменении приговора и выразить свое отношение к самой процедуре суда. Герцен писал Огареву 23 октября 1866 г.: «Все касающееся до каракозовского дела надобно пересмотреть» (в 229 листе каракозовскому делу были посвящены только статья «Приговор верховного уголовного суда» и полемическая заметка Герцена «Заговора не было!»).

Выраженное в статье возмущение решением правительства судить Каракозова и его «сообщников» закрытым судом переключается с тем, что писал Герцен в статье «Катков и государь»: «Не нынче-завтра назначится суд над людьми, которых припутали в украденном от гласности следствии по каракозовскому делу»; ср. в статье «Виселица и Муравьев»: «Будем с нетерпением ждать продолжения безгласного процесса: теперь пойдет одна ложь, только ложь». Относительно обвинения Чернышевского по фальшивым документам Герцен также писал в «Колоколе» неоднократно; см., например, в заметке «Из речи Муравьева»: «Или он уже заготовил бумаги, фальшивые документы, как в деле Чернышевского?» (стр. 67 наст. тома).

Стр. 148. *Затем была напечатана голословная статья...*— Имеется в виду передовая статья в газете «Голос» от 11 октября 1866 г., № 281. См. об этом также заметку «Вот вам и гласный суд!» и комментарий к ней в наст. томе.

ГУРТОВАЯ БОЙНЯ

Печатается по тексту *К*, л. 229 от 1 ноября 1866 г., стр. 1870—1871, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* озаглавлено вместе со следующей заметкой: «Гуртовая бойня и Грязь». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 83—84) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается пометкой Чернецкого на корректуре» (*Л XIX*, 450).

Авторство Герцена подтверждается ответственным редакционным характером статьи и ее содержанием — решительным протестом против смертных приговоров, выносимых военными судами в мирное время; ср. в статье «Военная юстиция»: «Нам столько раз приходилось говорить о безобразии военных судов в мирное время и о кровавых приговорах...» (стр. 73 наст. тома; см. также комментарий к заметке «Le Nord» — стр. 385 наст. тома). В характеристике «скромного Владимира-на-Клязьме» сказались, по-видимому, воспоминания Герцена лет ссылки.

В статье также нашли отражение черты публицистического стиля Герцена: острая ирония в оценке позиции И. С. Аксакова; образная лексика: «бешенство крови» — ср. «бешенство рабства» в статье «Катков и государь» и «Бешенство доносов» в одноименной статье Герцена в наст. томе, строки о «генерале-от-косы Сатурне» напоминают «Прозерпину-от-инфантерии» в заметке Герцена «Прозерпина-Муравьев» (стр. 102 наст. тома).

Показательна для Герцена и характеристика митрополита московского Филарета как «защитника розог» (см. об этом ниже).

Стр. 149. В скромном Владимире-на-Клязьме ∞ к р а с с т р е л я н и ю. — Это сообщение Герцен взял из «Голоса» от 13 сентября 1866 г., № 253.

Хоть бы до неприличности долго святительствующий Филарет Московский и Коломенский, защитник розог... — Филарет стал митрополитом московским с 1826 г. В ответ на «Записку об отмене телесных наказаний» Н. А. Орлова (см. о ней в статье Герцена «Князь Орлов и Филарет-митрополит» в т. XVI наст. изд., стр. 283) Филарет подал 16 сентября 1861 г. на имя обер-прокурора Святейшего синода Д. А. Толстого свою секретную «Записку о телесных наказаниях с христианской точки зрения». Текст этой записки, опубликованной в *К*, л. 130 от 22 апреля 1862 г., Герцен охарактеризовал как «архипастырское розгословие» (т. XVI наст. изд., стр. 284), как «духовную защиту телесного стегания» (там же, стр. 89). С этого времени Герцен, говоря о Филарете, постоянно напоминал читателям «Колокола» о рьяной защите Филаретом телесных наказаний (ср. т. XVI, стр. 105, 199 и др.).

Стр. 150. ...иконописных образов св. Иосифа... — Т. е. св. Иосифа Песнопевца в честь «спасителя царя и отечества» Осипа Ивановича Комиссарова.

В таганрогской местной газете ∞ приговорены к смертной казни растреляние м. — Цитата из «Голоса» от 6 сентября 1866 г., № 246; курсив Герцена.

ГРЯЗЬ

Печатается по тексту *К*, л. 229 от 1 ноября 1866 г., стр. 1871—1872, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОК* озаглавлено вместе с предшествующей статьей: «Гуртовая бойня и Грязь». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 84—88) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается пометкой Чернецкого на корректуре» (*Л XIX*, 450).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером статьи («На нас находят сомнения, выписывать или нет из русских газет...»), а также некоторыми характерными особенностями ее стиля. Слово «грязь»

было для Герцена синонимом реакции во всех ее проявлениях. Ср., например, в статье «Катков и государь»: «Все это вранье, наужешное в грязи полицейских рапортов и в еще вящей грязи собственного воображения...» и в статье «Виселица и Муравьев» — «тяжелый, кровавый, грязный период» (стр. 119—120 и 138 наст. тома).

Стр. 151. ...новый Апраксин двор...— Апраксин двор сгорел 28 мая 1862 г. В его поджоге правительство и реакционная печать ложно обвиняли «нигилистов». О том, что Апраксин двор был заново отстроен в 1863 году, Герцен, очевидно, не знал.

Стр. 152. ...что не запрещено, как «Современник» и «Слово», не приостановлено, как «СПб. ведомости»...— Журналы «Современник» и «Русское слово» были закрыты по «высочайшему повелению» в конце мая 1866 г.; «С.-Петербургским ведомостям» 2 сентября 1866 г. было вынесено третье предостережение с временной приостановкой на три месяца.

Стр. 152—153. «По случаю холеры ∞ быть не может».— Цитируется речь министра народного просвещения гр. Д. А. Толстого, обращенная к учителям Саратовской гимназии (см. «Московские ведомости» от 11 сентября 1866 г., № 190). Член Главного правления училищ М. Л. Магницкий, с которым Герцен сравнивает Д. А. Толстого, в 1819 г. разгромил Казанский университет, обвинив его профессоров в проповеди атеизма.

Стр. 153. ...ливерийный холер реакции вторит барину...— Далее цитируется передовая статья М. Н. Каткова в «Московских ведомостях» от 13 сентября 1866 г., № 192; в скобках — слова Герцена.

...в «Северной почте» ∞ и книг специально ученых.— Имеется в виду официальное заявление, напечатанное в «Северной почте» от 6 сентября 1866 г., № 191.

Неизвестного вероисповедания Бевак ∞ а б л у ж д е н и й к р е с т а...— См. об этом в заметке Герцена «Иконоборство Безака в Подольской губ.» (стр. 142 наст. тома).

Стр. 153—154. Это напоминает старого кощуна Муравьева: когда началось у нас движение против пьянства ∞ если этот циркуляр забьли, мы можем его перепечатать.— О циркуляре М. Н. Муравьева, в 1857—1861 гг. министра государственных имуществ, см. в корреспонденции «Меры правительства относительно трезвости» (Ж, л. 76 от 15 июля 1860 г., стр. 634—635).

Стр. 154. ...резное изображение Христа — суздальскому...— По уставу русской православной церкви запрещались иконы резные и отливные (т. е. рельефные). Кустарным, топорным производством икон отличались мастера города Суздаля.

...Жуковский и Пыпин ∞ а т о , ч т о б р а н я т с я!— Ю. Г. Жуковский, автор статьи «Вопрос молодого поколения» («Современник», 1866 г., № 3) и ответственный редактор «Современника» А. Н. Пыпин были привлечены к суду за «оскорбление дворянского земледельческого сословия». Петербургский окружной суд в заседании 25 августа 1866 г. оправдал их, что вызвало аплодисменты публики. Под давлением министра внутренних дел П. А. Валуева прокурор опротестовал решение окружного суда. 4 октября 1866 г. дело Жуковского и Пыпина разбиралось вновь — в петербургской судебной палате; Жуковский и Пыпин были приговорены к штрафу по 100 р. каждый и к аресту на военной гауптвахте в течение трех недель.

...дело кандидата в мировые посредники К о л ю б а к и н а...— Материалы об этом были опубликованы в газете «Весть» от 12 и 15 сентября 1866 г., №№ 71 и 72.

Стр. 155. ...какого-то тайного и какого-то явного статского советника послали в Сибирь на поселенье — за в о р о в с т в о!— Имеется в виду

дело по обвинению тайного советника И. С. Гаевского и статского советника П. И. Яковлева в расхищении казенных денег в сумме 75 931 р. из кассы ведомства духовных училищ. Решением кассационного департамента Правительствующего сената от 15 сентября 1866 г. Гаевский был приговорен к ссылке в Сибирь пожизненно, а Яковлев — к ссылке в Иркутскую губ. на 8 лет (см. «Голос» от 16 сентября 1866 г., № 256).

«GMINA»

Печатается по тексту *К*, л. 229 от 1 ноября 1866 г., стр. 1875, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

Журнал «Gmina» («Община»), орган польской революционной эмиграции, издавался в Женеве с 20 сентября 1866 г. по 15 июля 1867 г.; всего вышло восемь номеров. Первые номера «Гмины» печатались в Вольной русской типографии; редакторами-издателями были Юзеф Бжезинский и Юзеф (Осип) Токажевич.

В предыдущем листе «Колокола» (л. 228 от 1 октября 1866 г., стр. 1868) было напечатано сообщение (на польском языке) о том, что «„Gmina“, новый польский журнал, выходящий в Женеве, продается в книжном магазине Георга <...> и в типографии Pré l'Evêque, 40» (т. е. в Вольной русской типографии). Это сообщение было вызвано просьбой одного из издателей «Гмины» О. Токажевича, который писал Герцену из Парижа 9 июля 1865 г.: «В „Колоколе“, если вы столь добры, милостивый государь, можно поместить краткое известие о нашем предприятии, но без подписи, без имени» (*ЛН*, т. 62, стр. 578).

Герцен постоянно положительно отзывался о «Гмине», защищал ее от нападков реакционной польской печати — см. заметки «Полноте врать!» и «Опять вранье» (стр. 263 и 276 наст. тома). В заметке «Польское дело» (см. стр. 299 наст. тома) Герцен вновь подчеркивал близость позиций «Гмины» и «Колокола», и прежде всего в вопросе общинного социализма.

Когда у издателей «Колокола» возникли резкие разногласия с русской и польской эмиграцией по поводу статьи Огарева «Продажа имений в Западном крае» (*К*, л. 229 от 1 ноября 1866 г.), «Гмина» выступила с поддержкой позиции «Колокола» (см. комментарий к листовке «Нашим польским братьям» — стр. 426—427 наст. тома).

Стр. 156. «С вашим трудом мы приходим ∞ вашему стыдом». — Цитата из обращения к редакторам «Колокола», опубликованного в первом номере «Гмины» от 20 сентября 1866 г., с подписью «Издатели „Гмины“» и с пометой: «Париж, 30 августа 1866 г.». Герцен выпустил следующие слова, идущие сразу после первого предложения: «Мы хотим говорить Польше, как вы России, что единственным врагом славянских земель является их собственная неспособность, их собственная незрелость, чем тиранствующие и подлые правительства только и пользуются. Мы хотим поднятым в 1831 году знаменем „за вашу и нашу свободу“ стереть пыль, нанесенную свежими поражениями».

Программа, высказанная Гминой, широка... — Далее Герцен цитирует начало передовой статьи «Символ веры», напечатанной в первом номере «Гмины» с подписью «Зигмунд Бужанец» и с пометой: «Женева, 8 сентября 1866 г.». После слов, процитированных Герценом, в передовой статье «Гмины» говорилось: «вот единое основание, на котором счастливо и спокойно может развиваться будущее Польши, вот клич, на который наш народ в будущей борьбе за независимость не ответит молитвами. Свержение нынешнего строя на польских землях для федерации славянских

народов и *через* нее — вот обязательная гарантия устойчивости такой реорганизации. Связь между представителями сторонников революции Славянских земель для обдумывания и проведения общего (одновременного) вооруженного восстания — вот наиболее короткий путь, для выполнения этих двух целей. Распространение изложенных выше мыслей среди польских эмигрантов, а если нужно, то и в самой Польше — вот задача „Гмины“».

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ВОЗЗВАНИЕ М. П. ПОГОДИНА

Печатается по тексту *К*, л. 229 от 1 ноября 1866 г., стр. 1875—1876, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено (без цитаты) в издание М. К. Лемке (*Л* XIX, 89) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается пометкой Чернецкого на корректуре» (*Л* XIX, 450).

Авторство Герцена подтверждается строками из статьи «Жаль», где обращение Погодина названо «революционным воззванием к грекам и галичанам» (стр. 237 наст. тома).

Стр. 157. ...*возмутительную грамоту «К галицким братьям».*— Обращение М. П. Погодина было напечатано в «Московских ведомостях» от 24 сентября 1868 г., № 200.

...*в Шпандау?*— Город и крепость в прусской провинции Бранденбург, близ Берлина.

ПО ДЕЛУ ЗАГОВОРА

Печатается по тексту *К*, л. 229 от 1 ноября 1866 г., стр. 1876, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XIX, 89—90) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается пометкой Чернецкого на корректуре» (*Л* XIX, 450).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки, ее тесной идейно-тематической связью с другими статьями и заметками в «Колоколе», где Герцен доказывал, что покушение Каракозова не имело в основе какого-либо заговора, а также со статьей «Виселица и Муравьев», где Герцен разбирает причины неожиданного отъезда Муравьева в деревню за несколько дней до казни Каракозова (стр. 137 наст. тома). Фраза о «плачах на гробе нового Пожарского» перекликается с заголовком заметки «Гот же граф Строгонов, плачущий на гробе сеченого Кандыбы» (т. XIV наст. изд., стр. 199).

Стр. 160. *Муравьев ∞ уехал в деревню, «куда ему посылали бумаги», говорят русские газеты.*— Муравьев скоропостижно умер в ночь с 28 на 29 августа 1866 г. (в своем именье в селе Сырце Лужского уезда под Петербургом, куда уехал для присутствования на освящении только что построенной церкви). В статье «Последние дни графа М. Н. Муравьева», опубликованной в «Московских ведомостях» от 8 сентября 1866 г., № 188, сообщалось о Муравьеве: «До последнего дня занимался он делами следственной комиссии, которую намеревался закрыть 31 числа: бумаги ежедневно присылались к нему из Петербурга».

Он уехал в опале.— Ср. в статье «Виселица и Муравьев»: «Зачем бежал задыхающийся старик от царских именов, от какого барского слова?» (стр. 137 наст. тома). В статье «Из письма к нам (Каракозовское дело)»

корреспондент «Колокола» сообщил: «Муравьева акции падают. Он с самого начала наделал бездну неосторожностей — общество не может простить Муравьеву, что он его надул гласностью» (*К*, л. 224 от 15 июля 1866 г., стр. 1836). См. об этом же в письме бывшего шефа жандармов В. А. Долго-рукова к министру внутренних дел П. А. Валуеву от 30 мая 1866 г.: «Я, как и многие другие, боюсь, что он удержит свое положение ненадолго» (*Л* XIX, 13—14).

...«*Московские ведомости*» очень скромны в своих плачах на гробе *нового Пожарского*... — Герцен имеет в виду несоответствие откликов Каткова на смерть Муравьева («*Московские ведомости*» от 1 и 8 сентября 1866 г., №№ 182 и 188) тем славословиям по его адресу, которые печатались в пору подавления польского восстания 1863—1864 гг. и в первый период его деятельности в Верховной следственной комиссии 1866 г.

...очистил *Пермский пехотный полк от имени палача*. — Высочайшим приказом по военному ведомству от 7 сентября 1866 г. 101-му пехотному пермскому имени М. Н. Муравьева полку было «повелено именоваться по-прежнему 101-м пехотным пермским полком» («Северная почта» от 10 сентября 1866 г., № 194).

ЧЕМ ЛЮДИ ТЕШАТСЯ

Печатается по тексту *К*, л. 229 от 1 ноября 1866 г., стр. 1876, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании его письма к Н. П. Огареву от 20 октября 1866 г., из которого можно заключить, что «Смесь» для л. 229 «Колокола» составлял Герцен. Возвращая Огареву с поправками корректуру его статьи «Продажа имений в Западном крае», Герцен писал: «При статье — „смесь“».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XIX, 90—91).

Принцесса Мария-София-Фридерика-Дагмара, дочь датского короля Христиана IX, была невестой наследника престола Николая Александровича, умершего 11 апреля 1865 г.; в октябре 1866 г. вышла замуж за его брата Александра Александровича (будущего Александра III); перед вступлением в брак приняла православие и стала называться Марией Федоровной.

A NOS FRÈRES POLONAIS НАШИМ ПОЛЬСКИМ БРАТЬЯМ

Французский текст печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано в 1922 г. (по копии, хранившейся в Ленинградском музее Революции) в «*Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена*» под редакцией М. К. Лемке, т. XIX, стр. 94—97.

В *ЛБ* находится копия, сделанная рукой Н. А. Тучковой-Огаревой; в эту копию Герценом внесена одна поправка: слова «des possessions nobiliaires etc.», находившиеся перед словом «dogme» (стр. 163, строка 14), зачеркнуты и вписаны после слов «de la Russie» (стр. 163, строка 15). Других расхождений между этой копией и оригиналом нет. Я. З. Черняк, впервые опубликовавший в 1953 г. русский текст статьи (*ЛН*, т. 61, стр. 133—136), ошибочно указал, что французский текст представляет собой перевод с русского подлинника, между тем как изучение французской рукописи доказывает, что здесь имело место обратное: ни один из зачеркнутых во французской рукописи вариантов (см. раздел «Варианты») не имеет соответствия в русском тексте, основой для которого явилась, несомненно, французская редакция обращения.

В автографе ЛБ над заголовком рукой Герцена проставлены литеры ВВ (повторенные и в копии ЛБ). Значение их остается неясным; иногда Герцен обозначал таким образом место вставки и самую вставку.

Русский текст печатается по тексту корректурного оттиска (ЦГАЛИ); впервые опубликовано в ЛН, т. 61, стр. 135 (там же фотография с оттиска), с подписями «Александр Герцен, Николай Огарев» и с исправлением ошибочной датировки «7 октября» на «7 ноября».

Обращение к польским демократам было вызвано полемикой, развернувшейся вокруг статьи Огарева «Продажа имений в Западном крае», опубликованной в К, л. 229 от 1 ноября 1866 г.; поэтому оно могло быть написано только после статьи Огарева (ср. дату во французском автографе ЛБ: «7 Nov. 1866»).

Приводим разночтения французского и русского текстов:

Стр. 162

²⁻³ *Вместо:* в наших отношениях // между нами

⁴ *Вместо:* Вы рассердились на нас за // Вас привело в негодование

⁵ *Вместо:* Мы хотим прибавить несколько слов в объяснение // Мы постараемся в нескольких словах объяснить его

⁹⁻¹² *Вместо:* Не национализм, не патриотизм лежали в основе нашей религии — наша национальность, наша родина заключались в ряде социальных идей, которые // Мы не выдавали ∞ который
После: осуществлять // в них наша народность и отечество.

¹⁴ *Вместо:* Десять лет // и десять лет

¹⁸ *Вместо:* Теперь я перехожу // Переходим

²² *Вместо:* Вот резюме статьи. Огарев говорит // Автор статьи говорит

²⁴ *Вместо:* землевладельцев // польских землевладельцев

Стр. 162—163

²⁹⁻¹ *Вместо:* грабители хотят насильно экспроприировать // грабительствующее правительство прибегает к насильственной продаже

⁶ *Вместо:* Эта последняя часть статьи // Это последнее предложение

⁷ *Вместо:* порицание, которое нас глубоко печалит // общее ∞ при- скорбью

⁸⁻⁹ *Вместо:* А между тем предложение Огарева совершенно логично — совершенно соответствует нашим принципам // Предложение ∞ нашего

¹² *Вместо:* трауру // сетованию

¹²⁻¹³ *Вместо:* не хотим продолжать // умолкаем

¹⁵⁻¹⁶ *Текст:* Если б речь шла о России — о помещичьих владениях — мы говорили бы совсем иным языком — *отсутствует*

¹⁹ *Вместо:* независима // восстановлена

²⁰ *Вместо:* твердым шагом // твердыми шагами

²⁰⁻²¹ *Вместо:* искать наше будущее и трудиться над сокрушением этой империи... // к нашему будущему, разрушая империю

²⁴⁻²⁵ *Вместо:* глубокое выражение почтительности // скорбный дар глубокого сочувствия

²⁶ *Перед:* 7 ноября 1866 // Женева

10 декабря 1865 г. Александр II подписал указ «О воспреещении лицам польского происхождения вновь приобретать помещичьи имения в девяти западных губерниях». По этому указу имения репрессированных поляков, находящиеся в западных губерниях, могли приобретаться только русскими помещиками (см. заметку Герцена «Указ 10 декабря» — стр. 24—25 наст. тома).

Герцен и Огарев считали, что, если указ уже утвержден, его следует использовать в интересах русских крестьян, разрешив им (а не только помещикам) покупать польские имения. Этот тезис, сформулированный кратко в заметке Герцена «Указ 10 декабря», был затем развит и обоснован

в статье Огарева «Продажа имений в Западном крае». По мнению издатель «Колокола», эта мера могла привести к укреплению сельской общины, что, в свою очередь, способствовало бы развитию «русского социализма». Герцен не без оснований предполагал, что их предложение вызовет неодобрение со стороны польской эмиграции, которая могла ошибочно определить позицию редакции «Колокола» как русофильскую. Поэтому, прочитав статью Огарева в рукописи и исправив ряд мест, Герцен настоятельно просил Огарева «вычистить» ее «пополитичнее» (письмо от 20 октября 1866 г.), а в письме от 25 октября 1866 г. предупреждал Огарева: «„Голос“ рекомендует продажу западных земель раскольникам с гарантией вертершимости и предлагает звать русских из Турции и Пруссии. Вот, как поляки узнают, — будет тебе трезвон».

Статья Огарева еще до ее опубликования в печати вызвала решительный отпор А. А. Серно-Соловьевича, который собирался выступить в «Колоколе» с опровержением позиции Огарева, а после отказа издателей «Колокола» напечатать этот протест выпустил его отдельной листовкой по-французски в Женеве в декабре 1866 г. — «Польский вопрос. Протест русского против „Колокола“» (см. ЛН, т. 41—42, стр. 113; ср. ЛН, т. 61, стр. 567).

Обвинения в адрес Герцена и Огарева Серно-Соловьевич повторил **II** в брошюре «Наши домашние дела» (Вевэ, 1867). Точку зрения Серно-Соловьевича на статью Огарева в основном разделял и другой представитель «молодой эмиграции» — Н. И. Утин (см. его письмо к Огареву от 14 февраля 1867 г. — ЛН, т. 62, стр. 680—682).

«Оскорбились» статьей Огарева и польские эмигранты в Женеве (см. письмо Герцена к Н. А. Герцен 6 ноября 1866 г.), которые, возможно, также узнали о статье еще до ее опубликования в «Колоколе». Поскольку польские эмигранты хотели печатать свой протест во французских журналах, Герцен также решил выступить с разъяснением позиции «Колокола» в одном из французских изданий — с этой целью и было написано обращение «A nos frères polonais», которое вслед за тем Герцен перевел на русский язык.

Ни французский, ни русский тексты обращения Герцена к польским демократам при его жизни, по-видимому, не были опубликованы. Герцен собирался выступить в печати по поводу статьи Огарева только после того, как польская эмиграция опубликует свой протест; в ожидании этого Герцен отложил выезд из Женевы, назначенный на 20—23 октября 1866 г. (см. его письма к Н. А. Герцен от 6 ноября 1866 г. и к М. Мейзенбуг от 15 ноября 1866 г.). Однако ожидаемый Герценом протест польских демократов так и не появился во французской печати, что делало нецелесообразным опубликование французского варианта обращения «Нашим польским братьям». Отсутствие откликов на выступление издателей «Колокола» в листовке А. А. Серно-Соловьевича «Польский вопрос. Протест русского против „Колокола“» и в польской эмиграционной печати также подтверждает, что текст обращения не был опубликован. 2 декабря 1866 г. Герцен писал Н. А. Огаревой: «Польскую интригу не мы кулировали, а она сама себя кулировала». В письме от 13—15 декабря 1866 г. Герцен уведомлял Н. А. Огареву: «Поляки после всех чудес тогда хотят официально мириться и сегодня вечером прибудут какие-то господа».

И действительно, в защиту Герцена и Огарева выступил орган польской революционной эмиграции в Женеве — журнал «Гмина» (о «Гмине» см. в наст. томе, стр. 422). 18 августа 1867 г. Герцен писал известному деятелю польской эмиграции Карлу-Эдмунду Хосцкому по поводу статьи Огарева «Продажа имений в Западном крае»: «Мы объяснили эту статью («Гмина» напечатала наше письмо). Но павшие на нас оскорбления заставили нас умолкнуть» («Звенья», т. II, М., 1933, стр. 381). Информация Герцена не совсем точна: в «Гмине» было напечатано не письмо издателей

«Колокола», а статья ее редактора Юзефа Токажевича «Огарев о польской шляхте на Литве» (№ 3 от 30 ноября 1866 г.), в которой явно было использовано обращение Герцена и Огарева «А nos frères polonais».

О выступлении Ю. Токажевича Герцен вспоминал через год в письме к Огареву от 18 августа 1867 г.: «Хоецкий пишет ко мне (теперь-то!) о твоей статье и считает тебя заклятым врагом Польши <...> Что за мозги! Один Токажевич понимает что-нибудь». Весной 1867 г. представители [польской эмиграции] выступили в газете «L'Opinion nationale» от 13 мая 1867 г., признав ошибочность своей полемики с издателями «Колокола» (см. об этом в письме Герцена к М. Мейзенбуг от 14—15 мая 1867 г.).

Однако некоторые польские эмигранты (например, К.-Э. Хоецкий) и позже продолжали выражать свое неудовольствие по поводу статьи Огарева — см. переписку Герцена с Хоецким, относящуюся к концу августа 1867 г. («Звенья», т. II, стр. 379—381; ЛН, т. 61, стр. 280—281).

Стр. 164—165. «Русское правительство \approx крестьянам дру-
зьям провизиям». — Герцен передает основные положения статьи Н. П. Огарева «Продажа имений в Западном крае» в виде цитаты.

Стр. 165. «Независимость Польши \approx земного шара». — Герцен цитирует свое «Письмо к Гарibaldi» (т. XVIII наст. изд., стр. 30).

ПОРЯДОК ТОРЖЕСТВУЕТ!

Печатается по тексту К, л. 230 от 1 декабря 1866 г., стр. 1877—1881, л. 231—232 от 1 января 1867 г., стр. 1885—1889, л. 233—234 от 1 февраля 1867 г., стр. 1901—1905, где опубликовано впервые, с подписью: И—р. Каждой статьей открывается соответствующий лист «Колокола».

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 174, строка 23: живого *пони*манья вместо: живого, *пони*манья

Стр. 175, строки 3—4: вне Парижа да двух, трех больших центров вместо: вне Парижа да в двух, трех больших центрах

Стр. 187, строка 34: строй, Европе вместо: строй. Европе

Стр. 192, строка 10: успели вместо: умели (по автографу)

Стр. 193, строка 14: оказалась вместо: *оказалась* (по автографу)

Стр. 198, строка 36: наблюдают вместо: *наблюдаются* (по автографу)

Кроме того, на основании заметки Герцена «Важная погрешность» (К, л. 233—234 от 1 февраля 1866 г., стр. 1901) перенесен текст «Силы и время \approx основан на этом» (стр. 178, строки 14—18) — в К он набран после фразы «Старик этот — Огюст Бланки» (стр. 179, строка 18). Приводим текст заметки «Важная погрешность»:

«Во втором столбце, первой страницы прошедшего листа, переставлены *четыре строки*, и от этой перестановки искажен смысл всего столбца. Мы особенно просим наших читателей обратить внимание, что снизу считая — 2, 3, 4 и 5 строки, начинающиеся со слов: „Силы и время“ и оканчивающиеся словами: „основан на этом“, принадлежат к началу того же столбца, непосредственно после слов: „ударить веслом“. — Издатели».

Сохранился автограф третьего раздела статьи (ЦГАЛИ). Над заглавием в левом верхнем углу помета Герцена: «В Колокол 1 февраля»; в правом верхнем углу, его же рукою: «к 10 янв.» (может быть, имеется в виду корректура). В конце автографа дата: «1 янв. 1867» и подпись: И—р. На обороте последнего, 17-го листа записка Герцена Огареву, перечеркнутая поперек двумя чертами (чернила несколько отличаются от тех, которыми написан текст): «Огарев, прочти эту статью до моего отъезда и очень внимательно — принеси ее завтра или послезавтра. Она будет напечатать <ана> к 1 февр. Твоя [в] 1 марта, к 1 апрелю — я пригововлю продолжение. 11 декаб<ря>». Этой запиской устанавливаются два важных факта в истории

написания статьи «Порядок торжествует!»: во-первых, дата ее окончания, и во-вторых — намерение Герцена продолжить статью; почему оно не осуществилось — неизвестно.

Автограф дефектен. В л. 1 наполовину оборван нижний край. В л. 4 оборвана часть бокового правого края. На л. 5 об. помета Герцена, не относящаяся непосредственно к тексту статьи: «Почему нельзя <1 нрвб.> Кол(окол)».

Герцен писал сыну 19 октября 1866 г. из Лозанны: «Нынешний год надобно заключить резкой статьей, это мы и делаем, и статью я пишу о 1866 г.». Первая часть статьи, посвященная «европейским делам», была закончена Герценом уже в середине октября 1866 г. (см. его письмо к С. Тхоржевскому от 18 октября 1866 г.); он сам был ею доволен: «Я написал статью <...> о европейских делах вообще, — кажется, хорошо», — сообщал Герцен Огареву 28 октября 1866 г.

Статья «Порядок торжествует!» в наиболее концентрированной форме и на большом фактическом материале обосновывает те новые выводы о перспективах исторического развития, к которым Герцен пришел в середине шестидесятых годов. Написанная в условиях реакции в странах Западной и Восточной Европы, работа эта проникнута глубокой верой в то, что «движение», т. е. прогресс, возрастание политической активности народных масс все же не могут быть остановлены (эта мысль по отношению к России была уже высказана в статье «Польша в Сибири и караозовское дело» — стр. 127—130 наст. тома), что почва колеблется под ногами господствующих классов и в России и в Западной Европе.

В сущности, Герцен опровергает теперь и свои прежние пессимистические взгляды на будущее Западной Европы, заявляя: «Иной раз кажется, будто Европа успокоилась, но это только кажется» (стр. 167). Статья свидетельствует и о том, насколько крепнет понимание Герценом исторической роли международного, в частности английского, пролетариата, — она пронизана убеждением, что и в обстановке реакции возможно и необходимо найти путь революционной активности, в связи с чем особенное значение приобретает декларативная концовка статьи о знамени «Земли и Воли» как «нашем знамени», признанном и «враждебным станом».

Существенно, что Герцен отмечает теперь способность передовых людей повести за собою массы: «Если десять человек понимают ясно, что тысячи темно хотят, тысячи пойдут за ними» (стр. 174), — в то время как в период, следовавший за поражением революции 1848 г., грань между массами и авангардом передовых людей представлялась ему непреходимой.

Вновь выражая надежду на возможность мирного разрешения общественной борьбы в России, Герцен сам же, однако, иронизирует по поводу иллюзий, связанных с царским правительством и Александром II: «Нельзя же было ждать, чтоб Александр Николаевич, заснув за чтением „Что делать?“ или „Колокола“, проснулся бы с рьяным желанием отдать землю народу и начать в Зимнем дворце женские и мужские мастерские» (стр. 181—182).

Характерно, что и свои надежды на общину, высказываемые в этой статье, Герцен связывает с развитием «полной свободы лица» (стр. 186) при общинном владении, т. е. отнюдь не канонизирует современные ему формы крестьянского экономического быта. Очень существенно то, что, по словам Герцена, в России начинается «органическое сочетание» двух «оттенков» социализма (стр. 199) — «русского» и «чисто западного», доказательством чего служит «мысль пропаганды между фабричными работниками-крестьянами», обнаружившаяся в ходе следствия по делу Караозова.

Статья «Порядок торжествует!» послужила А. А. Серно-Соловьевичу поводом для написания его полемической брошюры «Наши домашние дела». Однако брошюра эта направлена не против *основных* положений работы

Герцена, а против сопоставления им своей деятельности и исторической роли Чернышевского, против либеральных колебаний Искандера и самой его личности (ср. характеристику этой полемики в статье Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» — *ЛН*, т. 41—42, стр. 28—29).

Статья «Порядок торжествует!», где дана глубокая и острая критика буржуазного общества и положения личности в нем, проникнута мыслью о неизбежности столкновения социализма, интересов народных масс, с одной стороны, и западноевропейской и русской реакции — с другой.

Стр. 166. *L'ordre règne à Varsovie! Sebastiani (1831)*.—Порядок царствует в Варшаве!— Слова из речи, произнесенной министром иностранных дел Франции Орасом Себастиани 16 сентября 1831 г. на заседании французского парламента в связи с подавлением польского восстания.

...*Лотова жена не во-время обернулась, зная, что ей за это солоно придется.*— По библейской легенде, бог, прежде чем разрушить Содом за грехи его жителей, вывел из города праведного Лота и его семью и сказал, что они будут спасены, если отойдут от города не оборачиваясь; жена Лота из любопытства обернулась, за что была превращена в соляной столп.

«Гнилая рыба», о которой говорил Гёте...— Герцен цитирует в сноске строку из «Кротких Ксений» (V) Гёте:

«Мир разлагается, как гнилая рыба».

Стр. 167. ...*Европа, шитая прусскими иголками*...— Победу Пруссии в австро-прусской войне 1866 г. в значительной степени определило применение нового вида оружия — игольчатого ружья с ударником, принятого на вооружение еще в 1841 г., но не получившего широкого распространения до середины шестидесятых годов.

...*как в сказке о «Заколдованной розе» ∞ пятидесятивосемилетнего человека.*— Император Франции Наполеон III (родился в 1808 г.) страдал заболеванием почек.

Восемнадцать лет тому назад нас прозвали «Иеремиями, плачущими и пророчащими на развалинах июньских баррикад»...— См. об этом у Герцена также в письме к Ш. Рибероло: «Австрийский Lloyd, говоря об моей книге „Vom andern Ufer“, называет меня русским Иеремием, плачущим на развалинах июньских баррикад» (т. V наст. изд., стр. 223—224).

Был в Европе большой человек, до него-то и добивался Николай Павлович...— «Большим человеком» назвал Турцию Николай I в беседах с великобританским послом в Петербурге Гамильтоном Сеймуром в 1853 г.

Стр. 168. ...*лег спать вольным франкфуртским купцом, а на другой день проснулся подданным прусского короля*...— В сентябре 1866 г. Франкфурт-на-Майне был присоединен к территории Пруссии.

...*эта ватага калеk переходих ∞ Hohenzollern hochverschwistert.*— Речь идет о немецких герцогах и князьях, оставшихся без трона после присоединения немецких королевств к Пруссии. Hohenzollern hochverschwistert (нем.)— высокородственным Гогенцоллерном.

Стр. 169. ...*как Косидьер — порядку и беспорядку.*— Косидьер, участник февральской революции 1848 г. во Франции, после победы революции занял пост префекта полиции.

Лопнувшие гранаты Орсини...— Итальянский революционер Феличе Орсини совершил в 1858 г. неудачное покушение на Наполеона III, которого считал главной помехой делу воссоединения Италии.

...*латинский мир в Мексике, австро-прусский в Дании*...— В 1863 г. при поддержке Наполеона III и с благословения римского папы Пия IX императором Мексики был «избран» эрцгерцог австрийский Максимилиан. После поражения в войне с Австрией и Пруссией в 1864 г. Дания по Вен-

скому мирному договору (30 октября) лишился Шлезвига, Гольштейна и Лауэнбурга.

...завоевание Венеции поражением Италии на суше и на море...— В австро-итальянской войне 1866 г. итальянская сухопутная армия была разбита при Кустоце (24 июня); итальянский флот потерпел поражение при о. Лиссе (20 июля).

Стр. 170. *Возьмите хоть эту женщину* ∞ «*Меня хотят отравить*».— Императрица мексиканская Шарлотта отправилась в 1866 г. в Европу, сначала в Париж к Наполеону III, а потом в Рим к папе Пию IX, чтобы помочь своему мужу — императору Максимилиану, против которого выступил бывший мексиканский президент Хуарес, поддерживаемый США. Наполеон III отказал Шарлотте в помощи. Больная, в припадке помешательства, она была отправлена в Бельгию к брату, королю Леопольду II, наследовавшему престол в 1865 г.

Стр. 171. ...*французские и немецкие работники* ∞ *в Женеве*.— В сентябре 1866 г. в Женеве состоялся первый конгресс I Интернационала.

...*безгласная республика Сан-Марино и оперная Валь д'Андорре*.— Республика Сан-Марино — одно из карликовых «государств» в Средней Италии — признала в 1862 г. покровительство Италии и превратилась фактически в ее округ. Val d'Andorre — марионеточная республика, расположенная на южном склоне Пиренеев, между Францией и Испанией, находилась под протекторатом Франции. Определение ее как «оперной» связано с комической оперой «Val d'Andorre» (слова Сен-Жоржа, музыка Галеви, впервые поставлена в Париже в 1848 г.).

...«*Gott protège la Svizzera*»...— Фраза «Да благословит бог Швейцарию» составлена из слов немецкого, французского и итальянского языков.

Стр. 172. *Habeas corpus* — «Habeas corpus Act» — английский закон 1679 г. о неприкосновенности личности.

...*французскую комментарию к ней в английском переводе*...— Герцен перефразирует лозунг О. Вланки «Qui a du plomb a du pain» («У кого пуля, у того и хлеб») из его обращения к французскому народу от 10 февраля 1851 г.

...*в 1853 и 1854 мы предсказывали* ∞ «*Le vieux Monde et la Russie*».— Цикл писем Герцена «Старый мир и Россия» (т. XII наст. изд.).

Стр. 175. *Итальянская Unità* *стать не давала немецкому Einheitspathos*.— Unita — единство; Einheits-pathos — пафос объединения.

Стр. 176. *Прудон как-то с ужасным бесчеловечием упрекал Польшу, что «она не хочет умирать»*.— Отрицательное отношение Прудона к защите национальной самостоятельности проявилось всего сильнее в его брошюре «Si les traités de 1815 on cessé d'exister? Actes du futur congrès» (Paris, 1863), ch. VI «Question polonaise», p. 65—100.

Стр. 178. «*Dich stört nicht im Innern* ∞ *Und vergeblicher Streit*».— Цитата из стихотворения Гёте «К Соединенным Штатам» («Тебе, живущей в настоящем, не тревожат душу ни напрасные воспоминания, ни бесполезные споры»).

...*то, что сказал своим товарищам Сисс после знаменитого «Allez dire» Мирабо: «Мы сегодня те же, что были вчера — будем продолжать»*.— 23 июня 1789 г., на заседании Генеральных штатов, депутаты третьего сословия, объявившие себя 17 июня 1789 г. Национальным собранием, несмотря на приказ Людовика XVI разойтись, продолжали заседать. В ответ на требование церемониймейстера очистить зал Мирабо сказал: «Скажите вашему господину, что мы находимся здесь по воле народа и уйдем отсюда, только уступая силе штыков». После Мирабо к присутствовавшим обратился Сисс со словами: «Господа, разве вы сегодня не те же, что были вчера? Продолжим заседание». См. также комментарий к стр. 280 наст. тома.

Несколько месяцев тому назад я долго беседовал с одним старцем.— О встречах с О. Бланки в октябре 1866 г. во Фрейбурге см. в письмах Герцена к С. Тхоржевскому от 16 и 18 октября 1866 г. и к сыну от 19 октября 1866 г.

Стр. 179. ...*мне представился умирающий Ворцель и склоненный к его изголовью Маццини.*— См. статью Герцена «Смерть Станислава Ворцеля» (т. XII наст. изд., стр. 442).

«Возьми одр твой и иди за мной»...— По библейской легенде, с такими словами Христос обратился к больному, после чего больной исцелился (Евангелие от Матфея, гл. IX, 6).

На столе лежала книга...— Речь идет о книге В. Ф. Ратча «Польская эмиграция до и во время последнего мятежа. 1831—1863», выпущенной анонимно в Вильно в 1866 году.

Стр. 180. ...*этот Ессе того*...— «Се человек!»— слова Пилата, обращенные, по евангельской легенде, к народу, когда перед ним появился, после истязаний, Иисус Христос в терновом венце.

Стр. 181. ...*«не служба — службишка, а служба будет впереди»*.— Неточная цитата из сказки П. П. Ершова «Конек-горбунок»:

Это службишка, не служба.
Служба вся, брат, впереди.

Стр. 182. ...*мышья беготня истории*...— Перефразировка строки из стихотворения Пушкина «Стихи, сочиненные во время бессонницы»:

Жизни мышья беготня.

Стр. 187. *Первый пионер, пошедший на открытие России, был Гакстгаузен.*— В мае — октябре 1843 г. А. Гакстгаузен совершил путешествие по ряду губерний России. В Москве он познакомился с Ю. Ф. Самариным, К. С. Аксаковым, И. В. Киреевским, А. С. Хомяковым. Плодом поездки Гакстгаузена явилось трехтомное исследование: «*Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands*» («Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России»), тт. I—II, Ганновер — Берлин, 1847; т. III, Берлин, 1852. О Гакстгаузене см. т. II наст. изд., стр. 281; т. IX, стр. 163, а также по именованным указателям.

Стр. 188. *«Трудно себе представить ∞ оклеветать»*.— Герцен цитирует предисловие к русскому изданию книги «Старый мир и Россия» (т. XII наст. изд., стр. 452).

Стр. 190. *«Ты побеждаешь, Галилеянин!»*— Герцен обратился к Александру I со словами «Ты победил, Галилеянин!» в статье «Через три года» (т. XIII наст. изд., стр. 195 и 197).

Стр. 193. ...*Стюарт Милль, сказав, что «общинное владение» ∞ и составляет вопрос.*— Взгляды Д. С. Милля на личную и общинную собственность изложены в «Основаниях политической экономии», кн. 2— «Распределение», гл. I—II — «Собственность».

... *«Письма к иноку» в «Общем вечере»*.— Имеются в виду статьи Огарева в «Общем вечере», № 2 от 22 августа 1862 г., №№ 22, 23 и 24 от 1, 15 ноября и от 1 декабря 1863 г.; №№ 26 и 27 от 1 января и от 15 февраля 1864 г.

Нас в 1834 году правительство обвиняло в сен-симониизме.— См. об этом в «Былом и думах» (т. VIII наст. изд., стр. 206—208).

Стр. 198. ... *«взмите, например, этого генерала-дурака, порящего дичь перед мировым судьей»*... — Имеются в виду «Сцены у мировых судей», опубликованные в «Голосе» от 1 сентября 1866 г., № 241.

КАРАКОЗОВСКОЕ ДЕЛО

Печатается по тексту *К*, л. 230 от 1 декабря 1866 г., стр. 1882, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Мы снова обращаем внимание на то, что заговора не было...») и ее непосредственной связью с общеизвестными высказываниями Герцена на эту тему («Польша в Сибири и каракозовское дело», «Заговора не было!» и «Приговор верховного уголовного суда»).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XIX*, 133).

После слов: «напротив, все были против него» в «Колоколе» цитируется часть приговора, которая, очевидно, по самым размерам не могла быть напечатана в предшествующем, 229-м, листе «Колокола», где помещен «Приговор верховного уголовного суда».

1 8 6 7

СКОТЫ

Печатается по тексту *К*, л. 231—232 от 1 января 1867 г., стр. 1895—1896, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Скоты: Распоряжение нижегород. генер.-губернатора Огарева о кринолинах, Флора, принятая за опальную богородицу, Штраф с детей за разговор по-польски, Гонения литературы, По части народного просвещения, Циркуляр тобольск. губернатора, Из судебных сцен, „Киевский телеграф“». Автограф неизвестен.

Четыре заметки из этого цикла включены в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 171—172) со следующей мотивировкой: «принадлежность ясна из записки Чернецкого, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XIX*, 451); первые три заметки — «Распоряжение нижегородского генерал-губернатора Огарева о кринолинах», «Флора, принятая за опальную богородицу» и «Штраф с детей за разговор по-польски» — объединены заголовком «Скоты» (вторая и третья даны без выписок из «Вести»); заметка «Циркуляр тобольского губернатора» опубликована как самостоятельная.

Все восемь заметок представляют неразрывное идейно-тематическое и композиционное целое. Они связаны между собою по материалу и по его трактовке: каждая из них раскрывает по-своему «скотство», грубость и дикое невежество российской администрации. Заметки связаны между собой по источнику информации: так, «По части народного просвещения» и «Циркуляр тобольского губернатора» основаны на двух сообщениях, опубликованных в смежных номерах газеты «Голос», и речь в них идет о «двух фактах», стоящих для автора цикла в одном ряду; словами второй заметки «Каково? От Киева до Тобольска и от деспотов Зиньковского уезда до Деспота-Зеновича...» подчеркивается эта связь. Таким образом, заметка «Циркуляр тобольского губернатора», принадлежность которой Герцену документально обоснована в издании М. К. Лемке, неразрывно связана с опущенной в этом издании заметкой «По части народного просвещения». Единство всей публикации в целом наглядно подтверждается структурой заголовка в *ОК* (см. выше).

Принадлежность Герцену этого цикла доказывается также многочисленными идейно-тематическими связями и текстуальными совпадениями с другими его статьями. «Скотство» русского дворянства, администрации, продажной журналистики неоднократно обличалось Герценом на страницах «Колокола» (подробную сводку эпитетов этого рода см. в комментарии к статье «Крайне нужно» — т. XV наст. изд., стр. 304). Первая заметка перекликается со статьей «Порядок торжествует!», где Герцен писал, что «высочайшая цидула к князю Гагарину» «пошла на полицейские

выкройкой женских юбок и имела последствием введение кринолинов в государственные учреждения», и спрашивал: «Думали ли они когда-нибудь, что, собственно, сверх синих очков и коротких волос содержится под этим словом?» (стр. 197 и 198 наст. тома). В статье «Ответ И. С. Аксакову» Герцен с возмущением писал, что русское правительство готово «останавливать на улице русских честных женщин и девиц за то, что у них нет кринолинов и есть синие очки», что русская продажная журналистика доносит, «как польские дети говорят с родителями по-польски» (стр. 249 наст. тома). В статье «Жаль» Герцен также писал: «Нельзя искоренять язык, брать штрафы с детей, ломать католические кресты, выбрасывать богородиц из нишей» (стр. 236 наст. тома); ср. в заметке «Москва»: «ломаю христианские кресты, ссылая богородиц с pedestалей, запрещая молиться по-своему и говорить на родном языке» (стр. 212 наст. тома). Выражение «иконоборское скотство» в заметке «Флора, принятая за опальную богородицу» восходит к заметкам Герцена «Иконоборец и идолопоклонник» (т. XVIII наст. изд., стр. 389) и «Иконоборство Безака в Подольской губ.» (стр. 142 наст. тома); в статье «Грязь» также говорится об «иконоборстве» Безака (стр. 153 наст. тома). Следует отметить особенный интерес Герцена к циркуляру Деспота-Зеновича и постоянно иронической характеристике его как либерала; 15 февраля 1867 г. Герцен писал Огареву: «Напечатан (если хочешь) гнусное письмо Деспота-Зеновича с легкой прибавкой „экс-либерала“: это письмо появилось в К, л. 238 от 1 апреля 1867 г., стр. 1948. Очень характерна также для Герцена в этой заметке ирония, заключенная в парадоксальных словосочетаниях «революционная музыка и мятежная живопись».

Стр. 207. «Голос» приводит ∞ припечатание в «Губерн. ведомостях». — Герцен цитирует распоряжение нижегородского генерал-губернатора Н. А. Огарева, напечатанное в газете «Голос» от 6 ноября 1866 г., № 307.

Говоря об «известных способностях» Огарева как «костюмера и портного», Герцен намекает на его участие в проведении «мушкетерских реформ», предпринятых Александром II в 1855—1856 гг. Рьяное введение Огаревым новых образцов обмундирования «заслужило ему эпитет „государственного обер-закройщика“, — писал П. В. Долгоруков (см. «Le Vèridique», 1862, № 2, стр. 259—262). Об этом же вспоминал М. И. Венюков: «Приказы о переменах форм посыпались дождем, часто отменялись один другим и всегда объявлялись незадолго перед праздниками, чтобы портные и торговцы офицерскими вещами могли брать высокие цены, за что Огарев брал с них деньги, заблаговременно извещая о предстоявших переменах. И как у него самого была галунная фабрика, то он стал всюду вводить галуны...» (М. И. Венюков в г. Из воспоминаний. Книга первая, 1832—1867. Амстердам, 1895, стр. 192).

Стр. 207—208. *Мы ее прежде видим в Москве. Мера эта идет из Петербурга, она останется меркой бездонной глупости прогрессивного правительства.* — В статье Н. А. Вормса «Белый террор», напечатанной в «Колоколе» непосредственно перед настоящей заметкой, рассказывалось о полицейских мероприятиях против «нигилизма, то есть стриженных волос и синих очков», осуществившихся при поддержке реакционной печати в Петербурге и Москве после покушения Д. В. Каракозова на Александра II. В этой же статье передавался циркуляр, разосланный в полицейские части московским обер-полицмейстером Н. У. Араповым, того же примерно содержания, что и циркуляр Н. А. Огарева (см. К, л. 231—232, стр. 1894—1895). О походе правительства против всех проявлений демократической идеологии, который был открыт рескриптом Александра II на имя председателя совета министров кн. П. П. Гагарина от 13 мая 1866 г. (см. выше, стр. 95—97), Герцен писал в статье «Порядок торжествует!» (стр. 197 наст. тома).

Стр. 208. Вот что за иконоборское скотство рассказано в 89 № «Вести»... — Далее Герцен приводит корреспонденцию «Несчастный случай с богиней „Флорой“», напечатанную в газете «Весть» от 9 ноября 1866 г., № 89, без подписи.

Вписываем из «Вести» следующее письмо в ее редакцию о скотах еще мальчи... — Приведенное далее «Письмо в редакцию» было опубликовано в газете «Весть» от 10 октября 1866 г., № 79, с подписью: *N. N.*

Русские газеты печатают следующее безобразное распоряжение... — Герцен цитирует далее «высочайшее повеление» от 17 октября 1866 г. «О воспрещении редакциям и сотрудникам газет и журналов, подвергшихся вследствие троекратного предостережения временной приостановке, выдавать подписчикам отдельные сочинения, переводы или сборники», напечатанное в «Северной почте» от 8 ноября 1866 г., № 239.

Стр. 209. «В местечке Куземе и не» («Голос», № 317). — Герцен приводит корреспонденцию из газеты «Киевлянин», перепечатанную в «Голосе» от 16 ноября 1866 г., № 317, без заглавия и подписи.

Стр. 209—210. Тобольский губернатор (Деспот-Зенович) издал циркуляр («Голос», № 318). — Цитируемый документ был напечатан в газете «Голос» от 17 ноября 1866 г., № 318. Впоследствии «Колокол» посвятил этому циркуляру и его автору еще одну заметку «В № 253 „Московских ведомостей“...» (см. К. л. 238 от 1 апреля 1867 г., стр. 1948).

Стр. 210. ... до Деспота-Зеновича, который сам был сослан и либерал, но — и с прав и с л я! — А. И. Деспот-Зенович, троюродный брат Н. А. Тучковой-Огаревой, в сороковые годы жил в доме П. А. Тучкова в Москве и учился в Московском университете.

В заметках по поводу его биографии, напечатанной в «Прибавлении к путеводителю по Сибири» (Тобольск, 1896), Н. А. Тучкова-Огарева писала о «влиянии» на него «бесед с Грановским», «московского западного кружка, иначе сказать — кружка Герцена» (ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 203). Окончив университет, он был оставлен при нем для получения степени магистра политических наук, но летом 1848 г. неожиданно арестован и отправлен под надзор полиции в Пермь, а затем в Тобольск.

В автобиографических заметках, написанных для Н. А. Тучковой-Огаревой 12 декабря 1890 г., Деспот-Зенович разъяснял историю своей ссылки, приводя донесение, посланное в начале 1848 г. гр. А. А. Закревским в III отделение. Московский военный генерал-губернатор писал: «пользуясь преобладающим влиянием между товарищами, он <Деспот-Зенович> устраивал у себя и у других сборища, сходки, на которых читались разные недозволенные цензурой рукописные и печатные сочинения. Председательствуя на этих сборищах, он возбуждал вопросы, при рассмотрении которых подвергались критике действия правительства и государством установленные учреждения» (Н. А. Тучков а-О га р е в а. Воспоминания, М., 1903, стр. 322—325). Перейдя в 60-е годы, подобно большинству бывших членов «московского круга», от либеральной оппозиции самодержавной власти к солидаризации с ней и борьбе с революционным движением, Деспот-Зенович тем не менее не порвал окончательно своих личных связей с прежними друзьями. Так, незадолго до смерти в письме к Н. А. Тучковой-Огаревой от 13 февраля 1895 г. он сообщал о своих переговорах в Петербурге относительно издания сочинений Н. П. Огарева (ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 236).

... многие декабристы давали уроки, например, князь Федор Петрович Шаховской, учивший безденежно (что составляет а г р а в а ц и ю). — Помимо Ф. П. Шаховского, бесплатно учил детей заводских рабочих и канцеляристов И. И. Горбачевский, оставшийся на поселении в Петровском заводе. Большую педагогическую работу на поселении в Чите вел Д. И. Завалишин. Еще до выхода на поселение декабристами была ор-

ганизована в Петровском заводе казематская школа, в которой обучали детей местных жителей, помимо названных, Н. А. и М. А. Бестужевы, П. Н. Свистунов, Н. А. Крюков и другие (см. С. В. Максимова. «Сибирь и каторга», СПб., 1900, стр. 439—441). Как рассказывал в своих воспоминаниях Н. А. Белоголовый, не раз посещавший Герцена в Лондоне, учителями его и братьев в детстве были декабристы А. П. Юшневский, П. А. Борисов, затем А. В. Поджио и П. А. Муханов, жившие на поселении под Иркутском (см. Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи, М., 1897, стр. 1—81). *Aggravation* — отягчающее обстоятельство (франц.).

...он делал выговор, и оба раза оренбургскому Перовскому с ва Кольрейфа, который давал уроки музыки, и потом за Шевченку, которому запретил не только учить рисованью, но и рисовать. — Студент Московского университета Ю. П. Кольрейф был арестован в 1831 г. за участие в кружке Сунгурова и сослан в Оренбург, где генерал-губернатором с 1833 по 1842 г. был гр. В. А. Перовский. В 1847—1857 гг. в Оренбургском отдельном корпусе, сначала в Орской крепости, затем в Новопетровском укреплении на п-ове Мангышлак служил рядовым Т. Г. Шевченко, сосланный сюда с запрещением писать и рисовать. Однако в 1848 и 1849 гг., с разрешения генерал-губернатора В. А. Обручева (получившего за это впоследствии выговор из Петербурга), и в 1851 г., с согласия вновь принявшего оренбургское генерал-губернаторство Перовского, Шевченко назначался художником в экспедиции по изучению побережья Аральского моря и гор Каратау.

... до толстовской валуевщины. — Имеется в виду реакционная деятельность министра внутренних дел П. А. Валуева и министра народного просвещения гр. Д. А. Толстого. Смысл назначения последнего на этот пост после выстрела Д. В. Каракозова Герцен раскрыл в заметке «Шах Константину Николаевичу» (см. стр. 68 наст. тома).

Из судебных сцен ∞ («Голос», № 286). — Герцен приводит с сокращениями отрывок из статьи «Сцены у мирового судьи», напечатанной в газете «Голос» от 18 октября 1866 г., № 288, без подписи. В тексте «Колокола» повторена опечатка, допущенная на стр. 3 газеты: вместо «№ 288» напечатано «№ 286».

В «Киевском телеграфе» рассказан следующий случай... — Далее цитируется отрывок из фельетона, напечатанного в газете «Киевский телеграф» от 9 ноября 1866 г., № 132, без подписи.

«МОСКВА»

Печатается по тексту К, л. 231—232 от 1 января 1867 г., стр. 1896, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено (по-видимому, ошибочно) к разряду Dubia (Л XIX, 173) со следующей справкой: «принадлежность ясна из записки Чернецкого, хранящейся в архиве семьи Герцена» (Л XIX, 451).

Авторство Герцена подтверждается и некоторыми характерными идейно-тематическими и стилистическими данными. Так, об И. С. Аксакове как издателе «Дня» и «Москвы» в «Колоколе» в 1867 г. писал только Герцен (см. статьи Герцена «„Москва“ — мать и мачеха», «Пророк-издатель» в наст. томе, стр. 212 и 227), причем в статье «„Москва“ — мать и мачеха» использован тот же образ сна: «Летаргический сон, в котором пребывал издатель „Дня“, восстановил его силы» — ср. в настоящей заметке: «Ночь аксаковского „Дня“ была не длинна, он в ней окреп и из недельного становится ежедневным. Сон его был дар небес». Чрезвычайно характерно для Герцена в первой фразе заметки аллегорическое обыгрывание названия журнала «Парус».

В заметке есть и текстуальные переклички со статьями Герцена; так, слова относительно преследования царским правительством католиков почти совпадают со следующими строками в статье Герцена «Жаль»: «Нельзя искоренять язык, брать штрафы с детей, ломать католические кресты, выбрасывать богородиц из нишей...» (стр. 236 наст. тома); черновой вариант статьи «Жаль» еще ближе к тексту данной статьи: «снимать богородиц с пьедесталей» (стр. 356 наст. тома). Характерно для Герцена употребленное в заметке выражение «пео-крепостники» (ср. в статьях «Крепостники» и «Из Петербурга» — стр. 8 и 86 наст. тома), и упоминание о «детских розгах» (сводку высказываний Герцена на эту тему см. в т. XV наст. изд., стр. 315).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 212, строка 25: то его программы нет вместо: до его программы нет.

Заметка вызвана появившимся в «Московских ведомостях» от 20 ноября 1866 г., № 245, объявлением об издании И. С. Аксаковым с 1 января 1867 г. ежедневной газеты «Москва». Это объявление содержало, по существу, не развернутую программу нового издания, а лишь перечисление намечаемых отделов газеты и ее сотрудников. Общее направление нового издания предполагалось известным читателям, как связанное со всей прежней журнальной деятельностью И. С. Аксакова, одного из виднейших публицистов славянофильства.

С газетой Аксакова «День» Герцен полемизировал по польскому вопросу в 1863—1865 гг. (см. т. т. XVII и XVIII наст. изд.). Продолжая критику националистических позиций И. С. Аксакова и чисто внешнего характера его якобы оппозиционной фразеологии, Герцен с еще большей резкостью определил свое отрицательное отношение к новому органу славянофилов в статьях «„Москва“ — мать и мачеха», «Пророк-издатель», «Ответ И. С. Аксакову» (стр. 224, 227 и 244 наст. тома). Предметом полемики на новом этапе служит, наряду с польским, вопрос об отношении к освободительному движению греков и славян в Турции. Сопоставляя декларации Аксакова о свободе и славянском братстве с одобрением им правительственных мер удушения Польши и подчеркивая «безобразное двойство» позиции Аксакова, Герцен продолжает, однако, верить в его личную честность и не оставляет надежды все же «добиться до совести» редактора «Москвы» (см. письмо к Н. П. Огареву от 13 февраля 1867 г.).

Стр. 212. «Москва» — под этим стародавним флагом славянофилов... — В программной передовой статье, помещенной в № 1 газеты «Москва» 1 января 1867 г., И. С. Аксаков писал: «Москва» — представительница тех коренных народных стихий, из которых сложилась Россия; тех земских, долго сокровенных, непризнанных, порою загнанных и презренных сил, которыми однако только и стоит, живет и движется наша земля.

... снова является после бурь знакомый нам п а р у с. Ночь аксаковского «Дня» была не длинна... — Намек на многочисленные цензурные инциденты и административные меры пресечения, которые сопровождали публицистическую и издательскую деятельность Аксакова. В частности, Герцен напоминает читателям о судьбе его еженедельной газеты «Парус», прекращенной правительством в 1859 г. на втором номере. Цензурным преследованиям подвергалась также еженедельная газета «День», издававшаяся с 15 октября 1861 до 18 декабря 1865 г. Так, например, с июня по октябрь 1862 г. Аксаков был лишен права редактировать газету (об этом см. заметку «Министерская поправка» — т. XVI наст. изд.). Относительно обстоя-

тельство, связанных с прекращением газеты «День», Герцен писал в заметке «Из Петербурга» (см. стр. 33 наст. тома). Говоря о «покое в семейной гавани», Герцен намекает на женитьбу Аксакова в начале 1866 г. на фрейлине А. Ф. Тютчевой, дочери поэта, совпавшую по времени с прекращением газеты «День».

... *главнейший немецкий умок Бабста ∞ сечет армян в училище, отданном ему в вознаграждение за уроки в дворце ∞ знаменитыми черкасскими розгами*. — Профессор политической экономии Московского университета И. К. Бабст, либеральный западник в 40—50-е годы, в период пореформенной реакции перешел к прямой поддержке самодержавной власти (об его участии в составлении верноподданнических адресов к царю в 1863 г. см. статью «Россиада» и комментарий к ней — т. XVII наст. изд.). В 1862 г. Бабст был приглашен преподавать статистику наследнику престола вел. князю Николаю Александровичу, затем сопровождал его в 1863 г. в его поездке по России (см. «Наследник престола и политическая экономия в путешествии» — т. XVII наст. изд.). В 1864—1868 гг. Бабст занимал также должность дпректора Лазаревского института восточных языков. Иронизируя по поводу того, что семенение учащихся в Лазаревском институте сближает Бабста со славянофилами, Герцен имеет в виду неоднократно отличавшийся в «Колоколе» (см. т. XIV наст. изд.) проект члена Редакционных комиссий и публициста, близкого к славянофилам, кн. В. А. Черкасского, изложенный им в статье «Некоторые общие черты будущего сельского упрвления». В будущей сельской общине он предусматривал оставление за дворянином-землевладельцем права телесного наказания крестьян (до 18 розог), вообще права суда, опеки и надзора. «Для малолетних, не достигших еще 14-ти лет от роду», предлагалось «домашнее исправительное наказание (<...> детскими розгами не более 15 ударов» (см. журнал «Сельское благоустройство», 1858, № 9, стр. 260—261).

... *лаяя христианские кресты...* — О притеснениях, чинимых царской администрацией католической церкви, см. выше в наст. томе заметку «Иконоборство Безака в Подольской губ.».

... *ссылая богородицу с пьедесталей, запрещая молиться по-своему и говорить на родном языке...* — Об этом см. в статье «Скоты», которая была помещена в том же листе «Колокола», что и настоящая заметка; распоряжение А. П. Безака вести и католическое богослужение на русском языке вызвало еще ранее возмущенный отклик Герцена (см. «Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!» — т. XVIII наст. изд.).

... *дикий, вырвавшийся из гайдаматчины К о я л о в и ч сечет другого пути для истории ∞ как утраивая по высочайшему повелению украинские боины и галицийские порубки польских помещиков*. — Речь идет о профессоре русской церковной и гражданской истории Петербургской духовной академии М. О. Кояловиче. В своих учено-публицистических произведениях («Лекции по истории Западной России» — «День», 1864, № 14—29; «Документы, объясняющие историю западной России и ее отношения к восточной России и Польше», 1865; отдельные статьи в газетах «День», «Русский инвалид») он выступил рьяным проповедником политики насильственного обрусения Юго-Западного края, искусственного насаждения православия и религиозной нетерпимости к католицизму.

Он будет наверно против неокрепостников, их дворовых защитников и усердных вестовщиков ... — Активизация крепостнической реакции вызвала возмущенную отповедь Герцена в статье «Крепостники» (см. выше в наст. томе). Газета «Москва», действительно, вскоре вступила в полемику с «Вестью» (см. передовые статьи в №№ 33, 37, 49 газеты от 10, 15 февраля и 3 марта 1867 г.).

Стр. 213. ...*снова проповедовать против кровавого права казни, данного над нами беззаконно и воровски каждому капитану Копейкину и Скалозубу...* — На страницах газеты «Москва» Аксаков продолжал свои

протесты против смертной казни (см. передовую статью в № 18 от 24 апреля 1868 г.), которые были начаты в «Дне» (см., например, передовую статью в № 35 газеты от 7 октября 1865 г.). Об этих выступлениях Аксакова Герцен писал ранее в статьях «Полевое военное убийство в Харькове» и «Гуртовая бойня» (см. стр. 121 и 150 наст. тома).

Гоголевская «Повесть о капитане Копейкине» была известна Герцену в искаженном подцензурном варианте. Этим, очевидно, объясняется тот факт, что имя капитана Копейкина поставлено в один ряд с именем Скалзуба:

... *скупных волюмов ∞ об иезуитах...* — Герцен имеет в виду книгу Ю. Ф. Самарина «Иезуиты и их отношение к России» (М., 1866), ранее печатавшуюся в виде цикла статей «Ответ иезуиту отцу Мартыпову» в газете «День», 1865, №№ 45—52. Эта полемика «Дня» с иезуитами высмеивалась Герценом в статьях «Отец Мартынов и отец Самарин» (т. XVIII наст. изд.) и «Крепостники» (стр. 12 наст. тома).

И да будет ему Валуев легок! — Пародируя формулу эпитафий, Герцен выражает предвидение (вскоре оправдавшееся) цензурных затруднений для новой газеты. После трех предостережений издание «Москвы» ныло 30 марта 1867 г. прекращено на 3 месяца по распоряжению министра внутренних дел П. А. Валуева (см. «Crédit et débit», стр. 256 наст. тома). Всего за время существования газеты до ее полного запрещения 21 октября 1868 г. она получила девять предостережений и трижды приостанавливалась.

НЕМЦЫ

Печатается по тексту К, л. 231—232 от 1 января 1867 г., стр. 1896, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX, 173—174*) со следующей справкой: «принадлежность ясна из записки Чернецкого, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XIX, 451*).

Авторство Герцена подтверждается характерной для него тематикой заметки («русские немцы»), а также упоминанием о шутках А. П. Ермолова — ср. в главе XXV «Былого и дум»: «Замечательно, что тут русские слова, как на известном обеде генералов, о котором говорил Ермолов, звучат иностраннее латинских» (т. IX наст. изд., стр. 19).]

Стр. 214. ... *масса немцев на русской службе, растущая и вовсе не уменьшающаяся со времен шуток А. П. Ермолова?* — Говоря о «шутках» Ермолова, Герцен основывался, очевидно, на многочисленных устных рассказах и анекдотах, связанных с его именем. Ермолову приписывались, в частности, слова: «Во время представления мне лиц штаба графа Сакена я заметил, что все служащие были немцы: один только был русский... и то Безродный!» («Исторические рассказы и анекдоты из жизни русских государей и замечательных людей XVIII и XIX столетий», СПб., 1885, стр. 196). В книге о Ермолове Погодин приводит еще два анекдота в этом роде. У Ермолова спросили однажды, какой милости он желает. «Пусть пожалуют меня в немцы», — отвечал Ермолов (...). В другой раз, войдя в залу перед внутренними покоями императора Александра, где ждало много военных, он вдруг без всякого повода обратился к ним с вопросом: «позвольте узнать, господа, говорит ли кто из вас по-русски» (М. П. Погодин. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для биографии. М., 1864, стр. 6).

По случаю женитьбы наследника на Дагмаре... — 28 октября 1866 г. наследник русского престола вел. князь Александр Александрович женился на дочери короля датского принцессе Дагмаре, принявшей 13 октября православие под именем вел. княжны Марии Феодоровны. Об

этом Герцен писал ранее в заметках «Чем люди тешатся» и «Амнистия» (см. в наст. томе).

Распределение командующих на этом смотре следующее ∞ генерал-майор Р и х т е р». — Герцен цитирует отрывок из «Особого приказапия по войскам гвардии и Петербургского военного округа» от 11 октября 1866 г., № 181, опубликованного в газете «Русский инвалид» от 13 октября 1866 г., № 261. К подписи, стоящей в конце документа, слова «Подписал приказ» добавлены Герценом.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «БУДБЕРГ, ЧИЧЕРИН И К°» В ПАРИЖЕ

Печатается по тексту *К*, л. 231—232 от 1 января 1867 г., стр. 1896—1897, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «La Nation». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XIX, 174) со следующей справкой: «принадлежность ясна из пометки Чернецкого» (*Л* XIX, 451).

Авторство Герцена подтверждается идейно-тематическими особенностями заметки и биографическими данными. В период подготовки л. 231—232 Герцен был еще в Женеве. Уехав, он не переставал живо интересоваться этим судебным процессом, о чем свидетельствует вторая его заметка на ту же тему, не вошедшая в «Колокол» и публикуемая в настоящем томе по автографу (стр. 315).

15 января 1867 г. коммерческий суд департамента Сены рассматривал иск французского журналиста Л. Дююна, издававшего с июня 1863 по февраль 1865 г. газету «La Nation», к советнику русского посольства в Париже В. Н. Чичерину. Истцом был предъявлен контракт, заключенный с ним Чичериним 6 июня 1863 г., в силу которого Дююну поручалось приобрести газету, причем Чичерин брал на себя обязательство оплатить стоимость ее приобретения и затем — ежемесячные расходы по изданию, в том числе жалованье редактору, а Дююн — «сообразоваться во всем, что касается польского вопроса, с принятым им на себя изустным обязательством, принимать сообщения г. Чичерина относительно этого вопроса и вообще всего, что касается русской политики». Теперь Дююн требовал, чтобы не он, лишь номинальный редактор газеты на жаловании, а Чичерин, «настоящий владелец» ее, расплачивался по счетам обанкротившейся газеты.

В. Н. Чичерин уклонился от явки в суд, ссылаясь на дипломатическую неприкосновенность. Однако суд счел иск законным и присудил Чичерина к уплате исковой суммы в 175 тысяч франков и судебных издержек. Мотивировка приговора гласила, что права неприкосновенности не распространяются на «коммерческие действия» дипломатов, предприятия «для своих частных интересов».

Подробности этого процесса были изложены позднее в «Колоколе» в заметке П. В. Долгорукова «Процесс г. Чичерина в Париже» (*К*, л. 233—234 от 1 февраля 1867 г.). Приведем материалы из газетных отчетов о процессе (см. «Голос» от 10/22 января 1867 г., № 8, и «Le Nord» от 23 января 1867 г., № 23), Долгоруков резюмировал: «с.-п.-бургское правительство уличено в подкупе газет (...), а сверх того, в отказе платить долг» (*К*, стр. 1916).

«АНТРАКТ» И HORS-D'ŒUVRE

Печатается по тексту *К*, л. 231—232 от 1 января 1867 г., стр. 1897, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Антракт». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 174—177) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается по письму Огарева к Сатиру» (*Л XIX*, 451).

Авторство Герцена подтверждается тесной идейно-тематической и стилистической связью фельетона с другими статьями и заметками Герцена в «Колоколе» этой поры. Он насыщен намеками на политические события, которые постоянно находились в поле зрения Герцена.

Строки о потасовке ключницы и кастелянши близки к характеристике «дворовой» роли русской реакционной прессы в статье «Война: «Нельзя же драться из-за того, что Пруссия и Австрия ругаются, как две «судомойки или как два русских консервативных журнала», а также в статье «Грязь» о Каткове — «ливрейном холоде реакции» и в «Ответе И. С. Аксакову» о «дворовой „Вести“» (стр. 106, 153 и 246 наст. тома).

Герцен неоднократно писал в «Колоколе» и о том, что в честь О. Комиссарова заказывают иконы св. Иосифа Песнопевца и именем его называют новорожденных. Характерна для него в данном случае и игра на двух формах имени — просторечной и библейской — «Иосиф» и «Осип» — ср. «Яков—Иаков» (т. XIV наст. изд., стр. 183—184). Столь же характерно для стиля Герцена каламбурное использование названия полицейского участка: «частный дом, так называемый потому, что он общий полицейский» — ср., например, в статье «И. Кельснев и Н. Утин»: «Он предпочел — и прекрасно сделал — оставить сначала частный дом, в котором содержался, а потом и общий острог, в котором содержится Россия» (т. XVII наст. изд., стр. 234).

Сатирический фельетон, написанный в форме пробного листа (англ. *specimen*) новой театральной газеты, пародировал русскую реакционную прессу: ее нелепые отчеты о заседаниях и решениях государственных органов (см. также в наст. томе «Вопросы, запросы, загадки и финксы»), лживые верноподданнические излияния, фельетоны, в которых литературные и театральные новости преподносились в форме великосветской болтовни, и, наконец, редакционную полемику, которую Герцен изображает как «потасовку двух соперниц», соревнующихся в лакейском усердии и доносительстве. Фактической основой этой гротескной сценки послужила полемика о дальнейшем направлении русской политики в Польше и Литве, которую вели газеты «Весть» («княгинина ключница») и «Московские ведомости» («полицейская кастелянша») в ноябре—декабре 1866 г. «Московские ведомости» активно поддерживали царскую политику полного обрусения Западного края, продажи русскому населению земель польских помещиков и т. д., которая проводилась с 1865 г. генерал-губернатором северо-западных губерний К. П. Кауфманом и юго-западных губерний А. П. Безаком. Замена осенью 1866 г. Кауфмана гр. Э. Т. Барановым вызвала у Каткова опасения в предстоящих послаблениях полякам. В передовой статье «Московских ведомостей» от 20 ноября 1866 г., № 245, он призывал «спешить обрусением тамошнего землевладения» и высказывался за создание особого правительственного органа по управлению Западным краем. «Весть» же, выступавшую против ущемления интересов крупных, в том числе и польских, землевладельцев, «Московские ведомости» обвиняли в полонофильстве, грозя, по существу, полицейской расправой (см. также передовую статью в № 243 от 18 ноября 1866 г.). В. Д. Скарятин в свою очередь в «Вести» обрушился на Каткова с обвинениями в подкопах под собственность и в социалистических тенденциях (см. передовую статью «Вести» от 11 ноября 1866 г., № 90). Герцен и ранее высмеивал взаимные инсинуации официальной журналистики — см. «Донос на „СПб. Ведомости“», «Ввоз нечистот в Лондон» (т. XVII наст. изд.).

Стр. 215. *hors-d'œuvre* — здесь: сверх программы (франц.).

В Государственном совете рассматривали четыре последние просьбы о переименовании в И о с и ф ы... — Плуточный намек на продолжающуюся шумиху в реакционной прессе вокруг «подвига» О. И. Комиссарова (см. комментарий к стр. 59—60).

петентам... — просящим (от лат. «petere» — просить).

Стр. 216. В высшем свете ждут «Синюю бороду» и «Красную шапочку» в переводе незабвенного И. С. Тургенева. — В «С.-Петербургских ведомостях» от 17 декабря 1866 г., № 336, сообщалось о выходе в свет «Волшебных сказок Перро. Перевод с французского Ивана Тургенева. Рисунки Г. Дорэ. Издание М. О. Вольфа». В этом издании Тургеневу принадлежало предисловие, перевод отдельных сказок (Manuscripts parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930, p. 67) и редакция перевода остальных, сделанного Н. В. Щербанем (литературу вопроса см. в кн.: И. С. Тургенев. Сочинения, т. XI, 1956, комментарий к стр. 336—338).

Граф Толстой ∞ веренного ему монастыря просвещения... — Герцен иронизирует по поводу совмещения гр. Д. А. Толстым должностей обер-прокурора Святейшего синода и министра народного просвещения.

〈НОВАЯ «БАРХАТНАЯ КНИГА» РУССКИХ ДВОРЯНСКИХ РОДОВ〉

Печатается по тексту *K*, л. 233—234 от 1 февраля 1867 г., стр. 1914—1915, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф заметки сохранился в архиве Герцена (*ЦГАЛИ*). Время ее написания определяется письмом Герцена к Огареву от 7 января 1867 г.: «Я послал П (етру) В (ладимировичу) несколько строк о его „Записках“ — и их в этот лист». Последние два абзаца статьи отсутствуют в автографе и были приписаны Герценом позднее, как это следует из его письма к Огареву от 19 января 1867 г.: «Я никак не ожидал, что Долгор. недоволен статейкой. В поощрение прибавляю несколько строк, которые передай Чернецкому». Возможно, что по той же причине Герцен внес еще одно дополнение в текст, которое существенно меняет смысл фразы (см. вариант к стр. 219, строка 36). Остальные отличия текста автографа от текста *K* менее значительны (см. раздел «Варианты»).

Первый том «Записок» кн. П. В. Долгорукова вышел из печати еще в конце декабря 1866 г. (см. объявление об их продаже в *K*, л. 231—232 от 1 января 1867 г., стр. 1899). 1 января 1867 г. Герцен писал Н. П. Огареву, что встретил Новый год «в своей постели с „Записками“ кн. Долгорукова». О работе над статьей для «Колокола», характеризующей это издание, Герцен сообщает в письме к С. Тхоржевскому 5 января 1867 г.

Заметка Герцена о мемуарах Долгорукова вызвала резкий отзыв А. А. Серно-Соловьевича в брошюре «Наши домашние дела». Говоря о том, что целый абзац «Колокола» посвящен «грязным запискам „представителя древнейшей нашей княжеской фамилии“», он замечает: «Могу себе представить, как сладко ухмылялся князь Петр Владимирович, читая такой отзыв о себе в либеральной русской газете» (см. А. А. Серно-Соловьевич. Наши домашние дела. Ответ г. Герцену на статью «Порядок торжествует», *Vevey*, 1867, стр. 9).

Стр. 218. Новая «бархатная книга»... — Герцен иронически сравнивает разоблачительное произведение Долгорукова с официальной родословной книгой знатнейших дворянских родов, которая была составлена

в конце XVII в. специально учрежденной для этого в 1682 г. Родословных дел палатой. Название книги связано с ее бархатным малиновым перешлетом.

... книги «Бытия» и «Деяний»... — Название книг, входящих в Библию.

Но в последнее время ∞ у нас стали выдумывать не отдельные деревья, а целый лес ∞ наши аристократических дел стряпчие и помещичьи писаря. — Имеется в виду в первую очередь газета В. Д. Скарятина «Весть».

Историческая роль русского дворянства, сравниваемого с английской аристократией, восхвалялась, например, в передовых статьях №№ 4 и 13 газеты от 14 января и 18 октября 1865 г. В № 4 напечатана была также речь В. П. Орлова-Давыдова в Московском дворянском собрании 9 января 1865 г., в которой он говорил о «доблестных дворянах русских». О позиции «Вести» см. также выше заметку «„Антракт“ и hors-d'œuvre» и комментарий к ней.

С т р. 219. ... чудовищный, неистовый, уголовный *carmen horrendum*... — Песнь, ужасающая слушателей (лат.) — Так Т. Ливий характеризовал римский закон о наказании, которому должен был подвергнуться юноша-воин Гораций за убийство сестры (см. Т. Livius. Ab urbe condita liber I, cap. 26). В публицистике Герцена эти слова используются также в применении к следствию по делу декабристов (см., например, «Русский заговор 1825 года», т. XV наст. изд., стр. 142) и при характеристике «Записок из мертвого дома» в статье «Новая фаза в русской литературе» (т. XVIII наст. изд., стр. 219).

С т р. 220. С нетерпением ждем второй части великого обличения и разоблачения нашей аристократической дворни... — Второй том «Записок» не был издан при жизни автора. После его смерти в Берне в августе 1868 г. архив Долгорукова перешел по завещанию к С. Тхоржевскому. Несколько документов из этого архива опубликовано Герценом в «Supplement du „KoloKol“» 15 февраля 1869 г. под заголовком «Документы и бумаги князя Петра Долгорукова» (стр. 241—245). Во вступительной заметке к этой публикации Герцен сообщал: «С. Тхоржевский намерен обнародовать часть материалов, служащую продолжением „Записок“ П. Долгорукова (...). Любители „интимной“ истории найдут в этом собрании в высшей степени интересные откровения, касающиеся различных эпизодов русской истории XVIII в. и отчасти нашего» (см. т. XX наст. изд.). Осуществлению этого намерения помешали, однако, происки III отделения, агент которого К. А. Романин («издатель Н. В. Постников») купил в октябре 1869 г. у Тхоржевского бумаги Долгорукова с обязательством издать их. Документы, разоблачающие закулисную жизнь двора и царя, попали в руки охранки и были уничтожены. Изданная же в 1871 г. Романном брошюра: «Mmoires de feu le prince Pierre Dolgoroukov, t. II, premiere livraison» была во многом фальсификацией этих материалов, отвечающей видам правительства (см. Р. М. К а н т о р. В погоне за Нечаевым, 2 изд., Л., 1925, а также в ЛН, т. 62, стр. 132).

НАШЕ ПРАВОСУДИЕ

Печатается по тексту К, л. 233—234 от 1 февраля 1867 г., стр. 1915—1916, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

Сохранились рукописи (ЦГАЛИ), которые позволяют восстановить историю написания статьи.

В ее основе лежал набросок неизвестного автора, который Огарев послал Герцену, отсутствующему в Женева. Герцен прибавил заглавие и включил дополнительный материал, придав статье обобщающий характер. Эта часть статьи была написана, как это видно из приведенного ниже письма Герцена, до 11 января 1867 г. Огарев отредактировал первую часть статьи и сделал по указанию Герцена две вставки; текст Герцена

он передал в нетронутом виде для набора, как свидетельствуют об этом пометы на автографе, уточняющие написание отдельных букв.

Первая часть рукописи статьи, принадлежащая неизвестному автору, начинается со слов: «Все обвиненные...» (стр. 221, строка 2), и кончается словами «тем по шести» (стр. 222, строка 3). Текст этот слегка отличается от публикации в «Колоколе» — он носит характер наброска, «заготовки» для статьи: автор употребляет сокращения; строки «Правительствующий сенат, несмотря на ходатайство Уголов. палаты о смягчении наказания, увеличил сроки работ в следующ. размере» приписаны слева вдоль поля; там же, против столбца фамилий, помечены сроки наказания, определенные Сенатом: на 6 лет, на 10 лет, на 12 лет, на 14 лет, — из этих помет на полях сконструирован в «Колоколе» текст «Двум первым ∞ по шести» (стр. 221, строка 24—стр. 222, строка 3). Сбоку, против фамилий Жеманова и Щербакова, помечено: «оба бежали в ноябре 66 г.» — в тексте «Колокола» эта строка использована в подстрочной сноске. Вверху над текстом рукою Герцена сделан заголовок «Наше правосудие» и на оборотной стороне указание Огареву: «В „Колокол“. Припиши заглавие и обругай сенат за увеличение наказания. Кн. Долг(орукон) пишет, чтоб напечатать в „Кол.“ о приезде и спасении Щербакова — как вы прикажете. Я ничего не имею против» («Припиши», очевидно, означает рекомендацию принять написанное рукою Герцена заглавие).

Совет Герцена «обругать Сенат» Огарев учел, и в его редакционной обработке первой части статьи появилась фраза: «Что же это — отцы отечества, видно, совсем выжили из ума и из совести?» (стр. 222, строки 4—5). Рукою Огарева заново переписан на отдельном листке текст статьи, начиная от заглавия и кончая словами: «... из ума и из совести!»; вверху листа надпись: Смесь. Первоначальный набросок подвергнут Огаревым очень незначительной стилистической правке; столь же невелики и отличия этого текста от текста публикации в «Колоколе».

Следующая часть статьи представляет собою автограф Герцена. Он содержит текст «В декабре ∞ тупости, глупости и бессердечия!» (стр. 222, строки 6—25); затем следует заметка Герцена «Свобода книгопечатания» (стр. 315 наст. тома). В левом верхнем углу листа надпись: «Огареву»; ближе к правому углу — «В Колокол, N.В. Продолж. к „Наше правосудие.“». Против стихотворной цитаты на полях — помета, не поддающаяся расшифровке, очевидно, указание наборщику. Против строки со словами «не оказалось», подчеркнутыми прямой и волнистой чертой (стр. 222, строки 21 — 22), помечено: «Кр: <упным?>». Текст автографа передан в К совершенно точно, за исключением одного случая: слово «репутацию» (стр. 222, строка 15) можно прочесть в автографе скорее как «репутации».

Текст «В Оренбурге ∞ не сказано» (стр. 222, строки 26—28) был добавлен Герценом позднее, как это видно из записки, адресованной, очевидно, Огареву («амстердамская коллекция», см. фотокопию автографа): «перепиши пожалуйста для Кол <окола>. В смесь (к правосудию)» — далее в автографе следует текст «В Оренбурге ∞ не сказано», переданный в К без изменений. Конец статьи — «По определению военно-полевого суда ∞ („Моск. вед.“, 15 декабря 1866, № 264)» — был написан Огаревым по указанию Герцена, который писал ему 11 января 1867 г.: «Верно, ты не пропустишь в „Кол.“ расстреляние поляков в Сибири...»; 25 января 1867 г. Огарев ответил Герцену на это: «Поляков в Смесь вставил простой выпиской из „Московских ведомостей“» (ЛН, т. 39 — 40, стр. 426).

Стр. 221. ... по известному делу о вооруженном восстании в Казани... — Имеется в виду дело «О замышлявшемся в Казани вооруженном восстании и о распространении возмутительных воззваний», расследование

которого было начато Казанской следственной комиссией под председательством С. Р. Жданова в мае 1863 г. Руководящие деятели «казанского заговора» были преданы военному суду и расстреляны (об этом см. статьи Герцена «Из Сибири и Казани», «Jérom Kénévitz», «Убийства своим чередом» — т. XVIII наст. изд.).

Приговор Казанской уголовной палаты над остальными арестованными по этому делу, приведенный далее Герценом, был утвержден Сенатом 18 июля 1866 г., с увеличением сроков каторги осужденным. История «казанского заговора» получила освещение в статьях и мемуарах его участников (см. М. К. Э л п и д и н. Казанский заговор — *К*, лл. 205, 206 от 1 и 15 октября 1865 г.; И. М. К р а с н о п е р о в. Отрывки из воспоминаний — «Вестник Европы», 1905, № 12, «Мир божий», 1906, № 9—10, «Минувшие годы», 1908, № 12) и в последующих исследованиях М. К. Лемке (см. *Л* XVI, стр. 335—368), Б. П. Козьмина («Казанский заговор 1863 г.», М., 1929) и др.

Жеманов и Щербаков бежали в ноябре 1866.— Студенты Казанского университета А. Я. Щербаков и С. Я. Жеманов были членами связанной с казанским комитетом «Земли и воли» организации «апостолов-проповедников», которая вела революционную агитацию среди крестьян. Осужденные по делу о «казанском заговоре», они бежали из заключения 21 ноября 1866 г., выйдя из казанской тюрьмы под видом посетителей арестованных (см. А. Е р ш о в. Казанский заговор—«Голос минувшего», 1913, № 7, стр. 224, а также И. К р а с н о п е р о в. Отрывки из воспоминаний — «Вестник Европы», 1905, № 12, стр. 598—599). После побега Жеманов несколько месяцев скрывался в Казани, Щербаков же отправился в Швейцарию, где продолжал медицинское образование в Бернском университете. 21 декабря 1866 г. в Женеве он познакомился с Н. П. Огаревым (см. письма его к Огареву от 21 декабря 1866 и 21 января 1867 г. — *ЛН*, т. 62, стр. 727—728), а позднее и с Герценом. В том же листе «Колокола», что и настоящая статья, было напечатано сообщение о том, что он «находится за границей, в совершенной безопасности» (*К*, стр. 1916). В письме к Огареву от 8 марта 1867 г. Щербаков выразил опасение, что это объявление «может навести комиссию <...> на мысль — поискать Жеманова внутри России», и просил для дезориентации полиции поместить в «Колоколе» «известие о прибытии за границу С. Я. Жеманова» (*ЛН*, т. 62, стр. 728). Такое сообщение появилось в *К*, л. 237 от 15 марта 1867 г., стр. 1940. Впоследствии Щербаков и Жеманов, живя в Швейцарии, поддерживали связь с Герценом. Герцен не раз помогал Щербакову, находившемуся в стесненном материальном положении (см. «Общий фонд», стр. 328 наст. тома, и письма Герцена к М. К. Рейхель от 9 октября 1867 г. и к Огареву от 30 октября и 22 декабря 1868 г.).

Стр. 222. *В декабре месяце расстрелян в Варшаве казак из дворян Митрофан Подхалюзин ∞ выдала Австрия!*— Как сообщалось в заметке «Из Варшавы» в «Северной почте» от 2 декабря 1866 г., № 258 (перепечатка из «Dziennik Warszawski»), по приговору военного суда 22 ноября (4 декабря) 1866 г. был расстрелян в Варшаве казак 4 донского полка из дворян Митрофан Подхалюзин, обвинявшийся в «побеге в 1863 г. из службы к польским мятежникам», в «предводительствовании отдельной шайкой, в укрывательстве под чужим именем в Австрии до времени задержания его в марте 1865 г.».

«... На троне я Рослав и в узах я Рослав»...— Герцен перефразирует слова Росслава из трагедии Княжнина «Рослав»:

Рослав был в лаврах был, и в узах я Рослав.

(Действие II, явление 1).

... все так же выдает на казнь, как во времена Бакунина... — О выдаче М. А. Бакунина царскому правительству Австрией в 1851 г. см.

в статьях Герцена «Michel Bakounine», «М. А. Бакунин» (тт. VII и XVI наст. изд.) и в «Былом и думах» главу «М. Бакунин и польское дело» (т. XI наст. изд.).

Далее русские газеты нас извещают, что в Рязани приговорили к убиению Юрлова и Обновленского... — Приговор Юрлову и Обновленскому был приведен в исполнение в Рязани 23 февраля 1867 г. (см. заметку «Прогресс в гласности» в К, л. 238 от 1 апреля 1867 г.).

... по делу о возмущении поляков в Восточной Сибири... — О восстании ссыльных поляков в 1865 г. см. выше в наст. томе статью «Польша в Сибири и каракозовское дело» и комментарий к ней. В «Русском инвалиде» от 7 января 1867 г., № 7, была помещена конфирмация командующего войсками Вост.-Сибирского военного округа генерал-лейтенанта М. С. Корсакова «по делу о возмущении ссыльных поляков», утверждавшая смертный приговор над Г. Шарамовичем, Н. Целлиским, Я. Рэйнером (в тексте «Московских ведомостей» и в тексте «Колокола» ошибочно: Рэймер) и В. Котковским. К бессрочным каторжным работам были приговорены 249 человек, на 12 лет каторги осуждены 63 ссыльных, на 10 лет—10 ссыльных. Из 680 человек, преданных военному суду, лишь 95 человек были оставлены без дополнительного наказания.

«МОСКВА» — МАТЬ И МАЧЕХА

Печатается по тексту К, л. 235—236 от 1 марта 1867 г., стр. 1931—1932, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: И—р.

Сохранился автограф статьи (ЛБ), без подписи и без даты. Выписки из «Москвы» сделаны рукой дочери, Н. А. Герцен, слова «говорит корреспондент „Москвы“», вписаны самим Герценом. На первом листе автографа, слева на полях, против первой строки статьи, помета: «Кр(упным)». Рядом с большим вычерком (см. вар. к стр. 226, строка 22) помета: «большая аlinea».

Стр. 224. *Не вам, не вам водружать где бы то ни было хоругвь освобождения... — В газете «Москва» (о ее основании и программе см. стр. 212 и 436 наст. тома) была открыта агитационная кампания за оказание русским обществом и правительством помощи «братьям нашим плененным» — восставшему населению о. Крита, а также сербам и болгарам, стремившимся к освобождению от турецкого ига (см. передовую статью И. С. Аксакова в № 3 от 4 января 1867 г., воззвание митрополита московского Филарета о пожертвованиях в помощь христианам на Крите в № 4 от 5 января 1867 г. и другие статьи; об этом см. также) в наст. томе «Пророк-издатель»). Наряду с этим продолжались пачатые в газете «День» активные антипольские выступления Аксакова. Поэтому его новые протесты против мелочной опеки власти над проявлениями общественной инициативы вызвали ироническое замечание Герцена в письме к Н. П. Огареву: «Что за бомбист, что за риторика времен Вадима Пассека и супруги его, — и послужили поводом к обличению в настоящей статье «безобразного двойства» Аксакова. В комментируемых строках Герцен перефразирует слова из Псалтыри: «Не нам, не нам, а имени твоему...» (113 псалом, стих 9).*

Стр. 224—225. *Говоря о духовно-революционной демонстрации ∞ издатель замечает ∞ вода на помочах». — Герцен приводит отрывок из передовой статьи Аксакова, напечатанной в газете «Москва» от 11 января 1867 г., № 8, и посвященной общественной панихиде «по убиенным в бра-ни с турками кандиятам» (т. е. критянам), которая была организована по инициативе редакции газеты «Москва» 8 января 1867 г., но «встретила препятствия» со стороны министерства иностранных дел, с трудом «устраненные» лишь в последний момент.*

Статья Аксакова, приведенная Герценом в извлечениях, вызвала правительственное предостережение газете «Москва» как «исполненная резких суждений о существующих у нас отношениях между церковью и правительством». Ответ Аксакова на предостережение, помещенный в № 18 газеты от 22 января 1867 г., перепечатан в *К*, л. 237 от 15 марта 1867 г. См. также об этом в статье П. В. Долгорукова «Письмо из Петербурга» — *К*, л. 235—236, стр. 1923.

Стр. 225. *Постоянный житель Киева ∞ они выгонят всех вас отсюда*. — Герцен цитирует часть корреспонденции из Киева, помещенной в «Областном отделе» газеты «Москва» от 13 января 1867 г., № 10, без подписи. Говоря о голуховщине, автор ее имел в виду назначение в 1866 г. поляка гр. А. Голуховского наместником Галиции.

... *Катков, почивший на голубых лаврах своих*. — Намек на роль М. Н. Каткова как журнального доносчика (служебная форма жандармов была голубого цвета).

Стр. 226. *Летаргический сон ∞ не отрезвил его ...* — Намек на перерыв в публицистической деятельности Аксакова со времени прекращения газеты «День» (18 декабря 1865 г.) до основания с 1 января 1867 г. газеты «Москва» (об этом см. также выше в наст. томе, стр. 212).

... *некогда и для него ∞ были святы права человека и ненавистна рука правительства, врывающаяся в последние твердыни личности ∞ брея бороду седому Хомякову ∞ запрещающая, как непристойность, нашу народную поддевку?* — В 1849 г. подвергнуты были аресту Ю. Ф. Самарин и И. С. Аксаков (освобожденные через несколько дней). В апреле 1849 г. был разослан циркуляр министра внутренних дел губернским предводителям дворянства, запрещавший, по воле Николая I, русским дворянам носить бороды, так как при них невозможно пользоваться «правом ношения мундира». Этот приказ был воспринят славянофилами как запрещение русской одежды вообще, ношение которой было для них символом «русских начал» (см. об этом письма С. Т. Аксакова от 25 и 27 апреля 1849 г. к И. С. Аксакову и письмо К. С. Аксакова от 26 апреля к нему же — «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. II, М., 1888, стр. 141—146). Несмотря на письменные объяснения, которые С. Т. Аксаков направил в III Отделение, с него и с его сына Константина были взяты полицией расписки о выполнении приказа. «Мы все ходим уже бритые», — писал А. С. Хомяков А. Н. Попову в мае 1849 г. (см. А. С. Х о м я к о в. Полное собрание сочинений, т. VIII, Письма, М., 1904, стр. 191).

... *Садык-паша укажет правоверному султану ∞ а тот и начнет ∞ изводить не только людей, но и язык греческий...* — Имеется в виду ренегатская роль участника польского восстания 1831 г. польско-украинского националиста М. И. Чайковского, который вступил в 1851 г. на службу к турецкому правительству, приняв магометанство под именем Могаммета Садыка. Во главе сформированного им казачьего полка он участвовал в Крымской войне против России, а затем, в 1867 г., в подавлении национального движения в Болгарии, был лично близок к султану Абдуль-Меджиду и его преемнику с 1867 г. Абдуль-Азизу.

Мы об этой федерации сами мечтали ∞ проповедовали об ней, несмотря на смех с обеих сторон... — Идеи «демократической и социальной» федерации славянских народов Герцен развивал в статьях «Письмо русского к Маццини» (см. т. VI наст. изд.), «О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм» (см. т. VII наст. изд.), «Старый мир и Россия» (см. т. XII наст. изд.) и других.

ПРОРОК-ИЗДАТЕЛЬ

Печатается по тексту *К*, л. 235—236 от 1 марта 1867 г., стр. 1932, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

Стр. 227. «*Меркнет зоря на Западе ∞ Так в день богоявления господня провозвещал Иезекииль-Аксаков ∞ в Москве.* — Герцен цитирует начальные строки передовой статьи И. С. Аксакова, напечатанной в газете «Москва» от 6 января 1867, № 5. В статье рассматривалось отношение «католического» Запада и «православной» России к освободительному движению греков и славян против турецкого владычества, развилась панславистская программа объединения славян под опекой России, в связи с чем предсказывалось усиление значения православной церкви и падение могущества католицизма. Высокопарный и многозначительный тон автора статьи, претендующего на провидение будущего, высмеивается сравнением его с библейским пророком Иезекиилем, чьи пророчества были полны таинственных символов и видений, возвещавших падение, а затем восстановление Иерусалима и его храма. День богоявления в православном юлианском календаре приходился на 6 января.

... *знает наше мнение о Западе и о папе ∞ нашу сору в б у д у щ ю славу и значение России* ... — Убсждение в кризисе западно-европейской буржуазной цивилизации, высказанное Герценом еще в последних «Письмах из Франции и Италии» (см. т. V наст. изд.), стало основной мыслью книги «С того берега» (см. т. VI наст. изд.), а затем в работах «Россия» (т. VI), «Русский народ и социализм» (т. VII), «Старый мир и Россия» (т. XII наст. изд.) и многих других было дополнено народнической концепцией об особой исторической роли России, связанной с сохранением сельской общины, которую Герцен считал зародышем социализма.

... *антиминс...* — атрибут православного богослужения — покрывало с зашитыми в нем мощами.

Стр. 228. *Великое счастье, что Россия избежала римского крещения ∞ мы это не сегодня стали говорить.* — Эти мысли высказывались Герценом, в частности, в статьях «Россия», «Письмо русского к Машипи» (см. т. VI наст. изд., стр. 211—212, 232), «Старый мир и Россия» (см. т. XII наст. изд.).

Великий позор ждет Европу, если она, вместо греков, вступится за турков. Великое дело сделает Россия, если протянет им руку, — но ∞ оставьте в покое Византию ... — В указанной передовой статье Аксаков писал о дипломатических маневрах Англии, Австрии и Франции, поощрявших Турцию в ее расправе с восставшими на о. Крит греками, и заявлял: «За русским государством обязанность действовать в качестве внешней силы православного общества». Однако действительная помощь русского правительства критянам ограничилась лишь перевозкой на русских судах семей восставших с острова в Грецию. Кроме того, по инициативе русской дипломатии в апреле 1867 г. европейскими державами была направлена Турции коллективная нота (см. об этом подробнее комментарий на стр. 449 наст. тома). Но в ответ на отказ Турции, поддержанной Англией, никаких решительных действий эти державы не предприняли. В 1868 г. восстание было подавлено.

Мы русские, а не греки di Bas Empire ∞ из французской болезни в византийскую. — Симпатии славянофилов к Византии (*Bas Empire* — Восточная Римская империя), «этому бездонному стоячему болоту», были ранее подвергнуты Герценом уничтожающей критике в книге «О развитии революционных идей в России» (т. VII наст. изд., стр. 232—233).

... *все это «украшение в стиле», как говаривал один русский генерал в 1848 году.* — Подробнее об этом см. в последней главе «Скуки ради» (т. XX наст. изд.).

... *косвенно похвалишь императора Николая и Паскевича, «исполнявшего по крайнему разумению его волю... как это сказано в 2 № «Москвы».* — Герцен имеет в виду «Письмо из Варшавы», напечатанное в газете «Москва» от 3 января 1867 г., № 2, без подписи. Автор его писал: «... в недавнее еще время головой выдавалось полякам национальное

русское дело в лице <...> самого покойного императора Николая I и фельдмаршала князя Паскевича, виновного в том, что по мере крайнего разумения исполнял волю своего государя».

Даниил ∞ был тоже пророк, а как себя держал относительно тогдашних Николаев! — Библейская легенда наделяет израильского пророка Даниила чертами независимого и непреклонного правдолюбца, обличающего царей (см. Библия, Книга пророка Даниила, гл. IV, V, VI).

〈ОБЩЕСТВО ПОДЖИГАТЕЛЕЙ〉

Печатается по тексту *К*, л. 237 от 15 марта 1867 г., стр. 1933, где опубликовано впервые, без заглавия, с подписью: *Александр Герцен*. Заглавие взято из *ОЖ*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Заметка была написана за неделю до выхода в свет «Колокола», как это следует из письма Герцена к Н. П. Огареву от 8 марта 1867 г. из Флоренции: «Что вы, милые мои алармисты, так горячо привяли полицейскую дресню в „Голосе“? Пусть они пишут, что хотят. Ответ я написал проще и короче и посылаю его».

По поводу этой заметки Огарев писал Герцену 12 марта 1867 г.: «Я удивляюсь в твоей статье: почему ты выбрасываешь в статью Долгорукова бранные слова, а сам употребляешь в сто раз хуже? Но мне она все же нравится» (*ЛН*, т. 39—40, стр. 43). В ответном письме от 15 марта Герцен возражал: «Долгоруков ругается с посторонними и без причины; „я хочу оскорбить клеветников“ — пусть делают процесс, я же отвечаю сам» (см. также письмо Герцена к Огареву от 18 марта 1867 г.). Желая, чтобы настоящая заметка стала известна упомянутым в ней лицам, Герцен писал Огареву 17 марта 1867 г.: «„Колокол“ от 15 марта <...> следует послать <...> 1) Бергу в Варшаву, 2) Трепову в Петербург, 3) изд. „Варшавского дневника“, 4) — „Московских ведомостей“, 5) — „Голоса“, 6) — „Москвы“ 7) изд. „Journal de St.-Petersbourg“».

Помимо настоящей заметки, опровержению клеветы об участии в «зажигательстве» Герцен посвятил позднее «Письмо к Аксакову» и статью «Ответ Аксакову» (см. в наст. томе).

Стр. 229. В 46 № «Голоса» перепечатана статья из «Варшавского дневника» ∞ было занесено в всеподданнейший отчет генерал-полицейстера... — В газете «Голос» от 15 февраля 1867 г., № 46, в составе корреспонденции без подписи и заглавия была перепечатана из «Варшавского дневника» (1867, № 34) статья «Объяснение», которую и цитирует Герцен. В приведенных строках речь идет о «всеподданнейшем отчете» генерал-полицейстера в Царстве Польском Ф. Ф. Трепова за 1865 г.

Мы уже отечали Каткову на подобную клевету и звали его на суд — он отлынял. — Имеются в виду статьи Герцена «Письмо к издателю», «В редакцию „Инвариды“», «Агентство Герцена в Тульче и „Московские ведомости“», «Лжецы» и др. (т. XVIII наст. изд.). По поводу «отлынивания» Каткова от открытого судебного разбора его обвинений «перед английским или швейцарским судом» Герцен писал в заметках «Поджигатели и подлецы» и «Первая ретирада» (т. XVIII наст. изд.).

〈КОНЧИНА М. В. ПЕТРАШЕВСКОГО〉

Печатается по тексту *К*, л. 238 от 1 апреля 1867 г., стр. 1941, где опубликовано впервые, без подписи, в траурной рамке. Этим некрологом от редакции открывается лист «Колокола».

Деятельность и судьба М. В. Петрашевского глубоко волновали Герцена. Идеиные искания петрашевцев он расценивал как один из важных этапов в развитии социалистической мысли в России (см. «1831—1863» — т. XVII наст. изд., стр. 106—107; «Порядок торжествует!» — стр. 193 наст. тома), видя в них предшественников «новой России», России революционеров-разночинцев (см. «VII лет» — т. XVIII наст. изд., стр. 243—244).

Обстоятельства следствия над петрашевцами в 1849 г. и смертный приговор, замененный царем в последнюю минуту каторгой, многократно упоминались в статьях и письмах Герцена в ряду тяжких преступлений николаевской реакции. В «Колоколе» публиковались материалы «дела» петрашевцев (см. «Львов и Гагарин» — *К*, л. 140 от 1 августа 1862 г.) и многочисленные прошения Петрашевского о его пересмотре (см. «Юстиция и Михаил Васильевич Бутаевич-Петрашевский», «Необходимое приложение к прошениям г. Бутаевича-Петрашевского» — *К*, лл. 49—53 от 1 и 15 августа, 1 и 15 сентября и 1 октября 1859 г.).

Отбыв наказание на Шилкинском и Александровском заводах в Восточной Сибири, Петрашевский в 1856 г. был переведен на поселение в Иркутск, но в 1860 г. был вновь выслан в с. Шумское Минусинского округа, а позднее еще дальше — в с. Бельское Енисейского округа — в связи с его разоблачительными выступлениями по поводу дуэли Неклюдова и Беклемишева. Внимательно следя за мужественной общественной деятельностью Петрашевского в Сибири, Герцен откликнулся на его новую ссылку заметками «Тиранство сибирского Муравьева» — т. XIV наст. изд., стр. 315—316, и «Граф Муравьев-Амурский и его поклонники» — т. XV наст. изд., стр. 157. В «Колоколе» были опубликованы в связи с этим корреспонденция «Опять об Иркутской дуэли» (*К*, л. 101 от 15 июня 1861 г.) и «Просьба М. В. Петрашевского на имя министра внутренних дел» (*К*, л. 92 от 15 февраля 1861 г.).

НА ПЛОЩАДИ СВ. МАРКА

Печатается по тексту *К*, л. 238 от 1 апреля 1867 г., стр. 1941, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

Статья явилась первым программным выступлением «Колокола» по поводу восстания греков против турок на о. Крите, начавшегося в 1866 г., и широко развернувшегося к 1867 г. национально-освободительного движения в Сербии, Черногории, Болгарии против турецкого владычества.

15 марта 1867 г. Герцен писал Огареву: «Я считаю необходимым заявить сочувствие „Колокола“ к греческому делу и прошу сейчас написать твое мнение. Я сегодня же попробую написать». В ответном письме от 18 марта Огарев горячо одобрил намерение Герцена, неоднократно повторив просьбу «поскорее прислать» «о греческом огне». Но уже днем ранее Герцен выслал ему свой «манифест о греках», как он назвал эту статью в письме к Огареву от 17 марта 1867 г.

К этому времени судьба Крита стала одним из центральных вопросов международной политики. Весной 1867 г. Россия вела дипломатические переговоры о Крите с Францией, Северо-Германским Союзом и Италией, результатом которых явилась коллективная нота, врученная послами этих стран правительству Турции 6 апреля 1867 г. В ней были высказаны советы предоставить критянам путем плебисцита решить участь острова, что было бы равносильно присоединению его к Греции. В том же году европейские державы принудили Турцию удалить из Сербии турецкие гарнизоны.

В своей статье Герцен одобряет дипломатические шаги русского правительства в защиту греков, как впоследствии осудил бездействие его,

которое способствовало расправе турецких властей с критянами (см. в наст. томе «Котам игра, мышам слезы», «Августейшие путешественники»). Однако вопрос о независимости греков и славян был для Герцена в первую очередь проблемой не дипломатической или национальной, а одной из сторон развития международного демократического движения. В этой связи он упоминает в статье о встрече с Гарибальди в Венеции и беседах с ним о критских событиях.

Поэтому же Герцен добавляет к статье подстрочное примечание, в котором указывает на то, что царское правительство, оставаясь душегубителем политической и национальной свободы внутри империи, не может стать освободителем других народов. Эту часть статьи Герцен считал весьма существенной. Посылая статью в «Колокол», он писал Огареву 17 марта 1867 г.: «Не давай Долгорукову менять, особенно подстрочное замечание».

Тем не менее слова статьи о возможности «встречи» русского правительства с демократией в критском вопросе вызвали ироническое замечание А. А. Серно-Соловьевича в *postscriptum'e* к брошюре «Наши домашние дела» (см. стр. 39). Резко отрицательно оценивая выступление Герцена (см. стр. 37—40 указанного издания), Серно-Соловьевич противопоставлял ему статью Чернышевского «Народная bestолковость», в которой тот, обращаясь к славянофилам-панславистам, писал в 1861 г.: «...турецкие славяне освободятся без всяких пособий от вас; своими же сентиментальными излияниями и чувствительными рассуждениями о призвании русского орла (<...> вы положительно вредите освобождению турецких славян, возбуждая тревогу в западных державах» (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1950, стр. 838).

Еще до опубликования настоящей статьи Герцен сам, видимо, почувствовал неудовлетворенность ею, необходимость более четкого выражения своих взглядов по восточному вопросу. 22 марта он пишет Огареву: «Статью о Греции надобно поставить в сред(ину)» (это указание не было выполнено, статья «На площади св. Марка» помещена в «Колоколе» как передовая). А 31 марта Герцен делился с ним новым замыслом: «Я еще хочу написать по поводу реакции и восточного вопроса несколько слов воззвания к совести». 3 апреля новая статья на эту тему, под названием «Жаль», была послана Огареву и опубликована в «Колоколе» 15 апреля. Развивая тему подстрочного примечания статьи «На площади св. Марка», Герцен клеймит в ней господствующую в России «олигархическую реакцию», способную лишь «сгубить, вместо помощи, дело славянского освобождения, вскрывает то обстоятельство, что власть, «по натуральному влечению» борющаяся «с русским развитием (<...>, исказит и загрязнит греко-славянское дело».

Во всех последующих выступлениях по славянскому вопросу (см. «Славянская агитация», «Этнографическая агитация в Москве», «Мазурка» и другие статьи наст. тома) Герцен разоблачает великодержавную сущность панславизма, противопоставляя ему идею славянской демократической солидарности.

Стр. 231. *Мы выходили ∞ из дома, где останавливался Гарибальди в Венеции.* — Гарибальди приехал в Венецию 26 февраля 1867 г. Он поселился в здании «Старых прокураций», окна которого выходили на площадь св. Марка (см. в «Голосе» от 22 февраля / 6 марта 1867 г., № 53, корреспонденцию из Венеции Н. Родионова). Герцен, находившийся с 18 по 27 февраля в Венеции, посетил Гарибальди, по-видимому, 27 февраля (см. письма Герцена к Огареву от 26 и 27 февраля 1867 г.).

Стр. 232. *В русских газетах ∞ освобождены сттоманским правительством.* — Имеется в виду телеграмма из Патраса от 12 (24) февраля 1867 г., помещенная в газете «Голос» от 18 февраля 1867 г., № 49.

ДЕЛО КРЕСТЬЯНКИ ВОЛОХОВОЙ

Печатается по тексту К, л. 238 от 1 апреля 1867 г., стр. 1945, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается его письмом к Н. П. Огареву от 17 марта 1867 г.: «С другой стороны, хотелось бы упомянуть об аккитированной (оправданной) бабе. Я написал несколько строк сентиментальных, но свято искренних. Усиль их, пожалуй». Подстрочная сноска сделана Огаревым по поручению Герцена, который писал ему 20 марта 1867 г.: «Прибавь к нескольким строкам об аккитированной женщине, что защитником ее был князь Урусов».

С т р. 233. *Дело это читателям нашим известно ...* — Речь идет о деле крестьянки М. Е. Волоховой, обвинявшейся в убийстве своего мужа А. Волохова, совершенном 17 августа 1866 г. В предшествующих листах «Колокола» нет никаких упоминаний о деле Волоховой. Отчеты о заседаниях московского окружного суда от 10 и 11 февраля 1867 г., посвященных разбору этого дела, публиковались во всех московских и петербургских газетах.

Отчет процесса оканчивается так ∞ невинную освободили от суда. — Герцен цитирует заключительную часть статьи об этом судебном процессе, напечатанной в газете «Голос» от 17 февраля 1867 г., № 48, без подписи.

Защитник Волоховой ∞ с тех пор стал любимой знаменитостью русской адвокатуры. — Защита Волоховой положила начало известности либерального адвоката кн. А. И. Урусова, незадолго перед тем окончившего Московский университет. В своей речи он, по отзыву А. Ф. Кони, «уничтожил» «силой критического разбора улики» тяжкое и серьезное обвинение (см. А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. I, СПб., 1912, стр. 476). Впоследствии А. И. Урусов не раз выступал защитником в политических процессах.

ЖАЛЬ

Печатается по тексту К, л. 239 от 15 апреля 1867 г., стр. 1949—1950, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р*. Этой статьей открывается лист «Колокола».

Беловой автограф статьи сохранился в архиве Герцена (*ЦГАЛИ*; разночтения приведены в разделе «Варианты»). На первом листе автографа, слева от заглавия, помета Герцена: «(можно пустить 1-й статьей)». Слева же, на полях, вдоль верхней половины листа рукою Герцена написано: «Прошу непременно корректуру». В левом верхнем углу следующего листа автографа, где начинается абзац «Конечно, история...» — помета Герцена: «К(онец) статьи „Жаль“». В конце автографа подпись: «*И — р*» и дата: «6 апреля. Ницца». Далее, на том же листе, следует текст заметки Герцена «Русский» (см. в наст. томе под названием «Новый журнал», стр. 243).

О замысле статьи Герцен писал Огареву 31 марта 1867 г.: «Я еще хочу написать по поводу реакции и восточного вопроса несколько слов воззвания к совести»; очевидно, об этом намерении шла речь и в письме Герцена к Огареву от 29 марта 1867 г.

Статья «Жаль» писалась Герценом в первые дни апреля 1867 г. В письме к Н. П. Огареву от 3 апреля он сообщал: «Посылаю вторую „первую Грецию“ под заглавием „Жаль“» («первой Грецией» Герцен называл статью «На площади св. Марка» — см. выше в наст. томе и комментарий к ней).

Статью «Жаль» Герцен считал необходимым довести до сведения русской общественности и просил Огарева «посылать „Колокол“ как можно больше и в редакции, и в Москву» (см. стр. 453 наст. тома).

Стр. 234. *Вскоре будет построена часовня в память неудавшегося выстрела ...* — В первую годовщину покушения Д. В. Каракозова на Александра II, 4 апреля 1867 г., т. е. еще до напечатания статьи, была торжественно освящена часовня у ворот Летнего сада, сооруженная на средства, собранные по подписке (см. корреспонденцию «Открытие и освящение часовни у Летнего сада в Петербурге» в «Московских ведомостях» от 7 апреля 1867 г., № 77).

Стр. 235. ... *без пальто Меншикова и мороченья английского посла...* — Герцен высмеял поведение царского посла в Константинополе в 1853 г. А. С. Меншикова в статье «Пальто Меншикова и рубаха Муравьева Вешателя»: «Меншиков под солнцем Византии преет в пальто, чтоб показать форс» (т. XIV наст. изд., стр. 303).

Весной 1867 г. послы России, Франции, Северо-Германского союза, Италии в Константинополе заявили турецкому правительству, что их правительства рекомендуют предоставить критянам самостоятельность. Лишь английское правительство отказалось присоединиться к этому коллективному представлению. Говоря о «мороченье английского посла», Герцен, по-видимому, имеет в виду переговоры, с английским послом в Петербурге, в которых русская дипломатия ставила себе целью добиться изменения позиции Англии в критском вопросе, не идя в то же время на обострение отношений с ней.

... *озабоченные ∞ унятием земских собраний...* — По повелению Александра II, 16 января 1867 г. были закрыты петербургское губернское земское собрание, а также губернская и уездные земские управы, с отрешением их членов от должностей; поводом к закрытию послужили отчет и доклад губернской управы земскому собранию от 3 января 1867 г., где «причислялись действия административных властей» по управлению земским хозяйством, что возбудило в земском собрании «неуместные прения». См. об этом также «Вопросы, запросы, загадки и сфинксы» — стр. 275 наст. тома и комментарий к ней, а также «Письмо из Петербурга» П. В. Долгорукова — *К*, л. 235—236 от 1 марта 1867 г., стр. 1919—1922; «Indépendance belge» — *К*, л. 237 от 15 марта 1867 г.; «Две речи гр. А. П. Шувалова» — *К*, л. 238 от 1 апреля 1867 г.

... *притче евангельского виноградаря, бранившего его, но шедшего на работу.* — Имеется в виду евангельская притча о виноградаре и его двух сыновьях. Когда отец послал их работать на винограднике, один из них сначала отказался последовать его совету, а затем, «раскаявшись, пошел» (Евангелие от Матфея, гл. XXI, 28—29).

Стр. 236. ... *мы чуяли, куда потянет ветер ∞ в Американском союзе.* — См. статью «Америка и Россия» в наст. томе.

Нельзя искоренять язык ∞ переводить насильственно вывески ... — См. статью «Скоты» — стр. 208 наст. тома и комментарий к ней. На «насилственный перевод» польских вывесок Герцен с возмущением откликнулся в заметке «Киевлянин» — т. XVIII наст. изд., стр. 403. О репрессиях за ношение траура см. заметку «К муравьевщине» — т. XVII наст. изд.

Стр. 237. ... *посылать публично набранные складчины грекам ∞ «птицеловам» произносить возмутительные тосты. Нельзя не краснеть посылать фрегаты для спасения чужих эмигрантов ...* — О сборе средств в пользу кандидатов см. комментарий к стр. 252 наст. тома. Упомянутая о «птицелове», Герцен имеет в виду, по-видимому, выступление вел. князя Николая Николаевича во время благотворительного бала, устроенного в Петербурге в помощь критянам 30 декабря 1866 г. (об этом бале,

благотворительная цель которого не была названа из дипломатических соображений, см. фельетон «Вседневная жизнь» в «Голосе» от 1 и 8 января 1867 г., №№ 1 и 8, за подписью «Х. Л.». Русский фрегат «Генерал-адмирал» в январе 1867 г. перевез 1200 женщин, детей и стариков с о. Крита в Грецию (см. «Москва» от 22 февраля 1866 г., № 43).

... лист «Московских ведомостей» ∞ *воззвания к грекам и галичанам*. — Имеется в виду, в частности, обращение Погодина «К галицким братьям», напечатанное в «Московских ведомостях» (см. стр. 157—159 наст. тома и комментарий к ним).

ПИСЬМО К И. С. АКСАКОВУ

Печатается по тексту *К*, л. 239 от 15 апреля 1867 г., стр. 1950—1951, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*.

Рукопись статьи, сохранившаяся в архиве Герцена (*ЦГАЛИ*), состоит из трех частей. Первая переписана неизвестной рукой на отдельном двойном листке и содержит весь текст письма Герцена к И. С. Аксакову (стр. 238, строка 2 — стр. 239, строка 7); в левом верхнем углу первого листа помета Герцена: «Для Колокола» и его же рукою — дата вверх этого листа: «10 марта 1867. Флоренция». Вторая часть — автограф Герцена — содержит текст: «Издатель „Москвы“ ∞ большую честь» (стр. 239, строки 8—11); этому тексту предшествуют пометы Герцена: «В Колокол. Письмо к Аксак<ову>» и «больш<ая> аlinea». После слов «большую честь» следует указание Герцена о введении цитаты: «Теперь слово в слово. Есть он у вас?» Далее следует заключительная часть статьи — от слов «Если б эти строки» и до конца; в конце подпись: «*А. Г.*» и дата: «Ницца. 5 апреля 1867 г.». На обороте автографа рукою Герцена написано:

«Примечание ad usum Ник<олаю> Платонов<ичу>».

Ответ Аксакову должен быть очень серьезен и его надобно консервировать, а не с бухты-барухты написать издали. Я прошу напечатать эти строки, а письмо приготовлю к 1 мая. Это очень важный случай — я хочу и Кельсиева оправдать. Баку<нин> не пишет, да я порядком его адреса не знаю — послал ему второе письмо (одно *Posta firma*, другое по стар<ому> адресу).

Посылайте Кол<окол> как можно больше и в редакции и в Москву. Статья о Греции должна быть известна».

Третью часть рукописи составляет выписка из № 58 «Москвы», сделанная неизвестной рукой.

Разночтения с текстом *К* приведены в разделе «Варианты».

Настоящая статья, как и написанная двумя днями ранее заметка «Общество поджигателей» (см. выше в наст. томе и комментарий к ней на стр. 448), имела целью опровержение инсинуаций «Варшавского дневника», повторенных многими русскими газетами, в частности «Голосом» А. А. Краевского, об участии Герцена и М. А. Бакунина в организации пожаров в России.

В день отправления письма Аксакову, 15 марта 1867 г., Герцен послал копию его Огареву в Женеву. При этом он писал: «В следующем листе „Колокола“ напечатать ее необходимо. Поместит он или нет, все равно». Вскоре выяснилось, что и «Москва» (№ 38 от 16 февраля 1867 г.) перепечатала статью «Варшавского дневника», однако с редакционным вопросительным знаком в скобках при имени Герцена. Это не изменило намерения Герцена напечатать письмо к Аксакову в ближайшем листе «Колокола» (см. его письма к Огареву от 17 и 22 марта 1867 г.) и отправить оба листа «Колокола» (л. 237 от 15 марта со статьей «Общество поджигателей» и л. 238

от 1 апреля 1867 г. с письмом Аксакову) Ф. Ф. Бергу, Ф. Ф. Трепову, а также издателям русских газет. Лишь настоятельные советы Огарева побудили Герцена задержать публикацию письма в «Колоколе» до выяснения, будет ли оно помещено в «Москве» (см. письма Огарева к Герцену от 18 марта — ЛН, т. 39—40, стр. 441, и Герцена к Огареву от 31 марта 1867 г.).

Редакционные комментарии Аксакова, в сопровождении которых появилось письмо на страницах «Москвы» (№ 58 от 14 марта 1867 г. — «Письмо в редакцию»), вызвали немедленный отклик Герцена, составивший вторую часть настоящей статьи. Продолжением полемики Герцена явилась статья «Ответ И. С. Аксакову», которая была напечатана в следующем, 239 листе «Колокола» 1 мая 1867 г. (см. в наст. томе).

В двух письмах к Бакунину, не дошедших до нас, Герцен советовал ему также выступить с печатным опровержением (см. об этом в письмах Герцена к сыну Александру от 19 марта и к Огареву от 22 марта 1867 г., а также в письме Бакунина к Герцену от 8 апреля 1867 г. — Письма В, стр. 190). Впоследствии в «Колоколе», л. 241 от 15 мая 1867 г., были опубликованы два открытых письма Бакунина Герцену, клеймящие измышления реакционной печати (см. в наст. томе редакционные примечания к публикации писем М. А. Бакунина и комментарий к ним на стр. 512).

Стр. 238 ... *знаменитая Тульчинская агенция ∞ доказательств никто не представил.* — См. комментарий к стр. 229 наст. тома.

Стр. 239. *Имя Краевского пропущено в «Москве».* — При публикации письма Герцена в газете «Москва» (№ 58 от 14 марта 1867 г.) в абзаце, к которому Герцен делает подстрочное примечание, были пропущены слова «хоть бы какому-нибудь Краевскому, например, но —».

... *Пилат «Голоса» уже омыл руки.* — 16 марта в газете «Голос» (№ 75) было помещено заявление «От редакции». Цитируя по газете «Москва» отрывок из письма Герцена, редакция затем отмежеввалась от напечатанной на страницах «Голоса» клеветы, ссылаясь на то, что она была преподнесена не от имени редакции, а была буквально перепечатана из газеты «Варшавский дневник». Герцен сравнивает это заявление Краевского с действиями римского правителя Иудеи Понтия Пилата, который, по библейской легенде, отдал Христа на распятие по требованию фарисеев, умыв при этом руки в знак своей непричастности к казни.

СОПЕРНИКИ БОЛЬШОГО КОЛОКОЛА И БОЛЬШОЙ ПУШКИ

Печатается по тексту К, л. 239 от 15 апреля 1867 г., стр. 1956, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Соперники». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается его письмом к Н. П. Огареву от 31 марта 1867 г. об отправке ему в «Смесь» «тартинки о Каткове».

Стр. 241. *Корреспондент «Норда» ∞ указывает ∞ на Филарета, 84-летнего первосвященника, и на Каткова ...* — Речь идет о корреспонденте «Chronique de Moscou», напечатанной в газете «Le Nord» от 28 марта 1867 г., № 87, отдел «Russie». Автор ее, говоря о примечательных явлениях общественной жизни Москвы, с большим пиететом характеризует митрополита Филарета, «поразительную ясность» его «разума» и «святость образа жизни». Другой «характерной для Москвы личностью, замечательной по независимости своих мнений», он считает М. Н. Каткова, «первого истинно русского публициста».

в клетку Салтычихи... — В 1768 г. известная своими зверствами над крепостными помещица Д. Н. Салтыкова была приговорена юстиц-коллегией за убийство более ста крестьян к смертной казни, замененной, по повелению Екатерины II, лишением всех прав состояния и пожизненным тюремным заключением в подземелье при Ивановском московском девичьем монастыре.

...не надвигаясь любезности и кротости ярого редактора-инквизитора. — «Иностранцы журналисты были бы удивлены в высшей степени, — пишет корреспондент бельгийской газеты, — если бы могли оказаться в обществе этого человека, полного кротости, который, откладывая перо, расстанется со своим воинственным настроением и который в частной жизни вносит в свои споры столько же примирения и любезности, сколько вкладывает пыла в журнальную полемику».

... его ставят выше «Вести» не только соперником большого колокола, но и малого, именно нашего. Один доезжащий большой барской охоты ∞ называет катковские статьи колокольными. — Имеется в виду передовая статья В. Д. Скарятина в газете «Весть» от 10 марта 1867 г., № 30. Автор ее, полемизируя с Катковым по земскому вопросу, называет передовую статью в «Московских ведомостях», № 51, «колокольной» и иронически прибавляет: «Занемогли редакторы «Московских ведомостей», и вместо них передовые статьи начал писать издатель „Колокола“». О доносительских приемах, к которым прибегали в полемике между собой эти реакционные газеты, см. также выше в наст. томе статью «„Антракт“ и hors-d'œuvre» и комментарий к ней. На это сравнение «Московских ведомостей» с «Колоколом» Герцен указал еще ранее в письме к Н. П. Огареву от 31 марта 1867 г.

... Серафим-Абадонна, придется ему «печальной мыслью бродить в минувшем»... — Герцен цитирует поэму Ф. Клопштока «Месснада» (ч. I, пень II). Ту же ироническую параллель между Катковым и Абадонной, вспоминающим с беспильным раскаянием о своем грехопадении, см. в статье «Логика падения» (т. XVIII наст. изд., стр. 108).

OMNE EXIT IN FUMO

Печатается по тексту К, л. 239 от 15 апреля 1867 г., стр. 1956, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОЖ озаглавлено: «Дорогой гость». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 271) со следующей справкой: «принадлежность ясна из письма Огарева Чернецкому, хранящегося в архиве семьи Герцена» (Л XIX, 454).

Авторство Герцена подтверждается также редакционным характером заметки, который в данном случае не может быть отнесен за счет Огарева или Долгорукова. При долголетней дружбе, связывавшей Герцена с Тургеневым, только он мог себе позволить на страницах «Колокола» резкие оценки компромиссной общественной позиции Тургенева и художественных достоинств его нового романа. Определение «Московских ведомостей» как «полицейской редакции» текстуально совпадает с характеристикой этой газеты в статье Герцена «Польша в Сибири и караозовское дело» (стр. 129 наст. тома). Ссылка на отрицательную оценку Тургеневым органа Каткова основана была на сведениях, полученных Герценом от М. В. Авдеева (см. об этом далее в реальном комментарии).

Заметка явилась ироническим откликом Герцена на сообщение, помещенное в «Московских ведомостях» от 21 марта 1867 г., № 64. В связи с приездом Тургенева из-за границы и пребыванием в Москве в марте 1867 г. анонимный автор писал: «Мы слышали, что дорогой гость Москвы

И. С. Тургенев собирается озаглавить свой приезд в нашу столицу добрым делом: прочесть в пользу жителей восточной Галиции несколько слов из своего нового романа „Дым“, который появится в „Русском вестнике“. Такое чтение действительно состоялось 29 марта 1867 г. в зале Благородного собрания. Писателем был прочитан отрывок «У Губарева» (гл. IV романа «Дым»), о чем вновь в восторженных тонах сообщали «Московские ведомости» в «Записках москвича» (№ 73 от 1 апреля 1867 г.).

Участие Тургенева в этом публичном выступлении, инспирированном реакционной газетой, могло быть воспринято общественностью лишь как выражение солидарности писателя с ее «полицейской редакцией» в славянском вопросе и потому резко осуждалось Герценом. Его ирония направляется в заметке и против других неудачных политических выступлений Тургенева (см. заметки «Патриотизм в Париже» — т. XVII наст. изд., «Сплетни, копать, пагар и пр.» — т. XVIII наст. изд. и комментарии к ним). Сотрудничество Тургенева в «Русском вестнике» Герцен осуждал на протяжении многих лет, считая его политически безтактным и беспринципным (см., например, письма его к Тургеневу от 9 февраля и 12 декабря 1862 г., от 24 февраля 1863 г.). 19 мая 1867 г. он вновь писал Тургеневу в связи с опубликованием «Дыма» в «Русском вестнике» (№ 3): «...что ты поддерживаешь Каткова, это больно видеть; будто ты не нашел бы издателя без гнусного доносчика, о котором ты сам отзывался (кажется, мне говорил Авд(еев) с омерзением».

Так же резко оценивает Герцен этот факт в заметке «Новый роман Тургенева „Дым“» и в статье «Отцы сделались дедами» (см. в наст. томе).

С т р. 242. *Мы уверены, что И. С. Тургенев будет протестовать ∞ оценка полицейской редакции этого органа служит нам залогом.*— Никаких попыток отмежеваться от газеты Каткова Тургенев не предпринимал. Однако в письме от 17 мая 1867 г. он, имея в виду, очевидно, настоящую заметку, шел нужным специально, хотя и в шутивной форме, упомянуть об этом как о своей «великой вине». А 22 мая, отвечая на приведенные выше обвинения Герцена в письме от 19 мая 1867 г., признавался: «Единственная вещь, которая меня самого грызет, это мои отношения с Катковым, как они ни поверхностны. Но я могу сказать следующее: помещаю я свои вещи не в „Московских ведомостях“, этакой беды со мной, надеюсь, никогда не случится, а в „Русском вестнике“, который не что иное как сборник и никакого политического колорита не имеет, а в теперешнее время „Русский вестник“ есть единственный журнал, который читается публикой и который платит. Не скрываю от тебя, что это извинение не совсем твердо на ногах, но другого у меня нету <...>. А мнение мое о „Московских ведомостях“ и об их редакторе остается то же самое, которое я высказывал Авдееву» (см. *Письма КТГ*, стр. 192). Ссылка в данном случае (как и в письме Герцена от 19 мая) на мнение Тургенева о Каткове, переданное Герцену через писателя М. В. Авдеева, относится к беседе, которую последний имел с Герценом в Женеве, по поручению Тургенева, по-видимому, в 1865 г. О попытке Тургенева восстановить «долголетнюю дружбу» с Герценом, поручив переговоры Авдееву, сообщает в своих «Воспоминаниях о Тургеневе» Н. А. Островская, хотя относит ошибочно поездку Авдеева в Женеву к 1864 г. (см. «Тургеневский сборник», II., 1915, стр. 75—76). После публикации «Дыма» участие Тургенева в «Русском вестнике» почти прекратилось: здесь были напечатаны лишь «История лейтенанта Ергунова» в 1868 г. и «Несчастная» в 1869 г. С июля 1867 г. Тургенев принял предложение М. М. Стасюлевича о сотрудничестве в «Вестнике Европы».

...будет успешнее болгарской ∞ чтоб ∞ она не кончилась, как болгар и Травиата, а ш л е м.— «Болгарской агитацией» Тургенева Герцен называет его роман «Накануне». Смерть Инсарова он сравнивал также с судьбой Травиаты и ранее, в статье «Новая фаза в русской литературе»

(т. XVIII наст. изд., стр. 216). Эта параллель навеяна, возможно, сценой посещения оперы Еленой и Инсаровым в Венеции (см. «Накануне», гл. XXXIII).

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

Печатается по тексту *K*, л. 239 от 15 апреля 1867 г., стр. 1956, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОЖ* пропущено. Автограф сохранился в архиве Герцена (*ЦГАЛИ*). В автографе заметка называется «Русский» и находится на том же листе, что и окончание статьи Герцена «Жаль». Слева вдоль полей рукою Герцена написано: «В „Смесь“». Разночтения с текстом *K* приведены в разделе «Варианты».

С т р. 243. *М. П. Погодин издает с 13 марта новый журнал под заглавием «Русский».* — Еженедельная (с 1 июля 1868 г. ежедневная) политическая и литературная газета М. П. Погодина «Русский» начала выходить в Москве с 13 марта 1867 г. (объявление о предстоящем издании появилось в «Московских ведомостях» 12 марта 1867 г., № 57). Большой интерес Герцена вызвало опубликование Погодиным на страницах газеты «Дорожных записок 1865 года», в которых он описывал свои встречи с Герценом в Монре́ в сентябре 1865 г. (см. «Русский», л. 9—10 от 10 апреля 1867 г., стр. 137—145). 8 сентября 1867 г. Герцен писал Огареву об этой публикации Погодина: «Он рассказал встречу верно, хотя есть и пропуски предположенные».

Если он желает старого приятеля своего Вёдрина сотрудником ∞ плоды своих заморских чувствований ∞ дневников. — От имени Вёдрина Герцен писал в 1843 и 1863 гг. фельетоны-пародии на произведения Погодина (см. «Путевые записки г. Вёдрина» — т. II наст. изд.; «Старика Вёдрина крепкое до польских братьев слово» — т. XVII наст. изд.). Ироническое предложение Герцена свидетельствует о его готовности продолжить полемику с Погодиным и вместе с тем о его упорных поисках путей к русскому читателю в период снижения популярности «Колокола». При этом Герцен не избегает идейно чуждых изданий, которые наименее могли пострадать от обнаружения властями его авторства. Так, узнав об основании газеты «Русский», Герцен писал Огареву 3 апреля 1867 г.: «Погодин издает журнал. Пошли ему <...> прошлый № и тот, в котором будет письмо Аксакову. Я готов к нему написать письмо длиннее — его не скомпрометируешь...» Однако надежды на возможность печататься в новом издании не осуществились. В письме к Погодину от 13 августа 1867 г. Герцен задает ему вопрос: «Зачем в России нельзя печатать моих статей, ну хоть без подписи?» Одновременно Герцен ведет через В. Р. Зотова переговоры о сотрудничестве в «Отечественных записках» или «Голосе» (см. письмо В. Р. Зотова к Герцену от 5(17) сентября 1867 г. — *ЛН*, т. 62, стр. 142, а также письмо Герцена к А. О. Бауману от 8 октября 1867 г.). Позднее цикл очерков «Скуки ради» при посредничестве А. П. Пятковского публиковался в газете «Неделя», № 48 за 1868 г. и №№ 10 и 16 за 1869 г. (см. *ЛН*, т. 61, стр. 137—145, 287).

...какое место займет Русский старик между Харибдой Аксакова и Сциллой Каткова? — Герцен ставит газету Погодина в один ряд с «Москвой» И. С. Аксакова и «Московскими ведомостями» М. Н. Каткова. В письме к Огареву от 8 сентября 1867 г. Герцен охарактеризовал позицию «Русского» как «бред в духе холмогской демократии, пропущенной через кишку попа и пузырь старой няньки, любящей Митрофанушку».

ОТВЕТ И. С. АКСАКОВУ

Печатается по тексту К, л. 240 от 1 мая 1867 г., стр. 1957—1961, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер*. Этой статьей открывається лист «Колокола». Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 245, строка 18: никто не смел заикаться без брани *вместо:* никто не смел заикаться, без брани

Стр. 244. ...моего письма из Флоренции в «Москву». — Речь идет об открытом письме Герцена к И. С. Аксакову от 10 марта 1867 г. (см. стр. 238—239 наст. тома), опубликованном в газете «Москва» 14 марта 1867 г. (№ 58) с редакционными замечаниями Аксакова (см. стр. 239 наст. тома), на которые Герцен и отвечает настоящей статьей. 5 апреля 1867 г. Герцен писал Огареву: «Ответ Аксакову должен быть очень серьезен, и его надобно концерттировать <согласовать>, а не с бухты-барухты написать издали <...> письмо приготовлю к 1 мая. Это очень важный случай — я хочу и Кельсиева оправдать» (см. стр. 453 наст. тома). Приступив к работе над статьей 6 апреля, он заканчивает ее 11 апреля 1867 г. В процессе писания и по окончании статьи Герцен выражает в письмах к Огареву удовлетворение «Ответом Аксакову» (см. письма от 8 и 12 апреля 1867 г.). Придавая настоящей статье «большую важность», Герцен внимательно следил за откликами общественности на нее, находя, что она «наделала много шума» (см. письмо его к сыну Александру от 11 мая, к М. Мейзенбург от 14—15 мая, к Г. Н. Вырубову от 17 мая, к Н. А. Огаревой от 20 и 22 мая 1867 г.): «Я нахожу, что ты делаешь слишком много „Kratzfüsse vor den Slavophilen“ <расшаркиваний перед славянофилами>» (*Письма КТГ*, стр. 192). О том же писал Герцену М. А. Бакунин 7 мая 1867 г. (см. *Письма Б*, стр. 195).

Стр. 245. ...оставить отечество и уж без той земли, которую я, вопреки Дантону, унес на своих подошвах... — Герцен имеет в виду известные слова Дантона, сказанные им накануне ареста в ответ на предложение бежать из Франции от преследований Робеспьера: «Разве можно унести отечество на подошвах башмаков?»

«Один из умнейших противников» — Ю. Ф. Самарин, который писал Герцену 3 августа 1864 г.: «...русский крестьянин, переселенный с насильственного места в дальнюю сторону, всегда забирает с собой в платке горсть родной земли <...>, дорожит ею и бережет ее, как святыню. Мне кажется, что и в ваш умственный скерб чья-то рука, без вашего ведома, уложила узелок земли с того берега» («Русь», 1883, № 1, стр. 38).

Ива-ва черных грязей, в которые вы попали... — Игра слов, в которой использовано название подмосковной почтовой станции Черная грязь, где Герцен, уезжая из России, простился с провожавшими его друзьями 19 января 1847 г. (см. об этом «Былое и думы» — т. IX наст. изд., стр. 222, и т. X, стр. 25).

Стр. 246 ...мы первые указали на союз России с Америкой? — Имеется в виду статья «Америка и Сибирь», открывавшая лист 29 «Колокола» от 1 декабря 1858 г. (см. т. XIII наст. изд.). См. также выше в наст. томе статью «Америка и Россия».

...испугался Чичерин и др. — По-видимому, намек на сообщение, помещенное в газете «Москва» от 12 февраля 1867 г., № 35, о том, что «шесть профессоров Московского университета подали просьбы об отставке», в том числе С. М. Соловьев, И. К. Бабст, Б. Н. Чичерин. О конфликте в Совете университета в 1866 г., вызвавшем отставку Чичерина, см. в книге: Б. Н. Ч и ч е р и н. Воспоминанья. Московский университет, Л., 1929.

...е 1862 году орган, близкий «Москве», принимал польскую национальность за живую и правомерную?— Имеется в виду позиция И. С. Аксакова и его газеты «День» в польском вопросе в 1861—1862 гг. Так, 18 ноября 1861 г. Аксаков писал в передовой статье «Дня» (№ 6): «Осуждая со всей резкостью правды притязания поляков на Смоленск и Киев, мы бы погрешили против логического смысла, если бы стали осуждать законность их патриотизма в отношении к Познани, Кракову и Варшаве...» 6 октября 1862 г. в передовой статье «Дня» (№ 40) доказывалась «необходимость и польза для самой России в существовании самобытного государственного польского центра».

Стр. 246—247. ...один из свирепейших врагов Польши с 1862 ∞ пил в Праге тост за восстановление Польши?— Речь идет, по-видимому, о М. П. Погодине и его поездке в Прагу в 1856 г. В пятидесятые годы он выступал за отделение Польши от России (см. «Послание к полякам», «Записка о Польше», «Польша и Россия» — в сб.: М. П. Погодин. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831—1867, М., 1867, стр. 43—64). О позиции Погодина в польском вопросе во время польского восстания 1863 г. см. т. XVII наст. изд., стр. 175, 255, 256.

Стр. 247. ...проект об отделении конгрессовой Польши был на столе у государя ∞ одного из великих князей — королем?— В 1862 — начале 1863 г. в петербургских официальных кругах обсуждались проекты предоставления большей самостоятельности Польше внутри Российской империи (в частности, один из таких проектов был разработан маркизом А. Велёпольским). Слухи о предстоящем восстановлении в Царстве Польском конституции 1815 г. и назначении вел. князя Константина Николаевича королем Польши распространялись не только в Петербурге (см. письмо А. А. Куника к М. П. Погодину от 22 мая 1862 г. — Н. П. Басуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XIX, СПб., 1905, стр. 233), но ими была полна европейская пресса (см. «Александровская конституция и павловское время» — т. XVII наст. изд., стр. 72). Уже после начала польского восстания, в марте 1863 г. Наполеон III в беседе с русским послом А. Ф. Будбергом рекомендовал эту меру правительству Александра II (см. В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957, стр. 211, 217).

...родомонтад дипломатии...— Имеются в виду три ультимативных заявления Англии, Франции и Австрии по польскому вопросу, врученные А. М. Горчакову 5(17) апреля, 15(27) июня и в начале августа 1863 г. *Rodomontade* — бахвальство, фанфаронство.

...народы, которые хотят быть побеждены ∞ как женщины ∞ бросятся на юнкерскую койку берлинского Дона Жуана Бисмарка.— Речь идет о присоединении к Пруссии после победы в австро-прусской войне 1866 г. немецких государств Ганновер, Гессен, Нассау, Шлезвиг, Гольштейн и др.]

Стр. 248. Мы говорили откровенно наше мнение полякам ∞ IV письмо о Польше в «Колоколе» за 1859 год.— Имеется в виду статья Герцена «Россия и Польша», опубликованная в «Колоколе» в 1859—1860 гг. в форме пяти писем-ответов на статьи польских публицистов (см. т. XIV наст. изд.).

Время насильственных крещений à la Charlemagne...— Под «крещеннями» в духе Карла Великого Герцен подразумевает насильственное насаждение христианства в завоеванных им землях на территории нынешней Германии, Испании и др., сопровождавшееся массовыми выселениями и истреблением предводителей непокорных племен (например, при подавлении восстаний племен саксов в 772—804 гг.).

Прудон проповедовал федерализм как единственную...— Запятая после слова «единственную» — по тексту «Колокола».

Стр. 249. *Вы один ∞ имели мужество сказать это.*— О/ протесте Аксакова против смертных казней см. комментарий к стр. 213.

...общественное мнение ∞ етеснило правительству чудовище ∞ для усмирения Литвы...— В назначении М. Н. Муравьева 1 мая 1863 г. генерал-губернатором Северо-Западного края, при личной неприязни царя к нему, сыграли большую роль как выступления реакционных газет (в первую очередь «Московских ведомостей») и дворянской общественности, так и происки некоторых влиятельных сановников и церковников из личного окружения Александра II и его жены. Говоря об общественном мнении Самары, Герцен имеет в виду постановление дворянского собрания Самарской губернии от 24 апреля 1863 г., призывавшее дворян губернии не оставаться «вне пределов отечества» в минуту опасности для него (см. статью Герцена «Самара»—т. XVII наст. изд.).

...проповедовать гнуснейшее французское изобретение de la complicité morale...— См. комментарий к стр. 67.

...как польские дети говорят с родителями по-польски...— См. «Скоты», стр. 208 наст. тома.

...остананавливать на улице русских честных женщин ∞ нет криминол и еть синие очки?— См. стр. 207 наст. тома.

...Кроме панского ряда в «Вести» ∞ статьи относительно поляков, очень строгие, но полные человеческого понимания, И. Желудкова.— Имеется в виду защита интересов польских помещиков, проводившаяся на страницах газеты «Весть» (см., например, передовые статьи в номерах от 7, 9, 12, 18 ноября 1866 г. и др.). Им противопоставляет Герцен фельетоны В. И. Кельсиева, напечатанные за подписью В. Иванова-Желудкова в «Голосе» от 3 и 9 марта 1867 г., №№ 62 и 68 под заголовком «К путешествию по Галичине. Польские эмигранты». Автор их с уважением рисует типы польских эмигрантов, фанатически преданных идее независимости Польши и не желающих унижением добиваться прощения.

Стр. 250. *Сначала повторю весь текст ваших замечаний...*— Далее Герцен цитирует редакционные строки И. С. Аксакова, сопровождавшие публикацию письма Герцена к нему в газете «Москва» от 14 марта 1867 г., № 58. Эти строки уже ранее были приведены Герценом в статье «Письмо И. С. Аксакову» (см. стр. 239 наст. тома).

...я еще раз скажу, что вы решительно не годитесь в Фулке-Тенеилл православия и народности...— В статье «Письмо к Аксакову» Герцен писал: «И. С. Аксаков был бы плохой общественный обвинитель, что ему делает большую честь» (стр. 239 наст. тома).

Стр. 251. *...я год тому назад писал, что поехал бы, если б верил, что осменя отпустят с миром...*— См. статью «В редакцию „Инциалида“» (т. XVIII наст. изд., стр. 418).

...довольно ею поиграли «Московские ведомости».— См. «Агентство Герцена в Тульче и „Московские ведомости“» (т. XVIII наст. изд.), а также комментарий к стр. 23 наст. тома.

В Тульче некогда жили братья Кельсиевы ∞ один из них ушел в Турцию от гонений по студентскому делу ∞ к ним присоединились двое других русских эмигрантов...— Подробную характеристику В. И. Кельсиева, а также сведения о его нелегальной поездке в Москву в марте — мае 1862 г. для налаживания связей с раскольниками и деятелями «Земли и воли», историю его жизни в Тульче в 1863—1864 гг. см. в гл. «В. И. Кельсиев» «Былого и дум» (т. XI наст. изд., стр. 329—340). И. И. Кельсиев в феврале 1862 г. был сослан в Верхотурье Пермской губ. за активное участие в студенческом движении осенью 1861 г. Однако 30 июля 1862 г. он был вновь арестован на месте поселения и отправлен в Петропавловскую крепость в связи с тем, что в руки III отделения попала рукопись его статьи для «Колокола». В марте 1863 г. он был приговорен к четырех-

месячному заключению в крепости и возвращению на жительство в Верхотурье. 25 мая 1863 г. он бежал из московской тюрьмы и отправился в Константинополь, а затем в Тульчу, где умер 9 июля 1864 г. Герцен и Огарев высоко ценили этого мужественного ученика Чернышевского (см. его письма к Герцену и Огареву — ЛН, т. 62, стр. 229—253, статью Герцена «Кельсиев и Утин» — т. XVII наст. изд., некролог «И. И. Кельсиев» — т. XVIII наст. изд., а также письма Огарева к Е. В. Салпас от 2 октября 1863 г. и 26 июня 1864 г. — ЛН, т. 61, стр. 821, 832).

В комментируемых строках речь идет также об эмигрантах М. С. Васильеве и П. И. Краснопевцеве, приехавших из Лондона и поселившихся в Тульче в июле—августе 1864 г. Подробнее о русской колонии в Тульче см. в т. XVIII наст. изд. статью «Агентство Герцена в Тульче и „Московские ведомости“» и комментарий к ней.

Стр. 252. ...не поверю участию Бакунина в «обществе зажигателей». Я на днях получил от Бакунина письмо, самым положительным образом отвергающее нелепую клевету. — В ответ на письма Герцена (о них см. стр. 453 и 454 наст. тома) Бакунин в письме от 8 апреля 1867 г. просил по его «полномочию» опровергнуть клевету (см. Письма В, стр. 190).

В подстрочном примечании речь идет, возможно, о первом из двух открытых писем Бакунина к Герцену (о них см. комментарий на стр. 512 наст. тома), датированном 20 апреля 1867 г.; о его получении Герцен сообщил Бакунину 29 апреля 1867 г.

...л и с т «Колокола» ∞ подписку ∞ для «общего фонда» и для общества «Земля и воля», по просьбе его комитета? — Сбор средств в Общий фонд был открыт при редакции «Колокола» в мае 1862 г. (см. т. XVI наст. изд., стр. 98) и продолжался до 15 мая 1867 г. (см. стр. 327 наст. тома и комментарий к ней). В К, л. 157 от 1 марта 1863 г., было напечатано также обращение Совета общества «Земли и воли» о денежных пожертвованиях (см. в т. XVII наст. изд., стр. 371). В дальнейшем «Колокол» печатал регулярно редакционные отчеты о полученных суммах.

Раз я получил от известного флорентинца Дольфи вексель ∞ общества вспомоществования полякам. — О желани Дольфи и других итальянских революционеров оказывать денежную помощь польскому восстанию при посредничестве Герцена последний писал дочерям 26 февраля 1863 г. (характеристику Дольфи см. в письме Герцена к Огареву от 11 ноября 1863 г.). О других пожертвованиях в помощь полякам-эмигрантам см. открытое письмо Герцена редактору «Przeglądu rzeczy polskich» (т. XV наст. изд., стр. 130).

...как Филарет митрополит, Блудова Антонина, вы сами ∞ доставляли ∞ деньги, собранные в России... — 5 января 1867 г. митрополит Филарет выступил на страницах газеты «Москва» (№ 4) с воззванием о помощи «бедствующим критянам», сообщив об образовании в Чудовом монастыре специального Комитета «для собрания пособий». В № 1 «Москвы» от 1 января 1867 г. был напечатан призыв гр. А. Д. Блудовой к пожертвованиям в пользу женщин, детей и раненых, бежавших в Грецию с о. Крита. В передовой статье № 3 «Москвы» Аксаков призывал русскую общественность к помощи восставшим кандиотам. Впоследствии на страницах газеты регулярно печатались сообщения о поступивших денежных суммах. В «Московских ведомостях» от 1 апреля 1867 г., № 73, был помещен отчет Комитета «для принятия пожертвований в пользу христиан, пострадавших на Кандии». За три месяца было собрано 71 300 руб., «кои препровождены для употребления по назначению».

Стр. 253. ...в кучах сора ∞ какого-нибудь артиллерийского генерал-литератора и ∞ «Варшавского дневника»... — Намек на клеветнические статьи о Герцене и «тульчинском агентстве» в газетах «Dziennik Warszawski» и «Русский инвалид», редактором которого в 1864—1868 гг. был генерал-

майор С. П. Зыков (см. об этом «В редакцию „Инвалида“» — т. XVIII наст. изд.).

Мы были с самого начала против восстания, и не только в статьях, но во всех разговорах. — См. статью Герцена «К русским офицерам в Польше» (т. XVI наст. изд., стр. 254—255), письмо его к И. Цверцьяквичу от декабря 1862 г., а также описание переговоров Герцена и Огарева с представителями Центрального национального комитета А. Гиллером и Э. Падлевским в «Былом и думах», гл. «М. Бакунин и польское дело» (т. XI наст. изд., стр. 369—373).

Стр. 254. *...стихотворную брань Суворову за то, что вилениский изверг был ему гадоком.* — Имеется в виду стихотворение Ф. И. Тютчева «Гуманный внук воинственного деда...», которое Герцен цитировал с возмущением в заметке «Поворотная линия» (т. XVIII наст. изд., стр. 19).

не поседевшими Магдалинами с понурой головой... — Намек на П. С. Тургенева (см. «Сплетни, копоть, нагар и пр.» — т. XVIII наст. изд., стр. 35).

Стр. 255. *...двойные ренегаты и изменники, как ∞ Джунковск и ∞ обращение в православие из папских агентов ∞ наполняет благоуханием кривна сельного благочестивые души в Москве и Петербурге.* — В 1842 г. С. С. Джунковский, окончив Петербургский университет, уехал за границу с намерением знакомить иностранцев с православием, но в Риме перешел в католичество, вступил в орден иезуитов, а позднее стал священником. С 1853 г., после отклонения его проекта переустройства римской церкви, его удаляют из Рима под предлогом разных поручений (в Лондоне он строит церковь для иностранцев-католиков, в продолжение семи лет вводит католичество у эскимосов и т. д.). В связи с этим Герцен и называет его «папским агентом du bas étage» (низкорядным — франц.). Его возвращение в Россию в 1866 г. и переход в православие вызвали большой шум в русской реакционной печати.

...что предварительная цензура у нас уничтожена... — Об указе Александра II от 6 апреля 1865 г. см. комментарий к стр. 31 наст. тома.

«Москва» остановлена на три месяца. — См. в наст. томе заметку «Crédit et débit» и комментарий к ней.

CRÉDIT ET DÉBIT

Печатается по тексту К, л. 240 от 1 мая 1867 г., стр. 1962—1963, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки (известно, что во время подготовки л. 240 «Колокола» Герцен был уже в Женеве), идейно-тематическими связями и прямыми текстуальными совпадениями с другими статьями Герцена.

В заметке говорится, что газета И. С. Аксакова «Москва» «противоположна» «Колоколу» по направлению, но что это «честнейший и чистейший орган русской печати»; ср. в статье Герцена «Письмо к И. С. Аксакову», напечатанной в предыдущем листе «Колокола»: «Мы с вами совершеннейшие противники (<...> Но вы честный человек и любите правду» (стр. 238 наст. тома). «Последним честным издателем» назвал Герцен И. С. Аксакова в статье «Личное дело» (т. XX наст. изд.). О нем же как противнике, который заслуживает уважения, Герцен писал в «Ответе И. С. Аксакову» (стр. 244—255 наст. тома). В заголовке использованы термины «crédit» и «débit» в том же значении, что и в письме Герцена к И. С. Тургеневу от 19 мая 1867 г.

В издании М. Ю. Лемке отнесено к разряду Dubia (т. XIX, 292).

Стр. 256. Противуположный нам по направлению ∞ орган русской печати «Москва» получил т р е т ь е предостережение и приостановлен на три месяца.— Идейные позиции газеты И. С. Аксакова Герцен характеризовал в статьях «Москва», «„Москва“— мать и мачеха», «Пророк-издатель» (см. выше в наст. томе). Распоряжение министра внутренних дел о приостановке на три месяца газеты «Москва» (с 30 марта по 29 июня 1867 г.) было напечатано в «Северной почте» от 28 марта 1867 г., № 69. Об этом см. упоминание в письме Герцена к Н. А. Огаревой от 20 апреля 1867 г.

Опасно путаться в закулисные дела там, где роль impresario играет дряхлый селадон Адлерберг...— Герцен считал, что действительной причиной приостановки газеты «Москва» послужила передовая статья в № 66 газеты от 23 марта 1867 г. В ней Аксаков выступил с резкой критикой «Предостережения г. г. редакторам <...> повременных изданий», составленного Советом Главного управления по делам печати (см. его публикацию в составе заметки «Предостережение» — К, л. 239 от 15 апреля 1867 г.) и запрещавшего печатание статей, которые содержат «предосудительные слухи об управлении императорскими театрами» и «поричание действий театральной администрации». Это предостережение было инспирировано министром императорского двора гр. В. Ф. Адлербергом.

Причина Валуевым дана ∞ статья о пробсте Дейбнер...— В распоряжении о приостановке газеты «Москва» была упомянута статья в № 65 газеты от 22 марта 1867 г., посвященная репрессированию пробста (старшего пастора) А. Дебнера, с книгой которого «История христианской веры» (Рига, 1864—1866) орган И. С. Аксакова вел ранее полемику. За «оскорбительные отзывы о православной религии» в этой книге Дебнер был по предписанию министерства внутренних дел уволен от должности пробста с воспрещением ему «дальнейшего издания сочинений религиозного содержания». Аксаков в своей статье выразил неодобрение этому акту, лишившему его возможности возражать «противнику, осужденному на безмолвие».

...накануне приезда славянских гостей на этнографическую выставку в Москве...— Этнографическая выставка была открыта в Москве 23 апреля 1867 г. О славянском съезде, состоявшемся в связи с этим 16—20 мая 1867 г., см. далее в наст. томе статьи «Славянская агитация», «Этнографическая агитация в Москве», «Мазурка» и др.

Стр. 256—257. *Владимирский окружной суд ∞ судебные издержки возложить на управление государственных имуществ*.— Отчет о судебном заседании Владимирского окружного суда от 16 марта 1867 г. был напечатан в «Московских ведомостях» от 28 марта 1867 г., № 69.

ПЕРВЫЙ ЧТО?

Печатается по К, л. 240 от 1 мая 1867 г., стр. 1964, где было опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тематикой заметки, связанной с дружкой, его ироническими высказываниями об Александре II как «первом дворянине» (см. об этом в т. XV, стр. 366). Характерна для Герцена и каламбурная концовка заметки.

<НОВЫЙ РОМАН ТУРГЕНЕВА «ДЫМ»...>

Печатается по тексту К, л. 240 от 1 мая 1867 г., стр. 1964, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОЖ. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено (по-видимому, ошибочно) к разряду Dubia (Л XIX, 292) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Чернецкого» (Л XIX, 455).

Авторство Герцена подтверждается его письмами этой поры, содержащими неоднократные упоминания о Тургеневе и Каткове. Герцен писал 6 мая 1867 г. Н. А. Огаревой: «Роман Тург. очень плох, и он за него получил 5 т. сереб. от Каткова»; ср. также в письме к И. С. Тургеневу от 19 мая 1867 г.: «Но что ты поддерживаешь Каткова, это больно видеть; будто ты не нашел бы издателя без гнусного доносчика». В следующем листе «Колокола» заметку о «Дыме» («Отцы сделали дедами») также написал Герцен.

Неоднократно писал Герцен в 1865—1867 гг. и о том, что слава М. Н. Каткова уже проходит. Так, в заметке «Соперники большого колокола и большой пушки» сказано: «Уж не клонится ли к концу великая карьера муравьевского Гомера? Он что-то бледнеет, выветривается...» (наст. том, стр. 241). «Катков бледнеет с каждым днем», — сообщал Герцен Н. А. Огаревой в письме от 25 апреля 1867 г.; «Катков начинает пугаться», — писал Герцен в статье «Ответ И. С. Аксакову» в л. 240 «Колокола» (наст. том, стр. 246), а в заметке «Полноте врать!» говорил о «закате» Каткова (наст. том, стр. 263).

Характерно для Герцена обыгрывание названия романа Тургенева «Дым» и катковского «чада террора и доносительства»: ср. с аналогичной словесной игрой в статье Герцена «Отцы сделали дедами»: «И нужно ему эдакие дымы кольцами пускать!» (наст. том, стр. 261).

Стр. 258. *Новый роман ∞ приобретен, говорит «Весть», «Русским вестником» за «пять тысяч» руб.* — Это сообщение появилось в газете «Весть» от 24 марта 1867 г., № 36. Роман «Дым» был напечатан в журнале «Русский вестник», 1867, № 3 (см. в наст. томе статью «Отцы сделали дедами»).

...и он исподволь начинает признаваться ∞ и орудием обмана». — Герцен цитирует отрывок из передовой статьи М. Н. Каткова, напечатанной в «Московских ведомостях» от 19 марта 1867 г., № 63.

«СЛАВЯНСКАЯ АГИТАЦИЯ»

Печатается по тексту К, л. 241 от 15 мая 1867 г., стр. 1969, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОЖ. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 312) со следующей справкой: «принадлежность ясна из записки Огарева, хранящейся в Рум. муз.» (Л XIX, 455). Несмотря на то, что поиски этой «записки» не привели к положительным результатам, авторство Герцена бесспорно определяется и без нее идейными и стилистическими особенностями заметки. О торжественных обедах, которые устраивались в эту пору в петербургском и московском английских клубах в честь Муравьева Вешателя и М. Н. Каткова, Герцен писал неоднократно в 1866 и 1867 гг.; характерна для Герцена необычная синтаксическая конструкция: «есть» с дательным падежом — «стерляди ели Муравьеву, а кулебяки Каткову»; ср. в статье «К концу года»: «Патриотические банкеты замолкли, никто не пьет Муравьеву ни просто, ни по телеграфу...» (т. XVIII наст. изд., стр. 466) и в статье «Катков и государь»: «...Если ты ешь — ты ешь государю...» (стр. 120 наст. тома). Столь же характерно использование названия оперы Д.-Ф. Обера «Немая из Портичи» (в России ставилась под названием «Фенелла») в ироническом смысле; ср. в статье «12 апреля 1861 г.» о «С.-Петербургских ведомостях»: «Наша „Немая из Портичи“ создалась, наконец, в пролитии крови в Бездне» (т. XV наст. изд., стр. 107).

С т р. 259. ...представители всех славянств ∞ едут посмотреть на выставку... — С 23 апреля по 18 июня 1867 г. в Москве, в помещении Экзерциргауза (Манеж) была открыта Всероссийская этнографическая выставка, организованная по инициативе Общества любителей естествознания. Под этим предлогом Московский славянский комитет организовал в Москве съезд представителей славянских народов. В заседаниях, происходивших с 16 по 20 мая, приняло участие около 80 депутатов, представлявших главным образом буржуазно-националистические круги обществности славянских народов, находящихся под властью Австрии (чехи, словаки, хорваты) и Турции (сербы, болгары, черногорцы и др.). Русское правительство покровительствовало съезду, видя в солидаризации славян один из путей к усилению своего влияния на Балканах. Московские славянофилы и другие панслависты (Погодин, Аксаков, Черкасский, Катков и др.), ставя задачей съезда сближение между восточными славянами, с одной стороны, и западными и южными—с другой, имели скрытую цель — закрепление за Россией главенствующей роли в славянском движении. Представители славянской общности были заинтересованы в возможности опереться на Россию в освободительной борьбе против Австрии и Турции, но не хотели попасть под власть царской империи, — поэтому съезд и не принял никаких конкретных решений. О славянском вопросе в связи с пребыванием славянских гостей в России см. также в наст. томе «Этнографическая агитация в Москве», «Мазурка» и другие статьи. Подробную характеристику съезда см. в статье С. А. Никитина «Славянские съезды 60-х годов XIX в.»— «Славянский сборник», М., 1948, стр. 16—72.

...«Москва» и И. С. Аксаков будут представлять Фенеллу и молчать в Кремле, так, как та молчала в Португи.— Саркастически сравнивая И. С. Аксакова с героиней оперы Ф. Обера «Немая из Португи», Герцен подразумевает временную приостановку газеты «Москва» с 30 марта 1867 г. (о причинах см. «Crédit et débit» — стр. 256 наст. тома и комментарий к ней). На страницах этой газеты особенно широко велась пропаганда идей панславизма, а ее редактору Аксакову как секретарю Московского славянского комитета принадлежала значительная роль в подготовке славянского съезда.

...совет их на общую думу ∞ Одним Каванским собором не отделаешься теперь перед войной... — Строительство Казанского собора было закончено в 1811 г. Используя в каламбуре разные значения слова «собор», Герцен утверждает необходимость коренной демократизации общественного строя страны (о требовании бессословного Земского собора см. «1857—1867», стр. 285 наст. тома) как неперемennого условия объединения славянских народов вокруг России в их предстоящей борьбе против турецкого и австрийского господства.

В ЮЖЕ| МЕРУ МЕРИТЕ...

Печатается по тексту К, л. 241 от 15 мая 1867 г., стр. 1969, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «„Debatte“ и „Голос“». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тесной идейно-тематической связью заметки с другими публикациями Герцена, посвященными этнографической выставке в Москве («Славянская агитация», «Этнографическая агитация в Москве», «Мазурка»). В пользу принадлежности заметки Герцену свидетельствуют также ее строки о Каткове и «Московских ведомостях», встречавшиеся уже в статьях «Крепостники» («Катков, замазанный всеми грязями, нагло улыбающийся, когда его называли „доносчиком“» — стр. 7 наст. тома) и «Катков и государь» (стр. 117).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XIX, 312—313).

Поводом для выступления Герцена послужила передовая статья газеты «Голос» от 20 апреля 1867 г., № 108, автор которой полемизировал с освещением в австрийских газетах «Presse», «Debatte» значения Этнографической выставки в Москве и предстоящей поездки на эту выставку представителей австрийских славян.

Протест «Голоса» против «доносов» австрийских газетчиков позволил Герцену напомнить читателям о точно таких же правах русской консервативной печати, постоянно разоблачаемых им в «Колоколе» (см., например, в наст. томе «Бешенство доносов» — в статьях самого «Голоса»). В 1867 г. он неоднократно сопоставлял демагогические сетования русской прессы на притеснения славян в Австрии и Турции с их собственными выступлениями за порабощение Польши (см. «„Москва“ — мать и мачеха», «Наше правосудие», «На площади св. Марка» и другие статьи наст. тома).

В заглавии заметки Герцен пользуется словами евангелия (см. Евангелие от Матфея, гл. VII, 2).

СУМАСШЕСТВИЕ

Печатается по тексту *K*, л. 241 от 15 мая 1867 г., стр. 1969—1970, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Из письма Герцена к Н. А. Огаревой от 12 мая 1867 г. видно, что активная роль в подготовке л. 241 «Колокола» принадлежала Герцену: «...я, как управляюсь с этим „Колок(олом)“ (он выйдет 16 мая), еду в Лозанну и Берн».

Принадлежность заметки Герцену определяется ее тематикой и фразеологией, тесно связанной с другими его высказываниями о Польше (см., например, в наст. томе «Катковское „Vive la Pologne!“»). О распоряжениях русского правительства, противоречащих здравому смыслу, см. также в заметке «Да здравствует разум!» и в комментариях к ней (стр. 477 наст. тома).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XIX, 313).

Указ Александра II Правительствующему сенату от 28 марта 1867 г., послуживший поводом к написанию настоящей заметки, был напечатан в «Северной почте» 4 апреля 1867 г. (№ 75). В нем определялась «общая цель преобразований в гражданском устройстве и управлении Царства Польского — «полное слияние сей части государства» («с прочими частями оно») и предписывалось «упразднить все существующие в Варшаве правительственные комиссии», «с подчинением местных по каждому ведомству управлений подлежащим министерствам».

<ОТЦЫ СДЕЛАЛИСЬ ДЕДАМИ>

Печатается по тексту *K*, л. 241 от 15 мая 1867 г., стр. 1970, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается его письмами к Г. Н. Вырубову от 17 мая 1867 г. — «Читали ли вы „Дым“ И. Тургенева <...> Я его немного задел» — и к И. С. Тургеневу от 19 мая 1867 г., где Герцен писал: «Я только что немного тебя ужалил за „Дым“...»

Об отклике Герцена на информацию о предстоящем появлении на страницах «Русского вестника» романа «Дым» см. выше в его заметке «Новый роман Тургенева „Дым“» (стр. 258).

Прочитав роман, Герцен 6 мая 1867 г. писал Н. А. Огаревой: «Роман Тургенева плох...» Столь же безоговорочно отрицательной была оценка «Дыма» в письмах Герцена к Г. Н. Вырубову от 17 мая и к самому Тургеневу от 19 мая 1867 г.

Об отражении в романе «Дым» полемики Тургенева и Герцена, давшей последнему в 1862—1863 гг. материал для «Концов и начал» см. в т. XVI наст. изд. стр. 403—407.

Стр. 261. *А деды болтают ∞ да кальян покуривают...*— Герцен язвительно включает Тургенева и его героев («котцов») в круг людей, известных своей личной близостью к царю. См. о «кальянщиках» в первом из «Петербургских очерков» П. В. Долгорукова («Правдивый» от 27 марта 1862 г., № 1, стр. 7 — «Письмо из Петербурга»).

...*помянешь Кузьму Пруткова ∞ дай отдохнуть и воде*...— Герцен перефразирует афоризм Козьмы Пруткова: «Если у тебя есть фонтан, заткни его: дай отдохнуть и фонтану» (см. К. П р у т к о в. Мысли и афоризмы (Плоды раздумья) — «Современник», 1854, № 2, раздел «Литературный ералаш», стр. 9).

...*эту куклу, постоянно говорящую не о том, о чем с ней говорят...*— Герцен имеет в виду Потугина, о котором он писал Тургеневу 19 мая 1867 г.: «...твой Потугин мне надоел. Зачем ты не забыл половину его болтанья?» В ответном письме от 22 мая Тургенев, однако, возразил: «Я нахожу, что он еще недостаточно говорит, и в этом мнении утверждает меня всеобщая ярость, которую возбудило против меня это лицо <...>. То, что за границей избито, как общее место, у нас может приводить в бешенство своей новизной» (см. *Письма КТГ*, стр. 192).

Стр. 261—262. *...поврежденный малый, без живота от любви ∞ не слушает меня?*— Герцен цитирует речи Потугина, обращенные к Литвинову, в главе XIV романа «Дым».

Стр. 262. *...поэт Бенедиктов был по контрольной части.*— Поэт В. Г. Бенедиктов служил с 1832 по 1860 г. в министерстве финансов, в последние годы в качестве члена правления государственного банка.

ПОЛНОТЕ ВРАТЫ

Печатается по тексту К, л. 242 от 1 июня 1867 г., стр. 1973, где опубликовано впервые, без подписи. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Принадлежность заметки Герцену определяется ее редакционным характером. Выступления официального «Варшавского дневника» Герцен постоянно определял как «вранье», а его сотрудников именовал «шпионами-корреспондентами» (см. заметки «Вранье „Дневника варшавского“», «Еще глупее!», «Дневник варшавский» в наст. томе). О «закате славы» редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова Герцен неоднократно писал в своих статьях и письмах 1867 г. (см. комментарий к статье «Новый роман Тургенева „Дым“» в наст. томе, стр. 464).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 336—337).

Стр. 263. *Вот что напечатано ∞ в 96 № «Моск. ведомостей».*— Приводится большая часть заметки, помещенной в «Московских ведомостях» от 3 мая 1867 г., № 96, без заглавия и подписи, в которой излагалась статья шуринского корреспондента газеты «Dziennik Warszawski». Этим корреспондентом был брат польского революционера-эмигранта И. Цверьякевича (см. письмо Герцена к Огареву от 12—13 июня 1867 г.).

...больше года русская типография в Женеве принадлежит Л. Чернецкому...— О передаче Вольной русской типографии в собственность Л. Чернецкого в 1866 г. см. «Перемещение и увеличение Вольной русской типографии Л. Чернецкого», стр. 332 наст. тома и комментарий к ней.

В том же листе «Моск. вед.» напечатано...— Герцен приводит заметку, напечатанную в «Московских ведомостях» от 3 мая 1867 г., № 96, без заглавия и подписи, и основанную также на корреспонденции из «Dziennik Warszawski». Издание журнала «Gmina» продолжалось до 15 июля 1867 г. (см. в наст. томе заметки «Gmina» и «Польское дело»).

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ В МОСКВЕ

Печатается по тексту *R*, л. 242 от 1 июня 1867 г., стр. 1976, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *OK* озаглавлено: «Этнографическая агитация». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 337—338) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается по отметке Чернецкого» (*Л XIX*, 456).

Авторство Герцена подтверждается связью его заметки со статьей «Славянская агитация» (стр. 259 наст. тома). Позднее в статье «Мазурка» он писал, что Москва сзывает славян выставкой «восковых мужичков и изб из картонной бумаги» (стр. 270 наст. тома). Строки о «стерлядах au naturel» переключаются с постоянными ироническими замечаниями Герцена по поводу официально-парадной обстановки, в которой происходили встречи с гостями славянами. Ср. в отрывке «Из письма к М. Бакунину» о «славянских сходках и пирах», о «московских пирах» и «петербургских обедах» (стр. 288—289 наст. тома). Очень характерны для Герцена и камбузные строки о «великом князе» и «небольшом ректоре».

Стр. 264. По поводу панславистской выставки нам рассказывают русские журналы о молчании великого князя Владимира, о болтовне Баршева...— Об Этнографической выставке и славянском съезде см. выше комментарий к статье «Славянская агитация». Вел. князь Владимир Александрович был почетным председателем выставки. В комментируемых строках речь идет, по-видимому, о торжественном объединенном заседании профессоров Московского университета и членов всех художественных и ученых обществ в честь славянских гостей 18 мая 1867 г. Заседание открылось речью ректора Московского университета С. И. Баршева (см. ее текст в «Современной летописи» от 21 мая 1867 г., № 18).

...прежде Погодина и Бодянского...— Австрийские славяне по пути в Петербург останавливались в Варшаве 4—5 мая 1867 г. Говоря о М. П. Погодине и О. М. Бодянском, Герцен имеет в виду встречу славянских гостей в Москве на вокзале 16 мая 1867 г., в которой участвовали они, и торжественный ужин, устроенный в честь гостей в этот вечер городским головой кн. А. А. Щербатовым, на котором с речью выступил М. П. Погодин (см. отчет о встрече в «Московских ведомостях» от 17 мая 1867 г., № 107).

...в Шпильберге.— Крепость в Австрии близ Брюнна, служившая в первой половине XIX в. тюрьмой для политических преступников.

В Рандии тоже недурна в ы с т а в к а о Помогли, нечего сказать...— О критском восстании и политике царского правительства см. в наст. томе статью «На площади св. Марка» и комментарий к ней, а также заметку «Котам игра, мышам слезы».

Véni par eux tout dégèneré...— От их благословения все вырождается (франц.).

Печатается по тексту *К*, л. 242 от 1 июня 1867 г., стр. 1976, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Новые стеснения». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 338) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается по отметке Чернецкого» (*Л XIX*, 456).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки и ее связью с публикацией «Дикий закон» (стр. 328—330 наст. тома).

Стр. 265. *Нам пишут из Петербурга: «Почему вы пропустили безобразные меры, отдающие под надзор полиции всякие собрания? По новому закону...»* — Закон о «сообществах», о котором сообщает корреспондент, был напечатан «Жолоколе», в составе заметки Герцена «Дикий закон».

КНЯЗЬ МЕНЩИКОВ ПАМФЛЕТИСТ

Печатается по тексту *К*, л. 242 от 1 июня 1867 г., стр. 1976—1977, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 338—339) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается по отметке Чернецкого» (*Л XIX*, 456).

Принадлежность Герцену подтверждается также стилистическими особенностями заметки — см., например, каламбурное использование названия р. Альмы (см. подробно об этом далее в реальном комментарии). Герцен часто насмешливо именовал князя Меншикова «Меншиков алмский» — ср. в послесловии к «Суворовским походам по грязям петербургским» и в первом письме «Конец и начал» (т. XVI наст. изд., стр. 286 и 323).

Стр. 265. *...там издана русская книжка о «Действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 годах».* — Имеется в виду книга реакционного публициста генерал-майора в отставке Н. Б. Герсеванова «Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 годах». Автор ее во время Крымской войны был начальником штаба, а затем генерал-квартирмейстером крымской армии.

... князь Меншиков (Alma mater!), в честь коего преимущественно написана книжка... — Книга Герсеванова пангеирически характеризовала кн. А. С. Меншикова, бесславная деятельность которого на посту главного командующего крымской армией в 1854—1855 гг. вызвала общее негодование. Высмеивая неудачливого полководца и явно инспирированную им самим цензурную книгу, Герцен напоминает о поражении войск под командованием Меншикова в битве при р. Альме 6 сентября 1854 г. Для этого каламбурно используется созвучие названия реки с латинским идиомом «alma mater», который означал буквально «мать-кормилица» и служил в римской поэзии определением Цереры — богини земледелия.

...дела Соколовского, посаженного в острог по изданной им книге «Отщепенцы», еще не рассмотренной цензурою... — Имеется в виду судебное преследование, возбужденное по инициативе следственной комиссии во главе с М. Н. Муравьевым против Н. В. Соколова, автора книги «Отщепенцы», напечатанной в 1866 г. в Петербурге. В этой книге излагались основы учения социалистов-утопистов, в частности П. Фурье. Как «от-

щепенцы» характеризовались Н. В. Соколовым «спокойны» безумцы, восторженные труженники, мужественные ученые, которые продают свои гроши и проживают свою жизнь, отыскивая причины общественных зол и бедствий, проповедуя вечную республику, блаженное социальное устройство, личную свободу, гражданскую солидарность, экономическую правду» (стр. 5—6). 4 апреля 1866 г. автор обратился в петербургский цензурный комитет за разрешением на ее выпуск в свет, а на другой день все издание было опечатано по приказу обер-полицмейстера Ф. Ф. Трепова. Арестованный по обвинению в «бунте против верховной власти», Н. В. Соколов по приговору суда, объявленному 16 июля 1867 г., был заключен в Петропавловскую крепость до 1 ноября 1868 г., а затем сослан в Архангельскую губернию. Впоследствии, 14 октября 1872 г., он бежал за границу. Герцен был знаком с Соколовым с октября 1860 г., когда тот впервые посетил его в Лондоне. Знакомство стало особенно близким после встречи в Париже в феврале 1865 г. (см. письмо Герцена к Огареву от 2 февраля 1865 г.), когда он в течение двух месяцев был секретарем Герцена (см. Н. В. Соколов. Автобиография.— «Свобода», 1889, № 1, стр. 22). В связи с этим правдоподобно предположение, сделанное впервые М. К. Лемке (см. *Л* XIX, стр. 339), что фамилия Соколова, находившегося в эту пору под следствием, была в «Колоколе» искажена намеренно, с целью дезориентирования следственных органов мнимым знакомством Герцена с Соколовым.

ЧАСТНОЕ ДЕЛО

Печатается по тексту *К*, л. 242 от 1 июня 1867 г., стр. 1977, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». Автограф неизвестен.

Стр. 266. ...*были воспитателями в Зимнем дворце...*— В 1857—1858 гг. В. П. Титов был наставником наследника престола вел. князя Николая Александровича. Об отстранении его вместе с К. Д. Кавелиным от этой деятельности в 1858 г. см. статью Герцена «Черный кабинет» в т. XIII наст. изд. Участие его в 1863 г. в шовинистической кампании верноподданнических адресов царю Герцен высмеивает в заметке «Ответы» (см. т. XVII наст. изд.).

Апреля 20 нынешнего года я послал страховое письмо В. П. Титову...— В день отправки этого письма Герцен сообщал о нем Н. А. Огаревой (см. письмо от 20 апреля 1867 г.). Ей же писал он 17 мая 1867 г. о своем намерении напечатать его в «Колоколе» 1 июня, в случае молчания Титова.

...*на днях прочел я в газетах о кончине Н. А. Мельгунова.*— Мельгунов умер в Москве 4 февраля 1867 г. Некролог его был помещен, в частности, в газете «Голос» от 21 марта 1867 г., № 80, в составе статьи «Московская жизнь» за подписью «С. П.».

...*старого приятеля...*— Н. А. Мельгунов был знаком с Герценом с конца 1845 г. Герцен очень ценил «его теплое, полное любви внимание» в тяжелую пору личной катастрофы 1851—1852 гг. (см. письмо Герцена к М. К. Рейхель от 20 апреля 1852 г.). Однако, подобно другим «московским друзьям» — либералам, Мельгунов не стал идейным соратником Герцена в общественно-литературной борьбе, хотя и участвовал в издании «Голосов из России» своими статьями, сообщениями и посредничеством в пересылке материалов. Об этом см. во вступительной статье Я. З. Черняка к публикации писем Н. А. Мельгунова (*ЛН*, т. 62, стр. 315—320), а также в т. XIII наст. изд. примечание Герцена к статье Мельгунова «Россия в войне и мире» (стр. 423). В период революционной ситуации идейные расхождения редакторов «Колокола» с Мельгуновым, как с Б. Н. Чичериным, К. Д. Кавелиным и другими либералами, все более обостряются и, наконец, приводят к резкому разрыву и борьбе в печати (см. отзывы о Мельгунове в письмах Герцена к Огареву 3 октября 1861 г., к Н. М. Са-

тину в сентябре 1862 г., а также его статью «Москва нам не сочувствует» и комментарий к ней в т. XVI наст. изд.).

...*Мельгунов оставил у меня в 1857 году открытое письмо к вам, на случай своей смерти.*— 28 марта 1857 г. Мельгунов писал Герцену: «Так как в самом деле я, как и все мы, „сегодня граф, а завтра прах“, то и посылаю, на всякий случай, письмо к Титову. Береги его и — если б понадобилось — перешли к Титову через Ротшильда. Три тысячи рублей серебром обеспечивают и его ссуду, и тебя» (см. *ЛН*, т. 62, стр. 353). В. П. Титов был близким другом Мельгунова еще с середины двадцатых годов, со времени их службы в Московском архиве коллегии иностранных дел и совместных литературных опытов. В период денежных затруднений за границей в 1856—1860 гг. Мельгунов «поручил» Титову «присматривать» за его делами (см. письма Мельгунова к Герцену от 23 января 1857 г. и 17 сентября 1858 г. — там же, стр. 344, 379).

...*Н. А. Мельгунов, сверх денег, связанных у меня взаймы, просил поручиться за него тысячах в 6 франков у Ротшильда.*— Переписка Мельгунова с Герценом, начиная с ноября 1856 г., пестрит просьбами Мельгунова о денежных займах, благодарностями за помощь, оправданиями в невозможности своевременно расплатиться (см., например, в *ЛН*, т. 62, стр. 332, 340, 357, 365 и др.). В письме же от 24 марта 1857 г. он просил у Герцена поручительства перед банкиром Д. Ротшильдом для получения кредита в шесть тысяч франков (см. об этом также в письмах его к Герцену от 26 и 28 мая и 1 сентября 1857 г. — там же, стр. 365, 743).

Стр. 267. *Ожидая со дня на день денег то от Карцова, то от Н. Ф. Павлова и регулярно телеграфируя мне в Лондон о том, что он их не получил...*— Герцен справедливо считал Н. Ф. Павлова, давнего приятеля Мельгунова, виновником его разорения (см. письма его к М. К. Рейхель от 17 апреля и 6 мая 1856 г.). Попытки оправдать Н. Ф. Павлова, а также надежды на скорое выполнение им и двоюродным братом Мельгунова Карцовым обещаний о присылке денег часты в письмах Мельгунова к Герцену этого периода. На переписку по поводу мельгуновского долга Герцен проницательно намекает в заметке «Умиротворение Литвы, успокоение Польши» (т. XVIII наст. изд., стр. 103—104).

...*он многим говорил о своем долге и, наверное, Каролине Карловне Павловой.*— Герцен ссылается на поэтессу К. К. Павлову, жену умершего в 1864 г. Н. Ф. Павлова: длительная задержка в возвращении долга Герцену объяснялась неуплатой ею долгов Мельгунову (см. письма Мельгунова к Герцену от 21 марта, 9 сентября 1858 г. и 17 апреля 1862 г. — *ЛН*, т. 62, стр. 373, 378, 384). Одновременно с письмом к В. П. Титову Герцен 20 апреля 1867 г. посылает близкое по содержанию письмо к К. К. Павловой.

Бедный Мельгунов, меломан, увлеченный Моцартом ∞ переоценил «Титово милосердие»...— Страстный любитель музыки, друг М. И. Глинки и сам композитор, а также музыкальный критик, Мельгунов особенно преклонялся перед гением Моцарта и Бетховена (см. его письмо к Герцену от 29 июня 1857 г. — *ЛН*, т. 62, стр. 362). Герцен строит каламбур на созвучии фамилии Титова с названием оперы В. Моцарта «Титово милосердие».

Член Совета верно думает ∞ я не имею права получать ответы.— О последующем ответе Титова см. в наст. томе заметку «Частное дело <Владимир Титов решил отвечать...>».

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 242 от 1 июня 1867 г., стр. 1977, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается его письмом к Г. Н. Вырубову от 17 июня 1867 г.: «В то самое время, как я напечатал вашу программу в „Колоколе“...»

Герцен познакомился с Г. Н. Вырубовым в Женеве в ноябре 1865 г. В середине мая 1867 г. Герцен получил от него программу нового журнала «Revue de la Philosophie Positive», в сопровождении письма (не дошло до нас), в котором Вырубов просил Герцена и Огарева об участии в журнале. В ответ Герцен писал ему 17 мая 1867 г.: «С искренним желанием успеха прочел вашу программу. Во имя науки, освобожденной не только от религии, но и от метафизики, можно идти на проповедь. В следующ. „Колоколе“ мы объявим о „Revue“ <...> не знаю, будет ли что у меня, но если найду у кого из наших подходящую статью, то можно ли ее вам послать по-русски?»

В это же время у группы передовых биологов и физиологов, работавших во Флоренции, также возник проект издания научного-философского журнала. Его издателем предполагался Г. Моно, а участниками — Г. Шифф, Шпер, Молешотт, Левье, А. А. Герцен. Им обещали также свою помощь статья Герцен, Огарев и К. Фогт. Узнав о парижском начинании, Герцен рекомендовал флорентийской группе объединиться с Вырубовым и Литтре для создания одного журнала (см. его письмо к М. Мейзенбуг, дочери Ольге и сыну Александру от 26 мая 1867 г.). Переговоры об этом вел в Париже по поручению Герцена и Моно Баумриттер (см. письмо к М. Мейзенбуг от 13 июня 1867 г.).

В письме к Вырубову от 17 июня 1867 г. Герцен также писал о целесообразности слияния этих органов.

Вырубов отвечал Герцену 23 июня: «Очень буду рад, если можно будет слить это с нашим предприятием и не делать друг другу конкуренции» (*ЛН*, т. 62, стр. 56). Однако в действительности Вырубов уклонился от объединения с флорентийскими учеными, и замысел позитивистского журнала во Флоренции так и не был осуществлен. Впоследствии Герцен очень критически относился к деятельности Вырубова и идейному направлению его журнала (см. письма к Огареву от 28 сентября 1867 г., от 17 июля 1868 г., 28 августа, 6 и 12 октября 1869 г., к Вырубову от 26 января 1869 г., к Бакунину от 28 октября 1869 г., а также «Ответ Г. Вырубову» — т. XX наст. изд.).

ВЫСТРЕЛ 6 ИЮНЯ

Печатается по тексту *К*, л. 243 от 15 июня 1867 г., стр. 1981, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Этой статьей открывается лист «Колокола»; ее общественно-политическая значимость подчеркнута тем, что статья набрана более крупным шрифтом, чем все остальные в «Колоколе». Автограф неизвестен.

Статья написана в связи с покушением на Александра II, совершенным 6 июня 1867 г. польским эмигрантом А. И. Березовским в Париже (о поездке царя в Париж см. в наст. томе статью «Августейшие путешественники» и комментарий к ней). Герцен счел необходимым немедленно откликнуться на это событие, отложив предполагавшуюся поездку в Ниццу (см. письмо его к дочери Наталье и сыну Александру от 9 мая 1867 г.). «Я был бы раньше готов, — писал он также Н. А. Огаревой 15 июня 1867 г., — но выстрел изменил все, нельзя было остаться в подозрении, что мы, испуганные, остановились. Если «Колокол» сегодняшний дойдет, порадуясь его благородному тону; эту чистоту со временем оценят».

Герцен рассчитывал на справедливую оценку его позиции лишь в будущем, так как после статьи «Иркутск и Петербург» (см. выше в наст. томе), посвященной выстрелу Д. В. Каракозова, и прямо осуждавшей

путь царевичей, резко обострились отношения Герцена с «молодой эмиграцией» (об отрицательном отношении эмигрантов к статье Герцена письмо его к сыну Александру от 1 июня 1866 г., а также статью Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» — *ЛН*, т. 41—42, стр. 46).

Особенно резкие обвинения по адресу Герцена были высказаны в брошюре А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела. Ответ г. Герцену на статью „Порядок торжествует“, которая была отпечатана в Женеве в мае 1867 г. (О расхождении женевских учеников Н. Г. Чернышевского с Герценом см. также в письмах к Н. П. Огареву Н. И. Утина от 14 февраля и Н. И. Жуковского от конца сентября 1867 г. — *ЛН*, т. 62, стр. 679—684 и 134—138).

Продолжая, в частности, и спор о Каракозове, Серно-Соловьевич называл его покушение «одним из заманчивейших явлений в нашей жизни» (стр. 3) и заявлял: «...молодое поколение не простит вам отзыва о Каракозове» (стр. 10). Он игнорировал при этом последующее разъяснение Герцена в статье «Виселица и Муравьев», что о фанатизме Каракозова он пишет вовсе не в «бранном смысле» — стр. 137 наст. тома (об этом же см. в статье «Порядок торжествует!», стр. 196 наст. тома). Слова Серно-Соловьевича, впрочем, отнюдь не выражали общего мнения женевской «молодой эмиграции» о выстреле 4 апреля (см. письмо Н. И. Утина к Огареву от 14 февраля 1867 г. — *ЛН*, т. 62, стр. 682).

Брошюра А. А. Серно-Соловьевича вызвала глубокое негодование Герцена, перенесенное им на все молодое поколение революционеров-эмигрантов (см. письмо его к М. А. Бакунину от 30 мая 1867 г.), с большинством которых он временно порывает все связи. Однако, несмотря на это, Герцен считает нужным вновь разъяснить в постоянной статье свою позицию в вопросе о царевичестве. Он заявляет об отрицании тактики индивидуального террора, ведущей лишь к усилению реакции и репрессий, и в то же время вновь выражает свое сочувствие «мученикам», жертвующим жизнью в борьбе с самодержавием, страстная ненависть к которому мешает им видеть политическую бесперспективность царевичеств. Позднее Герцен посвятит личности революционера-террориста статью «Березовский» (стр. 291—293 наст. тома).

Наряду с этим Герцен использует обстоятельства процесса Березовского, сравнивая их с судом над Каракозовым, для разоблачения царского террора и беззаконий в борьбе с революционерами (см. также в наст. томе «Суд в Париже и убийство в Петербурге», «Скорость нужна только для того...»).

Статья «Выстрел 6 июня» была встречена одобрительно Г. Н. Вырубовым, который писал Герцену 23 июня 1867 г.: «...ваш отзыв о выстреле мне очень понравился, лучше об нем ничего нельзя было сказать» (см. *ЛН*, т. 62, стр. 56). Столь же высоко оценивал статью Е. И. Утин в письме к Герцену от 18 июня 1867 г. (там же, стр. 605).

Бакунин же в письме от 23 июня 1867 г. выразил несогласие с герценовской трактовкой поступка Березовского как фанатического (см. *Письма В*, стр. 210).

Стр. 269. *...воплъ безумных крикунов...* — Намек на анонимные ругательные письма и прокламации по поводу статьи Герцена «Иркутск и Петербург», вышедшие из среды польской и русской эмиграции (см. *ЛХVIII*, стр. 383—386), и главным образом на брошюру А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела» (о ней см. выше).

Судить Березовского будут открыто, а не в тайном застенке с неподобными генералами. — О негласном судопроизводстве по делу Каракозова и созданной для его расследования специальной следственной комиссии во главе с М. Н. Муравьевым см. выше в наст. томе «Иркутск и Петер-

бург», «Новости из России», «Вот вам и гласный суд!», «Письмо к императору Александру II», «Напоминание», «Из Петербурга» и другие статьи.

Первый следователь, глядя на плохой пистолет, заметил, что у Березовского, по всей вероятности, сообщников нет.— Во время первого допроса Березовского, произведенного префектом парижской полиции, выяснилось, что террорист пользовался девятифранковым двустольным пистолетом, для покушки которого заложил свое пальто. В момент выстрела пистолет взорвался, ранив его самого. В официальных сообщениях о ходе следствия указывалось, что «заговор вооружил бы своего агента более исправным оружием» (см. в газете «Голос» от 1 июня, № 150, корреспонденцию Н. В. Щербаня «Пребывание государя императора в Париже», а также в № 152 газеты от 3 июня перепечатку сведений о следствии из официальных источников).

Одно замечание г. Лимейрака в «Конституционеле» ∞ вызвало крик негодования не только в либеральных журналах, но в династических и клерикальных.— Главный редактор газеты «Constitutionnel» П. Лимейрак писал 7 июня 1867 г. в передовой статье: «Какой упрек и какой урок людям, разжигающим воображение и волнуящим умы, но так, чтобы самим быть в стороне от всякой личной для себя опасности; для людей, которые за два дня до этого издавали тот же крик, сделавшийся сегодня лозунгом убийства». Речь шла о полонофильских манифестациях с криками «Да здравствует Польша!», которыми не раз сопровождался выезд Александра II в Париже. Такими возгласами, в частности, встретила царя во время посещения им Palais de Justice (здания судебных учреждений) 3 июня 1867 г. группа присутствовавших там адвокатов-республиканцев (Ш. Флоке, Л. Гамбетта, Боке и др.). В тот же день выступления в защиту Польши происходили перед зданием музея Клюни и в Соборе Парижской богородицы. 4 июня подобные крики раздавались на бульваре перед театром Grand Opéra во время парадного представления в честь Александра II (об этих демонстрациях см. также «Августейшие путешественники»). Однако попытка Лимейрака связать покушение Березовского с этими выступлениями французской общественности вызвала протестующие отклики в газетах «Avenir National», «Opinion Nationale», «Temps», «Liberté», «Monde», «Etendard».

...полицейскую проделку Шувалова, который спросил Березовского, не переписывался ли он с отцом?— В первых допросах Березовского принимал участие шеф жандармов гр. П. А. Шувалов, сопровождавший Александра II в его путешествии во Францию.

5

МАЗУРКА

Печатается по тексту К, л. 243 от 15 июня 1867 г., стр. 1981—1982, где опубликовано впервые, с подписью: И—р, поставленной перед постскриптумом. Автограф неизвестен.

В мае 1869 г. издано по-французски отдельной брошюрой: «La Mazourka, un article du „Kolokol“, dédié avec profonde sympathie et respect à Edgar Quinet par Alexandre Herzen (Iskander), Genève», (см. в т. XX наст. изд.).

В текст в настоящем издании внесено исправление:

Стр. 270, строка 26: другой хорошей русской оперы вместо: другой, хорошей, русской оперы (по тексту французской редакции).

¶В письме от 7—9 июня 1867 г. Герцен сообщал сыну Александру: «Я написал громовую статью „Мазурка“, которая будет в „Колоколе“ 15 июня».

Поводом для статьи послужили выступления русских реакционных панславистов против Польши, не приславшей своих представителей на

славянски съезд, созданный с одобрения царского правительства (о нем см. комментарий к стр. 259).

Герцен в «Мазурке» развивает с наибольшей отчетливостью высказанные уже в статьях 1867 г. демократические взгляды по славянскому вопросу (см. выше «На площади св. Марка», «Жаль», «Славянская агитация», «Этнографическая агитация в Москве» и др.). Обнажая шовинистическое существо «москворецкого красноречия и невских посулов» (стр. 294 наст. тома), Герцен подводит читателя статьи к выводу, что славянский союз возможен и будет прочен лишь на основе равенства и уважения прав каждого народа.

Славянский вопрос рассматривается при этом в «Мазурке» не только в плане судеб славянской демократии. В обстановке роста империалистических тенденций бисмарковской Германии, наполеоновской Франции, царской России Герцену было необходимо в связи со славянской проблемой дать теоретическое осмысление национального вопроса вообще — в соотношении с общими перспективами революции и социализма как вопроса, подчиненного им. И этот критерий позволяет ему четко отделить национально-освободительные движения угнетенных народов (которым он выражает сочувствие) от спекуляции правящих кругов разных стран на национальном чувстве народных масс для отвлечения их от «вопросов революционных и социальных» (от этой опасности Герцен предостерегает).

Придавая статье большую важность, Герцен обращал на нее внимание близких (см. также письмо к М. Мейзенбуг от 13 июня 1867 г.), читал ее перевод Ж. Мишле, Э. Кине. 15 июня 1867 г. он писал Н. А. Огаревой о 243 листе «Колокола», в котором были напечатаны «Мазурка» и «Выстрел 6 июня»: «Порадуйся его благородному тону; эту чистоту со временем оценят». Действительно, и через много лет статья расценивалась польскими революционерами как мужественный вклад Герцена в дело русско-польского революционного союза (см. речь В. Серошевского на митинге памяти Герцена в Париже 25 марта/7 апреля 1912 г. — Л XIX, стр. 355).¹

Однако сочувственное упоминание в «Мазурке» о выступлении М. П. Погодина вызвало критические замечания М. А. Бакунина. 23 июня 1867 г. он писал Герцену: «В твоей „Мазурке“ много верного и удачно выраженного, а всё слышится в ней тон покаявшегося революционера, готового на полусделки с людьми, с которыми для последовательного социалиста примирение невозможно. Ты всё как будто церемонишься и как будто бережешь людей не только славянофильской партии, но начинаешь разговаривать menschlich <по-человечески> даже с Катковым. Ты как будто чувствуешь и ожидаешь минуты, когда тебе можно будет идти, говорить и действовать заодно с ними <...> бесстыдная речь князя Черкасского о поляках заслужила более чем насмешку <...> не смеяться над ним, — его надо казнить» (*Письма В*, стр. 209). Косвенный ответ на это и другие письма Бакунина о славянском съезде дает Герцен в открытом письме к нему, напечатанном 1 июля в «Колоколе» (см. «Из письма к М. Бакунину» — стр. 288—290 наст. тома).

Огарев также включился в полемику с Бакуниным. В письме, датированном предположительно маем — июнем 1867 г., подробно обосновывая позицию редакторов «Колокола» в славянском вопросе, он писал: «Никогда Герцен не мог сойти за панслависта в духе императора Николая и профессора Погодина...» (см. *ЛН*, т. 63, стр. 156—157).

Статья «Мазурка» встретила сочувственный отклик в среде европейской демократической общественности (см. письмо Э. Кине к Герцену от 4 января 1869 г. в т. XX наст. изд., отзыв Ж. Мишле — о нем в письме Герцена к Э. Кине от 29 мая 1869 г.).

Во второй, французской редакции «Мазурки», написанной через два года по просьбе Э. Кине, Герцен развивает, уточняет и детализирует

общетеоретические положения статьи (см. в т. XX наст. изд. «La Mazourka» и предисловие к ней).

Стр. 271. ...великая мазурка Глинки... Публика [и и к а е т] [с] н е т п о л я к о в.— О присутствии славянских гостей на представлении оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин» («Жизнь за царя») в Мариинском театре 9 мая 1867 г. сообщалось в «Петербургской хронике» газеты «Голос» 10 мая 1867 г. (№ 128). Говоря о «дружном шикаше» в зале после мазурки во втором акте, анонимный автор добавлял: «Это была своего рода демонстрация, весьма понятная, если вспомнить, что в числе наших гостей не было ни одного из отщепенцев славянства — поляков».

...рамазановские и не знаю каковы в Москве.— Исполнение основных скульптурных групп национальностей России для Этнографической выставки 1867 г. было поручено скульптору Н. А. Рамазанову. В создании «манекенов самоеда, огнепоклонников, тунгусов, черемисов» из воска и papier-mâché участвовали также скульпторы Иванов, Любимов, Яковлев, Севрюгин, Шимановский, Закревский.

Как ни стара грустная отметка, что правительство всегда соответствует своему народу...— Слова Ш. Талейрана («Le gouvernement correspond toujours aux gouvernés»).

Стр. 272. ...другой деспот ∞ водрузив свою луну на Софийском соборе.— Речь идет о турецком султане Магомте II, захватившем Константинополь 29 мая 1453 г.

...маститый Палацкий, красноречивый Ригер ∞ может, они это делают в Москве.— О речи Ф. Ригера в защиту Польши на Сокольническом банкете в Москве 21 мая 1867 г. см. заметку «Катковское „Vive la Pologne!“» и комментарий к ней.

...один молодой король ∞ забыл о несчастной сестре, исходящей в влом недуге ∞ чуть не расстреляли ли.— По-видимому, имеется в виду посещение Парижа в мае 1867 г., в связи с всемирной выставкой, бельгийским королем Леопольдом II, братом императрицы Мексики Шарлотты, ввавшей в тихое помешательство. Император Мексики Максимилиан, ставленник Наполеона III, в мае 1867 г. был захвачен в плен восставшими мексиканцами и 19 июня 1867 г. расстрелян.

Один Погодин ∞ мы плачем о ней.— Герцен цитирует сокращенно отрывок из речи М. П. Погодина на Сокольническом банкете в Москве 21 мая 1867 г., опубликованной в «Московских ведомостях» от 24 мая 1867 г., № 113, по «Голосу» от 27 мая 1867 г., № 145.

Этого не мог ему спустить Черкасский ∞ следующую дику фразу в своей речи...— Герцен излагает речь В. А. Черкасского на банкете 21 мая 1867 г. (см. стенографический отчет о ней в «Московских ведомостях» от 24 мая 1867 г., № 113).

...детскими ровгалами черкасского изобретения?— См. комментарий к стр. 212 наст. тома.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РАЗУМ!

Печатается по тексту К, л. 243 от 15 июня 1867 г., стр. 1983, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 357—358) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (Л XIX, 457).

Авторство Герцена подтверждается идейно-тематическим родством данной заметки с другими его выступлениями против смертных приговоров в политических процессах — см., например, статьи «Гуртовая бойня» (стр. 149—150 наст. тома). Характерно для Герцена и начало ста-

ты: противопоставление «беснующихся» стран — «взошедшим в возраст понимания и разума»; ср. в «Докторе Крупове»: «История не что иное, как связанный рассказ родового, хронического безумия и его медленного излечения» (т. IV наст. изд., стр. 263); отметим, что проблематика и образная система «Доктора Крупова» оставались органичными для Герцена этих лет: в 1869 г. он пишет «Arhogismata» (т. XX наст. изд.). Определения «круповского» типа широко применялись Герценом на страницах «Колокола» при оценке явлений социальной и политической жизни России; ср. в статье «Иркутск и Петербург» слова о «полицейской мании», в статье «Катков и государь» о «бешенстве рабства», а также в статье «Виселица и Муравьев»: «Где найти Тацита и Данта вместе, чтоб уловить, остановить, заковать эту историю во всем безумии, во всей гадости настоящего, с ее раболовием, ханжеством, с ее успехами крепостников, дураков — не утратить пророческий смысл беснованья, не забывая, что этот тяжелый, кровавый, грязный период — период родов, а не предсмертного бреда и бешенства?» (стр. 62, 120 и 138 наст. тома).

Стр. 273. *Да здравствует разум!* — Стих «Вакхической песни» А. С. Пушкина.

Величайший политический преступник нашего времени, Джефферсон Девис, выпущен на поруку и поехал в Канаду. — Д. Девис, президент конфедерации Южных штатов, после победы северян был посажен в 1865 г. в крепость Монроэ, откуда освобожден в июне 1867 г. (см. «С.-Петербургские ведомости» от 22 мая / 3 июня 1867 г., № 139).

Приговоренный к смерти фениан Бюрк помилован королевой, и все английские газеты рукоплещут ∞ казнь во всех политических процессах. — Герцен придавал движению фениев, борющихся за освобождение Ирландии от английского господства, большое значение в перспективе будущего революционного преобразования Европы (см. стр. 26 наст. тома, а также письмо к И. С. Тургеневу от 20 декабря 1867 г.) и приветствовал сочувствие английской общественности к осужденным фениям-террористам (см., например, в «Times» от 27 мая 1867 г. статьи и отчеты о митингах протеста против предстоящей казни). К премьер-министру гр. Дерби отправилась также депутация членов парламента, один из которых, консерватор Бовайер, заявил, что «смертная казнь за чисто политическое преступление будет скандалом и оскорблением всей страны» (см. «С.-Петербургские ведомости» от 22 мая / 3 июня 1867 г., № 139).

КАТКОВСКОЕ «VIVE LA POLOGNE!»

Печатается по тексту *К*, л. 243 от 15 июня 1867 г., стр. 1983, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 358) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XIX*, 457).

Авторство Герцена подтверждается также идейно-тематической связью заметки с его статьями о славянской выставке в Москве (см. «Славянская агитация» и «Этнографическая агитация в Москве», «Мазурка»). Кроме того, заглавие заметки перекликается со следующими строками из статьи «Августейшие путешественники», напечатанной в том же листе «Колокола»: «Какие-то адвокаты прокричали „Vive la Pologne!“ Сделали они это скорее как комплимент, зная, что во всех манифестах и разных указах государь говорит о своей любви к Польше и о своих истиннородительских попечениях об ней» (стр. 284 наст. тома); известно, что Герцен постоянно с иронией отзывался о «царстве» Каткова, о том, что он «смешивает себя с Романовыми»; в данном случае для Герцена однозначны

«родительские попечения» Александра II о Польше и ратования Каткова за ее независимость.

Стр. 273... *словами Погодина и Ригера*...—Имеются в виду речи М. П. Погодина и Ф. Ригера, произнесенные в Москве, на торжественном обеде в честь славянских гостей 21 мая 1867 г. Об этих речах см. выше статью «Мазурка» и комментарий к ней.

Катков, взбешенный словами Погодина и Ригера напечатал и отпустил чисто польские части на полную волю.—Речам Погодина и Ригера о Польше на обеде 21 мая 1867 г. Катков посвятил передовую статью, напечатанную в «Московских ведомостях» от 24 мая 1867 г., № 113. Полемизируя с Ригером, который отстаивал идею автономии Польши, «звывая к любви и милосердию и молил о примирении с поляками», Катков заявил, что «в одном и том же государстве не могут быть многие политические национальности».

[ПРОСЬБА

Печатается по тексту *К*, л. 243 от 15 июня 1867 г., стр. 1983—1984, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *Изд.* В *ОК* озаглавлено: «Страхопуд». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется содержанием заметки, включающей в себя обращение редакция «Страхопуда» к Герцену и его ответ.

Сатирический журнал «Страхопуд» издавался в 1867 г. в Вене два раза в месяц на украинском языке. Реакционно-националистические взгляды его редактора И. Н. Ливчака (см. о нем также в заметке «Вопросы, запросы, загадки и сфинксы», которая была опубликована в том же листе «Колокола», что и настоящий ответ) и ориентация журнала на царскую Россию приводили к постоянным нападкам его на Польшу и деятелей русского демократического движения. На страницах журнала была начата кампания против Герцена, «защитника Полонии». В № 8 «Страхопуда» от 131 мая, помимо упомянутой Герценом редакционной «Просьбы» (стр. 46), была напечатана также без подписи статья «Что такое Польша? (лекция, посвящена г. Герцену)».

ВОПРОСЫ, ЗАПРОСЫ, ЗАГАДКИ И СФИНКСЫ

Печатается по тексту *К*, л. 243 от 15 июня 1867 г., стр. 1984, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Первые две заметки цикла, связанные между собою ходом изложения, озаглавлены в *ОК*: «Воровство — Принц Альтенбургский»; остальная часть публикации в *ОК* не отражена. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XIX, 360—361) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается по записке Тхоржевского» (*Л* XIX, 457). В издании М. К. Лемке заголовок «Вопросы, запросы, загадки и сфинксы» отнесен к первым двум заметкам цикла. Между тем смысл этого заголовка полностью раскрывается только в применении к четырем заметкам. В первых двух заключаются «вопросы» и «запросы»; «загадка» содержится в заметке «Резкое соизволение государя и высочайшая загадка», а в качестве «сфинкса» выступает запись редактора «Страхопуда».

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером цикла и содержащейся в нем полемикой с редактором «Страхопуда», на письмо которого Герцен отвечал в этом же листе «Колокола» (см. заметку

«Просьба», стр. 274 наст. тома), а также иронической концовкой по поводу шумихи вокруг славянских гостей (ср. об этом в статьях и заметках Герцена об Этнографической выставке — стр. 259, 264 и 271 наст. тома).

Стр. 275. *Сенат, по выслушании дела об отчете и докладе сиб. губ. земской управы ∞ Государь ∞ соизволил на приведение сего определения в исполнение.* («Голос», № 136).— Герцен цитирует последние строки «Высочайше утвержденного определения Правительствующего сената от 26 апреля 1867 г. по делу о неправильных действиях бывших земских учреждений Санкт-Петербургской губернии», опубликованного в газете «Голос» от 18 мая 1867 г., № 136. Нелепость бюрократического делопроизводства проявилась в этом документе особенно ярко потому, что сенату было поручено рассмотрение внесенных в губернское земское собрание 3 января 1867 г. отчета и доклада губернской земской управы уже после того, как по повелению царя от 16 января 1867 г. эти земские учреждения были закрыты (см. об этом выше комментарий к стр. 235).

«Весть, № 58, беспощадно обличает ∞ у нее сильное дворянство».— Речь идет о статье «Внушительный разговор», напечатанной в газете «Весть» от 22 мая 1867 г., № 58, без подписи. Автор ее, передавая содержание беседы с «одним из бывших недавно в Петербурге» «славян», приводил его ответ на вопрос о причинах угнетения славян в Австрии, который и цитирует с ироническими комментариями Герцена. Слова эти принадлежат, по-видимому, И. Н. Ливчаку, ибо «в подкрепление достоверности этого разговора» в статье приводится именно его запись в альбоме кн. Е. Э. Трубецкой, фрейлины императрицы, хозяйки влиятельного политического салона (см. о ней П. В. Долгоруков. Письмо из Петербурга.— К, л. 237 от 15 марта 1867 г., стр. 1933).

⟨ОПЯТЬ ВРАНЬЕ⟩

Печатается по тексту К, л. 243 от 15 июня 1867 г., стр. 1984, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 361) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается по записке Тхоржевского» (Л XIX, 457).

Авторство Герцена подтверждается ответственным редакционным характером заметки и письмом к Огареву от 12—13 июня 1867 г., где Герцен сообщил о факте, положенном в основу заметки: «Вот с какой стороны прорвет плотину — дай-ка дойти до Цверц. брата, который пишет, что „Gmina“ просила у Плон-Плона денег, и он выслал 20 фр.»

Заметка основана на сообщении «Московских ведомостей» от 13 мая 1867 г., № 104 (см. также «Голос» от 18 мая 1867 г., № 136), перепечатавших анонимную корреспонденцию из Цюриха в «Dziennik Warszawski». Автором ее был брат польского эмигранта И. Цверцкевича, о чем Герцен с возмущением сообщил Огареву в письме от 12—13 июня 1867 г. О систематических нападках «Dziennik Warszawski» на журнал польской демократической эмиграции «Gmina» см. также в наст. томе «Полноте врать!»

⟨СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ⟩

Печатается по тексту К, л. 243 от 15 июня 1867 г., стр. 1984, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 361) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается по записке Тхоржевского» (*Л XIX*, 457).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки («Читатели наши, верно, не забыли...») и каламбурными строками о «соли мира сего» и «солящих», в которых восстанавливалось предметное значение крылатого выражения, употребляющегося обычно в переносном смысле.

Стр. 276—277. *Стихии помогают казнокрадам, геология заодно с чиновниками ∞ Читатели наши, верно, не забыли дела о колоссальной покраже соли в Нижнем.*— Имеется в виду дело о хищении казенной соли, совершавшемся систематически в течение нескольких лет председателем нижегородской губернской казенной палаты В. Е. Вердеревским и соляным приставом Терским под покровительством нижегородского генерал-губернатора Н. А. Огарева (см. «Дело о покраже 750 000 пудов казенной соли»...— *К*, л. 239 от 15 апреля 1867 г.; «Соль и железо»— *К*, л. 240 от 1 мая 1867 г., а также редакционную «Поправку»— стр. 327—328 наст. тома).

Сообщение относительно «оползней», опубликованное в «Московских ведомостях» от 14 мая 1867 г., № 105, Герцен рассматривает как одну из попыток замять скандальное дело.

Арангельский корреспондент «Петербургских ведом.» сообщает ∞ полиция наша ∞ большую деревню, которая доселе была неизвестна!— Приведенные Герценом сведения содержались в корреспонденции «С севера» (без подписи), помещенной в «С.-Петербургских ведомостях» от 23 мая 1867 г., № 140.

ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Печатается по тексту *К*, л. 243 от 15 июня 1867 г., стр. 1984, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 362) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается по записке Тхоржевского» (*Л XIX*, 457).

Авторство Герцена подтверждается также его письмом к Огареву от 2) марта 1867 г. (см. далее реальный комментарий).

Во время скитаний по Европе в 1866—1867 гг. В. И. Кельсиев начал сотрудничать в русской прессе под псевдонимами В. Иванова-Желудкова, Приславлева и другими (об этом см. в статье Герцена «Ответ Аксакову», стр. 249 наст. тома и комментарий к ней). Герцен еще ранее советовал ему в письмах заняться литературным трудом (см. письмо Кельсиева к Герцену от 27 декабря 1865 г.— *ЛН*, т. 62, стр. 212), по-видимому, надеясь, что творческая деятельность поможет Кельсиеву выйти из глубокого идейного кризиса, наступившего после краха его планов приобщить старообрядцев к революционному движению (см. т. XVIII наст. изд., а также комментарий к стр. 251 наст. тома).

С 1865 г. Кельсиев совершенно отходит от революционной работы, утрачивает веру в жизнеспособность революционных идей (см. его письмо к Герцену от 23 апреля 1866 г.— *ЛН*, т. 62, стр. 213 и др.). В своих корреспонденциях из Галиции и Молдавии в «Голосе», «Русском вестнике» и «С.-Петербургских ведомостях», посвященных главным образом славянскому и восточному вопросу, он ставится на позиции российского великодержавного шовинизма, стараясь первоначально оправдать их перед Герценом «желаниями и стремлениями самих хохлов» (см. письмо к Герцену от 29 июня 1866 г.— там же, стр. 215).

Так, в фельетоне «Наблюдения над Яссами (К восточному вопросу)», помещенном в «Голосе» от 23 и 24 февраля 1867 г., №№ 54 и 55, автор замечал, что «не только иностранные войска развратили так глубоко» румынский народ, но и «философские учения XVIII века». Главный рычаг духовного развития румын в будущем Кельсиев видел в православии, в «заведении дельных семинарий и дельных духовных академий». Прочитав этот фельетон, Герцен писал Огареву 29 марта: «Желуд<кова> статья хороша; „mon école“ <моя школа>, как говорил Чаад<аев> обо мне и Гран<овском>. Но я немного подожду и сделаю ему печатный avertissement <предостережение>. Всего мерзее богоблудие с православием и нападки на вольтерианизм в Румынии». Дальнейшие печатные выступления Кельсиева подтвердили опасения Герцена. Непосредственным поводом для предостережения послужила корреспонденция из Ясс В. П. Иванова-Желудкова, напечатанная в «Голосе» от 18 мая 1867 г., № 136, в которой он писал: «Заветная мечта молдаван — не партии какой-нибудь, а большинства — присоединение к нам на тех условиях, какие мы сами поставим <...> Если нас недолюбливают за что, то именно за нашу умеренность и непритязательность».

Предостерегая Кельсиева от «злокачественного патриотизма» «присоединений и усвоений», Герцен еще не знал о его полной измене демократическим идеалам и открытым ренегатстве. 19 мая 1867 г. Кельсиев явился в Скулянскую таможеню на границе Румынии и России и отдал себя в руки русских властей, заявив о раскаянии и верноподданнических чувствах (об этом см. «В. И. Кельсиев» — т. XX наст. изд.). Общую характеристику Кельсиева Герцен дал в «Былом и думах» (см. гл. «В. И. Кельсиев» — т. XI наст. изд.).

ЧАСТНОЕ ДЕЛО 〈ВЛАДИМИР ТИТОВ РЕШИЛСЯ ОТВЕЧАТЬ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 243 от 15 июня 1867 г., стр. 1984, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *А. Г. Автограф неизвестен*.

В текст письма В. Титова, цитируемого в статье, внесено следующее исправление:

Стр. 278, строка 15: на первом вместо: не первым

Стр. 278. ...мое письмо от 20 апреля ∞ в «Колоколе» от 1 июня легкое пренебрежение за молчание.— Герцен ссылается на свою заметку «Частное дело <В Европе люди...>», в составе которой было опубликовано его письмо к В. П. Титову от 20 апреля 1867 г. (стр. 266—267 наст. тома).

АВГУСТЕЙШИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

Печатается по тексту *К*, л. 243 от 15 июня 1867 г., стр. 1986—1987, где опубликовано впервые, в отделе «Литературное прибавление», с подписью: *И—р*, помещенной перед постскриптумом. Автограф неизвестен.

Первая статья под названием «Августейшие путешественники» была опубликована в *К*, л. 1 от 1 июля 1857 г., стр. 8—9. Первоначальное намерение создать целую серию фельетонов о пребывании за границей лиц царской фамилии было впоследствии оставлено Герценом (см. об этом подробнее в т. XIII наст. изд., стр. 490). Публикуемая статья связана по проблематике со статьями и заметками 1867 г. больше, чем с первой статьей того же названия. Поэтому нет оснований рассматривать эти две статьи как единый цикл.

Латы написания отдельных частей статьи второй устанавливаются, помимо содержания самой статьи, на основании письма Герцена к И. С. Тургеневу от 8 июня 1867 г.: «Поляки <т. е. покушение Березовского 6 июня> помешали мне дописать путешествие du tzar — я только, было, свел его со Шнейдер в Мабиль... Однако, допишу». Таким образом, сначала была написана первая часть статьи (до 6 июня 1867 г.), затем — «Введение перед заглавием» (дата: 10 июня) и, наконец, вторая часть и постскрипtum.

Своему памфлету Герцен придавал большое значение, рекомендуя его вниманию знакомых (см. письма к Тургеневу от 8 июня, М. Мейзенбург от 13 и 19 июня 1867 г.). 17 июня 1867 г. он писал Г. Н. Вырубову в Париж: «Милого нашего Фальстафа я осмел в конце №. Очень хотелось бы знать, как эти статьи <имеется в виду также статья „Выстрел 6 июня“> действовали на русских, ех. гр., на графиню Салиас и на не-графа Утина. Скажите, что я жду также отзыва от Лугинина. Вы мне должны сказать ваше мнение без пошады».

О восторженном отклике Е. И. Утина на лист 243 К см. в его письме к Герцену от 18 июня 1867 г. (*ЛН*, т. 62, стр. 605). Бакунин писал Герцену 23 июня 1867 г.: «А вот что хорошо, так это Августейшее путешествие. Картина царственной жизни в Зимнем дворце, противопоставленная высоким шалостям в Париже — chef d'œuvre — и Погодин, сын Кириллы и Мефодия, и Филарет посреди „канканопляшущих жен мабилейских в их вертограде“ — напомнили мне молодого Герцена, которого умный и свежий смех так сильно и так благодетельно действовал на Россию <...> Оставайся нашим могучим Вольтером. В этом твоя истина и потому и сила твоя» (*Письма Б*, стр. 209).

Стр. 280. «*Nous sommes aujourd'hui ce que nous avons été hier... continuons*», *Сийес 1789*. — «Сегодня мы те же, что были вчера... продолжим». — Слова из речи аббата Э. Сийеса на заседании Национального собрания Франции 23 июня 1789 г., после приказа короля депутатам сословий разойтись в отведенные им разные помещения и заседать посословно. Сийес напоминал в своей речи о клятве, данной по его предложению 20 июня 1789 г. депутатами Национального собрания, — не расходиться, пока не будет выработана новая конституция (см. В. В u c h e z. *Histoire parlementaire de la Révolution française, ou journal des Assemblées nationales, depuis 1789 jusqu'en 1815*, т. II, Paris, 1834, p. 24—25).

В эпиграфе Герцен, по-видимому, использует слова Сийеса в двух планах, серьезном и ироническом, имея в виду как неизменность своих позиций по отношению к самодержавию, так и неспособность Александра II извлечь уроки из событий в Париже.

... *вопрос à la Шпекин, печатать или не печатать...* — Герцен имеет в виду слова почтмейстера Шпекина из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»: «В одном ухе так вот и слышу: „Эй, не распечатывай! пропадешь, как курица“, а в другом словно бес какой шепчет: „Распечатывай, распечатывай, распечатывай!“» (действие V, явление 8).

... *после выстрела 6 июня*. — Т. е. после неудавшегося покушения на жизнь Александра II, совершенного в Париже 6 июня 1867 г. польским эмигрантом А. И. Березовским.

... *оваши, и адресы, и открытая коляска*. — Французские и русские газеты сообщали о приветственных манифестациях, сопровождавших появление Александра II после покушения на улицах Парижа, об адресах от государственных учреждений, муниципальных советов многих французских городов и т. д.

... *в ухо лошади Мокарова вятя*. — Когда Березовский поднял руку для выстрела в Александра II, возвращавшегося в коляске вместе с Наполеоном III из Булонского леса, его заметил шталмейстер Наполеона III

Ф. Рембо, скакавший рядом с коляской. «Он повернул лошадь к убийце и загорючил собой императоров», — как сообщала газета «*Indépendance belge*» 8 июня 1867 г. в корреспонденции из Парижа; при этом пуля попала в морду его лошади. В газете отмечалось, что Рембо — «брат зятя умершего Ж. Мокара», правителя канцелярии и личного секретаря Наполеона III.

...будущему Карамзину придется ∞ просить у И. Тургенева права ее назвать «*Рассказами о дурных охотниках*». — Шутливое сравнение труда будущего историка с «*Записками охотника*» И. С. Тургенева (в связи с неудачной «охотой» террористов Д. В. Каракозова и Березовского на Александра II) было намечено Герценом в письме к Тургеневу от 8 июня 1867 г. «Теперь тебе предстоит дело, именно проситься в Карамзины, — писал он, — в государя столько стреляли, что история его царствования может быть начепатана как „Записки дурных охотников хорошими“».

Стр. 281. ...таинственные соотношения, о которых мы непременно посоветуемся с Юмом. — Речь идет об известном английском спирите Д. Юме. В том же тоне насмешки Герцен упоминает о нем в «*Письмах к противнику*», в заметках «*Новости заграничные, возвратившиеся из отечественных журналов*, и князь П. И. Шаликов, возвратившийся из мертвых между Темзой и Невой», «*Спиритизм в Петербурге*» (см. т. XVIII наст. изд.), а также в цикле «*Скуки ради*» (см. т. XX наст. изд.).

Мы вместе были в Вятке в 1837 году... — Герцен имеет в виду свое пребывание в вятской ссылке с мая 1835 по декабрь 1837 г. и посещение Вятки Александром II, в ту пору наследником престола, 18—20 мая 1837 г., во время его путешествия по России. Результатом этого приезда и хлопот В. А. Жуковского, сопровождавшего цесаревича в качестве воспитателя, явился перевод Герцена во Владимир. Свою встречу с наследником Герцен описал в письмах к Н. А. Захарьиной от 15—18 мая 1837 г. и 11—18 января 1838 г., а также в «*Былом и думах*», гл. XVII (см. т. VIII наст. изд., стр. 293—295).

...он ∞ остановился в той же улице, в которой останавливались мы в 1847... — Александр II во время его пребывания в Париже с 20 мая (1 июня) по 30 мая (11 июня) 1867 г. были отведены апартаменты в Елисейском дворце на Avenue Marigny, где жил Герцен с апреля по октябрь 1847 г.

...государь мог бы написать по с л е д н е е «*Письмо из Avenue Marigny*» в «*Современник*», если б Валув не запретил его. — «*Письма из Avenue Marigny*» Герцена (см. т. V наст. изд.) печатались в X и XI книжках «*Современника*» 1847 г. О запрещении «*Современника*» в мае 1866 г. см. выше заметку «*„Современник“ и „Русское слово“*» (стр. 110).

Александр Николаевич захотелось погулять, Наполеону — показать ∞ вот, мол, «*каких поднимаем*»... А с Турцией что будет, то будет... — Официальной целью поездки Александра II в Париж было посещение Всемирной выставки 1867 г. Однако в печати распространялись слухи, что предстоят переговоры о защите европейскими державами национально-освободительного движения славян против турецкого ига, о дальнейшем давлении на Турцию, чтобы заставить ее отказаться от владения восточным Критом. Но события вскоре подтвердили прогнозы Герцена о незначительных результатах путешествия (см. в наст. томе заметку «*Котам игра, мышам слезы*» и комментарий к ней).

...по Лейбницу, где есть достаточная причина, там других искать не надобно. — Герцен в шутку ссылается на закон достаточного основания («ничто не происходит без достаточного основания»), сформулированный Г. Лейбницем в качестве основного закона познавательной деятельности человека.

Византийски-дармштадская набожность... — Намек на показное благочестие императрицы Марии Александровны, происходившей из

немецкого рода герцогов Гессенских (столица герцогства — г. Дармштадт) и принявшей православие лишь по приезде в Россию в 1840 г. Ханжество в царской семье и «византийское изуверство» в политике правительства были постоянным объектом обличений Герцена (см. «Катков и государь», «Грязь» — стр. 118 и 151 наст. тома).

...австрийские и турецкие славяне, с которыми надобно говорить л о - н е м е ц к и... — 14 мая 1867 г. Александр II принял в Царском селе депутацию от славян, приехавших в Россию на московскую Этнографическую выставку. О приеме славянских гостей см. также в наст. томе статьи «Славянская агитация», «Этнографическая агитация в Москве», «Мазурка» и комментарии к ним.

Стр. 282. *Из Агрипининой Колонии ∞ телеграфирует ∞ Шнейдеру захотелось посмотреть в «Дюшессе Герольдштадтской».* — По общению газеты «Indépendance belge» от 3 июня 1867 г., № 154 (см. корреспонденцию в отделе «Nouvelles de France»), Александр II в день своего приезда в Париж присутствовал инкогнито на представлении новой оперетты Ж. Оффенбаха «La grande duchesse de Gérolstein» в театре Variétés. В роли герцогини Герольдштейнской выступала известная опереточная актриса Г. Шнейдер. «Ложа для царя на этот спектакль, — прибавляет парижский корреспондент, — была удержана по его телеграмме заранее». *Агрипинина колония (Colonia Agrippina)* — древнеримское название г. Кельна. В 50 г. н. э. на месте римского военного поселения Убьер, по желанию императрицы Агриппины Младшей, родившейся в этом лагере, была основана колония ветеранов, разросшаяся в город.

...говорил ∞ Георг IV ∞ о трех f ∞ fat, fair, f o r t y. — Английский король Георг IV пользовался репутацией распутника и кутюлы. Герцен в шутку пишет, что наиболее привлекательны, по мнению Георга IV, женщины полные, красивые, лет сорока (*fat* — жир, *fair* — красивый, *forty* — сорок).

...по образу-подобию покойного Александра Павловича въезд в Париж сделать верхом. — Речь идет о торжественном въезде Александра I в Париж 19/31 марта 1814 г., после разгрома армий Наполеона I и капитуляции французской столицы.

...тут русские лошади свидетельствуют, до какого совершенства их родители довели свое ремесло... — На парижской выставке были широко представлены достижения русского коннозаводства. 3 июня 1867 г. Александру II была присуждена золотая медаль «за улучшения в коннозаводстве», по поводу чего и иронизирует Герцен.

...русские камни говорят в пользу геологических переворотов ∞ под удельным управлением и министерством государственных имуществ. — Герцен, вероятно, имеет в виду на шумевшее дело о краже казенной соли в Нижнем Новгороде и сообщения русской прессы об оползнях в районе нижегородских соляных магазинов. См. выше заметку «Светопреставление».

О Корещенке и Мабиле мы прочли в «Journal de Genève». — Московским купцом Н. И. Корещенко был устроен на Парижской всемирной выставке русский ресторан с национальными блюдами, стилем убранства и обслуживания. Jardin Mabile — увеселительный сад в Париже. В западноевропейской прессе печатались корреспонденции о посещении Александром II вместе с Наполеоном III русского павильона всемирной выставки 3 июня 1867 г. и о завтраке в русском ресторане (см., например, «Indépendance belge» от 3 июня, № 155).

...авести земскую управу... прогнать земскую управу... — Намек на высочайшее повеление от 16 января 1867 г. о роспуске Петербургского губернского земского собрания, губернской и уездных земских управ, о приостановке в Петербургской губернии действия Положения о зем-

ских учреждениях. Об этом инциденте см. примечание к стр. 235 наст. тома.

...*тут и Баранов не поможет.*— Имеются в виду перемещения в рядах высшей бюрократии, происходившие в 1866—1867 гг. В частности, генерал-губернатором северо-западных губерний на место К. П. Кауфмана был назначен 9 октября 1866 г. генерал-адъютант гр. Э. Т. Баранов, с 18 апреля 1866 г. занимавший пост лифляндского, эстляндского и курляндского генерал-губернатора. Над этой чехардой перемещений Герцен издевался еще ранее в статьях «Грязь», «„Антракт“ и hors-d'œuvre» (стр. 151 и 217 наст. тома).

Стр. 283. ...*шептанья монастырок ее величества с о Кирилле, Мефодии и сыне их Погодине.*...— 25 мая 1862 г. председатель Московского славянского комитета М. П. Погодин обратился с «Окружным посланием к славянам» о праздновании тысячелетия славянского просвещения в день памяти проповедников христианства Кирилла и Мефодия, 11 мая 1862 г. (см. Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XIX, СПб., 1905, стр. 74—94). С этого времени ежегодно в день 11 мая широко отмечалась в России память славянских просветителей, причем «хоругвь Кирилла и Мефодия» служила символом единения славянских народов (см. «Программа пребывания славян в Петербурге»— «Московские ведомости» от 9 мая 1867 г., № 101).

...*говорят, что он везет на выставку с Антонелли свое изобретение «безгрешного зачатия».*...— Герцен высмеивает реакционную политику Пия IX, неукоснительно проводившуюся фактическим правителем Папской области статс-секретарем кардиналом Д. Антонелли. В частности, он пронизирует по поводу провозглашенного Пием IX в 1854 г. догмата о «непорочном зачатии» (*immaculata conceptio*) богородицы. Антигуманистический смысл нового догмата Герцен раскрыл в «Былом и думах», гл. XXIV (см. т. VIII наст. изд., стр. 388).

...*Николай Павлович, любивший обтекать разные страны, был однажды в Вене.*— По-видимому, речь идет о посещении Николаем I Австрии в 1835 г., когда он участвовал в маневрах австрийских войск в Калише и присутствовал на официальных торжествах в Тешлице. В предыдущий его приезд (в сентябре 1833 г.) австрийский император Франц I назначил его шефом своего гусарского полка.

Тогда еще царствовал в Австрии не нынешний государь с а глупенький, больной и юродивый предшественник его.— Речь идет о слабоумном австрийском императоре Фердинанде I, принимавшем лишь номинальное участие в государственных делах. 2 декабря 1848 г. он отрекся от престола в пользу своего племянника Франца-Иосифа. Последний ознаменовал вступление на престол кровавым подавлением венгерской революции 1848—1849 гг. при помощи войск русского правительства во главе с генерал-фельдмаршалом кн. И. Ф. Паскевичем. 13 августа 1849 г. девять венгерских генералов были повешены по приказу Франца-Иосифа, четверо — расстреляны (см. об этом также «Объявление о „Полярной звезде“ 1855» — т. XII наст. изд., стр. 267).

Стр. 284...*«с видом сумрачным и строгим».*...— Герцен иронически перефразирует стих из баллады Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...»:

С виду сумрачный и бледный...

«*Bruder с treue Schwesterliebe widmet dir mein Herz.*»— «Брат, верную любовь сестры посвящает тебе мое сердце». Герцен вкладывает в уста Николая I перефразированные строки из баллады Ф. Шиллера «Рыцарь Тогенбург»:

Ritter, treue Schwesterliebe
Widmet Euch dies Herz.

...о Азаис с твоими «компенсациями!» — Имеется в виду теория компенсаций французского философа-моралиста П. Азаиса, изложенная им в книге «Compensations» (Paris, 1811).

Какие-то адвокаты прокричали «Vive la Pologne!» ∞ где также будут кричать: «Vive la Pologne!» — О полонофильской манифестации при посещении Александром II 3 июня 1867 г. здания судебных учреждений (Palais de Justice) см. выше примечание к стр. 269 наст. тома. В парижских газетах (например, «Etendard» от 5 июня, «Liberté» от 6 июня 1867 г.) сообщалось, что выступления в защиту Польши «заставили русского императора сократить свое пребывание в Palais de Justice».

Подобные демонстрации происходили в тот же день также перед музеем Клюни и в Соборе Парижской богородицы, а 4 июня — на бульваре перед театром Grand Opéra во время парадного представления в честь Александра II (см. «Journal de Débats» от 5 июня, «Indépendance belge» от 5, 6, 7 июня).

...от Порт-Сент-Мартен до Оттоманской порты... — Каламбур, основанный на этимологическом родстве названия арки в Париже (буквально: Ворота Сен-Мартен) с идиомом «à la porte!» («вон!») и названием Турецкой империи. Термин «Порта» служил для официального обозначения турецкого правительства и происходил от того же французского «porte» (дверь, врата), что соответствовало турецкому идиому «паша капшы» — канцелярия паши (буквально — дверь паши), но часто относился в неофициальном употреблении и к самой Оттоманской империи.

...этот анекдот его сделает незабвенным в Париже. — Герцен относит к Александру II эпитет, постоянно фигурировавший в официальных документах Александра II в применении к Николаю I.

Стр. 285. ...вержболовская таможенная амнистия ∞ виза паспорта в Париж. Так ее французы и поняли. — Во время путешествия Александра II во Францию при переезде им 17 мая 1867 г. русской границы в местечке Вержболово было дано «высочайшее повеление» о прекращении незаконченных политических дел, «касающихся польского мятежа», и дозволения возвратиться на родину «уроженцам царства Польского, сосланным в административном порядке, если их поведение одобрено местным начальством» (см. «Голос» от 21 мая 1867 г., № 139). Амнистия была весьма ограниченной и обставлялась такими оговорками, которые сводили ее действие к нулю.

Передовое общественное мнение Европы встретило вержболовскую амнистию пронически. Об этом газета «Голос» 10/22 июня (№ 158) писала: «...одна из повстанческих газет (<...> сказала, что этим актом „царь хотел дать себе паспорт безопасности для путешествия по Европе“» (см. передовую статью).

Журналы от 12-го рассказывают, что по дороге из Версаля опять кричали ∞ «Да здравствует Польша!» — Александр II и Наполеон III посетили Версаль 9 июня 1867 г. В корреспонденции, помещенной в газете «Indépendance belge» от 12 июня, № 163, сообщалось о полонофильских манифестациях во время этой поездки.

1857 — 1867

Печатается по тексту *Р*, л. 244—245 от 1 июля 1867 г., стр. 1991, где опубликовано впервые, с подписями: «А. Герцен, Н. Огарев» перед постскриптумом (после постскриптума стоит подпись: «Над.»). Этой статьей открывается лист «Колокола»; статья набрана более крупным шрифтом, чем все остальные. В *ОР* озаглавлено: «Первое десятилетие». Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену данной статьи доказывается ее ответственным редакционным характером, а также тем, что именно Герцену при-

надлежала ее основная мысль о приостановке «Колокола» (см. ниже реальный комментарий). Кроме того, статья в значительной мере текстуально совпадает со статьей Герцена о французском издании «Колокола», напечатанной в русском прибавлении к французскому «Колоколу» с подписью: «И—р» (см. т. XX наст. изд.). В статье «1857—1867» сказано: «Теперь мы хотим перевести дух, отереть пот, собрать свежие силы и для этого приостановиться на *полгода* (...) Мы хотим еще раз спокойно, без развлечений срочной работой, взглядеться в то, что делается дома». Ср. в статье Герцена о выходе «Колокола» на французском языке: «Приостанавливаясь на нашем десятилетии — мы хотели не только перевести дух, но еще раз „спокойно, без развлечений взглядеться в то, что делается дома“».

В статье «1857—1867» говорится, что «русское развитие пробирается тайком через забор, пока сторожа не смотрят или спят...», что «Все остальное грязь и пыль на дороге, бревна и камни под колесами»; в статье о французском «Колоколе» Герцен также подчеркивает, что социальное развитие в России «идет проселками и буераками», идет, «несмотря на все помехи и ошибки»; в этой же статье, говоря о кровавой грязи как символе правительственной реакции, Герцен замечает: «и там, где можно сухо пройти, а у нас везде грязь по колена и болота по пояс».

Включено в сборник Тихомирова (Т, 694—695) и в издание М. К. Лемке (Л XIX, 378—380).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 287, строка 5: сеятели, «заутра» вышедшие на работу вместо: сеятели «заутра», вышедшие на работу (на основе аналогии с употреблением образа «ранних сеятелей» в статье «Из письма к М. Бакунину», стр. 288—289 наст. тома).

Мысль о приостановке «Колокола» впервые появляется в письмах Герцена в начале мая 1867 г. (см. письма к Н. А. Огаревой от 6 и 9 мая и к сыну Александру от 11 мая 1867 г.). Однако и ранее, в отличие от Огарева, более оптимистически оценивавшего перспективы издания (см. его письма к Герцену в ЛН, т. 39—40), Герцен постоянно тревожил при планировании очередных листов уменьшение числа читателей и нехватку материала и поэтому неохотно соглашался на выпуск двойных листов или двух листов в месяц (см. письма к Огареву от 7, 8 и 11 января, 22 февраля, 29 марта 1867 г.).

Нарушение русских связей в результате временного разгрома революционных организаций в России и торжества реакции, все углубляющиеся расхождения с женевской «молодой эмиграцией» поставили перед Герценом вплотную вопрос о степени заинтересованности персодовой русской общественности в «Колоколе», — вопрос, который мог решиться наиболее определенно лишь в период его приостановки.

Решение приостановить издание «Колокола» на полгода было принято Герценом и Огаревым 12 мая 1867 г., о чем первый из них сообщал в тот же день Н. А. Огаревой, а затем в письме от 14—15 мая — М. Мейзенбуг. В письме к Н. А. Огаревой от 29 мая 1867 г. Герцен так формулировал мотивы и цели своего решения: «Время это очень важное для меня и Огарева (...) Остановка „Колокола“ будет запросом на to be or not to be (быть или не быть). Она меня может задержать до 1 июля—надобно узнать первый отзыв. Уже теперь много поднялось голосов за нас». В частности, против прекращения «Колокола» высказался М. А. Бакунин в письмах к Герцену от 7 мая и 23 июня 1867 г. (см. *Письма В*, стр. 205, 209).

Западная и русская реакционная пресса пыталась использовать известие о приостановке «Колокола» как свидетельство идейного поражения, отступления Герцена. Однако, подчеркивая в настоящей статье неколебимость теоретических и тактических основ своей пропаганды, Герцен начисто отметал подобные инсинуации. А вслед за этим он высту-

пает в печати с опровержением слухов о полном прекращении «Колокола» (см. «В 75 листе „Москвы“ папечатано...», «Редактору газеты „Figaro“» — стр. 300, 312 наст. тома и комментарий к ним).

Однако ни отклик Бакунина, ни измышления реакционных газет не могли сыграть определяющую роль в решении вопроса о необходимости продолжить издание. «Вглядываясь в то, что делается дома», Герцен во второй половине 1867 г. приходит к неутешительным выводам о перспективах русской «заграничной прессе». «У нас нет с Россией связи», — пишет он Огареву 30 июля 1867 г. и добавляет в связи с этим: «Русский „Колокол“ мне всего противнее». Мысль о продолжении «Колокола» на французском языке, еще ранее занимавшая Герцена (см. письма к М. Мейзенбуг от 13 и 19 июня, к Н. А. Огаревой от 14 и 21 июня), теперь получает все более четкое обоснование. 31 августа 1867 г. он пишет Огареву: «Дела в России идут утомительно вяло. Те же доносы в „Моск. вед.“, то же крепостничество в „Вести“. Право, следует печатать по-франц(узски). Русской публики для нас нет». (Ср. также в письме от 14 ноября 1867 г.: «Нас в России не читают и не хотят, вообще в заграничную прессу не верят. Школы внутри России задавлены надзором и попами <...> Мне теперь хочется только ругаться с Западом»). Подводя итог изданию «Колокола», Герцен писал: «Мы сказали почти все, что имели сказать, и слова наши не прошли бесплодно <...> Одна из наших великих наград состоит именно в том, что мы меньше нужны» (см. «О выходе „Колокола“ на французском языке» — т. XX наст. изд.).

С 1 января по 1 декабря 1868 г. «Колокол» выходил на французском языке, с русскими прибавлениями. О задачах этого издания см. в объявлении «Le Kolokol» — т. XX наст. изд.

Стр. 287. ...мы намерены ∞ издать ∞ «Сборник Колокола». — О своем плане издания сборника статей редакторов «Колокола» во второй половине 1867 г. Герцен писал Огареву еще 12 мая 1867 г., одновременно с сообщением о решении приостановить «Колокол». В том же листе «Колокола», что и настоящая статья, было помещено редакционное объявление о предстоящем выпуске «L'Almanach du „Kolokol“» (см. «A paraître en russe...» — стр. 331 наст. тома). В июле — августе 1867 г. Герцен занимается подбором материала для французского сборника (см. его письма к Огареву от 30 июля и к С. Тхоржевскому от 3 августа). 6 августа он сообщает Огареву о работе над предисловием к сборнику и предлагает издать его в нескольких выпусках (см. также письма от 10, 25 августа). В письме к Огареву от 14 августа Герцен дает название одному из предполагаемых выпусков: «Encore une fois le vieux monde et la Russie». Однако в этом же письме он выдвигал мысль: «Не печатать ли все это просто французским „Колоколом“?» Альманах не увидел света, по-видимому, именно потому, что цели его по существу совпадали с предстоящим изданием «Kolokol», куда и вошел его материал.

Наша типография и несколько других предлагают легкую возможность. — Кроме Вольной русской типографии, в Женеве с 1866 г. работала типография М. К. Элпидина. О других русских типографиях за границей см. в сб. «Русская подпольная и зарубежная печать», М., 1935, стр. 208—210.

Мы издадим прибавочный лист — никак не позже 1 августа. — «Прибавочный лист к первому десятилетию» вышел в свет 1 августа 1867 г. (см. «Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии» — стр. 332 наст. тома и комментарий к ней).

ИЗ ПИСЬМА К М. БАКУНИНУ

Печатается по тексту К, л. 244—245 от 1 июля 1867 г., стр. 1992, где опубликовано впервые, с подписью: И—р. Автограф неизвестен.

Стр. 288. ...на всех славянских сходках ∞ русского, который двадцать лет тому назад ∞ проповедал братский союз славян ∞ из Градчина в Петербурге?..— Имеется в виду проповедь М. Бакуниным идей славянской демократической федерации с трибуны Славянского конгресса, проходившего в Праге с 1 по 12 июня 1848 г. Основные положения его выступлений были изложены им в статье «Основы новой славянской политики», написанной в начале июня 1848 г., и затем развиты в «Воззвании русского патриота к славянским народам» и «Воззвании к славянам русского патриота Михаила Бакунина, члена славянского съезда в Праге» (см. М. А. Б а к у н и н. Собрание сочинений и писем, т. III, М., 1935, стр. 300—305, 329—365. Критическую оценку этих воззваний см. в статье Ф. Энгельса «Демократический панславизм»— К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 6, М., 1957). Чешскими либерально-буржуазными националистами были выдвинуты на пражском съезде идеи преобразования Австрийской империи в федерацию славянских государств под эгидой Габсбургской монархии.

В 1849 г. саксонское правительство выдало Бакунина, ранее приговоренного в Дрездене к смертной казни, Австрии, где он был заключен в крепость Градчин (в Праге), а затем, после пребывания в ольмюцкой тюрьме, был выдан в 1851 г. России. См. об этом в статье «Michel Bakouline» — т. VII наст. изд., а также в «Былом и думах», гл. «М. Бакунин и польское дело» (т. XI наст. изд.).

К славянскому съезду в Москве в мае 1867 г. Бакунин отнесся резко отрицательно. 7 мая 1867 г. он писал Герцену: «Все это официальное кокетничанье со славянами отвратительно, гадко,— и у меня большая охота напомнить всем немецким славянам и славянам-государственникам: Палацкому, Ригеру, Браунеру и другим, что они едут в Москву, чтобы праздновать там славянское братство, через задавленную Московую славянскую Польшу» (Письма Б, стр. 195). См. там же письмо от 23 июня 1867 г. (стр. 209) и в наст. томе комментарий к статье «Мазурка».

...как будто пушки Виндишгреца не так же были направлены на тебя, как на них?— Пражский славянский конгресс прекратил свою работу 12 июня 1848 г., в связи с началом восстания в Праге и бомбардировкой города, произведенной австрийскими войсками под командованием кн. А. Виндишгреца.

Заброшенный бурями куда-то за Прочиду...— Прочида (Procida) — остров в Тирренском море, между о. Искией и Неаполем. 7 мая 1867 г. Бакунин писал Огареву: «Теперь перебрались в Искию, где пробудем месяц, два, а может и три (<...>). Покамест моей главной квартирой останется Неаполь» (Письма Б, стр. 195—196).

Стр. 289. ...портрет Марино Фальери ∞ пустая рама, в которой написан п р и г о в о р.— Фриз зала Большого совета во Дворце дождей в Венеции украшен 76 портретами дождей. На 48-м месте, где должно было находиться изображение дожа Марино Фальери, в 1354 г. возглавившего демократический заговор против венецианской олигархии, рама обтянута черным сукном, с надписью: «Nec est locus Marini Falethri, decapitati pro crimibus» («Это место Марино Фальери, обезглавленного за преступления» .).

...как Тарас Бульба, я их не тотчас узнаю...— Герцен имеет в виду слова Тараса Бульбы: «А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?» (Н. В. Г о г о л ь. Тарас Бульба, гл. I).

Стр. 289—290. Старый гегелист, ты не забыл о его немецкой *Bedenklichkeit* насчет ∞ противоположных жизненных отправлений в одном и том же органе.— Имеются в виду следующие суждения Гегеля: «Органы выделения и детордные органы, высшая и низшая точка животного организма, связаны у многих животных теснейшим образом: как речь и поцелуи».

с одной стороны, и еда, питье и плевание, с другой, соединены в одном и том же рту» (Ф. Гегель. Философия природы, М., 1934, стр. 500—501). *Die Bedenklichkeit* — здесь: размышление, рассуждение (нем.).

БЕРЕЗОВСКИЙ

Печатается по тексту К, л. 244—245 от 1 июля 1867 г., стр. 1995—1996, где опубликовано впервые, с подписью: И—р. Автограф неизвестен.

Стр. 291. *Из всех подробностей, напечатанных в разных журналах, ясно подтверждается ∞ Березовский с т о т о д и н, как стоял Каракозов — юноша, фанатик, личность вроде Карла Занда, Алибо...* — А. И. Березовский, в 16 лет активный участник польского восстания 1863 г., после его разгрома в 1864 г. эмигрировал сначала в Либих, а затем, в начале 1865 г., в Париж, где работал на заводе Гуэна в качестве механика. Еще в статье «Выстрел 6 июня», написанной сразу после покушения Березовского на Александра II, Герцен утверждал, что это одиночный террористический акт, не связанный с деятельностью какой-либо заговорщической организации (см. стр. 269 наст. тома). Такой же позиции придерживался он и в отношении каракозовского дела.

Герцен сравнивает психологический облик юных террористов с личностью немецкого студента-республиканца К. Занда, убившего в 1819 г. реакционного немецкого драматурга и царского шпиона А. Коцебу; их поведение на следствии, полное хладнокровия и достоинства, — с мужественным поведением французского революционера Л. Алибо, казненного в 1836 г. за покушение на жизнь короля Луи-Филиппа. В дальнейшей характеристике Березовского Герцен использует сведения о нем, сообщавшиеся в июне 1867 г. газетами «Patrie», «Liberté», «Kölnische Zeitung», «Temps», «Голос», «Indépendance belge» и др. «Что за милый святой и что за дитя!» — писал Герцен сыну Александру о Березовском 17 июля 1867 г.

Мистическое направление ясно из его ответов. — Убийство Александра II Березовский считал своим морально-религиозным долгом и так объяснял его мотивы на допросе: «Я хотел избавить свет и самого императора Александра от угрызений совести, которые не должны давать ему покоя» (см. в «Голосе» от 31 мая/12 июня, № 149, перепечатку материалов из газеты «Patrie»). Парижский корреспондент «Голоса» отмечал: «Березовский показал, что в этом году он не говел на пасху, откладывая исполнение этой христианской обязанности до совершения своего умысла» (см. № 152 от 3/15 июня 1867 г. — «Пребывание государя императора в Париже»).

Месть ли за родину или за своих двинула этого человека ∞ него брат был повешен, отец сослан, сестра погибла... — В своих первых показаниях Березовский сообщил: «Две недели назад у меня родилась мысль цареубийства; впрочем, вернее, я питал эту мысль с тех пор, как начал себя сознать, имея в виду освобождение родины» (см. «Русский инвалид» от 27 мая 1867 г., № 145). Об участии семьи Березовского сообщали европейские газеты, в частности, «Indépendance belge» от 10—11 июня 1867 г., № 161—162 (а не № 163, на который ссылается Герцен).

...будут женщину середь сладострастия ∞ чтоб она схватила меч и отрубила голову Олоферну. — Имеется в виду библейская легенда об Юдифи, которая спасла родной город Ветулию во время осады его войсками вавилонского полководца Олоферна.

Стр. 292. *Мы не думаем, чтоб Березовского казнили. Вероятно, государь сделает п а р а д заступничества ∞ дома во время Каракозова...* — Суд над Березовским был назначен на 15 июля 1867 г. Иностранцы и

русские газеты (например, «Liberté» от 10 июня 1867 г., «Indépendance belge» от 10—11 июня, № 161—162, «Голос» от 3, 15 июня, № 152) распространяли слухи о том, что Александр II просил Наполеона III сохранить жизнь Березовскому. О приговоре по делу Березовского и отношении к нему царя см. «Суд в Париже и убийство в Петербурге», «Скорость нужна только для того...», стр. 297, 301 и комментарии к ним. Прощение же Каракозова о помиловании царь оставил «без уважения», написав на «Представлении Верховного уголовного суда», связанном с этим прощением: «Лично я в душе моей давно простил ему, но как представитель верховной власти я не считаю себя вправе простить подобного преступника» (см. сб. «Покушение Каракозова», т. I, М., 1928, стр. 287). Казни Д. В. Каракозова Герцен посвятил статью «Виселица и Муравьев» (см. выше в наст. томе).

...*Георг Форстер писал своей жене ∞ по законам исправительной полиции*. — Очевидно, имеется в виду письмо Г. Форстера к жене из Парижа от 26 июня 1793 г. (G. Forster. Sämtliche Schriften, B. IX, Briefwechsel, Leipzig, 1843, S. 42).

Стр. 293. ...*«необыкновенным народом и своего царя необыкновенным царем» (как выражается «Голос»)*...—28 мая/9 июня 1867 г. газета «Голос» в передовой статье, посвященной холодному приему Александра II парижской прессой, писала: «...русский народ считает себя первым народом в мире, а своего царя первым между государями; поэтому все, что, по его мнению, не подходит к этому идеалу, болезненно щемит ему сердце».

...*ищут сообщничества и хотят замешать в дело Березовского Польшу, революцию, Европу, шар земной ∞ «Голос» превзошел «Моск. ведом.»* — В передовых статьях «Московских ведомостей» от 28 мая, № 116, и от 31 мая, № 118, М. Н. Катков связывал выстрел Березовского, а заодно с ним покушение Каракозова и «нигилизм» с национально-освободительным движением Польши и предлагал в качестве панацеи от всяческих революционных актов — полную русификацию Польши. Вторя этим шовинистическим притязаниям «покончить с Царством Польским», редакция «Голоса» шла еще дальше, требуя прямой расправы за покушение во всей польской эмиграцией и обвиняя в соучастии с Березовским французских журналистов, враждебно встретивших приезд Александра II в Париж, и даже правительство Наполеона III («Голос» от 31 мая 1867 г., № 149. Ср. передовые статьи «Голоса», №№ 152 и 158).

КОТАМ ИГРА, МЫШАМ СЛЕЗЫ

Печатается по тексту К, л. 244—245 от 1 июля 1867 г., стр. 1996, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 337) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается письмом Огарева к Огаревой, хранящимся в архиве семьи Герцена» (Л XIX, 457).

Авторство Герцена подтверждается идейно-тематической связью заметки с его статьей «На площади св. Марка» (стр. 231 наст. тома), а также характерной для него иронией по адресу «якобинских воззваний Филарета, демагогии Николая Николаевича, зажигательных прокламаций Краевского».

Стр. 294. *Омер-паша ∞ перебил их жителей. Консулы засвидетельствовали своим правительствам о совершившихся ужасах.*—29—30 мая 1867 г. турецкие войска под командованием Омер-паши потерпели поражение в бою с критскими повстанцами при Гераклионе. Жестокие

репрессии, которым подверглось после этого мирное население Крита, истребление посевов и оливковых плантаций вызвали протест критского временного правительства, направленный европейским консулам (см. корреспонденции в «Голосе» от 6 и 8 июня 1867 г., №№ 154 и 156, а также в «Московских ведомостях» от 9 июня 1867 г., № 125). В комментируемых строках использовано известие из Афин, напечатанное в газете «Голос» от 9 июня 1867 г., № 157.

Далее речь идет о переговорах, которые вели дипломаты России, Франции, Северо-Германского союза и Австрии, собравшиеся в Париже в конце мая 1867 г. в связи с всемирной выставкой. В нотах, врученных послами этих держав турецкому министру иностранных дел Фуад-паше 3/15 июня 1867 г., предлагалось провести международное расследование положения дел на Крите «для приискания средств к скорому прекращению кровопролития». После отказа турецкого правительства и от этого предложения, европейские державы ограничились в ноте от 21 сентября 1867 г. формальным возложением ответственности за все последующие события на Турцию, что по существу развязало турецкому правительству руки для окончательной расправы с кандидатами.

...*якобинские воззвания Филарета, демагогию Николай Николаевича, зажигательные прокламации Красевского?*— О воззвании Филарета и «возмутительных тостах» всл. князя Николая Николаевича см. комментарии к стр. 237 и 252. Говоря о «прокламациях Красевского», Герцен имеет в виду позицию газеты «Голос» в критском вопросе в ноябре 1866—январе 1867 г. На ее страницах выдвигались решительные требования войны России с Турцией за освобождение «единоверцев» от ига «исламизма», призывы к «крестовому походу» «европейской цивилизации против азиатского варварства», к «восстанию турецких христиан с оружием в руках» (см. передовые статьи «Голоса» от 11 ноября и 3 декабря 1866 г., №№ 312 и 334, от 3 и 10 января 1867 г., №№ 3 и 10).

Далее Герцен упоминает о последующих «революционных» выступлениях «Голоса» по славянскому вопросу. Автор передовой статьи, напечатанной 1 июня 1867 г. в № 150 газеты, обращаясь к болгарам, призывал их последовать примеру греческих патриотов двадцатых годов и отбросить «опасения кровавых возмездий»: «Али-паша япийский, как известно, не отличался особенной мягкостью характера, но все его зверства над беззащитным населением Греции не устрашили греков — потому-то и пробил для них час освобождения».

ВЕНГЕРСКАЯ АМНИСТИЯ

Печатается по тексту К, л. 244—245 от 1 июля 1867 г., стр. 1996, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 387) со следующей мотивировкой: «принадлежность устанавливается письмом Огарева к Огаревой, хранящимся в архиве семьи Герцена» (Л XIX, 457).

Авторство Герцена подтверждается перекличкой заметки с его статьями, касающимися амнистии 1856 г.; ср., например, в статье «Исторические очерки о героях 1825 г. и их предшественниках, по их воспоминаниям»: «Якушкин умер в Москве в 1856 г. Он вернулся из Восточной Сибири по амнистии, дарованной теперешним государем. Полицейские меры делали эту амнистию тяжелой и оскорбительной для стариков» (подлинник по-французски, т. XX наст. изд.). Характерно для Герцена и то, как названы здесь декабристы — «маститые старцы 14 декабря», ср. в «Ответе русской даме»: о «наших старцах Сибири, наших старцах каторжной работы» (т. XIV наст. изд., стр. 71).

Стр. 294. Даже Австрия сумела ∞ могли возвратиться Клапка и Перцель.— В феврале 1867 г. по соглашению между венгерским парламентом и австрийским правительством Венгрия была преобразована в самостоятельное королевство со своим ответственным правительством. 8 июня 1867 г. австрийский император венчался венгерской короной. В связи с этим была объявлена амнистия политическим «преступникам», которая, в частности, дала возможность вернуться на родину находившимся в эмиграции деятелям венгерской революции 1848—1849 гг. Д. Клапке и М. Перцелю. По этой амнистии были освобождены также «все поляки, заключенные в Львовской цитадели» (см. «Голос» от 11 июня 1867 г., № 159).

Далее Герцен противопоставляет амнистии Александра II в 1856 г. меры, предпринятые Александром I тотчас же по вступлении на престол (12 марта 1801 г.) для отмены репрессий Павла I. Так, по указу сенату от 15 марта 1801 г. «О прощении людей, содержащихся по делам, производившимся в тайной экспедиции», было возвращено из ссылки и заключения 153 человека, в их числе А. Н. Радищев, А. П. Ермолов (см. «Полное собрание законов Российской империи», т. XXVI, СПб., 1830, стр. 584—588). В тот же день был издан манифест «Об амнистии беглецам, укrywшимся за границей». Всего до 21 марта было амнистировано и освобождено от наказаний 482 человека (см. Н. К. Ш и л ь д е р. Император Александр I, его жизнь и царствование, изд. 2, т II, СПб., 1904, (тр. 15—16).

ЦЕНЗУРНЫЙ БРЕД

Печатается по тексту К, л. 244—245 от 1 июля 1867 г., стр. 1997, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание Лемке (Л XIX, 388) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается письмом Огарева к Огаревой, хранящимся в архиве семьи Герцена» (Л XIX, 457).

Стр. 295. Г-н Гайдебуров за перевод 2-го тома книги Вундта «Душа человека и животных» ∞ был приговорен окружным судом к н е д е л ь н о м у заключению в тюрьме и штрафу 25 руб. сер.— Сокращенный перевод с немецкого языка второго тома исследования В. Вундта «Душа человека и животных» был сделан литератором П. А. Гайдебуровым (впоследствии редактор журнала «Неделя») вслед за выходом из печати в 1865 г. его перевода первого тома. После предъявления в петербургский цензурный комитет в ноябре 1866 г. отпечатанного экземпляра второго тома весь тираж книги был опечатан по требованию духовной цензуры, а против переводчика-издателя возбуждено судебное преследование по обвинению в несоблюдении цензурных установлений. Обвинительный акт и приговор окружного суда по этому делу были опубликованы в «Судебном вестнике» от 20 и 21 апреля 1867 г., №№ 84, 85.

...к наказанию приговорен человек, не совершивший преступления ∞ в 151 № «Голоса» изложено достаточно ясно.— В передовой статье газеты «Голос» от 2 июня 1867 г. подробно выяснялась юридическая несостоятельность обвинения против Гайдебурова, который действовал в полном соответствии с законом о печати от 6 апреля 1865 г., когда представил экземпляр произведения в цензурный комитет по отпечатанию, не пуская книгу в продажу до его решения. Однако в отношении предметов, подлежащих «обсуждению духовной цензуры», требовалось по-прежнему предъявление рукописи. Гайдебуров и был осужден на том основании, что в его действиях было усмотрено якобы «желание

обойти представление книги в духовную цензуру». Передовая «Голоса», считая это обвинительное заключение прямым результатом неопределенности новых цензурных правил, доказывала необходимость упрощения и унификации законодательства о печати. Автор ее, однако, отнюдь не выдвигал единственно последовательного требования, вытекающего из нелепого процесса, — об уничтожении духовной цензуры вообще или ограничения сферы ее действия церковной литературой, чего требовал Герцен в настоящей заметке.

НЕУДАВШИЙСЯ ДЕТСКИЙ ПРАЗДНИК

Печатается по тексту *К*, л. 244—245 от 1 июля 1867 г., стр. 1997, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XIX, 388—389) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается письмом Огарева к Огаревой, хранящимся в архиве семьи Герцена» (*Л* XIX, 457).

Авторство Герцена подтверждается тесной связью заметки с его статьей «Августейшие путешественники» (стр. 280—285 наст. тома).

Стр. 295. ...*для проевда государя...* — На пути из Парижа Александр II (о его пребывании там см. выше в наст. томе «Августейшие путешественники») остановился на 4 дня в Варшаве (с 6 по 10 июня 1867 г.). Перед Бельведерским дворцом его ожидала депутация от крестьян. Благодаря их за «хлеб-соль», Александр II сказал: «Я очень рад вас видеть довольными, так как я сделал все, что мог, для вашего благосостояния» (С. С. Т а т и щ е в. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. II, СПб., 1903, стр. 23).

В Варшаве 8 июня 1867 г. Александр II подписал два указа: 1) о прекращении всех действий по дальнейшим розыскам и конфискации имущества участников восстания 1863 г.; 2) «о вспомоществовании оставшимся за штатом польским чиновникам упраздненных учреждений».

Стр. 296. ...*на голос из «Фрицхен и Лизхен» Оффенбаха...* — В 1866—1867 гг. рядом царских указов осуществлялось слияние Царства Польского с империей (см. об этом заметку «Сумасшествие» — стр. 260 наст. тома и комментарий к ней). Пародируя далее заключительный дуэт из оперетты Ж. Оффенбаха, Герцен высмеивает официальную версию о соответствии этих русификаторских мер пожеланиям польского народа.

«У сына моего отца обителей много»... — Герцен перифразирует слова Христа: «В доме отца моего обителей много» (Евангелие от Иоанна, гл. XIV, 2).

<ТРЕПОВ>

Печатается по тексту *К*, л. 244—245 от 1 июля 1867 г., стр. 1997, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XIX, 389) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается письмом Огарева к Огаревой, хранящимся в архиве семьи Герцена» (*Л* XIX, 457).

Принадлежность Герцену подтверждается идейно-тематической близостью заметки к другим обличительным высказываниям Герцена в «Колоколе» о генерале Ф. Ф. Трепове (см. «Из Петербурга» и «Общество поджигателей», стр. 103 и 229 наст. тома). Герцен постарался, чтобы характеристика, данная им «негодяю генерал-полицейстеру» в заметке «Общество

поджигателей», дошла по адресу; 17 марта 1867 г. он просил Огарева послать отпечатанный лист «Колокола» Трепову в Петербург. Ироническое замечание о «перкуссии» имеет в виду слух, переданный в статье Герцена «Из Петербурга», — о телесном наказании, которому подвергся генерал Ф. Ф. Трепов в одной из петербургских пивных, куда явился «собственноглазно наблюдать за порядком».

Использование в переносном смысле понятия аускультации, под которой в данном случае подразумевалась шпионская деятельность агентов III отделения и начальствующих лиц царской полиции, также характерно для стилистической манеры Герцена; ср. в статье «Оклеветанный граф»: «...граф вовсе не бросил свои слуховые трубы, но расширил голубой круг действий III отделения; граф будет теперь аускультировать не только Россию, но всю Европу...» (т. XV наст. изд., стр. 207).

СУД В ПАРИЖЕ И УБИЙСТВО В ПЕТЕРБУРГЕ

Печатается по тексту *К*, «Прибавочный лист к первому десятилетию», от 1 августа 1867 г., стр. 11, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. Автограф неизвестен.

Статьей открывается вторая половина прибавочного листа, данная со спуска, под общим названием «Благо есть место» (первую половину составили «Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии» — см. примечание Герцена к этой публикации — стр. 332 наст. тома). По структуре вторая половина прибавочного листа ничем не отличается от обычных листов «Колокола». После данной статьи, играющей роль передовой, помещено «Письмо к читателю „Колокола“» Огарева, затем заметка Герцена «Польское дело» (см. ниже) и отдел «Смесь».

Статья написана в связи с завершением процесса А. И. Березовского, происходившего в Париже. 15 июля 1867 г. Березовский был приговорен к пожизненной каторге. Герцен очень внимательно следил за ходом процесса, речами защитников и т. п. В частности, в письме от 22 июля он просил Н. П. Огарева поместить в «Колоколе» приведенные в речи защитника Березовского Э. Араго две статьи из российского свода уголовных законов, предписывающие доносительство (см. их в *К*, «Прибавочный лист к первому десятилетию» от 1 августа 1867 г., стр. 13). В письме к сыну Александру от 17 июля 1867 г. Герцен, восхищаясь «чистотой» Березовского, рекомендовал ему ознакомиться со всем процессом, дающим «сильный урок царскому правительству». В тот же день он писал Огареву: «Дело Березовского <...> конечно, блестяще для Франции и двойной плюхой для престол-отечества. Сравни все с караковским процессом. Да и сам Березовский вырос в мученика».

Сравнение этого процесса с беззакониями царского правительства в расследовании покушения Каракозова и суде над ним служило постоянным мотивом не только переписки, но и статей Герцена о Березовском (см. также «Выстрел 6 июня», «Березовский», «Скорость нужна только для того...»).

Стр. 297. *Мы не можем вспомнить без омерзения гнусные статьи «Голоса»...* — О позиции газеты «Голос» в связи с покушением Березовского см. комментарии к стр. 293 наст. тома.

Недавно в «Голосе» были образцы помещичьих злодейств (о которых «Весть» отзывалась так снисходительно). — Речь идет, по-видимому, о корреспонденции из Калязина, опубликованной в газете «Голос» от 22 июня 1867 г., № 170, без подписи, в которой рассказывалось о жестоком обращении помещиков с поденщиками-батраками.

ПОЛЬСКОЕ ДЕЛО

Печатается¹ по тексту *K*, «Прибавочный лист к первому десятилетию», от 1 августа 1867 г., стр. 13, где опубликовано впервые, с подписью: *Изд. «Колокола»* (подробнее о месте данной заметки в составе прибавочного листа «Колокола» см. выше, в комментариях к статье «Суд в Париже и убийство в Петербурге»).

Авторство Герцена устанавливается его письмом к Н. П. Огареву от 17 июля 1867 г.: «И посылаю несколько строк в „смесь“ да еще о „Гмине“ в спасибо за превосходные статьи их».

Заметка явилась ответом Герцена на статьи в №№ 7 и 8 журнала «Gmina», органа группы польских демократических эмигрантов в Женеве (о нем см. выше в наст. томе статью «Gmina» и комментарий). В редакционном обращении к издателям «Колокола», напечатанном в № 8 журнала от 15 июля 1867 г. (на этом номере издание прекратилось), выражалась солидарность с направлением «Колокола», его идеями общинного социализма и борьбой за независимость Польши. Это обращение, а также статья о панславизме в № 7 журнала, проводящую мысль о славянской демократической федерации, Герцен в письме к Огареву от 17 июля 1867 г. назвал «превосходными»; переписку редактора «Гмины» Ю. Токажевича с Герценом, относящуюся к 1865—1867 гг., см. в *ЛН*, т. 62, стр. 575—581.

11 августа 1867 г. Токажевич писал Герцену в связи с настоящей заметкой: «Спасибо за ответ на письмо к вам в „Гмине“. Есть в нем слово *двадцать*... правда, извините <...>. Для меня иная будущность славянского мира не только вера по Гегелю, как для Бакунина, но и по евангелию, как для Ворцеля. Без России же славянство немыслимо: нет для него ни *выхода* на работу, ни даже работы» (там же, стр. 581).

⟨В 75 ЛИСТЕ «МОСКВЫ» НАПЕЧАТАНО...⟩

Печатается по тексту *K*, «Прибавочный лист к первому десятилетию», от 1 августа 1867 г., стр. 13, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия, с подписью: *И—р* (подробнее о композиции этого листа «Колокола» см. в комментариях к статье «Суд в Париже и убийство в Петербурге» — стр. 495 наст. тома).

Автограф заметки (*ЦГАЛИ*) представляет собою отдельный листок, без заглавия и подписи, с пометой сверху листа: «В Смесь» (см. «Варианты»).

Поводом к заметке послужило сообщение, опубликованное в «Славянском и иностранном отделе» газеты «Москва» от 5 июля 1867 г., № 75, и заимствованное из австрийских газет. Другие русские газеты также поместили подобные сообщения, заимствованные из «Kreuzzeitung» от 20 июля 1867 г., № 167 (см., например, статью «Прекращение газеты „Колокол“» в «Биржевых ведомостях» от 11 июля 1867 г., № 183, а также в письме Герцена к С. Тхоржевскому от 3 августа 1867 г.: «А „Голос“—то напечатал, что „Кол.“ прекращается». Свое заявление Герцен хотел довести до сведения русской общественности, прося Огарена в письме от 6 августа 1867 г. послать «прибавочный „Колокол“ в „Голос“, „Москву“ и еще куда следует». Помимо этого Герцен направил опровержения в газеты «Figaro» (см. стр. 312 наст. тома) «Temps» и «Zukunft». Последние два открытых письма до сих пор не разысканы, но в их существовании убеждают письма Герцена к Огареву от 6 и 18 августа 1867 г. Так, 6 августа 1867 г. Герцен сообщал Огареву: «„Zukunft“ поместил мое заявление; пишу в „Figaro“». Кроме этого, Герцен просил

своих знакомых опровергать слухи о прекращении «Колокола». 8 августа он сообщал Огареву: «Я вчера писал к Хоецкому, чтоб он трубил, что „Колокол“ не прекращался».

Провокационные сообщения о раскаянии Герцена и возможности его возвращения в Россию и позднее появлялись на страницах иностранной и русской прессы (см. «Kölnische Zeitung» от 8 марта 1869 г., № 67, «Биржевые ведомости» от 14 февраля 1869 г., № 44, а затем «С.-Петербургские ведомости», «Голос», «Новое время» и другие русские газеты). Возмущенный инсинуациями (см. письма Тургеневу и Огареву от 14 марта 1869 г.), Герцен отвечал «Биржевым ведомостям» открытым письмом (см. т. XX наст. изд.).

〈КАКОЙ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ВОЕННЫЙ СУД...〉

Печатается по тексту К, «Прибавочный лист к первому десятилетию» от 1 августа 1867 г., стр. 13, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи (подробнее о композиции этого листа «Колокола» см. выше, стр. 495). Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 414) со следующей справкой: «принадлежность ясна из записки А. А. Герцена» (Л XIX, 458).

Материалом для заметки послужил приговор военно-полевого суда с подтверждением главнокомандующего Кавказской армией вел. князя Михаила Николаевича, напечатанный в газете «Голос» от 2 июля 1867 г., № 180, под заголовком: «Взыскание».

〈СКОРОСТЬ НУЖНА ТОЛЬКО ДЛЯ ТОГО...〉

Печатается по тексту К, «Прибавочный лист к первому десятилетию», от 1 августа 1867 г., стр. 13, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи (подробнее о композиции этого листа «Колокола» см. выше, в комментарии к статье «Суд в Париже и убийство в Петербурге»). Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену определяется редакционным характером заметки и одновременно личной формой высказывания, которая была несвойственна статьям Огарева. Кроме того, заметка теснейшим образом связана с целым рядом высказываний Герцена по делу Березовского; ср., например, строки о показном великодушии Александра II со следующим местом из статьи «Березовский»: «Мы не думаем, чтоб Березовского казнили. Вероятно, государь сделает *парад* заступничества... которого он не сделал дома во время Каракозова...» (стр. 292 наст. тома).

Стр. 301. ... *мой учитель математики*. — Преподавал математику Герцену и Огареву И. Ф. Волков (о нем см. «Былое и думы», гл. VI — т. VIII наст. изд., стр. 109, а также «Моя исповедь» Н. П. Огарева — ЛН, т. 61, стр. 683—684).

Иностранные и отечественные газеты, месяц тому назад ∞ государь император просил императора государя о пощаде дней Березовского. — По поводу слухов, распространившихся в русской и французской печати в середине июня 1867 г. о заступничестве Александра II перед Наполеоном III за А. И. Березовского, см. примечание к стр. 292 наст. тома.

...из известной комедии «В гостях ангел, дома сатана»... — Неточное название водевиля Д. Т. Ленского «В людях ангел, не жена, дома, с мужем — сатана».

Ну, а если это правда, как фургоировался благодушный монарх с своей скоростью. — Приговор по делу Березовского (о приговоре

см. выше примечание к статье «Суд в Париже и убийство в Петербурге») ставил в смешное положение как Александра II, так и те газеты, которые, подобно «Голосу», приписывая ему преждевременные просьбы о сохранении жизни Березовскому, вступали в пространные рассуждения о неблагоприятном для России впечатлении «подобной казни на ветреное парижское народонаселение» и т. д. (см. переводную статью в газете «Голос» от 3 (15) июня 1867 г. № 152). *Фурвоировался*— попал впросак (франц. se fourvoyer).

LA COLONIE RUSSE <РУССКАЯ КОЛОНИЯ>

Печатается по тексту книги «Paris-Guide par les principaux écrivains et artistes de la France», deuxième partie, «La vie», Paris, 1867, стр. 1098—1101, где опубликовано впервые, в подотделе «Les étrangers à Paris» с подписью: *Iscander (A. Herzen)*. Автограф неизвестен.

Русский перевод статьи Герцена впервые был опубликован в статье «Герцен о Париже» — «Отечественные записки», 1867, № 9, отд. «Современная хроника», стр. 30—35.

Герцен писал Огареву 8 августа 1867 г.: «Моя статейка в „Guide Paris“, II vol., мало искажена, зато опечатки ужасные» и 27 августа 1867 г.: «Монитор перепечатал часть моей статьи из „Paris Guide“».

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:
Стр. 303, строка 26: t h u r a n i e n s <туранцы> вместо *t h u s a n e n s*

Стр. 303, строка 28: cyrilliennes <кирилловскими> вместо: *égrilliennes* <игривые>

Стр. 307. ...я, благочестивый пилигрим севера ∞ его климат стал для меня вреден.— Перефразируя пушкинскую строку: «Но вреден север для меня» («Евгений Онегин», гл. I, строфа 2), Герцен намекает на обстоятельство своего отъезда из Парижа 20 июня 1850 г. по распоряжению префекта полиции (см. «Былое и думы», гл. XXXIX — т. X наст. изд., стр. 140—147).

Это воспоминание ∞ ненапечатанного тома моих воспоминаний.— В дошедших до нас и не публиковавшихся при жизни Герцена частях «Былого и дум» этот эпизод не найден.

Стихи Пушкина.— Герцен цитирует пушкинские строки о скульптуре Наполеона I («Евгений Онегин», глава VII, строфа 19).

...*Jeu de Raume.*...— 20 июня 1789 г., после закрытия по приказу Людовика XVI зала заседаний Национального собрания, в «зале для игры в мяч» (salle de jeu de raume) в доме графа д'Артуа собрались депутаты третьего сословия. Здесь они принесли торжественную клятву добиваться всеми силами утверждения конституции.

Стр. 308. *Лондон был открыт только со времени выставки 1852.*— Первая всемирная промышленная выставка была организована в Лондоне в 1851 г.

Стр. 310 ...*славянский мир вырождается ∞ таким, как все.*— Имеются в виду следующие слова Сюзанны из драмы П. Бомарше «La mère coupable»: «Nous avons l'air de tout le monde» («Мы — как все»; действие I, явление 2).

Знаете ли вы историю проезда Радзивилла?— Этот эпизод, сообщенный Герцену С. Ворцелем, был ранее рассказан в «Былом и думах» (см. гл. Польские выходцы)— т. XI наст. изд., стр. 149).

〈ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «FIGARO»〉

Печатается по тексту газеты «Figaro» от 10 августа 1867 г., № 75, где опубликовано впервые. Автограф неизвестен.

6 августа 1867 г. Герцен сообщил Огареву: «Пишу в „Figaro“». 18 августа он отмечал в письме к тому же корреспонденту: «Мое письмо 〈...〉 в „Фигаро“ ничтожно». В обоих письмах шла речь о публикуемом обращении к издателю «Figaro», ни разу не перепечатававшемуся в собраниях сочинений Герцена.

ЗАМЕТКИ, НЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ В «КОЛОКОЛЕ», И НАБРОСКИ

1867

«ФРАНЦУЗСКИЕ ЖУРНАЛЫ ГОВОРЯТ...»

Печатается впервые по автографу, сохранившемуся в архиве Герцена. Рукопись без заглавия, даты и подписи («амстердамская коллекция»). Вверху автографа помета Герцена: «В Смеси». На том же листе — набросок «Неужели тупоумие и дурачество дикого патриотизма...», отделенный от данной заметки тире.

Автограф датируется предположительно на основании содержания заметки. В ней идет речь о том же процессе секретаря русского посольства Чичерина, что и в заметке Герцена «Издательская деятельность Будберг, Чичерин и К° в Париже» (стр. 214 наст. тома) и в статью П. В. Долгорукова «Процесс г. Чичерина в Париже», напечатанной в «Колоколе» 1 февраля 1867 г. Из публикуемой заметки видно, что суд только что закончился: суд «будто бы не принял...» — т. е. Герцен еще не имеет точных известий о нем: таким образом, заметка могла быть написана лишь после 3/15 января, когда было вынесено решение суда, и до 1 февраля, когда появилась статья Долгорукова и отпала необходимость в публикации Герцена. Вероятно, именно неудовлетворенностью Герцена этой заметкой были вызваны строки в его письме к Огареву от 22 января 1867 г.: «Может, о процессе Чичерина есть побольше подробностей, — спроси у Долгорукова». Об этом процессе см. в комментарии к заметке «Издательская деятельность Будберг, Чичерин и К° в Париже» (стр. 439 наст. тома).

«НЕУЖЕЛИ ТУПОУМИЕ И ДУРАЧЕСТВО ДИКОГО ПАТРИОТИЗМА...»

Печатается впервые по автографу, сохранившемуся в архиве Герцена. Рукопись без заглавия, даты и подписи. Описание автографа и датировку см. выше, в комментарии к заметке «Французские журналы говорят...».

СВОБОДА КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Публикуется впервые, по автографу (ЦГАЛИ). В описании рукописей Герцена (ЛН, т. 63, стр. 733) ошибочно присоединено к статье «Наше правосудие» (см. выше в наст. томе). Текст заметки написан на том же листе.

что и конец статьи «Наше правосудие», однако новая тема, подчеркнутый заголовок и отсутствие заметки в составе публикации статьи «Наше правосудие» в *K* не оставляют сомнения в ее самостоятельности. Автограф без подписи и без даты. Время написания устанавливается приблизительно на основании письма Герцена к Огареву от 11 января 1867 г.: «Верно ты не пропустишь в „Кол.“ расстреляние поляков в Сибири и пропустишь мое замечание об „Отголосках“, которые выходят по-старому». Первая часть фразы относится к статье «Наше правосудие», в которую Огарев сделал вставку по совету Герцена (см. комментарий к этой статье); вторая имеет в виду публикуемую заметку. Очевидно, в момент ее написания Герцен основывался на слухах о прекращении газеты «Отголоски русской печати», издаваемой Шедо-Ферротти в Брюсселе. Ошибочностью этих сведений был вызван совет Огареву не печатать в «Колоколе» ранее посланную заметку, чем и объясняется то, что она не была опубликована.

Римскому императору Калигуле, известному своей жестокостью, историком Светонием приписываются слова: «О, если бы весь римский народ имел одну голову!» (см. Светоний. Жизнь описания двенадцати цезарей, М, 1933, стр. 232).

⟨НАБРОСОК ОБЪЯВЛЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ «КОЛОКОЛА»⟩

Печатается по автографу *ЛБ*; написано в конце рукописной тетради, содержащей главу из «Былого и дум» — «Пароход „Ward Jackson“».

О причинах прекращения «Колокола», а также о проекте издания сборника см. в комментарии к статье «1857—1867» (стр. 487—488 наст. тома).

РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

1 8 6 6

ЧАСТНЫЕ ПИСЬМА ОБ ОБЩЕМ ВОПРОСЕ

⟨ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ Н. П. ОГАРЕВА⟩

Печатается по тексту *К*, л. 211 от 1 января 1866 г., стр. 1725, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.*

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Печатается по тексту *К*, л. 211 от 1 января 1866 г., стр. 1732, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVIII, 305) со следующей справкой: «сверено с подлинником, хранящимся в архиве семьи Герцена, без отступления от текста „Кол.“» (*Л* XIX, 444).

Объявление повторено в листах 212, 214, 216, 217, 219, 220, 221.

Без слов «с нового года» и с изменением концовки (вместо «в Бюро типографии» — «в Типографии L. Czerniecki») объявление напечатано в *К*, 1867, л. 242, 243 и 244—245; в этой же редакции и с указанием нового адреса типографии: объявление вошло в сообщение «Перемещение и увеличение Вольной русской типографии Л. Чернецкого» в «Прибавочном листе к первому десятилетию» от 1 августа 1867 г.

Объявление свидетельствует о стремлении Герцена расширить деятельность Вольной русской типографии; о работе типографии в дальнейшем см. в комментарии на стр. 517 наст. тома.

ВРАНЬЕ О СИМБИРСКИХ ЗАЖИГАТЕЛЯХ — САМИ СЕБЯ И ДРУГ ДРУГА ПРЕДАЮТ!

Печатается по тексту *К*, л. 212 от 15 января 1866 г., стр. 1740, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Вранье о симбирских зажигателях». Автограф неизвестен.

Редакционная работа Герцена (заголовок, употребление курсива) устанавливается по связи заметки с его статьями в «Колоколе» о симбирских пожарах — ср. «От издателей <„Инвалид“ напечатал...>», «В редакцию „Инвалида“» (т. XVIII наст. изд., стр. 406 и 417).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVIII, 318). Настоящая заметка представляет собою цитату из «Голоса» от 17 декабря 1865 г., № 348.

ПИСЬМО МОСКВИЧА (ПРИМЕЧАНИЕ)

Печатается по тексту К, л. 214 от 15 февраля 1866 г., стр. 1754, где опубликовано впервые, с подписью: *Ред.*

Авторство Герцена устанавливается связью примечания с общеизвестными высказываниями Герцена о судьбах России и Америки (подробнее об этом см. ниже в реальном комментарии).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII, 332*).

Автор статьи «Письмо москвича», рассказывая о московских новостях, специально останавливается на обеде, который был дан московским купечеством американскому посланнику Клею 6 января 1866 г.: «Для меня этот обед занимателен особенно потому, что в нем вполне отразились все смешные и жалкие стороны половины московского общества». К этому месту статьи и было сделано Герценом подстрочное редакционное примечание.

Герцен, в отличие от автора статьи «Письмо москвича», в этих высказываниях не видел ничего «смешного». В статьях «Колокола» он сам постоянно развивал мысль об особенных путях будущего развития России и Америки (см., например, статьи «Америка и Сибирь», «Письма к путешественнику», «Америка и Россия» — т. XIII наст. изд., стр. 398; т. XVIII наст. изд., стр. 350 и др.); ср. письмо Герцена к М. Мейзенбуг (от 25 декабря 1865 г.).

В письме к сыну от 9 марта 1866 г., касаясь выступлений на обеде в честь Клея, Герцен писал: «Главное мы сделали; и то, что сделали, осталось, взшло и растет. Мы, улыбаясь, с Огаревым видим в официальных статьях толк о *праве на землю* и в официальных after diner (послеобеденных) спичах — провозглашение Америки и России странами будущего. Теперь только видно, как глубоко взошла пропаганда в умы даже заклых врагов наших».

Подробное изложение речей, произнесенных во время чествования Клея в Москве, было напечатано в газете «Современная летопись. Воскресные прибавления к „Московским ведомостям“» от 9 января 1866 г., № 1, стр. 7—13.

НИКОЛАЕВСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА И ЕЕ ЭТИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

«ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА «ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ» И ПРИМЕЧАНИЕ»

Печатается по тексту К, л. 217 от 1 апреля 1866 г., стр. 1774, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка «От издателей» является введением к статье «Николаевская железная дорога и ее этико-политическая экономия»; помещена непосредственно после заглавия, от текста статьи отделена чертой.

Авторство Герцена определяется тем, что Огарев с середины марта и до начала июня 1866 г. не принимал участия в редактировании «Колокола» (см. письма Герцена к сыну от 16—20 и 24 марта 1866 г. и к В. И. Кельсиеву от 9 мая 1866 г.). Кроме того, в заметке имеется характерное для стиля Герцена словосочетание «темная экономия» (ср. неоднократное употребление в статьях Герцена в «Колоколе» 1866 г. таких выражений, как «темный гззд», «темное правительство»), указание на «белопалых волков», которые хозяйничают на «большой дороге».

Примечание без подписи, сделанное к заглавию статьи, носит редакционный характер и составлено Герценом, как и вступление «От издателей».

Статья «Николаевская железная дорога и ее этико-политическая экономия» (л. 217, стр. 1774—1780; л. 218, стр. 1787—1788; без подписи), разоблачающая злоупотребления на Николаевской железной дороге, имела большой резонанс в России и даже вынудила правительство принять кое-какие меры для исправления создавшегося положения. См. об этом в публикации «Николаевская железная дорога (Из частного письма к издателям)», напечатанной в *К*, л. 228 от 1 октября 1866 г. Эта же тема развивалась в корреспонденциях «Еще Николаевская железная дорога» и «Опять по поводу Николаевской дороги» (*К*, л. 219 от 1 мая 1866 г., стр. 1795 и *К*, л. 222 от 15 июня 1866 г., стр. 1818).

〈ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕР АННЕНКОВ〉

Печатается по тексту *К*, л. 218 от 15 апреля 1866 г., стр. 1788, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 369) со следующей справкой: «принадлежность ясна из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XVIII*, 446).

〈ВСЕВОЛОД КОСТОМАРОВ〉

Печатается по тексту *К*, л. 218 от 15 апреля 1866 г., стр. 1788, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК* с исправлением опечатки (в *ОК*: Владимир Костомаров). Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII*, 369) со следующей справкой: «принадлежность ясна из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XVIII*, 446).

Автограф Герцена подтверждается совпадением характеристики В. Костомарова, данной в заметке, с высказываниями Герцена о нем; ср., например, в «Письме из Москвы»: «...усердные подвиги Всеволода Костомарова. Его стараниями был взят купец Басов...» (т. XVIII наст. изд., стр. 498).

О роли Костомарова в деле Чернышевского см. в статье Н. И. Утина «Николай Гаврилович Чернышевский» (*К*, л. 189 от 15 сентября 1864 г.); ср. также «Дело Н. Г. Чернышевского» (*К*, л. 193 от 15 января 1865 г.).

〈ВЕСТЬ О СМЕРТИ ВОЛОКИТИНА...〉

Печатается по тексту *К*, л. 218 от 15 апреля 1866 г., стр. 1788, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи и заглавия; в *ОК* отсутствует. Автограф неизвестен.

Редакционное извещение касается неподтвердившихся слухов о смерти Н. А. Волокитина (в действительности он умер в 1893 г.), агента III отделения. В статье «Из летописи за два последние года», напечатанной в *К*, л. 173 от 15 ноября 1863 г., с подписью «Летописец», сообщалось о провокаторской деятельности Волокитина: «Наконец известный агент полиции Волокитин в компании с другими агентами составил будто революционное общество „Всех смертей“. Волокитин и К° старались завлечь к себе юношей и уговорить их присоединиться к обществу „Всех смертей“, цель которого истребить смертью всех врагов свободы, начи-

ная с Александра II. Действительная цель этих агентов была просто — наподобие Дмитревского подводить молодых людей под крепость и какому-то торгу, а самим получать щедрые вознаграждения за усердие в службе».

⟨ДЕКАБРЯ 24 (5 ЯНВ.) ДОБРАЛИСЬ ДО ИРКУТСКА...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 218 от 15 апреля 1866 г., стр. 1788, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи и заглавия. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется следующими данными. Настоящая заметка, вместе с извещением о Волокитине, напечатана между заметками «Всеволод Костомаров» и «Барон Гакстгаузен». В листе 218 все другие заметки в отделе «Смесь» написаны Герценом. Следует учесть также, что Герцен был автором заметки «Н. Серно-Соловьевич, П. Ветoshников, Н. Владимиров» и статьи «Дело Серно-Соловьевича» (т. XVIII наст. изд.) и он же со скорбью и негодованием писал о смерти Серно-Соловьевича в статье «Иркутск и Петербург» (стр. 58 наст. тома).

РУССКОМУ ДВОРЯНСТВУ

⟨ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 219 от 1 мая 1866 г., стр. 1794, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тем, что Огарев не принимал участия в редактировании л. 219 «Колокола» (см. комментарий на стр. 384). Кроме того, из письма Герцена к С. Тхоржевскому от 23 апреля 1866 г. следует, что Герцен сам готовил «Смесь» для листа 219; он писал Тхоржевскому: «„Смесь“ посылаю, она необходима... Есть ли место?».

В заметке «Русскому дворянству» после слов редакции приводится (за подписью: Дворянин) текст адреса. Автор адреса советует дворянам отказаться от их сословных привилегий и потребовать от правительства «участия всех сословий» в губернских административных органах.

ЕЩЕ НИКОЛАЕВСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

⟨ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 219 от 1 мая 1866 г., стр. 1795, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Публикуемые строки написаны от лица редакции, в отсутствие Огарева в Женеве (см. комментарий на стр. 384) и непосредственно связаны с заметкой Герцена «От издателей», представляющей собою введение к статье «Николаевская железная дорога и ее этико-политическая экономия» (стр. 320—321 наст. тома).

После слов «рядом вопросов» цитируются вопросы автора письма, в том числе: «Отчего Николаевская дорога не публикует ежегодно самых подробных отчетов о всех ее операциях». Вопрос этот напечатан в «Колоколе» курсивом.

Обсуждение дел на Николаевской железной дороге было продолжено в «Колоколе» статьей «Опять по поводу Николаевской железной дороги» (*К*, л. 222 от 15 июня 1866 г., стр. 1818—1819).

А ОНИ ВСЁ ИЩУТ ЗАГОВОРА!

Печатается по тексту *К*, л. 221 от 1 июня 1866 г., стр. 1812, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Из Сердобска». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVIII, 414*) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается по л. 224 (письмо о каракозовском деле)» (*Л XVIII, 447*). Лемке имел в виду статью «Из письма к нам. (Каракозовское дело)», автор которой писал, обращаясь к Герцену: «Наконец-то все убедились в Петербурге, что заговора не было. Вы первый это высказали и повторяли. Читал ли государь ваше письмо или нет — не знаю...» (*К, л. 224 от 15 июля 1866 г., стр. 1836*). Письмо в редакцию «Колокола», отмечаемое в комментариях М. К. Лемке, могло иметь, однако, в виду не комментируемую заметку, а многочисленные высказывания Герцена на ту же тему. Общностью заметки «А они всё ищут заговора» с этими высказываниями прежде всего и доказывается принадлежность ее Герцену. Мысль о том, что заговора не было, Герцен постоянно развивал в своих статьях и письмах этого времени — см., например, в «Письме к императору Александру II»: «Вас уверяют, что несчастный, стрелявший в вас, был орудием заговора, но ни большого, ни малого заговора *вовсе не было*». Об этом Герцен писал также в статьях «Из Петербурга», «Великий заговор — большая ложь», «Заговора не было!» и в статье о рескрипте «От государя князю П. П. Гагарину» (см. в наст. томе). Столь же часто высказывал Герцен мысль о том, что Каракозов — «фанатик», «помешанный», — ср. в статье «Иркутск и Петербург»: «Сумасшедший, фанатик...» (стр. 59 наст. тома).

ОПЯТЬ ПО ПОВОДУ НИКОЛАЕВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

<ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ>

Печатается по тексту *К, л. 222 от 15 июня 1866 г., стр. 1818*, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется связью этих строк с его заметкой «От издателей», предпосланной статье «Николаевская железная дорога и ее этико-политическая экономия», и с его введением к статье «Еще Николаевская железная дорога» (стр. 320 и 322 наст. тома).

【<ИЗВЕЩЕНИЕ>

Печатается по тексту *К, л. 223 от 1 июля 1866 г., стр. 1828*, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

В заметке имеются в виду статьи «Каракозов, царь и публика» (напечатано с подписью «W» в *К, л. 224, стр. 1829—1834*), «Из письма к нам. (Каракозовское дело)» (помещено без подписи в том же л. 224, стр. 1836) и третья часть цикла «Финансовое положение», напечатанная с подписью «Русский» в л. 224, стр. 1834—1835). Весь цикл статей «Финансовое положение» состоял из семи статей, которые были опубликованы последовательно в «Колоколе», лл. 222—228.

КАРАКОЗОВ, ЦАРЬ И ПУБЛИКА

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту *К, л. 224 от 15 июля 1866 г., стр. 1829*, где опубликовано впервые, с подписью: *Изд.* Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тесной связью примечания с его статьей «Из Петербурга» (стр. 84 наст. тома). В начале этой статьи ци-

тируется письмо петербургского корреспондента «Колокола», в котором идет речь об усилении правительственной реакции после выстрела Каракозова,— именно это письмо имеет в виду автор примечания, говоря: «Слшим передать нашим читателям *еще* замечательную статью...». В статье Герцена «Письмо из Петербурга», как и в примечании к статье «Каракозов, царь и публика», говорится о «мерзостях и неистовствах, делающихся теперь в России», об общественном раблении («общество, превратившееся в полицию»). Выражение «рабление русского общества» встречается также в статье Герцена «Иркутск и Петербург» (стр. 61 наст. тома).

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 14).

Статья «Каракозов, царь и публика», опубликованная в л. 224 с подписью «W», была получена редакцией «Колокола» еще в июне 1866 г. (см. «Извещение» об этом — стр. 322 наст. тома).

ИНОСТРАННАЯ ЦЕНЗУРА

<ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ>

Печатается по тексту К, л. 224 от 15 июля 1866 г., стр. 1836, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Принадлежность Герцену редакционной обработки материалов газеты «Голос» (от 10 июня 1866 г., № 158, стр. 2) о новом циркуляре министра внутренних дел начальникам губерний определяется связью оценки Валуева в этой заметке «Колокола» с его отрицательными характеристиками в статьях «Avertissement Valoujeff между avertissement и Акагуевским заводом», «Первое запрещение, первое предостережение, первый суд!» (т. XVIII наст. изд., стр. 444 и 474) и «Подарки к Новому году» (стр. 15 наст. тома).

Заглавие заметки и курсив в тексте принадлежат «Колоколу».

СЛУХИ

Печатается по тексту К, л. 224 от 15 июля 1866 г., стр. 1836, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XIX, 16).

ПИСЬМО ИЗ СИБИРИ (ИЗ «CZASA»)

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту К, л. 228 от 1 октября 1866 г., стр. 1866, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется связью этого иронического упоминания о мнимой амнистии полякам, рекламируемой «Московскими ведомостями», с его статьей «Польша в Сибири и каракозовское дело», где Герцен писал: «Да в самом деле, уж эти поляки какой беспокойный народ... чего им хотелось? Ну, сослали в Сибирь *без суда*, стало, обиды нет. Корреспондент „Моск. вед.“ справедливо вспылал на них: „Вот, говорит, какова благодарность за то, что всем осужденным полякам, находящимся в Сибири, государь облегчил участь!“» (стр. 127 наст. тома).

Печатается по тексту *К*, л. 228 от 1 октября 1866 г., стр. 1868, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

Авторство Герцена устанавливается на том основании, что Общий фонд находился в его ведении.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XIX, 64—65).

Стр. 324. *Деньги эти принадлежали упразднившейся кассе русских эмигрантов в Женеве.*— Касса взаимопомощи была организована русскими эмигрантами в Женеве в 1865 г., распорядителем кассы избран Л. И. Мечников. В *К*, л. 213 от 1 февраля 1866 г., стр. 1748, Л. И. Мечников поместил «Отчет Кассы взаимного вспоможения русских эмигрантов в Женеве (с 1-го сентября по 1-ое января 1866 года)». В середине 1866 г. в кассе были обнаружены злоупотребления, что вызвало осложнения во взаимоотношениях между эмигрантами и заставило их закрыть кассу и передать деньги Кассы взаимопомощи в Общий фонд. Герцен во избежание недоразумений печатал в «Колоколе» точные отчеты об израсходовании средств, поступивших в Общий фонд из Кассы взаимопомощи (см. стр. 324—330 наст. тома, а также т. XX наст. изд.).

ФОНД

Печатается по тексту *К*, л. 230 от 1 декабря 1866 г., стр. 1884, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании его письма к сыну от 19 октября 1866 г., где Герцен сообщал: «В Жен. проезжал какой-то русский, который прислал в фонд 1200 фр. и обещание присылать ежегодно по 1000».

Включено в издание М. К. Лемке *Л* XIX, 134).

Стр. 324. *...передано от Л. М. двадцать франков.*— Вероятно, речь идет о личных деньгах Л. И. Мечникова, а не об остатках по Кассе взаимопомощи русских эмигрантов в Женеве, упраздненной в сентябре 1866 г.: в *К*, л. 228 от 1 октября 1866 г., Герцен сообщал о поступлении из кассы в Общий фонд 257 руб. (стр. 324 наст. тома), эту же сумму он называет и в *К*, л. 241 от 15 мая 1867 г. (стр. 327 наст. тома).

1867

БЕЛЫЙ ТЕРРОР

«ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ Н. А. ВОРМСА»

Печатается по тексту *К*, л. 231—232 от 1 января 1867 г., стр. 1889, где опубликовано впервые как подстрочное примечание с подписью *Ред.*; примечание относится к заглавию статьи. Автограф неизвестен.

Статья Н. А. Вормса «Белый террор» была опубликована в *К*, 1867, л. 231—232, л. 233—234 и л. 235—236, с подписью «Один из сосланных под надзор полиции» и с датой «10 октября 1866 г.».

Авторство Герцена в отношении данного редакционного примечания устанавливается письмом Н. А. Вормса к Н. П. Огареву от 8 20 декабря 1866 г., из которого можно заключить, что публикация в «Колоколе» первой части статьи Вормса была подготовлена Герценом: «Не можете ли

вы возвратить мне рукопись первой половины, что мне было обещано Александром Ивановичем?» (ЛН, т. 62, стр. 50).

Второе примечание, относящееся к тексту статьи (К, л. 235—236 от 11 марта 1867 г.) и также подписанное «Ред.», опущено в настоящем томе. С отъездом Герцена из Женевы редакция всей остальной части статьи перешла к Огареву (см. письмо к нему Н. А. Вормса от 12 января 1867 г.— ЛН, т. 62, стр. 50—52). Кроме того, возможно, что текст этого примечания принадлежит Н. А. Вормсу, так как оно написано, включая и подпись «Ред.», тем же почерком, что весь автограф статьи, хранящийся в ЦГАЛИ. Текст автографа начинается словами «Даже кн. Вадбольский...» и кончается словами «... вряд ли когда-нибудь увижу»— см. К, л. 235—236, стр. 1928—1931).

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

Печатается по тексту К, л. 231—232 от 1 января 1867 г., стр. 1897, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: А. Герцен. Автограф неизвестен.

Герцен уехал из Женевы, по-видимому, 17 декабря 1866 г. 16 декабря он сообщал Г. Н. Еырубсу: «Я еду завтра через Ниццу во Флоренцию». В этом же письме он напоминал: «Не забывайте иной раз, что у нас собирается фонд в пользу наших эмигрантов».

Однако и находясь в отъезде, Герцен продолжал руководить делами фонда. Так, 27 декабря 1866 г. он писал Огареву о русском эмигранте М. С. Гулевиче: «Что с Гулев(ичем), не понимаю. Как ноги отнялись от дурной пищи? (<...> Гулев. имеет право взять из фонда хоть 100, не только 50 фр.» (см. также указания по фонду в письмах к С. Тхоржевскому от 8 января и к Огареву от 29 января 1867 г.— в последнем, в частности, речь идет о помощи революционеру-эмигранту В. М. Озерову, впоследствии участнику Парижской коммуны).

По переписке Герцена этой поры можно судить об осложнениях в отношениях его с членами женевской «молодой эмиграции» на почве распределения Общего фонда, которые не были устранены привлечением их самих к составлению правил использования фонда. В письме от 4 января 1867 г. Герцен просил Тхоржевского передать Л. Чернецкому: «... все его распоряжения по фонду очень хороши; когда деньги выйдут, я пришло. По собственным правилам, писанным Мерч(инским) и С(ерно)-С(оловьевичем). я не думаю, чтоб он имел право на большее пособие, как данное вами (40 фр.). Посоветуйтесь с Огаревым» (ср. также письмо к Огареву от 7 января 1867 г.). Вернулся Герцен в Женеву около 15 апреля 1867 г. (см. письмо к Н. А. Огаревой от 20 апреля 1867 г.).

〈«КОЛОКОЛ» НА 1867 ГОД...〉

Печатается по тексту К, л. 231—232 от 1 января 1867 г., стр. 1898, где опубликовано впервые, в отделе «Объявления», без заглавия и подписи. Слова «Колокол» на 1867 год набраны жирно в три строки. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена доказывается тем, что заметка написана от лица «издателя». Огарев, в отличие от Герцена, ни печатно, ни в письмах никогда не называл себя в единственном числе издателем «Колокола».

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 177).

«Колокол» в 1867 г. выходил двойными листами во всех тех случаях, когда он издавался раз в месяц (л. 231—232 от 1 января, л. 233—234 от 1 февраля, л. 235—236 от 1 марта, л. 244—245 от 1 июля 1867 г.). Осталь-

ные листы «Колокола» этого года были отделены один от другого двухнедельным сроком. Об ускорении сроков выпуска очередных листов см. в наст. томе «Несмотря на наше объявление...», а также переписку Герцена с Огаревым этой поры.

Сл. 241 в «Колоколе» был введен отдел «Литературное прибавление» (см. в наст. томе объявление «От издателей» и комментарий к нему).

ПИСЬМО ИЗ ПЕТЕРБУРГА

<ПРИМЕЧАНИЯ>

Печатаются по тексту *К*, л. 235—236 от 1 марта 1867 г., стр. 1917 и 1923, где опубликованы впервые, с подписью: *Ред.* Первое примечание относится к заглавию, второе — к следующему тексту: «На днях Аксаков и его друзья заказали панихиду по кандиотам, столь геройски павшим при защите Аркадионовского монастыря. Вице-канцлер, на старости лет уже начавший выживать из ума и сделавшийся трусом, хотел было воспрепятствовать служению панихиды; Аксаков напечатал статью, за которую получил предостережение, но Иван Сергеевич, хорошо зная силу и могущество свое, отвечал, три дня спустя, другою, превосходнейшею статьею, где он нелепую систему предостережений разобрал, как говорится, по косточкам». Автограф неизвестен.

Статья П. В. Долгорукова «Письмо из Петербурга» была напечатана без подписи в *К*, л. 235—236 от 1 марта 1867 г. и л. 237 от 15 марта 1867 г. Герцен обычно сам редактировал статьи Долгорукова, зачастую прибегая к большим вычеркам, и Огарев в его отсутствие не брал на себя ответственности за публикацию долгоруковских материалов; см., например, в его письме Герцену от 7 марта 1867 г.: «Я сегодня обедаю у Долг<орукова> один с Тх<оржевским> и потому отстою твои поправки с удовольствием, ибо я совершенно за них. Если я сам не вычеркивал, то это только потому, что я на твой такт больше полагаюсь, чем на свой» (*ЛН*, т. 39—40, стр. 436). Правке Герцена подверглась вторая часть публикации «Письма из Петербурга», как это видно из его писем к Огареву от 4 и от 7 марта 1867 г. Первая же половина статьи была, напротив, положительно оценена Герценом в письме к Огареву от 20 февраля 1867 г. «Коррек<туру> отослал сегодня утром. „Корреспонд<енция> из Петербурга“ превосходна; этой оценкой, очевидно, объяснялась публикация начала статьи без купюр, о чем сказано в первом примечании.

Статья И. С. Аксакова, которую имеет в виду второе примечание, была опубликована в *К*, л. 237 от 15 марта 1867 г.; ей предпосланы следующие слова: «Вот статья Аксакова в 18 № журнала „Москва“, о которой мы упоминали в прошлом листе „Колокола“».

<ОБЩИЙ ФОНД>

Печатается по тексту *К*, л. 237 от 15 марта 1867 г., стр. 1940, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Текст извещения был сообщен Герценом Огареву в письме к нему от 3 марта 1867 г. из Флоренции: «В следуюш<ем> „Колоколе“ напечатай „В общий фонд прислано из Италии 25 фр.“». Автограф письма хранится в *ЛБ*.

<ОБЩИЙ ФОНД>

Печатается по тексту *К*, л. 240 от 1 мая 1867 г., стр. 1964, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 292) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Чернецкого» (Л XIX, 455).

Авторство Герцена подтверждается также его письмом к Огареву из Ниццы от 12 апреля 1867 г.: «Сейчас был русский — принес 100 фр. в фонд и много рассказывал забавного».

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Печатается по тексту *К*, л. 240 от 1 мая 1867 г., стр. 1964, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XIX, 292) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из указания Чернецкого» (Л XIX, 455).

Авторство Герцена подтверждается содержанием заметки: именно Герцен, а не Огарев, заведовал финансовой стороной издания «Колокола» и вел переписку с авторами по этим вопросам. Например, когда Н. А. Вормс во время отсутствия Герцена в Женеве обратился к Огареву с просьбой оплатить ему его статью «Белый террор», Огарев переслал просьбу Вормса Герцену в письме к нему от 4 марта 1867 г.: «Одно очень прискорбно — то, что W просил меня, нельзя ли ему за статью назначить гонорарий <...> Я ему сказал, что он права не имеет, но что я напишу к тебе» (ЛН, т. 39—40, стр. 435). И ответил Вормсу не Огарев, а Герцен — см. его письмо от 23 апреля 1867 г.

Стр. 325. *С следующего листа «Колокола» мы начнем помещать ряд ненапечатанных прежде отрывков из «Былого и Думы» и литературные статьи под заглавием «Без связи».* — В «Колоколе», начиная с 241 листа от 15 мая 1867 г., был образован новый отдел — «Литературное прибавление». О предстоящем создании этого отдела Герцен сообщил Н. А. Огареву в письме от 25 апреля 1867 г. В нем была помещена в листе 244—245 от 1 июля 1867 г. глава «Апогей и перигей» из «Былого и дум». В этом же отделе (л. 243 от 15 июня 1867 г.) напечатан памфлет Герцена «Августейшие путешественники (статья вторая)». Здесь печатались также под общим заголовком «Без связи (Отрывки из путешествия)» литературные отрывки «Zu deutsch» (л. 241 от 15 мая), «С того света» (л. 242 от 1 июня), «В Zaehringhoff'e» (л. 243 от 15 июня), которые мыслились, по-видимому, первоначально как самостоятельный цикл статей. Впоследствии первые два из них, вместе с ранее и позднее написанными главками, составили главу «Без связи» «Былого и дум». В составе этой главы они и были перепечатаны Герценом в «Полярной звезде на 1869 год», кв. VIII, стр. 19—29.

В избежание недоразумений, мы просим посылать нам статьи заранее, желая, чтобы они получали плату или нет. — Прямым поводом к этому редакционному заявлению послужил инцидент с Н. А. Вормсом. Уже по напечатании его статьи «Белый террор» в «Колоколе», лл. 231—232, 233—234, 235—236 от 1 января, 1 февраля и 1 марта 1867 г. за письмо «Один из сосланных под надзор полиции» (см. его письма к Н. П. Огареву во время работы над статьей — ЛН, т. 62, стр. 50—52), он обратился к Огареву с просьбой об уплате гонорара в связи с ухудшением его материального положения. На сообщение об этом Огарева в письме от 4 марта 1867 г. (см. выше, в текстологическом примечании) Герцен отвечал 7 марта 1867 г., что «положение дел не позволяет платить гонораров», и предлагал выдать Вормсу пособие из эмигрантского фонда. Однако, по-видимому, такое решение не удовлетворило Вормса, и Герцен для «исправления недоразумения» обращается 23 апреля 1867 г.

с письмом к нему, сообщая, что гонорар будет выплачен. «Без сомнения, давая статью, вам следовало сказать, что вы желаете платы», — прибавляет он, объясняя, что «„Колокол“ не оплачивает расходов». См. упоминание о «деле „Белого террора“» также в письме Герцена к Огареву от 13 мая 1867 г.

ПИСЬМО М. А. БАКУНИНА

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 241 от 15 мая 1867 г., стр. 1965, где опубликовано впервые, с подписью: *Изд.* Автограф неизвестен.

Письмом Бакунина к Герцену от 20 апреля 1867 г. из Неаполя открывается лист «Колокола» (*К*, стр. 1963—1964).

Примечание бесспорно принадлежит Герцену, так как именно он готовил к печати письмо от 20 апреля 1867 г. По этому поводу он сообщил Бакунину 29 апреля 1867 г.: «Твое письмо, если хочешь, я напечатать, но позволь немножко уменьшить ругательств».

Открытое письмо М. А. Бакунина к Герцену от 20 апреля 1867 г. было ответом на клевету «Голоса» и «Варшавского дневника» об участии Бакунина, вместе с Герценом, в «зажигательстве» (см. также выше в наст. томе «Общество поджигателей», «Письмо к И. С. Аксакову»).

В своем примечании Герцен, вероятно, намекает на то, что А. А. Краевский сам обычно не выступал на страницах принадлежащих ему изданий. Герцен и ранее не раз пронизировал по этому поводу в своих статьях (см., например, «Из заведений А. А. Краевского» — т. XVII наст. изд., стр. 252—253). Не лишено вероятия, что речь идет в данном случае и о том, что редакция «Голоса» отмежевалась после опубликования письма Герцена от клеветы «Варшавского дневника» (см. комментарий к стр. 239).

ИЗ ПИСЬМА К ИЗДАТЕЛЯМ «КОЛОКОЛА»

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 241 от 15 мая 1867 г., стр. 1967, где опубликовано впервые, с подписью: *Изд.* Автограф неизвестен.

Примечание сделано к письму М. А. Бакунина от 3 мая 1867 г.

В письме к издателям «Колокола» от 3 мая 1867 г. М. А. Бакунин резко отрицательно характеризует деятельность И. С. Аксакова со времени польского восстания: «Он принес всю свою нравственную и умственную силу на поддержку государственного преступления, совершенного и совершаемого правительством и его палачами в Польше». Бакунин противопоставляет И. С. Аксакову его брата К. С. Аксакова.

В своем примечании Герцен указывает на фактическую ошибку Бакунина: И. С. Аксаков не был в шестидесятые годы в Польше. Но Бакунин, очевидно, говорит в данном случае о политических позициях славянофилов вообще после 1863 г. и о роли В. А. Черкасского в Польше в 1864—1866 гг.

БАСНЯ И. А. КРЫЛОВА

Печатается по тексту *К*, л. 241 от 15 мая 1867 г., стр. 1970, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Аргументацию в пользу принадлежности Герцену редакционного вступления и заключения см. в комментарии к заметке «Сумасшествие» (стр. 466 наст. тома).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XIX, 313).

Басня Крылова «Пестрые овцы» цитируется не по тексту «Русского архива» (1867, вып. 3, стр. 390—391), а по перепечатке в «Голосе» (№ 103 от 13/25 апреля 1867 г.), что подтверждается повторением опечаток, допущенных в этой публикации: «То предложи овец волкам пасти» (вместо «То прикажи овец волкам пасти») и «Какие у зверей пошли на это толки» (вместо: «Какие ж у зверей пошли на это толки»).

ОБЩИЙ ФОНД

Печатается по тексту *K*, л. 241 от 15 мая 1867 г., стр. 1970, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену устанавливается на основании содержания заметки: Общий фонд для эмигрантов находился в личном ведении Герцена (ср. сообщение Герцена об Общем фонде в *K*, л. 231—232 — стр. 324 наст. тома).

О решении закрыть Общий фонд в связи с углублением разногласий с женевской «молодой эмиграцией» Герцен писал Н. А. Огаревой 12 мая 1867 г.: «15 мая я объявляю, что не хочу иметь никакого дела с фондом (ты думать не можешь, что здесь за мерзости творятся; жизнь С<ерно>-С<оловьевича> посвящена одной интриге против меня, и он с Ник<оладзе> вертит всеми, кроме Мерч<инского> и Мечник<ова>». Ср. письма к М. Мейзенбуг от 14—15 мая, к Г. Н. Вырубову от 17 мая 1867 г., а также письмо Огарева к Н. Я. Николадзе, датированное первой половиной мая 1868 г. (ЛН, т. 63, стр. 161).

Об обстоятельствах передачи в Общий фонд в сентябре 1866 г. 257 фр. Л. Мечниковым см. заметку «Общий фонд», стр. 324 наст. тома и комментарий к ней.

Отчеты о распределении оставшихся после ликвидации фонда средств печатались далее в «Колоколе» (см. стр. 328, 330 наст. тома, а также заметку «Общий фонд» в т. XX наст. изд.).

<НЕСМОТЯ НА НАШЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ...>

Печатается по тексту *K*, л. 242 от 1 июня 1867 г., стр. 1973, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия, с подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

Авторство Герцена в отношении этого объявления, сделанного от имени редакции «Колокола», определяется на том основании, что во время подготовки л. 242 он находился в Женеве.

Публикуемое объявление было вызвано необходимостью объяснить сообщение, помещенное в предыдущем листе «Колокола»: «Следующий лист „Колокола“ выйдет 15 июня».

ПОПРАВКА

Печатается по тексту *K*, л. 242 от 1 июня 1867 г., стр. 1977, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

Авторство Герцена определяется на том основании, что во время подготовки л. 242 он был в Женеве. Кроме того, именно Герцен, а не

Огарев, придавал большое значение разоблачению агентов III отделения и уделял этому внимание на страницах «Колокола».

Редакционная поправка относится к заметке «Соль и железо», напечатанной в *К*, л. 240, стр. 1963—1964, без подписи. В ней приводились отрывки из корреспонденций «Современной летописи» и «Голоса», рассказывавшие о перипетиях раскрытия казнокрадства В. Е. Вердеревского и В. Г. Терского.

Об обстоятельствах смерти генерал-адъютанта Н. А. Огарева М. И. Вениуков в своих воспоминаниях писал так: «Он хашнул, наконец, на миллионы казенных железа и соли в Нижнем Новгороде, где был ярмарочным генерал-губернатором, а как воровство было открыто, то он застрелился» (М. И. В е н ю к о в. Из воспоминаний. Книга первая. 1832—1867. Амстердам, 1895, стр. 192; ср. также: Книга вторая, Амстердам, 1896, стр. 51).

ОБЩИЙ ФОНД

Печатается по тексту *К*, л. 242 от 1 июня 1867 г., стр. 1978, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

Авторство Герцена устанавливается на том же основании, что и в отношении остальных заметок об Общем фонде (стр. 324—330 наст. тома).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 341).

В заметке, в частности, речь идет о помощи А. Я. Щербакову и Е. К. Гижицкому. Инициалы «П. С.» расшифровать не удалось.

ДИКИЙ ЗАКОН

Печатается по тексту *К*, л. 243 от 15 июня 1867 г., стр. 1983, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 357) со следующей справкой: «принадлежность устанавливается из записки Огарева, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XIX*, 457).

Авторство Герцена подтверждается следующими данными. П. В. Долгоруков к этому времени уже не принимал активного участия в «Колоколе». Огарев был занят хлопотами о Шарлотте Гётсон, исчезнувшей из его дома в начале июня. Все статьи и материалы л. 243 «Колокола» (за исключением заметки «Суме нищего позавидовали») написаны или подготовлены Герценом. Характерно для стиля Герцена употребление эпитета «дикий» для оценки реакционных мер русского правительства; ср. «дикая реакция» («Порядок торжествует!» — стр. 198 наст. тома), «дикая сила», «дикое усмирение Польши» (статья о выходе французского «Колокола» — т. XX наст. изд.).

Стр. 328. *Вот текст закона о «сообществах», о котором говорил один из наших корреспондентов.* — Герцен имеет в виду письмо из Петербурга о «безобразных мерах, отдающих под надзор полиции всякие собрания», которое входило в состав его заметки «Право собираться — новые стеснения» (см. выше в наст. томе).

Стр. 330. *Петр IV тоже хочет, как и Петр I — оставить потомству историческое завещание.* — Петром IV Герцен называет шефа жандармов гр. Петра Андреевича Шувалова, пользовавшегося в эту пору почти неограниченной властью (о распространенности в связи

с этим прозвища «Петр IV» см. в комментарии к заметке «Петр IV» — стр. 525 наст. тома). Полицейско-палаческую работу Шувалова Герцен сравнивает с той стороной деятельности Петра I, о которой он писал в статье «Ответ Гарибальди»: «Петр I страстно любит флот, цивилизацию и не знаю что, но еще страстнее любит доносы, сплетни, следствия, пытки» (см. т. XVIII наст. изд., стр. 41).

ОБЩИЙ ФОНД

Печатается по тексту *K*, л. 243 от 15 июня 1867 г., стр. 1985, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на том же основании, что и в отношении всех остальных заметок об Общем фонде (см. в наст. томе).

<NOUS AVONS L'HONNEUR D'INFORMER...>

<ИМЕЕМ ЧЕСТЬ ИЗВЕСТИТЬ...>

Печатается по тексту *K*, где опубликовано впервые, без заглавия, с подписями: *Alexandre Herzen, Nicolas Ogareff*, стоящими перед постскриптумом; помещено на обороте «Оглавления „Колокола“ за 1867» (эти страницы не нумерованы), в ряду других объявлений. Очевидно, эти объявления и оглавление «Колокола» были приложены к л. 244—245 от 1 июля 1867 г., потому что ссылка на «русский текст», т. е. на статью «1857—1867» звучит как ссылка на материал того же самого листа.

Принадлежность Герцену устанавливается автографом (*ЛБ*) первоначальной наброска объявлений в данном листе «Колокола» (стр. 316 наст. тома).

<ПОДПИСАВШИМСЯ НА ГОД...>

Печатается по тексту *K*, где помещено на обороте «Объявления „Колокола“ за 1867» (эти страницы *K* не нумерованы), без заглавия и подписи. О датировке и атрибуции см. выше, в комментарии к «Nous avons l'honneur d'informer...» («Имеем честь известить...»).

<A PARAÎTRE EN RUSSE...>

<ДО ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ГАЗЕТЫ...>

Печатается по тексту *K*, где помещено на обороте «Оглавления „Колокола“ за 1867» (эти страницы *K* не нумерованы), без заглавия и подписи. О датировке и атрибуции см. выше, в комментарии к «Nous avons l'honneur d'informer...»

О неосуществившемся замысле «Альманаха „Колокола“» см. комментарий к стр. 287.

<НАС ПРОСЯТ УЗНАТЬ...>

Печатается по тексту *K*, где помещено на обороте «Оглавления „Колокола“ за 1867» (эти страницы *K* не нумерованы), без заглавия и подписи. О датировке и атрибуции см. выше, в комментарии к «Nous avons l'honneur d'informer...»

ПРИМЕЧАНИЯ К БУДУЩЕЙ ИСТОРИИ НАШИХ ЗАВОЕВАНИЙ В АЗИИ

⟨ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ М. И. ВЕНЮКОВА⟩

Печатается по тексту *К*, «Прибавочный лист к первому десятилетию» от 1 августа 1867 г., стр. 1, где опубликовано впервые, с подписью: *Изд.* Статьей «Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии» открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену публикуемого примечания устанавливается на основании воспоминаний М. И. Венюкова, из которых видно, что автор статьи имел дело именно с Герценом: «...я набросал в Женеве две небольшие статьи о русских завоеваниях в Азии и об Учредительном комитете в Польше. Первую я послал Герцену (<...> Герцен обрадовался статье, которая раскрывала кое-что из изнанки русско-азиатских завоевательных подвигов, и немедленно посетил меня, с чего и завязалось наше знакомство» (Из воспоминаний М. И. Венюкова. Кн. 2, Амстердам, 1896, стр. 21). Об авторе статьи М. И. Венюкове Герцен вспоминал в письме к Огареву от 29 апреля 1868 г.: «А тот корреспондент, бывший в Женеве,— помнится, Венюков, писавший о Кавказе и Сибири».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XIX, 412).

Стр. 332. *Только что мы отпечатали двойной лист «Колокола» ∞ «Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии». — Л. 244—245 К* был закончен печатанием около 29 июня 1867 г. 30 июня Герцен сообщил Н. А. Огаревой: «Вчера отпечатан „Колокол“ и послан».

В своей статье М. И. Венюков подробно анализирует царскую завоевательную политику в Восточной и Западной Сибири, Оренбургском крае и на Кавказе, начиная с сороковых годов XIX в., характеризует действия генерал-губернаторов Н. Н. Муравьева, П. Д. Горчакова, В. А. Перовского, В. А. Обручева, Н. А. Крыжановского и других представителей высшей администрации на окраинах империи.

Благо есть место, и мы прибавили несколько строк. — Герцен имеет в виду помещенные после «Примечаний» в «Прибавочном листе к первому десятилетию», под общей рубрикой «Благо есть место» статьи «Суд в Париже и убийство в Петербурге», «Польское дело» (см. стр. 297—299 наст. тома), «Письмо к читателю „Колокола“» Н. Огарева и несколько заметок, составивших отдел «Смесь» (см. часть из них, написанную Герценом, на стр. 300—301 наст. тома).

Если мы снова получили ∞ мы издадим второй прибавочный лист. — Новых прибавочных листов к «Колоколу» не было издано.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ И УВЕЛИЧЕНИЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ Л. ЧЕРНЕЦКОГО

Печатается по тексту *К*, «Прибавочный лист к первому десятилетию» от 1 августа 1867 г., стр. 16 (страница в «Колоколе» не обозначена), где опубликовано в разделе «Объявления», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается его письмом к С. Тхоржевскому от 14 июля 1867 г.: «Я послал форму объявления о типографии, т. е. о перемещении ее». Начиная от слов «Обращаем особенное внимание» и кончая словами «желающие могут найти», Герцен повторял текст своего объявления, напечатанного в *К*, л. 211 от 1 января 1866 г.

В поисках путей к оживлению деятельности Вольной русской типографии Герцен вместе с Огаревым и В. И. Касаткиным еще в январе 1865 г. разработал проект превращения ее в акционерное предприятие (см. письмо Герцена к Огареву от 12 января 1865 г.), участниками которого стали Герцен, Л. Чернецкий, В. И. Касаткин, П. В. Долгоруков, В. Ф. Лугинин. С той же целью после переезда в Женеву приобретаются новые шрифты и с января 1866 г. принимаются заказы также на других европейских языках (см. «Объявление», стр. 319 наст. тома).

На акционерных началах типография работала с осени 1865 до осени 1866 г., когда Касаткиным был поставлен вопрос о ликвидации дела, не принесшего ему предполагавшихся коммерческих выгод (см. его письмо к Герцену от 27 ноября 1866 г. — *ЛН*, т. 63, стр. 249).

С этого момента типография была передана в собственность Чернецкому. Однако эта передача оказалась только номинальной. Нарушение русских связей Герцена вследствие разгрома революционных организаций в России вело к свертыванию деятельности русского вольного книгопечатания. Так как Чернецкому не удалось вывести типографию из упадка, Герцен и Огарев продолжали постоянно заниматься ее делами (см., например, письма Герцена к С. Тхоржевскому от 4 января и к Огареву от 7 января 1867 г.). В частности, перевод типографии в новое помещение, о котором сообщается в данном объявлении, был осуществлен при ближайшем участии Огарева (см. письма Огарева к Герцену от 10 июля, 20 июля, 23 июля, 31 июля 1867 г. — *ЛН*, т. 39—40, стр. 444—447, 451).

В дальнейшем Герцен выдвигал многочисленные проекты расширения деятельности типографии, оказывая в то же время систематическую материальную поддержку Чернецкому (см. письма к Огареву от 26 сентября, 19 декабря 1868 г. и 17 марта 1869 г., к сыну Александру от 18 июня 1869 г. и другие).

Об условиях работы типографии в последний период ее существования (она была продана Чернецким в 1872 г.) см. также письма Чернецкого к Герцену и Огареву в *ЛН*, т. 62, стр. 250—268, письма Герцена к дочери Наталии от 21 апреля 1867 г. и 10 ноября 1868 г., к Огареву от 25 октября 1868 г. и 13 февраля 1869 г.

DUBIA

1 8 6 6

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПАПИРОСЫ

Печатается по тексту *К*, л. 216 от 15 марта 1866 г., стр. 1772, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Заметка основана на материалах статьи «Выработка папирос» в «Дневнике варшавском» от 19 января 1866 г., № 23. Как известно, именно Герцен просматривал «Дневник варшавский», отбирал из него материал для «Колокола» и вообще писал о нем в «Колоколе» — см. «Вранье „Дневника варшавского“», «Еще глупее» и «Дневник варшавский» (стр. 22, 26 и 45 наст. тома). В заглавии заметки — характерная для Герцена ирония. Следует также учесть, что в пору подготовки 216 листа «Колокола» Огарев был тяжело болен.

<«КОЛОКОЛ»>

Печатается по тексту *К*, л. 219 от 1 мая 1866 г., стр. 1796, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XVIII, 388).

Заметка могла быть написана не только самим Герценом, но и по его поручению, например, С. Тхоржевским, так как Огарева в это время в Женеве не было — он жил с конца марта в деревне.

СКАЗКА О ГОСТИНЦЕ ЦАРЮ И О ДОМЕ КОМИССАРОВУ

Печатается по тексту *К*, л. 223 от 1 июля 1866 г., стр. 1827—1828, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (*Л* XIX, 6—7).

Возможность авторства Герцена определяется особенностями языка и стиля заметки: характер привлечения библейских и исторических образов, такой оборот, как «восторга сколько угодно, а что касается до оных — атанде», использование текста «Мертвых душ» (ср. в следующем, 224-м листе «Колокола» перефразировку слов Селифана в заглавии статьи Герцена «Коли надобно, отчего и не посечь...»).

Стр. 335. В русских газетах помещена любопытная сказка, совершенно в азиатском вкусе.—Сообщение из села Ловец Рязанской губернии о том, как зарайский купец (не задонский, как сказано в «Колоколе») Антон Ефимович Садофьев представил «в дар батюшке царю» двух своих сыновей—Павла (34-х лет) и Михаила (30-ти лет), которых царь распорядился принять в лейб-гвардии гусарский полк «на правах обер-офицеровских детей», было помещено в «Русских ведомостях» от 28 мая 1866 г., № 61, и затем перепечатано в «Голосе» от 28 мая 1866 г., № 145.

Стр. 336... как Дева Орлеанская, мирный посох променять на меч воинственный...—Перифразировка следующих слов из песни Жанны д'Арк в «Орлеанской деве» Ф. Шиллера в переводе В. А. Жуковского (д. IV, явл. 1):

Ах, почто за меч воинственный
Я мой посох отдала...

Вот распорядители ∞ купить ему дом.—Одним из проявлений «верноподданнических чувствований» петербургского дворянства после 4 апреля 1866 г. было решение открыть подписку на покупку О. И. Комиссарову как «спасителю отечества» дома в Петербурге. 7 апреля 1866 г. в «Русском инвалиде» сообщалось, что подписка открыта и уже собрано свыше 9 тыс. руб. (это сообщение было перепечатано и в других газетах—см., например, «Голос» от 8 апреля 1866 г., № 96, «Весть» от 11 апреля 1866 г., № 27 и др.). Скорее был создан «особый для приема пожертвованый распорядительный комитет» (см. «Русский инвалид» от 19 апреля 1866 г., № 99; «Весть» от 21 апреля 1866 г., № 30; «Московские ведомости» от 22 апреля 1866 г., № 85, и другие газеты).

Стр. 336. Ну, на это дворца не купишь ∞ признать нельзя...—Герцен имеет в виду следующие строки повести о капитане Копейкине: «...а у моего капитана Копейкина весь ассигнационный банк, понимаете, из каких-нибудь десяти синюг да серебра мелочь. Ну, деревни на это не купишь, то-есть и купишь, может быть, если приложишь тысяч сорок, да сорок-то тысяч нужно занять у французского короля».

...а что касается до оных — а т а н д е л!.. — До «оных» — т. е. до денег. О том, что Комиссарова начали даже стеснять в деньгах, см. в письме корреспондента «Колокола»: «Комиссаров исчезает со сцены, Тотлебен говорит: „его надобно прибрать“. Он кутит, но денег у него не много. Государь ему обещал 5000 руб., но Комиссарову дали только 1500. Как это случилось — не знаем» (К, л. 224, стр. 1836).

Вот оно, *molt'olato, poc'aceto!* — Итальянский текст в «Колоколе» дефектен, по смыслу близок к поговорке: «Много масла, мало уксуса!»

ГОЛОВАСТИКИ, ТРУБЯЩИЕ ПОБЕДУ

Печатается по тексту К, л. 228 от 1 июля 1866 г., стр. 1828, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Головастики». Автограф неизвестен.

Возможность авторства Герцена определяется тесной связью статьи с заметкой «Дневник варшавский» (стр. 45 наст. тома), которая явилась первым ответом Герцена на статью «Дневника варшавского» от 24 февраля 1866 г., № 52. Парижский корреспондент «Дневника варшавского», адресовав Герцену ряд клеветнических обвинений, с радостью сообщил о том, что русская эмиграция будто бы «относит к нему басню о жабе, которая хочет уподобиться волу и которая лопается из-за чрезмерного надувания». В комментируемой статье этот образ использован в применении к противникам Герцена — Каткову и Муравьеву.

В пользу принадлежности заметки Герцену говорят и некоторые ее стилистические обороты: символом «грязи», т. е. полицейской реакции, ее «лейб-трубачом», Герцен называл Каткова неоднократно (см. стр. 117 наст. тома). Характерно для Герцена также название «столбовая дворян» в применении к русскому дворянству.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XIX, 7—8).

Стр. 336. *Мы не до того античны, чтоб радоваться, сидя в покойной гавани, как тонет корабль...*— Герцен имеет в виду начальные строки вступления ко второй книге поэмы «О природе вещей» Лукреция:

Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры,
С твердой земли наблюдать за бедою, постигшей другого,
Не потому, что для нас будут чьи-либо муки приятны,
Но потому, что себя вне опасности чувствовать сладко.

(Перевод Ф. А. Петровского).

...что манифест 13/25 мая снова, под другим именем...— О рескрипте Александра II от 13/25 мая 1866 г. см. в статье Герцена «От государя князю П. П. Гагарину» (стр. 95—101 наст. тома).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ УДОВОЛЬСТВИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

Печатается по тексту *К*, л. 224 от 15 июля 1866 г., стр. 1835, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Возможность авторства Герцена определяется близостью материала этой заметки к его статьям о «заговоре» Каракозова и о ложно обвиняемых в соучастии с ним; характерно для Герцена и ее заглавие, переключившееся со следующими словами заметки «Н. Серно-Соловьевич, П. Ветогшиков, Н. Владимиров»: «К чему эта постепенность, к чему это продолжение удовольствия...» (т. XVIII наст. изд., стр. 391).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XIX, 14).

Ю. М. Мосолов, Н. Шатилов и П. В. Лебединский были арестованы в 1863 г. за связь с организацией «Земля и Воля». Цикл статей «Дело И. Андрущенко», в которых рассказывалось о деятельности «Земли и Воли», печатался в «Колоколе» в 1865—1866 гг., лл. 208—215.

Сообщения о «публичном объявлении на Мытнинской площади <...> высочайше утвержденного мнения государственного совета» о приговоре, вынесенном «дворянину Юрию Мосолову, дворянину Николаю Шатилову и лекарю Петру Лебединскому», были напечатаны в газете «Голос», в разделе «Внутренние новости. Петербургская хроника» соответственно в №№ 156, 157 и 158, причем о Мосолове сообщалось, что он осужден «за принадлежность к тайному политическому обществу, имевшему целью изменение существующего в России образа правления»; в двух других сообщениях дана формулировка, приведенная в «Колоколе».

<ПРАВДА ЛИ?>

Печатается по тексту *К*, л. 224 от 15 июля 1866 г., стр. 1836, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи и заглавия. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XIX, 16).

Возможность авторства Герцена определяется идейно-тематической близостью заметки к некоторым его высказываниям. В первой фразе содержится характерная для Герцена ирония по адресу министра народного просвещения гр. Д. А. Толстого, остававшегося одновременно обер-прокурором Святейшего синода (ср. в статьях Герцена «От государя князю П. П. Гагарину», «Катков и государь», «Бешенство допосов», «Антракт и hors-d'œuvres» — стр. 97, 118, 122 и 216 наст. тома).

Стр. 337... *не доверяющий шуваловцам*... — Т. е. жандармским офицерам (П. А. Шувалов в 1866 г. был назначен шефом корпуса жандармов и начальником III отделения).

...*преображенских офицеров*... — О том, что председатель Верховной комиссии по делу Каракозова граф М. Н. Муравьев широко пользуется формально запрещенными приемами дознания, причем арестованных пытаются гвардейские офицеры, сообщалось также в статье «Из письма к нам. (Каракозовское дело)» в том же 224-м листе «Колокола» (стр. 1836).

НОВОСТИ ИЗ РОССИИ

Печатается по тексту *K*, л. 225 от 1 августа 1866 г., стр. 1844, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Возможность авторства Герцена определяется связью с его заметкой «Слух» (стр. 57 наст. тома).

О беспорядках на Николаевской железной дороге говорилось в «Колоколе» в статьях: «Николаевская железная дорога и ее этико-политическая экономия», «Еще Николаевская железная дорога», «Опять по поводу Николаевской железной дороги» (см. стр. 320—322 наст. тома).

БАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ

Печатается по тексту *K*, л. 225 от 1 августа 1866 г., стр. 1844, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

Возможность авторства Герцена определяется связью этой заметки с его публикацией «Всякая всячина из нашей реакции», в которой Герцен с возмущением писал о том, что в ажиотаже рабология люди готовы отречься «от убеждений целой жизни» (стр. 111 наст. тома).

Цитата приведена из № 182 «С.-Петербургских ведомостей» от 6 июля 1866 г.; курсив принадлежит автору заметки в «Колоколе».

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ УГОЛОВНОГО СУДА В МОСКВЕ — ТРИДЦАТЬ УДАРОВ РОЗГАМИ

Печатается по тексту *K*, л. 226 от 15 августа 1866 г., стр. 1851, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Первое заседание уголовного суда в Москве».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (Л XIX, 40—41).

Возможность авторства Герцена определяется связью данной публикации с началом его статьи «Ess.-bouquet „Московских ведомостей“» в том же 226 листе «Колокола» (стр. 123 наст. тома).

ВОСТОЧНАЯ ГАЛИЦИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 227 от 1 сентября 1866 г., стр. 1860, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XIX, 58).

Возможность авторства Герцена определяется связью этой заметки с его публикацией «Слухи» (стр. 323 наст. тома).

ХОЛОПОВ В ДУШЕ ВРЯД ЛИ МОЖНО СДЕЛАТЬ СВОБОДНЫМИ ЛЮДЬМИ

Печатается по тексту *К*, л. 228 от 1 октября 1866 г., стр. 1867, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Возможность авторства Герцена определяется связью с его заметкой «Иконоборство Безака в Подольской губ.», которая напечатана в том же 228-м листе «Колокола»: обе заметки имеют один общий источник — № 242 «Голоса» от 2 сентября 1866 г. Строки об аристократических «переругиваниях прежних лакеев в передней» перекликаются с характеристической взаимоотношений между дворовыми и крестьянами в «Былом и думам» (строки о Бакае, который «обучал мальчишек аристократическим манерам передней» — т. VIII наст. изд., стр. 43).

НЕТЕРПИМОСТЬ, НЕВЕЖЕСТВО И ПОЛИЦЕЙСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА

Печатается по тексту *К*, л. 228 от 1 октября 1866 г., стр. 1868, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

Возможность авторства Герцена определяется связью заглавия настоящей заметки с последними словами предшествующей заметки «Иконоборство Безака в Подольской губ.»

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XIX, 64).

Письмо архиепископа черниговского Филарета министру народного просвещения графу Д. А. Толстому и ответ товарища министра И. Д. Делянова были напечатаны в газете «Весть» от 15 сентября 1866 г., № 72.

Стр. 342. *Армянин просвещения, Делянов...* — Намек на то, что род Деляновых был армянского происхождения.

...кажется, умершего от холеры... — Архиепископ Черниговский Филарет умер в Конотопе 9 августа 1866 г. Сообщение о его смерти напечатано в «Голосе» от 19 августа 1866 г., № 288, некролог — в «Вести» от 1 сентября 1866 г., № 68.

СТРАСТЬ К РОЗГАМ В ПОДОЛЬСКОМ СУДЕ

Печатается по тексту *К*, л. 229 от 1 ноября 1866 г., стр. 1876, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XIX, 90).

Возможность авторства Герцена определяется его письмом к Н. П. Огареву от 20 октября 1866 г. о посылке им «Смеси» для л. 229 «Колокола».

Сообщение, на основе которого написана заметка, было напечатано в газете «Голос» от 29 сентября 1866 г., № 269.

КОНФИРМАЦИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 229 от 1 ноября 1866 г., стр. 1876, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XIX, 90).

Возможность авторства Герцена определяется его письмом к Н. П. Огареву от 20 октября 1866 г. о посылке им «Смеси» для л. 229 «Колокола».

Текст сообщения, цитируемого в заметке, был опубликован в «Сенатских ведомостях» от 18/30 октября 1866 г., № 83; курсив в словах «каторжную работу» и «восемь» в тексте «Сенатских ведомостей» отсутствует.

АМНИСТИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 230 от 1 декабря 1866 г., стр. 1884, где было опубликовано впервые, без подписи.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XIX, 134) со следующей мотивировкой: «принадлежность ясна из № 2931», т. е. из письма Герцена к Н. П. Огареву от 23 декабря 1866 г.; однако письмо носит сугубо личный характер и высказанная в нем мысль о необходимости «прощения» касается только взаимоотношений Герцена с Н. А. Тучковой-Огаревой.

С гораздо большей вероятностью можно предполагать авторство Герцена на основании характерной для него тематики заметки, говорящей о ничтожности амнистий, объявляемых правительством. Вместе с тем не исключена возможность авторства П. В. Долгорукова: строки «Амнистии» о том, что «До прощенья в самом деле Зимний дворец еще не дорос», близки к следующему месту в его некрологе князя С. Г. Волконского: «Русское правительство, которое умеет казнить, ссылать, наказывать свирепо и бестолково, не умеет прощать» *К*, л. 212 от 15 января 1866 г., стр. 1735); кроме того, употребление карточной терминологии («онеры в парташе») гораздо более свойственно Долгорукову, чем Герцену.

1 8 6 7

ПЕРЕМЕНА ФАМИЛИИ

Печатается по тексту *К*, л. 235—236 от 1 марта 1867 г., стр. 1932, где было опубликовано впервые.

Авторство Герцена предполагается на основании тематической связи заметки с его статьями «Уничтожение, гонение, срытие с лица земли, приравнение к нулю Каракозовых» и «Всякая всячина из напей реакции» (стр. 90 и 111 наст. тома). Кроме того, ирония по поводу официальной версии о смерти Петра III и Павла I перекликается со следующими высказываниями из предисловия Герцена ко второй книге «Исторического сборника Вольной русской типографии»: «Пошлая газетная ложь остается обязательной. В дозволенной истории все сохранилось — от гастрической болезни Петра III и апоплексического удара Павла I до...» (т. XIV наст. изд., стр. 349).

Заметка написана по поводу опубликованного в русских газетах «высочайшего соизволения» («Голос» от 2 февраля 1867 г., № 33, «Москва» от 9 февраля 1867 г., № 32 и др.). С подобным прошением еще ранее

обратились в Государственный совет братья Д. В. Каракозова Николай и Алексей и его сестры Анна и Александра (см. «О дозволении Каракозовым переменить настоящую свою фамилию» — «Северная почта» от 14 декабря 1866 г., № 267).

В упоминаемом Герценом манифесте о кончине императора Петра III от 7 июля 1762 г. его смерть объяснялась тем, что «бывший император Петр Третий обыкновенным и прежде часто случавшимся ему припадком геморроидическим впал в пружестокую колику» (см. «Полное собрание законов Российской империи», т. XVI, СПб., 1830, стр. 13). Убийство Павла I получило в манифесте от 12 марта 1801 г. «О кончине императора Павла I и о вступлении на престол Александра I» следующее освещение: «Судьбам Вышняго угодно было прекратить жизнь любезного Родителя Нашего Государя Императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом...» (там же, т. XXVI, СПб., 1830, стр. 583).

НОВОЕ ЗЛОДЕЙСТВО

Печатается по тексту *К*, л. 240 от 1 мая 1867 г., стр. 1964, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Авторство Герцена предполагается по связи со статьями и заметками, где он сопоставляет великого князя Михаила Николаевича с другими «Михаилами» — Катковым и Муравьевым — ср. заметку «Михаилы и Михаилы Николаевичи» (т. XVIII наст. изд., стр. 384).

Материалом для заметки послужил приговор военно-полевого суда с конфирмацией главнокомандующего Кавказской армией вел. князя Михаила Николаевича, напечатанный в газете «Голос» от 31 марта 1867 г. № 90, под заголовком: «Взысканье».

«МЕНН ЛИХТ!»

Печатается по *К*, л. 240 от 1 мая 1867 г., стр. 1964, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Предсмертные слова Гете, обращенные к слуге — «Отворите же и вторую ставню в комнате, чтобы впустить больше света» — приобрели в легенде символическое значение: «Больше света!» (см. об этом книги: «Die letzte Krankheit Goethes, beschrieben und nebst einigen andern Bemerkungen über denselben mitgeteilt von Dr. Karl Vogel», Berlin, 1833, S. 21, а также А. Б е л ь ш о в с к и й. Гете, его жизнь и произведения, т. II, СПб., 1908, стр. 606).

КТО Б.?

Печатается по тексту *К*, л. 241 от 15 мая 1867 г., стр. 1970, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

Аргументацию в пользу авторства Герцена см. в комментарии к заметке «Сумасшествие» (стр. 466 наст. тома).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XIX, 313).

В заметке использован материал «Судебной хроники», напечатанной в «Голосе» от 22 апреля 1867 г., № 110.

Упоминание о выступлениях «Вести» имеет в виду возражение газеты против публикации «фамилий лиц в скандальных процессах» (№ 16 от 6 февраля 1867 г.). «Колокол» уже ранее полемизировал с

«Вестью» по этому вопросу (см. заметку «Вестовой поход против гласности из глубокого уважения к ней» — *К*, л. 237 от 15 марта 1867 г., стр. 1940).

ПЕТР IV

Печатается по тексту *К*, л. 241 от 15 мая 1867 г., стр. 1970, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XIX*, 313) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из письма Бакунина» (*Л XIX*, 455). Однако в письме М. А. Бакунина, которое приводит М. К. Лемке (*Л XIX*, 314), нет прямого свидетельства об авторстве Герцена: «А ты очень удачно назвал Шувалова Петром IV». Неизвестно, были ли у М. А. Бакунина достаточные основания считать Герцена автором заметки, но самое прозвище «Петр IV» было дано П. А. Шувалову не Герценом; на его употребительность П. В. Долгоруков указывал еще в «Письме из Петербурга»: «...Аракчеева II (или Петра IV, как прозвали Шувалова-жандарма)» (*К*, л. 235-236 от 1 марта 1867 г., стр. 1920). Как «Аракчеев II» и «Петр IV» граф П. А. Шувалов был заклеимен и в эпиграмме Тютчева:

Над Россией распростертой
Встал внезапную грозой
Петр, по прозвищу *четвертый*,
Аракчеев же *второй*.

ПОСИЛЬНЫЙ ОПЫТ ЗАТРУДНИТЬ ЧТЕНИЕ

Печатается по тексту *К*, л. 244—245 от 1 июля 1867 г., стр. 1998, где опубликовано впервые.

В пользу принадлежности Герцену говорит каламбур о «временной цензуре»; ср. в статье «Еще о возведении пьянства в православную и государственную обязанность» о циркуляре, разосланном «по временному (очень рады, что эти глупости не вечны) отделению» (т. XIV наст. изд., стр. 126).

Концовка заметки основана на сообщении газеты «Голос» от 2 июня 1867 г., № 151, о предполагаемом, по слухам, восстановлении предварительной цензуры в Финляндии.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авель (библ.) — 177
 Авраам (библ.) — 335
 Адлерберг Владимир Федорович, граф (1790—1884), генерал-адъютант. министр императорского двора в 1852—1870 гг. — 129, 256, 271, 282, 463
 Азаис (Azaïs) Пьер Гиацинт (1766—1845), франц. философ — 284
 — «Compensations» («Компенсации») — 284, 486
 Акимов Григорий Алексеевич, предводитель дворянства Сердобского у. Саратовской губ. с 1865 г. — 90
 Акасов Иван Сергеевич (1823—1886), публицист славянофильского лагеря, издатель-редактор газет «Парус» (1859), «День» (1861—1865) и «Москва» (1867—1868) — 12, 33, 57, 121, 150, 212, 213, 226, 227, 238—240, 243—246, 248—255, 259, 261, 325, 326, 367, 374—376, 381, 408, 420, 433, 435—438, 440, 445—448, 453, 454, 457, 465, 480, 510, 512
 Асаков Константин Сергеевич (1817—1860), публицист и литературный критик славянофильского направления — 187, 431, 446, 512
 Алеев Петр (ок. 1842 — ум. после 1913), студент Казанского университета, арестован в сентябре 1863 г. по делу о «казанском заговоре», приговорен в 1864 г. к каторжным работам, в 1867 г. помилован и отдан под надзор полиции, впоследствии присяжный поверенный в Астрахани — 221
 Александр I (1777—1825), император — 17, 18, 117, 137, 138, 282, 294, 332, 438, 484, 493, 524
 Александр II (1818—1881), император — 23, 33, 35, 36, 46, 48, 51, 54, 55, 59—63, 65, 67, 69—71, 75—78, 81, 82, 84—88, 91—93, 95, 97—101, 110, 112, 113, 115—117, 120, 122—125, 127, 129, 130, 132, 133, 135, 137, 138, 145, 146, 149, 152, 153, 159, 160, 181, 182, 190—192, 196, 197, 202, 206, 229, 232, 236, 247, 257, 271, 275, 280—285, 292—296, 301, 322, 323, 330, 335, 337, 338, 342—344, 353, 365, 369, 382, 385—387, 389, 391—396, 399, 403—404, 406—411, 413—417, 419—421, 423, 425, 428, 433, 452, 459, 460, 462—467, 470, 472, 474, 477—479, 482—484, 486, 490, 494, 497, 498, 505—507, 516, 518—521
 Александр Александрович, великий князь (1845—1894), второй сын Александра II, впоследствии имп. Александр III — 214, 343, 424, 438
 Александра Федоровна (1798—1860), императрица, жена Николая I — 280
 Алексеев Николай, учитель народной школы, открытой в 1866 г. в местечке Куземине Полтавской губ. — 209
 Алексей Михайлович (1629—1676), царь — 342
 Алексей Петрович (1690—1718), царевич, старший сын Петра I — 130
 Алибо (Alibaud) Луи (1810—1836), франц. революционер, казнен

- за покушение на Луи-Филиппа — 291, 490
- Альберт, принц Саксен-Альтенбургский, офицер русской гвардии — 275, 478
- Альберт Эдуард (1841—1910), принц Уэльский (Вэльский, Вельский), с 1901 г. король Великобритании и Ирландии под именем Эдуарда VII — 56, 141, 417
- Анахарсис (VI в. до н. э.), брат скифского царя Савлия, путешествовал по Греции, в Афинах сблизился с Солоном; вернувшись на родину, пытался ввести греческие обычаи, за что был убит Савлием — 304, 309
- Андреев, владелец дома в Таганроге — 150
- Андреева, владелица бакалейной лавки в Царском Селе, жена унтер-офицера — 210
- Анисимов Михаил Иванович, симбирский гражданский губернатор с 1862 по 1865 г. — 14, 368
- Анненков Иван Васильевич (1814—1887), генерал-лейтенант, петербургский обер-полицмейстер с 1862 по 1865 г. — 85, 321, 399, 504
- Антонелли Джакомо (1806—1876), итал. кардинал, глава Государственного совета Папской области с 1850 по 1870 г. — 283, 485
- Антонович Максим Алексеевич (1835—1918), публицист и литературный критик, сотрудник «Современника» и «Народной летописи» — 32, 369, 376
- «Антракт», см. «L'Entracte»
- Анучин (в тексте Онучин) Евгений Николаевич, тобольский военный врач, в 1865 г. уволен со службы за сочувствие, проявленное к М. Л. Михайлову и В. А. Обручеву в 1862 г. — 51, 52, 56
- Анучина, жена Е. Н. Анучина — 51
- Араго Доминик Франсуа Жан (1786—1853), франц. астроном, физик и политический деятель — 34
- «Общепонятная астрономия» («Astronomie populaire») — 34
- Аракчеев Алексей Андреевич, граф (1769—1834), генерал-от-артиллерии, временщик при Павле I и Александре I, военный министр в 1808—1810 гг., организатор военных поселений — 70, 137, 138, 226, 297, 298, 355, 525
- Арбузов Антон Петрович (1790—1842), лейтенант гвардейского экипажа, член Северного общества, участник восстания 14 декабря, приговорен к каторжным работам — 19
- Аргамаковы, древний русский дворянский род; И. А. Аргамаков (1775—1820) участвовал в убийстве Павла I — 344
- Аристотель (384—322 до н. э.), греческий философ — 11, 366
- Артакерс, персидский царь в 465—424 гг. до н. э., сын Ксеркса — 336
- Архимед (ок. 287—212 до н. э.), греческий математик и механик — 46, 195
- Арцимович (Квятковский), поляк, сосланный в Сибирь; по делу о восстании ссыльных поляков в 1866 г. приговорен военно-полевым судом к смертной казни, замененной вечной каторгой — 222
- Атила (ум. в 453), предводитель гуннов с 434 г.; возглавлял опустошительные набеги на Галлию и Италию — 227
- Ахилл (миф.) — 239
- Б., князь — 198
- Б., действительный статский советник — 345, 524
- Бабёф Гракх, настоящее имя — Франсуа Ноэль (1760—1797), франц. коммунист-утопист, организатор «заговора равных» в период термидорианской диктатуры, казнен — 23, 370, 371
- Бабст Иван Кондратьевич (1824—1881), экономист и публицист, профессор политической экономии в Казанском (1851—1857) и Московском (1857—1874) университетах — 212, 213, 437, 458
- Байков Иван Иванович, генерал-майор, дежурный генерал 2-й армии — 18
- Байрон Джордж Ноэль Гордон (1788—1824) — 167
- Бакунии Михаил Александрович (1814—1876) — 22, 118, 119, 222, 229, 238, 239, 250, 252, 288, 289,

- 325, 370, 373, 387, 408, 444, 445, 453, 454, 458, 461, 462, 472, 473, 475, 482, 487—489, 496, 512, 525
- Бальзак Оноре де (1799—1850) — 304, 309
- Баранов Эдуард Трофимович, граф (1811—1884), генерал-лейтенант, с 1866 г. лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор, командующий войсками рижского военного округа, с октября 1866 г. генерал-губернатор Северо-Западного края — 151, 217, 282, 440, 485
- Бараповский Андрей Иванович (род. 1841), слушатель Петровской земледельческой академии в Москве, привлекался к суду в 1863 г. за участие в польском восстании, в 1866 г. — по делу Д. В. Каракозова; отдан в солдаты и отправлен в войска Оренбургского военного округа — 206
- Барков Иван Семенович (1732—1768), поэт и переводчик, автор порнографических стихотворений — 34
- «Бархатная книга», родословная книга российских княжеских и дворянских родов, составленная в XVII в. — 218, 354, 441
- Баршев Сергей Иванович (1808—1882), профессор уголовного права (1834—1876) и ректор (1863—1870) Московского университета — 264, 468
- Барятинские, русский княжеский род; Федор Сергеевич Барятинский (1742—1814) участвовал в государственном перевороте 1762 г. при возведении на трон Екатерины II — 344
- Барятинский Анатолий Иванович, князь, генерал-майор свиты, командир лейб-гвардии Преображенского полка — 338
- Батый, монгольский хан в первой половине XIII в. — 168
- Безак Александр Павлович (1801—1868), генерал-адъютант, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор с 1865 г. — 142, 151, 153, 217, 359, 417, 421, 433, 437, 440, 522
- Безобразов Владимир Павлович (1828—1889), экономист, публицист — 8, 365
- Безобразов Николай Александрович (1816—1867), публицист, один из основателей реакционной газеты «Весть» — 28, 374
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — 87, 118
- Бельский (или Бельгин), вольнослушатель Медицинской академии, арестован по делу Каракозова, повесился в 1866 г. — 84, 85
- Бендерский, подполковник, один из руководителей следствия о пожарах в Симбирске в 1865 г. — 14
- Бенедек Людвиг (1804—1881), австрийский генерал, командующий северной армией в австро-прусской войне 1866 г. — 117, 407
- Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873), поэт — 262, 467
- Бенкендорф Александр Христофорович, граф (1783—1844), генерал-адъютант, с 1826 г. шеф жандармов, командующий императорской главной квартирой и начальник III отделения — 20, 328
- Беннигсены, графский род, происходящий из Ганновера; генерал-лейтенант Леонтий Леонтьевич Беннигсен (1745—1826) участвовал в убийстве Павла I в 1801 г. — 344
- Бентам (Bentham) Иеремия (1748—1832), англ. юрист и философ — 107, 401
- «Traité des législation civile et pénal» («Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении») — 107, 401
- Берг Федор Федорович, граф (1793—1874), генерал-фельдмаршал, в 1863—1874 гг. наместник Царства Польского — 22, 26, 151, 154, 229, 264, 271, 335, 373, 448, 454
- Бердюгин, приговорен военным судом в Тобольске в 1866 г. к расстрелу по делу об убийстве трех женщин — 73
- Бережный Петр, рядовой кавказской рабочей бригады, расстрелянный за неповиновение командиру — 344
- Березовский Антон Иосифович (род. 1847), поляк, участник восстания 1863 г., с 1865 г. жил в Париже; 6 июня 1867 г. стрелял в Александра II, приговорен

- к пожизненной каторге — 269, 291—293, 296, 297, 301, 363, 410, 472—474, 481, 483, 490, 491, 495
- Березовский Иосиф Николаевич (род. 1824), поляк, учитель музыки, отец А. И. Березовского, в 1865 г. арестован по подозрению в связях с повстанцами 1863 г. — 269, 291, 474, 497, 498
- Бёрк (Бюрк, Burke) Ричард, он же Джордж Бэрри (Barry), он же Эдуард Уинслоу (Winslow) (род. в 1833), ирландский фсний, полковник американской армии, в декабре 1865 г. вернулся в Ирландию, в ноябре 1866 г. арестован, приговорен к 10 годам тюрьмы — 273, 477
- Бестужев Михаил Александрович (1800—1871), штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, член Северного общества с 1824 г., участник восстания 14 декабря; приговорен к пожизненной каторге, позднее сокращенной до 20 лет; с 1867 г. жил в Москве — 19, 435
- Бестужев Николай Александрович (1791—1855), капитан-лейтенант 3-го флотского экипажа, член Северного общества с 1824 г., участник восстания 14 декабря, приговорен к пожизненной каторге, с 1840 г. на поселении — 19, 435
- Бжезинский Юзеф, один из редакторов журнала «Gmina» — 156, 422
- Бибиков Алексей Алексеевич (1840—1914), мировой посредник Жиздринского у. Калужской губ., в 1866 г. арестован по делу Каракозова и выслан в Вологодскую губ. под надзор полиции, в 1871 г. освобожден от надзора — 147, 206
- Библия — 218, 366, 442
- Бирон Эрнст Иогани, герцог (1690—1772), фаворит императрицы Анны Иоанновны, регент Российской империи в 1740 г. — 70, 218, 219, 297
- Бирюков Аркадий Афанасьевич (1840—1881), студент Казанского университета, арестован в 1863 г. по делу о «казанском заговоре» и приговорен к каторжным рабо-
- там, в 1867 г. помилован и отдан под надзор полиции — 221
- Бисмарк Отто фон Шенгаузен, князь (1815—1898) — 107, 168, 174, 175, 177, 186, 247, 270, 294, 459, 475
- Бистром Родриг Григорьевич, барон (1810—1886), генерал-адъютант, начальник 2-ой гвардейской пехотной дивизии — 214
- Благосветлов Григорий Евлампиевич (1824—1880), публицист, издатель журналов «Русское слово» (1863—1866) и «Дело» (1866—1880); в 1866 г., в связи с покушением Каракозова, арестован, но вскоре освобожден — 33, 84, 376
- Блан (Blanc) Луи (1811—1882), франц. историк и политический деятель, член Временного правительства в 1848 г. — 29
- Бланк Петр Борисович (1821—1886), публицист, сотрудник «Вести» и «Московских ведомостей» — 10, 11, 366
- Бланки (Blanqui) Луи Огюст (1805—1881), франц. революционер, социалист-утопист — 172, 178, 179, 430, 431
- Блудов Дмитрий Николаевич, граф (1785—1864), председатель Комитета министров (с 1861 г.) и Государственного совета (с 1862 г.) — 138, 416, 417
- «Донесение следственной комиссии 30 мая 1826 г.» — 138, 416
- Блудова Антонина Дмитриевна, графиня (1812—1891), камер-фрейлина — 252, 373, 404, 461
- Бодянский Осип Максимович (1808—1877), профессор Московского университета по кафедре истории и литературы славянских наречий — 264, 468
- Бокль (Бэклъ, Buckle) Генри Томас (1821—1862), англ. историк — 11, 81, 131, 393, 412, 413
- Бологовские, русский дворянский род; Дмитрий Николаевич Бологовский (1780—1852) участвовал в убийстве Павла I — 344
- Бомарше (Beaumarchais) Пьер Огюст Карон де (1732—1799), франц. драматург
- «Преступная мать» («La mère coupable»); Сюзанна — 304, 310, 498

- Бонгард Эдуард, участник польского национально-освободительного движения, арестован в 1862 г., приговорен к 12 годам каторги — 54
- Борисов Феофан Алексеевич (1845—1928), слушатель Петровской земледельческой академии, арестован по делу Д. В. Каракозова; в декабре 1866 г. освобожден и отдан под негласный надзор полиции — 147, 204
- Боткин Николай Петрович (1813—1869), брат В. П. и С. П. Боткиных — 77, 390
- Бошняк Александр Карлович (1786—1831), секретный полицейский агент, подосланный в апреле 1825 г. к членам Южного общества; убит во время польского восстания — 17, 116, 405
- Бошняк, член костромской уездной земской управы — 116
- Брайт (Bright) Джон (1811—1889), англ. политический деятель либерального лагеря — 248
- Брунов Филипп Иванович, барон (1797—1875), дипломат, посол в Лондоне в 1840—1854 и 1858—1874 гг. — 36
- Брут Марк Юний (85—42 до н. э.), политический деятель древнего Рима, республиканец, глава заговора против Юлия Цезаря — 12
- Будберг Андрей Федорович, барон (1817—1881), дипломат, русский посол в Париже в 1862—1868 гг. — 214, 282, 439, 459, 500
- Бужанец Зыгмунт, сотрудник журнала «Gmina» — «Символ веры» — 156, 422
- Бунзен (Бунцен, Bunsen) Роберт Вильгельм (1811—1899), нем. химик, в 1852—1889 гг. профессор Гейдельбергского университета — 11, 366
- Буонаротти, см. Микеланджело Буонаротти
- Бурнашев Тимофей Степанович, начальник Нерчинских рудников — 20
- Бутков Владимир Петрович (1820—1881), государственный секретарь в 1853—1870 гг. — 182
- Бушен Артур Богданович, фон (1831—1876), статистик, один из редакторов ежемесячного «Сборника сведений и материалов по ведомству министерства финансов» (1865—1867) — 9, 366
- Бэкль, см. Бокль Г. Т.
- Бюллер Карл Федорович, барон (1805—1868), генерал-адъютант, помощник командующего войсками Петербургского военного округа — 214
- Бюлоз (Бюлоз, Buloz) Франсуа (1803—1877), франц. журналист, с 1831 г. главный редактор «Revue des Deux Mondes» — 49, 366
- Бюрк, см. Бёрк Р.
- Вадковский Федор Федорович (1800—1844), член Северного и Южного обществ; приговорен к пожизненной каторге — 20
- Валадон Эмма, выступала под псевдонимом — Тереза (1837—1913), франц. певица — 283
- Валуев Петр Александрович (1814—1890), министр внутренних дел в 1861—1868 гг. — 15, 31—33, 55, 76, 87, 111, 117, 133, 147, 153, 154, 209, 210, 213, 235, 255, 256, 265, 271, 281, 300, 315, 323, 359, 369, 374, 375, 389, 393, 394, 402, 403, 414, 421, 422, 435, 438, 463, 483, 507
- «Варшавский дневник», см. «Dziennik Warszawski»
- Василий Великий (329—378), христианский богослов, с 370 г. архиепископ Кесарии Каппадокийской — 161
- Васильев Михаил Семенович, поручик русской армии в Польше, эмигрировал, чтобы не участвовать в подавлении восстания 1863 г.; с 1864 г. в Тульче — 251, 461
- «Ведомости», см. «Московские ведомости»
- Венелин (настоящая фамилия — Хуца) Юрий Иванович (1802—1839), русский ученый, славист и этнограф, по происхождению закарпатский украинец — 159
- Венюков Михаил Иванович (1832—1901), географ и путешественник — 332, 514, 516
- «Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии» — 332, 516
- Вердеревский Алексей Евграфович, начальник секретного отделения корпуса жандармов в 40-х гг.; во время Крымской войны

- чиновник провиантского департамента военного министерства; уличенный в воровстве, разжалован в солдаты и приговорен к ссылке в Сибирь — 328
- Вердеревский Василий Еврафович, председатель Нижегородской губернской казенной палаты до 1867 г.— 327, 328, 480, 514
- Верди Джузеппе (1813—1901), итал. композитор — «Травиата» — 242, 456
- Вернадский Иван Васильевич (1821—1884), экономист, профессор политической экономии Киевского и Московского университетов, затем Главного педагогического института и Александровского лицея в Петербурге, член Вольного экономического общества — 9, 366
- «Вестник Западной России», ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Вильно с 1864 до 1871 г.; редактор-издатель К. Говорский — 180
- «Весть», политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге в 1863—1870 гг. под редакцией В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматова, с 1867 г.— одного Скарятин — 9, 10, 28—30, 64, 78, 80, 90, 92, 99, 100, 208, 241, 246, 249, 258, 273, 275, 297, 341, 345, 354, 363, 365, 374, 376, 386, 389, 391, 392, 394, 395, 398, 403, 421, 433, 437, 440, 442, 455, 460, 464, 479, 488, 495, 519, 522, 524, 525
- Ветошиков Павел Александрович (род. ок. 1831), служащий торгового дома Фрум, Грегор и К°, арестован и предан суду в 1863 г. по делу о сношениях с «лондонскими пропагандистами», приговорен к каторжным работам — 321, 505, 520
- Виктория (1819—1901), королева Великобритании и Ирландии с 1837 г.— 141, 273, 477
- «Виленский вестник», официальная политическая и литературная газета, основанная в 1841 г.; издавалась на польском и русском языках, с 1864 г.— только на русском; в 1866 г. редактировалась А. И. Забелиным и М. Де-Пуле, в 1867—1868 гг.— М. Де-Пуле — 154
- Вильгельм I Фридрих Людвиг (1797—1888), прусский король с 1861 г., с 1871 г. германский император — 118, 401
- Виноградский Александр Васильевич, тобольский гражданский губернатор с 1859 по 1862 г., уволен от должности за сочувствие, проявленное к М. Л. Михайлову и В. А. Обручеву — 53, 54, 56
- Виндишгрец (Windischgrätz) Альфред, князь (1787—1862), австрийский фельдмаршал; командовал армией, подавившей революцию 1848—1849 гг. в Австро-Венгрии и государствах Германского союза — 288, 489
- Винценгероде Фердинанд Фердинандович, барон, генерал-лейтенант свиты, руководивший подавлением крестьянских волнений в Тамбовской губ. в 1861 г.— 126, 411
- Витгенштейн Петр Христианович, граф (1768—1842), фельдмаршал, главнокомандующий русскими и прусскими войсками в 1813 г., главнокомандующий 2-й армией с 1818 до 1828 г., в 1834 г. получил титул светлейшего князя — 17, 18
- Владимир Александрович, вел. князь (1847—1909), третий сын Александра II — 264, 468
- Владимиров Николай Михайлович (род. 1839), служащий петербургских экспортных торговых домов; в 1862 г. арестован, в 1864 г. осужден на поселение в Сибирь за провоз из Лондона запрещенных изданий — 321, 505, 520
- Власенко-Басенко Петр, он же Гаврило Афанасьев, приговорен в 1866 г. военно-уголовным судом в Ростове за участие в грабеже к расстрелу — 150
- Вознесенский Александр Васильевич (род. ок. 1844), слушатель Петровской земледельческой академии, арестован в 1866 г. по делу Д. В. Каракозова, признан виновным и освобожден, с мая 1867 г. взят под негласный надзор полиции за организацию помощи осужденным по политическим делам — 147, 204

- Волков Иван Федорович, учитель гимназии, преподававший математику А. И. Герцену и Н. П. Огареву перед их поступлением в университет — 301, 497
- Волконская Александра Николаевна, княгиня (1757—1834), статс-дама, обер-гофмейстерина, мать декабриста С. Г. Волконского — 17, 20
- Волконская Елена Сергеевна, княжна (1835—1916), дочь С. Г. Волконского — 21
- Волконская Мария Николаевна, княгиня (1805—1863), жена декабриста С. Г. Волконского, дочь Н. Н. Раевского — 18, 20
- Волконские, русский княжеский род; Петр Михайлович Волконский (1776—1852) участвовал в убийстве Павла I — 344
- Волконский Григорий Семенович, князь (1742—1824), оренбургский генерал-губернатор, отец С. Г. Волконского — 17
- Волконский Николай Сергеевич, князь (1826—1828), сын декабриста С. Г. Волконского — 18, 20
- Волконский Сергей Григорьевич, князь (1788—1865), декабрист, генерал-майор, член Южного общества; приговорен к каторжным работам, с 1835 г. на поселении, с 1856 г. в Москве — 16—21, 369, 370, 523
- «Три предателя — Бошняк, Майборода, Шервуд» — 17
- Волокитин Николай Иванович (ум. 1893), журналист, агент III отделения — 321, 504
- Волохов Алексей (ум. 1866), крестьянин — 233, 451
- Волохова Мавра Егоровна, крестьянка — 233, 451
- Вольтер (Аруэ) Франсуа Мари (1694—1778) — 153, 482
- Вормс Николай Александрович (1845—1870), поэт и публицист, был связан с ишутинским кружком, сотрудничал в «Современнике», «Русском слове», «Деле», «Искре», в октябре 1866 г. эмигрировал — 324, 433, 508, 509, 511, 512
- «Белый террор, или Выстрел 4 апреля 1865 года» — 324, 433, 508, 511, 512
- Воробьев Василий Иванович (он же Василий Михайлович Салов), приговорен в июне 1866 г. в Москве за бродяжничество к году тюремного заключения — 339, 340
- Воробьев Иван Васильевич, рядовой Московского губернского батальона, переведенный в 1864 г. в Кронштадт — 339
- Воронцов Семен Михайлович, светлейший князь (1823—1882), генерал-адъютант, одесский городской голова с 1865 г. — 33, 376
- Воронцова, княгиня — 275
- Ворцель (Worczell) Станислав, граф (1799—1857), польский революционер, участник восстания 1830—1831 гг., руководитель демократической части польской эмиграции 30—50-х годов — 179, 431, 496, 498
- Воскресенский Дмитрий Алексеевич (род. ок. 1843), участник революционного движения 60-х гг., слушатель Петровской земледельческой академии, член подпольного общества «Организация»; арестован по делу Д. В. Каракозова, в ноябре 1866 г. освобожден из крепости и взят под надзор полиции; в 1868 г. входил в нелегальный кружок «Сморгонская академия» — 147, 204
- Вронский, поляк, сосланный в Сибирь; по делу о восстании ссыльных поляков в 1866 г. приговорен военно-полевым судом к смертной казни, замененной пожизненной каторгой — 222
- Вундт Вильгельм Макс (1832—1920), нем. физиолог и лингвист — 295, 493
- «Лекции одуше человека и животных» («Vorlesungen über die Menschen- und Thierseele») — 295, 493
- Вырубов Григорий Николаевич (1843—1913), философ-позитивист, с 1864 г. жил в Париже, издавал вместе с Литтре в 1867—1884 гг. журнал «Revue de la Philosophie positive» — 268, 391, 400, 472, 473, 482, 509
- Вальский, принц, см. Альберт Эдуард
- Гагарин Павел Павлович, князь (1789—1872), сенатор, член следственной комиссии по делу

- М. В. Петрашевского и др. (1849), в 1857—1861 гг. член Секретного (позже Главного) комитета по крестьянскому делу, с 1862 г. председатель Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, в 1866 г. председатель Верховного уголовного суда по делу Д. В. Караозова — 95, 97, 99—101, 110—112, 115, 122, 151, 197, 251, 386, 392, 396, 397, 399, 404, 405, 408, 413, 418, 432, 433, 449, 506, 520, 521
- Гаевский Иван Семенович, управляющий канцелярией Святейшего синода до 1866 г.—155, 421, 422
- Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893), публицист, впоследствии (с 1876 г.) редактор-издатель газеты «Неделя» — 295, 493
- Гакстаузен (Haxthausen) Август, барон (1792—1866), нем. экономист, исследователь аграрного строя России; в 1843—1844 гг. путешествовал по России — 57, 187, 188, 381, 431, 505
- «Die ländliche Verfassung Ruslands, ihre Entwicklung und ihre Feststellung in der Gesetzgebung von 1861» («Сельские учреждения России, их развитие и утверждение в законоположениях 1861 г.») — 57
- Гано (Ganneau) (ум. 1852), франц. скульптор, в 1838 г. основатель религиозную секту эвандистов, приняв имя «Мапа» — 304, 309
- Гарибальди Джузеппе (1807—1882) — 40, 163, 165, 231, 270, 378, 450, 515
- Гаррик (Garrick) Давид (1717—1779), англ. актер — 234
- Гарун АльРашид (Харун-ар-Рашид) (763—809), багдадский халиф с 786 г.—103, 399
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — 63, 118, 304, 309, 489, 490, 496
- Гейне Генрих (1797—1856) — 108, 122, 401
- «Песнь маркитантки» — 108, 401
- Гейслер Шарль, доктор, открывший в 1866 г. русскую школу в Лугано (Швейцария) — 14, 368
- Георг, женеvский издатель и книгопродавец — 142, 422
- Георг IV (1762—1830), король Великобритании и Ганновера с 1820 г.—282, 484
- Геркулес (миф.) — 222
- Герингрос Николай Александрович, товарищ министра государственных имуществ и директор 1-го департамента министерства с 1862 до 1865 г.—24, 371
- Герсеванов Николай Борисович (ум. 1871), генерал-майор, публицист; — «Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854 и 1855 годах» — 265, 469
- Герцен Александр Иванович (1812—1870)
- «Америка и Сибирь» — 139, 140, 246, 416, 458, 503
- «Астроном-наблюдатель и миссионер Хотинский» — 39, 377
- «Былое и думы» — 302, 307, 325, 368, 377, 391, 401, 406, 431, 438, 444, 458, 460, 462, 481, 483, 485, 489, 497, 498, 501, 511, 522
- «Г-н М. Хотинский и III отделение» — 41—42, 378
- «Из Петербурга» — 103, 399
- «Концы и начала» — 109, 402, 467, 469; профессор — 109, 402
- «Крещеная собственность» — 139, 416
- «Письма из Avenue Marigny» — 281, 483
- «Письма к будущему другу» — 16, 369
- «Письмо к Гарибальди» — 165, 427
- «Письмо к императору Александру Второму» — 82, 393, 506
- «Путевые записки г. Вёдрина; Вёдрин — 243, 356, 457
- «Россия и Польша» — 248, 459
- «С того берега» («Vom anderen Ufer») — 188, 429, 447
- «Через три года» — 190, 431
- «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» («О развитии революционных идей в России») — 188, 446, 447
- «Le peuple russe et le socialisme» («Русский народ и социализм») — 188, 446, 447
- «La Russie et le vieux monde» («Старый мир и Россия») — 172, 188, 430, 431, 446, 447
- Гершау Александр Петрович, барон, генерал-майор, начальник

- гвардейской конной артиллерии — 214
- Гсте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — 166, 178, 184, 344, 429, 430, 524
- «Кроткие Ксени» — 166, 429
- «К Соединенным Штатам» — 178, 430
- Гижицкий Евгений Казимирович, участник студенческих волнений 1861 г. в Москве, сосланный в г. Мензелинск, с мая 1863 г. эмигрировал — 328, 514
- Глинка Михаил Иванович (1804—1857) — 80, 271, 471, 476
- «Иван Сусанин» («Жизнь за царя») — 80, 270, 476; «Мазурка» — 270, 271
- «Гмина», см. «Gmina»
- Гнейст Рудольф Генрих (1816—1895), нем. государствовед и политический деятель — 134, 414
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — 157, 210, 405, 438, 482, 489
- «Мертвые души»; Копейкин — 213, 437, 438, 519; Ноздрев — 64, 194; Селифан — 115, 405, 518; Собакевич — 28, 194
- «Ревизор»; Шпекин — 280, 482
- «Тарас Бульба»; Остап — 157, 158; Тарас — 158, 289, 489
- Годунов Борис Федорович (1551—1605), царь — 76, 130, 371, 383, 385, 389, 393, 395, 398, 412, 414
- Годунов Федор Борисович (1589—1605), сын Бориса Годунова, после смерти отца несколько месяцев занимал царский престол, убит — 130
- Голенищев-Кутузов Павел Васильевич, граф (1772—1843), генерал-лейтенант, в 1826 г. петербургский военный генерал-губернатор — 19
- Голиаф (библ.) — 177
- Голицын Юрий Николаевич, князь (1823—1872), хоровой дирижер и композитор — 79, 80, 359, 391
- Головин Александр Васильевич (1821—1886), статс-секретарь, министр народного просвещения с 1862 г. до апреля 1866 г. — 68, 93, 130, 133, 135, 380, 386, 395, 412, 413, 415
- «Голос», ежедневная политическая и литературная газета, выходившая в Петербурге в 1863—1884 гг.;
- редактор-издатель А. А. Краевский — 10, 11, 23, 60, 61, 64, 74, 122, 132, 142, 148, 150, 161, 207, 209, 210, 229, 238, 239, 260, 270, 271, 275, 276, 293, 295, 297, 315, 320, 323, 332, 336, 337, 341, 344, 366, 367, 370, 376, 377, 380, 383, 387, 388, 402, 409, 410, 414, 416, 417, 419, 420, 422, 426, 431—435, 439, 448, 450, 451, 453, 454, 457, 460, 465, 466, 470, 474, 476, 479—481, 486, 490—498, 502, 507, 512—514, 519, 520, 522—525
- Голохвастов Дмитрий Дмитриевич, предводитель дворянства Звенигородского у. Московской губ. с 1863 г. — 11, 12, 366
- Голуховский (Goluchowski) Агенор, граф (1812—1876), австрийский государственный деятель, наместник Голлицы, поляк по происхождению; стремился к колонизации края и ослаблению русского влияния — 158, 225, 446
- Гомер — 241, 464
- Гороховский Игнатий Ильич, секретарь Подольской губернской палаты уголовного суда до 1866 г. — 35, 137, 343
- Горчаков Александр Михайлович, князь (1798—1883), дипломат, министр иностранных дел в 1856—1882 гг. — 35, 137, 292, 293, 391, 459, 516
- Готман Дмитрий Романович, товарищ председателя гражданского отделения владимирского окружного суда — 257
- Грабенко Иван, ростовский мещанин; в 1866 г. приговорен военно-уголовным судом к расстрелу за грабеж — 150
- Гранжнев (Grangeneuve) Жак Антуан (1750—1793), франц. адвокат. член Конвента, жирондист — 292—293
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829)
- «Горе от ума»; Скалозуб — 213, 437, 438
- Гуго (Гюго, Hugues Capet) Капет (ок. 938—996), франц. король с 987 г., основатель династии Капетингов — 161
- Гурьев Дмитрий Александрович, граф (1751—1825), министр финансов с 1810 до 1823 г. — 256

- Гюго Виктор Мари (1802—1885)—
161, 304, 309
- Д.— 22
- Давыдов, поручик 40-й артиллерийской бригады, разжалован в рядовые — 300
- Дагмара, см. Мария Федоровна
- Даниил (библ.) — 228, 448
- Данте Алигьери (1265—1321) —
108, 138, 416, 477
— «Божественная комедия» («Ад») — 138, 416
- Дантон Жорж Жак (1759—1794) —
245, 458
- Дарвин Чарлз Роберт (1809—1882) — 131, 412, 413
- Дебнер (Дейбнер) А., пробст — 256, 463
— «История христианской веры» — 256, 463
- Девис (Davis) Джефферсон (1808—1889), американский государственный деятель, в 1861—1865 гг. президент конфедерации Южных штатов — 273, 477
- Дезирабод (Désirabode), франц. зубной врач — 304, 309
- Делиль де Саль (Сала, Delisle de Sales) Жан Батист Изоар (1741—1816), французский писатель; осужденный на тюремное заключение, освобожден Наполеоном I — 88
- Делянов Иван Давыдович (1818—1897), попечитель петербургского учебного округа в 1861—1866 гг., товарищ министра народного просвещения с 1866 г. — 97, 342
- «День», еженедельная газета, издававшаяся в Москве с 1861 по 1865 г. И. С. Аксаковым — 12, 15, 29, 31, 33, 212, 226, 359, 367, 369, 374—376, 408, 435—438, 445, 446, 459
- Дернов Василий Васильевич (род. ок. 1841), учитель в с. Волково, арестован в 1863 г. по делу о «казанском заговоре»; за распространение среди крестьян подложного манифеста и воззваний приговорен к каторжным работам, в 1867 г. освобожден и отдан под надзор полиции — 221
- Деспот-Зенович Александр Иванович (1828—1895), тобольский губернатор в 1862—1867 гг. — 209, 210, 432—434
- Джонсон (Johnson) Эндрю (1808—1875), президент Соединенных Штатов Америки в 1865—1869 гг. — 132, 413
- Джунковский Степан Степанович (1820—1870), богослов, католический миссионер; в 1866 г. перешел в православие — 255, 462
- Дибич Иван Иванович, барон (1785—1831), генерал-адъютант, с 1824 г. начальник Главного штаба, впоследствии — граф и генерал-фельдмаршал — 19
- Дмитрий (1582—1594), царевич, сын царя Ивана Грозного — 130
- Дмитрий Самозванец, см. Лжедмитрий I
- «Дневник варшавский», см. «Dziennik Warszawski»
- Долгоруков (Долгорукий) Василий Андреевич, князь (1804—1868), генерал-адъютант, шеф жандармов и начальник III отделения в 1856—1866 гг. — 35, 55, 378, 396, 405, 424
- Долгоруков Петр Владимирович, князь (1816—1868), публицист и историк, с 1859 г. эмигрант; в 1860—1864 гг. издавал газеты и журналы в Лейпциге, Париже, Брюсселе и Лондоне — 17, 21, 36—38, 42—44, 142, 143, 218, 220, 325, 359—363, 369, 377, 418, 433, 439, 441—443, 446, 448, 450, 452, 455, 467, 479, 500, 510, 514, 517, 523, 525
— «Михаил Николаевич Муравьев» — 142, 143, 418
— «Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow» («Записки князя Петра Долгорукова») — 218, 220, 441, 442
- Дольфи Джузеппе (1817—1869), итал. революционер, возглавивший восстание 27 апреля 1859 г. во Флоренции — 252
- Домбровский (Dąbrowski) Ярослав (1836—1871), польский революционер, в 1862 г. арестован, в 1864 г. бежал из тюрьмы, с 1865 г. в Париже возглавлял польскую революционную эмиграцию, впоследствии командовал вооруженными силами Парижской Коммуны — 72, 146, 147, 206
«Домострой», памятник русской письменности XVI в., свод правил поведения — 232

- Дрентельн Александр Романович (1820—1888), генерал-лейтенант, начальник 1 гвардейской пехотной дивизии — 214
- Дубельт Николай Леонтьевич (1819—1874), генерал-лейтенант, начальник 2 гвардейской кавалерийской дивизии — 214
- Дурново, подполковник, жандармский штаб-офицер, участвовавший в подавлении крестьянских волнений в Тамбовской губ. в 1861 г. — 126, 411
- Дюпон (Dupont) Леонс Франсуа (род. 1828), франц. журналист, в 1863—1865 гг. редактировал газету «La Nation» — 214, 439
- Евангелие — 179, 260, 296, 366, 431, 466, 494, 496
- Европеус Александр Иванович (1826—1885), петрашевец; в 1849 г. приговорен к расстрелу, по конфирмации отдан рядовым в войска Отдельного кавказского корпуса; в 1857—1860 гг. вместе с А. М. Унковским стоял во главе либеральной оппозиции тверского дворянства, в 1860 г. сослан в Пермь — 84
- Европеус Павел Иванович (1829—1872), брат А. И. Европеуса, привлечался к следствию по делу М. В. Петрашевского в 1849 г., находился под негласным надзором полиции — 84
- Европеус Эмилия Вильямовна, переводчица, жена А. И. Европеуса, в 1861 г. была выслана в Тверскую губ. под полицейский надзор за провоз через границу лондонских изданий, в 1866 г. привлекалась к следствию по делу Д. В. Каракозова — 84
- Екатерина II (1729—1796), императрица — 8, 130, 455
- Елизавета Петровна (1709—1761), императрица — 150, 385
- Елисеев Григорий Захарович (1821—1891), публицист и журналист, сотрудник «Искры» и «Современника», в 1866 г. был арестован, но вскоре освобожден, с 1868 г. вместе с Н. А. Некрасовым и М. Е. Салтыковым-Щедриным редактировал «Отечественные записки» — 32, 84, 376
- Ермак Тимофеевич (ум. 1585), казачий атаман, в 1581—1582 гг. совершил поход, закончившийся присоединением Западной Сибири к Московскому государству — 53
- Ермолов Алексей Петрович (1772—1861), генерал-от-артиллерии и инфантерии, участник войн 1805—1807 и 1812—1814 гг.; в 1816—1827 гг. главнокомандующий на Кавказе и командир Отдельного кавказского корпуса — 214, 438, 493
- Ермолов Петр Дмитриевич (род. 1845), член общества «Организация», в апреле 1866 г. арестован по делу Д. В. Каракозова, приговорен к каторжным работам; в 1871 г. выпущен на поселение — 145, 147, 201, 202, 204
- Ершов Петр Павлович (1815—1869), поэт — «Конек-Горбунок» — 180, 431
- Ефимов, рядовой Белевского полка, приговоренный к смертной казни в 1866 г. — 126
- Ждан-Пушкин Викентий Викентьевич (1824—1895), подполковник, управляющий комиссариатской комиссией в Тобольске, в 1865 г. привлечен к суду за сочувствие М. Л. Михайлову и В. А. Обручеву — 51, 52, 55
- Жданов Семен Романович (1803—1865), сенатор, в 1864—1865 гг. возглавлял специальную комиссию по расследованию причин возникновения пожаров в г. Симбирске — 14, 368, 444
- Желудков Иван, литературный псевдоним В. И. Кельсиева (см.)
- Жеманов Семен Яковлевич (1863—1903), студент Казанского университета, в 1863 г. арестован по делу о «казанском заговоре», приговорен к каторжным работам; в 1866 г. бежал из тюрьмы; в 1867 г. эмигрировал в Женеву и сотрудничал в «Народном деле» и «Общем деле» — 221, 361, 443, 444
- Жемчужников Николай Аполлонович, тобольский губернский прокурор до 1862 г., предан суду в 1865 г. за сочувствие, проявленное к М. Л. Михайлову и В. А. Обручеву — 51, 53—56

- Жеребцовы, русский дворянский род; Ольга Александровна Жеребцова (1766—1849) участвовала в заговоре против Павла I — 344
- Жомини -fils Александр Генрихович, барон (1814—1888), русский дипломат, старший советник Министерства иностранных дел — 48, 380
- «La Russie sous Alexandre II. Lettre à la „Revue des Deux Mondes“ par Alexandre Jomini» — 48, 380
- Жорж Санд (George Sand), псевдоним Авроры Дюдеван (1804—1876) — 304, 309
- Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — 125, 410, 483, 519
- Жуковский Юлий Галактионович (1822—1907), экономист и публицист, сотрудник «Современника» — 32, 154, 376, 377, 421
- «Вопрос молодого поколения» — 154, 421
- Загибалов Максимилиан Николаевич (1843—1920), участник студенческих волнений в октябре 1861 г. в Москве, член общества «Организация», арестован по делу Каракозова и приговорен к 6 годам каторжных работ, в декабре 1871 г. вышел на поселение, впоследствии участник революции 1905 г. — 145, 147, 201—202
- Зайкип Николай Федорович (1801—1833), подпоручик квартирмейстерской части, член Южного общества, приговоренный к высылке на поселение — 18
- Зайцев Варфоломей Александрович (1842—1882), критик и публицист, с 1863 г. сотрудник «Русского слова»; в 1866 г. арестован в связи с покушением Д. В. Каракозова, впоследствии (1869) эмигрировал — 84
- Залесский Игнатий Игнатьевич, польский помещик, сосланный в 1863 г. в Нижегородскую губ. — 154
- Занд (Sand) Карл (1795—1820), студент Йенского университета; в 1819 г. в Мангеем убил Коцебу, казнен — 291, 490
- Засядько Федор, священник в местечке Куземино Полтавской губ. — 209
- Звиногородский Лонгин Казанович, заседатель от дворянства Подольской губернской палаты уголовного суда до 1867 г. — 343
- Здекауер Николай Федорович (1815—1897), профессор Медицинско-хирургической академии, лейб-медик, член медицинского совета министерства внутренних дел — 85, 86, 103, 393
- Зиньковский Тит Игнатьевич, заседатель от правительства Подольской губернской палаты уголовного суда до 1867 г. — 343
- Зубовы, русский графский род; братья Платон, Николай и Валериан Зубовы участвовали в убийстве Павла I — 344
- Зыков Сергей Павлович (1831—1917), ген.-майор, главный редактор «Русского инвалида» в 1864—1868 гг. — 253, 462
- Зыков, сослан в 1851 г. за убийство в г. Тобольск — 210
- Иван VI (Иоанн Антонович) (1740—1764), император в 1740—1741 гг. при регентстве Бирона, затем Анны Леопольдовны — 130
- Иван IV (Иоанн Васильевич) Грозный (1530—1584), царь — 76
- Иванов Александр Иванович (род. 1843), студент Московского университета, член общества «Организация», арестован в мае 1866 г. по делу Каракозова, сослан в Томскую губ., в 1875 г. освобожден — 146, 148, 203, 204
- Иванов Дмитрий Львович (1846—1924), студент Московского университета с 1864 г., член общества «Организация», арестован в мае 1866 г. по делу Каракозова, отдан рядовым в войска Оренбургского военного округа — 146, 148, 203, 204
- Иванов-Желудков В. П., см. Кельсиев В. И.
- Ивашев Василий Петрович (1794—1840), ротмистр Кавалергардского полка, адъютант графа П. Х. Витгенштейна, член Южного общества; приговорен к каторжным работам, в 1835 г. вышел на поселение — 20

- Иезекииль (библ.) — 227, 447
 Иеремия (библ.) — 167, 429
 Иисус Навин (библ.) — 295
 Икскуль, барон, прибалтийский помещик — 66, 384
 Илляшевич, поляк, сосланный в Сибирь, по делу о восстании ссыльных поляков в 1866 г. приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой — 222
 «Инвалид», см. «Русский инвалид»
 Иоанн Антонович, см. Иван VI
 Иосиф (библ.) — 150, 383, 420, 440
 Исаак (библ.) — 335
 Исеев Петр Федорович, костромской вице-губернатор с 1862 по 1867 г. — 115
 «Искра», сатирический журнал революционно-демократического направления, издавался в Петербурге с 1859 по 1873 г.; редакторы-издатели В. С. Курочкин и Н. А. Степанов — 63
 Ишутин Николай Андреевич (1840—1879), революционер-народник; в 1863 г. организовал в Москве студенческий кружок; руководитель подпольного общества «Организация», в 1866 г. приговорен к смертной казни по делу Д. В. Каракозова, замененной бессрочной каторгой — 145, 147, 201—203, 408, 419
 К. В. И. Б., псевдоним, которым подписана статья о поджогах в Симбирске, напечатанная в «Московских ведомостях» — 14
 Кавеньяк (Каваньяк, Cavaignac) Луи Эжен (1802—1857), франц. генерал, военный диктатор в июньские дни 1848 г., глава правительства в июне—декабре 1848 г. — 29
 Калигула Гай Цезарь (12—41), римский император с 37 г. — 315, 375, 501
 Кальвин Жан (1509—1564), деятель Реформации в Швейцарии, основатель протестантского вероучения — кальвинизма — 179
 Камбиз, персидский царь в 529—522 гг. до н. э. — 336
 Канова Антонио (1757—1822), итал. скульптор — 170
 Каракозов, старший брат Д. В. Каракозова — 322
 Каракозов Алексей Владимирович, уездный врач Сердобского у. Саратовской губ., брат Д. В. Каракозова — 90, 91, 524
 Каракозов Владимир Иванович, помещик Сердобского у. Саратовской губ., заседатель уездного земского суда, отец Д. В. Каракозова — 322
 Каракозов Дмитрий Владимирович (1840—1866), революционер-террорист; учился в Казанском и Московском университетах, в 1865 г. вступил в революционный студенческий кружок Н. А. Ишутина, 3 сентября казнен за покушение на Александра II — 58, 59, 62—64, 67, 69, 71, 76, 78, 80, 81, 84, 85, 87, 88, 90—92, 98, 103, 112—114, 118, 119, 127, 131—135, 137, 138, 145, 146, 150, 154, 160, 196, 197, 199—203, 212, 234, 249, 269, 291, 292, 297, 322, 323, 336—338, 353, 359, 382, 385, 387—390, 392, 393, 398, 399, 403—405, 407, 408, 412, 414—419, 423, 428, 432, 433, 435, 445, 452, 455, 472, 473, 483, 490, 491, 495, 497, 506, 507, 520, 521, 524
 Каракозов (он же Михайлов-Расловлев) Михаил, отставной поручик, председатель саратовской губернской земской управы — 344
 Каракозов Петр Владимирович, дворянин Сердобского у. Саратовской губ., брат Д. В. Каракозова — 90, 91
 Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — 280, 412, 483
 Карл Великий (742—814), франкский король с 768 г., с 800 г. император — 161, 248, 459
 Карцев (Карцов), двоюродный брат Н. А. Мельгунова — 267, 471
 Катков Михаил Никифорович (1818—1887), журналист и публицист, редактор-издатель «Московских ведомостей» (в 1850—1855, 1863—1877) и «Русского вестника» (1856—1887) — 7, 23, 33, 45, 61—65, 67, 68, 72, 76, 77, 87, 93, 112, 117—119, 122—124, 127, 129, 130, 133—135, 144, 151, 153, 181, 191, 197, 204, 205, 212, 225, 229, 232, 241,

- 243, 246, 252, 258—261, 263, 271, 273, 293, 336, 351, 370, 374, 375, 380, 383—385, 387—390, 394, 395, 398, 403, 406—410, 412—415, 417—421, 424, 440, 446, 448, 454—457, 464—467, 475—478, 484, 491, 519—521, 524
- Каткова Софья Петровна (урожд. княжна Шаликова), жена М. Н. Каткова — 77
- Кауфман Константин Петрович, фон (1818—1882), генерал-лейтенант, с апреля 1865 до октября 1866 г. командующий войсками Виленского военного округа, генерал-губернатор Северо-Западного края; с 1867 г. командующий войсками туркестанского военного округа и туркестанский генерал-губернатор—13, 127, 367, 410, 411, 440, 485
- «Кёльнская газета», см. «Kölnische Zeitung»
- Кельсиев (псевдонимы — Иван Желудков, В. П. Иванов-Желудков) Василий Иванович (1835—1872), деятель революционного движения; в 1859 г. эмигрировал, в Лондоне сблизился с А. И. Герценом, участвовал в редактировании «Общего веча»; в 1863 г. организовал русскую эмигрантскую колонию в Тульче; в 1867 г. вернулся в Россию, заявив о раскаянии — 249, 251, 252, 277, 380, 384, 410, 440, 453, 458, 460, 461, 480, 481, 503
- Кельсиев Иван Иванович (1841—1864), участник студенческих волнений 1861 г. в Москве, член общества «Земля и воля»; в 1862 г. арестован, в 1863 г. бежал из тюрьмы и эмигрировал; участвовал в создании русской эмигрантской колонии в Тульче — 251, 460, 461
- «Киевский телеграф», политическая, ученая и литературная газета, издававшаяся с 1859 до 1876 г. под редакцией А. А. фон Юнка — 210, 211, 432, 435
- Кир, древнеперсидский царь в 558—529 гг. до н. э. — 336
- Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), публицист, философ, литературный критик, один из теоретиков славянофильства — 187, 431
- Киреевский Петр Васильевич (1808—1856), фольклорист, собиратель народных песен, былин и духовных стихов, славянофил, брат И. В. Киреевского — 187
- Кирилл (827—869), христианский просветитель, создатель (вместе с братом Мефодием) одной из первых славянских азбук — 106, 283, 289, 303, 308, 482, 485, 498
- Кисельс Павел Дмитриевич (1788—1872), с 1839 г. граф, генерал-адъютант, с 1819 г. начальник штаба 2 армии, в которой служили многие члены «Союза благоденствия», впоследствии министр государственных имуществ (1837—1856), посол в Париже (1856—1862) — 17
- Киселева Софья Станиславовна, графиня, жена П. Д. Киселева — 18
- Кичин Константин Федорович (род. 1844), студент Московского университета, арестован в мае 1866 г. по делу Д. В. Каракозова, в ноябре 1866 г. выслан в Медынский у. Калужской губ. под негласный надзор полиции — 147, 204
- Клапка Дьёрдь (1820—1892), венгерский генерал; в 1848 г. вступил в национальную армию Л. Кошута; в мае 1849 г. глава военного министерства, после поражения революции эмигрировал, вернулся в Венгрию по амнистии 1867 г. — 294, 493
- Клей (Clay) Кассий Марцелл (1810—1903), американский политический деятель, один из основателей республиканской партии, в 1861—1862 и 1863—1869 гг. посол в Петербурге — 132, 138, 141, 359, 413, 414, 503
- Клейнмихель Владимир Петрович, граф (1839—1882), штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка, адъютант, командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа вел. князя Николая Николаевича — 338
- Клейнмихель Николай Петрович, граф, штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка — 338

- Клопшток (Klopstock) Фридрих Готлиб (1724—1803), нем. поэт — «Мессиада»; Абадонна — 241, 455
- Ключарев Михаил Иванович, опекун по наследству Н. А. Мельгунова в Москве — 278
- Кнорринг, подполковник полевой пешей артиллерии Кавказской армии — 300
- Княжнин Яков Борисович (1742—1791), драматург — «Рослав» — 222, 444; Рослав — 222, 444
- Ковалевский Владимир Онуфриевич (1842—1883), палеонтолог и литератор, участник революционного движения 60-х гг., корреспондент «С.-Петербургских ведомостей» в армии Гарибальди в 1866 г. — 84
- Козак, смотритель тобольской тюрьмы в 1862 г. — 51, 52, 56
- Козьма Прутков, коллективный псевдоним, под которым выступали А. К. Толстой и братья Александр, Алексей и Владимир Жемчужниковы — 261, 467
- Кок Шарль Поль, де (1794—1871), франц. романист и драматург, автор бульварных произведений — 153
- Кокрель (Coquerel) Атанас Лоран Шарль (1795—1868), франц. богослов, противник кальвинизма — 179
- «Колокол» («The Bell»), газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым с июля 1857 до апреля 1865 г. в Лондоне и с мая 1865 до августа 1867 г. в Женеве — 14—16, 28, 34, 35, 39, 41—46, 48, 50, 67, 81, 89, 92, 104, 109, 112, 119, 134, 139, 182, 189, 193, 231, 239—241, 244, 246, 250, 252, 253, 274, 278, 280, 286, 287, 299, 300, 312, 316, 319, 322, 325—327, 330—332, 335, 337, 340, 352, 359—364, 367, 369, 370, 372—382, 384, 386, 387, 390, 391—393, 396—400, 402—407, 410—412, 414—420, 422—424, 426, 427, 432—435, 437, 439—446, 448—455, 457—464, 466, 469, 470, 472, 474, 475, 477, 478, 481, 486—488, 494—497, 500—503, 505—516, 518, 519, 521—523, 525
- Кольрейф Юлий Павлович (род. 1813), студент Московского университета, член Сунгуровского тайного общества; арестован в Москве в 1831 г. и по приговору военного суда определен рядовым в Оренбургский корпус; в 1839—1842 гг. состоял на гражданской службе в Оренбурге — 210, 435
- Колычев Н., костромской корреспондент «Московских ведомостей» — 115, 405, 406
- Колубакин Павел Николаевич, отставной поручик, мировой посредник в Виленской губ. с 1867 г., владелец имения в Новгородской губ. — 154, 421
- Комиссаров (Костромской) Осип Иванович (1838—1892), картузник, по официальной версии спасший Александра II от выстрела Каракозова в 1866 г. — 59—62, 65, 69, 70, 75, 76, 80, 99, 150, 198, 335, 336, 382—384, 388, 420, 440, 441, 518, 519
- Константин Николаевич, брат Александра II, вел. князь (1827—1892), генерал-адмирал, в 1860 г. председатель Главного комитета по крестьянскому делу, в 1862—1863 гг. наместник Царства Польского, с 1865 г. председатель Государственного совета — 63, 68, 77, 85, 117, 130, 133, 135, 247, 383, 386, 395, 396, 406, 407, 409, 412, 435, 459
- «Конституционный», см. «Le Constitutionnel»
- Конт (Comte) Огюст (1798—1857), франц. философ и социолог, основатель позитивизма — 268
- Коптев, жандармский штаб-офицер — 328
- Корещенко Николай Иосифович, владелец русского ресторана в Париже — 283, 484
- Корженевский Николай Степанович, неперменный член Костромского губернского приказа общественного призрения до 1866 г. — 115
- Корнилов Петр Яковлевич (1770—1828), генерал-лейтенант, дивизионный командир 2-й армии — 18
- Корнилов Федор Петрович (1809—1895), стат-секретарь, управляющий делами Комитета министров — 18

- Корнилович, юрисконсульт министерства государственных имуществ — 256
- Корф Модест Андреевич, граф (1800—1872), государственный секретарь, с 1848 г. член, а с 1853 г. председатель негласного комитета для надзора за книгопечатанием, с 1861 г. управляющий II отделением императорской канцелярии — 182
- Корш Валентин Федорович (1828—1883), журналист, редактор «Московских ведомостей» (1856—1862), редактор-арендатор «С.-Петербургских ведомостей» (1863—1874) — 77
- Корш Евгений Федорович (1810—1897), журналист, редактор-издатель журнала «Атеней» (1858—1859) — 77
- Коссидьер Марк (1808—1861), франц. политический деятель в период революции 1848 г.; префект парижской полиции в феврале — мае 1848 г. — 169, 429
- Костомаров Всеволод Дмитриевич (1837—1865), поэт-переводчик, отставной корнет, арестованный в 1861 г. по делу «Великоруса», стал предателем, сфабриковал для III отд. фальшивые документы против Н.Г. Чернышевского — 321, 504, 505
- Котковский В., участник польского восстания 1863 г.; по делу о восстании ссыльных в 1866 г. приговорен к смертной казни; расстрелян в 1867 г. — 222, 445
- Косут (Kossuth) Лайош (1802—1894), вождь венгерской революции 1848—1849 гг.; в 1859 г. в эмиграции создал венгерский легион, вошедший в армию Гарибальди — 157
- Коялович Михаил Иосифович (1828—1891), профессор русской церковной и гражданской истории в Петербургской духовной академии — 212, 437
- Краевский Андрей Александрович (1810—1889), издатель журнала «Отечественные записки» с 1839 г. и газет «С.-Петербургские ведомости» (1852—1862) и «Голос» (1863—1884) — 33, 77, 122, 229, 238, 239, 294, 326, 376, 409, 416, 453, 454, 491, 492, 512
- Краснопевцев Петр Иванович (ум. 1865), штабс-капитан, член комитета русских офицеров в Польше; принял участие в восстании 1863 г.; был арестован, бежал, с 1864 г. в Тульче — 251, 461
- Краснопёров Егор Иванович (1843—1897), арестован в 1863 г. по делу о «казанском заговоре» и приговорен к каторжным работам; в 1867 г. освобожден и отдан под надзор полиции; вновь репрессирован в 1870 г. — 221
- Краснопёров Иван Маркович (род. ок. 1840), вольнослушатель Казанского университета; арестован в 1863 г. по делу о «казанском заговоре», приговорен к каторжным работам, в 1867 г. освобожден — 221
- Кречман Ольга Николаевна, учительница в местечке Куземино Полтавской губ. — 209
- Криштановский Иван Федорович, товарищ председателя подольской губ. палаты уголовного суда — 343
- Крылов Иван Андреевич (1769—1844) — 326, 512, 513
— «Пестрые овцы» — 326, 327, 512, 513
- Крюков Александр Александрович (1794—1867), поручик Кавалергардского полка, член Южного общества; приговорен к каторжным работам; в 1835 г. вышел на поселение, в 1856 г. амнистирован, в 1865 г. выехал за границу и поселился в Брюсселе — 18
- Ксеркс, персидский царь в 486—465 гг. до н. э. — 336
- Кувичинский Кесарь Дмитриевич, тобольский полицмейстер до 1862 г., предан суду в 1865 г. за сочувствие, проявленное к М. Л. Михайлову и В. А. Обручеву — 51, 53, 56
- Куязев Владимир Сергеевич, подпоручик 6-ой батареи 12-й артиллерийской бригады, арестован в 1863 г. и приговорен к каторжным работам за распространение революционных воззваний — 343
- Куза Александр (1820—1873), господарь объединенных княжеств Молдовы и Валахии с 1859 г.; провел ряд буржуазных реформ (освобождение крестьян, расши-

- рение избирательных прав); в 1866 г. свергнут военным заговором, эмигрировал — 63
- Кузнецов Дмитрий Николаевич, председатель подольской губернской палаты уголовного суда с 1866 г. — 343
- Кукольник Василий Григорьевич (1765—1821), профессор русского и римского права Петербургского университета (1818); в 1820—1821 гг. первый директор и преподаватель Нежинской гимназии высших наук — 159
- Курочкин Василий Степанович (1831—1875), поэт, издатель-редактор сатирического журнала «Искра» (1859—1873), один из руководителей «Земли и воли»; в 1866 г. арестован по делу Д. В. Каракозова — 84, 85
- Курочкин Николай Степанович (1830—1884), поэт и публицист, в 1865—1866 гг. сотрудник «Иллюстрированной газеты», впоследствии (с 1868 г.) «Отечественных записок»; в 1866 г. арестован по делу Д. В. Каракозова — 84, 85
- Кутыев Николай Яковлевич (род. 1842), слушатель Петровской земледельческой академии, арестован по делу Д. В. Каракозова; в январе 1867 г. освобожден и выслан в Рязанскую губ. под надзор полиции — 147, 204
- Кушников Сергей Сергеевич (1765—1839), сенатор, член Верховного уголовного суда по делу декабристов — 19
- Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846), поэт и литературный критик, участник восстания 14 декабря 1825 г., приговорен к смертной казни, замененной каторгой и вечным поселением — 19
- Лавирон Габриэль Ипполит (ум. 1849), франц. революционер; погиб при защите Римской республики от французских интервентов — 253
- Лавров Петр Лаврович (1823—1900), полковник, преподаватель Артиллерийской академии, публицист; идеолог народничества, член «Земли и воли» 60-х гг. и «Народной воли»; в 1866 г. арестован по делу Д. В. Каракозова и сослан в Вологодскую губ.; в 1870 г. бежал за границу — 84, 362
- Лаврский Константин Викторович (1844 — ум. после 1913), студент Казанского университета, арестован по делу о «казанском заговоре» в 1863 г. и приговорен к каторжным работам; в мае 1867 г. амнистирован и отдан под надзор полиции — 221
- Лаговский Павел Ефимович, председатель костромской земской управы — 115
- Ладоженский А. Н., помещик Саратовской губ. — 90, 91
- Ланггауз (Лаунгауз) Адольф Францевич (род. 1837), провизор, арестован по делу Д. В. Каракозова, в марте 1867 г. освобожден из крепости и отдан под негласный надзор полиции — 146, 204—206
- Ланской Петр Петрович (1799—1877), генерал-адъютант, председатель следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова с 5 по 7 апреля 1866 г., до назначения М. Н. Муравьева — 61
- Лапкин Федор Петрович (род. ок. 1847), слушатель Петровской земледельческой академии, член общества «Организация», арестован по делу Д. В. Каракозова; сослан на жительство в Томскую губ. — 146, 148, 203, 204
- Лассаль Фердинанд (1825—1864), нем. социалист, один из организаторов и первый президент Всеобщего германского рабочего союза (с 1863 г.) — 186
- Лебединский Петр Васильевич (1835—1912), лекарь, член московского отделения «Земли и воли», арестован в 1863 г., в 1866 г. приговорен к ссылке в Сибирь на поселение — 337, 520
- Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716), нем. философ и математик — 281, 483
- Ленский (псевдоним Воробьева) Дмитрий Тимофеевич (1805—1860), водевиллист и актер — «В людях ангел, не жена, дома, с мужем — сатана» — 301, 497
- Леонтьев Павел Михайлович (1822—1874), публицист, профессор римской словесности и древно-

- стей Московского университета, с 1856 г. ближайший сотрудник М. Н. Каткова по «Русскому вестнику», с 1863 г. вместе с ним арендатор-редактор «Московских ведомостей»—64, 134, 263, 403, 406
- Леопольд II (1835—1909), бельгийский король с 1865 г.— 170, 272, 430, 476
- Леру (Leroux) Пьер (1797—1871), франц. социалист-утопист, депутат Учредительного (1848) и Законодательного (1849) собраний, с 1851 до 1859 г. эмиграции—304, 309
- Лжедмитрий I, или Дмитрий Самозванец (1582—1606), занимал московский престол в 1605—1606 гг.— 130
- Ливий Тит (59 до н. э.— 17 н. э.), римский историк; —«Ab urbe condita libri» («Римская история от основания города»)— 219, 442
- Ливчак Иосиф Николаевич (1839—1914), галицко-русский писатель; с 1863 г. жил в Вене и издавал сатирический журнал «Страхопуд» (1863—1865 и 1868 гг.), впоследствии вернулся в Россию— 276, 478, 479
- Лидерс Александр Николаевич, граф (1790—1874), генерал-адъютант, главнокомандующий Крымской армией в 1855—1856 гг.; исполнял обязанности наместника Царства Польского в 1861—1862 гг.— 254
- Лилиенлекер, эконом Петропавловской крепости в 1826 г.— 19
- Лимейрак (Limaucas) Полен (1817—1868), франц. журналист, с 1861 г. главный редактор газеты «Le Constitutionnel»— 269, 474
- «Листок», русский политический журнал, издававшийся П. В. Долгоруковым с ноября 1862 г. до июля 1864 г. сначала в Брюсселе, а с мая 1863 г. в Лондоне— 17, 42, 418
- Литре (Littré) Эмиль (1801—1881), франц. философ, физиолог и политический деятель; с 1867 г. вместе с Вырубовым издавал в Париже журнал «Revue de la Philosophie positive»— 268, 400
- Лонже (Longet) Франсуа Ашиль (1811—1871), франц. врач и физиолог — 38, 39, 377
- Лосев, виленский жандармский полковник — 103, 399
- Лот (библ.)— 154, 166, 429
- Лохвицкий Александр Владимирович (1830—1884), профессор истории русского права Александровского лицея, впоследствии адвокат — 321
- Лукин, приговорен военным судом в Тобольске в 1866 г. к расстрелу по делу об убийстве трех женщин — 73, 74
- Лукреций, Тит Лукреций Кар (99—55 до н. э.), римский поэт — «О природе вещей»— 336, 520
- Лунин Михаил Сергеевич (1787—1845), подполковник лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, член Союза спасения, затем Союза благоденствия и Северного общества; приговорен к 20 годам каторги, с 1836 г. на поселении — 19, 20
- Лысков, слуга В. В. Ждан-Пушкина — 52
- Людовик IX (1215—1270), франц. король с 1226 г.— 161
- Лютер Мартин (1483—1546) — 127, 154, 161, 368, 411
- Люцидарский Ипполит Доминанович, секретарь подольской губернской палаты уголовного суда с 1865 г.— 343
- Магдалина (библ.)— 254, 462
- Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1855), попечитель Казанского учебного округа с 1819 по 1826 г., член Главного управления училищ (с 1819 г.) — 20, 118, 151—153, 297, 407, 421
- Магомед (Мухаммед) (570—632), религиозный проповедник; считается основателем ислама — 23
- Магомед II Завоеватель (1430—1481), турецкий султан с 1451 г.— 272, 476
- Маевский Павел Петрович (1839—1905), участник студенческих волнений 1861 г. в Москве, в 1866 г. арестован по делу Д. В. Каракозова и сослан в Енисейскую губ.— 146, 205, 206
- Мазад (Mazade) Шарль де (1821—1893), франц. публицист и литературный критик, сотрудник журнала «Revue des Deux Mondes»— 48, 49, 379, 380 — «La Russie sous l'empereur Alexandre II» — 48, 49, 379

- «La Russie sous le tsar Alexandre II. La société et le gouvernement russe depuis l'insurrection polonaise»— 48, 379, 380
- Майборода Аркадий Иванович (ум. 1844), капитан Вятского пехотного полка; член Южного общества с 1824 г., предатель, выдавший П. И. Пестеля — 17, 18
- Майоров Архип, солдат, расстрелянный в Оренбурге за неповиновение командиру — 222
- Макеев, политический ссыльный, приговорен к вечной каторге; в 1862 г. находился в Тобольске вместе с М. Л. Михайловым и В. А. Обручевым — 50—55
- Максимилиан Фердинанд Иосиф (1832—1867), эрцгерцог австрийский и император Мексики (с 1863 г.) — 170, 272, 476
- Маликов Александр Капитонович (1839—1904), бывший следователь Жиздринского у. Калужской губ.; в 1866 г. привлечался к суду по делу Д. В. Каракозова и признан невиновным, но выслан в Архангельскую губ. за то, что знал и не донес о планах освобождения Н. Г. Чернышевского — 147, 206
- Малинин Орест Васильевич (1842—1911), член общества «Организация»; арестован в Саратове в мае 1866 г. по делу Д. В. Каракозова; выслан на поселение в Енисейскую губ. — 146, 203, 204
- Мапа — см. Гано
- Марины, русский дворянский род; Сергей Никифорович Марин (1775—1813), участвовал в убийстве Павла I, впоследствии флигель-адъютант Александра I — 344
- Мария Александровна (1824—1880), императрица, жена Александра II — 85, 282, 283, 460, 479, 483, 484
- Мария Египетская, подвижница, жившая, по христианской легенде, в VI в. — 161
- Мария Стюарт (Mary Stuart) (1542—1587), шотландская королева с 1542 г., фактически правила в 1560—1567 гг. — 161
- Мария Федоровна, до замужества Мария София Фридерика Дагмара (1847—1928), жена цесаревича Александра Александровича, впоследствии императрица; дочь датского короля Христиана IX — 161, 214, 424, 438
- Маркс Максимилиан Осипович (1816—1893), учитель гимназии; в 1864 г. был заключен в Петропавловскую крепость за связи с ссыльными поляками; в 1866 г. арестован по делу Д. В. Каракозова и сослан на поселение в Енисейскую губ.; в 1880 г. освобожден — 144, 146, 204, 206, 419
- Мартен (Martin) Луи Генри (1810—1883), франц. историк и общественный деятель — 90, 394
- Мартынов Петр Алексеевич (1835—1866), крепостной крестьянин, затем хлеботорговец; в 1861 г. выехал за границу и сблизился в Лондоне с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым; при возвращении в Россию в апреле 1863 г. арестован и приговорен Сенатом к 5 годам каторги — 60, 113, 237, 382, 383, 404
- Мартынов Иван Михайлович (ум. 1894), эмигрант, член ордена пезуитов — 12, 367, 438
- Маццини Джузеппе (1805—1872) — 15, 40, 63, 157, 179, 197, 251, 373, 431, 447
- Мельгунов Николай Александрович (1804—1867), писатель и публицист либерального направления — 266, 267, 278, 279, 470, 471
- Мельхиседек (библ.) — 161
- Меншиков (Менщиков), военный медик — 62, 383
- Меншиков (Менщиков), Александр Сергеевич, светлейший князь (1787—1869), генерал-адъютант, управляющий морским министерством с 1827 г., главнокомандующий русской армией в Крыму в 1854—1855 гг. — 94, 235, 265, 359, 396, 452, 469
- Мерославский (Mieroslawski) Людвик (1814—1878), участник польского восстания 1830—1831 гг. и революции 1848—1849 гг. в Италии и Германии; представитель шляхетско-националистического крыла польской эмиграции; провозглашенный диктатором в феврале 1863 г., возглавил один из повстанческих отрядов, но

- был разбит и вновь эмигрировал — 22
- Меттерних Клеменс Венцель Лотарь, князь (1773—1859), австрийский министр иностранных дел и фактический руководитель правительства до 1848 г.; один из организаторов Священного Союза — 112, 294
- Мефодий (ок. 815—885), славянский просветитель, проповедник христианства в Моравии и Паннонии, старший брат Кирилла — 106, 283, 289, 482, 485
- Мечников Лев Ильич (1838—1888), географ, социолог и публицист; в 1860 г. участвовал в походе Гарибальди; сотрудничал в «Колоколе» — 324, 370, 371, 397, 400, 508, 513
- «Прудонова „новая теория собственности“» — 99, 371, 397
- Микеланджело Буонарроти (1475—1564) — 41, 138, 416
- «Giudizio» («Страшный суд») — 138, 416
- Милль Джон Стюарт (1806—1873), англ. философ и экономист — 193, 431
- «Основания политической экономии» — 193, 431
- Милютин Николай Алексеевич (1818—1872), государственный деятель, товарищ министра внутренних дел с 1859 по 1861 г.; статс-секретарь по делам Царства Польского в 1864—1866 гг.; автор Положения 19 февраля 1864 г. о крестьянской реформе в Польше — 31, 99, 397
- Мирабо (Mirabeau) Оноре Габриель, граф (1749—1791) — 178, 430
- Мирославский, см. Мерославский
- Митрофан, см. Д. И. Фонвизин
- «Недоросль»
- Миттерман Рудольф Рудольфович (род. ок. 1845), студент Казанского университета; в 1863 г. арестован по делу о «казанском заговоре», приговорен к каторге, в 1867 г. освобожден и отдан под надзор полиции — 221
- Михаил Николаевич, вел. князь (1832—1909), генерал-фельдцейхмейстер, наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией с 1863 по 1881 г., сын Николая I — 23, 344, 370, 390, 396, 497, 524
- Михаил Федорович Романов (1596—1645), царь с 1613 г. — 256
- Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865), поэт и публицист; арестован в 1861 г. и сослан на каторгу за распространение написанной им вместе с Н. В. Шелгуновым прокламации «К молодому поколению» — 24, 50—55, 59, 60, 194, 237, 352, 359, 370, 371, 372, 380, 387, 404
- «К молодому поколению» — 54
- Михаловский Генрик, польский эмигрант, служивший в книжной лавке Трюбнера в Лондоне; в 1857 г. разоблачен как агент русского правительства — 35, 377
- Мокар (Mocquard) Жан Франсуа Констан (1791—1864), правитель канцелярии и личный секретарь Наполеона III — 280, 483
- Мошотт Якоб (1822—1893), нем. физиолог, вульгарный материалист — 131, 412, 413, 472
- Молчанов Дмитрий Васильевич, (ум. 1857), иркутский чиновник, зять декабриста С. Г. Волконского — 20
- Мольер, псевдоним Жана Батиста Поклена (1622—1673);
- «Мещанин во дворянстве» — 194
- Мордвинов Николай Семенович, граф (1754—1845), адмирал, сенатор; с 1823 по 1840 г. председатель Вольного экономического общества, в 1826 г. член Верховного суда по делу декабристов — 19
- Мордовин Павел, штурманский кондуктор клипера «Алмаз», корреспондент «Колокола» — 44, 378
- «Москва», ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, издававшаяся в 1867—1868 гг.; издатель-редактор И. С. Аксаков — 212, 224—228, 238—240, 244, 246, 255, 256, 259, 300, 433, 435—438, 445—448, 453, 454, 457—463, 465, 466, 496, 510, 523
- «Московские ведомости» («Ведомости»), газета, выходившая в 1756—1917 гг. (с 1859 г. — ежедневная); в 1863—1887 гг. редактор-арендатор М. Н. Катков (до 1874 г. совместно с П. М. Леонтьевым) — 14, 15, 25, 27, 28, 59, 62—64, 72, 75, 77, 79, 85,

- 93, 100, 115, 117—120, 123, 127, 130, 133—135, 141, 144, 151, 153, 157, 158, 160, 223, 225, 237, 241, 246, 251, 254, 258, 260, 263, 273, 276, 277, 293, 315, 323, 332, 354, 364, 366, 368, 370, 372—375, 379, 380, 382—386, 388—390, 395, 396, 398, 403, 405—414, 416—419, 421, 423, 424, 434, 436, 440, 443, 445, 448, 452, 453, 455—457, 460, 461, 463—465, 467, 468, 476, 478—480, 488, 491, 492, 503, 507, 519, 521
- Мосолов Юрий Михайлович** (1839—1889), участник студенческих волнений 1858 г. в Москве, организатор студенческого тайного общества «Библиотека казанских студентов» (1859), член московского отделения «Земли и воли»; арестован в 1863 г., в 1866 г. приговорен к ссылке в Сибирь—337, 520
- Мотков Осип Антонович** (1846—1867), вольноотпущенный дворовый, член общества «Организация», в 1866 г. арестован по делу Д. В. Каракозова и приговорен к каторге; в марте 1867 г. бежал с дороги, но был пойман, умер от чахотки в тюремной больнице — 145, 147, 201—204
- Моцарт (Mozart) Вольфганг Амадей** (1756—1791) — 267, 471
— «Титово милосердие» — 267, 471
- Муравьев («Вешатель») Михаил Николаевич, граф** (1796—1866), генерал-адъютант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., с 1857 до 1862 г. министр государственных имуществ, член Главного комитета по крестьянскому делу, в 1863—1865 гг. генерал-губернатор Северо-Западного края, усмиритель польского восстания 1863 г., с апреля 1866 г. председатель Верховной следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова—24, 61, 63, 67, 72, 75—77, 80, 84—87, 89, 98, 101—103, 107, 112, 114—116, 119, 127, 129, 130, 132, 134, 137, 138, 142—144, 151, 153, 160, 181, 197, 212, 217, 232, 235, 241, 246, 249, 254, 259, 271, 297, 298, 326, 336, 337, 344, 359, 371, 383, 385—388, 390, 392, 398, 399, 403, 405—407, 415—421, 423, 424, 449, 452, 460, 464, 469, 473, 477, 491, 519, 521, 524
- Муравьев Никита Михайлович** (1796—1843), капитан гвардии; участвовал в создании Союза спасения (1816), один из руководителей Северного общества (с 1821); приговорен к смертной казни, замененной каторгой—20
- Муравьев-Апостол Матвей Иванович** (1793—1886), подполковник в отставке, член Союзов спасения, благоденствия и Южного общества, приговорен к каторжным работам — 19
- Муравьев-Апостол Сергей Иванович** (1796—1826), подполковник, член Союзов спасения и благоденствия, глава Васильковской управы Южного общества, руководитель восстания Черниговского пехотного полка; повешен 13 июля 1826 г.— 19
- Муравьевы, русский дворянский род**, один из представителей которого, **Муравьев Михаил Никитич** (1757—1807), участвовал в заговоре против Павла I в 1801 г.—344
- Мусатовский Павел Акимович** (род. ок. 1836), кандидат Московского университета, учредитель школы в Москве, привлекался к следствию по делу Д. В. Каракозова, был уволен со службы и взят под надзор полиции — 200, 204
- Набоков Иван Александрович** (1787—1852), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, комендант Петропавловской крепости, член следственной комиссии по делу М. В. Петрашевского — 119, 407
- Назимов Владимир Иванович** (1802—1874), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1855 г. виленский военный губернатор и гродненский, минский и ковенский генерал-губернатор, с 1863 г. в отставке — 119, 407
- Наполеон I Бонапарт** (1769—1821), франц. император в 1804—1814 гг. и в 1815 г.— 88, 117, 302, 307, 386, 398, 484, 498
- Наполеон III (Луи Бонапарт, Луи Наполеон)** (1808—1873), ■

- 1848—1852 гг. президент франц. республики, император в 1852—1870 гг.— 28, 167, 168, 170, 174, 175, 225, 281, 285, 323, 365, 374, 385, 410, 429, 430, 459, 475, 476, 482—484, 486, 491, 497
- Наполеон Жозеф Шарль Поль (1822—1891), принц, сын Жерома Бонапарта, брата Наполеона I — 276
- «Народная летопись», политическая, экономическая и литературная газета, выходившая два раза в неделю в 1865 г.; издатель-редактор Н. Д. Ахшарумов — 31, 32, 359, 374, 375
- Неведомский, солдат, осужденный в 1866 г. на каторгу за оскорбление царя — 141, 359, 416, 417
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) — 31—33, 75, 80, 89, 118, 359, 369, 376, 388, 389, 391, 392, 394, 407
- <ода М. Н. Муравьеву> — 75, 89, 389
- «Осипу Ивановичу Комиссарову» — 75, 389
- Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37—68), римский император с 54 г. — 101
- Неугодииков Иван, рядовой казказской рабочей бригады, расстрелянный за неповиновение командиру — 344
- «Нижегородские губернские ведомости», еженедельная газета, издававшаяся с 1838 до 1916 г. — 207, 433
- Никифоров Федор Афанасьевич (род. ок. 1842), юхновский мещанин; работая в Москве приказчиком, сблизился с некоторыми членами ишутинского кружка, арестован по делу Д. В. Каракозова, в сентябре 1866 г. освобожден; за помощь осужденным ишутинцам в октябре 1866 г. выслан в Костромскую губ. — 147, 206
- Николаев Петр Федорович (1845—1910), кандидат прав Московского университета, осужденный в 1866 г. по делу Д. В. Каракозова на каторжные работы; отбывал срок на Александровском заводе вместе с Чернышевским, затем вышел на поселение; впоследствии публицист и переводчик — 145, 147, 201, 202, 205, 206
- Николай I (1796—1855), император — 19, 20, 46, 57, 70, 94, 98, 118, 127, 167, 182, 187, 188, 192, 198, 199, 210, 228, 236, 241, 245, 265, 271, 272, 283, 284, 320, 322, 338, 355, 381, 429, 446—448, 475, 485, 486, 503—506, 521
- Николай Александрович, вел. князь (1843—1865), наследник-цесаревич, старший сын Александра II — 82, 424, 437, 470
- Николай Николаевич старший («Птицелов»), вел. князь (1831—1891), генерал-адъютант, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа; генерал-инспектор инженерной части и кавалерии — 237, 294, 452, 491, 492
- Никольский Александр Маркелович (род. ок. 1840), студент Петербургского университета; был под следствием по делу об укрытельстве Т. Олтаржевского (см.), в октябре 1866 г. выслан под надзор полиции в Архангельскую губ. за участие в планах освобождения Н. А. Серно-Соловьевича — 147, 206
- Ной (библ.) — 154
- Ноздрев, см. Н. В. Гоголь, «Мертвые души»
- «Норд», см. «Le Nord»
- Обер (Auber) Даниэль Франсуа Эспри (1782—1871), франц. композитор — «Немая из Портичи» («Muette de Portici»); Фенелла — 259, 464, 465
- Обновленский, приговорен к смертной казни и расстрелян в Рязани в 1867 г. — 222, 445
- Оболенский Евгений Петрович, князь (1796—1865), поручик лейб-гвардии Финляндского полка, с 1824 г. один из руководителей Северного общества, участник восстания 14 декабря 1825 г.; приговорен к смертной казни, замененной каторгой — 19—20
- «Воспоминания князя Оболенского о Рылееве и Якушкине» («Записки») — 19
- Оболенский Леонид Егорович (1845—1906), секретарь козельской

- уездной земской управы; в 1866 г. привлекался к следствию по делу Д. В. Каракозова и был выслан под надзор полиции в Костромскую губ.; впоследствии журналист — 147, 206
- Обручев Владимир Александрович (1836—1912), поручик в отставке, публицист, с 1859 до 1861 г. сотрудник «Современника»; в 1861 г. арестован за распространение прокламации «Великорус» и приговорен к каторжным работам — 15, 50—54, 369, 435
- Обухов, помещик Оренбургской губ. — 339
- «Общее вече», прибавление к «Колоколу», издававшееся нерегулярно в 1862—1864 гг. — 193, 431
- Овидий (Публий Овидий Назон) (43 до н. э. — 17 н. э.), римский поэт — 351
- Огарев Николай Александрович (1811—1867), генерал-адъютант, нижегородский временный генерал-губернатор в 1866 г. — 207, 327, 328, 432, 433, 480
- Огарев Николай Платонович (1813—1877) — 37, 43, 162—165, 319, 324, 330, 331, 349, 350, 360, 362—364, 367, 370—373, 375—377, 380, 381, 384, 385, 387, 388, 391, 396, 398—400, 405, 408—411, 418, 419, 422, 425—429, 431, 433, 436, 440—445, 448—455, 457, 458, 461, 464, 467, 470, 472, 473, 476, 477, 480, 481, 486—488, 491—501, 503—505, 509—512, 514—518, 522, 523
- «Письма к иноку» — 193, 431
- «Продажа имений в Западном крае» — 164, 165, 427
- Огрызко (Ohrzyzko) Иосафат Петрович (1826—1890), польский общественный деятель, журналист; издавал в 1859 г. в Петербурге газету «Słowo», в 1863 г. по поручению Варшавского революционного комитета установил связь с подпольными кружками Петербурга; в 1865 г. был арестован и приговорен к смертной казни, замененной каторгой — 64, 72, 384, 387, 388
- Одищов Александр Алексеевич (1814—1886), генерал-лейтенант, нижегородский военный и гражданский губернатор с 1861 по 1873 г. — 328
- Одоевский Александр Иванович (1802—1839), поэт, участник восстания 14 декабря 1825 г.; приговорен к каторжным работам, в 1837 г. переведен рядовым на Кавказ — 19
- Окунев Григорий Николаевич, секретарь русского посольства в Париже с 1863 г. — 214
- Олоферн, легендарный полководец вавилонского царя Навуходоносора — 291, 490
- Олтаржевский Тит (род. 1842), рядовой 72 пехотного Тульского полка; в 1864 г. дезертировал; в 1866 г. привлекался к следствию по делу Д. В. Каракозова, в 1868 г. сослан в арестантские роты на 4 года, в 1879 г. выслан в Самарскую губ. — 206
- Ольдерогге (Ольдерог) Василий Васильевич, акцизный надзиратель 1-го округа Владимирского губернского питейно-акцизного управления с 1865 г. — 149
- Омер-паша (1806—1871), турецкий полководец, командующий турецкой армией на Дунае во время войны с Россией в 1853—1856 гг., в 1867 г. руководил подавлением восстания на о. Крите — 294, 491
- Онучин, см. Анучин Е. Н.
- Орлай де Корва Иван Семенович (1771—1829), лейб-хирург, директор Нежинского, затем одесского Ришельевского лицея — 159
- Орлов Николай Гаврилович (род. ок. 1843), вольнослушатель Казанского университета; в 1863 г. арестован по делу о «казанском заговоре», приговорен к каторжным работам, в 1867 г. освобожден и отдан под надзор полиции — 221
- Орловы, русский графский род, возвысившийся при Екатерине II; братья Григорий, Алексей и Федор Орловы возглавили дворцовый переворот 1762 г. и организовали убийство Петра III — 61, 344
- Орлов-Давыдов Владимир Петрович, граф (1809—1882), с 1862 г. петербургский губернский предводитель дворянства, почетный член Академии наук, доктор прав

- Эдинбургского университета—11, 61, 87, 344, 366, 383, 393, 413, 442
- Орлова-Денисова, графиня, помещица Петербургского у. Петербургской губ.— 66, 384
- Орсини Феличе, граф (1819—1858), итал. революционер, участник борьбы за национальное освобождение и объединение Италии; казнен за покушение на Наполеона III — 169, 429
- Орфей (миф.) — 79
- Остап, см. Н. В. Гоголь, «Тарас Бульба»
- Островский Александр Николаевич (1823—1886) — 181
- «Отголоски русской печати» («L'Echo de la presse russe», «Echo der russischen Presse»), газета, выходившая в Брюсселе в 1861—1867 гг. на русском, французском и немецком языках; издатель Д. К. Шедо-Ферротти — 80, 199, 315, 391, 392, 501
- «Отечественные записки», ежемесячный литературно-политический журнал, издавался в Петербурге с 1818 по 1884 г.; с 1839 по 1867 г. редактор-издатель А. А. Краевский, с 1868 г. фактические редакторы Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин — 122, 409, 457, 498
- Оффенбах Жак (1819—1880), франц. композитор — 296
- «La duchesse de Gerolstein» («Дюшесса Герольдштатская»; «Герцогиня Герольдштейнская») — 282, 484
- «Фрицхен и Лизхен» — 296, 494
- Павел (библ.; до обращения в христианство — Савл) — 181
- Павел I (1754—1801), император — 19, 130, 294, 344, 398, 493, 523
- Павлов Николай Филиппович (1805—1864), писатель и журналист, редактор газет «Наше время» (1860—1863) и «Русские ведомости» (с 1863 г.) — 266, 471
- Павлова Каролина Карловна (1810—1893), поэтесса и переводчица, жена Н. Ф. Павлова — 267, 471
- Павлович Зой — 19
- Падлевский Зыгмунт (1835—1863), польский революционер, с 1862 г. член Центрального национально-го комитета, участник перегово-
- ров с А. И. Герценом в Лондоне и с руководством «Земли и воли» в Петербурге, один из руководителей восстания 1863 г.; взят в плен и казнен — 253.
- Палацкий (Palasky) Франтишек (1798—1876), чешский историк и политический деятель — 272, 288, 476, 489
- Пален, графский род, один из представителей которого, Петр Алексеевич Пален (1745—1826) участвовал в убийстве Павла I — 344
- Панаев Валериан Александрович (1824—1899), инженер путей сообщения, публицист, автор проекта освобождения крестьян, напечатанного в «Голосах из России» в 1858 г. — 9, 366
- Панин Виктор Никитич (1801—1874), министр юстиции в 1841—1862 гг., член Главного комитета по крестьянскому делу, с 1860 г. председатель Редакционных комиссий, с 1864 г. главноуправляющий II отделением императорской канцелярии — 110, 402
- Панины, русский графский род; Никита Петрович Панин (1770—1836) участвовал в заговоре против Павла I в 1801 г. — 344
- Панов Николай Алексеевич (1803—1850), поручик лейб-гвардии Гренадерского полка, член Северного общества, участник восстания 14 декабря 1825 г.; приговорен к каторжным работам — 19
- «Парус», еженедельная газета, издававшаяся И. С. Аксаковым в 1859 г. в Москве — 212, 435, 436
- Паскевич-Эриванский Иван Федорович, князь (1782—1856), генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией, подавившей польское восстание 1830—1831 гг., наместник Царства Польского с 1831 г., в 1849 г. командовал русскими войсками, подавившими венгерскую революцию — 228, 283, 447, 448, 485
- Паскевич-Эриванский Федор Иванович, князь (род. 1823), генерал-лейтенант, сын генерал-фельдмаршала — 61
- Перейр (Перейра, Régeire) Эмиль (1800—1875), франц. банкир — 28, 374

- Перовский Василий Алексеевич, граф (1794—1857), генерал-адъютант, оренбургский военный генерал-губернатор и командир Отдельного оренбургского корпуса в 1833—1842 и 1851—1856 гг.— 210, 435, 516
- Перро (Perrault) Шарль (1628—1703), франц. писатель и теоретик литературы
— «Красная шапочка»— 216, 441
— «Синяя борода»— 216, 337, 441.
- Перцель (Perczel) Мориц (1811—1899), венгерский генерал, участник революции 1848—1849 гг., после поражения революции эмигрировал в Турцию, в 1851 г.— в Англию, вернулся в Венгрию по амнистии в 1867 г.— 294, 493
- Пестель Павел Иванович (1793—1826) — 16—19
— «Русская правда»— 17, 18
- Петерс Амплий Карлович, генерал-майор свиты, командир лейб-гвардии первой артиллерийской бригады — 214
- Петерсон Николай Павлович (1844—1919), учитель яснополянской школы с 1862 г.; в 1866 г. привлечен к следствию по делу Д. В. Каракозова и приговорен к 6-месячному заключению в крепости — 147, 206
- Петр (библ.) — 179
- Петр I (1672—1725), император — 47, 63, 118, 130, 168, 187, 192, 226, 235, 236, 330, 382, 407, 410, 514, 515
- Петр III (1728—1762), император— 61, 130, 344, 382, 523, 524
- Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821—1866), социалист-утопист; арестованный в 1849 г., был приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой — 87, 99, 193, 230, 359, 363, 397, 407, 448, 449
- Петров А. П., московский присяжный поверенный — 256
- Петровский, ковенский городской голова с 1866 г.— 13
- Пигот Эдуард, сотрудник «Daily News»— 40
- Пий IX (1792—1878), римский папа с 1846 г.— 170, 175, 227, 255, 283, 429, 430, 462, 485
- Пилат Понтий (библ.) — 180, 239, 431, 454
- Пиленкова, директриса тобольского тюремного комитета, купчиха — 51
- Писарев, товарищ прокурора, выступал обвинителем в московском окружном суде — 339, 340
- «Письма к иноку»— цикл статей Н. П. Огарева (см.)
- Пифагор (ок. 580—500 до н. э.), греческий математик, философ и политический деятель — 188
- Плиний Младший (ок. 62 — ок. 114), римский писатель и политический деятель; в качестве пропретора Вифинии (ок. 111—113 гг.) участвовал в преследовании христиан — 101
- Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк и журналист, профессор всеобщей, затем русской истории Московского университета в 1826—1844 гг., издатель журнала «Москвитянин» (1841—1856) и газеты «Русский» (1867—1868) — 141, 157, 159, 243, 264, 272, 273, 283, 417, 423, 438, 453, 457, 459, 465, 468, 475, 476, 478, 485
— «К галицким братьям»— 157, 237, 423, 453
- Подхалозин Митрофан, казак 4 донского полка, участник польского восстания 1863 г.; скрывался в Австрии под чужим именем, в 1865 г. выдан русскому правительству; в декабре 1866 г. расстрелян в Варшаве — 222, 444
- Пожарский Дмитрий Михайлович, князь (1578 — ок. 1641), возглавил вместе с Мининым народное ополчение против польско-шведской интервенции в 1611—1612 гг. — 160, 254, 423, 424
- Поза, маркиз, см. Ф. Шиллер, «Дон Карлос, инфант испанский»
- Полиновский Владимир Михайлович (род. ок. 1839), студент Казанского университета; в 1863 г. арестован по делу о «казанском заговоре» и приговорен к каторжным работам, в 1867 г. освобожден и отдан под надзор полиции — 221
- «Поллицейский листок таганрогского градоначальства», ежене-

- дельная газета, издававшаяся с марта 1862 по 1870 г., в 1862—1867 гг. редактировалась Я. Флоренсовым — 150, 420
- «Положительная философия», см. «Revue de la Philosophie positive»
- Полторацкие, русский дворянский род; Константин Маркович Полторацкий (1782—1858) участвовал в убийстве Павла I — 344
- Полумордвинов Аполлон Петрович (род. 1843), слушатель Петровской земледельческой академии с 1866 г.; арестован по делу Каракозова; в январе 1867 г. освобожден и взят под негласный надзор полиции; с 1867 г. член подпольного общества «Сморгонская академия» — 147, 204
- «Полярная звезда», литературные и общественно-политические сборники, издававшиеся А. И. Герценом (с 1856 г.— совместно с Н. П. Огаревым) ежегодно в Лондоне в 1855—1859, 1861—1862 гг. (в 1862 г. вышло 2 вып.) и в Женеве в 1869 г.— 44, 67, 189, 246, 393, 395, 407, 485, 511
- Пономарев Семен, рядовой Тульского пехотного полка; казнен 26 апреля 1866 г. по приговору военного суда в Тамбове — 111
- Поплавский, казнен по обвинению в убийстве в июне 1866 г. в Харькове — 121
- Портнягин, крестьянин, расстрелянный в Омске по подозрению в убийстве и грабеже — 222
- Потапов Александр Львович (1818—1886), генерал-адъютант, петербургский, затем московский (1860—1861) обер-полицмейстер; в 1861—1864 гг. начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением — 35, 43
- Потемкин Григорий Александрович, князь Таврический (1739—1791), генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II — 8
- Потоцкая Сесилия Антоновна, фрейлина императрицы Марии Александровны — 85
- Прозерпина (миф.) — 102, 398, 420
- Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865) — 23, 28, 29, 98, 99, 176, 248, 370, 371, 397, 430 — «Что такое собственность?» — 23, 370
- Пудин Архип, крестьянин, приговоренный военно-полевым судом в Москве к расстрелу в ноябре 1865 г.— 13, 367
- «Пунш», см. «Punch»
- Пулятин Евфимий Васильевич, граф (1803—1883), адмирал; с июня по декабрь 1861 г. министр народного просвещения — 127
- Пулятины, русский княжеский род; Н. А. Пулятин участвовал в убийстве Павла I — 344
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 302, 365, 366, 377, 407, 431, 485, 498 — «Вакхическая песня» — 272 — «Вольность» — 119, 407 — «Демон» — 36, 377 — «Евгений Онегин» — 7, 11, 302, 307, 365, 366, 498 — «Жил на свете рыцарь бедный» — 284, 485 — «Стихи, сочиненные во время бессонницы» — 182, 431
- Пушин Иван Иванович (1789—1859), декабрист, друг А. С. Пушкина, автор «Записок» — 19
- Пушин Александр Николаевич (1838—1904), историк литературы и журналист, сотрудник «Современника» с 1863 г., в 1865—1866 г. ответственный редактор его (вместе с Н. А. Некрасовым), с 1866 г. сотрудник «Вестника Европы» — 154, 421
- Радзивилл, князь — 305, 306, 310, 311
- Раевская, жена Н. Н. Раевского — 20
- Раевский Николай Николаевич (1771—1829), генерал-от-кавалерии, герой Отечественной войны 1812 г., отец М. Н. Волконской, жены декабриста С. Г. Волконского — 18, 20
- Рамазанов Николай Александрович (1815—1867), скульптор — 271, 476
- Ратч Василий Федорович (ум. 1870), генерал-майор, публицист — «Польская эмиграция до и во время последнего мятежа» — 179, 180, 431
- Редькин Алексей, учитель народной школы, открытой в 1866 г. в местечке Куземино Полтавской губ., бывший студент Петербургского университета — 209

- Редькин, помещик Зеньковского у. Полтавской губ., в доме которого в 1866 г. была открыта народная школа — 209
- Резцов, расстрелян в Астрахани в ноябре 1866 г. — 150
- Рейнер Я., поляк, сосланный в Сибирь; по делу о восстании сыльных поляков в 1866 г. приговорен военно-полевым судом к смертной казни, расстрелян в 1867 г. — 222, 445
- Рейтерн Михаил Христофорович (1820—1890), статс-секретарь, с 1860 г. член Редакционных комиссий, министр финансов с 1862 по 1878 г. — 33, 94, 371
- Рембо Ф., шталмейстер Наполеона III — 280, 482, 483
- Ренин Николай Васильевич, князь (1734—1801), генерал-фельдмаршал — 17
- Реутский, адвокат, кандидат Киевского университета, выступал защитником в военном суде в Тобольске в 1866 г. — 73
- Ржонсницкий, польский эмигрант в Женеве — 22
- Ридигер, графиня — 85
- Ригер (Rieger) Франтишек Ладислав (1818—1903), чешский политический деятель и публицист, ближайший соратник Ф. Паллацкого, руководитель партии старочехов — 272, 273, 288, 476, 478, 489
- Рихтер Оттон Бургардович (Борисович) (род. 1830), генерал-майор свиты, с 1866 г. управляющий делами императорской главной квартиры, начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа — 214, 439
- Рихтер К. А., московский присяжный поверенный — 256
- Риччарди (Риччиарди, Ricciardi) Джузеппе, граф (1808—1882), итал. писатель и политический деятель — 252
- Романовы, династия русских царей, занимавшая престол с 1613 по 1917 г. — 124, 161, 409, 477
- Ромье (Romieu) Огюст (1800—1855), франц. публицист, выступивший накануне президентских выборов 1852 г. с цезаристскими памфлетами — 171, 374
- «Красный призрак» («Le Spectre Rouge») — 28, 374
- Ротшильд Джеймс, барон (1792—1868), парижский банкир — 266, 267, 278, 279, 471
- Ротшильд Лионель, барон (1808—1879), лондонский банкир — 36
- Рудзевич Николай Александрович, генерал-лейтенант, костромской губернатор с 1861 по 1866 г. — 115
- Руже де Лиль (Rouget de Lisle) Клод Жозеф (1760—1836), франц. поэт и композитор; — «Марсельеза» — 119, 407
- Рунч Дмитрий Павлович (1780—1860), член Главного управления училищ с 1819 г., почетный Петербургского учебного округа с 1821 г., в 1826 г. отстранен от должности — 151
- «Русские ведомости», газета, издававшаяся в Москве с 1863 г., с 1866 г. редактор-издатель Н. С. Скворцов — 32, 367, 519
- «Русский», политическая и литературная газета, издававшаяся в 1867—1868 гг. в Москве; издатель-редактор М. П. Погодин — 243, 356, 457
- «Русский архив», ежемесячный историко-литературный сборник, издававшийся с 1863 г. в Москве; издатель П. И. Бартенев — 326, 389, 513
- «Русский вестник», литературно-политический журнал, издававшийся в 1856—1906 гг. в Москве; до 1887 г. редактор-издатель М. Н. Катков — 258, 401, 456, 464, 466, 480
- «Русский инвалид» («Инвалид»), военная, литературная и политическая газета, издававшаяся в Петербурге в 1813—1916 гг. (с 1816 г. стала ежедневной); в 1864—1868 гг. редактировала С. П. Зыковым — 319, 336, 370, 384, 389, 416, 437, 439, 445, 448, 460—462, 490, 502, 519
- «Русское слово», ежемесячный литературно-ученый журнал, издававшийся в Петербурге в 1859—1866 гг., с 1860 г. редактором стал Г. Е. Благовестлов (издатель с 1863 г.), в число сотрудников входили Д. И. Писарев,

- В. А. Зайцев, Н. В. Шелгунов — 110, 152, 376, 393, 402, 413, 421, 483
- Руссо (Rousseau) Жан Жак (1712—1778) — 184
- Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — 19
- Рябушкин Иван, рядовой Тульского пехотного полка; казнен 26 апреля 1866 г. по приговору военно-полевого суда в Тамбове — 111
- Рябушкин Меркул, государственный крестьянин; казнен 26 апреля 1866 г. по приговору военно-полевого суда в Тамбове — 111
- Савл — см. Павел
- Садофьев Антон Ефимович (род. ок. 1786), купец, житель с. Ловец Рязанской губ. — 335, 336, 519
- Садофьев Михаил Антонович (род. ок. 1836), рядовой лейб-гвардии гусарского полка — 335, 336, 519
- Садофьев Павел Антонович (род. ок. 1832), рядовой лейб-гвардии гусарского полка — 335, 336, 519
- Садык-паша, см. Чайковский М. С.
- Сазиков Павел Игнатьевич (1796—1868), скульптор-серебряник, фабрикант, член Московского мануфактурного совета — 100, 398
- Салтыков Николай Иванович, князь, камер-юнкер, член Петербургского уездного дворянского собрания — 341
- Салтыкова (Салтычиха) Дарья Николаевна (1730—1801), помещица; за истязания крестьян была приговорена в 1768 г. к смертной казни, замененной пожизненным заключением — 241, 455
- Сала, см. Делиль де Саль
- Сальков Петр Александрович, председатель Костромской губернской палаты уголовного суда до 1869 г. — 115, 406
- Самарин Юрий Федорович (1819—1876), публицист и общественный деятель славянофильского лагеря — 12, 57, 213, 367, 381, 397, 431, 438, 446, 458
- «Иезуиты и их отношение к России» — 12, 213, 367, 438
- «Санкт-Петербургские ведомости», официальная газета, издававшаяся в 1728—1917 гг., с 1862 до 1874 г. редактор-арендатор В. Ф. Корш — 67, 152, 277, 320, 338, 366, 367, 371, 379, 380, 383, 384, 386, 390, 394, 412, 421, 440, 441, 464, 477, 480, 497, 521
- «Санкт-Петербургские сенатские ведомости», официальная газета, издававшаяся с 1809; выходила два раза в неделю — 33, 419, 523
- Сатурн (миф.) — 149, 420
- Свистунов Петр Николаевич (1803—1889), корнет Кавалергардского полка, декабрист, приговорен к 15 годам каторжных работ, в 1837 г. переведен на поселение, в 1856 г. амнистирован — 20, 435
- Северис, грек, заключенный в 1820-х гг. за кражу жемчужины в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости — 19
- «Северная почта», ежедневная газета, издававшаяся министерством внутренних дел в Петербурге в 1862—1868 гг., с середины 1863 г. редактировалась Д. И. Каменским — 127, 128, 134, 135, 153, 365, 383, 384, 386, 389, 391, 393, 396, 397, 402, 403, 407, 408, 412, 414, 415, 418, 419, 421, 424, 434, 444, 463, 524
- «Сенатские ведомости», см. «Санкт-Петербургские сенатские ведомости»
- Сен-Жюст Луи Антуан (1767—1794), франц. революционер, член Конвента и Комитета общественного спасения, казнен вместе с Робеспьером — 179
- Сен-Симон Анри Клод де Рувруа (1760—1825), франц. социалист-утопист — 193, 374, 431
- Сераковский (Sierakowski) Зыгмунт (1826—1863), польский революционер-демократ, друг Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена; вождь крестьянского восстания в Литве в 1863 г.; повешен — 64, 253, 384
- Серафим-Абадонна, см. Ф. Г. Клопшток, «Мессиада»
- Сергеев, помещик Уфимского у. — 339
- Сергеев Александр Семенович (род. ок. 1837), студент Казанского

- университета; в 1863 г. арестован по делу о «казанском заговоре» и приговорен к каторжным работам, в 1867 г. освобожден и отдан под надзор полиции — 221
- Сергиевский Алексей Егорович (род. 1846), слушатель Петровской земледельческой академии; арестован в 1866 г. по делу Д. В. Каракозова, в январе 1867 г. освобожден и отдан под надзор полиции, один из основателей тайного общества «Сморгонская академия» (1867)— 147, 204
- Серно-Соловьевич Николай Александрович (1834—1866), революционер-демократ, один из организаторов «Земли и воли» (1862), сотрудник «Современника»; вместе с Н. Г. Чернышевским в июле 1862 г. арестован и осужден на 12 лет каторги — 58—60, 113, 119, 144, 147, 206, 321, 372, 382, 395, 404, 407, 426, 428, 441, 450, 473, 505, 509, 513, 520
- Сеславин Александр Никитич (1780—1858), генерал-майор, в Отечественную войну 1812 г. командовал армейским партизанским отрядом — 130, 412, 413
- Сийес (Сиез, Sieyès) Эммануэль Жозеф (1748—1836), аббат, деятель французской революции конца XVIII в.—178, 280, 430, 482
- Скалозуб, см. А. С. Грибоедов, «Горе от ума»
- Скарятин Владимир Дмитриевич, реакционный публицист, с 1863 г. редактор-издатель газеты «Весть» — 9, 10, 326, 366, 440, 442, 455
- Скарятин, русский дворянский род; один из Скарятиных участвовал в убийстве Павла I — 344
- Скедо-Ферроти, см. Фиркс Ф. И.
- Скибинский, капитан генерального штаба; в 1865 г. уволен со службы за сочувствие, проявленное к М. Л. Михайлову в 1862 г.— 52, 56
- Сковорода Григорий Саввич (1722—1794), украинский философ и поэт — 261
- Сколков Иван Григорьевич (ум. 1879), генерал-майор свиты; вел следствие в Тобольске по делу о сочувствии, проявленном к М. Л. Михайлову, В. А. Обручеву и Макееву в 1862 г.— 51, 52, 55
- Скребицкий Александр Ильич (1827—1915), историк и общественный деятель, издатель материалов по истории крестьянской реформы — 57, 381 — «Крестьянское дело в царствование Александра II» — 57, 381
- Слепушкин, приговорен военным судом в Тобольске в 1866 г. к каторжным работам по делу об убийстве трех женщин — 73
- Слепцов Василий Алексеевич (1835—1878), писатель, сотрудник «Современника», организатор Знаменской коммуны в Петербурге (1863); в 1866 г. арестован в связи с делом Д. В. Каракозова — 84
- Слепцов Николай Сергеевич (1798—1831), штабс-ротмистр лейб-гвардии гусарского полка, адъютант графа А. И. Чернышева, командированный для разыскания бумаг Пестеля — 18
- «Слово», см. «Русское слово»
- «Слово», украинская газета, издававшаяся во Львове в 1864 и в 1866 гг.— 158, 159
- Сметанин, приговорен военным судом в Тобольске в 1866 г. к расстрелу по делу об убийстве трех женщин — 73
- Собакевич, см. Н. В. Гоголь, «Мертвые души»
- Соболев Василий Иванович (род. 1844), слушатель Петровской земледельческой академии; арестован в 1866 г. по делу Д. В. Каракозова, в декабре 1866 г. освобожден и отдан под надзор полиции — 147, 204
- «Современник», литературно-политический журнал, основанный А. С. Пушкиным; издавался в Петербурге в 1836—1866 гг.; редактировался с 1847 г. Н. А. Некрасовым, до 1862 г. совместно с И. И. Панаевым, с 1865 г.— с А. Н. Пыпиным; — 15, 31, 32, 75, 110, 152, 201, 281, 352, 369, 375, 376, 388, 392—394, 402, 413, 421, 467, 483
- Соколов Михаил Григорьевич, тобольский вице-губернатор и пред-

- седатель губернского правления с 1858 по 1863 г.; уволен от должности и отдан под суд за соучастие, проявленное к М. Л. Михайлову и В. А. Обручеву — 51—56
- Соколов (в тексте — Соколовский) Николай Васильевич (1832—1889), публицист, сотрудник «Русского слова», в 1866 г. арестован, в 1872 г. бежал за границу — 265, 469, 470
— «Отщепенцы» — 265, 469
- Соколова, жена Соколова М. Г. — 54
- Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), государственный деятель, автор проекта государственных преобразований (1809), член Верховного уголовного суда по делу декабристов в 1826 г. — 19
- Стааль Карл Густавович (1777—1853), генерал-от-кавалерии, московский комендант — 119, 406
- Стадион Франц, фол, граф (1806—1853), австрийский государственный деятель, в 1847 г. наместник Галиции, в 1848—1859 гг. министр внутренних дел — 158
- Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911), историк, публицист и общественный деятель, с 1858 г. профессор Петербургского университета, в 1866—1908 гг. издатель-редактор журнала «Вестник Европы» — 321, 456
- Стивенс (Стефенс, Stephens) Джеймс (1825—1901), ирландский революционер, один из руководителей движения фениев; участвовал в подготовке восстания 1867 г. — 26, 373
- Странден Николай Павлович (1843—1902), член общества «Организация», арестован в апреле 1866 г. по делу Д. В. Каракозова и приговорен к каторжным работам, с 1872 г. на поселении — 145, 147, 201—204
- «Страхопуд», украинский журнал, издававшийся в Вене в 1863—1865 и 1868 гг., редактор-издатель И. Н. Ливчак — 274, 276, 478
- Строганов Александр Григорьевич, граф (1795—1891), генерал-адъютант, новороссийский и бесарабский генерал-губернатор в 1855—1863 гг.; после отставки был избран почетным гражданином Одессы — 33, 359, 376, 423
- Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), журналист, драматург, издатель — 342
— «Боярин Матвеев» — 342
- Суворов-Рымникский Александр Аркадьевич, светлейший князь Итальянский, граф (1804—1882), генерал-от-инфантерии, петербургский военный генерал-губернатор с 1861 по 1866 г., с 1866 г. генерал-инспектор всей пехоты — 47, 71, 93, 135, 254, 379, 395, 396, 415, 462
- Сю (Sue) Эжен (1804—1857), французский писатель, романист — 304, 309
- Т., см. Тейлор
- Таганрогская газета, см. «Полицейский листок таганрогского градоначальства»
- Талызины, русский дворянский род; генерал-лейтенант Петр Александрович Талызин (1767—1801) участвовал в убийстве Павла I — 344
- «Тамбовские губернские ведомости», еженедельная газета, издавалась с 1838 до 1918 г. — 111, 402
- Тараканова, «княжна». наст. имя неизвестно (ум. 1775), авантюристка, выдававшая себя за дочь имп. Елизаветы Петровны; по приказу Екатерины II арестована в Ливорно гр. А. Г. Орловым в 1775 г., заключена в Петропавловскую крепость, где и умерла — 19
- Тассинари Валериано, участник национально-освободительного движения в Италии, эмигрировал в Англию — 40, 41, 43, 378
- Тассинари, жена В. Тассинари — 41
- Татариновы, русский дворянский род; один из Татариновых участвовал в убийстве Павла I — 344
- Тацит Публий Корнелий (ок. 55—ок. 120), римский историк — 138, 477
- Тейлор (Т.), лондонский банкир, якобы финансировавший «агентство Герцена» в Тульче — 63, 334
- Тепловы, русский дворянский род; Григорий Николаевич Теплов

- (1711—1779) участвовал в дворцовом перевороте 1762 г.—344
- Тереза, псевдоним Эммы Валадон (см.)
- Терский Владимир Герасимович, пристав соляных запасов Нижегородской губернской казенной палаты до 1867 г. — 328, 480, 514
- Терская, жена В. Г. Терского — 328
- Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (ок. 160—222), христианский писатель-богослов; был адвокатом в Риме — 101
- Тимашев Александр Егорович (1818—1893), генерал-адъютант, управляющий III отделением и начальник штаба корпуса жандармов в 1856—1861 гг.—93
- Титов Владимир Павлович (1805—1891), член Государственного совета, посол в Штутгарте в 1860—1865 гг., затем чиновник министерства иностранных дел — 266, 267, 278, 279, 470, 471, 481
- Токажевич Юзеф (Осип), польский публицист, эмигрант в Женеве, с 1866 г. редактор-издатель журнала «Gmina» — 156, 422
- Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823—1889), обер-прокурор Синода (1865—1880), министр народного просвещения (1866—1880) — 68, 97, 103, 118, 122, 151—153, 210, 216, 235, 300, 338, 345, 386, 395, 399, 407, 413, 420, 421, 435, 441, 521, 522
- «Le Catholicisme romain en Russie» — 68
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — 108, 401
- «Война и мир» — 108, 401
- Толстой Петр Александрович, граф (1761—1844), генерал-адъютант, командир 4-го пехотного корпуса, член Верховного уголовного суда по делу декабристов — 19
- Толлебен Эдуард Иванович, граф (1818—1884), генерал-адъютант, руководитель инженерных работ по обороне Севастополя в 1854—1855 гг., с 1863 г. товарищ генерал-инспектора по инженерной части — 94, 396, 519
- «Травиата», опера Д. Верди (см.)
- Траян Марк Ульпий (53—117), римский император с 98 г.—101
- Третьяков Василий Кириллович (1703—1769), поэт, переводчик, филолог — 264
- Трепов Федор Федорович (1812—1889), генерал-майор, начальник III округа корпуса жандармов, с апреля 1866 г. петербургский обер-полицмейстер — 84, 103, 229, 250, 396, 399, 448, 454, 470, 494, 495
- Тролон (Тролонг, Troplong) Рейман Теодор (1795—1869), французский юрист и политический деятель, президент Сената в 1867 г.—284
- Трубецкая Е. Э., фрейлина императрицы Марии Александровны, хозяйка влиятельного политического салона — 275, 479
- Трубецкой Сергей Петрович, князь (1790—1860), полковник, один из основателей Союзов спасения, благоденствия и Северного общества; приговорен к смертной казни, замененной каторгой, в 1856 г. амнистирован — 19, 20
- Трусов Болеслав-Константин Данилович (род. 1833), учитель московской гимназии; арестован по делу Д. В. Каракозова в 1866 г., приговорен к заключению в крепости, в декабре 1866 г. освобожден и взят под надзор полиции — 147, 204—206
- Трюбнер (Trübner) Николай (1817—1884), англ. издатель и библиограф; издавал и распространял произведения А. И. Герцена — 35
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 36, 61, 216, 241, 242, 258, 261, 280, 359, 373, 383, 388, 441, 455, 456—458, 462, 464, 466, 467, 477, 482, 483
- «Бурмистр»; Софрон — 61, 383
- «Дворянское гнездо» — 261
- «Дым»—242, 258, 261, 262, 359, 455, 464, 466, 467; Литвинов — 261, 467; Потугин — 261, 467
- «Записки охотника» — 242, 280, 483
- «Затишье» — 261
- «Накануне»; Инсаров — 242, 456, 457
- «Отцы и дети» — 215
- Тхоржевский (Tchorzewski) Станислав, польский эмигрант, владлец книжной лавки; помогал А. И. Герцену в распространении его изданий — 331, 335, 360, 362, 377, 382, 384, 419, 428, 431, 441,

- 442, 478—480, 488, 496, 505, 509, 510, 516—518
- Тютчев Федор Иванович (1803—1873);
— «Гуманный внук воинственного деда» — 254, 376, 462
- Уваровы, русский графский род;
Ф. П. Уваров (1773—1824) участвовал в убийстве Павла I — 344
- «Украинский місячник» — 263
- Урусов Александр Иванович, князь (1843—1900), адвокат; в 1867 г. выиграл дело крестьянки Волоховой, в 1871 г. выступал в нечаевском процессе — 233, 451
- Устюгов, надзиратель тобольской тюрьмы в 1860-х гг. — 51
- Устюжанин, приговорен военным судом в Тобольске в 1866 г. к расстрелу по делу об убийстве трех женщин — 73
- Ушаковы, русский дворянский род; один из Ушаковых участвовал в убийстве Павла I — 344
- Фалиери (Фальеро, Falieri) Марини (Марино) (1278—1355), венецианский дож с 1354 г. — 289, 489
- Федосеев Александр, отставной штабс-капитан, дворянин Тамбовской губ., отец В. А. Федосеева — 146, 201, 202, 205
- Федосеев Виктор Александрович (1843—ок. 1896), член общества «Организация», в апреле 1866 г. арестован в г. Кирсанове; за подготовку убийства отца приговорен к ссылке в Сибирь на поселение — 145, 146, 201, 202, 205
- Федосеев Павел Александрович (1842—1906), вольнослушатель Московского университета с 1860 г., член кружка Заичневского-Аргиропуло и участник студенческих волнений в 1861 г., арестован по делу Д. В. Каракозова в 1866 г., за связи с членами общества «Организация» выслан в Тамбов под надзор полиции — 205
- Федотов, следственный пристав Московского уголовного суда — 339
- Фенелла, действ. лицо оперы «Немая из Портчи» Обера (см.)
- Фердинанд I (1793—1875), австрийский император с 1835 г.; в 1848 г. отрекся от престола — 283, 284, 485
- Филарет, до пострижения — Дмитрий Григорьевич Гумилевский (1805—1866), историк церкви, черниговский архиепископ с 1859 г. — 341, 342, 522
- Филарет, до пострижения — Василий Михайлович Дроздов (1783—1867), московский митрополит с 1826 г. — 98, 149, 216, 241, 252, 283, 294, 397, 420, 445, 454, 461, 482, 491, 492
- Филипп II, герцог Орлеанский (1674—1723), регент Франции с 1715 г. — 305, 306, 310, 311
- Фиркс (псевдоним Шедо-Ферроти) Федор Иванович, барон (1812—1872), публицист — 36, 63, 77, 383, 391, 501
- Флора (миф.) — 208, 432—434
- Фогт (Vogt) Карл (1817—1895), нем. естествоиспытатель — 127, 131, 412, 413, 472
- Фокс Густав, посланник американского конгресса, член Вашингтонского кабинета — 132, 138, 141, 385
- Фонвизин Денис Иванович (1744—1792)
— «Недоросль»; Еремеевна — 99, 457; Митрофан — 99, 457
- Фонвизин Михаил Александрович (1788—1854), генерал-майор, член Союзов спасения и благоденствия; приговорен к каторжным работам; племянник Д. И. Фонвизина — 17, 20
- Форстер Георг (1754—1794), нем. писатель и политический деятель, сторонник якобинцев, участник французской революции, казнен — 292, 491
- Фортинбрас, см. В. Шекспир, «Гамлет»
- Фохт Иван Федорович (1794—1842), штабс-капитан Азовского полка, член Южного общества, сослан — 19
- Франц Иосиф I (1830—1916), австрийский император с 1848 г. — 118, 283, 410, 485
- Френкель, директор поземельного банка в Петербурге — 24, 371
- Фридрих I Барбаросса (ок. 1125—1190), император «Священной Римской империи» с 1152 г. из династии Гогенштауфенов — 161

- Фридрих II Великий (1712—1786), прусский король с 1740 г.— 107, 401
- Фукье-Тенвиль (Fouquier-Tinville) Антуан Каптен (1746—1795), деятель французской революции, с марта 1793 г. общественный обвинитель Революционного трибунала, казнен — 250, 466
- Фурые Шарль (1772—1837)—193, 469
- Фуше (Fouché) Жозеф, герцог Отрантский (1759—1820), франц. политический деятель, комиссар Конвента при подавлении контрреволюционного восстания в Лионе в 1793 г., министр полиции в период Директории, Консульства и Империи — 69, 386, 387
- Х., подпоручик — 215
- Х — ч, граф, помещик Дисненского у. Виленской губ.— 208
- Хитрово Захар Алексеевич, оберцеремониймейстер двора, вице-президент кашитула российских орденов до 1865 г.— 79
- Ходнев Алексей Иванович (1818—1883), химик, член и секретарь Вольного экономического общества — «Краткий обзор столетней деятельности Вольного экономического общества» — 8, 365
- Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), поэт и публицист славянофильского лагеря — 187, 226, 373, 431, 446
- Хотинский Матвей Степанович (1810—1866), переводчик и популяризатор естественно-научной литературы, агент III отделения — 34—44, 373, 377, 378, 404 — «Общепоянтная астрономия. Соч. Франсуа Араго» — 34
- Хрептович (Хребтович) Михаил Иринеевич, граф (1809—1891), русский чрезвычайный посланник в Великобритании (1856—1858), с 1863г. управляющий двором вел. князя Константина Николаевича — 35, 36
- Христос Иисус (библ.) — 122, 154, 179, 227, 421, 431, 454, 494
- Худяков Иван Александрович (1842—1876), фольклорист, участник революционного движения, член ишутинского кружка; в 1866 г. арестован по делу Д.В. Ка-
ракозова и выслан в Верхоянск— 84, 135, 144, 146, 201—203, 407, 408, 414, 418, 419
- Целлинский Н., поляк, сосланный в Сибирь; по делу о восстании ссыльных поляков в 1866г. приговорен военно-полевым судом к смертной казни; расстрелян в 1867 г.— 222, 445
- Ценин, помещик Рязанской губ.— 25
- Церпинский Адольф Антонович, исправник Сердобского уездного полицейского управления— 90, 394
- Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.)— 76, 410
- Чайковский Михаил Станиславович (1808—1886), польский литератор, участник восстания 1830—1831 гг., эмигрант; в 1851 г. поступил на турецкую службу, принял ислам и под именем Садык-паши командовал отрядом т. н. султанских казаков в войне с Россией (1853—1856); в 1873 г. перешел в православие и вернулся в Россию — 226, 446
- Чернецкий, см. Чернецкий Л.
- Чарторыйский (Чарторижский, Czartoryski) Владислав, князь (1828—1894), деятель польской аристократической эмиграции, в 1863 г. представитель Временного национального правительства в Париже — 283, 294
- Черкасский Владимир Александрович, князь (1824—1878), публицист, деятель крестьянской реформы, в 1864—1866гг. главный директор и председательствующий в правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского — 26, 45, 212, 272, 373, 379, 437, 465, 475, 476, 512
- Черкезов Варлаам Николаевич, князь (1846—1925), слушатель Петровской земледельческой академии; арестован в 1866 г. по делу Д. В. Каракозова, в январе 1867 г. освобожден из крепости и взят под надзор полиции; один из организаторов тайного общества «Сморгонская академия», впоследствии — член не-

- чаевского кружка в Москве (1869); выслан в Томскую губ., в 1876 г. бежал за границу, где примкнул к анархистам — 147, 204
- Чернецкий Людвик (1828—1872), польский эмигрант, завсодовал Вольной русской типографией в Лондоне — 22, 34, 263, 324, 327, 332, 360, 371, 372, 384, 387, 388, 393, 415, 418, 420, 423, 432, 435, 438, 439, 441, 455, 464, 468, 469, 502, 511, 516, 517
- Чернышев Александр Иванович (1786—1857), командир кавалерийской дивизии в 1825 г., с 1841 г. князь, генерал-от-кавалерии, военный министр в 1832—1852 гг. — 18
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — 59, 68, 70, 84, 87, 130, 144, 147, 148, 193, 194, 201, 204—206, 237, 246, 321, 369, 419, 429, 450, 461, 473, 504 — «Что делать?» — 182, 201
- Чичерин Борис Николаевич (1826—1904), публицист и правовед, профессор Московского университета в 1861—1867 гг. — 120, 246, 408, 458, 470
- Чичерин Василий Николаевич (1829—1882), советник русского посольства в Париже с 1864 г. — 214, 315, 361, 439, 500
- Шабо (Chabot) Франсуа (1759—1794), деятель французской революции, якобинец, член Законодательного собрания и Конвента; в 1793 г. сблизился с дантонистами, гильотинирован вместе с Дантоном — 292, 293
- Шаганов Вячеслав Николаевич (1839—1902), участник студенческих волнений 1861 г. в Москве, член общества «Организация», арестован в 1866 г. по делу Д. В. Каракозова и приговорен к каторжным работам, в 1871 г. вышел на поселение — 145, 147, 201, 202, 204—206
- Шарамович Г., участник польского восстания 1863 г., сосланный в Сибирь; по делу о восстании сыльных поляков в 1866 г. приговорен военно-полевым судом к смертной казни; расстрелян в 1867 г. — 222, 445
- Шарлотта Мари Амели Огюст (1840—1927), мексиканская императрица, жена австрийского эрцгерцога Максимилиана Фердинанда Иосифа, избранного в 1863 г. под давлением Наполеона III императором Мексики — 170, 430, 476
- Шатилов Николай (род. ок. 1843), один из организаторов и руководителей московского подпольного кружка «Библиотека казанских студентов», с 1862 г. член московской организации «Земля и воля»; арестован в 1863 г., в 1866 г. приговорен к ссылке в Сибирь, в 1868 г. освобожден — 337, 520
- Шатриан (Chatrian) Александр (1826—1890), франц. писатель; выступал в литературе вместе с Э. Эркманном под именем Эркманн-Шатриан — 108, 401
- «L'Histoire d'un conscrit de 1813» («История новобранца 1813 года») — 108, 401
- «Thérèse» («Тереза») — 108, 401
- Шаховской Федор Петрович, князь (1796—1829), отставной майор, один из учредителей Союзов спасения и благоденствия (1817); в 1826 г. приговорен к ссылке на поселение — 210, 434
- Шед'Эст-Анж (Шестестанж, Chaix d'Est-Ange) Гюстав Луи (1800—1876), франц. юрист; вице-президент Государственного совета (октябрь 1863 — январь 1867), затем сенатор; в 1858 г. в качестве генерал-прокурора парижской судебной палаты выступал обвинителем по делу Орсини — 284
- Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861) — 210, 435
- Шедо-Ферроти (Скедо-Ферроти), литературный псевдоним Ф. И. Фирса (см.)
- Шекспир Вильям (1564—1616); — «Гамлет»; Гамлет — 161; Фортинбрас — 161
- «Король Лир»; Лир — 168
- Шелгунов Николай Васильевич (1824—1891), публицист и литературный критик, сотрудник «Современника» и «Русского слова» — 54
- «К молодому поколению» — 54

- Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм Иозеф (1775—1854), нем. философ — 118
- Шервуд (Верный) Иван Васильевич (1798—1867), в 1825 г. унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка, секретный правительственный агент, информировавший Александра I о декабристских организациях в армии — 17
- Шереметев Дмитрий Николаевич, граф (1803—1871), гофмейстер, попечитель странноприимного дома в Москве, владелец с. Останкина — 66, 384
- Шестестанж, см. Ше д'Эст-Анж
- Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805) — 108
- «Дон Карлос, инфант испанский»; Поэа — 59, 382
- «Лагерь Валленштейна» («Wallensteinslager») — 108, 401
- «Орлеанская дева» — 336, 519; Жанна д'Арк — 336, 519
- «Рыцарь Тогенбург» — 284, 285
- Шнейдер (Schneider) Катерина Гортензия (1838—1920), франц. опереточная актриса — 282, 283, 482
- Шостакович (Шестакович) Боле-слав Петрович (род. 1845), в 1866 г. арестован по делу Д. В. Каракозова, за содействие к побегу в 1864 г. и укрывательство Я. Домбровского приговорен к каторжным работам, замененным ссылкой, в 1877 г. освобожден — 146, 148, 206
- Штраус (Strauss) Давид Фридрих (1808—1874), нем. философ, богослов, публицист — 304, 309
- Штраус (Strauss) Иоганн, сын (1825—1899), австрийский композитор, скрипач и дирижер — 304, 309
- Шубины, русский дворянский род; один из Шубиных участвовал в убийстве Павла I — 344
- Шувалов Петр Андреевич, граф (1827—1889), генерал-адъютант, главный начальник III отделения и шеф корпуса жандармов в 1866—1873 гг. — 36, 85, 91, 235, 251, 260, 265, 269, 271, 283, 300, 315, 330, 337, 345, 359, 361, 375, 398, 452, 474, 514, 515, 521, 525
- Щепин-Ростовский (Щепин) Дмитрий Александрович, князь, (1798—1859), штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, участник восстания 14 декабря; приговорен к смертной казни, замененной каторгой, с 1839 г. на поселении, в 1856 г. амнистирован — 19
- Щербаков Алексей Яковлевич (р. 1842), студент медицинского факультета Казанского университета; в 1863 г. арестован по делу о «казанском заговоре», приговорен к каторжным работам, в ноябре 1866 г. бежал из казанской тюрьмы в Швейцарию, в Берн; работал в журнале «Народное дело» — 221, 338, 361, 362, 443, 444, 514
- Щербатов Григорий Алексеевич (1819—1881), петербургский губернский предводитель дворянства в 1861—1864 гг., затем председатель Петербургского собрания сельских хозяев — 46—48, 65, 379, 384, 468
- Щиглев Владимир, студент Петербургского университета, учитель народной школы, открытой в 1866 г. в местечке Куземино Полтавской губ. — 209
- Щиглева (урожденная Бринкен), школьная учительница в местечке Куземино Полтавской губ., жена В. Щиглева — 209
- Эбер (Еберг, Hébert) Мишель Пьер Алексис (1799—1887), франц. политический деятель периода Июльской монархии, член палаты пэров с 1834 до 1848 г., министр юстиции в 1847—1848 гг. — 67, 385
- Эдуард III (1312—1377), англ. король с 1327 г. — 161
- Эдуард IV (1442—1483), англ. король с 1461 г. — 161
- Эммануэль Егор Арсеньевич (1777—1837), генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г., член Верховного уголовного суда по делу декабристов — 19
- Эркманн Эмиль (1822—1899), франц. писатель, выступал в литературе (вместе с А. Шатрианом) под именем Эркманн-Шатриан — 108, 401

— «L'Histoire d'un conscrit de 1813»
(«История новобранца 1813 года»)
— 108, 401—«Thérèse» («Тереза»)
— 108, 401

Юдифь (библ.) — 291, 490

Юм Давид, англ. спирт; приезжал
в Петербург в середине 60-х го-
дов — 281, 483

Юрасов Дмитрий Алексеевич (род.
1842), участник студенческих вол-
нений 1861 г. в Москве, член
общества «Организация», аре-
стован в 1866 г. по делу Д. В. Ка-
ракозова, приговорен к каторж-
ным работам, с конца 1871 г.
на поселении в Якутской обл.—
145, 147, 201, 202, 204

Юрлов, приговорен к смертной
казни и расстрелян в Рязани в
1867 г.— 222, 445

Юшневский Алексей Петрович
(1786—1844), генерал-интендант
2 армии, член Союза благотвори-
тельства, один из директоров Юж-
ного общества, приговорен к ка-
торжным работам, с 1839 г. на
поселении — 18, 435]

Яковлев Алексей Андреевич (1844—
1866), участник студенческих вол-

нений 1861 г. в Петербурге, аре-
стованный в 1862 г. за распро-
странение прокламаций и про-
паганду среди солдат, пригово-
рен к каторжным работам — 15,
369

Яковлев Павел Иванович, казна-
чей духовно-учебного управле-
ния при Синоде до 1866 г.—
155, 421, 422

Янкович де Мириево Федор Ивано-
вич (1741—1814), венг. педагог,
серб по происхождению, пригла-
шенный в Россию (1782); разра-
ботал план школьной реформы, по
которому были созданы народные
училища; составлял, переводил
и редактировал учебники для
них — 159

Янович Каэтан Касперович, засе-
датель от дворянства подолю-
ской губернской палаты уголов-
ного суда до 1867 г.— 343

Ярошевский, кварталный надзи-
ратель в Царскосельском у. Пе-
тербургской губ.— 210

Яшвили, княжеский род; Владимир
Михайлович Яшвиль (1764—1815)
участвовал в убийстве Павла I —
344

Barkoff, см. Барков И. С.

«Le Constitutionnel» («Конститу-
сионель»), франц. политическая
газета, основанная в 1815 г., из-
давалась в Париже — 269, 474

«Czas», польская политическая га-
зета, издавалась в Кракове в
1848—1891 гг.— 323

«The Daily News», англ. газета ли-
берального направления, изда-
валась в Лондоне с 1846 г.—
40, 41, 378

«Debatte», австрийская газета —
260, 465, 466

«Du développement des idées révo-
lutionnaires en Russie», соч. А. И.
Герцена (см.)

«Dziennik Warszawski», польская
газета, издававшаяся в Варшаве
с 1851 г.— 22, 26, 45, 153, 229,
253, 263, 276, 370, 373, 378, 417,
444, 448, 453, 454, 461, 467, 468,
479, 512, 518, 519

«L'Entracte», программы спектак-
лей, издававшиеся в Париже с
1831 г. — 245, 439

«Express», англ. газета, издава-
лась в Лондоне с сентября 1846
до мая 1869 г.— 41

«Evening Star», англ. газета, изда-
валась в Лондоне с марта 1856
до октября 1869 г.— 41

«Figaro», франц. газета, издающая-
ся в Париже с 1854 г.— 312, 359,
488

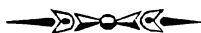
«Gazeta Narodowa», политическая
газета, издававшаяся с 1862 г.
на польском языке во Львове,
выходила еженедельно — 274

«Gmina» («Гмина»), журнал поль-
ских эмигрантов в Женеве, изда-
вался в 1866—1867 гг.— 156,
263, 276, 299, 362, 422, 423, 426,
468, 479, 496

«L'Homme», еженедельная газета
франц. эмигрантов в Англии, из-
давалась в 1853—1856 гг., ре-
дактировалась Ш. Рибейролем —
188

«L'Indépendance belge» («Indé-
pendance»), ежедневная поли-
тическая и литературная газета,

- издававшаяся в Брюсселе с 1834 г. — 50, 112, 114, 160, 291, 381, 403, 405, 452, 483, 484, 486, 490, 491
- «Journal des Débats», франц. политическая и литературная газета, издававшаяся в Париже; основана в 1789 г. Бодуэном — 64
- «Journal de Genève», швейцарская газета, издающаяся на франц. языке в Женеве с 1772 г. — 283, 484
- «Kladderadatsch», нем. сатирический еженедельник, издававшийся в Берлине с 1848 г. — 60, 383
- «Kölnische Zeitung» («Кёльнская газета»), нем. газета, издавалась с 1802 г. — 26, 103, 160, 394, 398
- Loriquet Jean Nicolas (1767—1845), франц. богослов и историк, иезуит — 153
- «La Nation, écho de la presse», франц. газета, издававшаяся с 1862 г., редактор в 1863—1865 гг. Л. Дюпон — 214, 315, 439
- «Neue Frankfurter Zeitung», нем. газета, издававшаяся во Франкфурте — 112, 359, 404
- «Le Nord» («Nord», «Норд»), ежедневная политическая газета, издавалась на франц. языке в Брюсселе в 1855—1862, 1865—1892 гг. и в Париже в 1863—1864 гг., субсидировалась русским правительством — 14, 25, 47, 64, 67, 117, 241, 315, 368, 375, 379, 385, 403, 404, 406, 408, 410, 420, 439, 454
- «The Owl», англ. еженедельный политический и общественный журнал, издававшийся в Лондоне с 1864 до 1868 г. — 92
- «Père Duchesne», франц. газета, орган якобинцев, издавалась Ж. Эбером с 1790 по 1794 г. — 90, 153, 394
- «Punch, or the London Charivari» («Пуиш»), англ. еженедельный юмористический журнал, издается в Лондоне с 1841 г. — 241
- «Revue de la Philosophie positive», франц. журнал, издававшийся в Париже с 1867 по 1883 г. под редакцией Э. Литтре и Г. Выррובהа — 268, 400, 472
- «Revue des Deux Mondes», франц. двухнедельный журнал либерального направления; издавался в Париже с 1829 г. — 48, 49, 64
- Roland de la Platière Jeanne Marie, известна под именем m-me Roland (1754—1793), участница французской буржуазной революции, оказавшая большое влияние на политику жирондистов; после установления якобинской диктатуры гильотинирована — 292
- «Mémoires de m-me Roland» («Мемуары госпожи Ролан») — 292
- Sebastiani Horace François Bastien, граф (1772—1851), франц. политический деятель, маршал Франции, министр иностранных дел при Луи Филиппе — 166, 429
- «Le Socialisme et le peuple russe, lettre à J. Michelet», соч. А. И. Герцена (см.)
- «Le Spectre rouge», соч. Ромье (см.)
- «The Times», англ. ежедневная газета консервативного направления, издающаяся в Лондоне с 1785 г. — 85
- «Tygodnik Niedzielny», польская газета, издавалась в Австрии — 274
- «Le vieux monde et la Russie», соч. А. И. Герцена (см.)
- «Vom andern Ufer», соч. А. И. Герцена (см.)
- «Zukunft», австрийская газета — 300, 364, 496

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. И. Герцен. Портрет маслом работы Н. А. Герцен (дочери). 1867 г. По негативу Центрального Государственного архива литературы и искусства. Москва	4
«Gmina». № 1 от 20 ноября 1866 г. Первая страница . . .	152
À nos frères polonais. Первая страница автографа. Государ- ственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Рукописный отдел. Москва.	160
«Наше правосудие». Рукопись статьи (неизвестной рукой и рукой Герцена) и автограф заметки «Свобода книгопечатания». На обороте первой страницы рукописи — записка Герцена Огареву. Центральный Государственный архив литературы и искусства. Москва	216
Две заметки для «Смеси», не опубликованные в «Колоколе». По микрофильму Рукописного отдела Государственной библи- отеки СССР имени В. И. Ленина. Москва. Подлинник хранит- ся в Международном институте социальной истории. Амстердам.	304

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1866—1867 ГОДОВ

1866

	Текст	Коммен- тарий
Крепостники	13	365
Судебное убийство в Москве	13	367
Имеют ли право коронные чиновники изменять законы?	13	367
Школа в Лугано	14	368
Симбирские поджигатели	14	368
Подарки к Новому году	15	369
〈Из Сибири〉 〈; Мы получили страшную вестъ...〉 . . .	15	369
Князь Сергей Григорьевич Волконский	16	369
Вранье «Дневника варшавского»	22	370
Великокняжеский социализм — михайловская теория собственности	23	370
〈Из Петербурга〉 〈Из Петербурга есть письмо...〉 . . .	24	371
〈Из Сибири〉 〈; До нас дошел ужасный слух...〉 . . .	24	371
〈Указ 10 декабря〉	24	372
Новый вид крепостного права	25	372
Еще глупее	26	372
Откуда холера и как распространяется	27	373
Ужас в вражьем стану	28	374
Из Петербурга (Земские учреждения. — Валуев-цен- сура.— «Народная летопись». — Помещики-целоваль- ники.— «День». — Сосланный купец)	31	374
Выговор генерал-адъютанту графу Строгонову 2-му . . .	33	376
Действительный статский советник и кавалер М. С. Хо- тинский (Эпизод из истории нашего заморского шпионства)	34	377
«Дневник варшавский»	45	378
1789	46	379

	Текст	Коммен- тари
От издателей <Длинные филиппики, помещенные в русских газетах о статье Мазада...>	49	380
После смерти	50	380
Слух	57	381
<Барон Гакстгаузен>	57	381
Иркутск и Петербург (5 марта и 4 апреля 1866)	58	382
Благодетельные помещики (Графиня Орлова-Денисова, барон Иксуль, граф Шереметев)	66	384
<«Le Nord»>	67	385
Из речи Муравьева	67	385
Шах Константину Николаевичу	68	386
<Новости из России> <Новости из России бесконечно печальны...>	69	386
Вот вам и гласный суд!	71	387
Об Огрызке	72	387
Военная юстиция	73	388
Стихи и проза Некрасова	75	388
Второе предостережение и второй Годунов	76	389
Спасибо Муравьеву	77	390
Не сбѣит (От издателей)	78	390
«Не солги»	79	391
Юр. Ник. Голицын на воздухе	79	391
Еще о Некрасове	80	391
Письмо к императору Александру II	81	392
Напоминание	83	393
Из Петербурга <Наконец-то письмо из Петербурга...>	84	393
Поправленное недоразумение	89	394
Уничтожение, гоение, срытие с лица земли, приравнивание к нулю Каракозовых	90	394
Важная поправка	92	395
Задержание «Моск. ведомостей»	93	395
Барометр на градус ниже	93	395
Лебединая острота князя Меншикова	94	396
<Просьба>	94	396
От государя князю П. П. Гагарину	95	396
Прозерпина-Муравьев	102	398
Фальшивые монетчики из дворян	102	398
Счет «Кѣльской газеты»	103	398
Из Петербурга <Мы получили вчера новую корреспонденцию...>	103	399
От издателей <Рескрипт 13 мая...>	104	399
<Война>	105	400
<«Современник» и «Русское слово»>	110	402
Три убийства в Тамбове	111	402
Всякая всячина из нашей реакции	111	403

	Генст	Коммен- тарий
«Neue Frankfurter Zeitung»	112	404
П. А. Мартынов	113	404
Великий заговор — большая ложь	114	405
Коли надобно, отчего и не посечь; нашего брата хорошо посечь	115	405
Катков и государь	117	406
Полевое военное убийство в Харькове	121	408
Бешенство доносов (Первое предостережение Краевскому)	122	409
Ess.-bouquet «Московских ведомостей»	123	409
Замышляемое убийство в Рязани	126	410
Святые тайны и грешные розги	126	410
Польша в Сибири и караказовское дело	127	411
〈Фогт, Дарвин, Молешотт, Бокль〉	131	413
Опасное положение американца Клея	132	413
Ссора между врагами, сепаратизм «Моск. ведомостей» .	133	414
Фонд для эмигрантов	136	415
〈Виселица и Муравьев〉	137	415
Америка и Россия	139	416
Дело рядового Неведомского	141	416
〈Иконоборство Безака в Подольской губ.〉	142	417
〈Биография Муравьева Вешателя〉	142	418
Заговора не было!	144	418
Приговор верховного уголовного суда	145	419
Гуртовая бойня	149	419
Грязь	151	420
«Gmina»	156	422
Революционное воззвание М. П. Погодина	157	423
По делу заговора	160	423
Чем люди тешатся	161	424
À nos frères polonais	162	424
Нашим польским братьям	164	
Порядок торжествует!	166	427
Караказовское дело	200	432
1 8 6 7		
Скоты	207	432
«Москва»	212	435
Немцы	214	438
Издательская деятельность «Будберг, Чичерин и К ^о » в Париже	214	439
«Антракт» и hors-d'œuvre	215	439
〈Новая «бархатная книга» русских дворянских родов〉	218	441
Наше правосудие	221	442
«Москва» — мать и мачеха	224	445
Пророк-издатель	227	446

	Текст	Коммен- тарии
〈Общество поджигателей〉	229	448
〈Кончина М. В. Петрашевского〉	230	448
На площади св. Марка	231	449
Дело крестьянки Волоховой	233	451
Жаль	234	451
Письмо к И. С. Аксакову	238	453
Соперники большого колокола и большой пушки	241	454
Omne exit in fumo	242	455
Новый журнал	243	457
Ответ И. С. Аксакову	244	458
Crédit et débit	256	462
Первый что?	257	463
〈Новый роман Тургенева «Дым»〉	258	463
〈Славянская агитация〉	259	464
В юге меру мерите	260	465
Сумасшествие	260	466
〈Отцы сделались дедами〉	261	466
Полноте врать!	263	467
Этнографическая агитация в Москве	264	468
Право собираться — новые стеснения	265	469
Князь Меншиков памфлетист	265	469
Частное дело 〈В Европе люди, как бы ни были высоко поставлены...〉	266	470
«Положительная философия»	268	471
Выстрел 6 июня	269	472
Мазурка	270	474
Да здравствует разум!	273	476
Катковское «Vive la Pologne!»	273	477
Просьба	274	478
Вопросы, запросы, загадки и сфинксы	275	478
〈Опять вранье〉	276	479
Светопреставление	276	479
Первое предостережение	277	480
Частное дело 〈Владимир Титов решился отвечать...〉	278	481
Августейшие путешественники (Статья вторая)	280	481
1857—1867	286	486
Из письма к М. Бакунину	288	488
Березовский	291	490
Котам игра, мышам слезы	294	491
Венгерская амнистия	294	492
Цензурный бред	295	493
Неудавшийся детский праздник	295	494
〈Трепов〉	296	494
Суд в Париже и убийство в Петербурге	297	495

	Текст	Комментарии
Польское дело	299	496
〈В 75 листе «Москвы» напечатано...〉	300	496
Какой удивительный военный суд...	300	497
〈«Скорость нужна только для того...»〉	301	497
La colonie russe	302	498
Русская колония (перевод).	307	
〈Редактору газеты «Figaro»〉	312	499
ЗАМЕТКИ, НЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ В «КОЛОКОЛЕ», И НАБРОСКИ		
1867		
〈Французские журналы говорят...〉	315	500
〈«Неужели тупоумие и дурачество дикого патриотизма...»〉	315	500
Свобода книгопечатания.	315	500
〈Набросок объявления о прекращении «Колокола»〉	316	501
РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ		
1866		
Частные письма об общем вопросе 〈Примечание к статье Н. П. Огарева〉	319	502
Объявление	319	502
Вранье о симбирских зажигателях — сами себя и друг друга предают!	319	502
Письмо москвича 〈Примечание〉	320	503
Николаевская железная дорога и ее этико-политическая экономия 〈Вступительная заметка «От издателей» и примечание〉	320	503
〈Обер-полицмейстер Анненков〉	321	504
〈Всеволод Костомаров〉	321	504
〈Весть о смерти Волокитина...〉	321	504
〈Декабря 24 (5 янв.) добрались до Иркутска...〉	321	505
Русскому дворянству 〈Вступительные строки〉	322	505
Еще Николаевская железная дорога 〈Вступительные строки〉	322	505
А они всё ищут заговора!	322	505
Опять по поводу Николаевской железной дороги 〈Всту- пительные строки〉	322	506
〈Извещение〉.	322	506
Каракозов, царь и публика 〈Примечание〉	322	506
Иностранная цензура	323	507
Слухи.	323	507
Письмо из Сибири (Из «Czasa») 〈Примечание〉	323	507
Общий фонд 〈От г. Л. Мечникова получено...〉	324	508
〈Фонд〉	324	508

1 8 6 7

Белый террор <Примечание к статье Н. А. Вормса> . . .	324	508
Общий фонд <За отъездом из Женевы...>	324	509
<«Колокол» на 1867 год>	325	509
Письмо из Петербурга <Примечания к статье П. В. Долго- рукова>	325	510
<Общий фонд> <В <i>Общий фонд</i> из Италии...>	325	510
<Общий фонд> <В <i>Общий фонд</i> получено из Ниццы...>	325	510
От издателей <С следующего листа «Колокола»...>	325	511
Письмо М. А. Бакунина <Примечание>	325	512
Из письма к издателям «Колокола» <Примечание>	326	512
Басня И. А. Крылова	326	512
Общий фонд <В Общем фонде к 15 мая остаются...>	327	513
<Несмотря на наше объявление...>	327	513
Поправка	327	513
Общий фонд <Из 257 франк. выдано...>	328	514
Дикий закон <Вступительные и заключительные строки>	328	514
Общий фонд <Из оставшихся 97 франк. выдано...>	330	515
<Nous avons l'honneur d'informer...>	330	515
<Имеем честь известить...> (перевод)	331	
<Подписавшимся на год...>	331	515
<A paraître en russe...>	331	515
<До возобновления газеты...> (перевод)	331	
<Нас просят узнать...>	331	515
Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии <Примечание к статье М. И. Венюкова>	332	516
Перемещение и увеличение Вольной русской типографии Л. Чернецкого	332	516

D U B I A

1 8 6 7

Правительство и папиросы	335	518
<«Колокол»>	335	518
Сказка о гостинце царю и о доме Комиссарову	335	518
Головастики, трубящие победу	336	519
Общественные удовольствия в Петербурге	337	520
Правда ли?	337	520
Новости из России <Путешествующие по Николаевской железной дороге...>	338	521
Вавилонское столпотворение	338	521
Первое заседание уголовного суда в Москве — тридцать ударов розгами	338	521
Восточная Галиция	340	522
Холопов в душе вряд ли можно сделать свободными людьми	341	522

Нетерпимость, невежество и полицейское вмешательство православного духовенства	341	522
Страсть к розгам в подольском суде	343	522
Конфирмация	343	523
Амнистия	343	523
1 8 6 7		
Перемена фамилии	344	523
Новое злодейство	344	524
«Mehr Licht!»	344	524
Кто Б.?.	345	524
Петр IV.	345	525
Посильный опыт затруднить чтение	345	525
В а р и а н т ы	347	— 356
Принятые сокращения		348
К о м м е н т а р и и	357	— 525
У к а з а т е л ь и м е н		526
С п и с о к и л л ю с т р а ц и й		563

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
42	8 св.	объявляете	объявляете
43	12 св.	аггагè	аггагé
90	8 св.	Церинского	Церпинского
99	12 св.	губерниях*.	губерниях.
108	4 св.	конгресса *,	конгресса,
193	14 св.	<i>оказалась</i>	оказалась
287	5 св.	сеятели «заутра»,	сеятели, «заутра»

—

И С П Р А В Л Е Н И Я К Т О М У X V I I I

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
590	9 св.	Капри	Сапри
591	1 св.	Капри	Капрера

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОЛГИН (главный редактор), И. И. АНИСИМОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, В. В. ВИНОГРАДОВ, Н. М. ДРУЖИНИН, С. А. МАКАШИН, Ю. Г. ОКСМАН (зам. главного редактора), В. А. ПУТИНЦЕВ, З. В. СМИРНОВА, Д. И. ЧЕСНОКОВ, А. Б. ШАПИРО, Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ

Тексты и текстологические комментарии подготовила В. Г. Березина при участии Л. М. Долотовой и Л. Р. Ланского.

Комментарии составлены В. Г. Березиной (произведения 1866 года) и С. Д. Лицинер (произведения 1867 года).

Лингвистическая редакция французских текстов И. Д. Постоловой. Переводы французских текстов редактировала М. Н. Черневич, подстрочные переводы — Н. Г. Елина (итал.), О. Н. Михеева (нем.) и О. В. Моисеевко (франц.).

Указатель имен составил Д. П. Муравьев.

Редакторы тома

Ю. Г. ОКСМАН и Л. М. ДОЛОТОВА

Редактор издательства А. И. Корчагин

Переплет и титул художника А. П. Радищева

Технический редактор И. А. Макогнова

Корректор В. К. Гарди

РИСО АН СССР № 9-99В. Слано в набор 12/VIII 1959 г.

Подписано к печати 3/1 1960 г. Формат 60×92¹/₁₆

Печ. л. 35,75+6 вкл. Уч.-изд. л. 34,1. Тираж 19000 экз.

Изд. № 4090. Тип. зак. 2176

Цена ~~16 руб.~~

4-00

Издательство Академии наук СССР

Москва Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР

Москва Г-99, Шубинский пер., 10

